МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ОПИСАНІЯ ХИВИНСКАГО ПОХОДА 1873 Г.

СОСТАВЛЕНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА

В. Н. Троцкаго.

Изданы, на правахъ рукописи, по распоряженію туркестанскаго генералъ-губернатора

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА К. П. Фонъ-Кауфмана.

ТАШКЕНТЪ.
1881.

Описаніе дѣйствій Туркестанскаго отряда въ хивинскую экспедицію 1873 года.

I.

Планъ похода войскъ на Хиву со стороны Туркестана, представленный генералъ-адъютантомъ Фонъ-Кауфманомъ 1-мъ, въ бытность его въ С.-Петербургѣ въ ноябрѣ 1872 года. — Высочайшее повелѣніе Государя Императора о походѣ на Хиву. — Предписаніе въ Ташкентъ командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа о походѣ. — Работы въ Ташкентѣ по снаряженію экспедиціоннаго отряда. — Результаты этихъ работъ. — Возвращеніе въ Туркестанскій край изъ С.-Петербурга генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана. — Проѣздъ чрезъ Казалинскъ и Перовскъ. — Снаряженіе въ походъ войскъ казалинской колонны. — Прибытіе командующаго войсками округа въ Ташкентъ. — Окончательныя распоряженія по снаряженію отряда въ походъ. — Составъ отряда, численность его. — Снаряженіе по частямъ: интендантской, артиллерійской, инженерной, медицинской. — Денежныя средства на экспедицію. — Части топографическая и почтовая. — Приказъ командующаго войсками округа о походѣ. — Парадъ войскъ ташкентскаго гарнизона и напутственное молебствіе. — Выступленіе эшелоновъ на сборный пунктъ на р. Клы.

Въ бытность въ С.-Петербургѣ, осенью 1872 года, командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана 1-го, г. военный министръ поручилъ ему составить планъ движенія къ Хивѣ со стороны Туркестанскаго военнаго округа.

На основаніи этого плана, со стороны Туркестана предполагалось направить къ Хивѣ двѣ колонны: одну съ низовьевъ Сыръ-дарьи, чрезъ Иркибай, другую отъ Джизака чрезъ Кизылъ-кумы. Соединеніе обѣихъ колоннъ предполагалось въ Буканскихъ горахъ, откуда экспедиціонныя войска должны были слѣдовать чрезъ Минъ-булакъ на одну изъ переправъ чрезъ Аму-дарью и отсюда далѣе, къ Хивѣ.

По плану генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана 1-го, изъ состава войскъ Туркестанскаго военнаго округа въ экспедиціонный отрядъ назначались: 18 ротъ пѣхоты, рота саперъ и 5 сотенъ казаковъ, при 18 орудіяхъ. Части эти предполагалось назначить отъ войскъ, расположенныхъ собственно въ Сыръ-дарьинской области. Изъ Зеравшанскаго округа и изъ Семирѣченской области войска не трогались, за исключеніемъ одной сотни семирѣченскаго казачьяго войска, которую предполагалось имѣть въ составѣ экспедиціоннаго отряда, какъ представительницу недавно сформированнаго, молодаго еще, семирѣченскаго казачьяго войска. За выдѣленіемъ изъ туркестанскихъ войскъ въ составъ экспедиціоннаго отряда вышеозначеннаго числа частей, въ округѣ оставалось число войскъ, вполнѣ достаточное, какъ для охраны внутренняго спокойствія, такъ и для защиты его границъ на югѣ и востокѣ

Экспедиціонный отрядъ, двигаясь къ предѣламъ Хивинскаго ханства, долженъ былъ оставить въ тылу два промежуточные, опорные пункта, по предположенію, на Иркибаѣ и въ Тамдахъ. Въ опорные пункты, подъ прикрытіе особыхъ гарнизоновъ, предполагалось свезти и сложить мѣсячный запасъ довольствія, для обратнаго похода экспедиціонныхъ войскъ изъ Хивы въ округъ. Сверхъ вышепоказаннаго количества войскъ, назначавшихся для дѣйствій противъ Хивы, по проекту предполагалось выдѣлить изъ состава войскъ округа еще двѣ роты и $1^1/_2$ сотни казаковъ, для составленія гарнизоновъ въ двухъ опорныхъ пунктахъ.

Такимъ образомъ, проектировалось мобилизировать для экспедиціи въ Хиву: 21 роту пѣхоты, $6^1/_2$ сотенъ казаковъ и 18 орудій. Примѣрная численность всѣхъ этихъ войскъ принята была въ 5665 человѣкъ и 1516 коней. Запасовъ продовольствія предполагалось взять при отрядѣ на три мѣсяца. Это количество разсчитано было на походъ до Хивы и на первое время пребыванія въ ханствѣ. Если-же, по обстоятельствамъ, присутствіе войскъ въ Хивѣ продолжилось бы на болѣе значительный срокъ, то довольствіе войскъ

предполагалось обезпечить въ семъ случаѣ мѣстными средствами ханства. Для обратнаго похода изъ Хивы въ округъ, войска, какъ сказано выше, обезпечивались мѣсячнымъ запасомъ, сложеннымъ въ опорныхъ пунктахъ. На основаніи этихъ трехъ данныхъ: *числа людей*, *лошадей* и *времени продолжительности экспедиціи*, составлены были въ С.-Петербургѣ соображенія о количествѣ тяжестей, которыя предполагалось поднять за отрядомъ, и по количеству тяжестей исчисленъ былъ размѣръ перевозочныхъ средствъ, т. е. число верблюдовъ.

Затѣмъ, въ расчетъ была введена потребность денежныхъ средствъ на расходы по экспедиціи.

По проекту, все количество тяжестей, которое слѣдовало поднять за отрядомъ, исчислено было въ . 63.620 пуд.

Изъ этого числа:

На тяжести артиллерійскаго вѣдомства (заряды, патроны, порохъ)	4.154	—
На инженерный паркъ	634	—
На медицинскую часть	1.500	—
На интендантское довольствіе (сухари, крупа, спиртъ, ячмень)	54.308	—
На воду	3.024	—
Итого . .	63.620	пуд.

Считая по 15 пудовъ (1) на каждаго верблюда, выходило, что для поднятія и перевозки означеннаго количества грузовъ потребно было до 4.200 верблюдовъ; на каждые шесть верблюдовъ полагалось назначить одного верблюдовожатаго (лауча), т. е. на 4.200 верблюдовъ слѣдовало нанять 700 лаучей. Для поднятія продовольствія на лаучей, считая для нихъ дачу сухарей на 3 мѣсяца, что составляло 3.150 пудовъ, нужно было еще 200 верблюдовъ, а всего 4.400 вьючныхъ животныхъ.

Смѣтное исчисленіе денежныхъ потребностей опредѣлено было въ размѣрѣ . . . . . 287.300 рублей.

Изъ этого числа:

1) На наемъ верблюдовъ подъ тяжести отряда, по разсчету на 3 мѣсяца (считая мѣсячную плату 10 р. за верблюда) . . .	132.000	руб.
2) Плата верблюдовожатымъ, по разсчету на 3 мѣсяца (по 8 руб каждому въ мѣсяцъ) .	16.800	—
3) Подъемныя деньги чинамъ отряда (2) .	63.312	—
4) Раціонныя деньги для гг. офицеровъ на сѣно (по разсчету на 3 мѣсяца) . . .	17.188	—
5) На покупку чаю и сахару для всего отряда (въ потребность на три мѣсяца) . . .	8.000	—
6) На непредвидѣнные расходы, какъ то: а) на дополнительное назначеніе отдѣльныхъ лицъ, б) на болѣе возвышенную цѣну на сѣно; в) на наемъ лазутчиковъ; г) на пріобрѣтеніе боченковъ, кибитокъ, палатокъ; д) на заготовленіе походныхъ вьюковъ подъ аптеки, подъ инженерный и артиллерійскій парки; е) на пріемъ, угощеніе и подарки туземцамъ, и ж) на экстренныя надобности, всего	50.000	руб.
Итого .	287.300	руб.

Всѣ вышеприведенныя данныя и числа введены были въ представленіе командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа г. военному министру и изъ этого представленія включены въ общій всеподданнѣйшій докладъ о хивинской экспедиціи. 12-го декабря 1872 года докладъ г. военнаго министра о походѣ былъ Высочайше утвержденъ Государемъ Императоромъ и 13-го числа того же

(1) Впослѣдствіи цифра эта была сбавлена на 12 пудовъ; верблюды, послѣ зимней безкормицы, были на столько слабы, что не могли поднимать 15 пудовъ, т. е. грузъ, который обыкновенно разсчитывается при движеніи въ степи каравановъ.

(2) По положенію, чинамъ, коимъ полагаются верховыя лошади—полугодовое жалованье изъ усиленнаго оклада; которымъ не полагается верховыхъ лошадей—третное, по внутреннему окладу.

мѣсяца (1) сообщенъ и препровожденъ генералъ-адъютанту Фонъ-Кауфману 1-му, а также кавказскому и оренбургскому начальствамъ, для соотвѣтствующихъ распоряженій по приведенію въ исполненіе Высочайшихъ предначертаній.

Въ Тифлисъ и въ Оренбургъ немедленно было дано знать по телеграфу о Высочайшемъ утвержденіи экспедиціи на Хиву и о необходимыхъ подготовительныхъ распоряженіяхъ по снаряженію экспедиціонныхъ отрядовъ. Къ 20-му декабря 1872 г., въ Тифлисѣ и въ Оренбургѣ уже знали о рѣшеніи экспедиціи и тотчасъ-же приступили къ работѣ.

Въ Ташкентъ телеграфа въ то время еще не было. Первое извѣстіе объ экспедиціи получено было тамъ мѣсяцемъ позже, только *20 января*, чрезъ командированнаго изъ С.-Петербурга, курьеромъ, адъютанта командующаго войсками, есаула Колокольцова. Только съ этого времени, т. е съ 20-го января, закипѣла въ Ташкентѣ спѣшная, многосложная работа по приготовленію войскъ въ походъ.

Въ предписаніи отъ 20 декабря 1872 года за № 600 временно-командовавшему войсками округа, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ, выразивъ цѣль экспедиціи, общій планъ ея и составъ туркестанскаго отряда, предлагалъ генералъ-маіору Головачову, совмѣстно съ начальниками отдѣловъ военно-окружныхъ управленій, обсудить и составить соображенія:

1) О времени выступленія частей войскъ изъ Ташкента, Ходжента, Чиназа и Ура-Тюбе на сборный пунктъ—въ Джизакъ и о времени начала движенія колоннъ изъ этого пункта и изъ Перовска и Казалинска, съ такимъ разсчетомъ, чтобы обѣ колонны, *казалинская* и *джизакская*, успѣли соединиться въ Буканскихъ горахъ и прибыть на Аму-дарью не позже *15*-го *апрѣля*.

2) *По интендантской части*: а) исчислить отдѣльно для каждой изъ колоннъ, т. е. для выступающей изъ Джизака и для другой—изъ Перовска и Казалинска, количество верблюдовъ, для поднятія провіанта и зерноваго фуража, разсчитывая размѣръ продовольствія на 3 мѣсяца и полагая въ ротѣ не менѣе 150 рядовыхъ, съ соотвѣтствующимъ числомъ унтеръ-офицеровъ; б) независимо трехмѣсячнаго запаса, слѣдовавшаго за отрядомъ, предложено было интендантству сообразить доставку, подряднымъ способомъ, провіанта еще на одинъ мѣсяцъ для всего отряда, въ опорные пункты—на урочища Тамды и Иркибай. Въ разсчетъ подъемныхъ средствъ подъ провіантъ предложено включить также число верблюдовъ для перевозки 4-хъ-мѣсячнаго запаса провіанта для гарнизоновъ въ Тамдахъ и на Иркибаѣ, и в) сообразить способъ пріобрѣтенія и заготовки турсуковъ или боченковъ для воды и опредѣлить количество ихъ и подъемныхъ для нихъ средствъ, для обезпеченія перехода казалинской колоннѣ безводнаго пространства между Иркибаемъ и Буканскими горами и всего туркестанскаго отряда между Минъбулакомъ и Аму-дарьею.

3) *По части артиллерійской*—исчислить количество подъемныхъ средствъ подъ двойной комплектъ зарядовъ и патроновъ, отдѣльно для каждой изъ колоннъ, полагая, что изъ Казалинска пойдутъ 4 горныя орудія, а при джизакской колоннѣ будутъ слѣдовать 14 орудій (2) изъ Ташкента и Ходжента.

4) *По инженерной части*—количество тяжестей инженернаго парка и опредѣленіе размѣра подъемныхъ средствъ сдѣлать по разсчету, который былъ составленъ въ Инженерномъ Управленіи въ 1871 году, въ виду предполагавшагося тогда движенія на Хиву.

5) *По части медицинской*. Исчислить количество верблюдовъ для поднятія тяжестей каждаго изъ двухъ военно-по-

---

(1) Въ предписаніи за № 14.

(2) Въ счетъ этихъ орудій предполагалось назначить: восемь конныхъ, четыре пѣшихъ 2-й батареи и два—батарейныхъ № 1 батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады.

ходныхъ лазаретовъ, которые будутъ учреждены для казалинской и джизакской командъ (1).

6) Въ разсчетъ количества верблюдовъ предполагалось включить еще: а) подъ тяжести съемочной партіи топографовъ, которую предполагалось послать въ походъ при джизакской колоннѣ (2) и б) подъ канцелярскія принадлежности и прочія необходимыя тяжести полеваго штаба главнаго начальника войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, и отряднаго штаба туркестанскаго отряда; при чемъ сообщены были наибольшія цифры числа чиновъ, полагавшися въ составѣ обоихъ штабовъ и въ главной квартирѣ

Въ заключеніе предписанія предлагалось, по соображеніи количества всѣхъ тяжестей и подъемныхъ для нихъ средствъ, составить подробную смѣту денежныхъ потребностей на экспедиціонные расходы, и, наконецъ, по окончательномъ опредѣленіи количества верблюдовъ, потребнаго для поднятія тяжестей для экспедиціоннаго отряда, сдѣлать распоряженія о сборѣ въ подлежащіе пункты, къ началу движенія частей войскъ, верблюдовъ съ лаучами и со всѣми принадлежностями для навьючиванія ихъ.

Сколько можно видѣть изъ изложеннаго, работа въ Ташкентѣ предстояла не малая и не легкая, для приведенія всего въ исполненіе. Предстоявшій трудъ усложнялся еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что указанное предписаніе за № 600 получено было въ Ташкентѣ лишь 20-го января (3), а въ концѣ февраля уже должно было начаться выступленіе войскъ на сборный пунктъ въ Джизакъ. Слѣдовательно, только мѣсяцъ съ небольшимъ оставался въ распоряженіи ташкентской военно-окружной администраціи, на исполненіе сложной операціи снаряженія $5^1/_2$-тысячнаго отряда въ продолжительный, трудный степной походъ.

Къ подготовительнымъ работамъ, указаннымъ въ упомянутомъ предписаніи, приступлено было немедленно по полученіи его въ Ташкентѣ.

На долю всѣхъ отдѣловъ туркестанскаго военно-окружнаго управленія, каждому въ сферѣ его дѣятельности и обязанностей, досталось много труда и самой спѣшной, точной работы; но наиболѣе трудное и сложное дѣло предстояло окружному интендантству, такъ какъ на немъ лежала обязанность обезпечить экспедиціонный отрядъ всѣми предметами продовольственныхъ запасовъ на продолжительный срокъ. Необходимо еще указать при этомъ на разстояніе въ 1000 верстъ, отдѣляющее Ташкентъ отъ Казалинска и 600 верстъ—отъ Перовска. Въ обоихъ этихъ пунктахъ формировались особые отряды, составившіе казалинскую колонну, а распоряженія по ея снаряженію въ походъ дѣлались изъ Ташкента.

Чтобы нагляднѣе представить всю картину снаряженія туркестанскихъ войскъ въ хивинскій походъ, мы придержимся въ послѣдующемъ изложеніи такой программы. Прежде всего укажемъ, что было исполнено въ Ташкентѣ ко времени пріѣзда изъ С.-Петербурга генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана; въ какомъ положеніи командующій войсками нашелъ дѣло снаряженія отрядовъ въ походъ въ Казалинскѣ и Перовскѣ, при проѣздѣ черезъ эти пункты изъ С.-Петербурга въ Ташкентъ, и мѣры имъ принятыя для ускоренія этого дѣла. Послѣ сего представимъ, какія измѣненія и дополненія въ снаряженіи войскъ для похода сдѣланы были генералъ-адъютантомъ Фонъ-Кауфманомъ по пріѣздѣ его въ Ташкентъ, и въ заключеніе укажемъ: въ какой окончательной формѣ стояло дѣло по сна-

---

(1) Предписаніе объ учрежденіи этихъ лазаретовъ отправлено было изъ С.-Петербурга въ Ташкентъ отдѣльно, на имя и. д. военно-медицинскаго инспектора округа. При каждой изъ колоннъ, джизакской и казалинской, предписано было учредить походные лазареты на 135 кроватей каждый.

(2) Предписаніе о сформированіи этой партіи дано было, отдѣльно, и. д. начальника окружнаго штаба.

(3) Курьеръ, съ предписаніемъ о походѣ, выѣхалъ изъ С.-Петербурга 22-го декабря н. ст. по зимнему пути, разстояніе отъ Саратова до Ташкента (около 3 т. верстъ), при сильныхъ буранахъ, рискуя нѣсколько разъ погибнуть, доскакалъ въ Ташкентъ къ 20 января.

ряженію войскъ Туркестанскаго округа, при самомъ выступленіи ихъ въ походъ.

Работы отдѣловъ окружныхъ управленій выразились въ слѣдующихъ результатахъ

Окружнымъ штабомъ соображенъ планъ сосредоточенія войскъ джизакской колонны на сборномъ пунктѣ на р. Клы и казалинской колонны (1) на урочищѣ Иркибаѣ; составлены подробные маршруты направленія войскъ какъ къ сборнымъ пунктамъ, такъ и планъ дальнѣйшаго движенія: джизакской—колонны съ р. Клы и казалинской—отъ Иркибая къ Буканскимъ горамъ, а также и для слѣдованія интендантскихъ транспортовъ. Соображено предположеніе о сосредоточеніи обѣихъ колоннъ въ Буканскихъ горахъ и о расположеніи ихъ тамъ, для приготовленій къ дальнѣйшему слѣдованію чрезъ Минъ-булакъ и Шурахань къ Аму-дарьѣ.

Въ окружномъ штабѣ, подъ руководствомъ генеральнаго штаба полковника Королькова: 1) собраны были отъ частей войскъ и окружныхъ управленій и сведены въ общія вѣдомости свѣдѣнія о количествѣ тяжестей, которыя должны были быть взяты войсками въ походъ; 2) на основаніи свѣдѣній о количествѣ тяжестей, составленъ разсчетъ числа верблюдовъ; 3) подробно исчислены составъ и числительность войскъ джизакской и казалинской колоннъ, и 4) составлена смѣта расходовъ по экспедиціи.

По подробнымъ даннымъ въ Ташкентѣ, общая числительность туркестанскаго отряда опредѣлилась въ 5415 человѣкъ (2) и 1108 лошадей

Для исчисленія количества тяжестей составленъ былъ рядъ нормальныхъ табелей всѣмъ предметамъ, которые войска должны были взять съ собою въ походъ, съ соотвѣтствующими измѣненіями по родамъ оружія, т. е. для пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Въ этихъ табеляхъ исчислено было количество припасовъ на одинъ день, затѣмъ на три мѣсяца, и по размѣру вѣса этихъ припасовъ, а также и прочихъ вещей, опредѣлено количество потребныхъ для ихъ поднятія верблюдовъ. Грузъ на каждаго верблюда былъ разсчитанъ въ 12 пудовъ

Приведемъ перечень предметовъ, которые введены были въ вышеуказанныя табели: а) *припасы*: соль, перецъ, лавровый листъ, лукъ, мука для подбойки, сушеная капуста, уксусъ, спиртъ; б) *вещи:* кухонные котлы (по 2 на роту), черпаки, желѣзныя ведра, топоры, желѣзные ковши, гарнцы, безмѣны, кошмы для подстилки по $1^1/_2$ арш. на человѣка (3), шанцевый и плотничный инструментъ, комплектные патроны, переносныя палатки, веревки для вытаскиванія воды изъ колодцевъ, турсуки и фляги для воды, сундуки для ротныхъ канцелярій, солдатскія вещи по 25 фунтовъ на человѣка (4) и укупорочный матеріалъ.

По всѣмъ этимъ разсчетамъ, количество войсковыхъ тяжестей, поднимавшихся за отрядами, считая въ томъ числѣ и грузы военно-походныхъ лазаретовъ, выразилось въ общей цифрѣ 20 076 пудовъ, на что требовалось 1673 верблюда. Въ приведенный разсчетъ тяжестей введены также грузы артиллерійскаго и инженернаго парковъ; словомъ, всѣ отрядныя тяжести, *за исключеніемъ предметовъ интендантскаго довольствія*.

По общему плану, экспедиціонныя войска должны были имѣть съ собою полное продовольствіе на *три* мѣсяца, размѣръ котораго, какъ оказалось по разсчету, долженъ былъ быть слѣдующій:

1) для джизакскаго отряда:

Сухарей	15750 пуд.
Крупы	495 четвер.

(1) Составившейся изъ отрядовъ, сформированныхъ въ Перовскѣ и Казалинскѣ.

(2) Изъ этого числа въ джизакскомъ отрядѣ—3497 человѣкъ при 887 лошадяхъ; въ казалинскомъ—изъ г. Казалинска—1495 человѣкъ, при 199 лошадяхъ и изъ Перовска—423 чел. при 22 лошадяхъ.

(3) На пріобрѣтеніе ихъ войскамъ отпущены были деньги

(4) Въ казалинской колоннѣ, принявъ въ соображеніе, что часть похода придется сдѣлать еще зимою, разрѣшено было взять солдатскихъ вещей по одному пуду на человѣка.

Чаю (1)	3148 фун.
Сахару (1)	236 пуд. 2 ф.
Спирта	210 ведеръ.
Ячменя	3742 четвер.

2) для казалинскаго отряда:

Сухарей	6750 пуд.
Крупы	216 четвер.
Чаю	1350 фун.
Сахару	101 пуд. 10 ф.
Спирта	90 ведеръ.
Ячменя	846 четвер.

и 3) для войскъ изъ форта Перовскаго:

Сухарей	1908 пуд.
Ячменя	60 четвер.
Чаю	381 фун.
Сахару	28 пуд. 23 ф.
Спирта	27 ведеръ.
Ячменя	96 четвер.

Для поднятія всѣхъ вышеозначенныхъ интендантскихъ тяжестей требовалось верблюдовъ: для *джизакскаго* отряда 4122 верблюда съ 748 лаучами, для *казалинскаго* отряда 1349 верблюдовъ съ 260 лаучами.

А вообще для перевозки продовольственныхъ припасовъ за войсками требовалось 5471 верблюдъ, съ 1008 лаучами

Такимъ образомъ вся потребность въ вьючныхъ животныхъ, по разсчетамъ, сдѣланнымъ въ Ташкентѣ, достигала цифры *7258*.

Сверхъ того, для обезпеченія экспедиціонныхъ войскъ продовольствіемъ на обратный походъ, устраивались два запасныхъ склада съ предметами интендантскаго довольствія, въ размѣрѣ одной мѣсячной пропорціи: для джизакскаго отряда на урочищѣ Тамды (2), а для казалинскаго—на урочищѣ Иркибаѣ.

По соображеніи количества всѣхъ тяжестей и подъемныхъ для нихъ средствъ, составлена была смѣта расходовъ по экспедиціи, на которую требовалось 374.855 руб. 50 к., болѣе противъ смѣты, составленной въ С.-Петербургѣ, на 87.554 руб. 50 коп.

По плану движенія интендантскихъ транспортовъ, составленному въ Ташкентѣ, предполагалось, что войска изъ Ташкента выступятъ на сборный пунктъ ка р. Клы съ имѣющимся при частяхъ 8-ми-дневнымъ запасомъ провіанта, который и повезется въ войсковыхъ обозахъ. По прибытіи же на р. Клы, войска должны были получить довольствіе изъ походнаго провіантскаго магазина, для чего, къ 6-му марта, т. е. ко дню прихода на р. Клы передовыхъ частей, на этомъ мѣстѣ долженъ былъ быть собранъ 30-ти-дневный запасъ провіанта и фуража, съ необходимыми для поднятія его перевозочными средствами.

Продовольствіе на остальные два мѣсяца и верблюды для поднятія его должны были быть собраны на р. Клы къ 13 марта, т. е. ко дню выступленія изъ этого пункта перваго эшелона. Интендантскій транспортъ предполагалось направить отъ Клы на Тамды отдѣльно отъ войскъ, по особой дорогѣ, пролегающей чрезъ степь сѣвернѣе тѣхъ до-

(1) Чай и сахаръ опредѣленъ былъ согласно постановленія военнаго совѣта, Высочайше утвержденнаго 27-го іюня 1872 г., коимъ разрѣшалось довольствіе войскъ чаемъ взамѣнъ спирта, во время степныхъ походовъ, въ Высочайше утвержденной для войскъ Оренбургскаго округа нормѣ, т. е по 1 фун. чая и по 3 фун. сахару на 100 человѣкъ въ день. На основаніи того-же Высочайшаго повелѣнія, войскамъ положено отпускать: каждому изъ нижнихъ чиновъ по 3 коп. на покупку деревянной чашки и одинъ мѣдный чайникъ на 10 человѣкъ. По этому разсчету, на всѣ войска, назначенныя въ походъ изъ Туркестанскаго округа, требовалось 778 чайниковъ. Въ ташкентскомъ интендантскомъ вещевомъ складѣ мѣдныхъ чайниковъ не было; въ вольной продажѣ такого количества чайниковъ нальзя было найти, а потому, по докладу окружнаго интенданта, разрѣшено было войскамъ приготовленіе чая въ котелкахъ, имѣющихся при каждой части войскъ, а на заготовленіе чашекъ отпущено изъ экспедиціонной суммы по *пяти* копѣекъ на каждаго нижняго чина, что по числу людей въ отрядахъ составило расходъ въ 270 руб. 75 коп.

(2) Вмѣсто опорнаго пункта въ Тамдахъ, таковой былъ устроенъ на уроч. Халъ-ата, почему и запасный складъ для джизакской колонны перемѣщенъ въ Халъ-ата.

рогъ, по которымъ двигались войска. Транспортъ предполагалось конвоировать казачьею сотнею и онъ долженъ былъ прибыть въ Тамды не ранѣе 29-го марта и не позже 2-го апрѣля. Въ Тамдахъ войска должны были получить изъ этого транспорта довольствіе еще на одинъ мѣсяцъ, а на другой мѣсяцъ провіантъ и фуражъ, по прежнему, оставались-бы въ интендантскомъ обозѣ, который долженъ былъ слѣдовать за войсками отъ Тамды къ Буканскимъ горамъ.

Какъ увидимъ ниже, при описаніи движенія интендантскихъ транспортовъ, планъ этотъ не удался. Интендантскіе запасы далеко отстали отъ войскъ, и одна изъ причинъ задержки туркестанскаго отряда на Аристанъ-бель-кудукѣ была, какъ впослѣдствіи будетъ сказано, выжиданіе прибытія интендантскаго транспорта. Вмѣсто предположеннаго по плану движенія всего запаса продовольствія въ одномъ транспортѣ, по недостатку верблюдовъ, пришлось раздѣлить его на двѣ половины. Вмѣсто разсчитаннаго прибытія на р. Клы всего интендантскаго транспорта къ 13 марта, туда прибыла только половина его, и не *13-го*, а лишь *26-го марта*. Вторая же половина интендантскаго запаса вышла изъ Ташкента и съ р. Клы гораздо позже и, не смотря на продолжительныя задержки дѣйствующаго отряда въ Аристанъ-бель-кудукѣ и на Халъ-ата, эта часть транспорта такъ и не настигла войскъ, прибывъ въ укрѣпленіе Св. Георгія лишь въ маѣ мѣсяцѣ, когда бо́льшая часть туркестанскаго отряда вышла уже на Аму-дарью.

Нельзя при этомъ не упомянуть, что въ докладѣ окружнаго интенданта, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Польмана, отъ 23 января 1873 года, относительно заготовленія снабженія для войскъ, выступавшихъ въ походъ, значилось, между прочимъ, предложеніе слѣдующей мѣры: дня поднятія за отрядами 3-хъ-мѣсячнаго продовольствія требовалось до 4500 верблюдовъ; цифра эта увеличивалась еще потребностью перевозочныхъ средствъ подъ артиллерійскіе предметы, инженерныя тяжести, солдатскія и офицерскія вещи. По предположенію окружнаго интенданта, въ обозѣ отрядовъ, при ихъ слѣдованіи, должно было быть около 6 тыс. верблюдовъ (¹). По мнѣнію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Польмана, кромѣ того, что подобный обозъ затруднилъ-бы движеніе отряда и требовалъ значительнаго для него прикрытія, что ослабляло боевую силу дѣйствующихъ войскъ, на насъ этой массы верблюдовъ, какъ тогда предполагалось, въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, требовались большія издержки. Поэтому окружный интендантъ полагалъ, какъ для уменьшенія обоза, такъ и издержекъ на наемъ верблюдовъ по мѣсячно, сдѣлать слѣдующія распоряженія: до выступленія отрядовъ, хотя бы за двѣ недѣли, отправить изъ Ташкента въ Тамды, а изъ Казалинска на Иркибай, продовольственные припасы въ размѣрѣ 2-хъ-мѣсячной пропорцій, при соотвѣтствующемъ конвоѣ, заподрядивъ доставку этихъ припасовъ до мѣстъ складовъ съ платою съ пуда. Затѣмъ, самые отряды снабдить продовольствіемъ въ размѣрѣ мѣсячной пропорціи, нанявъ для этого верблюдовъ помѣсячно и оставляя ихъ при отрядѣ на все время похода. Такимъ образомъ войска на мѣстахъ складовъ нашли-бы заранѣе заготовленное тамъ продовольствіе на дальнѣйшее слѣдованіе и, пополнивъ израсходованное продовольствіе, опять въ мѣсячной пропорціи, продолжали-бы движеніе дальше.

По освобожденіи верблюдовъ отъ клади, по мѣрѣ израсходованія продовольствія, войска могли-бы высылать ихъ обратно въ склады, для подвоза вновь продовольствія къ отряду, если не будетъ найдено возможнымъ продовольствовать войска мѣстными средствами. Этою мѣрою, какъ полагалъ окружный интендантъ, хотя и потребовалось-бы увеличеніе отряда частію войскъ, для охраны складовъ, до прибытія въ нихъ новаго транспорта съ мѣсячнымъ продо-

(¹) Какъ увидимъ ниже, цифра эта въ дѣйствительности была значительно больше.

вольствіемъ для отрядовъ и 4-хъ-мѣсячнымъ для гарнизоновъ на опорныхъ пунктахъ, но за-то уменьшилось-бы число верблюдовъ въ обозѣ до 2000 головъ, наемъ которыхъ впродолженіе 3-хъ мѣсяцевъ составилъ довольно значительную сумму.

Нельзя не согласиться съ совершенною раціональностію предлагавшейся мѣры. Временно командовавшій войсками округа, генералъ-маіоръ Головачовъ, не рѣшился взять на свою отвѣтственность рѣшенія по этому докладу и отложилъ этотъ вопросъ до ожидавшагося вскорѣ пріѣзда въ край командующаго войсками округа. Генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ пріѣхалъ въ Ташкентъ 20 февраля Выступленіе войскъ въ походъ должно было начаться чрезъ нѣсколько дней, а потому и осуществленіе высылки впередъ продовольственныхъ запасовъ оказалось неисполнимымъ. А между тѣмъ задержка въ движеніи за войсками интендантскихъ транспортовъ представила очень много затрудненій во время похода туркестанскаго отряда къ хивинскимъ предѣламъ.

Въ числѣ подготовительныхъ къ походу распоряженій, сдѣланныхъ въ Ташкентѣ до пріѣзда туда командующаго войсками, было командированіе въ Кизылъ-кумскую степь артиллеріи подполковника Иванова, которому въ конвой назначена была казачья сотня (1). Ему поручалось осмотрѣть колодцы въ степи по пути предстоявшаго движенія войскъ, развѣдать о настроеніи кизылъ-кумскихъ кочевниковъ, пріискать между ними людей, знакомыхъ съ мѣстностью, по которой предстояло движеніе отряду, и выбрать между ними вожаковъ и джигитовъ.

Изложивъ такимъ образомъ въ краткомъ очеркѣ работы по приготовленіямъ къ снаряженію туркестанскаго отряда въ походъ, сперва въ С.-Петербургѣ, затѣмъ въ Ташкентѣ, перейдемъ теперь къ описанію и обрисовкѣ той окончательной формы, въ которую вылились всѣ эти работы въ дѣйствительности, съ пріѣздомъ въ край главнаго начальника войскъ, выступавшихъ въ Хиву, генералъ-адъютанта Фонъ Кауфмана 1-го.

Возвращаясь изъ С.-Петербурга въ Ташкентъ, командующій войсками округа, на пути своего слѣдованія, остановился въ Казалинскѣ, гдѣ, какъ извѣстно, должна была формироваться для похода часть казалинской колонны. Тотчасъ же по прибытіи въ Казалинскъ, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ, котораго сопровождалъ въ этой поѣздкѣ начальникъ штаба округа генералъ-маіоръ Троцкій, приступилъ къ распоряженіямъ по снаряженію въ походъ казалинскаго отряда. Онъ засталъ въ Казалинскѣ, командированныхъ изъ Ташкента для той-же цѣли: отъ окружнаго интендантства—статскаго совѣтника Касьянова (2) и отъ артиллерійскаго управленія—штабсъ-капитана Янушева (3). На основаніи данныхъ и разсчетовъ, представленныхъ первымъ по части интендантской, вторымъ по артиллерійской, докторомъ Околовымъ—по медицинской и капитаномъ Коноповымъ—по инженерной, командующій войсками сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія и далъ соотвѣтствующія предписанія и инструкціи начальнику Казалинскаго уѣзда полковнику Голову, котораго онъ назначилъ начальникомъ казалинской колонны.

Подробности снаряженія этой колонны и отряда въ фортѣ Перовскомъ, маршъ ихъ до Иркибая, отъ сего послѣдняго къ Буканскимъ горамъ и оттуда чрезъ Тамды и Аристанъ-бель кудукъ на путь движенія главныхъ силъ туркестанскаго отряда (джизакской колонны), составляютъ предметъ особыхъ главъ настоящаго изданія.

Кромѣ заботъ въ Казалинскѣ по снаряженію казалинской колонны въ походъ, командующій войсками округа сдѣлалъ тамъ еще слѣдующія распоряженія:

1) Такъ какъ по выступленіи ротъ 8-го баталіона изъ

(1) Изъ Ташкента, № 17 оренбургская
(2) Впослѣдствіи назначеннаго полевымъ интендантомъ туркестанскаго отряда.
(3) Командовалъ въ хивинскомъ походѣ ракетною батареею.

Казалинска въ походъ, тамъ, для исполненія караульной службы, оставалась одна только уѣздная команда, которая, по наличному ея составу, могла отбывать лишь одну очередь, то, для облегченія ей караульной службы, приказано было коменданту форта № 1-го сформировать особую сборную роту, въ составъ которой вошли люди сборной команды, состоявшей при уѣздной командѣ, и всѣ залишніе нижніе чины отъ трехъ ротъ 8-го линейнаго баталіона, которые не взяты были въ походъ. Роты 8-го линейнаго баталіона приказано было отправить въ походъ въ составѣ 128 рядовыхъ при 12—14 унтеръ-офицерахъ; всѣ остальные затѣмъ люди этихъ ротъ были зачислены въ вышеупомянутую сборную роту. Сформированіе этой роты дало возможность образовать три очереди караульнаго наряда въ Казалинскѣ.

По Высочайше утвержденному плану хивинскаго похода, рѣшено было, для содѣйствія экспедиціоннымъ войскамъ трехъ округовъ, направленнымъ къ хивинскимъ предѣламъ, сформировать эскадру изъ судовъ Аральской флотиліи, которую и направить изъ Сыръ-дарьи, чрезъ Аральское море, къ устью Аму-дарьи. На основаніи сего, командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа, еще въ бытность въ С. Петербургѣ, предписалъ начальнику Аральской флотиліи приготовить къ выходу въ море, по первому его требованію, пароходъ „Перовскій“ (единственный пароходъ Аральской флотиліи, приспособленный къ морскому плаванію) и двѣ морскія баржи. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было исключить эти суда изъ программы плаванія, въ 1873 году, судовъ Аральской флотиліи по Сыръ-дарьѣ и транспортированіе тяжестей производить въ теченіе навигаціи этого года: между Чиназомъ и Перовскомъ—пароходами „Самаркандъ“ и „Аралъ“, а между Перовскомъ и Казалинскомъ—пароходами „Ташкентъ“ и „Сыръ-дарья“. При проѣздѣ командующаго войсками чрезъ Казалинскъ, по личнымъ объясненіямъ его съ начальникомъ Аральской флотиліи, оказалось возможнымъ усилить средства экспедиціонной эскадры еще пароходомъ „Самаркандъ“ и одною баржею. Капитанъ 2-го ранга Ситниковъ доложилъ, что, при извѣстной осторожности, пароходъ „Самаркандъ“ можетъ выйти въ море и совершить по немъ переходъ отъ устья Сыра къ устью Аму-дарьи, хотя назначеніе его есть—рѣчное плаваніе и потому онъ не имѣетъ никакихъ приспособленій для плаванія въ морѣ. Генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ согласился съ доводами начальника флотиліи и разрѣшилъ включить пароходъ „Самаркандъ“ въ составъ экспедиціонной эскадры.

2) Начальнику Аральской флотиліи предлагалось, по вскрытіи Сыръ-дарьи, спустить отъ г. Перовска пароходы „Перовскій“ и „Самаркандъ“ въ фортъ № 1-й, гдѣ принявъ все необходимое для морской кампаніи, отправиться въ Аральское море, вмѣстѣ съ двумя баржами (1). По выходѣ въ море, пароходамъ держать направленіе къ юго-западному его берегу, по которому къ этому времени долженъ былъ двигаться оренбургскій экспедиціонный отрядъ, и стараться открыть съ пароходовъ связь съ этимъ отрядомъ. Получивъ какія-либо сообщенія отъ генералъ-лейтенанта Веревкина для доставленія командующему войсками, пароходы должны были передать корреспонденцію на Косъ-аралѣ паровому барказу „Обручевъ“, для пересылки ея чрезъ Казалинскъ въ главный дѣйствующій отрядъ.

По исполненіи этой первой задачи—открытія сообщенія между оренбургскимъ и туркестанскимъ отрядами (2), пароходы флотиліи должны были приступить къ выполненію другой работы—изслѣдованію устьевъ Аму-дарьи. Работы эти должны были заключаться: въ открытіи входовъ въ рукава дельты, въ измѣреніи фарватера и, мѣстами, профиля

(1) Начальникъ Аральской флотиліи нашелъ возможнымъ взять въ море еще и третью баржу.

(2) Впослѣдствіи пришлось отказаться отъ этой мысли. По ближайшимъ соображеніямъ начальника флотиліи, оказалось, что для выхода въ море въ данномъ направленіи нужна была столь значительная потребность въ топливѣ, что назначенные для плаванія въ морѣ пароходы и баржи не могли его весь взять съ собою. По донесенію объ этомъ капитана 2-го ранга Ситникова, командую-

рѣки и въ опредѣленіи скорости теченія. По исполненіи сего, пароходы флотиліи, вмѣстѣ съ баржами, должны были, если представится къ тому возможность, продолжать дальнѣйшее движеніе вверхъ по Аму-дарьѣ, въ направленіи къ Кунграду. Предпринимая это послѣднее движеніе, начальникъ флотиліи обязывался донести командующему войсками о началѣ движенія судовъ къ Кунграду и о приблизительномъ срокѣ, когда флотилія могла подойти къ этому городу. Дѣйствія подъ Кунградомъ эскадра, впредь до новаго распоряженія, должна была ограничить только тѣмъ, чтобы подойти къ нему, остановиться въ виду города, во всякомъ случаѣ внѣ выстрѣловъ изъ крѣпости, и продолжать изслѣдованіе рѣки, на сколько это будетъ возможно.

Необходимое на трехмѣсячную кампанію для экспедиціонной эскадры количество топлива приказано было заготовить: у Акъ-джара (между Казалинскомъ и фортомъ № 2)—100 тысячъ пуд. и на Косъ-аралѣ—50 тыс. пуд. саксаула (1). Съ Акъ-джара къ бывшему Раимскому укрѣпленію 15 тыс. пуд. и на Косъ-аралѣ 85 тыс. пудовъ саксаула должны были быть сплавлены средствами Аральской флотиліи.

На флотилію командированы были изъ Ташкента два топографа, по одному на каждый пароходъ, для производства съемки Аму-дарьи и ея дельты.

При проѣздѣ черезъ Перовскъ, командующій войсками сдѣлалъ распоряженія по снаряженію и приготовленію къ походу, бывше-расположенныхъ тамъ, двухъ ротъ 8-го линейнаго баталіона и ракетнаго взвода, назначенныхъ въ походъ въ составѣ казалинской колонны. Основанія въ этихъ распоряженіяхъ были тождественны съ тѣми, кои были приняты въ Казалинскѣ; непосредственное распоряженіе по снабженію перовскаго отряда всѣмъ необходимымъ для похода возложено было на начальника Перовскаго уѣзда, маіора Борзенкова.

Въ Перовскѣ же было сдѣлано распоряженіе о переводѣ туда изъ Джулека бывше-расположенной тамъ роты пѣшаго казачьяго баталіона. Мѣра эта была вызвана необходимостью усилить гарнизонъ форта Перовскій, по случаю выхода изъ состава его двухъ ротъ 8-го туркестанскаго линейнаго баталіона.

20-го февраля генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ 1-й прибылъ въ Ташкентъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начались и окончательныя распоряженія по выступленію войскъ въ походъ.

Для участія въ экспедиціи назначены были слѣдующія части: изъ *Ташкента*: по двѣ роты отъ 1-го, 2-го и 3-го туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, 2 роты 4-го линейнаго баталіона, саперная рота, № 1 конно-казачья батарея оренбургскаго войска, взводъ № 1 батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады и казачьи сотни: сборная (конвой командующаго войсками), №№ 1 и 3 уральскія, № 12 оренбургская и ракетный дивизіонъ; изъ *Ходжента*: дивизіонъ № 2-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады, и изъ *Ура-тюбе*—3 роты 2-го линейнаго баталіона.

Изъ состава войскъ Семирѣченской области взята была № 5 семирѣченская казачья сотня, которая выступила изъ Вѣрнаго 10-го февраля, прибыла въ Ташкентъ 8-го марта и назначена была для сопровожденія интендантскаго транспорта, имѣвшаго выступить изъ Ташкента 11-го марта. Для замѣщенія 5-й семирѣченской сотни, изъ Каракола передвинута въ г. Вѣрный семирѣченская полусотня.

щій войсками отказался отъ мысли о направленіи эскадры къ юго-западному берегу моря и приказалъ ей слѣдовать прямо къ устьямъ Аму-дарьи. Объ этой перемѣнѣ генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ сообщилъ, 2-го марта, командующему войсками Оренбургскаго округа и просилъ его поставить о томъ же въ извѣстность генералъ-лейтенанта Веревкина, которому до сего было сообщено, что эскадра флотиліи, по выходѣ въ Аральское море, прежде всего, должна была войти въ связь съ ввѣреннымъ ему оренбургскимъ отрядомъ, въ юго-западной части Аральскаго моря.

(1) На Косъ-аралѣ 50 тыс. пудовъ саксаула были заготовлены, по наряду, киргизами Казалинскаго уѣзда, съ платою по 12 коп. за пудъ; на Акъ-джарѣ 100 тыс. пуд. поставили киргизы Перовскаго уѣзда безвозмездно.

Такимъ образомъ составъ туркестанскаго отряда окончательно опредѣлился въ слѣдующемъ видѣ:

Пѣхоты: 21 рота.
Кавалеріи: 7 сотень.
Артиллеріи: 20 орудій (1).
Ракетная батарея: 8 станковъ.

Изъ этого состава:

	Въ джизакской колоннѣ.	—	*Въ казалинской.*
Пѣхоты:	12 ротъ.	—	9 ротъ.
Кавалеріи:	$5^1/_2$ сотенъ (2).	—	$1^1/_2$ сотни.
Артиллеріи:	14 орудій.	—	6 орудій.
Ракетная батарея:	4 станка.	—	4 станка.

Въ этомъ составѣ колонны туркестанскяго отряда были двинуты съ мѣстъ своего расположенія въ походъ; но на пути слѣдованія онѣ должны были оставить въ опорныхъ складочныхъ пунктахъ гарнизоны: джизакская колонна—1 роту и $^1/_2$ сотни казаковъ; казалинская—1 роту и сотню казаковъ.

Въ дѣйствительности же, казалинская колонна оставила, по обстоятельствамъ, которыя будутъ указаны ниже, на урочищѣ Иркибаѣ—2 роты вмѣсто одной. Такимъ образомъ, если выдѣлить изъ состава войскъ туркестанскаго отряда части, оставленныя гарнизонами въ укрѣпленіи Благовѣщенскомъ на Иркибаѣ и въ укрѣпленіи Св. Георгія на Халъ-ата, то, собственно для дѣйствій противъ непріятеля, туркестанскій отрядъ представлялся въ слѣдующемъ составѣ:

Пѣхоты: 18 ротъ (въ томъ числѣ саперная).
Кавалеріи: $5^1/_2$ сотень (въ томъ числѣ конвойная командующаго войсками).
Артиллеріи: 20 орудій.
Ракетныхъ станковъ: 8.

Впослѣдствіи, уже по занятіи Хивы, составъ кавалеріи туркестанскаго отряда увеличился еще одною сотнею—№ 8 оренбургскаго казачьяго войска, которая командирована была изъ Чиназа, для сопровожденія интендантскаго транспорта въ укрѣпленіе Св. Георгія, съ мѣсячнымъ запасомъ довольствія на весь отрядъ. Она прокопвоировала транспортъ до урочища Халъ-ата, откуда, въ составѣ колонны маіора Дрешерна, прослѣдовала въ Хивинское ханство и присоединилась 19 іюня къ кавалеріи туркестанскаго отряда въ лагерѣ подъ Хивою.

Въ вышеприведенный счетъ артиллерійскихъ орудій не введены 4 орудія (два $^1/_4$-пудовые единорога и двѣ облегченныя пушки), взятыя въ походъ, въ составѣ артиллерійскаго парка, изъ Казалинска и Ташкента, для вооруженія опорныхъ пунктовъ на Иркибаѣ и въ Халъ-ата.

Предварительно исчисленія числительности людей въ частяхъ войскъ туркестанскаго отряда, надо замѣтить, что въ 8-й туркестанскомъ линейномъ баталіонѣ, какъ выше было указано, роты выступили въ составѣ 128 рядовыхъ и отъ 12 до 14 унтеръ-офицеровъ; въ остальныхъ стрѣлковыхъ и линейныхъ ротахъ, кромѣ саперной, приказано было взять въ походъ по 140 рядовыхъ, отъ 12—14 унтеръ-офицеровъ и по 10 нестроевыхъ на роту (3). Саперная рота была въ составѣ 200 человѣкъ съ унтеръ-офицерами. Казачьи и артиллерійскія части должны были выступить въ походъ въ наличномъ ихъ составѣ.

На основаніи сихъ данныхъ, числительность туркестанскаго отряда выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ частяхъ собственно дѣйствующаго отряда:

Въ 17 ротахъ пѣхоты	2744	челов.
Саперъ.	200	—
Артиллеристовъ.	658	—

(1) Въ томъ числѣ 2 картечницы.
(2) Въ счетъ сотень включена № 17 оренбургская сотня, командированная изъ Ташкента, въ началѣ февраля, какъ сказано выше, съ подполковникомъ Ивановымъ въ Кизылъ-кумскую степь. Она была въ составѣ менѣе 100 человѣкъ, а потому принято было считать ее за полусотню.
(3) Приказомъ по округу отъ 27 февраля 1873 года за № 53, всѣмъ нестроевымъ приказано быть вооруженными.

Казаковъ	925	челов.
	4527	—
Лошадей: въ артиллеріи . . .	387.	
казачьихъ	1017.	
	1404.	

Въ составѣ гарнизоновъ на опорныхъ пунктахъ:

Въ 3-хъ ротахъ пѣхоты . .	476.	
— $1^1/_2$ сотняхъ	225.	
Артиллеристовъ	19.	
	720	человѣкъ, при
	250	лошадяхъ.

Пѣхота дѣйствующаго отряда была вооружена: роты стрѣлковыхъ баталіоновъ—скорострѣльными малокалиберными винтовками Бердана, роты линейныхъ баталіоновъ—6-линейными винтовками; казаки были вооружены по преимуществу 6-ти линейными пѣхотными винтовками; часть была 6-ти линейныхъ казачьихъ винтовокъ и часть—7-ми линейныхъ нарѣзныхъ ружей.

Орудія были гладкостѣнныя, нарѣзныя и скорострѣльныя. Взводъ 1-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады былъ вооруженъ мѣдными 9-ти-фун. пушками, заряжаемыми съ казенной части; дивизіонъ 2-й батареи той-же бригады имѣлъ 4-фунт. стальныя, заряжаемыя съ казенной части, пушки; 1-я батарея конно-артиллерійской бригады оренбургскаго казачьяго войска—4 фун. мѣдныя, заряжаемыя съ казны, пушки; горный дивизіонъ—3-фунт. мѣдныя, заряжаемыя съ казенной части, пушки; взводъ облегченныхъ пушекъ имѣлъ въ своемъ составѣ 2 мѣдныя облегченныя пушки; взводъ, вооруженный двумя $^1/_4$-пудовыми единорогами, и наконецъ скорострѣльный взводъ—двѣ скорострѣльныя пушки системы Нобеля. Восемь ракетныхъ станковъ образовывали отдѣльную конно-казачью ракетную батарею. Кромѣ того, въ составѣ артиллерійскаго парка, взяты были четыре $^1/_2$-пудовыя мѣдныя мортиры. Такимъ образомъ въ туркестанскомъ отрядѣ было: нарѣзныхъ орудій—18, скорострѣльныхъ—2, гладкостѣнныхъ—8.

Послѣ назначенія частей войскъ, долженствовавшихъ принять участіе въ предстоящемъ походѣ, а также и чиновъ главной квартиры, полеваго штаба и штаба туркестанскаго отряда, командующій войсками, по докладѣ ему всѣхъ приготовительныхъ работъ по снаряженію экспедиціонныхъ войскъ, одобривъ и утвердивъ главныя основанія этихъ работъ, сдѣлалъ затѣмъ слѣдующія въ нихъ измѣненія и дополненія:

Сдѣлавъ распоряженіе, въ проѣздъ чрезъ Казалинскъ, чтобы въ походъ былъ взятъ тройной комплектъ зарядовъ и патроновъ, командующій войсками передалъ приказаніе о томъ-же и въ Ташкентъ, чрезъ штабсъ-капитана Янушева, который, какъ сказано выше, посланъ былъ начальникомъ артиллеріи округа въ Перовскъ и Казалинскъ, для снаряженія въ походъ бывшихъ въ этихъ пунктахъ артиллерійскихъ частей, и въ данное время, исполнивъ возложенное на него порученіе, возвращался въ Ташкентъ. По разсчетамъ, сдѣланнымъ въ Ташкентѣ, предполагалось имѣть въ походѣ двойной комплектъ патроновъ и зарядовъ; на основаніи изложеннаго приказанія, въ паркѣ должно было быть взято по два комплекта патроновъ и зарядовъ и одинъ при частяхъ войскъ. Поэтому и число верблюдовъ увеличилось противъ назначеннаго для парка: въ Ташкентѣ—на 132 и для 2-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады—на 26, всего на 158 верблюдовъ.

Въ виду свѣдѣній о намѣреніи хивинцевъ встрѣтить насъ большими конными партіями, а также въ виду большой потребности казачьихъ частей при значительномъ числѣ верблюжьихъ транспортовъ, рѣшено было прибавить еще одну сотню въ составъ дѣйствовавшаго отряда.

Съ другой стороны, въ виду большаго количества требовавшихся для подъема всѣхъ тяжестей отряда верблюдовъ, рѣшено было сократить запасы продовольствія для

отряда на столько, чтобы отъ сборнаго пункта джизакской колонны, на р Клы, было не на *три*, а на $2^1/_2$ мѣсяца сухарей, крупы и прочихъ предметовъ интендантскаго довольствія, сверхъ мѣсячнаго запаса, который долженъ былъ быть нѣсколько позже перевезенъ въ опорный, складочный пунктъ, предполагавшійся сначала въ Тамдахъ и устроенный въ дѣйствительности на урочищѣ Халъ-ата. Этимъ измѣненіемъ число верблюдовъ сократилось на полумѣсячную пропорцію провіанта и фуража для всего отряда, что дало сокращеніе числа верблюдовъ почти на *тысячу* головъ.

По первоначальнымъ предположеніямъ въ Ташкентѣ, число лаучей опредѣлялось—на 5 верблюдовъ одинъ; затѣмъ найдено было достаточнымъ назначить одного вожака на *семь* верблюдовъ, это уменьшеніе значительно сократило число лаучей на всю массу вьючныхъ животныхъ и, слѣдовательно, уменьшило количество провіанта для верблюдовожатыхъ и число верблюдовъ для поднятія его.

Для сокращенія числа вьючныхъ животныхъ при отрядѣ, сочтено было необходимымъ опредѣлить maximum числа верблюдовъ, которыхъ могли имѣть въ походѣ гг. офицеры(1). Генераламъ опредѣлено было 3 верблюда, штабъ-офицерамъ—начальникамъ частей по 2, прочимъ штабъ-офицерамъ—по одному и оберъ-офицерамъ—одинъ на двухъ.

Для скорости и удобства вьючки верблюдовъ, а также для предохраненія порчи вьюковъ отъ подмочки ихъ на сыромъ и грязномъ грунтѣ, приказано было войскамъ завести деревянныя вьючныя лѣсенки, по двѣ штуки на каждаго верблюда. Лѣсенки эти оказались весьма практичны; кромѣ удобства вьючки и развьючки и предохраненія вьюковъ отъ сырости и грязи, эти лѣсенки, снятыя вмѣстѣ съ привязанными къ нимъ вьюками и поставленныя на землю, образовывали родъ шалаша или палатки, въ которыхъ люди укрывались отъ непогоды, вѣтра и отъ палящихъ лучей солнца.

За всѣми этими измѣненіями и дополненіями, снаряженіе войскъ туркестанскаго отряда въ минувшій хивинскій походъ выразилось въ слѣдующемъ видѣ.

По части интендантской. Въ казалинской колоннѣ, кромѣ 10 ти-дневнаго провіанта, который войска имѣли при себѣ, вмѣстѣ съ отрядомъ поднятъ былъ провіантъ на $3^1/_2$ мѣсяца. Изъ этого количества, мѣсячная пропорція, по прибытіи на урочище Иркибай, оставлена была въ складѣ устроеннаго тамъ укрѣпленія Благовѣщенскаго.

Такимъ образомъ непосредственно за казалинскимъ отрядомъ было поднято провіанта, для частей, остававшихся въ гарнизонѣ укрѣпленія Благовѣщенскаго, на Иркибаѣ, на одинъ мѣсяцъ, а для прочихъ частей на $3^1/_2$ мѣсяца, всего:

Сухарей.	9007	пудовъ (2)
Крупъ	2656	—
Ячменя	5400	—
Спирта	310	—
	Всего 17.373	пудовъ.

Для довольствія войскъ гарнизона укрѣпленія Благовѣщенскаго на остальное время, по разсчету на пять мѣсяцевъ, а именно:

---

(1) Колесный обозъ, экипажи, тарантасы, повозки не позволено было брать г.г. офицерамъ въ походъ. Единственный экипажъ—тарантасъ командующаго войсками—взятъ былъ при джизакской колоннѣ, для перевозки больныхъ и раненыхъ г.г. офицеровъ.

(2) Въ счетъ количества пудовъ сухарей включено 430 четвертей муки. Изъ этого числа 222 четверти взято для верблюдовожатыхъ, коимъ назначенъ былъ отпускъ отъ казны провіанта въ половинномъ размѣрѣ сухарями и въ половинномъ—мукой; лаучамъ была опредѣлена въ день солдатская дача провіанта. Остальныя 208 четвертей муки назначались для верблюдовъ По мнѣнію людей компетентныхъ въ дѣлѣ транспортированія кладей чрезъ безводныя пространства, оказывалось, что верблюдъ можетъ оставаться безъ воды до 3-хъ сутокъ, хотя и съ трудомъ. Но за то безъ корму, котораго въ сыпучихъ пескахъ нельзя было и разсчитывать достать, онъ обойтись не можетъ, а потому караваны, обыкновенно, употребляютъ въ кормъ верблюдамъ, при переходѣ этихъ пространствъ, густо замѣшанныя лепешки изъ муки, отпуская таковой до 5 фунтовъ на верблюда въ сутки. На эту потребность и взято было 208 четвертей муки при казалинской колоннѣ.

2000 пуд. сухарей для казалинскаго отряда везлись при джизакской колоннѣ, точно также, какъ и чай и сахаръ.

муки	362	четверти	4	четверика.
крупъ	67	четвертей	6	четв. 7 гарнц.
ячменя	885	четвертей	5	— 5 —

заподрядъ былъ сдѣланъ уже по выходѣ казалинской колонны въ походъ, и весь привезенный запасъ провіанта былъ перевезенъ на урочище Иркибай на 416 верблюдахъ.

Для поднятія и перевозки груза казалинскаго отряда потребовалось 1448 верблюдовъ, при 207 лаучахъ.

Въ джизакской колоннѣ продовольствіе войскъ соображено было такимъ образомъ:

До сборнаго пункта на р. Клы, войска должны были слѣдовать съ своимъ провіантомъ. Ко времени-же прибытія войскъ на р. Клы, туда отправленъ былъ изъ Ташкента передовой интендантскій транспортъ съ довольствіемъ для джизакскаго отряда на 30 дней.

Въ этомъ транспортѣ везлось:

Сухарей	5.969	пуд.	
Муки	225	—	6 ф.
Крупы	1.448	—	— —
Чаю	27	—	17 —
Сахару	82	—	11 —
Спирта (74 ведра) . . .	57	—	14 —
Ячменя (2598 четвертей) . .	14.289	—	(1).
Итого . .	22.098	пуд.	8 ф.

Подъ свозъ этихъ тяжестей верблюдовъ было 1899 и при нихъ лаучей 380.

Весь этотъ провіантъ, вмѣстѣ съ верблюдами, на которыхъ онъ былъ поднятъ, розданъ былъ, на р. Клы, въ части войскъ; при нихъ онъ непосредственно и слѣдовалъ въ дальнѣйшемъ движеніи отряда до Аристанъ-бель-кудука и Аяка.

Затѣмъ, тотчасъ-же за выступленіемъ войскъ въ походъ, долженъ былъ выйти изъ Ташкента, именно 11-го марта, большой интендантскій транспортъ съ $1^1/_2$-мѣсячнымъ запасомъ довольствія для всѣхъ чиновъ джизакской колонны.

Въ дѣйствительности же, 11-го марта выступила изъ Ташкента только одна половина этого транспорта, такъ какъ для поднятія другой его половины не было къ тому времени собрано верблюдовъ въ Ташкентъ. Вторая половина транспорта вышла 26-го марта. Только къ этому времени, 1750 верблюдовъ, потребные для ея поднятія, прибыли въ Ташкентъ. Это количество верблюдовъ пригнано было изъ Туркестанскаго уѣзда; нарядъ ихъ былъ экстренный, превышавшій норму, опредѣленную по первоначальнымъ предположеніямъ. Кромѣ отдаленности пути, верблюды эти были задержаны еще, при слѣдованіи ихъ въ Ташкентъ, значительнымъ разливомъ р. Арыса.

Весь большой интендантскій транспортъ былъ поднятъ на *3320* верблюдовъ. Въ немъ заключалось, какъ выше сказано: а) для джизакской колонны все довольствіе на $1^1/_2$ мѣсяца, по установленной нормѣ . . 28.003 пуд. 20 ф.

б) для казалинской колонны: сухарей.	2000	—	—	—
чаю .	25	—	28	—
сахару .	77	—	4	—
в) ячменя для офицерскихъ лошадей джизакской колонны . . .	1309	—	—	—
г) для 700 лаучей муки . . .	866	—		
д) для довольствія 5 тыс. верблюдовъ въ безводныхъ пространствахъ, на 10 дней, по 5 фунтовъ на каждаго въ день, муки	6250	—		
Всего .	39.319	пуд.	12	ф.

На опорный пунктъ—*въ Халъ-ата*, въ запасъ на 1 мѣсяцъ, для джизакской колонны, поставлено было, подряд-

(1) Кромѣ, закономъ опредѣленной, дачи ячменя, было взято его, взамѣнъ сѣна, гдѣ таковаго не было, для казенныхъ лошадей въ половинной дачѣ, а также ячмень для офицерскихъ лошадей.

Всего на довольствіи въ джизакской колоннѣ было: офицеровъ 188, нижнихъ чиновъ—3476; казенныхъ лошадей—1128 и офицерскихъ—338.

нымъ способомъ, изъ Ташкента, всего довольствія—18.668 пуд. 12 ф. Сверхъ того, для гарнизона опорнаго пункта на Халъ-ата, или укрѣпленія Св. Георгія, изъ 1 роты и $^1/_2$ сотни казаковъ (1), разнаго довольствія по положенію—9217 пуд.

Этими мѣрами гарнизонъ на урочищѣ Халъ-ата, въ укрѣпленіи Св. Георгія, кромѣ мѣсячнаго запаса на время похода до этого пункта, былъ обезпеченъ провіантскимъ довольствіемъ на $6^1/_2$ мѣсяцевъ, а гарнизонъ въ укрѣпленіи Благовѣщенскомъ, на урочищѣ Иркибаѣ, также кромѣ мѣсячнаго запаса на походъ, еще на 5 мѣсяцевъ стоянки въ укрѣпленіи. Въ случаѣ надобности, вслѣдствіе болѣе продолжительной стоянки на Иркибаѣ, гарнизону укрѣпленія Благовѣщенскаго провіантъ легко могъ быть подвезенъ изъ Перовска и Казалинска. Въ провіантскіе запасы въ оба укрѣпленія заготовлено было болѣе муки, чѣмъ сухарей, въ томъ разсчетѣ, что при стоянкѣ на мѣстѣ въ этихъ укрѣпленіяхъ, безъ движеній, войска имѣли возможность печь себѣ хлѣбъ, довольствіе которымъ всегда предпочтительнѣе сухарной дачи.

Слагая всѣ вышеприведенныя цифры, мы увидимъ, что за войсками Туркестанскаго военнаго округа, назначенными въ дѣйствующіе противъ Хивы отряды, было поднято продовольственныхъ запасовъ всего въ количествѣ *111.688 пудовъ*. Изъ этого числа непосредственно поднято за войсками 78.791 пудъ; остальные 32.877 пудовъ подвезены были на опорные пункты впослѣдствіи, подряднымъ способомъ.

Для поднятія за войсками *78.791 пуд.* продовольственныхъ запасовъ, считая по 12 пудовъ клади на вьюкъ, потребовалось *6566* верблюдовъ и *938* лаучей.

Размѣръ довольствія экспедиціонныхъ войскъ опредѣленъ былъ на время похода слѣдующій:

Провіантъ войска получали въ размѣрѣ 2 фунтовъ сухарей (2) и $1^1/_2$ фунта крупъ; мяса по 1 фунту на человѣка въ день; чаю 1 фунтъ, сахару 3 фунта, на *сто* человѣкъ въ день (дача, установленная по Высочайше утвержденной 3-го февраля 1872 года нормѣ и Высочайше утвержденному 27 іюня того же года положенію военнаго совѣта); спирта по четыре получары въ мѣсяцъ на человѣка (3). Приварочныя деньги въ началѣ похода, до 1-го апрѣля, опредѣлено было отпускать войскамъ по *восьми* коп. въ день на человѣка, считая въ этомъ числѣ 7 коп. на фунтъ мяса и 1 коп. на пріобрѣтеніе остальныхъ припасовъ. Послѣ 1-го апрѣля, всѣмъ частямъ войскъ туркестанскаго отряда приварочныя деньги отпускались по 17 коп. въ день на человѣка, считая въ томъ числѣ *на фунтъ мяса* по подрядной цѣнѣ—16 коп. и на пріобрѣтеніе остальныхъ припасовъ—*одну* копѣйку. Для обезпеченія войскъ мясною порціею, окружное интендантство законтрактовало 28-го февраля 1873 года подрядчика, ташкентскаго 1-й гильдіи купца Громова, который

---

(1) Офицеровъ—7, нижнихъ чиновъ—247, казачьихъ лошадей—78, офицерскихъ—7.

(2) Мукою—2 фунта $25^1/_2$ золотниковъ, печенымъ хлѣбомъ 3 фунта въ день.

(3) Употребленіе въ хивинскомъ походѣ войсками спирта и водки было въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ и отпускъ винной порціи производился исключительно въ крайнихъ случаяхъ. По ходатайству главнаго отряднаго врача, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Суворова, командующій войсками вовсе запретилъ въ джизакской колоннѣ, а затѣмъ и во всемъ туркестанскомъ отрядѣ, выдачу спирта нижнимъ чинамъ. Запасъ спирта, взятый съ войсками, почти весь не израсходованный, оставленъ былъ въ складѣ на урочищѣ Халъ-ата, откуда впослѣдствіи, послѣ похода, былъ отправленъ во вновь устроенное на правомъ берегу Аму-дарьи Петро-Александровское укрѣпленіе. Только самая незначительная часть винныхъ порцій, въ джизакской колоннѣ, взятыхъ съ войсками, была роздана одной колоннѣ въ самомъ началѣ похода, когда, на пути слѣдованія со сборнаго пункта на р. Клы, она была застигнута послѣ дождя морозомъ и бураномъ. Во все же остальное время хивинскаго похода войска туркестанскаго отряда совсѣмъ не получали винной порціи. Взамѣнъ сего, отпускъ чаю и сахару, когда только представлялась къ тому возможность, былъ усиливаемъ противъ закономъ опредѣленной дачи. Успѣхъ этой мѣры блистательнѣйшимъ образомъ подтвержденъ по истинѣ замѣчательнымъ санитарнымъ состояніемъ войскъ туркестанскаго отряда за все время похода. Смѣло можно сказать, что минувшій хивинскій походъ положительно разрѣшилъ вопросъ о томъ, что въ походахъ отпускъ войскамъ спирта можетъ вовсе быть отмѣненъ, отпускъ же чаю и сахару увеличенъ.

принялъ на себя поставку мяса непосредственно въ части войскъ, мѣрою дѣйствительной потребности.

До 1-го апрѣля войска пользовались порціоннымъ скотомъ, частью взятымъ ими съ собою изъ Ташкента, частью купленнымъ по пути слѣдованія отряда. Съ 1-го же апрѣля, по невозможности далѣе прінскивать войскамъ порціонный скотъ, разрѣшено было требовать мясо натурою, какъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, такъ и для нижнихъ чиновъ, послѣднимъ по фунту на человѣка въ сутки, отъ купца Громова или его повѣренныхъ, находившихся при эшелонахъ.

Кромѣ отпуска мясной порціи, всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и класснымъ чиновникамъ войскъ и управленій, разрѣшено было производить въ натурѣ установленную солдатскую дачу провіанта, такъ какъ въ степи не было другаго источника достать провіантъ, какъ изъ интендантскаго склада. Точно также всѣмъ офицерамъ разрѣшено было требовать отъ интендантства ячмень, для своихъ верховыхъ лошадей, полагая на каждую по $2^1/_4$ гарнца въ сутки, съ уплатою стоимости ячменя по заготовительной цѣнѣ—4 руб. 75 коп. за четверть. Но для ограниченія этого требованія, такъ какъ иначе не достало-бы запасовъ ячменя для артиллерійскихъ и казачьихъ лошадей, опредѣлена была норма числа лошадей, на которыхъ гг. офицеры могли требовать фуражъ изъ полеваго интендантства, а именно: для генерала—на 3 лошади, для штабъ-офицеровъ—на 2, для оберъ-офицеровъ и медиковъ — на одну. На лошадей, которыхъ гг. офицеры имѣли при себѣ сверхъ этой нормы, они пріобрѣтали и перевозили фуражъ на собственныя средства.

Фуражъ на артиллерійскихъ, казачьихъ и вьючныхъ лошадей опредѣленъ былъ въ размѣрѣ $2^1/_4$ гарнцевъ овса, 10 фун. сѣна и 4 фун. соломы въ день. Въ случаѣ недостатка сѣна, опредѣлено было замѣнять его ячменемъ, съ тѣмъ, чтобы дача его производилась въ той соразмѣрности, какая опредѣлена закономъ, и только взамѣнъ 5 ф. сѣна—$^3/_4$ гарнца ячменя; на пріобрѣтеніе другой половины сѣна, а также и соломы, войсками требовались деньги по утвержденнымъ командующимъ войсками цѣнамъ. Ячмень на лошадей требовался и отпускался натурою въ указанныхъ выше размѣрахъ.

Лаучамъ при верблюдахъ отпускалась на довольствіе установленная дача провіанта, безъ крупъ, на половину сухарями и на половину мукою, т. е. по одному фунту сухарей и по одному фунту 12 золотниковъ муки, и, сверхъ того, въ жалованье по 15 коп. въ день на одного человѣка.

Перецъ, лукъ, соль, сушеную капусту, муку для подболтки, войска пріобрѣли для похода собственнымъ иждивеніемъ. На покупку уксуса для частей джизакскаго отряда отпущено было въ войска 734 руб.

Распоряженіями окружнаго интендантства искуплены были для похода 1 тыс. турсуковъ для перевозки воды, а также лѣсенки для вьюковъ, веревки и другіе матеріалы для устройства этихъ вьюковъ.

Снаряженіе по артиллерійской части. Выше уже было указано, какія артиллерійскія части назначены были для участія въ хивинскомъ походѣ.

Числительный составъ этихъ частей былъ слѣдующій:

	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Лошадей.
Взводъ 1-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады	2.	73.	30.
Дивизіонъ 2-й батареи . .	3.	110.	43.
1-я конная батарея оренбургскаго казачьяго войска .	7.	250.	218.
Горный дивизіонъ (1) . .	2.	55.	8.

Взято частями артиллерійскихъ повозокъ:

Во взводѣ 1-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады	зарядныхъ ящиковъ . . .	2.
	запасныхъ лафетовъ . . .	1.
	походная кузница	1.

(1) Сформированный въ 1870 году изъ двухъ орудій 1-й и двухъ орудій 2-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады.

Въ дивизіонѣ 2-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады	зарядныхъ ящиковъ . . .	4.
	запасныхъ лафетовъ . . .	1.
	походная кузница	1.
Въ 1-й батареѣ оренбургской конно-артиллерійской бригады	зарядныхъ ящиковъ . . .	8.
	запасныхъ лафетовъ . . .	2.
	походная кузница	1.

Всѣ части были снабжены тремя комплектами боевыхъ зарядовъ, за исключеніемъ горнаго дивизіона, въ которомъ было два комплекта: одинъ комплектъ зарядовъ слѣдовалъ при частяхъ, а остальные въ походномъ артиллерійскомъ паркѣ; кромѣ того артиллерійскими частями взяты запасныя вещи, какъ-то. колеса, лѣсъ, аммуниція, подковы, канатная упряжь и проч., въ количествѣ, вполнѣ достаточномъ для предстоявшаго дальняго похода. Артиллерія, какъ родъ оружія, имѣющій въ своемъ составѣ весьма различные элементы, въ зависимости отъ ихъ разнообразія и сложности вообще всего подвижнаго состава, всегда въ большей степени подвержена случайностямъ и конечно чаще можетъ встрѣчать разнаго рода затрудненія, а поэтому и потребовалось особое вниманіе и предусмотрительность при приготовленіяхъ и снаряженіяхъ ея къ походу. Между прочимъ, было обращено особое вниманіе на укладку снарядовъ и зарядовъ вторыхъ и третьихъ рядовъ зарядныхъ ящиковъ, такъ какъ ихъ замѣняли вьючные ящики на верблюдахъ и, слѣдовательно, заряды могли подвергаться въ нихъ всевозможнымъ случайностямъ и неудобствамъ Удовлетворяя вполнѣ условію сохраненія и сбереженія зарядовъ, нельзя, однако, не замѣтить, что упомянутые вьючные ящики, во-первыхъ, были слишкомъ тяжелые (два ящика вѣсили 16 пудовъ), а во-вторыхъ, они не были приспособлены къ передѣлкѣ ихъ въ болѣе легкій вьюкъ. Обстоятельства эти крайне затрудняли слѣдованіе артиллерійскаго парка. Не смотря на то, что подъ тяжести парка выбирались сильные, здоровые верблюды, они съ трудомъ несли тяжелые артиллерійскіе вьюки. Когда, по поставкѣ верблюдовъ въ отряды, оказалось, что они были слабы и изнурены зимнею безкормицею, во всѣхъ частяхъ войскъ, въ интендантскихъ транспортахъ, въ инженерномъ паркѣ и въ прочихъ войсковыхъ учрежденіяхъ, вьюки были тотчасъ-же передѣланы и вѣсъ ихъ уменьшенъ; артиллерійскіе вьючные ящики нельзя было передѣлать и они такъ и остались 16-пудоваго вѣса.

Для безостановочнаго движенія артиллеріи по песчанымъ мѣстамъ, были заготовлены частями и взяты въ походъ слѣдующія приспособленія:

1) Фашины и колья для подкладыванія подъ колеса.

2) Въ частяхъ пѣшей артиллеріи—шлейки по образцу установленныхъ въ конной артиллеріи, чтобы въ трудныхъ мѣстахъ можно было припрягать на выносъ къ орудіямъ по двѣ лошади, а къ ящику по одной.

3) Приспособленія для запряжки въ орудія и ящики верблюдовъ.

На практикѣ, во время похода, приходилось употреблять только шлейки, для припряжки на выносъ въ орудія и ящики казачьихъ лошадей, при слѣдованіи пѣшей артиллеріи по глубокимъ пескамъ и при крутыхъ подъемахъ; фашины же и колья были только однажды употреблены съ пользою въ дивизіонѣ 2-й батареи, при движеніи къ Шураханy, гдѣ приходилось проходить по мѣстности, изрѣзанной ирригаціонными канавами.

Хотя приспособленіе для запряжки въ орудія и ящики верблюдовъ могло-бы принести во многихъ случаяхъ существенную пользу, въ особенности при движеніи по глубокимъ пескамъ, отъ укрѣпленія Св. Георгія (отъ Халъ-ата) къ Учъ-учаку, но отъ этого пришлось-было отказаться, такъ какъ въ отрядѣ постоянно ощущался недостатокъ въ верблюдахъ и они были сильно истощены.

Для снабженія войскъ въ походѣ боевыми припасами организованъ былъ походный артиллерійскій паркъ; паркъ

этотъ формировался въ г. Ташкентѣ, но часть его, составленная въ Казалинскѣ, слѣдовала отдѣльно при казалинской колоннѣ, до соединенія ея съ джизакскою.

Личный составъ парка былъ слѣдующій:

Оберъ-офицеровъ	2.
Артиллерійскихъ чиновниковъ	1.
Нижнихъ чиновъ	75.

Нижніе чины были назначены въ паркъ изъ учениковъ окружной фейерверкерской школы, отъ роты ташкентской крѣпостной артиллеріи, и мастеровые, съ необходимымъ инструментомъ, отъ окружнаго арсенала и окружной лабораторіи.

Такъ-какъ отъ окружной фейерверкерской школы было взято въ паркъ 42 ученика, т. е. болѣе половины ея состава, то означенная школа на время похода была расформирована.

При ташкентскомъ артиллерійскомъ паркѣ слѣдовали четыре $^1/_2$-пудовыя гладкостѣнныя мортиры, на случай осады укрѣпленій, съ 600-ми неснаряженныхъ гранатъ и со всѣми припасами и принадлежностью. При паркѣ же слѣдовали на верблюдахъ двѣ двѣнадцати-фунтовыя облегченныя пушки, предположенныя на вооруженіе опорнаго пункта; онѣ и поступили на вооруженіе укрѣпленія св. Георгія.

При казалинской колоннѣ слѣдовали два $^1/_4$-пудов. единорога, назначенные на вооруженіе укрѣпленія Благовѣщенскаго (1)

Для экспедиціи были сформированы: въ Ташкентѣ—ракетный дивизіонъ, въ фортѣ Перовскомъ и городѣ Казалинскѣ—по ракетному взводу.

Ракетныя части были снабжены на предстоявшій походъ: ракетный дивизіонъ въ Ташкентѣ 120 боевыми ракетами собственно при дивизіонѣ и 160 ракет. въ походномъ артиллерійскомъ паркѣ; ракетные взводы въ Перовскѣ и Казалинскѣ имѣли при себѣ по 80 боевыхъ ракетъ.

Находившійся въ г. Казалинскѣ горный дивизіонъ по случаю похода былъ приведенъ на военное положеніе, т. е. снабженъ 2-мя комплектами боевыхъ зарядовъ, запасными вещами, и куплены для дивизіона четыре упряжныя лошади, въ дополненіе къ состоявшимъ по мирному его составу 4-мъ лошадямъ. Лошади назначены только для запряжки въ орудія, по двѣ въ каждое орудіе; заряды же перевозились на верблюдахъ.

Согласно ходатайства командующаго войсками округа и по Высочайшему повелѣнію, были отправлены главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ, 30-го января 1873 года, изъ Петербурга въ Казалинскъ двѣ скорострѣльныя облегченныя пушки системы Нобеля.

Кромѣ артиллерійскихъ повозокъ, поименованныхъ выше, частями не было взято въ походъ колеснаго обоза, а всѣ тяжести какъ войсковыя, такъ и парковыя, перевозились вьюкомъ на верблюдахъ.

По части медицинской. Для призрѣнія и пользованія больныхъ и раненыхъ туркестанскаго отряда, сформированы были два походные лазарета, по одному при джизакской и казалинской колоннахъ, каждый на 135 мѣстъ больныхъ. Снабженіе лазаретовъ, какъ вещами, такъ матеріалами и припасами интендантскаго довольствія, произведено было въ полномъ количествѣ отъ туркестанскаго окружнаго интендантства, на основаніи табелей дивизіонныхъ подвижныхъ лазаретовъ (2). Для помѣщенія больныхъ при остановкахъ, на ночлегахъ, взяты были большія парусинныя палатки, подбитыя сукномъ; кровати замѣнялись носилками

Медикаментами и аптечными припасами оба лазарета были снабжены изъ запаса ташкентскаго госпиталя, въ 8-мѣсячной пропорціи, на 160 человѣкъ больныхъ; кромѣ того,

---

(1) Вѣдомость имуществу артиллерійскаго парка, взятому изъ Ташкента и Казалинска, въ приложеніи № 2.

(2) Подробности снабженія походныхъ лазаретовъ туркестанскаго отряда и вообще о санитарной части войскъ, дѣйствовавшихъ въ 1873 году противъ Хивы, ниже, отдѣльною статьею, помѣщаются въ полномъ, обстоятельномъ изложеніи по этому предмету бывшаго главнаго отряднаго врача, доктора медицины, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Суворова. Приводимыя здѣсь краткія свѣдѣнія объ организаціи медицинской части въ туркестанскихъ войскахъ заимствованы изъ статьи г. Суворова

для удобства отпуска медикаментовъ при движеніи войскъ, аптеки обоихъ лазаретовъ имѣли вьюки съ медикаментами въ 6 ти мѣсячной пропорціи Наконецъ, въ видахъ возможности значительнаго заболѣванія людей болѣзнями, преимущественно господствующими въ Средней Азіи, перемежною лихорадкою и поносами, взято было, сверхъ положеннаго каталогами количества сѣрнокислаго хинина и опія, въ запасъ: перваго 20 фунтовъ и послѣдняго 6 фунтовъ. Хирургическими инструментами оба лазарета снабжены были изъ туркестанскаго окружнаго военно-медицинскаго управленія. Каждая часть войскъ, отдѣльно, имѣла медикаментовъ въ полугодовой пропорціи на наличное число людей, по каталогу для отдѣльныхъ баталіоновъ, и матеріаловъ и припасовъ для перевязки раненыхъ, по положенію. При каждой ротѣ, батареѣ и сотнѣ находились перевязочные ранцы и кобуры, а у фельдшеровъ—фельдшерскія сумки, съ положенными для тѣхъ и другихъ медикаментами и перевязочными припасами Части войскъ своихъ лазаретовъ не имѣли.

Для перевозки больныхъ и раненыхъ туркестанскаго отряда употреблены были особые вьюки, подробное описаніе которыхъ, съ чертежами, читатели найдутъ въ вышеупомянутой статьѣ И П. Суворова Такихъ вьюковъ при лазаретѣ каждой колонны было устроено по 50 и, слѣдовательно, за отрядами могло быть поднято и перевозимо до 200 человѣкъ больныхъ и раненыхъ (1) Какъ извѣстно, для туркестанскихъ войскъ, по отличному состоянію за все время похода ихъ санитарной части, далеко не было надобности въ такомъ количествѣ перевозочныхъ для больныхъ средствъ

Врачебный персоналъ туркестанскаго отряда состоялъ изъ 14 врачей, 1 фармацевта, 1 ветеринара и 27 фельдшеровъ, изъ числа служащихъ въ войскахъ Туркестанскаго военнаго округа, и 2 врачей и 4 фельдшеровъ—отъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, а всего изъ 16 врачей и 31 фельдшера. Такимъ образомъ, каждыя двѣ роты или одна батарея имѣли при себѣ одного врача и двухъ фельдшеровъ, при полномъ снабженіи медикаментами, хирургическими инструментами, перевязочными матеріалами и припасами, независимо личнаго и имущественнаго состава походныхъ лазаретовъ. При каждомъ изъ этихъ послѣднихъ, кромѣ врачей, фармацевта и фельдшеровъ, хозяйственныхъ чиновъ находились: 1 смотритель, 2 писаря, 3 унтеръ-офицера, 50 рядовыхъ и 5 казаковъ.

Какъ справедливо замѣчаетъ И П. Суворовъ, положеніе больнаго и раненаго солдата въ туркестанскомъ отрядѣ, благодаря средствамъ казны, участію состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ и частной благотворительности, было вполнѣ обезпечено относительно помѣщенія, одежды, пищи, ухода, врачеванія, перевозки и вообще удовлетворенія всѣхъ нуждъ.

По инженерной части. Сформированіе инженерной части должно было имѣть особое значеніе для предстоявшаго похода. Первый вопросъ, представлявшійся къ разрѣшенію, была переправа отряда на Сыръ-дарьѣ, у Чиназа. Существовавшія здѣсь средства переправы были далеко неудовлетворительны Имѣвшіеся три старыхъ деревянныхъ и одинъ желѣзный паромъ ходили на веслахъ и переправа на нихъ была медленна, а потому эти средства могли удовлетворить только небольшое движеніе съ одного берега на другой. Для отряда-же въ 5 тыс. человѣкъ, съ колеснымъ обозомъ и массою верблюдовъ, указанныхъ средствъ было, конечно, недостаточно.

Отъ Чиназа до Джизака отрядъ проходилъ по извѣстной уже мѣстности и притомъ внѣ всякой возможности непріятельскихъ нападеній. За Джизакомъ, черезъ Темиръ-кабукъ, до Минъ-булака, путь былъ изслѣдованъ; онъ требовалъ, мѣ-

(1) Каждый вьюкъ поднималъ двухъ больныхъ по сторонамъ верблюда.

стами, исправленій. У Минъ-булака предполагалось строить укрѣпленіе и, затѣмъ, до Аму двигаться по мѣстности, извѣстной только изъ распросныхъ свѣдѣній. Здѣсь надо было ожидать засыпки существовавшихъ колодцевъ, а также недостаточнаго ихъ числа для отряда. Разчистка колодцевъ и рытье ихъ вновь должны были составить немаловажныя работы, требовавшія нѣкоторой подготовки и особыхъ средствъ. Непріятель могъ оказать туркестанскому отряду на правомъ берегу Аму болѣе или менѣе значительное сопротивленіе, опираясь на крѣпостцу Шураханъ; войска могли быть поставлены въ необходимость штурмовать эту крѣпостцу. По овладѣвъ ею, вопросъ еще не разрѣшался: можно было ожидать, что непріятель заставитъ форсировать переправу на Аму-дарьѣ. Затѣмъ уже слѣдовалъ хивинскій оазисъ, перерѣзанный множествомъ арыковъ, глиняныхъ стѣнокъ, гдѣ непріятель могъ оказать значительное сопротивленіе Инженерная часть должна была разрѣшить всѣ затрудненія, которыя могли встрѣтить войска на пути своего слѣдованія къ предѣламъ Хивинскаго ханства; въ ея походномъ паркѣ должно было быть все: и необходимые инструменты для исправленія дорогъ и рытья колодцевъ, и средства къ устройству переправъ, и матеріальная часть для веденія атаки.

Успѣшное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, какіе могли представиться инженерной части, требовало строгой обдуманности при ея формированіи.

Мысль завести на Сыръ-дарьѣ гребную флотилію, со всѣми приспособленіями къ перевозкѣ войскъ и артиллеріи, явилась за-долго до хивинскаго похода. Предшествовавшія наши кампаніи въ Бухарскихъ и Коканскихъ владѣніяхъ показали, что такія широкія рѣки, какъ Сыръ-дарья, могутъ представить большія затрудненія при переправѣ чрезъ нихъ, если къ этому не имѣется опредѣленныхъ, правильно устроенныхъ средствъ. При туркестанской саперной ротѣ не было ни понтоновъ, ни мостовыхъ вещей. Заводить все это, по принятымъ повсемѣстно въ Россіи образцамъ, было невозможно, такъ-какъ главное условіе понтонныхъ частей, годныхъ для степныхъ походовъ, заключалось въ томъ, чтобы онѣ были приспособлены къ перевозкѣ на вьюкахъ. Еще въ 1871 году командующій войсками сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ понтоновъ, которые удовлетворяли-бы послѣднему условію. Построенная въ этомъ году для образца понтонная лодка состояла изъ 4-хъ отдѣльныхъ ящиковъ, соединявшихся въ одно общее—въ лодку—посредствомъ винтовъ. Лодка имѣла 17′ длины, 5′ ширины и 2′ высоты. Передній или носовой ящикъ вѣсилъ 4 пуд. 35 ф., второй—5 п. 35 ф., третій—6 п. и четвертый или кормовая часть—6 п. ½ ф. Пять веселъ, составлявшихъ принадлежность лодки, вѣсили 1 п. 35 ф., такъ-что собранная и снаряженная лодка, безъ груза, вѣсила 24 пуда 25½ ф. Ящики свинчивались въ лодку менѣе чѣмъ въ 2 часа. Восемь человѣкъ могли поднять ее и спустить на воду. Отъ посаженныхъ 17 человѣкъ матросовъ лодка углублялась всего на 9″, при чемъ, 4-мя веслами и пятымъ у руля, она управлялась совершенно легко. Нагруженная 81 пудомъ желѣза, лодка сидѣла въ водѣ 11″, такъ что борты ея еще возвышались надъ водою на 13″. По мнѣнію генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана 1-го, описанная лодка могла вполнѣ выполнить свое назначеніе, а потому сдѣлано было распоряженіе о постройкѣ по тому же чертежу новой лодки, которая съ прежнею должна быть связана въ паромъ, и паромъ испытанъ относительно его подъемной силы. Такъ-какъ и паромъ оказался вполнѣ цѣлесообразнымъ, то приказано было постройку понтонныхъ лодокъ продолжать, съ тѣмъ, чтобы можно было образовать всего 4 парома съ одною запасною лодкой. Готовый паромъ, весной 1872 года, былъ подвергнутъ опыту. Оказалось, что онъ могъ поднять два 4-хъ-фунт. нарѣзныхъ орудія и 16 человѣкъ прислуги; вмѣсто орудій, на него можно было поставить 4 передка, или 6—8 лошадей, или 35 чел. нижнихъ чиновъ въ полной боевой аммуниціи. При такой нагрузкѣ, лодки сидѣли въ водѣ не болѣе 13½″, такъ

что борты возвышались еще надъ водою на $10^1/_2$", что, по мнѣнію начальника Аральской флотиліи, для безопаснаго плаванія было достаточно. Кромѣ того, изъ опытовъ было видно, что нагруженный паромъ легко управлялся веслами. Къ началу августа того-же года былъ готовъ новый паромъ—второй. Оба были сдѣланы изъ запасовъ Аральской флотиліи хозяйственнымъ образомъ. Первый, передѣланный изъ подъемнаго дока, обошелся въ 394 р. 69 к., второй—въ 417 р. $55^1/_4$ к. Не смотря на затрудненія въ матеріалахъ, которые пришлось выписывать съ камско-воткинскихъ заводовъ, къ началу 1873 года было готово еще два парома и одна запасная лодка. Послѣднія понтонныя лодки вышли тяжелѣе первыхъ по причинѣ болѣе толстаго желѣза, употребленнаго на ихъ устройство. Каждая отдѣльная часть въ этихъ лодкахъ вѣсила около 8 пудовъ. Хотя вѣсъ этотъ и былъ нѣсколько болѣе того, какому слѣдовало держаться, имѣя въ виду, что двѣ части составятъ вьюкъ одного верблюда, но, какъ видно изъ предыдущаго, онъ оказался такимъ потому, что присланный матеріалъ съ камско-воткинскихъ заводовъ имѣлъ большіе размѣры

Первый готовый паромъ, съ находившимися при немъ вольнонаемными мастерами, въ іюнѣ 1872 года, былъ привезенъ на пароходѣ „Самаркандъ" въ г Чиназъ; онъ былъ сданъ тамъ командѣ въ 40 чел., назначенныхъ отъ туркестанской саперной роты для ознакомленія ихъ съ сборкой и разборкой парома и его движеніемъ Для обученія этихъ людей, въ январѣ 1873 года изъ Казалинска было прислано три матроса и одинъ вольнонаемный мастеръ, знакомые съ дѣломъ. Люди эти были снабжены необходимыми инструментами. Паромъ, находившійся въ Чиназѣ, долженъ былъ слѣдовать къ предѣламъ Хивинскаго ханства при джизакской колоннѣ; остальные три желѣзныхъ парома, съ одною запасною лодкою, назначались въ казалинскую колонну. Къ послѣднимъ были командированы отъ Аральской флотиліи 8 матросовъ и два мастера

Такимъ образомъ, къ началу 1873 года мы имѣли настоящій, конечно, весьма небольшой, понтонный паркъ, удовлетворявшій требованіямъ: 1) онъ легко собирался и разбирался, не требуя для этого много рукъ и времени; 2) имѣлъ достаточную подъемную силу и легко управлялся веслами; 3) былъ удобенъ для вьючки, и 4) проченъ.

Солдаты, строившіе понтонныя лодки и производившіе надъ ними опыты, назвали ихъ „Кауфманки", въ честь командующаго войсками, отъ котораго шла иниціатива ихъ устройства и который давалъ всѣ указанія, относящіяся къ подробностямъ исполненія. Названіе „Кауфманка" перешло въ туркестанскій отрядъ. Къ выгодамъ сформированнаго понтоннаго парка нужно прибавить и то важное удобство, что изъ его частей можно было, въ случаѣ надобности, образовать гребную флотилію, которая на предстоявшей переправѣ чрезъ Аму могла представить большія выгоды.

Гальваническія принадлежности, состоявшія въ туркестанской саперной ротѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не были возобновляемы, и самый комплектъ ихъ, разсчитанный на одну роту, былъ недостаточенъ въ виду предстоявшихъ военныхъ дѣйствій въ Хивинскомъ ханствѣ. Поэтому, въ 1873 году, сдѣлано было распоряженіе объ отпускѣ изъ техническаго гальваническаго заведенія въ С.-Петербургѣ экстраординарныхъ вещей, на пополненіе и усиленіе уже имѣвшихся въ ротѣ.

Въ предстоявшемъ походѣ ожидалось не мало безводныхъ переходовъ. Необходимо было обезпечиться средствами, которыя облегчили-бы добываніе воды тамъ, гдѣ это потребуется. Въ Туркестанскомъ округѣ передъ походомъ было 4 Нортоновыхъ колодца. Два изъ нихъ находились въ Ташкентѣ, два—въ Казалинскѣ. Всѣ 4 предполагалось взять въ походъ. Въ дѣйствительности-же было взято только два при казалинской колоннѣ (1). Кромѣ всего поименованнаго,—пон-

(1) Нортоновые колодцы ни разу не были употреблены въ дѣло: гдѣ не было воды или чувствовался въ ней недостатокъ, тамъ, по глубинѣ ея нахожденія, колодцы не дѣйствовали, тамъ-же, гдѣ вода находилась не глубоко подъ поверхностью земли, предпочитали рыть обыкновенные колодцы.

тонныхъ и гальваническихъ принадлежностей, Портоновыхъ колодцевъ,—въ составѣ инженернаго парка должны были находиться: 1) разные инструменты для работъ кузнечныхъ, плотничныхъ, столярныхъ и слесарныхъ, каменныхъ, земляныхъ, 2) нѣкоторые матеріалы: сталь, желѣзо, уголь, и 3) припасы: арканы, кошмы, земляные мѣшки (1) и штурмовыя лѣсницы На устройство послѣднихъ было обращено особое вниманіе. Предыдущіе штурмы (Джизака, Ура-тюбе, Китаба) заставили придти къ заключенію, что при дѣйствующихъ отрядахъ въ Средней Азіи, если имѣется въ виду брать крѣпости, полезно имѣть штурмовыя лѣсницы, сдѣланныя прочно, изъ хорошаго матеріала. При сформированіи инженернаго парка для предстоявшаго похода, на это было обращено должное вниманіе. Сдѣланныя саперной ротой лѣсницы приспособлены были къ вьючкѣ. Особенности ихъ заключались въ томъ, что по лѣсницѣ могли лѣзть два человѣка разомъ (2). Кромѣ того, изъ нихъ можно было устроить небольшой мостикъ.

Для переправы на Сырѣ и Аму-дарьѣ былъ заготовленъ канатъ 3″ въ діаметрѣ и 200 саженъ длины

Всѣ тяжести составленнаго такимъ образомъ инженернаго парка были распредѣлены въ джизакской колоннѣ слѣдующимъ образомъ:

подъ понтонною частью	15	верб.(3)
— гальванич. принадлежностями . .	5	—
— штурмовыми лѣсницами . . .	3	—
— саперными мѣшками	3	—
— шанцевыми инструментами . .	14	—
— желѣзомъ	4	—
— походной кузницей	2	—
— углемъ	1	—
— мелкими инструментами . . .	2	—
— двумя точилами	1	—
— Нортоновыми колодцами . . .	2	—
— веревками	1	—
Итого .	54	верб.

Завѣдывать инженернымъ паркомъ на все время похода былъ назначенъ подпоручикъ Алексѣевъ, офицеръ туркестанской саперной роты, при которой долженъ былъ слѣдовать и паркъ (4). Хотя, еще до выступленія въ походъ инженернаго парка, сдѣлано было самое точное распредѣленіе всѣмъ вещамъ, по ихъ тяжести, и даже установленъ постоянный порядокъ ихъ слѣдованія, но при убыли верблюдовъ во время пути, тяжести съ павшаго животнаго раскладывались на остальныхъ. Крупныя одиночныя или, лучше сказать, парныя вещи нельзя было раздѣлить по частямъ, а дѣлалось это съ мелкими; чрезъ это вещи часто перепутывались и, по недостатку верблюдовъ на пополненіе убывавшихъ, паркъ двигался при значительно-меньшемъ числѣ ихъ.

Ежедневная вьючка и развьючиваніе 50-ти слишкомъ верблюдовъ инженернаго парка и такого-же количества другихъ, двигавшихся подъ провіантомъ и другими вещами, лежали на одной саперной ротѣ; съ присоединеніемъ-же инженернаго обоза казалинской колонны, трудъ этотъ еще болѣе увеличился. Во время марша на большихъ перехо-

(1) Мѣшки были сшиты изъ прочнаго, толстаго холста. Ихъ взято было въ походъ 4 тыс. Хотя они и не были употреблены для прямаго своего назначенія, но принесли несомнѣнную пользу: на Халъ-ата ими обкладывали, внутри, сдѣланныя изъ кирпича квашни; въ нихъ принимали муку, присланную бухарскимъ эмиромъ. Тысяча штукъ ихъ было оставлено въ Халъ-ата.

(2) Устройствомъ этихъ лѣсницъ занимался подпоручикъ Алексѣевъ Система ихъ была англійская, съ нѣкоторыми существенными измѣненіями. Изготовленныя лѣсницы были испытаны, а для употребленія ихъ была написана подробная инструкція.

(3) При казалинской колоннѣ эта часть была еще значительнѣе. Подъ тремя паромами, изъ двухъ кауфманокъ каждый, и подъ одной запасной лодкой шло 14-ть верблюдовъ; паромная настилка и принадлежности пристани распредѣлялись на 7 верблюдахъ; весла и мелкія принадлежности—на 3-хъ, конецъ каната на 3-хъ. Подъ всею-же понтонною частію казалинской колонны было 27 верблюдовъ. На Халъ-ата, по соединеніи джизакской и казалинской колоннъ, подъ инженерный паркъ потребовалось 42 верблюда.

(4) Вѣдомость запасамъ и вещамъ, бывшимъ въ паркѣ, смотр. въ приложеніяхъ.

дахъ, изнуренные верблюды растягивались и падали въ большомъ количествѣ, увеличивая тяжесть уменьшающагося числа остающихся. Были примѣры, что саперы, назначенные сопровождать обозъ, несли по нѣсколько верстъ на своихъ плечахъ вещи парка, лишь-бы не бросить ихъ, а главное — чтобы онѣ не достались непріятелю. Достаточно сказать, что всѣ вещи парка исполнили свое назначеніе, ни одной изъ нихъ не бросили во время переходовъ, и ежели, за невозможностію везти ихъ далѣе, по недостатку верблюдовъ, рѣшались оставить что-либо, то это всегда дѣлалось на стоянкахъ и чаще такъ, что вещи сдавались на храненіе остающимся на мѣстѣ людямъ, напримѣръ въ Георгіевскомъ укрѣпленіи на Халъ-ата и на Алты-кудукѣ При обозѣ находились 12 человѣкъ матросовъ Аральской флотиліи и 2 гальванера гальванической учебной роты. Люди эти оказали большія услуги и пользу своимъ усердіемъ, расторопностію и знаніемъ дѣла.

Часть топографическая. Для производства, во время похода, топографическихъ, астрономическихъ и геодезическихъ работъ, въ составъ полеваго штаба выдѣлена была изъ туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла часть топографовъ: офицеровъ, классныхъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ.

Топографическая часть состояла въ вѣдѣніи начальника туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла, генеральнаго штаба полковника *Жилинскаго*. Подъ его руководствомъ, во время похода, работали корпуса военныхъ топографовъ: подпоручикъ *Сыроватскій* (исключительно астрономическими опредѣленіями), *Кусиковъ*, прапорщикъ *Козловскій*, классные топографы: *Рыжиковъ*, *Шемановскій*, *Косцельничъ* и линейныхъ баталіоновъ поручики *Лазаревъ* и *Петровъ* Въ составѣ топографической партіи было еще 8-мь топографовъ унтеръ-офицерскаго званія; двое изъ нихъ командированы были изъ Ташкента въ Казалинскъ, гдѣ они поступили на суда эскадры Аральской флотиліи. Всѣ остальные топографы слѣдовали при джизакской колоннѣ. Подробности снабженія топографической партіи инструментами и прочими принадлежностями, а также результаты ихъ работъ, помѣщены ниже, въ IV отдѣлѣ настоящаго изданія.

Часть почтовая. Для устройства сообщеній между казалинскою колонною и г. Казалинскомъ устроены были пикеты по колодцамъ, на разстояніи 50—75 верстъ. На пикеты эти назначены по три благонадежныхъ, расторопныхъ киргиза, каждый о дву-конь. Жалованье за эту службу назначено было чабарамъ изъ экстраординарной суммы, состоявшей въ распоряженіи начальника казалинской колонны, полковника Голова. Почтари-киргизы снабжены были почтовыми сумками по особому образцу.

Для сношеній джизакской колонны съ Ташкентомъ открыто было особое почтовое отдѣленіе на станціи *Бурджаръ* (первая станція отъ Чимкента къ Туркестану, на почтовомъ казалинско-ташкентскомъ трактѣ). Отъ этой станціи до Аристанъ-бель-кудука—пункта первой остановки туркестанскаго отряда—устроено было нѣсколько промежуточныхъ постовъ, на которыхъ находились чабары, почтари-киргизы, перевозившіе корреспонденцію отъ Бурджара до мѣста нахожденія отряда. Другое направленіе сообщеній дѣйствовавшаго отряда съ Ташкентомъ, которое въ дѣйствительности и практиковалось во время похода, съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ бурджарская почта, было чрезъ Джизакъ, Самаркандъ и далѣе, чрезъ Бухару. Пакеты, письма, а иногда даже и небольшія посылки пересылались почтою или эстафетою изъ Ташкента въ Самаркандъ, откуда они доставлялись джигитами въ отрядъ. Эта послѣдняя часть—пересылка корреспонденціи посредствомъ джигитовъ—организована была въ Самаркандѣ, у начальника округа, генералъ-маіора Абрамова, замѣчательно удачно и успѣшно. Джигиты, доставлявшіе корреспонденцію изъ Самарканда въ отрядъ, были на-подборъ, одинъ молодцоватѣе другаго; всѣ—лихіе,

бравые, неутомимые. Спѣшность, съ которою они перевозили корреспонденцію въ отрядъ, была поразительна; никакія препятствія, включая сюда и шайки туркменъ, не останавливали джигитовъ генерала Абрамова въ исполненіи ихъ обязанности. При этомъ, пересылка корреспонденціи посредствомъ джигитовъ изъ Самарканда обошлась за весь походъ около 2000 руб., между тѣмъ какъ бурджарское направленіе вызвало расходъ изъ экспедиціонной кассы слишкомъ въ 6000 руб., хотя направленіе почты чрезъ Бурджаръ производилось только до выхода туркестанскаго отряда на Аму-дарью, а затѣмъ вся корреспонденція изъ отряда направлялась: въ Россію, посредствомъ джигитовъ же, на Казалинскъ; въ Ташкентъ—частью чрезъ Казалинскъ, частью чрезъ Бухару, Самаркандъ и Джизакъ.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на въ высшей степени характерный фактъ: на пересылку нашей корреспонденціи изъ отряда и въ отрядъ чрезъ Бухару. Замѣчательно то особенное вниманіе, которое бухарскій эмиръ лично обращалъ на аккуратную, безостановочную и быструю пересылку нашихъ писемъ и бумагъ. Каждый разъ, какъ джигитъ съ почтою изъ Самарканда являлся въ Бухару, для слѣдованія далѣе, въ отрядъ, равно какъ и при обратныхъ проѣздахъ почтарей изъ отряда чрезъ Бухару въ Самаркандъ, эмиръ Музаффаръ принималъ живѣйшее участіе и давалъ личныя указанія къ принятію мѣръ, чтобы джигиты благополучно прослѣдовали чрезъ Бухару и далѣе по назначенію. Онъ приказывалъ снабжать ихъ свѣжими лошадьми, угощалъ джигитовъ, и, на невполнѣ безопасный отъ туркменскихъ шаекъ путь отъ Бухары, чрезъ Каракуль, внизъ по Аму-дарьѣ, всегда давалъ конвой нашимъ джигитамъ, который и сопровождалъ ихъ включительно до предѣловъ населенной части Хивинскаго ханства. Мы не можемъ достаточно выразить нашей признательности эмиру за его предупредительность и вниманіе къ цѣлости и сохранности нашихъ писемъ и прочей корреспонденціи, которыя были такъ дороги и близки для всѣхъ и каждаго въ отрядѣ.

Денежныя средства на снаряженіе туркестанскаго отряда и на расходы во время экспедиціи. Когда исполнены были всѣ приготовительныя распоряженія по снаряженію туркестанскаго отряда въ походъ, представилась возможность составить болѣе точную смѣту расходовъ, какъ произведенныхъ уже на снаряженіе войскъ въ походъ, такъ и предстоявшихъ еще на разныя потребности во время самой экспедиціи. Новая смѣта превысила примѣрное смѣтное исчисленіе, составленное въ С.-Петербургѣ (о которомъ упомянуто было выше), на сумму 229 051 руб. 40 коп. Изъ этого количества превышенія, почти половина его—105.290 руб. 50 коп.—относилась къ расходу по найму вьючныхъ животныхъ. Въ примѣрномъ исчисленіи, на статью о подъемныхъ средствахъ для отряда опредѣлено было 132.000 руб.; по новой смѣтѣ на этотъ предметъ требовалось 237.290 руб. 50 коп. Столь значительная разность дѣйствительнаго расхода съ предположеннымъ, происшедшая отъ увеличенія болѣе чѣмъ вдвое сданнаго въ отрядъ количества верблюдовъ, сравнительно съ первоначальнымъ разсчетомъ, обусловливалась слѣдующими данными:

1) Въ примѣрномъ опредѣленіи количества вьючныхъ животныхъ было принято 15 пудовъ клади на одного верблюда (1). Между тѣмъ, по данному времени года (2), когда

(1) При движеніи каравановъ, кладь, обыкновенно, разсчитывается въ 16 пудовъ на верблюда.

(2) Весна 1873 года была исключительная и во всякомъ случаѣ крайне неблагопріятная для предстоявшаго похода. Старожилы не запомнятъ, чтобы въ Туркестанѣ такъ долго стояла зима, какъ въ 1873 году. Появленіе въ степи подножнаго корма очень запоздало весною 1873 г., и къ марту мѣсяцу, началу хивинскаго похода, его еще вовсе не было. Все это вредно отзывалось на состояніи верблюдовъ, которые и были выставлены въ отряды обезсиленные необыкновенно продолжительною зимою и безкормицею. Глинистая степь, составлявшая первую половину пути джизакскаго отряда, обыкновенно покрытая въ мартѣ роскошною травою, въ 1873 году была вовсе лишена растительности и въ половинѣ марта покрылась даже снѣгомъ, а затѣмъ, до половины апрѣля, холода воспрепятствовали росту травъ. Благопріятная погода началась уже тогда, когда отрядъ вступилъ въ песчаныя пустыни.

верблюды, вслѣдствіе зимней безкормицы, были очень худы и слабы, на каждаго изъ нихъ оказалось возможнымъ навьючить только 12 пудовъ.

2) Въ окончательномъ исчисленіи тяжестей включены такіе предметы, которые, при составленіи разсчета въ Петербургѣ, не имѣлись въ виду, какъ напримѣръ: грузъ съ медикаментами и другими медицинскими запасами общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, картечницы, и проч. Съ другой стороны, явилось много такихъ потребностей, которыя могли выясниться и окончательно опредѣлиться только на мѣстѣ, въ Ташкентѣ, при подробномъ и всестороннемъ соображеніи и обсужденіи вопроса о сборѣ и снаряженіи войскъ въ предстоявшій походъ.

Къ этой второй категоріи относились:

а) Ячмень для офицерскихъ лошадей. Не сдѣлать въ походныхъ интендантскихъ транспортахъ запаса ячменя для этого назначенія представлялось невозможнымъ, такъ какъ предоставленіе самимъ гг офицерамъ заготовленія на весь походъ запаса ячменя для ихъ лошадей, по многимъ причинамъ, было неисполнимо; а между тѣмъ, на большей части предстоявшаго пути по степи, ни купить ячменя за деньги, ни пріобрѣсти его инымъ способомъ, рѣшительно было негдѣ и не у кого.

б) Въ виду невозможности, во время похода собственно по степи, пріобрѣтать сѣно покупкою и, принимая во вниманіе, что на большинствѣ переходовъ подножнаго корма или вовсе не будетъ, или его будетъ очень мало, приказано было, въ видахъ сбереженія и поддержанія въ надлежащемъ видѣ казачьихъ и артиллерійскихъ лошадей, отпускать имъ взамѣнъ сѣна ячмень, въ размѣрѣ закономъ опредѣленной нормы при замѣнѣ сѣна ячменемъ. Потребовавшееся для этого количество ячменя, продукта вообще весьма вѣскаго, увеличило количество тяжестей, а слѣдовательно и размѣръ подъемныхъ средствъ.

в) Въ опредѣленіе количества груза пришлось добавить еще запасъ муки, которую оказалось необходимымъ взять въ интендантскихъ транспортахъ, для обезпеченія, какъ объяснено выше, продовольствія верблюдовъ на переходъ по безводнымъ и безкормнымъ пустынямъ.

г) Въ видахъ сбереженія здоровья войскъ, приказано было взять въ походъ переносныя палатки для всѣхъ частей отряда, а также кошмы для подстилки и покрышки во время ночлеговъ и приваловъ.

Для войскъ казалинской колонны, которая хотя и выступила одновременно съ джизакскимъ отрядомъ, но, по географическимъ и климатическимъ условіямъ мѣстности, по которой она слѣдовала въ началѣ похода, ей предстояло подвергаться стужѣ и непогодамъ, сдѣлано было распоряженіе о снабженіи ихъ кибитками, въ которыхъ люди размѣщались на ночлегахъ и дневкахъ.

Всѣ исчисленные предметы требовали значительныхъ подъемныхъ средствъ и увеличили цифру верблюдовъ, потребныхъ для поднятія войсковыхъ тяжестей.

3) Какъ сказано выше, признано было необходимымъ ввести въ составъ отряда одну лишнюю сотню. Это вызвало новыя цифры сотенныхъ тяжестей провіантскаго довольствія и, самое главное, запаса ячменя на 160 коней.

Кромѣ приведенныхъ главныхъ данныхъ, наиболѣе измѣнившихъ цифру дѣйствительной потребности въ верблюдахъ, по сравненію ея съ проектированною, было еще нѣсколько мелкихъ предметовъ, не принятыхъ въ разсчетъ въ Петербургѣ и увеличившихъ, хотя и не въ большихъ размѣрахъ, общую цифру подъемныхъ средствъ, которая, вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, и возросла до *9374* верблюдовъ.

Изъ этого числа непосредственно за войсками слѣдовали 6054 верблюда; остальные 3320 везли, вслѣдъ за отрядомъ, запасы интендантскаго довольствія.

Остальныя смѣтныя цифры увеличились противъ первоначальнаго разсчета по слѣдующимъ статьямъ:

1) Въ пособіе, въ размѣрѣ подъемныхъ денегъ, г.г. гене-

раламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ выдано болѣе на 4688 руб. Это превышеніе произошло отъ указаннаго выше добавленія въ составъ отряда одной сотни, а также вслѣдствіе распоряженія—взять въ походъ большій противъ предположенія наличный составъ саперныхъ и инженерныхъ офицеровъ.

2) На заготовленіе чаю и сахару для войскъ на время похода издержано болѣе исчисленія на 6000 руб. Это произошло частью отъ увеличенія состава отряда, частью-же отъ принятія въ первоначальномъ разсчетѣ меньшей дачи въ день на человѣка чаю и сахару

3) На раціоны за сѣно цифра вышла больше на 14.812 руб., вслѣдствіе того, что въ первоначальной смѣтѣ. какъ по этой статьѣ, такъ и вообще по всѣмъ постояннымъ расходамъ, разсчетъ брался на *три* мѣсяца экспедиціи. Между тѣмъ, по даннымъ, имѣвшимся по пріѣздѣ въ Ташкентъ командующаго войсками, предполагалось, что походъ займетъ minimum 4 мѣсяца и можетъ продлиться до 6—7 мѣсяцевъ ([1]). Поэтому, въ новой смѣтѣ, расходъ на раціоны за сѣно былъ исчисленъ на 4 мѣсяца.

4) На жалованье караванъ-башамъ и лаучамъ смѣтное ассигнованіе увеличилось на 7068 руб.; увеличеніе это было въ прямой зависимости отъ увеличенія числа верблюдовъ.

Кромѣ расходовъ, показанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ, всѣ мелочные расходы по устройству полевой походной части, которые, при первоначальномъ разсчетѣ, отнесены были на сумму непредвидѣнныхъ расходовъ и которые, при приведеніи въ исполненіе, превзошли эту запасную сумму, составили въ общей сложности 39.192 руб. 40 коп.

Затѣмъ въ новую смѣту введены 1000 руб.—на эстренные расходы по командированію эскадры въ Аральское море и 6000 рублей—на заготовленіе саксаула для топлива судамъ эскадры.

За всѣми этими измѣненіями и дополненіями, новое смѣтное исчисленіе экспедиціонныхъ расходовъ по туркестанскому отряду представило цифру въ *516.351 руб. 40 к.* ([2]). Въ то число ассигновано было уже 287.300 руб., затѣмъ не доставало 229.051 руб. 40 коп.

Представляя новую смѣту на утвержденіе г. военнаго министра, командующій войсками ходатайствовалъ, чтобы ему разрѣшено было: не уплачивая наемной за верблюдовъ платы, зачесть подлежавшую на этотъ предметъ сумму, въ 237.290 руб. 50 коп., въ предстоящую подать съ населенія края, считая по 10 руб. въ мѣсяцъ за каждаго поставленнаго верблюда.

Изъ Высочайше разрѣшенныхъ на экспедицію 287.300 рублей, ко времени выступленія войскъ въ походъ, израсходовано было на снаряженіе отрядовъ 180.124 р. 5 к. Затѣмъ остатокъ въ 107.175 руб. 95 к. поступилъ въ кассу, учрежденную на время похода при главной квартирѣ, въ которую сданы были также изъ интендантства 430.882 руб. 19 коп. Первая сумма предназначалась собственно на потребности по экспедиціи, вторая—для удовлетворенія войскъ жалованьемъ, раціонами, приварочными деньгами и прочимъ смѣтнымъ 1873 года денежнымъ довольствіемъ.

Для опредѣленія дѣйствія денежной кассы, по иниціативѣ и при непосредственномъ участіи въ работѣ управляющаго туркестанскою контрольною палатою, В. П. Череванскаго, составлена была инструкція о порядкѣ пріема и отпуска денежныхъ суммъ по удовлетворенію потребностей войскъ. Инструкція эта была отпечатана и разослана для руководства во всѣ части войскъ, выступавшія въ походъ ([3]).

Въ такомъ видѣ, какъ изложено выше, закончены были всѣ работы по снаряженію войскъ туркестанскаго отряда въ предстоявшій ему походъ къ хивинскимъ предѣламъ.

([1]) Въ дѣйствительности походъ для туркестанскихъ войскъ продолжался до $7^1/_2$ мѣсяцевъ, со времени выступленія въ походъ до возвращенія въ штабъ-квартиры: съ 1-го марта по 15 октября.

([2]) Смѣта—въ приложеніяхъ.

([3]) Инструкція—въ приложеніяхъ.

27 го февраля 1873 года объявленъ былъ приказъ по войскамъ Туркестанскаго военнаго округа о походѣ, которымъ опредѣлялся вышепоказанный составъ туркестанскаго отряда и назначенія разныхъ чиновъ и лицъ для командованія колоннами и въ составъ полевыхъ управленій (1).

Приказомъ этимъ объявлялось, что при туркестанскомъ отрядѣ изволятъ слѣдовать въ походъ Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Николай Константиновичъ и Князь Евгеній Максиміліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

По случаю Высочайшаго назначенія командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана 1-го, главнымъ начальникомъ войскъ всѣхъ трехъ округовъ, направленныхъ противъ Хивы, при немъ сформированъ былъ полевой штабъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, начальникомъ котораго назначенъ былъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Троцкій (2), начальникомъ артиллеріи—генералъ-маіоръ Жариновъ (3), начальникомъ инженеровъ—полковникъ Шлейферъ (4), полевымъ интендантомъ—статскій совѣтникъ Касьяновъ (5) и главнымъ отряднымъ врачемъ—статскій совѣтникъ Суворовъ (6). Начальникомъ туркестанскаго отряда назначенъ былъ командующій войсками Сыръ-дарьинской области генералъ-маіоръ Головачовъ (7), при которомъ сформированъ былъ особый отрядный штабъ.

Начальникомъ казалинской колонны, до соединенія ея съ джизакскою, какъ сказано выше, былъ назначенъ полковникъ Головъ и помощникомъ къ нему—генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Каульбарсъ (8).

Начальникомъ пѣхоты туркестанскаго отряда назначенъ былъ начальникъ туркестанской стрѣлковой бригады генералъ-маіоръ Бардовскій, а начальникомъ кавалеріи—подполковникъ Главацкій (9).

Списокъ прочихъ чиновъ главной квартиры, полеваго, отряднаго штабовъ, прочихъ полевыхъ управленій, а также командировъ отдѣльныхъ частей и прочихъ г.г. офицеровъ, помѣщается въ приложеніяхъ.

25-го февраля прибылъ изъ С.-Петербурга въ Ташкентъ Его Императорское Высочество Князь Евгеній Максиміліановичъ Романовскій.

26-го февраля начальнику туркестанскаго отряда и во всѣ военно-окружныя управленія разосланы маршруты движенія частей войскъ изъ ихъ штабъ-квартиръ на сборный пунктъ къ Джизаку, на р. Клы.

28-го февраля, на одной изъ городскихъ площадей русской части Ташкента, у Коканскихъ воротъ, произведенъ былъ парадъ всѣмъ войскамъ ташкентскаго гарнизона, какъ остающимся на мѣстѣ, такъ и выступающимъ въ походъ. Вмѣстѣ съ войсками, которыя были выстроены въ нѣсколько линій, на площади собралось огромное количество русскаго и туземнаго населенія. Погода была ясная, теплая и вполнѣ благопріятствовала военному торжеству. Парадъ начался объѣздомъ войскъ генералъ-адъютантомъ Фонъ-Кауфманомъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты (10). Затѣмъ отслужено было благочиннымъ о. Андреемъ Маловымъ (11) молебствіе съ водосвятіемъ, по окончаніи котораго войска, предназначенныя въ походъ, были осѣнены Св. Крестомъ и окроплены святою водою. Затѣмъ генералъ-адъютантъ

---

(1) Приказъ отъ 27-го февраля 1873 года за № 53 въ приложеніи, № 5.
(2) Нынѣ генералъ-лейтенантъ.
(3) Нынѣ генералъ-лейтенантъ.
(4) Нынѣ генералъ-маіоръ.
(5) Нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ.
(6) Нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ.
(7) Нынѣ генералъ-лейтенантъ.
(8) Нынѣ полковникъ.
(9) Нынѣ полковникъ.

(10) Его Высочество Князь Евгеній Максиміліановичъ, по нездоровью, не присутствовалъ на парадѣ и смотрѣлъ на насъ изъ оконъ своей квартиры.

(11) Благочинный о. Андрей Маловъ отправлялся въ походъ съ войсками туркестанскаго отряда.

Фонъ-Кауфманъ 1-й поздравилъ выступающія части съ „походомъ“, пожелалъ имъ счастливаго пути и благополучнаго окончанія экспедиціи. Парадъ закончился церемоніальнымъ маршемъ всѣхъ войскъ.

Выступленіе изъ Ташкента 1-го эшелона войскъ назначено было 1-го марта, а 28 февраля направился изъ Ташкента на сборный пунктъ на р. Клы интендантскій транспортъ съ 30-дневнымъ запасомъ довольствія для войскъ джизакской колонны. Транспортъ выступилъ подъ прикрытіемъ казачьей сотни.

Цѣль высылки на сборный пунктъ интендантскаго транспорта ранѣе войскъ заключалась, во-1-хъ, въ томъ, чтобы онъ не задержалъ переправы войскъ чрезъ Сыръ-дарью у Чиназа, а во-2-хъ, чтобы транспортъ, прибывъ на р. Клы ранѣе войскъ, успѣлъ-бы тамъ разобраться и начать выдачу продовольствія въ части войскъ тотчасъ-же по приходѣ ихъ въ лагерь на р. Клы.

Войска, входившія въ составъ джизакской колонны, должны были сосредоточиться на р. Клы (въ семи верстахъ отъ Джизака) изъ 3-хъ пунктовъ: изъ Ташкента, Ходжента и Ура-тюбе.

Ташкентскія войска выступили въ походъ пятью эшелонами: *1-й эшелонъ*—изъ роты саперъ, конной батареи и ракетнаго дивизіона, 1-го марта ([1]); *2-й эшелонъ*—изъ 4-хъ ротъ 1-го и 2-го стрѣлковыхъ баталіоновъ и № 1 уральской сотни, 2-го марта; *3-й*—изъ главной квартиры и сборной сотни, 3-го марта; *4-й*—изъ двухъ ротъ 3-го стрѣлковаго, двухъ ротъ 4-го туркестанскаго линейнаго баталіоновъ, № 3 уральской сотни и походнаго лазарета, 4-го марта, и, наконецъ, *5-й*—изъ взвода 1-й батареи, артиллерійскаго, инженернаго парковъ и № 12-й оренбургской сотни, 5-го марта. Изъ *Ходжента* дивизіонъ № 2-й батареи выступилъ 8-го марта, а изъ *Ура-тюбе*—три роты 2-го линейнаго баталіона — 10-го марта.

Разстояніе отъ Ташкента до р. Клы—175 верстъ. Дорога до Чиназа, на разстояніи 63 верстъ, пролегаетъ по плодородной, богато орошенной мѣстности. Грунтъ земли здѣсь, преимущественно, глинистый. Весна въ Туркестанѣ всегда сопровождается дождями; нѣсколько дней, начиная съ 1-го марта, шли проливные дожди. Вслѣдствіе этого глинистая почва растворилась и представляла сплошную, липкую массу, крайне затруднявшую движеніе эшелоновъ. Люди, лошади, верблюды—все это вязло, а послѣдніе, скользя на каждомъ шагу, падали, увлекая съ собою въ грязь и вьюки. Артиллерійскія колеса облипали глиною и, сильно врѣзываясь въ почву, оставляли глубокія колеи.

Въ Чиназѣ войскамъ предстояла переправа чрезъ Сыръдарью, которая тогда была въ разливѣ и ширина рѣки у мѣста переправы до 170 саженъ ([2]). Переправа производилась на двухъ паромахъ: одинъ поднималъ грузъ въ 1200 пудовъ и ходилъ на веслахъ, другой паромъ — баркасъ, о двухъ докахъ, поднимавшій 800 пудовъ, ходилъ на канатѣ ([3]). Въ Чиназѣ всѣмъ эшелонамъ дана была дневка, впродолженіе которой войска и тяжести ихъ переправлялись на лѣвый берегъ Сыръ-дарьи.

Переправа шла успѣшно и безъ особыхъ задержекъ; всѣ эшелоны прослѣдовали чрезъ Чиназъ и переправились чрезъ Сыръ-дарью въ дни, назначенные имъ по маршруту. Казачьи сотни переправились вплавь.

([1]) Утро въ день выступленія 1-го эшелона было теплое, ясное; затѣмъ небо заволокло тучами, и когда эшелонъ вышелъ по чиназской дорогѣ за ташкентскіе сады, полилъ сильный дождь. Солдаты, снимая шапки и крестясь, говорили, что „походъ будетъ счастливый, такъ-какъ вышли съ дождемъ“.

([2]) Быстрота теченія около 4, 5 футовъ въ секунду. Оба берега рѣки на переправѣ довольно круты; но лѣвый положе праваго.

([3]) У береговъ устроены были пристани изъ толстыхъ досокъ, съ переносными щитами. Канатъ закрѣпили на лѣвомъ берегу на-глухо, а на правомъ установили воротъ. Чтобы уравнять относительную высоту конечныхъ точекъ каната, пришлось на болѣе пологомъ лѣвомъ берегу положить его на козелъ вышиной въ $1^1/_2$ сажени.—На баркасѣ сдѣлана была деревянная настилка и его приспособили къ перевозкѣ войскъ и обоза колеснаго и вьючнаго.

При переправѣ интендантскихъ транспортовъ, а также артиллерійскаго и инженернаго парковъ, требовались рабочія команды отъ войскъ чиназскаго гарнизона; тяжести-же частей войскъ переправлялись при посредствѣ самихъ войскъ. Самое значительное затрудненіе при этомъ представляла переправа верблюдовъ (1). Артиллерія переправлялась по два орудія на паромѣ, безъ зарядныхъ ящиковъ и лошадей; орудія снимались съ передковъ и вводились на паромъ на рукахъ по щиту, сколоченному изъ досокъ. Пѣхоту перевозили по частямъ, съ орудіями и съ верблюдами, на барказѣ и на частномъ паромѣ.

Отъ Сыръ-дарьи чрезъ Джизакъ до р. Клы, на протяженіи 118 верстъ, дорога до Джизака пролегаетъ по такъ называемой Голодной степи. Грунтъ здѣсь твердый, поверхность степи ровная, гладкая, за исключеніемъ первыхъ 10 верстъ отъ берега рѣки, гдѣ дорога идетъ сперва камышами, а затѣмъ по солончакамъ, которые, растворившись отъ дождей, сдѣлались вязкими. Отъ Ташкента, чрезъ Чиназъ и Джизакъ, какъ извѣстно, идетъ почтовый трактъ въ Самаркандъ; въ Голодной степи на этомъ трактѣ 4 почтовыя станціи: Малекъ, Мурза-рабатъ, Агачлы и Учъ-тюбе. Эшелоны останавливались на ночлеги около станцій; хотя въ имѣвшихся на станціяхъ колодцахъ и была вода, но въ большинствѣ ихъ ея было мало и дурнаго качества, соленая и горькая. На Агачлы, по распоряженію военнаго губернатора Сыръ-дарьинской области, жители Джизака и окрестныхъ кишлаковъ провели воду въ степь изъ рѣки Джаланъуты. Чрезъ это, войска на станціи Агачлы имѣли въ достаточномъ количествѣ хорошую прѣсную воду, и весь безводный переходъ по Голодной степи сокращался такимъ образомъ на 30 верстъ. Подходя къ Джизаку, дорога пролегаетъ по небольшимъ холмамъ и, огибая городъ, направляется между садами и пашнями къ р. Клы.

Погода во все время движенія эшелоновъ къ р. Клы была пасмурная; дулъ холодный вѣтеръ, шелъ дождь и небо постоянно было въ тучахъ; съ 9-го марта сдѣлалось теплѣе, небо очистилось, дождь прекратился, въ воздухѣ—тишина и около полудня было даже душно, главнымъ образомъ, отъ подымавшихся въ большомъ количествѣ испареній. Въ ночь съ 11-го на 12-е марта разразилась гроза надъ степью, послѣ которой въ воздухѣ засвѣжѣло, а 13-го числа погода снова совершенно измѣнилась. Подулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, небо покрылось тяжелыми тучами и полилъ сильный дождь. Температура быстро понижалась, къ вечеру дождь превратился въ снѣгъ; термометръ показывалъ—8 град. по Реомюру; къ утру 14-го числа холодъ усилился до—13 градусовъ, и бивуакъ войскъ на р. Клы былъ весь подъ снѣгомъ.

6-го марта прибылъ на р. Клы передовой интендантскій транспортъ съ 30-ти-дневнымъ довольствіемъ. Провіантъ и фуражъ сложили въ бунты, вблизи мѣста, выбраннаго подъ лагерь. Съ 9-го числа начали прибывать сюда эшелоны изъ Ташкента, Ура-тюбе и Ходжента; къ 13-му марта вся джизакская колонна сосредоточилась на сборномъ пунктѣ—въ лагерѣ на р. Клы.

Главный начальникъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, въ сопровожденіи Его Высочества Князя Евгенія Максимиліановича, выѣхалъ изъ Ташкента въ Джизакъ 11-го марта.

---

(1) Большинство верблюдовъ приходилось переносить на паромъ,—иначе не было силъ заставить ихъ сойти съ пристани. Чтобы яснѣе представить себѣ всю трудность и сложность этой курьезной операціи, интересно будетъ описать ее: верблюда съ вьюкомъ подводятъ къ пристани, кладутъ его, затѣмъ развьючиваютъ. Вьюкъ на рукахъ переносится на паромъ, потомъ человѣкъ 12 солдатъ берутся за верблюда. Прежде всего заставляютъ его встать, затѣмъ веревкою подхватываютъ его за заднія ноги и тянутъ эту веревку съ каждой стороны по 4 человѣка, двое другихъ солдатъ въ то же время передвигаютъ, попеременно, переднія ноги верблюда, одинъ — тянетъ арканъ, протянутый чрезъ ноздри, а другой—подгоняетъ его. Такимъ образомъ въ работѣ, и весьма энергичной, участвуютъ всѣ 12-ть человѣкъ. Послѣ смѣху, криковъ и разныхъ усилій, верблюдъ, наконецъ, втаскивается съ пристани на паромъ; тутъ новая задача—уложить его.

Удаляясь за предѣлы Туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ 1-й оставилъ временно-командующимъ войсками округа, старшаго по себѣ, командующаго войсками Семирѣченской области, генералъ-лейтенанта Колпаковскаго (¹). Временно-командующими войсками въ областяхъ назначены были: въ Сыръ дарьинской—генералъ-маіоръ Карташовъ, въ Семирѣченской—генералъ маіоръ Михаловскій.

II.

Лагерь на р. Клы. — Депутація къ командующему войсками отъ ближайшихъ городовъ Русскаго Туркестана и бухарское посольство.—Приказъ 12 марта.—Выступленіе 1-го эшелона 13 числа къ Нуреку.—Снѣжный буранъ днемъ и морозъ къ ночи.—Послѣдовательное движеніе остальныхъ эшелоновъ. — Убыль въ верблюдахъ.—Движеніе эшелоновъ отъ Нурека до Темиръ-кобука.—Обстоятельства, его сопровождавшія. — Встрѣча командующаго войсками нуратынскимъ и зіаудинскимъ беками.—Донесеніе подполковника Иванова.—Садыкъ.—Летучій отрядъ.—Движеніе въ степь къ Балта-салдыру и новое дѣленіе отряда.—Предположеніе о движеніи на Халъ-ата. — Причины его. — Дальнѣйшее движеніе отъ Балта-салдыра. — Интендантскій транспортъ. — Путь по колоддамъ сѣверной и южной колонны до Алка.—Затрудненія.—Колодцы Алкъ-кудукъ.

Урочище на р. Клы, служившее сборнымъ пунктомъ джизакской колонны, находится въ 7 верстахъ отъ Джизака. Это—равнина, перерѣзанная р. Клы, на которой построено нѣсколько сакель, служащихъ зимними стойбищами для кочевниковъ. Со времени появленія здѣсь войскъ, названная мѣстность представляла самую оживленную картину. Раскинутый на значительномъ пространствѣ лагерь можно было раздѣлить на двѣ части: на собственно военную, гдѣ виднѣлись солдатскія переносныя и офицерскія палатки и гдѣ стояло нѣсколько киргизскихъ юртъ, и на не-военную, гдѣ виднѣлись только палатки. Между послѣдними были такія, которыя, собственно говоря, не могли назваться палатками. Арба съ поднятыми вверхъ оглоблями составляла основу этихъ импровизированныхъ жилищъ - лавочекъ; плетеная площадка и колеса арбы были затянуты кошмами, что составляло крышу и бока лавочки; входную часть послѣдней составляло пространство подъ оглоблями; на немъ устраивались столы—прилавокъ для показыванія товаровъ; въ глубинѣ подъ арбой помѣщался складъ. На прилавкѣ раскладывались предметы продажи: ситцы, канаусы, разныя бездѣлушки. Попадались шалаши, устроенные изъ чего попало: жердочекъ, плетенокъ, ковриковъ, кошемъ. Все это образовало базаръ, на которомъ, кромѣ ситцевъ и канауса, можно было купить клеверу, ячменя, недоуздки, попону, подпругу, подкову, тюбетейку (нѣчто въ родѣ ермолки), даже лошадь.

Сообщеніе между этими частями было крайне неудобно. Р. Клы имѣетъ хотя и невысокіе, но крутые берега. Тамъ, гдѣ производилась переправа, саперы отрыли спуски къ рѣкѣ. Отъ частой ѣзды спуски скоро совершенно испортились. Жирная и вязкая глина образовала здѣсь такую глубокую грязь, изъ которой верхомъ едва можно было выѣхать; арбы-же и тарантасы почти всѣ засѣдали на подъемѣ. Верблюды съ вьюками отказывались здѣсь двигаться. Люди, помогавшіе животнымъ, выбивались изъ силъ; крики и понуканья раздавались на переѣздѣ съ утра и до вечера.

Нѣсколько выше, чрезъ рѣчку, гдѣ не было отрыто спусковъ, солдаты положили плаху—первообразъ мостика; перейти по этой плахѣ еще было возможно, но спуститься къ ней по крутому откосу берега и снова подняться на противоположный откосъ—это было не легко: каждый неосторожный и неразсчитанный шагъ угрожалъ паденіемъ. Чрезъ мостикъ, также какъ и у спусковъ, происходило са-

(¹) Такъ какъ ко времени отъѣзда генерала Кауфмана изъ Ташкента въ походъ, генералъ-лейтенантъ Колпаковскій не прибылъ въ Туркестанскій край изъ поѣздки въ Россію, гдѣ онъ былъ въ отпуску, то временное командованіе войсками округа, до пріѣзда въ Ташкентъ генерала Колпаковскаго, возложено было на генералъ-маіора Карташова.

мое оживленное движеніе На пробитой здѣсь скользкой тропинкѣ то-и-дѣло мелькали бѣлыя смоченныя кепи и сѣрыя шинели, цвѣтные пестрые халаты и разноцвѣтныя чалмы. Послѣднихъ было не мало: депутаціи изъ ближайшихъ городовъ (1) пріѣхали проводить командующаго войсками и отрядъ въ походъ; кромѣ того, бухарскій эмиръ прислалъ посольство—выразить туркестанскому генералъ-губернатору дружеское расположеніе, полную готовность къ услугамъ и всевозможныя пожеланія успѣха предпринимавшейся экспедиціи.

Во главѣ посольства находились двое приближенныхъ бухарскаго владыки: Яхъ-я-Ходжа ишанъ, родомъ туркменъ, и Мирза Иссамединъ-Мирахуръ. Бухарцы, по восточному обычаю, привезли главному начальнику края отъ эмира письмо и богатые подарки. Посольство на р. Клы сосѣдняго мусульманскаго владѣтеля производило характерное впечатлѣніе. Въ то время, когда русскія войска собирались двинуться на Хиву, чтобы наказать хивинскаго хана, единовѣрный съ нимъ бухарскій эмиръ, считающійся главою мусульманства въ Средней Азіи, вопреки всѣмъ фанатическимъ преданіямъ своей страны, присылаетъ посольство съ поздравленіями по случаю благополучнаго возвращенія въ край изъ С.-Петербурга туркестанскаго генералъ-губернатора, съ подарками и съ пожеланіями счастья въ предстоявшемъ походѣ. Послѣдующія событія подтвердили, что эмиръ понялъ и вполнѣ усвоилъ настоящее его положеніе по отношенію къ Россіи, что онъ дѣйствительно желалъ поддержанія съ русскими дружескихъ отношеній; онъ не забылъ при этомъ и обѣщаній, данныхъ имъ въ 1872 году (2). Яхъ-я-Ходжа сообщилъ, между прочимъ, что эмиръ приказалъ нуратынскому и зіаудинскому бекамъ (бекства, граничащія съ путемъ предстоявшаго намъ слѣдованія къ Аму), на ближайшихъ къ границѣ колодцахъ, приготовить все необходимое для облегченія слѣдованія отряда (клеверъ, саманъ, топливо и проч.), и что имъ не сносить головы, если туркестанскій генералъ-губернаторъ останется чѣмъ-либо недоволенъ. Яхъ-я-Ходжа выражалъ, между прочимъ, его удивленіе, почему выбранъ такой длинный, окольный путь—чрезъ Минъ-булакъ къ Аму, когда существуютъ болѣе короткія и болѣе удобныя дороги? Нужно замѣтить, что эти послѣднія всѣ идутъ чрезъ бухарскія владѣнія и, слѣдовательно, бухарцы, указывая на нихъ, отказывались отъ кореннаго магометанскаго закона—неприкосновенности территоріи и тѣмъ, казалось, выражали дѣйствительное дружеское ихъ расположеніе къ намъ. Несомнѣнно, что во всѣхъ этихъ заявленіяхъ и самого эмира и его посланцевъ первостепенную роль игралъ страхъ къ силѣ русскаго оружія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не придти къ заключенію, что съ 1868 года, конечно подъ вліяніемъ того-же страха, Бухара сдѣлала нѣкоторыя уступки въ пользу цивилизаціи, поколебавшей въ ней до извѣстной степени существеннѣйшія основы мусульманскаго фанатизма.

10-го марта, въ лагерь на р. Клы прибыли офицеры и другія лица, служащія въ южной части Туркестанскаго края, для пожеланія главному начальнику и товарищамъ счастливаго похода. Во главѣ ихъ былъ начальникъ Зеравшанскаго округа, генералъ-маіоръ Абрамовъ, на долю котораго, во время предстоявшаго похода, выпала не легкая задача: слѣдить за Бухарою и стараться сохранить съ эмиромъ бухарскимъ дружескія отношенія. Важность этой задачи слишкомъ очевидна, и только человѣкъ, пользующійся въ краѣ прекрасною и вполнѣ заслуженною репутаціею, могъ быть поставленъ для ея разрѣшенія. Отъ образа дѣйствій начальника Зеравшанскаго округа много зависѣло сохраненіе спо-

(1) Джизака, Ура-тюбе, Ходжента съ окрестностями, а также изъ Самарканда, Ургута, Катта-кургана, Пенджекента и другихъ мѣстъ Зеравшанскаго округа.

(2) При свиданіи К. В Струве съ бухарскимъ эмиромъ въ Каршахъ въ 1872 году, эмиръ, между прочимъ, изъявлялъ готовность пропустить, въ случаѣ надобности, наши войска чрезъ бухарскія земли.

койствія и мира въ сосѣднемъ къ театру войны владѣніи.

11-го марта, въ 5 часовъ по-полудни, въ лагерь на Клы прибылъ командующій всѣми войсками, дѣйствовавшими противъ Хивы, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ 1-й, въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества Князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго, Герцога Лейхтенбергскаго.

Для встрѣчи главнаго начальника, войска джизакской колонны были выстроены развернутымъ фронтомъ, каждая часть передъ своими палатками. Генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ обошелъ войска пѣшкомъ и, здороваясь съ нижними чинами, говорилъ каждой части нѣсколько ободрительныхъ словъ. Одушевленіе было общее. Веселыя лица солдатъ ясно выражали радость и нетерпѣливое желаніе скорѣе помѣряться съ предстоявшими трудностями, начать борьбу съ природою и съ непріятелемъ.

По обходѣ войскъ, генералъ Кауфманъ подошелъ къ собравшимся туземцамъ, которые чрезъ депутацію поздравили его съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ С.-Петербурга въ край и пожелали ему счастія и успѣха въ предстоявшемъ трудномъ походѣ. Поблагодаривъ туземцевъ за добрыя слова, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ объявилъ жителямъ Зеравшанскаго округа, что Государь Императоръ доволенъ ихъ поведеніемъ, шлетъ имъ за хорошую жизнь Свое Царское спасибо и отнынѣ разрѣшаетъ имъ—вмѣсто $^1/_5$ части—уплачивать въ хераджную и танапную подати только $^1/_{10}$ часть урожая (1). Совершенно неожиданная Царская милость произвела большое впечатлѣніе на туземцевъ и видимо глубоко тронула ихъ. Азіятское понятіе о приличіи не позволяетъ шумно и громко выражать свою радость въ присутствіи начальника. Поэтому и благодарственная рѣчь жителей долины Зеравшана отличалась спокойствіемъ и сдержанностію. Но едва генералъ-губернаторъ отошелъ нѣсколько шаговъ въ направленіи къ своей ставкѣ, какъ шумный восторгъ вырвался наружу. Въ порывѣ радости, многіе упали на колѣни и въ такомъ положеніи громко высказывали свою преданность и горячую благодарность.

12-го марта войска стояли на мѣстахъ и оканчивали пріемку 30-ти-дневнаго довольствія; сдѣлано было распредѣленіе частей по эшелонамъ, и, приказомъ того-же 12-го числа, назначены начальники эшелоновъ: 1-го—полковникъ Колокольцовъ, 2-го—командиръ 3-го стрѣлковаго баталіона полковникъ Новомлинскій, 3-го—командиръ 1-й батареи туркестанской артиллерійской бригады подполковникъ Терейковскій, 4 го—командиръ 2-го стрѣлковаго баталіона полковникъ Вейманъ. Въ каждый эшелонъ назначено по одному офицеру генеральнаго штаба: въ 1-й—подполковникъ баронъ Аминовъ, во 2-й—полковникъ Разгоновъ, въ 3-й—полковникъ Корольковъ и въ 4-й—подполковникъ Тихменевъ. Согласно маршрута, 1-й эшелонъ долженъ былъ выступить 13-го числа. Въ составъ его вошли:

	офицер.	унт.-офиц. и нижн.чин.	
туркестанская саперная рота (при ней санитарный паркъ).	9	—	200 чел.
2 роты туркестанскаго стрѣлк. батал.	12	—	346 —

(1) По магометанскому закону, населеніе побѣжденныхъ странъ уплачиваетъ $^1/_5$ часть; аборигены-же страны, а также и населеніе, добровольно подчинившееся пришельцамъ-завоевателямъ, платитъ $^1/_{10}$ часть. Какъ извѣстно, населеніе Зеравшанской долины, въ бухарскую кампанію 1868 года, было все въ полномъ возстаніи противъ насъ и покорено нашими войсками. На этомъ основаніи, согласно приведеннаго закона, жители Зеравшанскаго округа обязаны были и вносили съ 1868 до 1873 года $^1/_5$ часть подати. Зимою 1872 года, въ бытность главнаго начальника Туркестанскаго края въ С.-Петербургѣ, при окончательномъ разрѣшеніи вопроса объ отдѣленіи Зеравшанскаго округа отъ владѣній бухарскаго эмира и присоединеніи его къ Имперіи, по представленію и ходатайству генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана 1-го, Государь Императоръ соизволилъ Всемилостивѣйше повелѣть: сравнять жителей Зеравшанскаго округа въ размѣрѣ вносимой ими подати съ населеніемъ Сыръ-дарьинской области, т. е. взамѣнъ уплачиваемой ими $^1/_5$ части вносить только $^1/_{10}$ часть. Эта Царская милость и объявлена была туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ жителямъ Зеравшанской долины, по возвращеніи генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана изъ С.-Петербурга, въ лагерѣ на р. Клы, собравшимся сюда представителямъ изъ туземцевъ Зеравшанскаго округа.

1-й дивизіонъ конной батареи .	. 3	—	—	96 чел.
1-я уральская сотня . .	. 3	—	—	135 —
ракетный дивизіонъ . . .	. 3	—	—	45 —

Всего: 3 роты, 4 орудія, одна сотня казаковъ и 4 ракеты, въ числѣ 32 офицеровъ и 894 нижнихъ чиновъ. Для поднятія войсковыхъ тяжестей, а также фуража и продовольствія на 30 дней, имѣлось 728 верблюдовъ, при 104 лаучахъ. Въ эшелонѣ была 401 лошадь.

Выступленіе перваго эшелона, который самъ-по-себѣ былъ не великъ, но имѣлъ значительное количество верблюдовъ, на первыхъ-же шагахъ отставшихъ отъ войскъ и другъ отъ друга, сразу дало понятіе о главнѣйшихъ затрудненіяхъ предстоявшаго похода. Но уменьшенія количества верблюдовъ въ эшелонахъ можно было достичь только уменьшеніемъ поднятаго за войсками провіанта и фуража; но такъ-какъ ближе Буканскихъ горъ не предвидѣлось мѣста, гдѣ-бы снова можно было сосредоточить отрядъ для раздачи новыхъ запасовъ и соединенія съ интендантскимъ транспортомъ, то поэтому и нельзя было тронуться съ мѣста, не имѣя при себѣ 30-ти-дневнаго запаса. Уменьшеніе же состава самихъ эшелоновъ повело-бы къ тому, что движеніе отряда слишкомъ растянулось-бы. 13-го числа, къ полудню, погода начала измѣняться. Часа въ четыре пошолъ сильный снѣгъ, и скоро въ лагерѣ образовались большія лужи и грязь. При низкой температурѣ воздуха, дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ. Большинство въ лагерѣ промокло до костей; палатки мало помогали. Къ вечеру сдѣлалось еще холоднѣе, а часамъ къ 9-ти лужи и грязь замерзли и термометръ упалъ до — 6° по Реомюру. Почти всю ночь въ лагерѣ солдаты не спали и, кто могъ, грѣлись у разведенныхъ костровъ. До самаго разсвѣта, подъ солдатскими переносными палатками и возлѣ костровъ слышался говоръ. Было очень темно. Ходить можно было не иначе, какъ съ фонарями. Безъ нихъ-же приходилось то-и-дѣло натыкаться на палатки (1). Одинъ изъ офицеровъ, возвращаясь поздно къ себѣ въ кибитку, зацѣпился за веревку переносной палатки и всею тяжестью своего тучнаго тѣла шлепнулся въ лужу. Въ палаткахъ не спали и, конечно, не пропустили этого случая безъ остротъ.—„Поворачивайся на другую сторону!—послышалось оттуда, при чемъ раздался страшный хохотъ. Вообще солдаты не падали духомъ, хотя ночь дѣйствительно была, что-называется, воробьиная, а главное—сырая, холодная. Но неудобства, испытываемыя войсками, остававшимися въ лагерѣ на Клы, были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что выпало на долю выступившаго къ Нуреку 1-го эшелона. Утромъ 13-го числа, какъ уже замѣчено, погода была теплая, хорошая. Люди 1-го эшелона выступили съ бивака въ гимнастическихъ рубашкахъ съ скатанными шинелями чрезъ плечо. Отойдя отъ лагеря 17 верстъ, эшелонъ сдѣлалъ 2-хъ-часовой привалъ у трехъ небольшихъ колодцевъ съ прѣсною водою. Дорога до колодцевъ степная, ровная и удобная для движенія; хотя она и была сыровата отъ шедшаго наканунѣ дождя, тѣмъ не менѣе грязи большой не было. Отъ колодцевъ дорога вступаетъ въ горы и становится уже болѣе трудною. По выступленіи съ привала, погода начала быстро измѣняться: небо подернулось густыми тучами, пошелъ частый, мелкій дождь, скоро превратившійся въ ливень. Съ горъ подулъ холодный, пронизывающій до костей, вѣтеръ. Къ концу перехода онъ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Горныя вершины, у подножія которыхъ расположено село

(1) Нѣкоторые изъ офицеровъ главной квартиры, неуспѣвшіе выступить изъ Ташкента съ эшелономъ, ѣхали до Клы на наемныхъ арбахъ, на которыхъ, конечно, было уложено все ихъ походное имущество. Одинъ изъ нихъ пріѣхалъ въ Клы очень поздно, когда почти всѣ чины главной квартиры улеглись спать, закрывши плотнѣе палатки и укрывшись потеплѣе Пріѣхавшій, по случаю темноты, долго блуждалъ по лагерю, пока, наконецъ, не въѣхалъ съ лошадью и арбою въ палатку одного чиновника, уже начинавшаго дремать. Можно представить себѣ ощущенія и настроеніе духа хозяина палатки, получившаго такой неожиданный, ночной визитъ къ себѣ цѣлой арбы съ лошадью.

Нурекъ, мало-по-малу покрылись бѣлою тучею. Туча эта росла, приближалась... И вдругъ завернулъ въ степи такой буранъ, какіе бываютъ только глубокою зимою. Дождь превратился сперва въ снѣгъ, потомъ въ градъ. Степь, потонувшая во мракѣ снѣжнаго вихря, застонала, загудѣла, будто встрепенулась и ожила. Порывы вѣтра были такъ сильны, что люди едва держались на ногахъ. Въ лицо имъ хлестало крупнымъ градомъ. Глинистая почва дороги превратилась въ глубокую, липкую грязь. Верблюды едва двигались и то-и-дѣло падали; многіе болѣе уже не вставали, ихъ приходилось развьючивать и бросать. Сдѣлалось такъ холодно, что офицеры, чтобы не окоченѣть, слѣзли съ лошадей и шли пѣшкомъ. Люди, не смотря на сильное утомленіе, подгоняемые холодомъ, шли бодро и скоро. Но переходъ былъ въ 35 верстъ. Только къ 4-мъ часамъ дня, голова эшелона подошла къ Нуреку. Арріергардъ подошелъ къ ночлегу только къ 7-ми часамъ вечера. Многіе вьюки въ этотъ день не дошли до бивака, и оставшіеся при нихъ люди провели страшную ночь совершенно подъ открытымъ небомъ, безъ пищи, безъ чаю и огня. Шесть солдатъ сильно озябились, но были немедленно оттерты. Одѣтые очень плохо лаучи (верблюдовожатые) были еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ солдаты. Многіе изъ нихъ отморозили руки, ноги; а двое, дорóгой, совершенно замерзли.

Къ вечеру буранъ стихъ, но за то сильно подморозило. Смоченная дождемъ и снѣгомъ одежда совершенно обледенѣла. Разведенные на ночлегѣ костры значительно оживили людей. Всю ночь возлѣ нихъ толпились солдаты и офицеры. Послѣдніе не позволяли нижнимъ чинамъ спать и, для поддержанія ихъ бодрости, устраивали разныя игры. Никто не спалъ; иначе, уснувшій могъ сильно озябиться, если не совершенно замерзнуть. Многіе солдаты, чтобы укрыться отъ холоднаго вѣтра, вырывали ямы, покрывали ихъ палатками и прятались въ нихъ отъ холода и вѣтра. Къ счастію, на Нурекѣ, такъ же какъ и на другихъ пунктахъ, гдѣ должна была проходить джизакская колонна, было заготовлено топливо и поставлены, хотя и весьма плохія, четыре киргизскія кибитки. Топлива было достаточное количество, такъ какъ разсчитывали, что его должно было достать на всѣ четыре эшелона. Понятно, имѣлась въ виду обыкновенная погода. При описанныхъ же условіяхъ, въ которыя былъ поставленъ 1-й эшелонъ, топливо почти все было имъ израсходовано сразу, и слѣдующимъ эшелонамъ оставалась одна надежда на фуражировки.

№ 1 уральская сотня, входившая въ составъ 1-го эшелона и остававшаяся на р. Клы для пріема провіанта, выступила съ сборнаго пункта значительно позже эшелона,—только въ 2 часа пополудни 13 марта. Буранъ застигъ ее на половинѣ пути. Казаки тотчасъ же устроили каре изъ верблюдовъ, а сами сѣли въ кружокъ около огня, разведеннаго изъ вьючныхъ лѣсенокъ, и въ такомъ положеніи провели всю ночь. На другой день, часамъ къ 11-ти утра, сотня благополучно прибыла къ 1-му эшелону на позицію у Нурека, и всѣ казаки были здравы и невредимы.

О дальнѣйшемъ выступленіи на слѣдующій день нечего было и думать; люди были для этого слишкомъ утомлены; часть вьючнаго обоза была оставлена по дорогѣ; верблюды отказывались идти далѣе; всѣ вещи промокли и замерзли, а вьючные арканы и веревки до такой степени обледенѣли, что не было никакой возможности развязывать ихъ, и чтобы достать необходимыя на ночлегѣ вещи, приходилось перерубать веревки топорами.

Обо всемъ этомъ, тотчасъ-же по приходѣ на ночлегъ, донесено было начальникомъ 1-го эшелона начальнику полеваго штаба; на другой же день, утромъ, послѣдовало разрѣшеніе сдѣлать 14-го числа, въ Нурекѣ, дневку и продолжать движеніе 15-го. Это была первая изъ тѣхъ многочисленныхъ случайностей, которыми такъ богата хивинская экспедиція. Послѣдствіемъ ея было то, что весь, заранѣе

опредѣленный, маршрутъ измѣнялся на одинъ день. Для того-же, чтобы не смѣшался порядокъ слѣдованія эшелоновъ, рѣшено было дать и всѣмъ послѣдующимъ эшелонамъ дневки на Нурекѣ. Измѣнить-же порядокъ слѣдованія ни въ какомъ случаѣ нельзя было, во избѣжаніе столкновенія эшелоновъ тамъ, гдѣ предстояло отряду двигаться по колодцамъ.

Дневки на Нурекѣ имѣли и свои хорошія стороны; онѣ дали возможность эшелонамъ, такъ-сказать, сплотиться, и начальникамъ эшелоновъ познакомиться съ разнородными частями, вступившими подъ ихъ начальство и отвѣтственность только при выходѣ изъ общаго лагеря на р. Клы. Начальники частей могли въ этотъ день поправить и измѣнить многое изъ того, что трудно было предусмотрѣть передъ выступленіемъ

Рано утромъ 14-го числа, на р. Клы шелъ снѣгъ съ сильнымъ вѣтромъ, а потому сперва рѣшено было задержать выступленіе 2-го эшелона; но когда затѣмъ нѣсколько прояснилось, то рѣшеніе это было отмѣнено, и 2-й эшелонъ выступилъ въ слѣдующемъ составѣ:

	Офиц.	Нижн. чин.
главная квартира командующаго войсками (1) и военно-топографич. отдѣлъ .	53 —	— 129.
2 роты 3-го турк стрѣлк. баталіона.	13 —	— 345.
дивизіонъ конной батареи . .	6 —	— 97.
сборная сотня.	4 —	— 117.
$^1/_2$-сотни № 3 уральской сотни. .	2 —	— 72

Всего: 2 роты, 4 орудія и $1^1/_2$ сотни, 78 офицеровъ и 759 нижнихъ чиновъ. Обозъ эшелона состоялъ изъ 672 верблюдовъ. Въ эшелонѣ имѣлось 492 лошади.

Только вечеромъ головныя части 2-го эшелона начали прибывать къ позиціи у Нурека; арріергардъ-же пришелъ туда значительно позже. Хотя второй эшелонъ совершилъ свой первый переходъ не при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ головной, однако и онъ сильно потерпѣлъ отъ непогоды, а главное—пришелъ вечеромъ на ночлегъ, не найдя на Нурекѣ ни одной щепки для разведенія костровъ, такъ-какъ топливо, заказанное начальникомъ 1-го эшелона на случай прихода 2-го, еще не успѣло быть доставлено къ прибытію послѣдняго. Вообще, въ первомъ эшелонѣ въ этотъ день не ожидали прибытія 2-го.

Часовъ около 5-ти, голова 2-го эшелона подошла къ Нуреку. Въ эту минуту, расположенный здѣсь лагерь 1-го эшелона представлялся въ слѣдующемъ видѣ: небольшая, покатая къ сѣверу площадка, окаймленная съ восточной стороны ручьемъ, была занята солдатскими палатками и четырьмя юртами. На югѣ, въ недальнемъ разстояніи, выслились Каратаускія предгорья, по которымъ тянулись разорванныя тучи. У самаго берега ручья горѣли два костра, на которыхъ готовился ужинъ солдатамъ, толпившимся вокругъ огня. Поодаль стоялъ кружокъ пѣсенниковъ и, не смотря на холодъ и дурно проведенную ночь, громко раздавалась удалая солдатская пѣсня: „у нашего боярина“. Всѣ были бодры и не унывали. Въ одной изъ юртъ, разставленныхъ по случаю прохода войскъ, была толпа офицеровъ; въ ней помѣщалось четыре кровати: двѣ вплотную, третья поодаль, четвертая въ головахъ первыхъ двухъ. На кроватяхъ, закутавшись кто во что могъ, такъ-что у нѣкоторыхъ изъ подъ одѣялъ торчали только головы, помѣщалось шесть офицеровъ. Еще трое кое какъ тѣснились въ промежуткахъ. Пили чай и жаловались на холодъ. Въ другой юртѣ было оживленнѣе: здѣсь горѣлъ костеръ и шла веселая бесѣда о трудности перехода и о неожиданности такого холода.

Къ вечеру заморозило. Костры погасли, пѣсни стихли. Кто какъ могъ и гдѣ могъ завертывался и укладывался спать. По-немногу все успокоилось. Но еще долго, часовъ до 11-ти, слышались вопросы въ родѣ:—„Что, пришли вью-

(1) Командующій войсками съ начальникомъ полеваго штаба и небольшою свитою оставался еще въ лагерѣ на р. Клы.

ки? Гдѣ наши верблюды?“—Вьюки 2-го эшелона, шедшіе въ хвостѣ колонны, пришли въ Нурекъ позже 11-ти часовъ, а значительная часть ихъ подтянулась въ Нурекъ только на другой день. Между послѣдними большинство было верблюдовъ главной квартиры, и многимъ офицерамъ, не успѣвшимъ найти себѣ убѣжища у товарищей въ 1-мъ эшелонѣ, пришлось провести холодную, морозную ночь подъ открытымъ небомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ пришли.

15-го числа, въ $8^1/_2$ часовъ утра, 1-й эшелонъ выступилъ съ позиціи у Нурека на с. Учму, 2-й остался на дневкѣ въ Нурекѣ, а 3-й рано утромъ выступилъ изъ лагеря на р. Клы, въ слѣдующемъ составѣ:

	Офицер.	Нижн. чин.
2 роты 4-го турк. линейн. баталіона.	12 — —	324
взводъ 1-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады . . .	2 — —	130
артиллерійскій паркъ . . .	4 — —	81
12-я оренбургская сотня . . .	3 — —	130

Кромѣ того, при эшелонѣ слѣдовалъ провіантъ и фуражъ для 17-й оренбургской сотни, находившейся впереди съ подполковникомъ Ивановымъ, въ Тамдахъ. Всего: 2 роты, 2 орудія и 1 сотня, при 21 офицерѣ и 606 нижнихъ чинахъ. Обозъ состоялъ изъ 909 верблюдовъ, при 129 лаучахъ. При эшелонѣ находилось 196 лошадей.

Погода ко времени выступленія съ р. Клы 3-го эшелона значительно улучшилась; но и ему пришлось испытать также не мало затрудненій, происходившихъ главнымъ образомъ отъ значительнаго, въ сравненіи съ другими эшелонами, количества тяжело нагруженныхъ верблюдовъ, такъ какъ въ составѣ этого эшелона слѣдовалъ артиллерійскій паркъ. Пара ящиковъ, заблаговременно устроенныхъ для перевозки артиллерійскихъ запасовъ, вѣсила до 16 пудовъ, что было окончательно не подъ-силу большинству верблюдовъ. Затрудненія, возникшія отъ этого обстоятельства, не замедлили выказаться въ самомъ началѣ движенія 3-го эшелона. Уже на первыхъ пяти верстахъ, гдѣ дорога идетъ по пахатной мѣстности, изрѣзанной арыками, а въ это время распустившейся отъ бывшихъ 13-го и 14-го числа дождей, верблюды артиллерійскаго парка постоянно падали и, подъ вліяніемъ чрезмѣрной тяжести, уже не могли подняться безъ помощи людей; многихъ вовсе пришлось бросить за окончательною ихъ негодностью. Далѣе путь былъ болѣе твердый, но верблюды, уже измученные на первыхъ пяти верстахъ, шли съ трудомъ. Голова эшелона прибыла на ночлегъ въ 8 часовъ вечера, а хвостъ только къ 2-мъ часамъ утра. Многіе вьюки оставлены были на дорогѣ и только на другой день доставлены посланными за ними людьми.

Во время перехода до Нурека 3-й эшелонъ потерялъ 49 верблюдовъ.

Переходъ 1-го эшелона 15 марта изъ Нурека на позицію у селенія Учма (35 верстъ) былъ совершенъ благополучно. Погода стояла ясная и верблюды шли бодро, не смотря на то, что первыя 23 версты дорога, пролегая по горной мѣстности, довольно трудной, представляла нѣсколько тяжелыхъ и каменистыхъ подъемовъ и спусковъ. Однако пришлось и на этомъ переходѣ бросить нѣсколько верблюдовъ, изнуренныхъ и не успѣвшихъ оправиться послѣ бурана 13-го и 14-го чиселъ.

Передовая часть 1-го эшелона прибыла на ночлегъ въ Учму около 4-хъ часовъ дня, хвостъ же эшелона—около $6^1/_2$ часовъ вечера. На позиціи у берега рѣчки Учмы, 1-й эшелонъ нашелъ заготовленныя дрова, которыя тотчасъ-же были раздѣлены на 4 равныя части, соотвѣтственно числу эшелоновъ, и только одна часть была употреблена 1-мъ эшелономъ.

16-го числа 1-й эшелонъ перешелъ въ селеніе Фаришъ, 2-й—въ селеніе Учма, 3-й дневалъ на Нурекѣ, а 4-й эшелонъ выступилъ съ сборнаго пункта на р. Клы, въ составѣ:

	Офиц.	Нижн. чиновъ
2-хъ ротъ 2-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона . .	13	348
3-хъ ротъ 2 го туркестанскаго линейнаго баталіона . . .	16	546
Дивизіона 2-й батареи туркестанской артиллерійской бригады	4	107
Походный лазаретъ . .	4	65
$^1/_2$-сотни 3-й уральской сотни	1	73

Всего: 5 ротъ, 4 орудія, $^1/_2$-сотни казаковъ, 38 офицеровъ, нижнихъ чиновъ 1139. Обозъ состоялъ изъ 678 верблюдовъ, при 97 лаучахъ; лошадей въ эшелонѣ было 150.

16-го марта главный начальникъ войскъ, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ 1-й, простился съ генералъ-маіоромъ Абрамовымъ, съ прочими офицерами, пріѣхавшими на Клы проводить его, съ туземцами отъ южныхъ городовъ и селеній Русскаго Туркестана и съ бухарскимъ посломъ Яхъ-я-ходжа-ишаномъ, который возвращался въ Бухару. Второй-же посланникъ эмира, Иссамединъ Мирахуръ, слѣдовалъ при главномъ начальникѣ войскъ до самой Хивы, раздѣляя съ чинами главной квартиры всѣ труды и лишенія походной жизни.

Въ тотъ-же день генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ съ Его Высочествомъ Евгеніемъ Максиміліановичемъ выступили съ позиціи на р. Клы.

Такимъ образомъ всѣ войска джизакской колонны *16-го марта* были уже въ движеніи.

Отъ Нурека дорога до Темиръ-кобука тянется предгорьями Каратау, по мѣстности почти пустынной, съ самою незначительною растительностью. Населеніе попутныхъ кишлаковъ, составляющее такъ-называемыя Богданъ-атынскія волости, отличается крайнею бѣдностью. Пахатныхъ земель здѣсь очень мало; земля непроизводительна; грунтъ ея твердый, каменистый; лѣтомъ богданъ-атынцы страдаютъ отъ недостатка воды. При такихъ условіяхъ, средства къ жизни этого горнаго населенія весьма ограниченны; оно лѣпится въ ущельяхъ и горныхъ безплодныхъ трущобахъ, небольшими аулами и маленькими кишлаками (1). Послѣдніе, съ своими полями, огороженными камнями, отчасти напоминаютъ верховья Зеравшана. Очевидно, что Богданъ-атынскія волости не могли доставить отряду даже самаго необходимаго.

16-го марта день былъ ясный и не жаркій. Эшелоны двигались хорошо. Но верблюды значительно замедляли движеніе. Горная каменистая дорога отъ Нурека сильно ихъ утомляла. У многихъ приходилось облегчать вьюки; многіе совершенно отставали и ихъ бросали по дорогѣ.

Въ ночь съ 16-го на 17-ое марта азіятская весенняя погода снова разыгралась. Часу въ 10-мъ вечера внезапно налетѣлъ страшной силы ураганъ, направляясь съ востока на западъ, вдоль подножія горъ, и задѣвая такимъ образомъ всѣ эшелоны. Съ особенною силою онъ свирѣпствовалъ на Нурекѣ. Сильные порывы вѣтра подымали и опрокидывали прочно установленныя кибитки, ломая въ дребезги ихъ остовы и разбрасывая кошму; большая часть палатокъ была изорвана въ куски, и владѣтели ихъ оказались совершенно подъ открытымъ небомъ.

Испуганныя лошади срывались съ приколовъ, бросались въ всѣ стороны и производили всеобщую суматоху. Надъ всѣмъ этимъ хаосомъ низко висѣла тяжелая черная туча,

---

(1) До прочнаго водворенія нашего владычества въ этихъ мѣстахъ, т. е. до осени 1867 года, жители Богданъ-атынскихъ волостей жили исключительно разбоями и грабежемъ; они составляли разбойничьи шайки и, спускаясь съ горъ и ущелій на плоскость, выѣзжали на караванную дорогу между Чиназомъ и Джизакомъ и грабили проходившіе по ней караваны. Зимою 1867 года положенъ былъ конецъ такому образу дѣйствій богданъ-атынцевъ. Два наши отряда (одинъ подъ начальствомъ подполковника барона Штемпеля, а затѣмъ, нѣсколько позже, другой, подъ начальствомъ въ то время еще полковника, нынѣ генералъ-лейтенанта Абрамова), посланные изъ Джизака въ Богданъ-атынскія волости, для наказанія жителей за ихъ грабежи и разбои, разгромили и уничтожили два разбойничьихъ гнѣзда: селеніе Учму и кишлакъ Ухумъ и захватили при этомъ главныхъ коноводовъ. Съ тѣхъ поръ безпорядки въ окрестностяхъ Джизака и разбой на караванной, а нынѣ почтовой дорогѣ между Чиназомъ и Джизакомъ, прекратились, и жители Богданъ-атынскихъ волостей живутъ мирно и покойно, занимаясь своимъ скуднымъ, небольшимъ хозяйствомъ.

увеличивавшая мракъ ночи. По темному фону ея летали раскаленные угли отъ непогашенныхъ и раздуваемыхъ сильнымъ вѣтромъ костровъ. Тяжело досталась эта ночь 3-му и 4-му эшелонамъ, бивуакировавшимъ на Нурекѣ; не обошлось, конечно, и безъ комичныхъ сценъ, и разгулявшійся на Нурекѣ ураганъ долго, въ нашемъ однообразномъ походѣ, былъ предметомъ разсказовъ и воспоминаній о смѣшныхъ сценахъ и трагическихъ положеніяхъ въ ночь съ 16 на 17 марта. Къ утру ураганъ стихъ, но свѣжій, сильный вѣтеръ продолжалъ дуть весь слѣдующій день.

Дальнѣйшее движеніе эшелоновъ джизакской колонны чрезъ Учму, Фаришъ, Синтабъ, къ Темиръ-кобуку, продолжалось уже при болѣе благопріятной погодѣ. Для облегченія движенія артиллеріи, во главѣ 1-го эшелона шла команда саперъ, для исправленія дороги и устройства спусковъ и подъемовъ. Верблюды особенно пострадали на послѣднемъ переходѣ отъ Синтаба къ Темиръ-кобуку. Каменистый путь, частые подъемы и спуски увеличивали и безъ того значительную ихъ убыль. Скудный подножный кормъ, находимый верблюдами на ночлегахъ, былъ далеко недостаточенъ для возстановленія расходуемыхъ ими силъ.

Въ Ташкентѣ сдѣлана была ошибка, заключавшаяся въ томъ, что верблюдовъ не кормили во время ихъ сбора. Начиная отъ Клы, когда верблюды поступили въ части войскъ, ихъ начали кормить саманомъ, кунджурою (1) и сухою колючкою, покупаемыми у жителей. Но такъ какъ этихъ предметовъ нельзя было найти въ достаточномъ количествѣ, то они, конечно, не могли замѣнить подножнаго корма и вообще мало способствовали къ поддержанію силъ и поправкѣ вьючныхъ животныхъ. Для пополненія значительной убыли верблюдовъ оставалось одно средство—замѣнять палыхъ освобождавшимися изъ подъ съѣдаемаго войсками и лошадьми провіанта и ячменя. Но такъ какъ число падающихъ превосходило число освобождающихся, то замѣна эта не могла совершенно восполнить убыль вьючныхъ животныхъ; тѣмъ не менѣе, пока запасные верблюды были еще въ отрядѣ, войска двигались безостановочно, и неожиданная значительная убыль въ верблюдахъ на переходахъ отъ Клы къ Темиръ-кобуку не задерживала слѣдованія эшелоновъ. Лошади были въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: онѣ имѣли ячмень и, кромѣ того, иногда пользовались клеверомъ, хотя и въ ограниченномъ размѣрѣ (одинъ снопъ въ сутки). Строевыя лошади не спали съ тѣла и были вообще въ большемъ порядкѣ.

На пути къ Темиръ-кобуку, войска располагались у выходившихъ изъ ущелій горныхъ рѣчекъ или выведенныхъ изъ нихъ арыковъ; биваки были вдали отъ селеній, лежащихъ въ сторонѣ отъ дороги, выше по ущельямъ. По приходѣ войскъ на ночлеги, жители ближайшихъ селеній устраивали возлѣ бивака нѣчто въ родѣ базаровъ; на нихъ можно было купить пшеницы, ячменя, клеверу; сюда приводили для продажи барановъ, ишаковъ; приносили куръ, яйца, лепешки,—все это въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Топлива находилось на ночлегахъ столько, сколько было необходимо для варки пищи; но его не доставало на разведеніе костровъ, что было совершенно необходимо, такъ какъ холода ночью доходили до—6° Р. Днемъ погода стояла перемѣнчивая: то шелъ снѣгъ, то моросилъ дождикъ, и земля была очень сыра. Вообще, условія движенія до Темиръ-кобука нельзя было считать благопріятными. По причинѣ бѣдности Богданъ-атынскихъ волостей и скудости подножныхъ кормовъ по предгорьямъ Каратау, отрядъ получилъ отъ страны предметы довольствія въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Скудость кормовъ въ мѣстностяхъ около Каратау, главнымъ образомъ, объясняется неблагопріятною погодой, бывшею въ то время и задержавшею ростъ

(1) Выжимки изъ кунжутнаго сѣмени.

травъ, обыкновенно довольно высокихъ и густыхъ въ концѣ марта ( ).

Только съ Темиръ-кобука можно считать начало настоящаго степнаго похода. Съ этого мѣста отряду предстояло свернуть въ кизылъ-кумскую степь, съ каждымъ шагомъ удаляясь отъ горъ, отъ осѣдлаго населенія, а главное—отъ живой воды. Предстояло двигаться по колодцамъ, по пескамъ и по пустынямъ, безъ проложенныхъ постоянныхъ путей, или вообще по мѣстности не подготовленной и во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени затруднительной для движенія большихъ военныхъ отрядовъ. Для того, чтобы оправиться послѣ утомительныхъ горныхъ переходовъ и собраться съ силами на дальнѣйшее движеніе, каждому эшелону, согласно маршрута, дана была дневка на Темиръ-кобукѣ, а 4 му эшелону, по соображеніямъ дальнѣйшаго движенія, въ зависимости отъ колодцевъ и слѣдованія предыдущихъ эшелоновъ, назначено было на этомъ мѣстѣ два дня отдыха.

Первая забота, по приходѣ въ Темиръ-кобукъ, была приведеніе въ порядокъ и въ извѣстность сильно пострадавшаго на предыдущихъ переходахъ вьючнаго обоза. Съ этою цѣлью назначена была коммисія, подъ предсѣдательствомъ начальниковъ эшелоновъ, изъ трехъ членовъ отъ главной квартиры, завѣдующихъ обозами въ эшелонахъ.

Коммисія должна была выяснить вопросъ о состояніи верблюдовъ въ эшелонахъ, а также опредѣлить ихъ убыль отъ Клы до Темиръ-кобука. Изъ вѣдомости, представленной коммисіею, оказалось всего, во всѣхъ эшелонахъ:

павшихъ	254.
негодныхъ	102.
слабыхъ	202.
Итого . .	558.

Осталось годныхъ къ дальнѣйшему слѣдованію съ отрядомъ 3110 (²). Хотя значительная убыль въ верблюдахъ и оказывала вредное вліяніе на движеніе, утомляя людей, слѣдовавшихъ съ обозомъ,—хотя погода была крайне неблагопріятна во все время слѣдованія эшелоновъ до Темиръ-кобука,—тѣмъ не менѣе больныхъ за время движенія войскъ джизакской колонны отъ Ташкента, Ходжента и Ура-тюбе къ сборному пункту на рѣкѣ Клы и оттуда до Темиръ-кобука, было немного. На весь отрядъ (3500 человѣкъ), съ 1 го по 20-е марта, ихъ состояло всего 27 человѣкъ. Изъ нихъ 6 были отправлены съ лагеря на р. Клы во временный лазаретъ укрѣпленія Ключеваго, а 21 продолжали слѣдовать при отрядѣ.

На Темиръ-кобукѣ войска были встрѣчены нуратынскимъ и зіаудинскимъ беками, представившими главному начальнику письмо и подарки отъ эмира. Бухарцы встрѣтили генерала Кауфмана угощеніемъ, по восточному обычаю, состоявшимъ изъ палау и разныхъ туземныхъ лакомствъ. Беки просили разрѣшенія устраивать подобныя встрѣчи на всѣхъ ночле-

---

(¹) Выше было замѣчено, что зима и весна 1873 года были особенно неблагопріятныя. Зимніе холода, противъ обыкновеннаго, долго стояли, и весна была сырая, дождливая.

(²) *Въ 1-мъ эшелонѣ*:

павшихъ	33
негодныхъ	19
слабыхъ	31
годныхъ	645.
Во 2-мъ эшелонѣ:	
павшихъ	45
негодныхъ	11
слабыхъ	21
годныхъ	595
Въ 3-мъ эшелонѣ:	
павшихъ	103
негодныхъ	25
слабыхъ	54
годныхъ	727
Въ 4-мъ эшелонѣ:	
павшихъ	73
негодныхъ	47
слабыхъ	96
годныхъ	462.

гахъ во время слѣдованія отряда вдоль бухарской границы, а на колодцахъ Балта-салдыръ и Кошъ-байги эмиръ приказалъ имъ выставить для войскъ хлѣбъ, фуражъ и топливо.

Изъ предыдущей главы извѣстно, что, еще до начала выступленія войскъ изъ Ташкента, въ Кизылъ-кумскую степь былъ командированъ подполковникъ Ивановъ съ 17-ю оренбургскою сотнею. Ко времени выступленія войскъ въ походъ, подполковникъ Ивановъ достигъ урочища Тамды, гдѣ онъ и находился во время движенія джизакской колонны къ Темиръ-кобуку.

17-го марта, на позиціи у села Фаришъ, получено было отъ подполковника Иванова донесеніе, въ которомъ сообщалось свѣдѣніе, полученное отъ лазутчика, ѣздившаго въ Шураханъ. Послѣдній заявилъ подполковнику Иванову, что извѣстный степной разбойникъ Садыкъ, по приказанію хивинскаго хана, съ значительною шайкой, двигается черезъ Минъ-булакъ на Тамды, съ цѣлью проникнуть въ наши предѣлы, завалить и испортить колодцы на пути слѣдованія войскъ и заставить кизылъ-кумскихъ киргизъ откочевать въ хивинскіе предѣлы. Личность Садыка давно уже извѣстна въ Туркестанѣ его набѣгами и разбоями. Энергія этого человѣка, его религіозный фанатизмъ, страсть къ хищническимъ приключеніямъ, составили ему нѣкоторое имя, до 1867 года совсѣмъ неизвѣстное Удачныя, по средне-азіятскимъ понятіямъ, продѣлки Садыка, въ родѣ нападенія, въ 1867 году, на нашъ почтовый трактъ между Казалинскомъ и Перовскомъ, встрѣча въ степи къ югу отъ Сыръ-дарьи, верстахъ въ 150 отъ Казалинска, съ нашею казачьею сотнею, упрочили за нимъ между среднеазіятцами славу храбраго воина, батыря.

Служа бухарскому эмиру до 1868 года и ограбленный въ этотъ годъ въ Бухарѣ, онъ бѣжалъ въ Хиву. Здѣсь его встрѣтилъ ханъ милостиво и пожаловалъ 1.000 танаповъ (1) земли на правомъ берегу Аму-дарьи, съ правомъ собирать зякетъ по Яны-дарьѣ и въ Буканъ-тау. Шаббазъ-вали, небольшой городокъ на правомъ берегу Аму, вблизи котораго находилась подаренная ханомъ земля Садыка, служилъ до 1873 года мѣстопребываніемъ этому степному герою. Въ 1873 году, какъ только сошелъ снѣгъ, Садыкъ, узнавъ о движеніи русскихъ въ Кизылъ-кумы, тотчасъ поѣхалъ въ Хиву, явился къ хану и сообщилъ послѣднему о полученномъ имъ извѣстіи. Ханъ принялъ Садыка ласково, подарилъ ему сто тиллей (2) и просилъ отправиться съ шайкой на встрѣчу русскихъ. Садыкъ возвратился въ Шаббазъ-вали и разослалъ гонцовъ собирать людей на войну. Своимъ появленіемъ въ Кизылъ-кумахъ Садыкъ дѣйствительно могъ-бы произвести замѣшательство между подвластными намъ киргизами, а главное—могъ испортить колодцы, если-бы его не предупредили и если-бы Садыкъ дѣйствовалъ энергичнѣе и смѣлѣе. Но дѣло въ томъ, что степная слава объ немъ, какъ о батырѣ, совершенно мнимая. Садыкъ прежде всего трусъ и очень боится русскихъ. Сознавая, на сколько онъ виноватъ передъ ними, онъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ противъ нашихъ войскъ, и въ 1868 и въ 1873 годахъ, всегда держался слишкомъ осторожно и при встрѣчахъ—главное о чемъ заботился—чтобы поскорѣе и какъ можно дальше уйти отъ нашего преслѣдованія. Въ началѣ хивинскаго похода имя его еще слышно было въ ряду защитниковъ Хивинскаго ханства, но вскорѣ затѣмъ оно исчезло и во все время кампаніи болѣе уже не упоминалось.

По полученіи извѣстія о движеніи Садыка, сформированъ былъ изъ состава джизакской колонны летучій отрядъ, изъ $1^1/_2$ сотень казаковъ (№ 1 и полусотни № 3 уральскаго войска) и 4-хъ ракетныхъ станковъ, подъ начальствомъ подполковника Главацкаго, которому было предписано слѣдо-

---

(1) Танапъ — около $^1/_6$ части десятины.

(2) Тилля большая—3 руб. 60 коп., малая—1 руб. 80 коп. Въ Хивѣ наиболѣе въ употребленіи послѣднія.

вать отъ Темиръ-кобука, налегкѣ, безъ дневокъ, до Тамды, присоединить въ этомъ пунктѣ къ летучему отряду № 17 оренбургскую сотню, находившуюся въ распоряженіи подполковника Иванова, и изъ Тамды дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ.

Если-бы Садыкъ съ небольшою партіею ворвался въ наши предѣлы, съ цѣлью грабежа кизылъ-кумскихъ киргизъ или-же для порчи колодцевъ, то летучій отрядъ долженъ былъ двинуться, смотря по обстоятельствамъ, къ Минъ-булаку или Буканскимъ горамъ и, прогнавъ Садыка, занять колодцы, по которымъ предстояло движеніе отряда. Въ случаѣ-же, если-бы партія Садыка оказалась слишкомъ многочисленною, подполковнику Главацкому предписывалось не рисковать удаленіемъ отъ головнаго эшелона джизакской колонны и выжидать прибытія его въ Тамды. 20-го марта летучій отрядъ отдѣлился отъ 1-го эшелона въ Темиръ-кобукѣ и направился по назначенію.

Согласно маршрута и плана движенія джизакской колонны, эшелонамъ предстояло отъ Темиръ-кобука двигаться только одинъ переходъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъ они слѣдовали отъ Клы, т. е. до колодцевъ Балта-салдыръ. Начиная же отъ этихъ колодцевъ, каждый эшелонъ раздѣлялся на два полу-эшелона, которые по двумъ параллельнымъ дорогамъ должны были направиться на Тамды; здѣсь имъ было назначено снова соединиться и сформировать эшелоны первоначальнаго состава. Правая колонна должна была слѣдовать сѣверною дорогой чрезъ колодцы Бишъ-чапанъ, Утаръ, Джанысъ-кудукъ (Чимбай); лѣвая—по южной дорогѣ, на Кошъ-байги, Байманъ-тапты, Суллы, Масчи и Аякъ. Для командованія полу-эшелонами, на время слѣдованія войскъ отъ Балта-салдыра до Тамды, приказомъ по войскамъ, даннымъ въ Темиръ-кобукѣ, были назначены штабъ-офицеры, въ помощь начальникамъ эшелоновъ, изъ состоящихъ при главной квартирѣ: въ 1-й эшелонъ — подполковникъ Полтарацкій, во 2-й — полковникъ — Блокъ, въ 3-й— маіоръ Сабуровъ и въ 4-й—полковникъ Принцъ.

21-го марта 1-й эшелонъ, подъ сильнымъ, холоднымъ дождемъ, выступилъ на колодцы Балта-салдыръ, гдѣ, по приходѣ на ночлегъ, раздѣлился, для дальнѣйшаго движенія, на колонны, изъ которыхъ каждая расположилась на ночлегъ у отдѣльныхъ колодцевъ. Вода въ колодцахъ Балта-салдыръ оказалась порядочною въ сравненіи съ многими другими колодцами, по которымъ предстояло двигаться; но такъ какъ это были первые колодцы, съ которыми пришлось познакомиться войскамъ, то вода показалась всѣмъ отвратительною. Кромѣ того, колодцы Балта-салдыръ весьма быстро вычерпываются, и хотя вода снова довольно скоро накопляется, но отъ частаго черпанія она сначала дѣлается мутною, а затѣмъ превращается въ жидкую грязь. Колодцы имѣютъ значительную глубину, а добываніе воды изъ нихъ весьма медленно; снабженіе людей водою и водопой лошадей продолжались всю ночь и окончились только передъ разсвѣтомъ (1). Затрудненія въ водопоѣ на Балта-салдырѣ увеличились еще прибытіемъ на эти колодцы значительнаго числа бухарцевъ, высланныхъ беками для встрѣчи отряда. Всѣ они пріѣхали на лошадяхъ и, слѣдовательно, требовали массу воды. Непривычка доставать воду изъ колодцевъ и правильно распредѣлять работу около нихъ также не мало вліяла на медленность водопоя на первомъ ночлегѣ въ степи.

На Балта-салдырѣ главный начальникъ войскъ снова былъ встрѣченъ угощеніями нуратынскаго и зіаудинскаго бековъ и множествомъ бухарцевъ, выѣхавшихъ съ этими беками. Пріемъ, сдѣланный бухарцами, былъ очень радушенъ. У

(1) Глубина колодцевъ доходитъ до 13 и болѣе саженъ; діаметръ — до 2-хъ съ небольшимъ аршинъ. Внутренность колодцевъ выложена камнями, верхъ покрытъ лѣсинами, укрѣпленными тоже камнями, а надъ колодцемъ повѣшенъ блокъ съ перекинутой чрезъ него веревкой. Къ концу веревки привязываются двѣ рогульки, а къ нимъ мѣшокъ изъ верблюжьей или бараньей брюшины; гдѣ существуетъ подобный мѣшокъ, вода въ колодцѣ не мутится, сколько-бы ее ни черпали. Если-же воду достаютъ ведрами, то чрезъ $^1/_2$ часа эти ведра поднимаютъ со дна всю грязь и вода быстро превращается въ густую, сѣрую кашицу.

колодцевъ были поставлены юрты, убранныя коврами, и въ нихъ подано было обыкновенное восточное угощеніе: палау и разныя нуратынскія сладости, а затѣмъ чай. Любезность бека, который съ своими приближенными расположился, по близости, отдѣльнымъ лагеремъ, этимъ не ограничилась: онъ привезъ въ отрядъ до 1000 сноповъ клеверу, а неподалеку отъ ставки бека продавались лепешки, кишмишъ, колючка для топлива,—словомъ, былъ устроенъ небольшой базаръ, какъ его называли пріѣхавшіе съ бекомъ люди.

Весь день 22-го числа дулъ сильный вѣтеръ и мы впервые познакомились здѣсь съ песочнымъ бураномъ. Съ большимъ трудомъ можно было разставить палатку, но и въ ней нельзя было укрыться отъ песку, который несся по степи. Въ самомъ непродолжительномъ времени, приготовленная въ палаткѣ постель покрывалась толстымъ песчанымъ слоемъ. Кромѣ того, каждую минуту грозило сорвать палатку; забитые въ песокъ колышки плохо держались; только къ вечеру вѣтеръ нѣсколько стихъ.

Съ Балта-салдыра начинались настоящіе пески, покрытые рѣдкою и невысокою колючкой, полынью (1) (artemisia) и прошлогодними стволами вонючки (Ferula persica, F. assafoetida, а также scorodosma foetidum). Пустыня представляла однообразіе полное и самое безотрадное; чѣмъ далѣе отъ Балта-салдыра, тѣмъ выше были песчаные холмы, тѣмъ менѣе, и безъ того скудной, степной растительности. Сердце сжималось при мысли о томъ, что могъ задуть сильный вѣтеръ, поднять всѣ эти песчаныя глыбы на воздухъ, замести всякій слѣдъ, и тогда человѣку, мало знакомому со степью, легко можно потерять дорогу и цѣлыми днями скитаться по этой пустынѣ, томясь отъ жажды, голода и ожидая страшной, неминуемой гибели.

Путь до Минъ-булака, по которому слѣдовала джизакская колонна въ Кизылъ-кумской степи, былъ, какъ извѣстно изъ предыдущаго, изслѣдованъ въ 1871 году рекогносцировочнымъ отрядомъ генералъ-маіора Головачова. Отъ Минъ-булака же до берега Аму путь былъ извѣстенъ только по разспросамъ. Изъ этихъ разспросовъ видно было, что для перехода песчанаго пространства, отдѣляющаго Минъ-булакъ отъ Аму, потребуются чрезвычайныя усилія, а въ случаѣ уничтоженія хивинцами колодцевъ, можно было даже сомнѣваться въ успѣхѣ всего предпріятія.

По разспросамъ, разстояніе отъ Минъ-булака до Аму опредѣлялось въ 156 верстъ; по астрономическому же опредѣленію Минъ-булака и по опредѣленію берега Аму-дарьи съемками, произведенными во время миссіи Игнатьева (нынѣ генералъ-адъютантъ), разстояніе это доходило до 180 верстъ. Очевидно, что пространство это, покрытое глубокими, сыпучими песками, требовало огромныхъ средствъ для перевозки воды, которой до самой Аму не нашлось-бы на мѣстахъ остановокъ, предполагая колодцы уничтоженными. На рытье новыхъ колодцевъ, при значительной глубинѣ грунтовой воды, также нельзя было разсчитывать. Что касается пути по Кизылъ-кумамъ до Минъ-булака, то и самъ по-себѣ онъ представлялъ значительныя затрудненія: колодцы на немъ по большей части глубокіе, съ малымъ количествомъ воды дурнаго качества; на рѣдкихъ ночлегахъ имѣлось по нѣсколько колодцевъ, а на большинствѣ—всего по одному.

Это обстоятельство заставляло раздѣлить отрядъ еще на болѣе мелкіе эшелоны и не позволяло, въ случаѣ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій со стороны непріятеля, сосредоточить войска въ желаемомъ пунктѣ. Кромѣ того, двигаясь по маловоднымъ колодцамъ съ недоброкачественною водою,

---

(1) Видовъ полыни въ среднеазіятскихъ степяхъ встрѣчается около 20. Настоящая полынь, artemisia absynthium, въ степяхъ попадается весьма рѣдко. Виды artemisia служатъ главнѣйшимъ кормомъ для верблюдовъ въ степяхъ съ глинистой и неглубокой песчаной почвой. Прочія травянистыя, преимущественно изъ семейства злаковъ, будучи задержаны въ развитіи холодами, почти не встрѣчались въ первой половинѣ похода.

легко было ожидать развитія въ войскахъ болѣзненности и изнуренія силъ людей именно въ ту минуту, когда въ нихъ была наибольшая необходимость.

Все это сильно озабочивало главнаго начальника войскъ, а потому, передъ выступленіемъ войскъ въ походъ изъ Ташкента, онъ самъ, и черезъ другихъ лицъ, постоянно собиралъ свѣдѣнія о путяхъ, ведущихъ изъ Туркестана къ Амударьѣ.

Изъ свѣдѣній и данныхъ, собранныхъ въ Самаркандѣ и Джизакѣ генеральнаго штаба подполковникомъ барономъ Аминовымъ, передъ самымъ походомъ, можно было составить понятіе и о другихъ путяхъ, ведущихъ отъ южной части Кизылъ-кумовъ къ Аму-дарьѣ. Свѣдѣнія эти, дополненныя во время движенія джизакской колонны къ Темиръ-кобуку, обратили вниманіе командующаго войсками на два пути: чрезъ урочища Халъ-ата и Акытма; оба они вели къ урочищу Учъ-учакъ, на Аму. Какъ первый, такъ и второй путь, на основаніи имѣвшихся разспросныхъ данныхъ, представлялись значительно удобнѣе и короче, а главное — многоводнѣе минъ-булакскаго направленія. Лучшимъ же изъ этихъ двухъ путей представлялся путь на Халъ-ата. Дорога чрезъ уроч. Акытма отдѣлялась отъ южной дороги, по которой шла лѣвая колонна, на колодцѣ Кошъ-байги; халъ-атинская же дорога поворачивала съ южной дороги гораздо далѣе, съ колодцевъ Аристанъ-бель-кудукъ.

Обстоятельство это имѣло значеніе въ томъ смыслѣ, что путь на Халъ-ата болѣе удаленъ отъ бухарскихъ владѣній и движеніе войскъ по этому пути менѣе могло устрашать населеніе Бухарскаго ханства

Во время слѣдованія до Балта-салдыра, главный начальникъ войскъ, лично и чрезъ своего начальника штаба, повѣрялъ доставляемыя свѣдѣнія о путяхъ, ведущихъ къ Аму чрезъ Халъ-ата. Всѣ данныя по этому вопросу привели къ слѣдующимъ выводамъ.

Путь изъ Аристанъ-бель-кудука до Халъ-ата, въ сравненіи съ путемъ отъ этихъ колодцевъ до Минъ-булака, значительно многоводнѣе, качество воды лучше, колодцы менѣе глубоки и на дорогѣ мѣстами встрѣчаются богатые ключи. Все это давало возможность двигаться съ большими удобствами, болѣе крупными эшелонами, а на нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ случаѣ надобности, сосредоточить значительное количество войскъ. Разстояніе отъ Минъ-булака до Амударьи, какъ уже выше было замѣчено, колебалось отъ 160 до 180 верстъ (1). Разстояніе же отъ Халъ-ата до Аму, по имѣвшимся тогда разспросамъ, опредѣлялось всего до 90 верстъ (2). Слѣдовательно, разница разстояній представлялась почти вдвое. А это было очень важно, особенно принявъ въ соображеніе, что разстояніе это представлялось не простымъ степнымъ путемъ, а труднымъ переходомъ по глубокимъ, сыпучимъ пескамъ, безъ подножнаго корма и почти безъ воды.

Чтобы осилить такой переходъ, войскамъ необходимо было остановиться передъ нимъ, отдохнуть, подтянуться, справиться съ перевозочными и водоподъемными средствами. Словомъ, требовалось, у начала песчанаго, труднаго перехода, отыскать такое мѣсто, гдѣ-бы войска могли сосредоточиться и простоять нѣсколько времени, не ощущая при этомъ недостатка въ водѣ и сдѣлавъ еще запасы ея на безводные переходы. Урочище Халъ-ата представляло въ данномъ случаѣ всѣ преимущества предъ Минъ-булакомъ.

Урочище Халъ-ата, съ богатымъ ключемъ и множествомъ колодцевъ, было удобнѣе для сбора всего отряда, чѣмъ Минъ-булакъ, на которомъ всего одинъ прѣсный ключъ; другіе всѣ соленые. Въ случаѣ недостатка воды на Халъ-ата для всего туркестанскаго отряда (чего, какъ оказалось въ дѣйствительности, не могло и быть, такъ какъ воды на

(1) Въ дѣйствительности, по окончаніи экспедиціи, разстояніе отъ Минъ-булака до Шурахана опредѣлено въ 172 версты.

(2) Въ дѣйствительности, оно оказалось 103 версты.

Халъ-ата — изобиліе), вблизи этого урочища находятся колодцы и ключи Джангельды и Дунгесъ-тау-кудукъ, гдѣ также очень много воды. Наконецъ, путь чрезъ Халъ-ата сокращалъ разстояніе до Аму-дарьи для войскъ джизакской колонны, составлявшей главную часть туркестанскаго отряда, на 150 верстъ При джизакской колоннѣ слѣдовали большіе артиллерійскіе, инженерные парки и прочіе войсковые запасы для обѣихъ колоннъ. Въ паркахъ везлись грузы, которые въ походѣ по степи не сокращались и не уменьшались въ вѣсѣ. Хотя и въ казалинской колоннѣ были свои артиллерійскій и инженерный парки, но эти послѣдніе были значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ главной колоннѣ—джизакской. Во всякомъ случаѣ, лишнія 150 верстъ степнаго похода были менѣе тяжелы и обременительны для казалинской, нежели для джизакской колонны.

Въ виду этихъ соображеній, 23-го марта, на колодцахъ Балта-салдыръ, рѣшено было перемѣнить операціонное направленіе. Съ этою цѣлью генералъ-маіоръ Троцкій представилъ генералъ-адъютанту Фонъ-Кауфману соображеніе о передвиженіяхъ на новый путь войскъ джизакской и казалинской колоннъ, а также и большаго интендантскаго транспорта.

По новому плану было рѣшено сосредоточить джизакскую колонну въ двухъ пунктахъ: 1-й и 2-й эшелоны — въ горахъ у колодцевъ Аристанъ-бель, 3 и 4—на колодцахъ Аякъ. Съ Аристанъ-бель-кудука предположено было слѣдовать далѣе въ юго-западномъ направленіи, черезъ колодцы и ключи Манамъ-джанъ, Кидери, Каракъ-ата, Чуркъ-кудукъ, Кульджикскія горы (гдѣ находится цѣлая система колодцевъ) и Джангельды, въ Халъ-ата. Сюда же предположено было направить и казалинскую колонну изъ Буканскихъ горъ чрезъ колодцы Ирлиръ, Кара-кудукъ, Тамды, Чупанъ-казганъ и Дунгесъ-тау-кудукъ (1).

Опорный и складочный пунктъ, который предполагалось устроить на урочищѣ Тамды, при настоящемъ, новомъ направленіи движенія, сдѣлался лишнимъ, почему и рѣшено было отмѣнить его устройство, замѣняя его таковымъ же на урочищѣ Халъ-ата. Опорный же пунктъ на урочищѣ Иркибаѣ, какъ лежащемъ на прямомъ сообщеніи между дѣйствующимъ отрядомъ, по выходѣ его на Аму-дарью, и Казалинскомъ, рѣшено было оставить, усиливъ составъ гарнизона построеннаго тамъ укрѣпленія Благовѣщенскаго одною ротою изъ казалинской колонны. Эта послѣдняя мѣра была принята въ виду того, что, вслѣдствіе измѣненія общаго направленія движенія, а въ особенности казалинской колонны, о чемъ будетъ сказано ниже, низовья Сыръ-дарьи и окрестности Иркибая оставались бы слишкомъ открытыми со стороны Даукары и Шурахана.

По сосредоточеніи войскъ на урочищѣ Халъ-ата и по устройствѣ тамъ складочнаго пункта и временнаго укрѣпленія, для наблюденія за бухарскими кочевниками и для охраны сообщеній отряда съ Ташкентомъ, предполагалось особою боевою колонною совершить безводный переходъ къ Аму-дарьѣ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ укажутъ обстоятельства.

23-го же марта, для начала приведенія въ исполненіе новаго плана движенія, начальникамъ эшелоновъ даны были соотвѣтствующія предписанія о сосредоточеніи ихъ эшелоновъ на южной дорогѣ.

Начальнику летучаго передоваго отряда, полковнику Главацкому, предписано не продолжать движенія къ Тамды, а остановиться на колодцахъ *Аякъ-кудукъ*, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Отрядъ этотъ, въ которомъ уже не предстояло надобности по полученіи успокоительныхъ извѣстій отъ подполковника Иванова, былъ окончательно расформированъ по сборѣ войскъ на колодцахъ Аристанъ-бель-кудукъ.

Войска выступили съ сборнаго пункта на Клы, какъ из-

(1) Послѣднее предположеніе, относительно движенія казалинской колонны, какъ увидимъ, не состоялось, по причинамъ, о которыхъ будетъ изложено ниже.

вѣстно, съ продовольствіемъ на тридцать дней; остальное довольствіе на $1^1/_2$ мѣсяца везлось въ большомъ интендантскомъ транспортѣ, который долженъ былъ слѣдовать въ 2-хъ эшелонахъ. Изъ этихъ эшелоновъ, 1-й, по маршруту, долженъ былъ выступить изъ Ташкента 11-го, а второй— 12-го марта и слѣдовать съ р. Клы до Тамды по особой, отдѣльной дорогѣ. При перемѣнѣ плана движенія, пришлось измѣнить и маршрутъ интендантскаго транспорта, а именно: рѣшено было повернуть его съ назначеннаго въ прежнемъ маршрутѣ пути—съ колодцевъ *Такыръ*—на колодцы *Балта-салдыръ*; отсюда транспорту слѣдовать на колодцы *Аристанъ - бель - кудукъ*, по такъ-называемой южной дорогѣ, т. е. чрезъ колодцы *Байманъ-танты* и *Аякъ*.

Согласно этого рѣшенія, 23-го марта, послано было въ Джизакъ приказаніе озаботиться о скорѣйшемъ выступленіи 1-го эшелона интендантскаго транспорта съ р. Клы и о сопровожденіи его до колодцевъ Аристанъ-бель-кудукъ. Между тѣмъ, 1-й эшелонъ интендантскаго транспорта, въ количествѣ 1570 верблюдовъ, выступивъ изъ Ташкента 11-го марта, встрѣтилъ на первыхъ-же переходахъ затрудненія, задержавшія его движеніе, частію отъ распутицы, частію отъ негодности верблюдовъ; большая часть ихъ была доставлена изъ дальняго, Ауліеатинскаго уѣзда, и, слѣдовательно, сильно пострадала еще до прихода въ Ташкентъ (1).

1-й эшелонъ интендантскаго транспорта, вмѣсто того, чтобы прибыть на рѣку Клы 17-го марта, какъ предполагалось, прибылъ туда только 26-го числа этого мѣсяца, потерявъ по дорогѣ 40 верблюдовъ.

2-й эшелонъ большаго интендантскаго транспорта къ этому времени еще не былъ и сформированъ, по неимѣнію верблюдовъ, которыхъ приходилось собирать изъ дальнихъ уѣздовъ Сыръ-дарьинской области. Эшелонъ былъ окончательно устроенъ и отправленъ изъ Ташкента только 27-го марта, а не 12-го, какъ сначала предполагалось.

По прибытіи 1-го эшелона транспорта въ Джизакъ, вьючныя животныя, по требованію завѣдывавшаго транспортомъ, были освидѣтельствованы особою коммисіею, подъ предсѣдательствомъ воинскаго начальника укрѣпленія Ключеваго. При этомъ было найдено совершенно негодныхъ 175 верблюдовъ, которые вовсе не были въ состояніи идти далѣе съ транспортомъ. Верблюды эти, а также нагруженная на нихъ часть провіанта, были оставлены въ Джизакѣ. Только 29-го числа транспортъ могъ выступить съ рѣки Клы, подъ конвоемъ 22 казаковъ семирѣченскаго и 15 казаковъ сибирскаго войска.

Первоначальный разсчетъ движенія большаго интендантскаго транспорта, какъ извѣстно изъ предыдущаго, былъ составленъ такъ, чтобы онъ поспѣлъ къ предположенному мѣсту сосредоточенія войскъ въ Буканскихъ горахъ раньше того времени, когда тридцати - дневный запасъ довольствія въ войскахъ будетъ на исходѣ. При настоящемъ же, новомъ направленіи на Халъ-ата, 1-й эшелонъ интендантскаго транспорта, выступивъ 29-го марта съ рѣки Клы, могъ прибыть къ Аристанъ-бель-кудуку только около 8-го апрѣля, ито при самомъ благополучномъ движеніи, безъ дневокъ; между тѣмъ, по разсчету, 1-й эшелонъ войскъ долженъ былъ дойти до этихъ колодцевъ 27-го марта. Ясно, что свернуть съ Аристанъ-бель-кудука на новый путь, пролегающій черезъ чужую территорію, нельзя было, не обезпечивъ себя вполнѣ въ хозяйственномъ отношеніи, т. е. не пополнивъ, на сколько обстоятельства позволятъ, израсходованные въ войскахъ продовольственные запасы.

Это условіе было тѣмъ болѣе важно, что имѣющійся при войскахъ тридцати - дневный запасъ долженъ былъ окон-

(1) Надо замѣтить, что большой интендантскій транспортъ относительно верблюдовъ былъ еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ войска, потому - что онъ получилъ верблюдовъ уже послѣ сдачи ихъ въ передовой транспортъ съ 30-ти-дневнымъ довольствіемъ и въ части войскъ, такъ-что всѣ оставшіеся за симъ худшіе верблюды попали въ первую половину большаго интендантскаго транспорта.

читься къ 12-му апрѣля, т. е. почти къ тому же времени, когда можно было ожидать прибытія транспорта къ Аристанъ-бель-кудуку. Дойти до Халъ-ата, или до другаго удобнаго для сосредоточенія войскъ пункта, съ имѣющимся при войскахъ 30-ти-дневнымъ запасомъ, и тамъ ждать прибытія транспорта, было совершенно невозможно.

Вслѣдствіе этихъ причинъ оказалось необходимымъ, по сосредоточеніи войскъ джизакской колонны на колодцахъ *Аристанъ-бель* и *Аякъ-кудукъ*, выждать на этихъ пунктахъ прибытія 1-го эшелона интендантскаго транспорта.

Хотя, при рѣшеніи перемѣны плана движенія, на Балта-салдырѣ, 23-го числа, не было въ точности извѣстно, когда именно интендантскій транспортъ можетъ выступить съ Клы, однако изъ донесенія окружнаго интенданта о задержкахъ, встрѣченныхъ транспортомъ еще до Чиназа, можно было предвидѣть, что транспортъ значительно опоздаетъ противъ первоначальнаго предположенія и что долговременная остановка отряда въ Аристанъ-бельскихъ горахъ сдѣлается необходимою.

Донесеніе изъ интендантскаго транспорта отъ 24-го марта, съ извѣстіемъ, что транспортъ прибудетъ въ Джизакъ только 26-го числа, подтвердило это предположеніе. При томъ-же войска въ это время дѣйствительно нуждались въ отдыхѣ и въ остановкѣ, въ виду возможнаго поправленія вьючныхъ животныхъ.

Верблюды, изнуренные во время тяжелыхъ переходовъ по нуратынскимъ предгорьямъ, продолжали падать въ большемъ количествѣ, хотя, по мѣрѣ движенія въ глубь степи, условія похода собственно для вьючныхъ животныхъ измѣнялись къ лучшему: погода дѣлалась теплѣе, на многихъ ночлегахъ находился кое-какой подножный кормъ (1), дорога сдѣлалась мягкая и удобная для движенія верблюдовъ. Не смотря, однако, на это, убыль въ нихъ была очень велика. Большіе переходы, обусловленные разстояніемъ между колодцами, сильно истощали силы животныхъ; на ночлегахъ они не успѣвали воспользоваться подножными кормами. Оставалось только надѣяться на дневки, которыя отчасти могли возстановить силы верблюдовъ. Въ этомъ случаѣ задержка въ движеніи отряда, которая должна была произойти отъ замедленія хода интендантскаго транспорта, должна была имѣть благодѣтельныя послѣдствія: отдыхъ верблюдовъ и устройство вообще вьючнаго обоза.

Имѣя все это въ виду, приказано было прибавить одну дневку къ опредѣленнымъ уже въ маршрутѣ, назначивъ для этого—26-е число марта. Такъ какъ по маршруту всѣ эшелоны имѣли дневку 25-го, то этимъ достигался двухъ-дневный непрерывный отдыхъ для верблюдовъ.

23-го марта 1-й эшелонъ дошелъ: сѣверная колонна до колодцевъ Утаръ, южная до колодцевъ Байманъ-тапты Переходъ отъ Балта-салдыра до Утара былъ для сѣверной колонны весьма тяжелый. Первый переходъ до колодцевъ Бишъ-чапанъ войскамъ все время пришлось идти глубокими песками Яманъ-кизылъ (въ переводѣ—дурные красные пески). Хотя температура была еще довольно умѣренная и песокъ сырой, тѣмъ не менѣе люди и животныя сильно утомились. Переходъ въ маршрутѣ былъ обозначенъ 33-хъ-верстный; но такъ какъ въ этой части степи нѣтъ торнаго, постояннаго пути между колодцами, то бывшіе при эшелонѣ проводники, чтобы обойти нѣкоторые песчаные перекаты, вели эшелонъ не по тому направленію, по которому въ 1871 году слѣдовалъ рекогносцировочный отрядъ генерала Головачова и которое было обозначено въ маршрутѣ, а болѣе окольнымъ путемъ; это увеличило

(1) Только на одномъ ночлегѣ было обиліе корма, а именно—на безводномъ бивакѣ въ окрестностяхъ Аристанъ-бель-тау (на прямомъ пути съ Аякъ-кудука на Манамъ-джанъ), гдѣ довольно большое пространство было густо покрыто полынью (artemisia fragrans, ar. pauciflora и, мѣстами, ar. alba). На другихъ ночлегахъ отъ Темиръ-кобука до Аристанъ-бель-кудука полынь встрѣчалась часто, преимущественно кустарная (artemisia alba), скорѣе годная на топливо, чѣмъ на кормъ верблюдамъ, а изъ семейства злаковъ попадались лишь незначительные клочки stipa pennata (силлу), bromus, festuca и нѣкоторые другіе.

и безъ того длинный и тяжелый переходъ до 38 верстъ. Частые подъемы и спуски, весьма крутые, покрытые глубокими песками, крайне затрудняли движеніе артиллеріи и даже могли его сдѣлать окончательно невозможнымъ, если бы не пѣхота, помогавшая лошадямъ на всѣхъ подъемахъ и особенно въ глубокихъ пескахъ. Подъ зарядные ящики припрягали казачьихъ лошадей. Въ конной батареѣ впрягались казачьи лошади людей, составлявшихъ прислугу при орудіяхъ. Съ вьючнымъ обозомъ было также не мало работы, которая особенно тяжела досталась арріергарду (1).

По слѣду, оставленному движеніемъ 1-го эшелона сѣверной колонны, двинулись и послѣдующіе. Выступивъ съ Балта-салдыра въ 6 часовъ утра, 2-й эшелонъ сѣверной колонны пришелъ на Бишъ-чапанъ только въ 8 часовъ вечера, гдѣ, въ песчаной котловинѣ, находились два колодца на разстояніи около двухъ верстъ одинъ отъ другаго. Войска расположились у одного; верблюды-же пользовались водою изъ другаго колодца.

Второй переходъ на колодцы Утаръ, хотя значительно короче предыдущаго, представлялъ еще большія затрудненія отъ массы песковъ, встрѣчаемыхъ по пути, съ часто повторяющимися высокими, крутыми песчаными перекатами. Колонна ночевала не на самыхъ колодцахъ Утаръ, а на расположенномъ въ 2-хъ верстахъ въ сторонѣ колодцѣ Акъ-кудукъ, гдѣ, по словамъ туземцевъ, въ 1873 году вода была лучше и въ большемъ количествѣ, чѣмъ на Утарѣ.

Южная колонна 1-го эшелона дошла въ этотъ день до колодцевъ Байманъ-тапты.

Первый переходъ по южной дорогѣ отъ Балта-салдыра до колодца Кошъ-байги, хотя довольно длинный —до 31 версты, былъ не очень утомительный, такъ какъ дорога все время пролегаетъ по ровной, твердой мѣстности, почти безъ песковъ.

2-й переходъ также былъ не трудный, хотя здѣсь встрѣчались незначительные пески, въ 2-хъ верстахъ не доходя ночлега. Скучно и въ высшей степени однообразно тянулось дальнѣйшее слѣдованіе эшелоновъ джизакской колонны къ Аяку и Аристанъ-бель-кудуку. Безбрежная, мертвенная пустыня разнообразилась лишь или выпадавшими дождями, или вѣтромъ съ пескомъ, или рѣзкимъ холодомъ; на ночлегѣ у колодцевъ Аякъ морозъ достигалъ до 6 градусовъ по Реомюру. Свѣжая погода была весьма кстати для похода; солдаты чувствовали себя отлично и шли по пескамъ бодро, весело. Но верблюды, по прежнему, представляли печальнѣйшую картину. Не смотря на дорогу болѣе соотвѣтствовавшую ихъ природѣ, не смотря на кормъ, хотя и скудный, кое-гдѣ показавшійся въ степи, не взирая на дневки, которыя дѣлались собственно для отдыха и поправки верб-

(1) О трудности этихъ переходовъ можно судить, между прочимъ, по слѣдующему разсказу изъ одного походнаго дневника. Надо замѣтить, что эшелоны слѣдовали въ такомъ порядкѣ: впереди—казачій разъѣздъ, затѣмъ—пѣхотныя части и при нихъ артиллерія, потомъ—вьючный обозъ и за нимъ арріергардъ изъ пѣхотныхъ частей. Служба въ арріергардѣ была очень тяжела, почему части въ немъ смѣнялись ежедневно. Обыкновенно арріергардныя части поднимались съ ночлеговъ и выступали съ нихъ одновременно съ прочими войсками эшелоновъ, но на ночлеги арріергардъ приходилъ значительно позже. Вотъ подлинныя слова дневника· „О трудности переходовъ я могу обрисовать дежурство мое въ арріергардѣ съ полувзводомъ на второмъ переходѣ отъ Балта-салдыра (т. е. между Бишъ-чапаномъ и Акъ-кудукомъ). Выступили мы съ ночлега въ 8 часовъ утра; погода была пасмурная, на пескѣ были видны слѣды недавняго дождя. Отрядъ уже ушелъ, а я съ полувзводомъ остался ждать выхода послѣднихъ верблюдовъ, которыхъ съ ночлега поднимали нагайкою, а имъ предстояло пройти слишкомъ 30 верстъ, наконецъ, поднялись всѣ, кромѣ 5 верблюдовъ, которыхъ мы тутъ и оставили. Отошли не болѣе версты—1 верблюдъ палъ; арріергардъ остановился, стали перекладывать тяжести на всѣхъ остальныхъ; оставили лауча у верблюда, а сами тронулись дальше; но не прошли и 2-хъ верстъ, какъ опять упалъ верблюдъ; тяжесть съ него опять разложили, и такъ почти на каждой верстѣ мы оставляли по одному изъ этихъ несчастныхъ тружениковъ. Не смотря ни на какія затрудненія, часамъ къ 2-мъ по-полудни мы прошли, однако, половину пути; еще оставалась другая половина; въ началѣ второй половины перехода мы еще перевьючивали вьюки съ отсталыхъ верблюдовъ, а потомъ начали оставлять вещи по пути, исключая такихъ, которыя солдаты разбирали по башлыкамъ и мѣшкамъ. Не доходя 10 верстъ до ночлежнаго пункта, палъ лучшій верблюдъ подъ понтономъ, и эту громаду намъ пришлось нести на рукахъ саженъ сто, чтобы навьючить ее на другаго верблюда. Весь путь пролегалъ по сыпучимъ барханамъ; песокъ такой, что лошадь вязла по колѣно".

людовъ, ничто не поправляло въ отрядѣ дѣла съ вьючными животными: они продолжали падать и убыль ихъ достигала размѣровъ, сильно озабочивавшихъ войска. Вообще хотя и немного, но нѣкоторымъ частямъ войскъ пришлось оставить на дорогѣ часть зернового фуража и крупы, такъ какъ, за убылью верблюдовъ, не на чемъ было ихъ везти.

Чѣмъ дальше отрядъ углублялся въ степь, тѣмъ болѣе войска начинали свыкаться съ дурной водою степныхъ колодцевъ. На первыхъ переходахъ по степи, рѣдко кто въ отрядѣ избѣгъ разстройства желудка отъ недоброкачественной колодезной воды. Всѣ, кто только могъ и у кого были запасы клюквенной и прочихъ эссенцій, иначе и не пили колодезной воды, и просто, и въ чаѣ, какъ подливая въ нее эти эссенціи, но потомъ мало-по-малу привыкали къ степной водѣ и пили ее безъ примѣсей. Конечно, въ этомъ случаѣ не малую роль играло истощеніе запасовъ разныхъ сироповъ и клюквенныхъ экстрактовъ. За то съ какимъ наслажденіемъ всѣ пили прекрасную, прѣсную, холодную воду на колодцахъ Аякъ.

Слухи о непріятелѣ, которые всегда какъ-то особенно оживляютъ военные лагери, совсѣмъ прекратились. Подполковникъ Ивановъ, оставивъ въ Тамдахъ 17-ю оренбургскую сотню, выѣхалъ на встрѣчу командующаго войсками, на колодцы Суллы, съ нѣсколькими казаками. Это служило для отряда наглядным доказательствомъ, что въ степи все тихо, никакихъ шаекъ Садыка нигдѣ нѣтъ, и что пока приходится одолѣвать лишь однообразіе и томительную непривѣтливость степной природы.

Къ 30 марта джизакская колонна достигла Аристанъ-бель-кудука и Аяка и расположилась: 1-й и 2 й эшелоны—на первыхъ, а 3-й и 4-й эшелоны—на послѣднихъ колодцахъ.

Этимъ закончилась первая часть похода, которая, какъ видно изъ предыдущаго, не обошлась безъ значительныхъ усилій со стороны войскъ. Они выступили съ сборнаго пункта и сдѣлали первые пять переходовъ при самой неблагопріятной погодѣ; бураны, холодные вѣтры, дожди, сопровождали все движеніе вдоль подошвы Нуратынъ-тау и первые переходы отъ Темиръ-кобука въ Кизылъ-кумской степи. Нѣкоторымъ частямъ войскъ, слѣдовавшимъ отъ Балта-салдыра по сѣверной дорогѣ, пришлось совершить нѣсколько весьма длинныхъ и тяжелыхъ переходовъ, черезъ глубокіе, сыпучіе пески, по барханамъ. Съ отдѣленіемъ отъ горъ, войска уже ни на одномъ ночлегѣ не пили совершенно прѣсной воды, хотя и встрѣчались колодцы съ такъ-называемою порядочною водою. Въ началѣ похода и эта порядочная вода казалась съ непривычки отвратительною. Сильная убыль въ верблюдахъ и частая перевьючка во время марша также утомляла людей; особенно тяжела была служба въ арріергардѣ и для частей, конвоирующихъ вьючные обозы; занятые цѣлый день подбираніемъ вьюковъ, перевьючкою и поддержкою слабыхъ и устававшихъ верблюдовъ, люди, входившіе въ составъ этихъ частей, должны были согласовать свой шагъ съ медленнымъ движеніемъ вьючныхъ животныхъ и, оставаясь цѣлый день на ногахъ, безъ правильныхъ привaловъ, приходить на ночлеги значительно позже своихъ товарищей.

Казалось-бы, что всѣ эти тяжелыя условія походной жизни должны были въ высшей степени вредно отозваться на силахъ и здоровьи солдатъ. Но этого не было. Состояніе здоровья въ войскахъ было вполнѣ благопріятное. Къ 1-му апрѣля, т. е. ко дню окончательнаго сосредоточенія всѣхъ частей джизакской колонны на колодцахъ *Аякъ* и *Аристанъ-бель*, въ походномъ лазаретѣ состояло больныхъ 3 и при своихъ частяхъ, слабыми, 23 человѣка (¹). Причины такого

(¹) Изъ числа этихъ 26 больныхъ и слабыхъ, 7 человѣкъ страдали перемежающеюся лихорадкою, 8—слизистымъ поносомъ, 1—грудною болью, 1—болѣзнью половыхъ органовъ, 2—глазами, 1—ревматизмомъ, 3—ушибами и 3—наружными болѣзнями. Вообще и этотъ небольшой процентъ больныхъ при отрядѣ страдалъ отъ болѣзней въ весьма незначительной степени. Болѣзни были не упорныя и легко и скоро излѣчивались.

цвѣтущаго состоянія здоровья въ войскахъ, превосходившаго всякія ожиданія, надо искать въ постоянной, благоразумной заботливости о нижнихъ чинахъ начальниковъ частей и офицеровъ, и въ бдительной, неутомимой дѣятельности врачей, какъ главнаго, такъ и состоявшихъ при частяхъ войскъ. Горячая пища съ фунтомъ говядины давалась людямъ два раза въ сутки: передъ выступленіемъ и по приходѣ на ночлегъ; чай же нижніе чины пили когда хотѣли и когда позволяло время, какъ на ночлегахъ, такъ и на привалахъ. Несомнѣнно, что чай не мало способствовалъ къ поддержанію силъ и здоровья солдатъ.

Но главнѣйшую причину такого малаго процента больныхъ надо искать въ прекрасныхъ походныхъ и боевыхъ качествахъ русскаго солдата вообще. Качества эти обнаружились во время хивинскаго похода самымъ блестящимъ образомъ. Исторія можетъ, для передачи потомству, сказать, что „духъ въ войскахъ былъ превосходный“; но имѣть полное и ясное понятіе о томъ прекрасномъ настроеніи, которое господствовало въ войскахъ во время хивинскаго похода, можетъ лишь тотъ, кто самъ видѣлъ въ лицо нашего солдата, шагающаго по невылазнымъ пескамъ, съ ничтожнымъ запасомъ соленой воды въ манеркѣ, съ бодрымъ видомъ и веселымъ отвѣтомъ на привѣтствіе главнаго начальника, обгонявшаго ихъ во время марша. Словомъ, на первыхъ-же переходахъ можно было придти къ заключенію, что съ такими войсками нѣтъ неодолимыхъ преградъ, нѣтъ непроходимыхъ степей.

III.

Колодцы Аристанъ-бель-кудукъ.—Рекогносцировка колодцевъ Манамъ-джанъ.—Отправленіе туда 1-го эшелона.—Рекогносцировка ключей Киндерли-булакъ.—Письмо бухарскому эмиру.—Уполномоченный кокандскаго хана.—Мѣры къ скорѣйшему слѣдованію интендантскаго транспорта.—Состояніе вьючнаго обоза.—Попытка произвести закупку провіанта въ Бухарѣ. — Свѣдѣнія отъ полковника Голова и подполковника Иванова.—Первый день Св. Пасхи на Аристанъ-бель-кудукѣ и Манамъ-джанѣ.—Извѣстіе о дѣйствіи кавказскихъ войскъ.—Прибытіе русскихъ плѣнныхъ въ Казалинскъ.—Характеръ мѣстности, лежащей по направленію операціонной линіи туркестанскаго отряда. — Дороги. — Характеръ песковъ: Акъ, Кизылъ, Каракумовъ. — Дальнѣйшее движеніе съ Аристанъ-бель-кудука на Каракъ-ата и отсюда чрезъ Султанъ-биби на Халъ-ата. — Соединеніе на этомъ урочищѣ джизакской и казалинской колоннъ. — Распоряженіе о дальнѣйшемъ переходѣ отъ Халъ-ата къ Аму-дарьѣ. — Устройство укрѣпленія Св. Георгія.—Планъ движенія къ Аму.

Невысокія горныя возвышенности, имѣющія нѣкоторую связь съ Казакъ-бель-тау (1), образуютъ отдѣльный кряжъ, носящій мѣстное названіе Аристанъ-бель-тау. Кряжъ состоитъ изъ ряда холмовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга оврагами, по которымъ во время таянія снѣга текутъ ручьи. Такъ какъ почва Аристанъ-бель-тау состоитъ частью изъ песку, частью же изъ хряща, то вода, текущая по оврагамъ, просачивается сквозь верхніе слои и, на глубинѣ пяти и менѣе саженъ, образуетъ подземные бассейны; они-то и служатъ источниками для добыванія воды въ засухи. Колодцы, вырываемые въ оврагахъ, тѣмъ обильнѣе водою, чѣмъ болѣе снѣга зимою, чѣмъ чаще весенніе дожди,—наконецъ, чѣмъ менѣе эти колодцы подвержены песчанымъ заносамъ.

Оврагъ, въ которомъ стояли войска съ 30-го марта по 12-е апрѣля, имѣетъ общее направленіе и паденіе съ запада на востокъ; длина его около 450 саж., а наибольшая ширина 100 саженъ. Съ южной стороны, почти на серединѣ, въ него впадаетъ другой оврагъ, менѣе широкій и короткій; здѣсь и въ восточной части главнаго оврага образовались уширенія, которыя и были самыми удобными мѣстами для расположенія бивуака. Въ концѣ оврагъ уширялся значительнѣе, чѣмъ въ серединѣ, поворачивалъ на востокъ и, сдѣлавъ колѣно, выходилъ въ степь. Это путь, по которому 1-й и 2-й эшелоны пришли съ Аяка.

(1) У подножія Казакъ-бель-тау находятся колодцы Аякъ-кудукъ.

Аристанъ-бель-кудукъ составляетъ цѣлую группу колодцевъ, расположенныхъ въ описанномъ оврагѣ. Если идти по его дну съ запада на востокъ, въ самомъ началѣ встрѣчается неглубокій и обильный колодезь съ хорошей прѣсной водою; имъ пользовались казаки и стрѣлки (рота), стоявшіе бивуакомъ на южномъ берегу оврага; далѣе, въ довольно близкомъ разстояніи отъ перваго, еще два колодца: одинъ едва давалъ 15 ведеръ въ сутки, другой—болѣе 50-ти. Не доходя побочнаго оврага, еще четвертый колодезь, дававшій въ сутки около 60 ведеръ хорошей прѣсной воды; возлѣ него помѣщалась ставка командующаго войсками, съ главной квартирой. За расположеніемъ главной квартиры было еще два колодца, но въ нихъ воды почти не было. Въ восточной части оврага колодцевъ было семь; три, изъ которыхъ брала воду саперная рота, давали около 80 ведеръ въ сутки. Всѣ колодцы въ раіонѣ расположенія лагеря были вырыты въ каменистомъ грунтѣ; вода изъ нихъ скоро вычерпывалась и очень медленно накоплялась, такъ-что прибыль воды не соотвѣтствовала потребностямъ войскъ. Во всѣхъ перечисленныхъ колодцахъ вода была порядочная, хотя мутная; въ нѣкоторыхъ—слегка солоноватая, и изъ этихъ послѣднихъ она бралась только для варки пищи и для чаю.

Верстахъ въ двухъ отъ Аристанъ-бель-кудука, по направленію къ с.-в.-в., было 13 колодцевъ, которые могли снабдить водою верблюдовъ и лошадей одного эшелона; всѣ они имѣли соленую воду, негодную на питье и на варку пищи людямъ. Для правильнаго расходованія воды, у каждаго колодца въ лагерѣ ставились часовые; назначенъ былъ также офицеръ, на обязанности котораго лежало общее наблюденіе за водоснабженіемъ. До какой степени указанныя мѣры были необходимы и важны, можетъ понять только тотъ, кто ходилъ въ большомъ отрядѣ по маловоднымъ степямъ. Каждый день колодцы очищались; нѣкоторые даже были нѣсколько углублены.

Въ западной части большаго оврага, гдѣ въ него впадаетъ побочный, видна набитая тропинка, направляющаяся на Манамъ-джанъ. Переваливъ чрезъ юго-западный отрогъ Аристанъ-бель-тау, она вступаетъ въ тѣсное скалистое ущелье, круто спускаясь на его дно, загроможденное камнями. Караваны въ этомъ направленіи никогда не двигаются. Отдыхая на колодцахъ Аристанъ-бель-кудукъ и направляясь на Манамъ-джанъ, они предпочитаютъ болѣе кружный, но за то и болѣе удобный путь, выбираясь сначала изъ ущелья тою-же дорогой, которою пришли въ него, и огибая затѣмъ восточные склоны Аристанъ-бель-тау, гдѣ пролегаетъ большая караванная дорога на Манамъ-джанъ (1).

Въ первый же день по приходѣ на Аристанъ-бель-кудукъ, главный начальникъ войскъ ѣздилъ осматривать прямой выходъ изъ занятаго отрядомъ оврага. Выходъ этотъ оказался въ высшей степени труднымъ для вьючнаго обоза и совершенно недоступнымъ для артиллеріи. Желая избѣжать длинный и утомительный обходъ (около 4-хъ верстъ лишнихъ), приказано было туркестанской саперной ротѣ разработать спускъ съ перевала и расчистить ущелье отъ камней, препятствовавшихъ движенію. Работа эта саперною ротою и двумя ротами 1-го стрѣлковаго баталіона была окончена менѣе, чѣмъ въ двое сутокъ. Трудный и почти недоступный спускъ былъ приведенъ въ такой видъ, что не только вьючный обозъ, но и артиллерія могли свободно двигаться.

Горы Аристанъ-бель-тау вообще весьма каменисты. На ихъ покатостяхъ не встрѣчается ни корма для животныхъ, ни топлива. Пастбище для лошадей и верблюдовъ находится

(1) Съ Алка есть и прямой путь на Манамъ-джанъ, но онъ—около 50 верстъ и безводный. На Манамъ-джанъ существуетъ также прямой путь и съ колодцевъ Масчи, но онъ тоже около 50 верстъ и безводный, если не считать колодца Бишъ-чапанъ (въ 16 верстахъ отъ Масчи), глубокаго и маловоднаго. Оба указанные пути не были избраны для движенія по нимъ отряда, потому что они значительнаго протяженія и безводные.

въ трехъ и болѣе верстахъ отъ описаннаго оврага. Туда приходилось посылать значительныя команды отъ войскъ, для охраны кормившагося скота. За топливомъ посылались также небольшія части войскъ. Все это тяжело ложилось на отрядѣ, обремененномъ и безъ того аванпостной службой.

Стратегическое положеніе колодцевъ Аристанъ-бель и Аякъ-кудукъ было очень выгодно для сбора войскъ передъ перемѣною направленія движенія Колодцы эти лежали одновременно: 1) на пути, по которому первоначально предполагалось двигаться джизакской колоннѣ черезъ Тамды къ Буканскимъ горамъ; 2) на самой границѣ нашихъ владѣній съ Бухарою, и 3) какъ-разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ отдѣляется лучшій путь на Халъ-ата. Мимо колодцевъ Аристанъ-бель-кудукъ идетъ большая казалинско-бухарская караванная дорога; сюда же выходятъ дороги изъ *Перовска*, *Джулека* и съ *Яны-дарьи* черезъ *Тохта-тау* и *Кидери*.

Стоянка 3 и 4 эшелоновъ на колодцахъ Аякъ-кудукъ была вполнѣ удовлетворительна: вода въ пяти имѣющихся тамъ колодцахъ была хороша и въ совершенно достаточномъ количествѣ для войскъ и животныхъ; кормъ и топливо имѣлись въ ближайшихъ къ биваку окрестностяхъ. Въ самомъ лагерѣ было всего два колодца; но колодцы эти, высѣченные въ скалѣ, изобиловали свѣжею ключевою водою. Остальные три колодца находились въ нѣкоторомъ удаленіи отъ лагеря и служили преимущественно для водопоя.

Къ несчастію, нельзя сказать того-же о мѣстѣ стоянки на *Аристанъ-бель-кудукѣ*, гдѣ была сосредоточена главная часть отряда.

Уже на третій день по сборѣ первыхъ двухъ эшелоновъ въ Аристанскихъ горахъ, сталъ замѣчаться недостатокъ въ водѣ, а къ 5 апрѣля недостатокъ этотъ сдѣлался весьма чувствителенъ Для того, чтобы выйти изъ такого затрудненія, оставалось одно средство: раздѣлить собранные на Аристан-бельскихъ колодцахъ войска и отправить часть ихъ на какіе-нибудь другіе колодцы. Вовсе оставить колодцы Аристанъ-бель-кудукъ нельзя было до прибытія интендантскаго транспорта. Поэтому рѣшено было выдвинуть 1-й эшелонъ на колодцы Манамъ-джанъ. Обстоятельство, что движеніемъ этимъ обнаруживалось намѣреніе двинуться на Халъ-ата нѣсколько ранѣе начала общаго движенія, теперь не имѣло уже значенія, такъ-какъ о новомъ планѣ въ то время было извѣстно въ Бухарѣ (1), а слѣдовательно по всему вѣроятію и въ Хивѣ.

Но предварительно отправленія 1-го эшелона въ Манамъ-джанъ, произведена была рекогносцировка въ этомъ направленіи Его Императорскимъ Высочествомъ Княземъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ Романовскимъ, Герцогомъ Лейхтенбергскимъ. 5-го апрѣля, въ 5 часовъ утра, Его Высочество, въ сопровожденіи состоявшаго при немъ полковника Фонъ-Мейера, флигель-адъютанта графа Берга и генеральнаго штаба подполковника барона Аминова, съ отрядомъ изъ ракетнаго дивизіона и № 1 уральской сотни, отправился на колодцы Манамъ-джанъ, откуда и возвратился около 2-хъ часовъ пополудни, исполнивъ возложенное на него порученіе.

Результаты рекогносцировки оказались вполнѣ благопріятны, а потому 6-го апрѣля 1-й эшелонъ перешелъ съ колодцевъ Аристанъ-бель-кудукъ на колодцы Манамъ-джанъ. На Манамъ-джанѣ воды для перваго эшелона было больше чѣмъ достаточно; грунтовая вода на этомъ мѣстѣ оказалась весьма близка. На поверхности земли около колодцевъ видны были во многихъ мѣстахъ неровности въ родѣ глиняныхъ кочекъ. Стоило только порыть нѣсколько футовъ въ этихъ кочкахъ и изъ нихъ тотчасъ-же сочилась вода. Неровности эти, надо полагать, образовались подземнымъ давленіемъ родниковъ.

Вслѣдствіе ухода 1-го эшелона, для войскъ, оставшихся на Аристанѣ, не было ощущаемо уже недостатка въ водѣ.

---

(1) Рѣшивъ измѣнить направленіе движенія, командующій войсками увѣдомилъ объ этомъ письмомъ бухарскаго эмира.

Въ предыдущей главѣ объяснены причины остановки эшелоновъ на колодцахъ Аякъ и Аристанъ-бель. Главнѣйшая изъ нихъ была—необходимость подтянуть къ отряду 1-й эшелонъ большаго интендантскаго транспорта, для пополненія запасовъ въ войскахъ и для окончательнаго устройства продовольственной ихъ части до выступленія далѣе по новому пути.

Изъ предыдущаго также извѣстно, что 1-й эшелонъ интендантскаго транспорта выступилъ изъ Джизака только 29 марта; между тѣмъ 2-й въ этотъ день находился на маршѣ отъ Ташкента къ Чиназу. 1-му эшелону транспорта было предписано съ колодцевъ Такиръ свернуть съ начатаго направленія на колодцы Балта-салдыръ и отсюда слѣдовать далѣе, по такъ-называемой южной дорогѣ, на колодцы Аристанъ-бель-кудукъ. Вслѣдствіе неполученія никакихъ извѣстій о первомъ эшелонѣ транспорта, со дня выступленія его изъ Джизака, командированъ былъ съ Аристанъ-бель-кудука подполковникъ Хорошхинъ на встрѣчу транспорта. Ему было приказано, по встрѣчѣ съ нимъ, осмотрѣть транспортъ и немедленно донести о его положеніи; если по осмотрѣ транспорта оказалось-бы, что онъ слѣдуетъ не въ порядкѣ, что движеніе его слишкомъ медленно, то, по соглашенію съ сопровождающимъ транспортъ помощникомъ начальника ходжентскаго уѣзда, подполковникъ Хорошхинъ обязанъ былъ принять всѣ мѣры къ устраненію замедленій, не стѣсняясь въ данномъ случаѣ средствами, необходимыми для достиженія этой цѣли.

Подполковникъ Хорошхинъ встрѣтилъ интендантскій транспортъ на колодцахъ Балта-салдыръ, въ составѣ 1494-хъ верблюдовъ, изъ которыхъ 129 были никуда негодные. Въ рапортѣ съ колодцевъ Балта-салдыръ, онъ просилъ выслать изъ отряда на встрѣчу транспорта сколько возможно болѣе свободныхъ верблюдовъ, для облегченія вьючныхъ животныхъ. По полученіи этого донесенія, немедленно отправлены были съ колодца Аякъ 300 верблюдовъ на встрѣчу транспорта. Изъ ожидавшагося транспорта приказано было половину запасовъ раздать на Аякѣ войскамъ 3-го и 4-го эшелоновъ, а остальные отправить далѣе, на колодцы Аристанъ-бель.

Между тѣмъ подполковникъ Хорошхинъ, предвидя замедленіе въ движеніи транспорта и боясь поставить этимъ войска въ затруднительное положеніе, распорядился выслать впередъ въ отрядъ особый экстренный транспортъ изъ 230 лучшихъ и, по возможности, скороходныхъ верблюдовъ. Провіантъ этотъ 8-го апрѣля прибылъ на колодцы Аристанъ-бель-кудукъ, какъ нельзя болѣе кстати. Выше было указано, что войска, при выступленіи съ р. Клы, были снабжены продовольствіемъ всего по 12-е апрѣля; но сильная убыль верблюдовъ во время марша не могла не отразиться на порядкѣ въ хозяйствѣ войскъ (1), такъ-что, ко дню прибытія экстреннаго транспорта, въ нѣкоторыхъ частяхъ провіантъ былъ почти на исходѣ.

По прибытіи къ отряду остальныхъ частей 1-го интендантскаго транспорта, войска были удовлетворены провіантомъ по 1-е мая; если-же считать дачу въ $1^1/_2$ фунта, то сухарей могло достать до 7-го числа (2).

---

(1) За убылью и недостаткомъ верблюдовъ, часть провіанта оставлена была еще на Клы, а часть брошена на дорогѣ.

(2) $1^1/_2$-фунтовая сухарная дача, при 1 фунтѣ мяса, по удостовѣренію главнаго отряднаго врача, ст. сов. Суворова, была совершенно достаточна для надлежащаго питанія солдата, а потому и приказано было убавить сухарную дачу съ 2-хъ фунтовъ на $1^1/_2$ фунта въ день. Помимо приведеннаго указанія главнаго отряднаго врача, которое собственно удостовѣряло, что уменьшеніе дачи сухарей на $^1/_2$ фунта не могло вредно отозваться на ослабленіи силъ солдата, это уменьшеніе мотивировалось главнымъ образомъ возможнымъ сокращеніемъ расхода наличнаго провіанта. Неудовлетворительное состояніе верблюдовъ, какъ въ войсковыхъ вьючныхъ обозахъ, такъ и въ интендантскихъ транспортахъ, бывшее причиною того, что часть запасовъ продовольствія пришлось оставлять по пути, поставило въ необходимость принять мѣры къ сокращенію расхода наличныхъ запасовъ продовольствія и къ уменьшенію сухарной дачи до $1^1/_2$ фунта, тогда какъ до Аристанъ-бель-кудука и во время стоянки на этихъ колодцахъ войска получали по 2 фунта. Тронувшись съ Аристанъ-бель-кудука далѣе въ степь, отрядъ отдалялся отъ второй половины интендантскаго транс-

По принятіи провіанта изъ экстреннаго транспорта, отъ нѣкоторыхъ начальниковъ частей поступили донесенія, что въ числѣ провіанта нѣкоторые вьюки приняты въ частяхъ съ недоброкачественными сухарями. Тотчасъ-же сдѣлано было распоряженіе о назначеніи на Аристанъ-бель-кудукѣ и на Аякѣ отдѣльныхъ коммисій, коимъ приказано было опредѣлить наличное состояніе всѣхъ продовольственныхъ запасовъ въ частяхъ войскъ, а также—какіе именно припасы и сколько таковыхъ признаются негодными и недоброкачественными (1). Коммисія, свидѣтельствовавшая сухари на Аристанъ-бель-кудукѣ въ 1-мъ и 2-мъ эшелонахъ, донесла, что они „оказались доброкачественными во всѣхъ частяхъ войскъ 1-го и 2-го эшелоновъ, исключая 1-го и 3-го туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, въ которыхъ сухари, въ самомъ незначительномъ количествѣ, какъ надо полагать, отъ безпрерывныхъ дождей, подмокли и на нихъ появилась плесень“ (2). Коммисія же, учрежденная въ Аякѣ, по освидѣтельствованіи продовольственныхъ припасовъ 3-го и 4-го эшелоновъ, рапортомъ въ полевой штабъ, отъ 2-го апрѣля 1873 года за № 73, донесла о хорошемъ качествѣ всѣхъ наличныхъ продовольственныхъ припасовъ. Испорченные сухари, оказавшіеся только въ 1-мъ и 3-мъ стрѣлковыхъ баталіонахъ, приказано было не принимать; ихъ назначили на кормъ верблюдовъ и оставили въ Аристанъ-бель-кудукѣ.

Во время движенія джизакской колонны отъ р. Клы до Аяка и Аристанъ-бель-кудука, не было перехода, на которомъ войска не теряли-бы значительнаго количества верблюдовъ; они падали безъ счета, и во время переходовъ не было возможности слѣдить за общимъ количествомъ верблюдовъ въ войскахъ; невозможно было сказать, сколько каждый день ихъ падало, заболѣвало, или, просто отъ изнуренія, двигалось за войсками безъ всякой клади, и сколько затѣмъ находилось на лицо совершенно годныхъ подъ вьюками.

Вообще, не смотря на всѣ принятыя мѣры, вьючный обозъ войскъ далеко не былъ въ надлежащемъ порядкѣ; неисправность его могла поставить отрядъ въ самое невыгодное положеніе; даже успѣхъ предпринятой экспедиціи зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ сохраненія къ безводнымъ переходамъ перевозочныхъ средствъ. Имѣя въ виду все вышеизложенное, главный начальникъ войскъ, по приходѣ на Аристанъ-бель-кудукъ, немедленно озаботился о приведеніи въ извѣстность состоянія верблюдовъ, о пополненіи ихъ, правильномъ распредѣленіи по частямъ и вообще о приведеніи вьючнаго обоза въ бо́льшій порядокъ.

Заботами завѣдывавшаго населеніемъ въ Кизылъ-кумской степи, подполковника Иванова, киргизами было выставлено для джизакской колонны 828 верблюдовъ, которые и были распредѣлены въ части войскъ. Но коммисія, назначенная для приведенія въ ясность положенія вьючнаго обоза, нашла, что, не смотря на общую убыль въ 1410 (3) верблюдовъ, для подъема отрядныхъ тяжестей требовалось добавить не 526 (4), какъ-бы слѣдовало по разсчету, а 1058.

порта, который, по плохому состоянію верблюдовъ, встрѣчалъ въ своемъ слѣдованіи такія же затрудненія, какъ выше указанныя, испытанныя первою половиною этого транспорта Поэтому возможная бережливость въ расходованіи того запаса провіанта, который былъ на-лицо при отрядѣ, была настоятельно необходимою. Выше было указано, что отрядъ поднятыми за нимъ запасами провіанта обезпечивался на $2^1/_2$ мѣсяца, по разсчету 2 ф. сухарей въ день на человѣка. Этой дачи и держались въ первую половину похода по Кизылъ-кумской степи до Аристанъ-бель-кудука. Но во время стоянки на этихъ колодцахъ выяснилось, что интендантскіе транспорты слѣдуютъ съ большими задержками и могутъ замедлить движеніе отряда. Неожиданное, выходящее изъ всякихъ разсчетовъ, неудовлетворительное состояніе верблюдовъ измѣнило первоначальныя соображенія по вопросу объ обезпеченіи отряда продовольствіемъ. Какъ видно будетъ ниже, для обезпеченія отряда провіантомъ пришлось прибѣгнуть къ закупкѣ его въ Бухарѣ и доставкѣ оттуда на Халъ-ата.

(1) Приказъ командующаго войсками отъ 1-го апрѣля 1873 года, за № 19.

(2) Рапорты коммисіи отъ 2-го апрѣля 1873 года, за №№ 1 и 2.

(3) Изъ этого числа 874 верблюда пало на разстояніи 462 верстъ отъ Ташкента до Аяка и Аристанъ-бель-кудука и 536 верблюдовъ отпущены съ дороги домой за негодностью.

(4) На лицо въ отрядѣ верблюдовъ оставалось 2678. Добавлено было свѣжихъ вьючныхъ животныхъ 884 (828 отъ кизылъ-кумскихъ киргизъ и 56 бухарскихъ);

Разница эта произошла оттого, что, при выходѣ изъ Ташкента, разсчитывалось на вьюки по 12 пудовъ; на самомъ же дѣлѣ оказались верблюды, которые едва везли 6 пудовъ. Отъ этого вновь пріобрѣтенные 884 верблюда не могли удовлетворить полной въ нихъ потребности (1).

Кромѣ вьючнаго обоза отряда, предстояла необходимость устроить также и продовольственную часть въ войскахъ на дальнѣйшіе переходы къ Аму-дарьѣ. Съ этою цѣлью, вмѣстѣ съ сообщеніемъ въ Ташкентъ, 31-го марта, окружному интенданту о вновь рѣшенномъ направленіи, ему предписано было немедленно отправить новый транспортъ въ Халъ-ата, съ мѣсячнымъ довольствіемъ для войскъ джизакской колонны.

Для болѣе вѣрнаго обезпеченія отряда въ продовольственномъ отношеніи, рѣшено было произвести также, если можно, закупки хлѣба въ Бухарѣ. Исполненіе этого дѣла принялъ на себя купецъ Громовъ.

Закупленный Громовымъ провіантъ былъ впослѣдствіи доставленъ на Халъ-ата и послужилъ войскамъ уже при обратномъ слѣдованіи ихъ изъ Хивы въ Ташкентъ.

Во время стоянки на колодцахъ Аристанъ-бель-кудукъ, были получены послѣдовательно нѣсколько донесеній отъ начальника казалинской колонны: о выступленіи войскъ изъ Казалинска и Перовска, о сосредоточеніи ихъ на уроч. Иркибаѣ, объ устройствѣ тамъ Благовѣщенскаго укрѣпленія, о достиженіи колодца Кизылъ-какъ и Буканскихъ горъ (2). Кромѣ донесенія полковника Голова, получены были еще нѣсколько донесеній отъ сопровождавшаго казалинскій отрядъ подполковника Иванова, распоряженіями котораго буканскіе киргизы выставили для казалинской колонны 359 верблюдовъ (159—на Уй-буканѣ и 200—на Юзъ-кудукѣ). Его же распоряженіями на всемъ пути отъ Буканскихъ горъ до Тамды, на ночлегахъ, были выставлены кибитки, заготовлено топливо, расчищены колодцы и пригнаны киргизами бараны для продажи войскамъ. По донесеніямъ Голова и Иванова, значительная часть буканскихъ киргизъ, опасаясь военныхъ дѣйствій на ихъ территоріи, ушла съ горъ и перекочевала частью на Яны-дарью, частью же въ хивинскія владѣнія. Они сообщали также, что появились слухи, будто Садыкъ съ тысячною шайкою стоитъ на Минъ-булакѣ (3).

На Аристанъ-бель-кудукѣ, какъ сказано выше, лагерь войскъ расположенъ былъ частью въ самомъ оврагѣ, частью на возвышенности, окаймляющей его съ юга. На послѣдней, съ ранняго утра страстной субботы 7-го апрѣля, хлопоталъ нашъ походный и боевой сотоварищъ, глубокоуважаемый отецъ Андрей Маловъ, устраивая церковный наметъ изъ плотно-приставленныхъ одна къ другой палатокъ бухарскаго образца.

7-го апрѣля было довольно свѣжо; къ вечеру термометръ понизился до 4 градусовъ; при этомъ дулъ рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ, пронизывавшій до костей. Было очень темно. Въ лагерѣ мѣстами горѣли костры, у которыхъ грѣлись не спавшіе солдаты. На горкѣ свѣтился большой костеръ, разведенный у самой походной церкви; здѣсь стояла толпа солдатъ, ожидавшая заутрени. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа ночи пущена была сигнальная ракета, по которой всѣ собрались къ церковному намету. Такъ какъ послѣдній состоялъ изъ довольно большой овальной палатки, къ открытой сторонѣ которой примыкалъ одинъ только холщевый навѣсъ безъ боковъ, то только часть старшихъ чиновъ и гг. офицеры помѣстились въ палаткѣ и, слѣдовательно, укры-

---

цифра потери верблюдовъ была—1410. Слѣдовательно, приходилось добавить еще къ 884 верблюдамъ—526. Войска же требовали добавки 1058 (869—подъ провіантъ и прочія тяжести и 189—подъ свои турсуковъ). Для удовлетворенія этой послѣдней потребности сдѣлано было распоряженіе о пріемѣ нужнаго числа верблюдовъ изъ прибывшаго интендантскаго транспорта.

(1) Подробное исчисленіе распредѣленія верблюдовъ и состояніе вьючныхъ транспортовъ въ частяхъ войскъ и въ различныхъ учрежденіяхъ джизакской колонны видно изъ вѣдомости, помѣщенной въ приложеніяхъ.

(2) Описаніе движенія казалинской колонны изложено въ слѣдующей главѣ.

(3) Слухъ этотъ не подтвердился.

лись нѣсколько отъ вѣтра; остальные плотною толпою стояли подъ открытымъ небомъ и въ такомъ положеніи слушали заутреню и литургію. Въ первый разъ, да вѣроятно и въ послѣдній, на Аристанъ-бель-кудукѣ было христіанское богослуженіе. За пѣвчихъ было пять солдатъ, удовлетворительно исполнявшихъ ихъ обязанность. Какъ-то особенно чудно отдавались въ душѣ каждаго изъ слушавшихъ заутреню звуки церковнаго пѣнія. Среди дикой, безплодной пустыни, особенно непріятной своимъ безотраднымъ, мертвеннымъ молчаніемъ, вдали отъ всего дорогаго сердцу, — пѣніе это производило особенное впечатлѣніе. Когда раздалось торжественное пѣніе: „Воскресеніе Твое Христе Спасе“, данъ былъ сигналъ, и три ракеты, послѣдовательно одна за другою, очертили въ ночномъ мракѣ три огненныя полосы, возвѣстивъ пустынѣ о началѣ великаго христіанскаго праздника. Послѣ заутрени, всѣ наличные г.г. офицеры главной квартиры, отряднаго штаба и 2-го эшелона (1) собрались къ ставкѣ главнаго начальника войскъ, для поздравленія съ праздникомъ и для разгавливанія. Командующій войсками сдѣлалъ все возможное, чтобы встрѣтить праздникъ Пасхи въ обстановкѣ, напоминавшей далекую родину. Хлопоты по этому предмету были возложены на его ординарца, войскового старшину фонъ-Берга. Въ блистательно освѣщенномъ шатрѣ поставлены были сервированные столы, съ изящно убранными яствами: разными закусками, куличами, жаркими, разложенными окрашенными яйцами, винами, и т. п.; здѣсь было все, чѣмъ разгавливаются въ Россіи, производя на присутствующихъ самое пріятное впечатлѣніе, соединенное съ тысячами воспоминаній. Праздникъ былъ встрѣченъ какъ слѣдуетъ. Если и оставалось о чемъ жалѣть, то лишь о томъ, что въ такой праздникъ мы не могли видѣть родныхъ и близкихъ, оставленныхъ далеко на сѣверѣ. Генералъ Кауфманъ радушно угощалъ гостей, христосовался съ тѣми офицерами, которые не успѣли поздравить его съ праздникомъ въ церкви послѣ заутрени, а также и съ фельдфебелями, вахмистрами и старшими унтеръ-офицерами 2-го эшелона. Всѣ они были выстроены у ставки командующаго войсками, который раздавалъ каждому по красному яичку (2). И двумъ Августѣйшимъ представителямъ Императорскаго Дома, бывшимъ въ составѣ туркестанскаго отряда, въ первый разъ въ ихъ жизни, довелось встрѣтить этотъ большой праздникъ въ той обстановкѣ, въ которой они его встрѣтили въ 1873 году. Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ, слѣдовавшій въ то время при казалинской колоннѣ и командовавшій ея авангардомъ, провелъ ночь съ 7 на 8 апрѣля среди степи, безъ воды, не доходя 8 верстъ до Бишъ-булака, въ одномъ переходѣ отъ Тамды и въ 4-хъ переходахъ отъ Аристанъ-бель-кудука. Его Императорское Высочество Евгеній Максимиліановичъ былъ вмѣстѣ съ нами у заутрени и у обѣдни и, послѣ литургіи, удостоилъ своимъ присутствіемъ завтракъ у командующаго войсками. Тотчасъ-же по уходѣ Его Высочества послѣ завтрака, командующій войсками и старшіе чины отряда собрались въ палатку Его Императорскаго Высочества Князя Евгенія Максимиліановича, для принесенія ему поздравленія съ праздникомъ.

Не забыли насъ въ этотъ великій праздникъ и въ Ташкентѣ. Русское ташкентское городское общество и купечество прислали свои поздравленія съ праздникомъ командующему войсками, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ и всему отряду. Вмѣстѣ съ поздравленіями русскіе города Ташкента выслали для Ихъ Высочествъ, для главнаго начальника войскъ и начальнику отряда, по русскому обычаю,

(1) 1-й эшелонъ въ это время былъ уже на Манамъ-джанѣ.

(2) Дѣло съ крашеніемъ яицъ въ большомъ количествѣ нѣсколько запоздало. 8 тысячъ яицъ и краски Громовъ присланъ изъ Гиждувана лишь утромъ 7-го апрѣля. Очень хлопотали, чтобы яйца какъ можно скорѣе были выкрашены, дабы успѣть послать ихъ, къ празднику, въ 3-й и 4-й эшелоны, на Аякъ-кудукъ; но не успѣли—и яйца въ эти эшелоны отправлены лишь 9-го апрѣля, на второй день свѣтлаго праздника. Въ 1-й же эшелонъ, бывшій на Манамъ-джанѣ, крашеныя яйца поспѣли во-время.

хлѣбъ-соль, въ видѣ куличей, пасхъ, вина, а для всѣхъ войскъ—чай и сахаръ (1). Послѣднее для войскъ было какъ нельзя болѣе кстати; для нижнихъ чиновъ розговѣнье и пища въ свѣтлый праздникъ, кромѣ нѣсколько улучшеннаго обѣда, отличались отъ обыкновеннаго времени усиленнымъ размѣромъ дачи чаю и сахару. Спирта и винной порціи не разрѣшено было выдавать, даже и въ первый день праздника (2).

Утромъ, въ первый день, многіе дѣлали визиты. Среди нашей походно-степной обстановки было нѣсколько странно смотрѣть на человѣка, одѣтаго въ мундиръ, бѣлыя, чистыя перчатки, ходившаго по пыли и камнямъ, въ изобиліи набросаннымъ по оврагу, и отдающаго визиты по кибиткамъ и палаткамъ. Весь день лагерь имѣлъ оживленный видъ; играла музыка.

Въ эшелонахъ на Аякѣ и Манамъ-джанѣ, совершенно уже по походному, отпразднована была встрѣча праздника св. пасхи. Такъ какъ священника въ отрядѣ былъ одинъ, то божественной службы тамъ не было. Въ 12 часовъ ночи произведенъ былъ выстрѣлъ изъ пушки, пущена ракета и собранныя въ строй войска пропѣли три раза „Христосъ воскресе“; затѣмъ у начальниковъ частей устроено было, на сколько позволяли средства каждаго, розговѣнье для г.г. офицеровъ.

На Аристанъ-бель-кудукъ во второй день праздника джигитъ изъ Ташкента привезъ, кромѣ куличей, пасхи и пр., также и корреспонденцію; въ ней, между прочимъ, были извѣстія о дѣйствіи нашихъ войскъ со стороны Кавказа. Первыя свѣдѣнія о кавказскихъ войскахъ, направленныхъ къ Хивѣ, получены были въ туркестанскомъ отрядѣ въ то время, когда онъ сдѣлалъ первый переходъ отъ Нуратынскихъ горъ въ Кизылъ-кумскую степь. 23-го марта, на колодцахъ Балта-салдыръ, получена была телеграмма (3) начальника главнаго штаба, отъ 1-го марта, въ которой увѣдомлялось: 1) о волненіяхъ на Мангышлакѣ и дѣйствіяхъ на Атрекѣ; 2) о Высочайшемъ повелѣніи—направить съ Мангышлака къ Хивѣ отрядъ въ 6—8 ротъ, съ кавалеріею и артиллеріею, и 3) о томъ, что полковнику Маркозову предписано двинуться въ походъ не иначе, какъ вполнѣ обезпечивъ отрядъ перевозочными средствами и довольствіемъ; ему разрѣшено было уменьшить составъ отряда соразмѣрно числу добытыхъ верблюдовъ. Послѣдующія свѣдѣнія о кавказскихъ войскахъ получены были 28-го марта на колодцахъ Масчи. Начальникъ главнаго штаба увѣдомлялъ, что начальство Кавказскаго округа, по причинѣ неуспѣшнаго сбора верблюдовъ за Атрекомъ, распорядилось перевести часть войскъ и продовольствія изъ отряда полковника Маркозова въ Киндерли, для усиленія мангышлакскаго отряда, который, подъ начальствомъ полковника Ломакина, употребитъ всѣ усилія выступить изъ Киндерли не позже первыхъ чиселъ апрѣля и соединится въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца съ отрядомъ генерала Веревкина около Айбугира, въ

---

(1) Джигитъ привезъ для войскъ 16 пудовъ чаю и 24 пуда сахару.

(2) По настоянію главнаго отряднаго врача, ст. сов. Суворова, наканунѣ праздника, отдано было въ этомъ смыслѣ приказаніе по войскамъ, въ то-же время за маркитантами былъ усиленъ надзоръ и водка ихъ опечатана. Надо полагать, что большинству солдатъ туркестанскаго отряда, первый разъ въ жизни, пришлось праздникъ пасхи встрѣтить безъ водки, и однако это обстоятельство не помѣшало солдатамъ имѣть праздничныя, веселыя лица; въ лагерѣ велись оживленные разговоры и всю свѣтлую недѣлю на бивуакѣ раздавалось лихое солдатское пѣнье. Вмѣстѣ съ тѣмъ не видно было ни одной безобразной сцены, ссоръ, дракъ; не слышалось кричащихъ голосовъ и пьянаго пѣнья; походный лазаретъ не обременился пріемомъ ни одного больнаго съ окровавленною физіономіею, съ подбитымъ глазомъ, съ ушибленною рукою или ногою—неизбѣжными послѣдствіями опьяненія. Совершившійся фактъ, во всѣхъ отношеніяхъ, безусловно опровергъ всѣ доводы лицъ, ходатайствовавшихъ за разрѣшеніе отпуска винной порціи нижнимъ чинамъ по случаю свѣтлаго праздника. Строго и систематически преслѣдуя одну господствующую мысль о сбереженіи здоровья и силъ отряда, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ категорически отказалъ въ просьбѣ упомянутыхъ лицъ.

(3) Телеграфъ въ то время былъ только до Вѣрнаго, откуда депеши посылались эстафетою или почтою въ Ташкентъ, изъ сего послѣдняго—въ Джизакъ и отсюда съ особыми нарочными, чабарами (почтарями-киргизами), вслѣдъ за отрядомъ.

составѣ не менѣе 3-хъ баталіоновъ (1). Телеграмма заключалась словами: „сдва-ли самъ полковникъ Маркозовъ можетъ принять своевременное участіе въ предположенной экспедиціи, и лучше на него вовсе не разсчитывать". На той-же стоянкѣ получено было еще нѣсколько телеграфическихъ извѣщеній изъ Петербурга, Тифлиса и Оренбурга о мангышлакскомъ и красноводскомъ отрядахъ. Въ депешѣ отъ 27-го марта, изъ Тифлиса, генералъ-адъютантъ князь Святополкъ - Мирскій сообщалъ: 1) что отрядъ полковника Маркозова, выступивъ въ составѣ 12-ти ротъ, 16-ти орудій и 4-хъ сотенъ, съ продовольствіемъ для людей по 1-е іюня, а для лошадей только по 10-е мая, прибудетъ въ Игды 22-го апрѣля и въ Змукширъ 9-го мая, и 2) что мангышлакскій отрядъ выступаетъ изъ Киндерли эшелонами: послѣдній эшелонъ—между 6-мъ и 10 мъ апрѣля, и что часть этого отряда, не менѣе 6-ти ротъ, во всякомъ случаѣ, присоединится къ оренбургскому отряду, не доходя Айбугира.

Около того-же времени было получено изъ Казалинска донесеніе отъ и. д. начальника уѣзда о высылкѣ хивинскимъ ханомъ 21 плѣнныхъ русскихъ, находившихся въ Хивѣ. Узнавъ о рѣшеніи нашемъ начать наступательное движеніе противъ Хивы, Магомедъ-Рахимъ-ханъ уступилъ, наконецъ, нѣсколько разъ повтореннымъ требованіямъ и выслалъ въ Казалинскъ нашихъ плѣнныхъ. Но это было уже поздно. 4-го апрѣля 1873 года, въ день полученія этого свѣдѣнія на Аристанъ-бель-кудукѣ, войска всѣхъ трехъ округовъ, назначенныя къ участію въ экспедиціи, были уже далеко на пути къ хивинскимъ предѣламъ, и фактъ освобожденія нашихъ плѣнныхъ, во всякомъ случаѣ, не могъ уже видоизмѣнить цѣли и плана Высочайше предначертанной хивинской кампаніи.

Посольство хивинское, во главѣ котораго былъ начальникъ Ходжейли, Бій-Муртаза-ходжа-Авасходжинъ, прибыло въ Казалинскъ 22-го марта. Оно выступило съ русскими плѣнными изъ Хивы 22-го февраля; шло чрезъ Ходжейли, Чимбай, по восточному берегу Аральскаго моря, въ Казалинскъ. Муртаза-бій везъ съ собою письмо отъ хана, въ которомъ говорилось о высылкѣ плѣнныхъ и которое, какъ заявилъ посланецъ, онъ долженъ былъ лично вручить генералъ-адъютанту Фонъ-Кауфману.

Начальнику Казалинскаго уѣзда приказано было направить посольство изъ Казалинска чрезъ Иркибай, Бакали, Буканскія горы, на Аристанъ-бель-кудукъ, и отсюда вслѣдъ за туркестанскимъ отрядомъ, по направленію его движенія къ Аму-дарьѣ (2). Въ свитѣ посланца было 25 человѣкъ. Выведенные изъ Хивы 21 плѣнныхъ русскихъ, тотчасъ-же по прибытіи въ Казалинскъ, сданы были коменданту форта № 1, размѣщены по казармамъ, зачислены на казенное провіантское довольствіе и отъ нихъ отобраны показанія. Изъ 21 плѣнныхъ были: 11 казаковъ (4—оренбургскаго и 7—уральскаго войска), 1 рядовой оренбургскаго № 1-го линейнаго баталіона, 5 мѣщанъ и 4 крестьянина (3). Всѣ они захвачены въ плѣнъ разновременно, при различныхъ случаяхъ и въ разныхъ мѣстахъ, впродолженіе 1869 — 70 годовъ. Изъ нихъ Бурнашевъ и Зотовъ захвачены въ 1869 году въ оренбургской степи, когда продавали киргизамъ товаръ, вывезенный изъ Оренбурга; казаки Штиновъ и Воротынцевъ взяты въ плѣнъ киргизскими шайками въ 1869 г., въ бытность ихъ смотрителями на станціяхъ Джулюсъ и Кара - кудукъ (въ Кара-кумахъ, Казалинскаго уѣзда, Сыръ-дарьинской области); казаки уральскаго войска Долбленовъ, Гузиновъ, Солодовниковъ, Поповъ и Дурмановъ взяты въ плѣнъ въ 1870 году, въ отрядѣ подполковника Рукина. Рядовой Насейбулинъ схваченъ шайкою вблизи укрѣпленія Масче, ночью,

(1) Въ дѣйствительности соединеніе это послѣдовало 14-го мая, за Кунградомъ, въ одномъ переходѣ отъ Ходжейли. При соединеніи съ оренбургскимъ отрядомъ, въ отрядѣ полковника Ломакина было не 3 баталіона, а всего 9 ротъ, т. е. два баталіона безъ одной роты.

(2) Бій-Муртаза-ходжа нагналъ отрядъ и представился командующему войсками уже по занятіи Хивы.

(3) Списокъ плѣнныхъ—въ приложеніяхъ.

во время пастьбы обозныхъ лошадей. Казаки оренбургскаго войска Черныхъ и Романъ Сухоруковъ плѣнены въ 1869 году, близъ Уральскаго укрѣпленія (городъ Иргизъ), во время окарауливанія ими сотеннаго табуна. Затѣмъ остальные захвачены во время рыболовства въ Каспійскомъ морѣ, вблизи Александровскаго форта. По болѣе или менѣе однообразныхъ показаніямъ нашихъ плѣнныхъ, всѣ они были перепроданы киргизами въ Хиву: или хану, или разнымъ богатымъ и почетнымъ жителямъ, преимущественно по одной цѣнѣ—250 тиллей или около 500 р. за каждаго. Съ большею частью плѣнныхъ въ Хивѣ вначалѣ обращались весьма жестоко и грубо; потомъ были нѣсколько снисходительнѣе. Всѣ плѣнные были отягощены тяжелыми, преимущественно земледѣльческими работами; вознагражденія они никакого не получали. На пропитаніе каждому отпускалось 2 пуда пшеницы въ мѣсяцъ и на одежду и обувь по двѣ хивинскихъ тилли или 3 руб. 60 коп. въ годъ. По общему заявленію плѣнныхъ, настоящее ихъ освобожденіе послѣдовало будто-бы по полученіи откуда-то письма ханомъ (1), въ коемъ совѣтовалось непремѣнно и поскорѣе отпустить изъ Хивы всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. При письмѣ этомъ съ посланцемъ высланы были въ подарокъ хану двѣ винтовки. О движеніи русскихъ отрядовъ въ февралѣ и мартѣ 1873 года по направленію къ хивинскимъ предѣламъ плѣнные въ Хивѣ ничего не слыхали,—они узнали объ этомъ только на пути, въ Чимбаѣ. Въ Казалинскъ они прибыли на 31 день по выходѣ изъ Хивы. По сообщенію плѣнныхъ, въ Хивѣ имъ неизвѣстно болѣе ни одного русскаго, который-бы жилъ тамъ въ рабствѣ, кромѣ одного старика, проживавшаго въ ханствѣ, на свободѣ, болѣе сорока лѣтъ, съ малолѣтства (2) Начальнику Казалинскаго уѣзда приказано было тѣхъ изъ плѣнныхъ казаковъ, которые изъявятъ желаніе, выслать въ дѣйствующій отрядъ (3); остальныхъ-же, вмѣстѣ съ крестьянами и мѣщанами, отправить на родину, чрезъ Иргизъ, Орскъ и Оренбургъ. Всѣмъ плѣннымъ опредѣлено было выдать въ пособіе по 15 руб. на человѣка.

Всѣ вышеприведенныя, полученныя на Аристанъ-бель-кудукѣ, свѣдѣнія значительно разнообразили наше далеко не веселое житье-бытье. Была, правда, надежда, оживлявшая отрядъ и заставлявшая его забывать нѣкоторыя походныя неудобства,—надежда скорой встрѣчи съ непріятелемъ. Но надежда эта, какъ нарочно, съ каждымъ днемъ дѣлалась менѣе вѣроятною. Въ лагерѣ прошли слухи, что Садыкъ, кружившій возлѣ Минъ-булака, убрался на лѣвый берегъ Аму. Нельзя было, слѣдовательно, уже разсчитывать на встрѣчу съ непріятелемъ до рѣки. Но до Аму-дарьи предстояло сперва пройти пустыню, отдѣлявшую насъ отъ непріятеля; предстояло еще совершить походъ, который въ исторіи русской арміи займетъ видную страницу.

Пространство Кизылъ-кумской степи, къ югу отъ нашей границы съ Бухарою, куда предстояло двинуться отряду, для достиженія берега Аму-дарьи, показано, на всѣхъ имѣвшихся до похода картахъ, въ видѣ совершенно безводной, пустынной площади, занятой песками По прежнимъ картамъ, въ этой части степи не было ни дорогъ, ни колодцевъ, ни ключей, ни горъ. Единственные обозначенные пути были: 1) *отъ Бухары на Буканскія горы*, по которому обратно слѣдовало посольство Игнатьева; 2) отъ Буканскихъ горъ на какіе-то несуществующіе колодцы *Музаръ*, и, наконецъ, 3) съ урочища *Ичке-яръ*, на Аму-дарьѣ, на родники *Акытма* (4), чрезъ колодцы Музаръ. Эти послѣднія двѣ дороги были показаны лишь въ видѣ черточекъ. На пути, по картѣ, отъ

(1) Нѣкоторые плѣнные говорили, что письмо это было отъ англичанъ.

(2) Впослѣдствіи, когда мы заняли Хиву, это показаніе подтвердилось: въ Хивинскомъ ханствѣ дѣйствительно, какъ оказалось, жилъ, именно въ Шабазъвали, старикъ Дмитрій Матвѣичъ Постновъ, о которомъ подробнѣе будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

(3) Пять уральскихъ казаковъ, бывшихъ въ плѣну, изъявили желаніе отправиться въ туркестанскій отрядъ. Въ Казалинскѣ ихъ снарядили по казачьему положенію и зачислили въ конвой, назначенный хивинскому посольству.

(4) На сѣверъ отъ Бухары, около 85 верстъ.

Музара до Букана имѣлось два колодца: *Тунгузекъ* и *Ташъ*, въ дѣйствительности несуществующіе; на дорогѣ отъ Ичке-яра на родники Акытма показаны были два колодца: *Казаръ* и *Осурбургъ*, которыхъ также на самомъ дѣлѣ не имѣется.

Между тѣмъ, это именно пространство есть едва-ли не самая богатая водою часть Кизылъ-кумской степи. На немъ встрѣчается множество колодцевъ и даже ключей; она пересѣчена дорогами, между которыми нѣкоторыя—большія, караванныя, и, наконецъ, въ этой части степи встрѣчаются довольно значительныя группы горъ, а въ ихъ ущельяхъ находятся или ключи, или неглубокіе колодцы съ отличною водой.

Почти вдоль самой бухарской границы, т. е. нѣсколько сѣвернѣе ея, тянется рядъ высотъ, видимо хотя и не связанныхъ между собою, но составляющихъ какъ-бы продолженіе Нуратынскихъ горъ (Кара-тау) и кончающихся группою Буканскихъ возвышенностей. Къ этой цѣпи принадлежатъ горы *Курганъ-тепе*, горы въ окрестностяхъ колодцевъ *Утаръ*, горы *Дуртъ-кулъ*, *Казакъ-бель-тау* (у подножія ихъ расположены колодцы *Аякъ-кудукъ*), *Акъ-тау*, группа *Тамдынскихъ* горъ, *Алтынъ-тау*, *Кокпотасъ-тау*, *Буканъ-тау* и др. Сюда-же, между прочимъ, относятся и Аристанъ-бель-тау (горы Львинаго перевала). Южнѣе упомянутаго ряда высотъ, составляющихъ какъ-бы отроги Нуратынскихъ Кара-тау, тянется равнина, ограниченная съ южной стороны цѣпью же холмовъ и возвышенностей, составляющихъ продолженіе Нуратынскихъ Акъ-тау. Наиболѣе замѣчательныя высоты въ этой цѣпи *Тугесъ-тюбе* и группа *Кульджикъ-тау*; послѣднія составляютъ оконечность южной цѣпи, также, какъ Буканскія—сѣверной. Самыя-же *Кульджикскія* горы оканчиваются съ запада возвышенностями *Дугесъ-тау* и *Халъ-ата-тау*, изъ которыхъ послѣдняя составляетъ, такимъ образомъ, самую крайнюю, западную, возвышенную часть Кизылъ-кумской степи.

Равнина, лежащая между южною и сѣверною цѣпями холмовъ, изрѣзана по всѣмъ направленіямъ отдѣльными высотами, отрогами вышеназванныхъ главныхъ возвышенностей, глубокими балками и оврагами, солончаками и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, песками. Изъ отдѣльныхъ горъ, встрѣчающихся на равнинѣ, наиболѣе возвышенныя—слѣдующія: Бала-каракскія, Сусызъ-кара и ихъ продолженіе, Уйгунекъ-тау и Уйректы. Между балками или оврагами слѣдуетъ упомянуть о широкой ложбинѣ, начинающейся у Нуратынскихъ и доходящей до Кульджикскихъ горъ. Ложбина ограничивается съ сѣверной стороны рядомъ холмовъ и неровностей, служащихъ какъ-бы продолженіемъ Аристанъ-бель-тау до горы Уйректы (1); съ южной же она окаймляется высокимъ и крутымъ каменистымъ обрывомъ, который идетъ мимо Манамъ-джана и, постепенно возвышаясь, сливается съ сѣверными подошвами *Кульджикъ-тау*, въ окрестностяхъ Чуркъ-кудука. На днѣ ложбины, имѣющей мѣстами нѣсколько верстъ ширины, находится значительная масса обильныхъ водою колодцевъ, дающихъ ей то важное значеніе, о которомъ упомянуто выше. Здѣсь наиболѣе замѣчательные ключи: *Кындерли*, *Каракъ-ата*, *Мили-булакъ*, *Чуркъ* и другіе. Самые колодцы расположены на днѣ ложбины, имѣютъ, по большей части, видъ копаней или ямъ, наполненныхъ до края водою, или-же переполненныхъ ею, такъ-что вода выливается изъ нихъ небольшими ручейками, образуя въ окрестностяхъ болотистыя мѣста или соленыя грязи. Дно лощины покрыто, большею частію, солончаками, отчего вода въ большинствѣ колодцевъ и ключей соленая и даже горько-соленая; въ мѣстахъ-же, гдѣ грунтъ земли песчаный, или-же у самыхъ подошвъ возвышенностей и обрывовъ, встрѣчается и прѣсная, вкусная вода (Каракъ-ата и Бала-каракъ).

Болѣе возвышенная часть ложбины имѣетъ суглинистый

(1) Между ними Бала-каракскія высоты.

грунтъ, покрытый джузаномъ и другими мелкими кустарниками. Джузанъ—одинъ изъ видовъ полыни, artemisia. Виды этого рода растутъ на глинистой почвѣ или на неглубокомъ пескѣ, гдѣ глинистая подпочва. Такъ какъ, во время похода отряда чрезъ Каракъ-ата, полынь не была еще въ цвѣту, то нельзя опредѣлить съ точностью вида, который встрѣчается тамъ; по всей вѣроятности, кустарный видъ былъ art. alba, а травянистый—art. fragrans. Только въ окрестностяхъ ключей встрѣчается, въ незначительныхъ размѣрахъ, джангыл (гребенщикъ, Tamarix gallica, Tamarix Pallasii и др.) и джантакъ, Alhagi camelorum. Верблюды ѣдятъ эту колючку весьма охотно, но ея было очень мало въ окрестностяхъ Каракъ-ата и вообще на пути отряда. Большихъ песковъ на ложбинѣ нѣтъ. Самые значительные пески встрѣчаются въ окрестностяхъ Каракъ-ата. Отдѣльныя же песчаныя полосы пересѣкаютъ мѣстность довольно часто.

Наиболѣе замѣчательный пунктъ въ этой мѣстности—*Каракъ-ата*, какъ вслѣдствіе обилія воды, имѣющейся на самомъ урочищѣ и въ его окрестностяхъ, такъ и вслѣдствіе его расположенія на узлѣ многихъ степныхъ путей. Здѣсь, между прочимъ, проходитъ большая караванная дорога изъ Казалинска въ Бухару, чрезъ Иркибай, Бакали, Ирлиръ, Уйгунекъ и Акытма.

Другимъ важнымъ пунктомъ въ этой части степи можно считать колодцы *Манамъ-джанъ*, какъ лежащіе на перекресткѣ большой караванной дороги изъ Казалинска въ Бухару (черезъ Иркибай, Буканъ, Тамды и Аристанъ-бель-кудукъ) и дороги изъ нашихъ киргизскихъ владѣній, черезъ колодцы Масчи, въ Каракъ-ата. Говоря объ этой части степи, нельзя не упомянуть о ключахъ *Акытма*, гдѣ сходятся всѣ дороги, ведущія въ Бухару съ сѣверной стороны, а также большая караванная дорога изъ хивинскихъ владѣній черезъ ключи Халъ-ата.

Горы Кульджикъ-тау, о которыхъ ниже будетъ сказано подробнѣе, съ окрестными высотами, перерѣзанныя по всѣмъ направленіямъ тропинками, изобилуютъ колодцами съ отличною холодною водою.

Южнѣе же Кульджикскихъ горъ, до самой Аму-дарьи, тянется необозримая равнина, не прерываемая никакими возвышенностями. Вдоль подошвы горъ разстилается широкая полоса съ твердой почвой, покрытая джузаномъ (artemisia) и усѣянная ключами и колодцами.

Къ югу же отъ этой полосы начинаются пески, самые страшные и безотрадные, какіе только существуютъ на земномъ шарѣ. Пески эти тянутся вдоль праваго берега Аму-дарьи полосою, занимающею въ ширину, противъ Кульджикскихъ горъ, болѣе ста верстъ. Сѣверный край этихъ песковъ идетъ сначала параллельно подошвы горъ, затѣмъ огибаетъ урочище Халъ ата, пересѣкаетъ Учъ-учакскую дорогу около урочища Акъ-тамъ (въ 18 верстахъ отъ Халъ-ата); далѣе поворачиваетъ къ сѣверу и, обогнувъ Минъ-булакъ и западную оконечность Буканскихъ горъ, сливается съ песками, *Большими Кизылъ-кумами*, занимающими сѣверную часть Кизылъ-кумской степи. Главнѣйшія дороги, пересѣкающія эту часть степи: 1) большая караванная отъ Халъ-ата на урочище *Акытма* и далѣе до Бухары. Дорога эта идетъ параллельно Кульджикскимъ горамъ, въ незначительномъ отъ нихъ удаленіи; очень часто по ней встрѣчаются богатыя группы колодцевъ и обильные ключи, но она неудобна для колеснаго сообщенія и употребляется преимущественно киргизами, кочующими въ окрестностяхъ Кульджикскихъ горъ или вообще въ этой части Кизылъ-кумовъ; 2) караванный путь отъ ключей Джангельды, черезъ сел. *Зандаиы*, въ Бухару. Здѣсь мало колодцевъ, разстоянія между ними значительныя и самые колодцы глубокіе и съ дурною водою; 3) караванный путь отъ колодцевъ Адамъ-крылганъ прямо въ Бухару, черезъ селеніе *Чаршамбе - Раумитанъ*. Онъ удобенъ для колеснаго сообщенія, по немъ производится караванное движеніе между Бухарою и Хивою, если по какимъ - либо обстоятельствамъ движеніе вдоль

р. Аму-дарьи неудобно. Продолженіе его составляетъ дорога изъ Адамъ-крылгана, черезъ Хошай-булакъ, на Соръ-булакъ, гдѣ путь этотъ выходитъ на минъ - булако - шураханскую дорогу. Между Соръ-булакомъ и Адамъ-крылганомъ путь проходитъ черезъ большіе пески, и колодцы на немъ весьма рѣдки; между Адамъ-крылганомъ же и сел. Чаршамбе-Раумитанъ на пути встрѣчаются довольно часто колодцы, но они глубоки, мелководны и съ соленою водою; 4) путь отъ Халъ-ата на урочище Учъ-учакъ, о которомъ подробно будетъ сказано при описаніи движенія по немъ туркестанскаго отряда; 5) отъ Бухары на урочище *Кукерткли* на Аму-дарьѣ. Въ этомъ направленіи дорога пересѣкаетъ пески между ключами *Кукъ-ичме* и *Кукерткли* (48—60 верстъ). На ней встрѣчается мало колодцевъ, изъ которыхъ всѣ, за исключеніемъ *Кукъ-ичме*, глубоки и съ горькосоленою водою. Разстоянія между колодцами доходятъ до 70 верстъ. Не смотря на эти неудобства, дорога эта составляетъ главное и наиболѣе практикуемое направленіе для караваннаго сообщенія между Бухарою и Хивою. По свѣдѣніямъ, собраннымъ генеральнаго штаба полковникомъ Корольковымъ, во время движенія его черезъ Кукерткли вверхъ по Аму (1), оказывается, что по этой дорогѣ хотя и встрѣчаются песчаныя полосы, но пески въ нихъ на столько неглубоки и такъ тверды, что путь этотъ не представляетъ затрудненій даже для сообщенія въ экипажахъ; 6) дорога отъ кр. *Уста* въ *Кара-кулъ* пересѣкаетъ пести на протяженіи 11—12-ти верстъ отъ Аму и затѣмъ путь идетъ почти все время по твердому грунту, извиваясь между песчаными барханами. Кромѣ названныхъ путей, внутри этой полосы степи существуютъ еще кочевыя дорожки между одинокими киргизскими колодцами; изъ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть о пути отъ Халъ-ата въ Кукъ-ичме, такъ какъ о немъ придется сказать въ дальнѣйшемъ разсказѣ.

Пески Кизылъ-кумъ, сопровождающіе теченіе Аму-дарьи, глубоки, сыпучи и образуютъ волнообразную поверхность съ песчаными, иногда довольно высокими холмами.

Между песками вообще туземцы отличаютъ *Акъ-кумы* (бѣлые пески), лишенные всякой растительности, особенно сыпучіе и неудобопроходимые, отъ *Кизылъ-кумовъ* (красныхъ песковъ), имѣющихъ нѣкоторую растительностъ (2). Поверхность Акъ-кумовъ постоянно измѣняетъ свой видъ и измѣненія эти производятся весьма быстро; достаточно самаго незначительнаго вѣтра—и не болѣе какъ въ одни сутки образуются песчаные холмы значительной высоты тамъ, гдѣ ихъ передъ тѣмъ не было. Безпрерывное измѣненіе вида поверхности песковъ дало туземцамъ поводъ назвать Акъ-кумы *кочующими* или *переносными песками*.

Кизылъ-кумы представляютъ совершенно другой видъ; на волнообразной ихъ поверхности растутъ густые и довольно высокіе кусты и мелкія деревья. Кромѣ того, вся ихъ поверхность въ весеннее время покрывается рѣдкою травою, подъ названіемъ *рангъ*, составляющею отличный подножный кормъ животнымъ (3). Между кустарниками и деревьями преобладаетъ саксаулъ (родъ хвойныхъ кустовъ); джузгунъ (4), джантакъ (Alhagi camelorum) и разнаго рода ко-

(1) Полковникъ Корольковъ и нѣкоторыя другія лица слѣдовали въ Бухару при посольствѣ, отправленномъ генералъ-адъютантомъ Фонъ-Кауфманомъ къ эмиру по окончаніи хивинскаго похода. Посольство слѣдовало отъ Петро-Александровскаго укрѣпленія, правымъ берегомъ, вверхъ по Аму-дарьѣ. Подробнѣе объ этомъ посольствѣ будетъ сказано ниже, въ своемъ мѣстѣ настоящаго изданія.

(2) Для краткости изложенія, въ дальнѣйшемъ описаніи будутъ употребляться эти два характерныя названія.

(3) Хотя трава эта растетъ весьма рѣдкими, невысокими стебельками, но стебельки эти мягки, сочны и лошади съѣдаютъ ихъ до корня. Рангъ, Carex physodes, одинъ изъ видовъ осоки. Растеніе это служитъ для укрѣпленія песковъ и доставляетъ отличный кормъ баранамъ. Только благодаря этой осокѣ, возможна для кочевника жизнь съ его стадами въ Кизылъ-кумахъ.

(4) *Джузгунъ*—Calligonum, разные виды котораго растутъ въ степи. Листья ихъ, имѣющія видъ длинныхъ иглъ, молодыя охотно съѣдаются верблюдами и даже лошадьми. Кустарники джузгуна не менѣе carex'а важны для укрѣпленія песчаныхъ холмовъ. У самой поверхности песка, растенія отдѣляютъ многочисленные, длинные, переплетающіеся нитевидные корни, которые скрѣпляютъ пески и задерживаютъ сѣмяна другихъ находящихся въ степяхъ растеній. Изъ рода джузгуна, calligonum, только одинъ видъ—calligonum calliphysae—растетъ на глинистой почвѣ, а всѣ остальные—на глубокихъ пескахъ.

лючка (¹). Въ Кизылъ-кумахъ массами растетъ особый сортъ растенія, вонючка, разные виды Ferula, напоминающій при началѣ развитія цвѣтную капусту. Изъ растенія этого добывается извѣстная по употребленію въ лекарствахъ Ассафетида. Страшное зловоніе распространяетъ отъ себя это растеніе: вотъ почему, а также и по наружному виду, наши солдаты прозвали его въ насмѣшку „бухарскою капустой". Корень его весьма соченъ и, хотя имѣетъ отвратительный вкусъ и запахъ, употребляется туземцами для утоленія жажды при безводныхъ переходахъ черезъ пески (²).

Но если въ пескахъ не чувствуется недостатка въ растительности, за то они отличаются страшнымъ безводіемъ, которое, при господствующей здѣсь постоянной сухости воздуха и высокой его температурѣ, увеличивающейся отъ накаливанія песковъ, и составляетъ ужасъ этихъ пустынь.

Самымъ важнымъ пунктомъ описанной мѣстности слѣдуетъ безспорно считать урочище *Халъ-ата*, съ сосѣдними урочищами *Джангельды* и *Дунгесъ-тау*, какъ по богатству ключей и обилію колодцевъ, такъ и потому, что урочище Халъ-ата расположено на перекресткѣ нѣсколькихъ главнѣйшихъ путей. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть объ урочищѣ *Адамъ-крылганъ* или *Киркинъ*, лежащемъ также на перекресткѣ двухъ главныхъ дорогъ. На Адамъ-крылганѣ грунтовая вода такъ близка, что каждый караванъ, обыкновенно, вырываетъ себѣ колодезь по приходѣ туда на ночлегъ. Легкость добыванія воды на Адамъ-крылганѣ могла придать этому урочищу особенно важное значеніе, если бы неумолимые кочующіе пески не уничтожали здѣсь въ самомъ непродолжительномъ времени всякіе слѣды человѣческихъ усилій.

Ключи *Минъ-чукуръ*, весьма богатые водою, находятся недалеко отъ южной подошвы Кульджикскихъ горъ. Здѣсь также сходятся нѣсколько дорогъ. Наконецъ слѣдуетъ указать еще на ключи *Кукъ-шчме*, гдѣ сходятся всѣ дороги и кочевыя тропинки, ведущія изъ степи къ урочищу *Кукертклы* на Аму-дарьѣ.

8-го апрѣля получено было на Аристанъ-бель-кудукѣ до-

(¹) Въ нашихъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ, именно на пространствѣ между Иргизомъ и Казалинскомъ, сѣвернѣе Аральскаго моря, встрѣчается еще названіе песковъ *Кара-кумы*. По общему характеру ихъ, по впечатлѣнію, которое они производятъ на путешественника, это тѣ же Кизылъ-кумы; только растительность на нихъ нѣсколько иная; она здѣсь нѣсколько гуще, темнѣе и, въ общемъ, степь представляется темно-сѣрою (что происходитъ отъ стволовъ и корня растеній); отсюда и мѣстное названіе ихъ—*Кара-кумы* (черные пески). Въ Кизылъ-кумской степи, мѣстами, правда очень рѣдко, встрѣчаются пески какъ-будто съ краснымъ отливомъ, отчего туземцы и дали имъ названіе Кизылъ-кумы (красные пески). Поверхность красныхъ и черныхъ песковъ не такъ сыпуча и рыхла, какъ поверхность бѣлыхъ песковъ, Акъ-кумовъ. Чтобы нагляднѣе изобразить характеръ этихъ послѣднихъ, мы просимъ читателя представить себѣ болѣе или менѣе значительную поверхность земли, на которой опрокинуты громадной величины и разнообразныхъ объемовъ песочницы съ пескомъ, при чемъ такъ-называемые барханы или холмы этого сыпучаго, переноснаго песку, нагромождены въ хаотическомъ безпорядкѣ одинъ на другой. Издали, общій видъ песчаныхъ площадей въ степяхъ очень напоминаетъ волнующееся море. Такимъ намъ представилось песчаное пространство, окаймляющее слишкомъ 100-верстною полосою правый берегъ Аму-дарьи, когда мы въ первый разъ увидѣли его съ высоты, по выходѣ изъ Кульджикскихъ горъ на плоскость, близъ ключей Суллы-кужумды.

(²) Не одни киргизы, однако, употребляютъ для утоленія жажды этотъ очень непріятный по вкусу и запаху корень. Въ отрядѣ было извѣстно, и это составляло въ походѣ часто предметъ для остротъ, что одинъ изъ товарищей нашихъ, почтенный нашъ колонновожатый раздѣлялъ вкусъ киргизъ и съ наслажденіемъ, свойственнымъ его стойкой, финской натурѣ, кушалъ и прохлаждался пріятнымъ сокомъ пахучаго Асса-фетида. Часто также товарищи шутили надъ нимъ, когда, пробуя изъ колодцевъ воду, онъ силился убѣдить всѣхъ и каждаго, что вода очень вкусная, мягкая, пріятная, когда въ дѣйствительности отъ нея несло гнилью или сѣрою и вода была отвратительно-солоноватa. Баронъ Аминовъ, во время службы въ Туркестанскомъ краѣ, много походилъ по степямъ; видѣлъ, что-называется, разные виды, испыталъ не разъ массу всякихъ лишеній и недостатковъ, а потому и немудрено, что ему ни по чемъ его спартанская обстановка въ походной жизни. Неутомимый, здоровый, бодрый, всегда веселый, онъ не останавливался въ то время, какъ его томила жажда, чтобы взять въ ротъ и наслаждаться сокомъ корня асса-фетида, или упиваться съ упоеніемъ солоновато-горькою, вонючею водою изъ какого-нибудь кудука (колодца). Переходя, однако, отъ шутокъ къ серьезному, нельзя не занести на страницы настоящаго изданія заявленіе, что такіе служивые, какъ баронъ Аминовъ, дороги вездѣ, а въ степяхъ въ особенности, гдѣ безславѣтная выносливость, при другихъ качествахъ, есть неоцѣненное достоинство. Заслуги и труды нашего колонновожатаго были, такъ-сказать, на глазахъ у всѣхъ и каждаго изъ участниковъ похода и ихъ достойно цѣнили въ отрядѣ.

несеніе отъ подполковника Иванова о томъ, что авангардъ казалинскаго отряда съ 7-го на 8-е число ночуетъ въ окрестностяхъ колодцевъ Бишъ - булакъ, а 9-го—приходитъ въ Тамды, находящіеся въ трехъ переходахъ отъ Аристанъ-бель-кудука. Этого-же числа, какъ сказано выше, прибылъ экстренный транспортъ съ провіантомъ и были получены свѣдѣнія о времени прибытія къ войскамъ остальныхъ частей перваго эшелона большаго интендантскаго транспорта.

Такимъ образомъ уничтожались причины остановки отряда въ окрестностяхъ Аристанъ - бель - кудука и туркестанскому отряду можно было продолжать движеніе далѣе. Такъ какъ путь, по которому предстояло двигаться отряду до Халъ-ата, по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, былъ значительно богаче водою, чѣмъ уже пройденная дорога, то найдено было возможнымъ, для уменьшенія растянутости отряда, увеличить составъ эшелоновъ, уменьшивъ въ то же время ихъ число. Предполагая присоединеніе казалинской колонны къ джизакской, изъ всего туркестанскаго отряда, приказомъ по отряду 9-го апрѣля, было предписано сформировать три эшелона. Въ составъ *1-го эшелона* входили: 6 ротъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, саперная рота и 3-я рота 2-го линейнаго баталіона, № 1 батарея оренбургскаго казачьяго войска, №№ 1 и 3 уральскія казачьи сотни, сборная сотня, ракетный дивизіонъ и инженерный паркъ (1). Начальникомъ 1-го эшелона былъ назначенъ генералъ - маіоръ Бардовскій, а помощниками къ нему: полковники Колокольцовъ, Блокъ и подполковникъ Полтарацкій. Офицерами генеральнаго штаба при первомъ эшелонѣ были полковники Разгоновъ и Корольковъ. *2-й эшелонъ* составили по двѣ роты 2-го и 4-го линейныхъ баталіоновъ, взводъ № 1-й батареи, дивизіонъ № 2-й стальной батареи и № 12 оренбургская сотня. Въ составъ этого-же эшелона вошли артиллерійскій паркъ и походный лазаретъ. Начальникомъ 2-го эшелона былъ назначенъ подполковникъ Терейковскій, помощниками къ нему: маіоры Сабуровъ и Авиновъ; офицеръ генеральнаго штаба—подполковникъ Тихменевъ. Казалинская колонна, слѣдовавшая до Аристанъ - бель - кудука тремя эшелонами, должна была, по сосредоточеніи на этихъ колодцахъ, сформировать одинъ общій, *3-й эшелонъ* туркестанскаго отряда. Начальникомъ 3-го эшелона оставался полковникъ Головъ; исполненіе должности офицера генеральнаго штаба возложено было при этомъ эшелонѣ на подполковника Иванова.

Подполковникъ баронъ Аминовъ назначенъ былъ колонновожатымъ туркестанскаго отряда. Находившіеся при казалинской колоннѣ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ, состоявшій при немъ генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Каульбарсъ, полевой интендантъ статскій совѣтникъ Касьяновъ, полковникъ Романовъ и командированный отъ общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ докторъ Гриммъ были, тѣмъ-же приказомъ, переведены въ 1-й эшелонъ, въ составъ главной квартиры (2).

Одна изъ замѣчательныхъ сторонъ минувшаго хивинскаго похода была именно та, что, двигаясь по мѣстности, жизненныя и климатическія условія которой были для насъ почти совсѣмъ новы, мы шли впередъ, такъ-сказать, учась. Никогда до сихъ поръ не приходилось туркестанскимъ войскамъ, въ такомъ количествѣ и составѣ, углубляться такъ далеко въ пустынную степь, на такія большія разстоянія отъ базисовъ и соображать свои дѣйствія съ такою массою разнородныхъ элементовъ. Неизвѣстность пути, шаткія свѣдѣнія о колодцахъ (о количествѣ въ нихъ воды, ея качествѣ), о производительныхъ средствахъ страны (топливо, подножный кормъ, продовольствіе), о климатическихъ ея условіяхъ, бѣдность почвы, обширныя площади сыпучихъ, едва проходимыхъ песковъ, дипломатическія отношенія къ

(1) Всего 7 ротъ, 3 сотни, 8 орудій и 4 ракетныхъ станка.

(2) Всѣ поименованныя лица до сихъ поръ слѣдовали съ казалинскою колонною.

Бухарѣ, непріятель,—вотъ тѣ разнообразныя данныя, которыя должны были лечь въ основаніе самаго, повидимому, мелкаго, незначительнаго приказанія, всякаго соображенія. Со многими изъ этихъ данныхъ мы познакомились непосредственно изъ опыта; нѣкоторыя, поэтому, распоряженія, по приведеніи ихъ въ исполненіе, не давали ожидаемыхъ результатовъ. Приведенное выше раздѣленіе, напримѣръ, джизакскаго отряда на три большихъ эшелона оказалось, какъ увидимъ дальше, не совсѣмъ удобнымъ. Какъ-бы ни были многоводны колодцы, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ воды на самомъ дѣлѣ оказалось недостаточно для эшелоновъ такого размѣра, какъ напримѣръ 1-й и 3-й, т. е., правильнѣе сказать, прибыль воды не соотвѣтствовала потребностямъ войскъ. Опредѣлить же размѣръ прибыли воды въ колодцахъ во время рекогносцировокъ, производившихся колонновожатымъ впереди, за нѣсколько переходовъ отъ отряда, было невозможно; для этого требовалось нѣсколько часовъ, а иногда даже нѣсколько сутокъ. Другая причина—почему большіе эшелоны оказались неудобными—была та, что при большомъ количествѣ верблюдовъ, составлявшихъ принадлежность такого эшелона, вьючный обозъ сильно растягивался на переходахъ и арріергардъ приходилъ на ночлегъ значительно позже передовыхъ частей. При малыхъ переходахъ эта разница во времени была не очень ощутительна; но при большихъ, случалось, что войска, прикрывавшія обозъ, выступая съ ночлега съ разсвѣтомъ, приходили на слѣдующую стоянку поздно ночью. Двигаясь цѣлый день, люди крайне утомлялись; верблюды же совершенно изнемогали. Во время остановокъ, вьючныя животныя находились въ не менѣе худшихъ условіяхъ По значительной ихъ массѣ, они не всѣ бывали напоены вожаками, усмотрѣть за которыми было трудно, такъ какъ лаучей при большомъ эшелонѣ было много. Избѣжать, до извѣстной степени, высказанныхъ неудобствъ можно было только увеличеніемъ числа эшелоновъ и, слѣдовательно, уменьшеніемъ ихъ состава. Но возможность встрѣчи съ непріятелемъ и необходимость держать войска болѣе сосредоточенно не позволяли прибѣгнуть къ этой мѣрѣ.

Съ углубленіемъ въ степь, съ удаленіемъ отъ нашихъ осѣдлыхъ и укрѣпленныхъ пунктовъ, мы бросали съ послѣдними прочныя, правильныя сообщенія, а потому и могли искать опоры только въ себѣ, имѣть, такъ-сказать, свой базисъ непосредственно при отрядѣ. При этомъ условіи, очевидно, необходимо было заботиться о возможно-лучшемъ обезпеченіи сообщеній между отдѣльными частями, т. е. между эшелонами отряда. Раздроблять войска было-бы въ этомъ случаѣ крайне неблагоразумно. Съ каждымъ днемъ мы сближались съ непріятелемъ, о которомъ имѣлись самыя смутныя свѣдѣнія. Достовѣрно, на основаніи опытовъ предыдущихъ войнъ въ Средней Азіи, можно было знать только, что непріятель умѣетъ ловко и скрытно нападать на мелкія части войскъ и, въ особенности, на одиночныхъ людей. Средне-азіятцы предпочитаютъ производить нападенія ночью или предъ разсвѣтомъ. Въ это время особенно нужно быть осторожнымъ.

На Аристанъ-бель-кудукѣ получено было свѣдѣніе, что ханъ собиралъ въ Хивѣ совѣтъ, по поводу движенія русскихъ войскъ противъ ханства. Обсуждая различные способы дѣйствій, на совѣтѣ, между прочимъ, рѣшено было единогласно: сражаться противъ русскихъ днемъ все равно, что бросаться на огонь, а потому необходимо производить нападенія на нихъ только по ночамъ и притомъ, по возможности, скрытно.

На сохраненіе совершенной безопасности сообщеній между разными частями отряда и вообще на соблюденіе мѣръ военной осторожности противъ нечаянныхъ, внезапныхъ нападеній непріятеля на мелкія, дробныя части войскъ, а тѣмъ болѣе на одиночныхъ солдатъ, казаковъ, топографовъ и прочихъ лицъ отряда, въ туркестанскихъ войскахъ обраща-

лось въ минувшемъ походѣ самое строгое, бдительное вниманіе. Въ этомъ отношеніи требовалось во все время похода, чтобы отряды, въ какомъ-бы составѣ они ни были, въ какихъ-бы условіяхъ они ни находились, всегда и во всѣхъ случаяхъ, какъ на маршѣ, такъ и во время остановокъ, были, такъ-сказать, компактны; всѣ до единаго человѣка, отъ офицера до послѣдняго солдата, въ сборѣ, на своихъ мѣстахъ и въ рукахъ своего начальника. Отдѣленіе отъ отряда на болѣе или менѣе значительное разстояніе дробныхъ частей строго обусловливалось; посылка же куда бы то ни было, даже на самое незначительное разстояніе, людей, какъ пѣшихъ, такъ и казаковъ, по-одиночкѣ, вовсе была запрещена. Въ среднеазіятской войнѣ условіе это необходимо и имѣетъ значеніе.

Такъ или иначе, въ Средней Азіи, перейдя разъ за границу нашихъ болѣе или менѣе устроенныхъ владѣній, мы на каждомъ шагу окружены иновѣрцами, которые не могутъ не считать насъ пришлыми, чужими и, слѣдовательно, врагами своими. Преклоняясь передъ силою, азіятецъ враждебной намъ страны никогда не затруднится напасть на безоружнаго и воспользоваться случайнымъ превосходствомъ своимъ для грабежа и убійства. Для среднеазіятцевъ убійство или захватъ въ плѣнъ одного человѣка—трофей, ничтожный по европейскимъ понятіямъ, но составляющій важный шансъ въ военномъ дѣлѣ, въ высшей степени ободряющій и подымающій ихъ нравственный духъ. Наконецъ, для насъ въ среднеазіятской войнѣ горька и обидна потеря даже одного человѣка, если она строго не оправдывается дѣйствительною потребностью и если она является результатомъ неосторожности, или, еще хуже, ни къ чему не ведущей въ данномъ случаѣ отваги и удальства.

Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь перечень тѣхъ мѣръ и распоряженій, которыя принимались, во время хивинскаго похода, въ туркестанскомъ отрядѣ, для охраны войскъ отъ случайныхъ непріятельскихъ нападеній.

Въ инструкціи начальникамъ частей войскъ и эшелоновъ (печатные экземпляры которой были разосланы передъ походомъ во всѣ части войскъ) предписывался, въ виду возможности появленія непріятельскихъ шаекъ во время марша, слѣдующій порядокъ движенія: пѣхота эшелоновъ раздѣлялась на части, изъ которыхъ одна шла впереди фронта транспорта, а остальныя прикрывали фланги и тылъ его. Артиллерія, имѣвшаяся въ эшелонѣ, раздѣлялась по-взводно, если въ эшелонѣ былъ дивизіонъ, и одинъ взводъ шелъ впереди, а другой—съ частью пѣхоты, слѣдовавшей въ арріергардѣ. Если же въ эшелонѣ былъ только взводъ артиллеріи, то онъ и слѣдовалъ съ переднею частью пѣхоты; раздѣленіе по одному орудію не допускалось. Кавалерія эшелона, если ея было много, раздѣлялась на двѣ части и каждая изъ нихъ слѣдовала на флангахъ колонны, кромѣ авангардной; если же кавалеріи немного, то, не раздѣляясь на части, она двигалась на одномъ изъ фланговъ эшелона. Пѣхота во время движенія не раздроблялась между вьючными животными обоза, а, сохраняя свою боевую силу, должна была слѣдовать сомкнутыми частями. На мѣстности пересѣченной, гдѣ движеніе въ указанномъ выше порядкѣ было невозможно, часть пѣхоты должна была еще двигаться противъ середины обоза, фланги же обезпечивались отъ нечаянныхъ нападеній высылкою въ стороны усиленныхъ кавалерійскихъ разъѣздовъ.

Если во время движенія эшелона, на самомъ переходѣ отъ одного ночлежнаго пункта къ другому, непріятель сдѣлалъ бы нападеніе, то эшелонный начальникъ обязанъ былъ, по инструкціи, всѣ распоряженія по дѣйствію противъ напавшаго непріятеля соображать такъ, чтобы отнюдь не останавливать эшелона для отраженія нападенія, а продолжать слѣдованіе по данному направленію, конечно, до возможности. Остановки эшелоновъ, не достигая своей цѣли, только излишне утомляли бы вьючныхъ животныхъ, а самое

главное, именно въ бывшемъ движеніи нашемъ по колодцамъ, подобныя остановки могли повести къ большимъ затрудненіямъ. Части, задержанныя на переходѣ, настигались бы сзади идущими; произошли бы замѣшательства, скопленіе вьючныхъ животныхъ, увеличеніе численнаго состава людей и верблюдовъ въ эшелонѣ, чрезъ что могло не достать воды въ колодцахъ. Поэтому лучшій способъ дѣйствій при нападеніи непріятеля на эшелонъ, во время его слѣдованія, рекомендовался въ инструкціи слѣдующій: продолжать движеніе въ данномъ направленіи, отражая непріятеля на ходу, на сколько, конечно, это было возможно (1).

Начальникамъ эшелоновъ и частей войскъ предлагалось инструкціею строго подтверждать и наблюдать, чтобы чины разныхъ управленій и штабовъ, а въ особенности деньщики и другія лица, служащія при г.г. офицерахъ, не позволяли бы себѣ отставать съ офицерскими вьюками отъ вьючныхъ транспортовъ. Въ случаѣ потери офицерскаго вьюка, г.г. офицеры, кромѣ утраты своего имущества, подвергались отвѣтственности и передъ закономъ, какъ доставившіе непріятелю случай взять, хотя и ничтожный, тѣмъ не менѣе—трофей.

Во время остановокъ на ночлегахъ и привалахъ, войскамъ предписывалось располагаться въ каре около колодцевъ, внутри каре помѣщать транспорты и обозы непосредственно за своими частями. При значительной разбросанности колодцевъ (какъ напр. на Балта-салдырѣ, Бишъчапанѣ и другихъ), когда приходилось посылать лошадей и верблюдовъ на водопой внѣ раіона расположенія войскъ, то кавалерію посылали не иначе, какъ командами, при чемъ половина людей должна была быть на коняхъ и составлять прикрытіе другой половинѣ. Верблюдовъ посылали на водопой не иначе, какъ подъ особымъ прикрытіемъ. Артиллерію эшелоновъ предписывалось ставить въ раіонѣ же расположенія каре, выбирая для постановки орудій мѣста, наиболѣе выгодныя для дѣйствія артиллерійскимъ огнемъ.

До возможности нападенія на эшелоны со стороны непріятеля, собственно для сторожевой службы, ограничивались высылкою секретовъ впередъ отъ каждаго фаса каре, или какъ признавалъ начальникъ эшелона наиболѣе удобнымъ по мѣстнымъ и другимъ условіямъ. Когда же войска вступили въ раіонъ дѣйствія непріятеля, тогда, при остановкахъ на ночлеги и привалы, биваки охранялись днемъ аванпостными цѣпями, но при этомъ ихъ ставили не непрерывными звеньями, а отдѣльными пикетами, на виду другъ друга. На ночь, передъ войсками, кромѣ пикетовъ, которыхъ отъ каждой роты и сотни выставлялось не менѣе двухъ, впереди линіи пикетовъ, шагахъ въ 150 и болѣе, смотря по мѣстности, располагались еще секреты. Разъѣздовъ отъ казачьихъ сотенъ ночью не позволялось производить, исключая, конечно, особыхъ случаевъ высылки казачьихъ частей изъ лагернаго расположенія, которыя дѣлались не иначе, какъ по особымъ приказаніямъ начальника отряда или начальниковъ эшелоновъ. Днемъ же казачьи разъѣзды производились вокругъ бивачнаго расположенія.

Кромѣ подтвержденія начальникамъ частей и эшелоновъ соблюденія правилъ, указанныхъ въ инструкціи, во время похода признавалось необходимымъ объявлять еще дополненія къ инструкціи.

Въ приказѣ по дѣйствующимъ войскамъ, отданномъ на бивакѣ у Темиръ-кобука, отъ 21 марта за № 15, предписывалось: въ случаѣ нападенія непріятельскихъ шаекъ на эшелоны ночью, не производить изъ фасовъ бивачнаго каре никакихъ движеній ни пѣхотными, ни казачьими частями, а давать отпоръ нападенію исключительно огнемъ, такъ какъ всякія выдвиженія частей войскъ съ мѣста во время ночной темноты производятъ замѣшательства и безпорядки, которые могли повлечь за собою или то, что части, увлекшись

(1) Это указаніе инструкціи всецѣло было выполнено туркестанскимъ отрядомъ, 11 мая 1873 года, въ боевомъ маршѣ его къ озеру Сардаба-кулю.

преслѣдованіемъ непріятеля, собьются съ пути и не попадутъ обратно къ своему биваку, или же, что войска, не распознавъ въ темнотѣ своихъ отъ непріятеля, будутъ поражать первыхъ. Въ приказѣ говорилось далѣе: если непріятель, во время ночнаго нападенія, будетъ отбитъ нашимъ огнемъ, то въ первый моментъ за этимъ пораженіемъ можно выдвигать, собственно для отогнанія его отъ колонны, казачьи части, но на самое недалекое разстояніе, строго подтверждая начальникамъ этихъ казачьихъ частей, чтобы они отнюдь не увлекались преслѣдованіемъ, а, прогнавъ шайку, тотчасъ-же возвращались къ своему биваку.

Въ приказѣ, данномъ на Аристанъ-бель-кудукѣ, отъ 6-го апрѣля за № 21, войскамъ подтверждалось строгое исполненіе, во всѣхъ случаяхъ, всѣхъ правилъ военной предосторожности При этомъ эшелоннымъ начальникамъ предписывалось: личнымъ осмотромъ, или чрезъ ихъ помощниковъ, или офицеровъ генеральнаго штаба, при расположеніи на ночлегахъ и дневкахъ, удостовѣряться въ правильномъ и бдительномъ отправленіи всѣми чинами ночью сторожевой службы.

Во всѣхъ частяхъ, на ночь, кромѣ секретовъ, пикетовъ и часовыхъ, предписывалось назначать еще дежурныя части, которыя, въ случаѣ тревоги, могли бы тотчасъ-же стать въ ружье. Въ кавалеріи такія дежурныя части должны были имѣть лошадей осѣдланными.

10 го апрѣля начальнику туркестанскаго отряда сообщенъ былъ маршрутъ предстоявшаго движенія. Оно должно было быть произведено въ такомъ порядкѣ:

	а 1-й эшел.	*р* 2-й эшел.	*л* 3-й эшел.
Аристанъ-бель кудукъ	—	11.	12.
Манамъ-джанъ . . .	11.	12.	13, *14*, *15*, *16* (1)
Киндерли	12.	13.	—
Каракъ-ата	13, *14*.	14, *15*.	17, *18*.
Чуркъ-кудукъ . . .	15.	16.	19.
Шайдарасъ	16.	17.	20.
Джангельды	17.	18.	21.
Халъ-ата	18.	19.	22.

Дневки на Манамъ-джанѣ для 3-го эшелона назначены были для сосредоточенія казалинской колонны, слѣдовавшей до этого пункта тремя эшелонами. Предстоявшій путь для войскъ туркестанскаго отряда никогда не былъ пройденъ ни однимъ русскимъ. Извѣстный только изъ разспросныхъ свѣдѣній, путь этотъ, поэтому, и не могъ служить прочнымъ основаніемъ для составленія маршрута.

Колодцы, означенные въ маршрутѣ, лежали на кратчайшемъ направленіи къ Халъ-ата. Многіе изъ нихъ были вырыты киргизами для собственныхъ надобностей. Во всѣхъ, по разспросамъ, была порядочная вода и въ достаточномъ количествѣ. На сколько данныя, имѣвшіяся о предстоявшемъ пути, были вѣрны, сказать было трудно. Ясно, что приведенный выше маршрутъ не могъ имѣть прочнаго, неизмѣннаго рѣшенія. Числа, въ немъ означенныя, могли, въ зависимости отъ разныхъ случайностей, значительно измѣниться.

Двѣ роты 2-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, рота 2-го линейнаго баталіона и $^1/_2$-сотни, бывшія въ числѣ войскъ, расположенныхъ на колодцахъ Аякъ-кудукъ, выступили, подъ начальствомъ полковника Веймарна, еще 9-го числа, по особому распоряженію, къ колодцу Манамъ-джанъ. Чтобы не дѣлать лишняго круга и не заходить на колодцы Аристанъ-бель-кудукъ, гдѣ воды было мало, отрядъ этотъ имѣлъ воду съ собою въ турсукахъ и, пользуясь ею, ночевалъ въ степи, верстахъ въ 4-хъ отъ Аристанъ-бель-кудука. Первый разъ войска остановились на ночлегѣ, имѣя при себѣ воду. Въ 6 часовъ вечера 9-го числа главный начальникъ войскъ ѣздилъ съ Аристанъ-бель-кудука въ отрядъ полковника Веймарна, чтобы осмотрѣть войска и, вмѣстѣ

(1) Курсивныя цифры означаютъ дневки.

съ тѣмъ, интересуясь видѣть бивакъ войскъ внѣ колодцевъ. Отрядъ Веймарна прибылъ къ колодцамъ Манамъ-джанъ 10-го числа. 9-го же числа съ этихъ послѣднихъ была произведена рекогносцировка дальнѣйшаго пути на Киндерли, Каракъ ата, Соръ-булакъ, Тасъ-кудукъ; при чемъ съ колодцевъ Каракъ-ата былъ посланъ джигитъ для развѣдки пути на Джангельды.

11-го апрѣля, войска, стоявшія на Аристанъ-бель-кудукѣ, выступили съ этихъ колодцевъ. Въ три часа утра отрядъ былъ поднятъ. Отъ мѣста расположенія бивака до перевала было около $1^1/_2$ верстъ. На протяженіи этомъ тропинка, пройдя съ $^1/_4$ версты возвышенностью, пересѣкала неглубокій оврагъ, со дна котораго она подымалась на перевалъ. Отрядъ, поднятый весь сразу, собрался на возвышенности, откуда верблюды, по одному, спускались въ оврагъ и затѣмъ подымались къ перевалу. Съ перевала, какъ было сказано, шелъ крутой спускъ, разработанный саперами и стрѣлками 1-го баталіона. На спускѣ вьючныя животныя должны были двигаться тоже по одному. Трудность спуска заставила, на всемъ его протяженіи, поставить шпалерами людей, поддерживавшихъ вьюки. Каждый верблюдъ переходилъ отъ одной пары людей къ слѣдующей, и т. д. Предосторожности эти были далеко не лишнія. Безъ помощи людей, животныя падали бы, теряли вьюки и задерживали бы переходъ чрезъ перевалъ. Артиллерію спускали на лямкахъ. Около двухъ часовъ было употреблено, чтобы перевалить Аристанъ-тау. Ущелье за переваломъ тянется версты на двѣ. За нимъ открывается долина, по которой, до самаго Манамъ-джана, попадаются рыхлые солончаки, занимающіе иногда значительныя площади. Только тамъ, гдѣ нѣтъ солонцовъ, растетъ джузгунъ; остальное все —голо, сѣро, неприглядно, безпріютно. За ущельемъ, долиной, дорога ровная, твердая, удобная какъ для артиллеріи, такъ и для верблюдовъ. У самыхъ колодцевъ она соединяется съ большою караванною дорогою, о которой упомянуто выше. Пять колодцевъ на Манамъ-джанѣ имѣли порядочную воду и въ значительномъ количествѣ. Кромѣ колодцевъ, на урочищѣ было двѣ копани съ родниковою водою. И въ колодцахъ, и въ копаняхъ, вода нѣсколько солоновата, но вполнѣ годна для питья и варки пищи. Уровень ея—у самой поверхности земли, что представляло большія удобства. У самыхъ колодцевъ растительности нѣтъ; кормъ и топливо находятся верстахъ въ $1^1/_2$ въ сторонѣ отъ нихъ.

11-го числа весь первый эшелонъ сосредоточился на колодцахъ Манамъ-джанъ. По случаю значительнаго скопленія войскъ, вода въ колодцахъ была сразу вычерпана; источники какъ-будто изсякли. Тотчасъ-же были приняты надлежащія мѣры. У колодцевъ поставлены часовые, не дозволявшіе весь вечеръ и ночь вычерпывать воду. Къ утру ея накопилось въ достаточномъ количествѣ.

Стоянка на Манамъ-джанѣ была крайне непріятна. Съ рыхлыхъ солончаковъ, большими площадями окружающихъ урочище, при самомъ небольшомъ вѣтрѣ, подымалась ѣдкая, тонкая пыль, затруднявшая дыханіе и залѣплявшая глаза. 11-го числа возвратился съ развѣдки джигитъ, посланный, какъ сказано выше, съ Каракъ-ата на Джангельды; джигитъ, проѣхавъ на Чуркъ, Султанъ-биби и Суллы-кужумды, далъ о колодцахъ и о разстояніяхъ между ними самыя подробныя указанія.

На основаніи данныхъ, сообщенныхъ джигитомъ, отличавшихся нѣсколько отъ прежнихъ разспросныхъ свѣдѣній, пришлось сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ первоначальныхъ предположеніяхъ. По значительности разстоянія отъ Чурка до Султанъ-биби (по показанію джигита—40 верстъ) нельзя было разсчитывать сдѣлать прямой переходъ съ этихъ послѣднихъ на Джангельды, а приходилось, предварительно, выйти изъ Кульджикскихъ горъ къ Суллы-кужумды и уже потомъ, вдоль южнаго подножія названныхъ горъ, слѣдовать на Джангельды и Халъ-ата.

12-го числа, 1-й эшелонъ, въ порядкѣ, указанномъ въ приказѣ отъ 9-го апрѣля, перешелъ на ключи Киндерли-булакъ. Главный начальникъ войскъ, съ главною квартирою, сопровождаемый саперною ротою и № 1 уральскою сотней, послѣ непродолжительнаго привала на ключахъ Киндерли, двинулся далѣе, на Каракъ-ата.

За Манамъ-джаномъ характеръ мѣстности тотъ-же, но солончаковъ еще болѣе; дорога отъ самаго урочища, направляясь вначалѣ на юго-западъ, около пяти верстъ идетъ низомъ, минуетъ песчаный гребень, съ котораго и спускается къ колодцамъ Тюсъ-булакъ (1) На Тюсъ-булакѣ три обильные родника, обдѣланные въ видѣ колодцевъ. Уровень воды въ колодцахъ—почти у самой поверхности земли. Два колодца были завалены камнями. Вода въ колодцахъ солоновата и съ сѣрнымъ запахомъ.

Отъ колодцевъ Тюсъ-булакъ дорога пересѣкаетъ широкую площадку, заросшую кустарниками, а съ нея спускается на солончаки, среди которыхъ, между низкими песчаными холмами, поросшими саксауломъ, расположены ключи Киндерли. На урочищѣ имѣется четыре ключа съ большимъ притокомъ воды, которой можетъ достать на значительный отрядъ. Только одинъ ключъ даетъ порядочную воду; въ остальныхъ она горько-соленая, съ сѣрнымъ запахомъ.

Ключи Киндерли придаютъ окружающей мѣстности чрезвычайно оригинальный характеръ. Изъ ключей, имѣющихъ видъ бассейновъ, сажени по три въ поперечникѣ, текутъ небольшіе ручейки, которые, разливаясь по солонцамъ, образуютъ на нихъ лужи, мѣстами топи, а затѣмъ совершенно теряются, оставляя на пройденномъ ими пути зеленыя площадки, покрытыя сочною, свѣжею травою и кустами колючки. Рядомъ съ этою зеленью толстый слой осадочной соли еще болѣе выдѣляетъ яркость скудной, степной растительности. На небольшихъ буграхъ солонцовато-песчано-глинистой почвы въ Киндерли густо растутъ кусты гребенщика (Tamarix) и колючки (Halimodendron argenteum).

Отъ Киндерли дорога, пройдя версты двѣ солончакомъ, вступаетъ на мѣстность, по которой встрѣчаются довольно глубокіе пески, затрудняющіе движеніе. У самой дороги мѣстами видны заросшія камышемъ ямы съ горько-соленою ключевою водою.

Не доѣзжая Каракъ-ата, видны нѣсколько деревьевъ на урочищѣ; издали они кажутся прекраснымъ большимъ садомъ или рощею. Взоръ, утомленный въ продолженіе цѣлаго мѣсяца мертвымъ видомъ волнообразныхъ песковъ, ихъ скудною, чахлою растительностью, съ наслажденіемъ останавливается на каракъ-атинской зелени, въ сущности весьма небогатой.

Невольно приходитъ мысль о возможности устроить на Каракъ-ата прочный осѣдлый пунктъ, который былъ-бы въ безлюдной, глухой пустынѣ отраднымъ убѣжищемъ одинокому путнику и цѣлымъ караванамъ (2). Верстахъ въ пяти отъ Каракъ-ата, главный начальникъ войскъ былъ встрѣченъ бухарскимъ посольствомъ, во главѣ котораго находился Якши-бекъ-удайчи, церемоніймейстеръ бухарскаго двора. Обмѣнявшись привѣтствіями и нѣсколькими фразами, выражавшими взаимныя отношенія, Якши-бекъ, съ своимъ конвоемъ, присоединились къ свитѣ генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана. Бухарскій посланникъ былъ въ халатѣ, вышитомъ золотомъ, и на прекрасномъ аргамакѣ. Часть его приближенныхъ была тоже одѣта пестро и богато и на хорошихъ лошадяхъ; остальные представляли самый оригинальный сбродъ.

На Каракъ-ата насъ ожидало большое угощеніе. Въ раскинутыхъ новенькихъ палаткахъ (3), устланныхъ коврами, были разставлены блюда съ разными туземными сладостями.

(1) Отъ колодцевъ Тюсъ-булакъ отдѣляется дорога къ колодцу Азнекъ.
(2) Впослѣдствіи найдено было возможнымъ мысль эту осуществить.
(3) Одна изъ палатокъ, роскошно отдѣланная внутри шелкомъ, была прислана эмиромъ въ подарокъ генералъ-адъютанту Фонъ-Кауфману. Во время похода это былъ вполнѣ умѣстный презентъ.

Бухарцы разносили отлично приготовленный пловъ и чай. Тотъ-же пловъ съ чаемъ былъ приготовленъ и для войскъ. Любезность эмира этимъ не ограничилась: онъ прислалъ въ отрядъ, на 100 верблюдахъ, муки, крупы и ячменя.

Каракъ-ата—уголокъ, производящій самое пріятное впечатлѣніе. Урочище расположено на невысокомъ холмѣ, окруженномъ обширной песчаной равниной. На самомъ высокомъ мѣстѣ холма построено нѣсколько сакель и поставлено двѣ юрты, въ которыхъ живутъ киргизскія семейства. Сакли и юрты издали имѣютъ видъ небольшой крѣпостцы, защищающей подступы къ холму. У подножія холма, возлѣ самыхъ сакель и юртъ, находится знаменитый каракъ-атинскій ключъ. Обдѣланный въ видѣ небольшаго бассейна и окруженный отдѣльной стѣнкой, онъ представляетъ большой запасъ прекрасной, вкусной воды. За стѣнкой, огораживающей ключъ, выкопанъ другой бассейнъ (прудъ), около 6 саженъ ширины и длины, откуда вода выходитъ небольшимъ ручейкомъ. Рядомъ съ этимъ прудомъ засѣяны люцерной полянки, окопанныя земляными валиками. За клеверными полями живописно раскинулось мусульманское кладбище, съ группами деревьевъ, придающихъ всему урочищу такой заманчивый видъ издали. На Каракъ-ата, около воды, разводится нѣсколько ивъ (Salix); на кладбищѣ и около его, на песчаныхъ буграхъ, въ изобиліи дико растетъ Tamarix (вѣроятно gallica) и попадается нѣсколько довольно большихъ тополей (populus pruinosa) въ лощинахъ съ суглинистою почвой. Надъ могилой святаго (ауліе) красуется высокая и раскидистая ива. По преданію туземцевъ, она выросла отъ палочки, воткнутой въ могилу святаго (1). Дерево, осѣняющее могилу ауліе, увѣшано тряпками, ленточками, шнурочками,—приношеніями киргизъ, приходящихъ поклониться святому. Вся песчаная равнина, окружающая ключи Каракъ-ата, покрывается, весною, рѣдкою, но сочною травою, совершенно годною для корма лошадямъ. При первыхъ жаркихъ дняхъ вся она выгораетъ, не оставляя и слѣдовъ бывшей растительности. Вблизи Каракъ-ата расположены пять группъ колодцевъ, придающихъ этой мѣстности особенно важное значеніе. Относительно этихъ пяти группъ каракъ-атинскіе ключи занимаютъ центральное положеніе (2).

Богатый каракъ-атинскій ключъ давалъ около шести ведеръ воды въ секунду; такая прибыль ея позволяла сосредоточить на Каракъ-ата значительную массу войскъ. Поэтому рѣшено было оставить на ключахъ весь первый эшелонъ, присоединивъ къ нему на дневку и 2-й. Окрестные же колодцы предназначались для водопоя (3). По приходѣ войскъ на Каракъ-ата, тотчасъ-же были приняты всѣ мѣры къ сохраненію въ надлежащемъ порядкѣ драгоцѣннаго ключа. Къ ключу и къ резервуару были поставлены часовые, которые не допускали людей брать воду изъ самаго ключа (первый резервуаръ), а только изъ пруда; не позволяли солдатамъ мыться въ немъ и мыть бѣлье и не разрѣшали конямъ подъѣзжать къ пруду. Для водопоя же находившихся на Каракъ-ата лошадей и вообще для большаго удобства

---

(1) По обычаю, мусульмане хоронятъ умершихъ въ сидячемъ положеніи, а сверху закладываютъ брусками. Если бруски дадутъ ростки, то похороненный—святой.

(2) Самыя-же группы, по отношенію къ Каракъ-ата, находятся: 1) три колодца Косъ-кудукъ — верстахъ въ 4-хъ прямо на западъ; только въ одномъ колодцѣ здѣсь вода прѣсная, вполнѣ годная для питья, а въ двухъ остальныхъ соленая; 2) четыре колодца Чуакъ-бай съ порядочною водою—въ 4-хъ верстахъ на сѣверо-востокъ; 3) четыре колодца Тасъ-кудукъ—въ 2-хъ верстахъ на юго-востокъ; въ одномъ изъ колодцевъ отличная прѣсная вода, разливающаяся черезъ край колодца; 4) четыре мелкихъ колодца Соръ-булакъ—въ 6 верстахъ на юго-западъ; 5) ключи Бала-каракъ—въ 6 верстахъ на юго-западъ (въ 2½ отъ Косъ-кудука); ключи вытекаютъ изъ подъ отвѣснаго берега узкаго оврага, образуя на его днѣ ручеекъ, теряющійся, по выходѣ изъ оврага, въ пескахъ. На Бала-каракѣ засѣяно небольшое клеверное поле, возлѣ нѣсколькихъ необитаемыхъ сакель и кладбища. Два высокіе дерева на урочищѣ видны на далекое разстояніе. По берегу ручья растетъ джангылъ (Tamarix) и другіе кустарники.

Кромѣ названныхъ колодцевъ и ключей, въ 2-хъ верстахъ отъ Соръ-булака имѣются родники Чингельды.

(3) Хотя въ Каракъ-атинскомъ ключѣ и на водопой воды, вѣроятно, достало бы, но мѣра эта была принята съ тѣмъ, чтобы не мутить воды въ резервуарахъ. Для водопоя животныхъ оказалось достаточнымъ колодцевъ Тасъ-кудукъ.

доставанія воды, саперы вырыли новый прудъ, въ который вода была проведена изъ пруда посредствомъ широкой канавы.

12-го апрѣля былъ первый жаркій день за время нашего похода. Въ первомъ часу пополудни въ тѣни было 28° по Реомюру. Было нестерпимо душно; въ воздухѣ—ни малѣйшаго движенія. Послѣ обѣда на горизонтѣ показались тучи; онѣ шли въ направленіи Каракъ-ата и медленно приближались къ нашему бивуаку. Часу въ 9-мъ вечера подулъ сильный, порывистый вѣтеръ, который быстро превратился въ ураганъ, принесшій нѣсколько капель дождя и массу поднятаго на воздухъ мелкаго песку. Въ необычайномъ мракѣ потонуло все окружающее. Степь глухо загудѣла. Буранъ продолжался всего нѣсколько минутъ, но былъ такъ силенъ, что немногія палатки устояли на мѣстахъ, ито благодаря особымъ усиліямъ ихъ владѣльцевъ. Не смотря на непродолжительность бурана, песокъ проникъ въ палатки и покрылъ толстымъ слоемъ всѣ вещи.

Войска, собравшіяся 14 апрѣля на Каракъ-ата, поставлены были лагеремъ у самаго ключа; тамъ-же расположилось, вблизи бивака, на особо отведенномъ мѣстѣ, и бухарское посольство. Бухарцы узнали, что въ отрядѣ есть музыканты (1) и заявили ихъ желаніе послушать музыку. Приказано было хору собраться къ ставкѣ командующаго войсками. Когда раздались звуки маршей, азіятцы пришли въ неописанный восторгъ, дарили музыкантовъ и предложили имъ угощеніе. 13-го апрѣля, по случаю наступившей жары, войскамъ разрѣшено было надѣть гимнастическія рубашки, офицерамъ—кителя. Стоянка на Каракъ-ата не оставила о себѣ дурныхъ воспоминаній. Воды на урочищѣ было совершенно достаточно, кормъ для животныхъ имѣлся въ недалекомъ разстояніи; сами ключи съ окружающею ихъ зеленью представляли живописный пейзажъ среди мертвой степи. При всемъ этомъ, отрядъ испыталъ на Каракъ-ата нѣкоторыя неудобства. Лагерь, какъ было упомянуто, раскинулся на обширной равнинѣ, покрытой мелкимъ пескомъ, поднимавшимся при малѣйшемъ вѣтрѣ на воздухъ. Укрыться отъ песку не было никакой возможности. Кромѣ того, на Каракъ-ата оказалось множество скорпіоновъ. Стоило въ любомъ мѣстѣ раскопать песокъ, и ихъ оказывалось тамъ нѣсколько экземпляровъ. Скорпіоны проникали вездѣ. Одинъ офицеръ, спавшій на желѣзной кровати, былъ укушенъ скорпіономъ. Многіе солдаты подверглись тому же, и только благодаря раннему времени года, когда скорпіоны не такъ ядовиты, укушенія не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ опухоли и сильной боли въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ.

Состояніе здоровья войскъ было по-прежнему вполнѣ удовлетворительно; больныхъ и слабыхъ въ отрядѣ къ 12-му апрѣля было 22 человѣка, изъ которыхъ 7 въ лазаретѣ и 15 (слабыхъ) при своихъ частяхъ. 18-го числа былъ первый смертный случай въ отрядѣ: умеръ рядовой 1-го стрѣлковаго баталіона отъ болѣзни ущемленія кишки. Причина смертнаго случая не имѣла ничего общаго съ трудностями и лишеніями походной жизни и имѣла своимъ зародышемъ патологію въ организмѣ покойнаго Тѣмъ не менѣе, первый смертный случай въ отрядѣ произвелъ невольно тяжелое, грустное впечатлѣніе (2).

---

(1) Въ туркестанскомъ отрядѣ, при 3 стрѣлковомъ баталіонѣ, слѣдовалъ хоръ роговой музыки. Хоръ этотъ былъ недавно сформированъ и, надо отдать справедливость, не отличался особымъ мастерствомъ въ исполненіи музыкальныхъ пьесъ. Тѣмъ не менѣе онъ недурно, а въ данной нашей степной обстановкѣ даже и хорошо, игралъ нѣсколько маршей, танцевъ, вечернюю зорю и молитву: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ".

(2) 14-го апрѣля, въ 9 часовъ утра, въ походной церкви отслужена была маленькая обѣдня, а затѣмъ отпѣваніе умершаго, котораго, послѣ того, товарищи его, 1-го стрѣлковаго баталіона, похоронили тутъ-же, на Каракъ-ата. Вообще уроч. Каракъ-ата не посчастливилось въ этомъ отношеніи для насъ. По приходѣ на это урочище, нѣсколько позже, именно 17 апрѣля, казалинской колонны, слѣдовавшій при ней полковникъ Романовъ, отягощенный болѣзнію, въ припадкѣ безпамятства, выстрѣлилъ себѣ въ ротъ изъ револьвера и, проживъ еще нѣсколько часовъ, умеръ на переходѣ 18 апрѣля отъ Каракъ-ата къ Чуркъ-кудуку. Тѣло полковника Романова предано землѣ на Чуркъ-кудукѣ, въ этомъ дикомъ, горноскалистомъ мѣстѣ, самомъ безотраднѣйшемъ во всей Кизылъ-кум-

По ближайшимъ свѣдѣніямъ о водѣ въ колодцахъ Чуркъ-кудукъ и Султанъ-биби, черезъ которые отрядъ долженъ былъ слѣдовать далѣе отъ Каракъ-ата, пришлось уменьшить составъ эшелоновъ и для этого 1-й и 3-й эшелоны были раздѣлены на колонны слѣдующаго состава:

Изъ *перваго* эшелона составились:

Головная колонна, подъ начальствомъ подполковника барона Аминова, изъ саперной роты, № 3-й уральской сотни и ракетнаго дивизіона.

Вторая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бардовскаго, въ составѣ четырехъ ротъ стрѣлковъ, роты 2-го линейнаго баталіона, конной батареи и $^1/_2$-сотни № 1 уральской сотни.

Третья колонна, подъ начальствомъ полковника Веймарна, изъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ, $^1/_2$-сотни № 1-й уральской сотни, съ главной квартирой, вьючнымъ обозомъ своихъ частей и передовыхъ двухъ колоннъ.

Третій эшелонъ раздѣленъ былъ на двѣ половины: *первую*, подъ начальствомъ подполковника Иванова, въ составѣ пяти ротъ, взвода горныхъ орудій, взвода картечницъ, $^1/_2$-сотни № 3-й оренбургской сотни и ракетнаго дивизіона; эта часть войскъ должна была имѣть съ собою верблюдовъ на тѣ лишь потребности, какъ и войска 2-й половины перваго эшелона; *вторую*, подъ начальствомъ полковника Голова, изъ двухъ ротъ, взвода горныхъ орудій и № 17-й оренбургской сотни.

Этимъ составомъ эшелоновъ старались, по возможности, достигнуть равномѣрнаго распредѣленія войскъ и вьючныхъ животныхъ въ отношеніи потребнаго для нихъ количества воды и при этомъ соблюсти и боевыя условія марша, такъ какъ головныя колонны каждаго эшелона шли налегкѣ и были сильнѣе послѣдующихъ за ними, при которыхъ сгруппированы были вьючные транспорты.

Рекогносцировка колодцевъ Чуркъ-кудукъ показала, что воды въ этихъ колодцахъ мало, а между тѣмъ отъ Чурка до Султанъ-биби предстоялъ безводный переходъ въ 42 версты. Приходилось войскамъ поднять воду съ собой на этотъ переходъ, а въ колодцахъ Чуркъ-кудукъ ея могло достать для питья людямъ и для пойла животнымъ только на ночлегѣ, а потому было приказано частямъ, при выступленіи съ Каракъ-ата, наполнить всѣ имѣвшіеся сосуды для воды и израсходовать эту воду только по особому приказанію.

Послѣднее распоряженіе было сдѣлано еще и потому, что свѣдѣнія о количествѣ воды въ колодцахъ на Султанъ-биби не были достаточно опредѣлительны, и можетъ-быть пришлось-бы употреблять поднятую воду именно на этихъ колодцахъ. Только по полученіи извѣстія изъ головнаго отряда о дѣйствительномъ состояніи воды на Султанъ-биби, разрѣшено было израсходовать воду дорогою, на большомъ привалѣ между Чуркомъ и Султанъ-биби.

ской степи. Печальная, странная судьба постигла этого умнаго, талантливаго, энергичнаго человѣка. Много на своемъ вѣку онъ поработалъ для науки, много странъ изъѣздилъ, былъ и на нашемъ отдаленномъ востокѣ, на берегахъ Амура. Въ Туркестанскій край давно манили г. Романова новизна, своеобразность страны и ея жителей. Но до хивинскаго похода онъ не служилъ у насъ въ краѣ и ему не удалось ни разу побывать въ немъ. Покойный много читалъ и имѣлъ большія свѣдѣнія объ Аму-дарьѣ; его давнишняя, завѣтная мечта была—побывать на берегахъ Оксуса. И вотъ хивинская экспедиція представляла къ тому удобный, возможный случай. Предъ отъѣздомъ генерала Кауфмана, въ январѣ 1873 года, изъ С.-Петербурга въ Ташкентъ и оттуда въ хивинскій походъ, полковникъ Романовъ обратился къ нему съ просьбою взять его въ походъ, для осуществленія давившей его мысли изученія и изслѣдованія на мѣстѣ Аму-дарьи и ея дельты. Генералъ Кауфманъ, лично знавшій полковника Романова еще по инженерному училищу, согласился на просьбу Дмитрія Ивановича и исходатайствовалъ его назначеніе въ свое распоряженіе. Въ нѣсколько дней полковникъ Романовъ собрался въ далекій путь и выѣхалъ въ Казалинскъ, гдѣ онъ и пристроился къ казалинской колоннѣ, выступившей въ походъ 10-го марта. Съ Мамамъ-джана полковникъ Романовъ долженъ былъ, съ нѣкоторыми другими лицами, перейхать изъ казалинской колонны въ 1-й эшелонъ туркестанскаго отряда, въ составъ главной квартиры. Но за болѣзнію онъ не могъ этого исполнить и остался слѣдовать при казалинской колоннѣ. Болѣзненные симптомы у него быстро усиливались, и къ приходу колонны на Каракъ-ата положеніе здоровья Дмитрія Ивановича было очень серьезно и опасно. Наконецъ, въ ночь съ 17-го на 18-е апрѣля, въ припадкѣ меланхоліи и полнаго безпамятства, онъ нанесъ себѣ смертельную рану. Такъ безславно угасла и погибла умная, полезная жизнь—и гдѣ же?—среди песковъ, въ глухой, мертвенной пустынѣ....

Мы съ цѣлью вдаемся въ эти мелочныя подробности сдѣланныхъ на маршѣ распоряженій, такъ какъ вся задача, вся трудность минувшаго хивинскаго похода именно и заключалась въ томъ, чтобы благополучно совершить походъ и привести къ предѣламъ непріятельской страны войска здоровыми и сохранившими свои силы. Разъ, какъ достигнутъ былъ-бы такой результатъ, то дѣло несомнѣнно совершилось-бы успѣшно. Поэтому, мысль и забота о сбереженіи силъ и здоровья людей были господствующими; отсюда понятно то вниманіе ко всѣмъ деталямъ въ распоряженіяхъ по походу, о которыхъ мы считали себя не вправѣ умолчать.

Непріятель не обнаруживалъ никакихъ съ своей стороны попытокъ. Онъ ограничивался лишь наблюденіемъ за движеніемъ войскъ, слѣдя сначала за одною казалинскою колонной. На Каракъ-ата впервые до насъ дошелъ слухъ, что хивинскія войска перешли на правый берегъ Аму-дарьи и расположились въ окрестностяхъ Учъ-учака.

14-го апрѣля, въ $8^1/_2$ часовъ утра, выступила съ Каракъ-ата головная колонна 1-го эшелона. Кратчайшею и лучшею дорогою оказалась та, которая направляется на Соръ-булакъ. До этого урочища встрѣчаются глубокіе пески. Далѣе слѣдуетъ твердая и удобная для движенія дорога, перерѣзанная лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тяжелыми песками. Не доходя верстъ 8 до Чурка, дорога входитъ въ ущелье. На протяженіи этихъ 8 верстъ путь, песчаный и неровный, въ высшей степени тяжелъ и труденъ. Все разстояніе отъ Каракъ-ата до Чурка 32 версты. Колодцы Чуркъ-кудукъ, числомъ 10, расположены у самой оконечности вышеуказаннаго ущелья. Глубина колодцевъ около 9 аршинъ, но въ каждомъ изъ нихъ не болѣе аршина воды, а въ нѣкоторыхъ и меньше; вода во всѣхъ колодцахъ соленая. Кормъ и топливо имѣются, но въ значительномъ удаленіи отъ колодцевъ. Мѣстность на Чуркъ-кудукѣ, стѣсненная голыми обрывами, производитъ вообще впечатлѣніе безотрадное. Вблизи колодцевъ, въ щели, имѣется соленый ключъ, но вода его, тотчасъ-же по выходѣ, исчезаетъ, всасываясь въ почву.

15-го апрѣля саперы, рано утромъ, прибыли на колодцы Чуркъ-кудукъ, гдѣ тотчасъ-же принялись за расчистку ключа и за устройство резервуара. Работы эти были окончены съ полнымъ успѣхомъ къ приходу эшелона. Запруда, устроенная саперами, принесла большую пользу и послужила для водопоя лошадей и верблюдовъ, такъ-что изъ колодцевъ пользовались водою только одни люди. Въ этотъ-же день вторая колонна 1-го эшелона сдѣлала переходъ на Чуркъ-кудукъ. Переходъ этотъ былъ весьма тяжелый какъ для людей, такъ и для животныхъ, во-первыхъ, вслѣдствіе встрѣченныхъ на дорогѣ песковъ, во-вторыхъ потому, что жара въ этотъ день была нестерпимая: температура доходила до 30^0 по Реомюру. Воды на колодцахъ Чуркъ-кудукъ оказалось достаточно, но она была соленая, что̀, послѣ такого длиннаго перехода при большой жарѣ, было непріятно болѣе, чѣмъ когда-либо.

Слѣдующій переходъ отъ Чурка къ Султанъ-биби по своей величинѣ (42 версты) былъ очень труденъ для войскъ: эшелоны выступали съ Чуркъ-кудука на зарѣ и приходили на ночлегъ къ колодцу Султанъ-биби поздно ночью. Особенно много времени занималъ переходъ артиллеріи и вьючнаго обоза черезъ большой оврагъ, имѣвшій около 15 саженъ глубины. Спускъ въ этотъ оврагъ былъ очень узокъ и крутъ. Саперы его уширили и придали большую пологость. Послѣднія 8 верстъ въ горахъ, по каменистому, неровному грунту, утомляли верблюдовъ, которыхъ много пало на переходѣ отъ Чуркъ-кудука. Къ счастью, послѣ такого труднаго перехода, войска находили на Султанъ-биби такую воду, которую они не пили съ Темиръ-кобука и Аякъ-кудука. Особенно пострадали верблюды на 42-верстномъ переходѣ къ Султанъ-биби, въ колоннѣ полковника Веймарна, въ которой былъ сосредоточенъ весь вьючный обозъ 1-го эшелона, и въ колоннѣ подполковника Терейковскаго, при

которой слѣдовалъ тяжело нагруженный артиллерійскій паркъ.

На Султанъ-биби—9 колодцевъ, расположенныхъ вдоль ущелья тремя группами, въ незначительномъ удаленіи одна отъ другой. Во всѣхъ колодцахъ воды много и отличнаго качества. Размѣры колодцевъ довольно значительные: около сажени ширины и 8 аршинъ глубины. Изъ 5-ти колодцевъ, находящихся въ третьей, болѣе удаленной группѣ, одинъ оказался вовсе засыпаннымъ, а три завалены бревнами; въ одномъ же нетронутомъ колодцѣ вода отличалась какимъ-то непріятнымъ вкусомъ. Вѣроятно туда подброшена была какая-нибудь падаль, и вообще замѣтно было, что, не задолго передъ приходомъ на Султанъ-биби головной колонны подполковника барона Аминова, на этихъ колодцахъ хозяйничала шайка хивинцевъ, старавшаяся завалить колодцы, но неуспѣвшая сдѣлать этого вполнѣ. О шайкѣ этой свѣдѣнія были доставлены киргизами, кочевавшими около урочища Халъ-ата и Джангельды.

17-го апрѣля, въ высокоторжественный день рожденія Государя Императора, на колодцахъ Султанъ-биби былъ разставленъ наметъ походной церкви, въ которую, къ 11 ти часамъ утра, собрались всѣ чины 2-й колонны, для слушанія обѣдни и молебствія, отслуженныхъ священникомъ Маловымъ. По окончаніи божественной службы, главный начальникъ войскъ поздравилъ ихъ съ высокоторжественнымъ днемъ, а затѣмъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ г.г. офицеровъ на завтракъ. Какъ-то особенно торжественно было празднованіе этого, дорогаго для каждаго русскаго, дня въ ущельи Кульджикскихъ горъ, на колодцахъ Султанъ-биби. Мы были отдѣлены верстъ на 600 отъ всякаго русскаго жилья и на тысячи верстъ отъ родины, гдѣ въ то же время десятки милліоновъ душъ повторяли съ нами одну и ту же молитву за счастіе и благоденствіе обожаемаго Монарха. Дружное, мощное русское „ура“, въ отвѣтъ на привѣтствіе и поздравленіе войскъ главнымъ начальникомъ съ высокоторжественнымъ праздникомъ, раздавалось особымъ, чуднымъ эхомъ въ скалистомъ, дикомъ ущельи Кульджикскихъ горъ, среди которыхъ расположенъ былъ, 17-го апрѣля, нашъ бивакъ. Трудно выразить всѣ тѣ ощущенія, которыя испытывалъ каждый изъ насъ въ эти торжественныя минуты. Слѣдующій переходъ, отъ Султанъ-биби къ Суллы-кужумды, былъ всего въ 10 верстъ, потому 2-я колонна 1-го эшелона, въ два часа дня, 17-го апрѣля, была поднята съ бивака на Султанъ-биби и переведена къ Суллы-кужумды. Урочище это весьма богато водою; здѣсь имѣются два большіе ключа, вода которыхъ собирается въ трехъ большихъ прудахъ, и, кромѣ того, здѣсь находятся еще 13 колодцевъ. Вода въ этихъ послѣднихъ совершенно прѣсная, холодная, и не далѣе двухъ-четырехъ аршинъ отъ поверхности земли. Около ключей пріютилось нѣсколько деревьевъ, листья и зелень которыхъ пріятно ласкали глаза, утомленные непривѣтливымъ, сѣренькимъ колоритомъ степей.

Вечеромъ, 17-го апрѣля, Его Императорское Высочество Князь Евгеній Максимиліановичъ Романовскій устроилъ на Суллы-кужумды праздникъ, на которомъ присутствовали Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ и главный начальникъ войскъ экспедиціи, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ 1-й. На праздникъ этотъ были удостоены приглашенія и многіе чины отряда. Роскошная обстановка вечера, устроеннаго въ импровизированномъ шатрѣ, образовавшемся изъ соединенія юламеекъ и бухарскихъ палатокъ, восторженные тосты за Государя Императора, широкое, искреннее радушіе хозяина и оживленная бесѣда за джонкой, продолжавшаяся далеко за полночь,—все это отдаляло отъ мысли о томъ, гдѣ и въ какой обстановкѣ мы находились въ данное время, и давало возможность хоть не надолго забыть тѣ непрерывныя усилія и лишенія, которыя въ описываемый періодъ хивинскаго похода, т. е. во время скучнаго, однообразнаго движенія

по степи, требовали отъ участниковъ, главнымъ образомъ, терпѣнія и терпѣнія.

Такъ какъ послѣдующіе переходы къ Халъ-ата, колодцы Учъ-кудукъ и урочище Джангельды, были обильны водою, то представилась возможность снова увеличить составъ эшелоновъ, которые и сосредоточивались для этого на богатомъ водою урочищѣ Суллы-кужумды.

18-го апрѣля весь первый эшелонъ, въ прежнемъ составѣ, собрался на Суллы-кужумды, гдѣ и расположился бивакомъ въ видѣ общаго большаго каре.

Послѣ перехода черезъ Кульджикскія горы въ ближайшую къ Аму-дарьѣ часть Кизылъ-кумской степи, становились весьма вѣроятнымъ встрѣча и столкновеніе съ непріятельскими партіями, а потому необходимо было принять болѣе усиленныя мѣры осторожности во время марша, на привалахъ и ночлегахъ, при посылкѣ отдѣльныхъ командъ, и т. п. Къ одной изъ такихъ мѣръ принадлежитъ назначеніе начальниковъ фасовъ бивачнаго каре. Въ первый разъ они были назначены на колодцахъ Суллы-кужумды; причемъ, для начальствованія фасомъ, обращеннымъ къ сторонѣ непріятеля, былъ назначенъ Его Императорское Высочество Князь Евгеній Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій. На начальниковъ фасовъ было возложено общее наблюденіе за порядкомъ въ нихъ и въ расположенныхъ впереди ихъ аванпостахъ; главная же ихъ обязанность заключалась въ командованіи фасами въ случаѣ тревоги.

19-го апрѣля, 1-й эшелонъ, въ полномъ составѣ, перешелъ къ Учъ-кудуку (1), гдѣ нашлось до 30-ти неглубокихъ колодцевъ съ отличною, свѣжею водою. У этихъ колодцевъ отрядъ вышелъ на большую бухарскую дорогу.

Слѣдующіе за Учъ-кудукомъ колодцы и ключи Джангельды, расположенные у западной оконечности Кульджикскихъ горъ, оказались весьма обильны водой; вода была хорошаго качества и колодцы не глубоки.

21-го апрѣля 1-й эшелонъ прибылъ на урочище *Халъ-ата*, а къ 24-му числу сосредоточился здѣсь весь туркестанскій отрядъ. Разстояніе, которое войска отряда прошли до урочища Халъ-ата, составляло для джизакской колонны отъ Ташкента—660 верстъ, для казалинской — 730 верстъ.

Прибытіемъ на урочище Халъ ата окончился для туркестанскаго отряда первый періодъ хивинскаго похода,—періодъ трудный, какъ всѣ степные походы, какъ вообще движеніе по колодцамъ, когда человѣку не приходится подчасъ напиться въ волю воды; когда онъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обращается съ водою не такъ, какъ привыкъ къ этому съ малолѣтства. Но подобный походъ продолжается тихо, однообразно, скучно, безъ особыхъ приключеній и треволненій. Выступивъ утромъ съ плохихъ колодцевъ, войска, послѣ тяжелаго марша, приходили вечеромъ на такіе-же плохіе колодцы и, ложась спать, знали, что завтра имъ предстоитъ тотъ-же тяжелый маршъ, такіе-же колодцы, такая же затхлая, соленая вода, и что такъ будетъ и послѣ завтра, и такъ далѣе. Этотъ періодъ похода можно сравнить съ непрерывнымъ, тяжелымъ трудомъ, при плохомъ содержаніи, отъ котораго работникъ изнуряется, утомляется, но не гибнетъ. Совсѣмъ другое предстояло намъ впереди. У Халъ-ата достигался, такъ-сказать, край степи; за Халъ-ата, впереди, разстилалась уже не степь, а песчаная, безводная пустыня, и за нею конецъ нашимъ лишеніямъ—рѣка Аму-дарья. Въ первомъ періодѣ похода, до Халъ-ата, нужно было, главное, вооружиться терпѣніемъ, чтобы перенести непрерывныя

(1) На Учъ-кудукѣ было получено донесеніе отъ окружнаго интенданта, что транспортъ съ мѣсячнымъ довольствіемъ, назначеннымъ для храненія въ опорномъ пунктѣ на Халъ-ата, выступилъ изъ Ташкента 7-го апрѣля, подъ конвоемъ 8-й сотни оренбургскаго казачьяго войска, подполковника Есипова. Въ этомъ транспортѣ везлось довольствіе, въ количествѣ 22.000 пудовъ. Въ этотъ-же день было получено донесеніе отъ конвоировавшаго 2-й эшелонъ интендантскаго транспорта, командира № 5-й семирѣченской сотни, войсковаго старшины Гринвальда, въ которомъ сообщалось, что транспортъ его слѣдуетъ благополучно и 16 апрѣля былъ на колодцахъ Балта-салдыръ.

лишенія; отъ этого же мѣста предстояло напрячь всѣ нравственныя и физическія силы и рѣшиться перенести всевозможныя *мученія*, для достиженія желанной цѣли. Наполеонъ 1-й, въ числѣ стратегическихъ и тактическихъ преградъ, ставилъ на первомъ планѣ *степи*, на второмъ—*горы* и на третьемъ—*рѣки*. И дѣйствительно, опытъ хивинскаго похода показываетъ, что переходъ чрезъ пустыню представляется весьма рискованнымъ предпріятіемъ, какія-бы ни были приняты мѣры для обезпеченія его успѣха. Туркестанскому же отряду предстояло совершить эту операцію уже послѣ двухмѣсячнаго, тяжелаго степнаго похода. Очевидно, что прежде, чѣмъ приступить къ этой труднѣйшей части хивинской кампаніи, о которой всѣ въ Туркестанѣ, еще за долго до экспедиціи, знали, что отъ удачнаго ея выполненія именно и зависитъ *„быть или не быть туркестанцамъ въ Хивѣ“*, надлежало привести отрядъ и матеріальную его часть въ совершенный порядокъ. Надо было исправить все, что разстроилось во время длиннаго марша по Кизылъ-кумамъ, и вообще, на сколько возможно, подготовить отрядъ къ предстоявшему трудному переходу. Удаляясь вмѣстѣ съ этимъ отъ бухарской территоріи, оставляя ее въ тылу и вступая въ раіонъ дѣйствія непріятеля, надлежало упрочить за нами, на время кампаніи, пройденный уже путь и этимъ обезпечить сообщенія отряда съ Ташкентомъ, на сколько это вообще возможно въ степи; наконецъ, слѣдовало, до выступленія съ Халъ-ата, собрать точныя свѣдѣнія не только о предстоящемъ пути, но и о другихъ дорогахъ, ведущихъ къ Аму-дарьѣ. Для сбора отряда и для выполненія всѣхъ вышеуказанныхъ задачъ, особенно при существовавшемъ разстройствѣ вьючнаго обоза, требовалось, конечно, не мало времени, а потому заранѣе предвидѣлась необходимость довольно продолжительной стоянки на Халъ-ата.

Во время пребыванія отряда на этомъ урочищѣ предстояло такимъ образомъ: 1) обезпеченіе отряда водою на время стоянки на Халъ-ата; 2) приготовленіе отряда, по всѣмъ частямъ, для предстоявшаго передвиженія къ Аму-дарьѣ, и 3) устройство на Халъ-ата укрѣпленнаго складочнаго пункта, оставленіе въ немъ гарнизона и снабженіе послѣдняго всѣмъ необходимымъ.

Какъ мѣсто для сбора значительнаго числа войскъ, урочище Халъ-ата слѣдуетъ считать вполнѣ удовлетворительнымъ, конечно, имѣя при этомъ въ виду, что оно расположено въ Кизылъ-кумской степи, представляющей возможность останавливаться и собираться большому отряду только тамъ, гдѣ есть вода. Урочище Халъ-ата, представляя мертвенный, пустынный видъ, отличается многоводнымъ ключемъ съ хорошею прѣсною водою. Горный перешескъ, имѣющій общее направленіе съ запада на востокъ и связывающій два горныхъ кряжа, Кара-тау и Кара-тюбе, при очень малой ширинѣ и возвышеніи, спускается къ югу въ бухарскія степи и съ сѣвера примыкаетъ къ плоской возвышенности, которая тянется по направленію къ Амударьѣ. На перешейкѣ, ближе къ Кара-тюбе, въ западной его части, лежатъ ключи Халъ-ата, у подножія холма, имѣющаго около 10 саж. высоты, 40 длины и 25 ширины. Въ восточной его части, на протяженіи 5 саж., образовался обрывъ, въ которомъ размыло водою (а можетъ быть здѣсь работалъ и человѣкъ) глубокую пещеру. Въ послѣдней и находится ключъ, дающій отличную и прѣсную воду, очень вкусную, но немного теплую (19° Р.) (¹). У пещеры—тутовое дерево, огороженное стѣнкой, огибающею ключъ и образующею у дерева маленькій дворикъ. Выйдя изъ пещеры, вода по канавкѣ направляется на поля, находящіяся съ западной стороны Халъ-ата. Пройдя небольшое разстояніе, вода эта исчезаетъ, всасываясь въ песчаную почву. Поля, найденныя нами не засѣянными, обнесены глиняными валиками, предохраняющими посѣвы отъ песчаныхъ зано-

(¹) По увѣреніямъ туземцевъ, зимою вода бываетъ еще теплѣе.

совъ. Три брошенныя сакли и нѣсколько загоновъ для скота указывали, что уроч. Халъ-ата было обитаемо: за полями, саженяхъ въ 60 отъ холма, развалины бывшей муллушки, капитальнаго сооруженія, сложеннаго изъ жженаго кирпича на извести; далѣе—кладбище съ большими надгробными камнями. Холмъ, съ уровня ключей, какъ бы продолжается, въ видѣ нешпрокаго возвышенія, до муллушки; отсюда-же мѣстность понижается и за кладбищемъ представляетъ гладкую, покатую на сѣверъ и югъ, равнину, идущую до Кара-тау. На югъ отъ холма, у самой его подошвы, слѣды двухъ брошенныхъ сакель и загона для скота, а на сѣверо-западъ—другое кладбище, расположенное также непосредственно у холма Кромѣ ключа, выходящаго изъ пещеры, непосредственно возлѣ холма и вблизи его, расположены 32 колодца съ хорошею, годною для питья, водою. Въ нѣкоторыхъ она была слегка солоновата. У самыхъ колодцевъ и ключа ни топлива, ни подножнаго корма не имѣлось; то и другое было, въ достаточномъ количествѣ, въ ближайшихъ окрестностяхъ и въ виду колодцевъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Халъ-ата находится группа соленыхъ колодцевъ, годныхъ для верблюдовъ. Въ 8-ми верстахъ къ сѣверу отъ урочища имѣются богатые водою колодцы Дунгесъ-тау-кудукъ. Такъ какъ Халъ-ата предназначалось для сбора всего туркестанскаго отряда, т. е. для соединенія джизакской и казалинской колоннъ, то понятно, что, подъѣзжая къ этому урочищу, всѣ были озабочены одною главною мыслью: достанетъ-ли для всѣхъ воды?

Хотя, по первому впечатлѣнію, урочище Халъ-ата почти успокоивало всѣхъ въ этомъ отношеніи, однако, въ виду прежнихъ опытовъ, мы не могли быть вполнѣ увѣрены, что воды будетъ достаточно. Мало того, что ея требовалось для удовлетворенія большой массы войскъ, лошадей и вьючныхъ животныхъ, во время болѣе или менѣе продолжительной стоянки на этомъ мѣстѣ, вода была нужна еще и для заготовленія по меньшей мѣрѣ трехдневнаго запаса, какъ для людей, такъ и для животныхъ, на безводный переходъ отъ Халъ-ата до Аму-дарьи (1). Ключъ, повидимому, давалъ много воды, но вода эта незамѣтно пропадала куда-то въ землю. Вотъ почему первая забота, по приходѣ на Халъ-ата, было устройство правильныхъ резервуаровъ для скопленія ключевой воды. Тотчасъ-же по приходѣ, 21-го апрѣля, на мѣсто, саперы принялись за работу, и къ вечеру того-же дня были вырыты четыре резервуара или пруда, соединенные съ ключемъ и между собою канавами, бока которыхъ укрѣпили камнями и кирпичемъ. На другой день вырыли еще два такихъ резервуара, и всего ихъ устроено было шесть. На столько серьезна и важна для насъ была эта работа, что главный начальникъ, не смотря на зной и непрерывный песчаный буранъ, не отходилъ отъ работъ, самъ наблюдалъ за ними и дѣлалъ личныя указанія саперамъ.

Воды на Халъ-ата оказалось для всего отряда въ излишествѣ; благодаря устройству резервуаровъ, ни одна капля ея не пропадала даромъ, и добываніе воды и водопой шли безъ всякой задержки и безостановочно.

21-го апрѣля, въ то время, какъ 1-й эшелонъ стягивался къ назначеннымъ для бивака мѣстамъ, задулъ сильный теплый вѣтеръ, моментально поднявшій такую массу песку, что къ 4-мъ часамъ дня солнце померкло и въ воздухѣ образовалась непроницаемая песчаная мгла. Къ 8 часамъ вечера вѣтеръ нѣсколько стихъ, но онъ продолжалъ сыпать песокъ всю ночь; къ утру не только палатки и въ нихъ вещи, но и всѣ люди были покрыты слоемъ песку. На другой день—тотъ же вѣтеръ, тотъ же песчаный ураганъ (тебатъ), отъ дѣйствія которыхъ некуда было укрыться. Буранъ продолжался непрерывно цѣлую недѣлю и конечно во всю жизнь не забудется туркестанскими войсками, участвовавшими въ хивинскомъ походѣ. Ощущенія тебата почти невыноси-

(1) Въ отрядѣ тогда еще не знали, что въ 40 верстахъ впереди отъ Халъ-ата было многоводное урочище Адамъ-крылганъ.

мыя; тучи мелкихъ песчинокъ залѣпляютъ вамъ глаза, ротъ, уши, покрываютъ всего съ головы до ногъ пескомъ, хрустъ котораго у васъ постоянно на зубахъ; ничего нельзя дѣлать въ палаткѣ: ни читать, ни писать; и бумага, и чернила, и столъ, на которомъ все это стоитъ, все подъ слоемъ песку. Выйдешь изъ палатки — бѣшеные порывы урагана чуть не валятъ съ ногъ; глаза съ трудомъ открываются, ихъ тотчасъ-же заноситъ пескомъ; въ воздухѣ, среди бѣлаго дня, какой-то мракъ, неба не видно, а солнце сквозь мглу жжетъ немилосердно. Духота страшная, и человѣкъ постоянно въ испаринѣ. Почью то же самое: жаръ, духота, песокъ.

22-го числа приступлено было къ разбивкѣ и трассировкѣ укрѣпленія на Халъ-ата. Работы производились подъ наблюденіемъ командира туркестанской саперной роты и подъ непосредственнымъ руководствомъ главнаго начальника войскъ. 23-го апрѣля было заложено основаніе укрѣпленія, а къ вечеру была сдѣлана значительная отрывка рва и насыпка бруствера (1). Одновременно съ трассировкой укрѣпленія, 22-го же апрѣля было начато устройство войсками печей для печенія хлѣба и для перепечки сухарей, такъ какъ провіантъ, присланный бухарскимъ эмиромъ на Халъ-ата, состоялъ изъ муки. Необходимо было, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ гигіеническихъ, освѣжить организмъ печенымъ хлѣбомъ, замѣнивъ имъ, хотя на время, всѣмъ пріѣвшіеся за два мѣсяца сухари (2).

Погода продолжалась весьма неблагопріятная. Страшный песчаный буранъ свирѣпствовалъ съ небольшими перерывами и 23 апрѣля, а съ 10 часовъ вечера этого дня онъ еще болѣе усилился. Въ первомъ часу ночи на 24 число, подъ завываніе тебата, вдругъ послышались звуки горна; вскорѣ подхватили другіе рожки, а затѣмъ грянула и дробь барабана; это была наша первая тревога во время хивинскаго похода. Въ минуту все было на ногахъ; но въ бурѣ песку трудно было добиться причины тревоги. Ясно было, что непріятель близокъ, а между тѣмъ все кругомъ тихо, кромѣ страшнаго вѣтра. Войска по тревогѣ вышли изъ палатокъ и выстроились по фасамъ каре, въ которомъ былъ расположенъ бивакъ отряда. Посланный на аванпосты начальникъ штаба отряда доложилъ, что непріятельскій разъѣздъ, въ числѣ 15-ти человѣкъ, подъѣхалъ къ одному изъ нашихъ пикетовъ; казакъ, стоявшій на часахъ, окликнулъ ихъ, полагая, что это нашъ разъѣздъ, повѣряющій посты; вмѣсто отвѣта раздались выстрѣлы. Тогда казаки съ пикета также дали два выстрѣла. Непріятельская шайка бросилась впередъ, стараясь отрѣзать пикетъ отъ лагеря. Но такъ какъ по первому же выстрѣлу затрубили въ лагерѣ тревогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ мѣсту происшествія прискакалъ нашъ казачій патруль, который какъ - разъ въ это время объѣзжалъ линію пикетовъ, то непріятельская партія повернула назадъ и, пользуясь неровностью мѣстности и ночною мглою, поспѣшно скрылась.

Утромъ на другой день на этомъ мѣстѣ найдены были ружье (двухстволка тульской работы) и турсукъ съ водою; надо полагать, что отъ выстрѣла казака одинъ изъ шайки былъ убитъ или раненъ (3). По разъясненіи причины тревоги, приказано было оставить подъ ружьемъ, до разсвѣта, только дежурныя части; остальнымъ войскамъ разрѣшено было отдыхать.

---

(1) Грунтовая вода въ укрѣпленіи была на небольшой глубинѣ, отъ 1 до 2½ аршинъ. Земля—тонкій верхній слой—песокъ, потомъ глина и въ ней попадались жилы желѣзной руды низкаго качества. Жилы эти такъ крѣпки, что ломы ломались при разработкѣ ихъ.

(2) Сперва предполагали дѣлать печи въ землѣ, но, по сыпучести грунта, нельзя было этого исполнить; тогда разобрали развалившуюся старинную (по словамъ бухарцевъ, построенную лѣтъ 400 тому назадъ) муллушку и изъ кирпича, добытаго оттуда, дѣлали печи; квашни устроивались въ ямахъ, бока которыхъ обкладывались саперными мѣшками, а также и въ бочкахъ изъ-подъ воды. Дрожжи дѣлались при помощи уксуснаго экстракта, имѣвшагося у солдатъ въ ротахъ, и изюма. Кружала строились изъ лѣсенокъ и изъ шиноваго желѣза, бывшаго въ инженерномъ паркѣ. Печей на каждую роту сдѣлано было 4 и хлѣба выпекалось ежедневно въ каждой печи по два пуда. Къ вечеру 23 апрѣля войскамъ былъ розданъ свѣже-испеченный хлѣбъ, который, послѣ двухъ - мѣсячнаго голоданія сухарей, встрѣченъ былъ всѣми какъ самое дорогое и вкусное лакомство.

(3) Предположеніе это впослѣдствіи подтвердилось.

24-го апрѣля, утромъ, возвратились два джигита, посланные съ Халъ-ата, тотчасъ по приходѣ сюда войскъ, для осмотра дороги до Адамъ-крылгана. Они проѣхали еще 20-ть верстъ и за колодцы Адамъ-крылганъ, но, наткнувшись тамъ на туркменскіе разъѣзды, далѣе не могли слѣдовать и возвратились въ Халъ-ата. Не смотря на всѣ осторожности и уловки, джигиты замѣчены были туркменами и спаслись отъ нихъ только благодаря темной ночи. Показанія, привезенныя джигитами, относительно дороги, были далеко не утѣшительныя: во-первыхъ, до Адамъ-крылгана (Киркина) оказалось слишкомъ 40 верстъ, и пески, какъ по сю сторону этихъ колодцевъ, такъ и на протяженіи тѣхъ 20-ти верстъ, которыя джигиты проѣхали впередъ отъ нихъ, оказались въ высшей степени труднымп. Такъ какъ во всѣ эти дни дулъ сильный вѣтеръ, то джигиты, на обратномъ пути, не могли уже различать въ пескѣ своихъ слѣдовъ; многіе песчаные перекаты, которые они проѣзжали въ передній путь, при обратномъ ихъ слѣдованіи, уже изчезли и взамѣнъ ихъ образовались новые Показанія джигитовъ приводили къ заключенію, что намъ предстояло идти по сыпучимъ, переноснымъ пескамъ. На Адамъ-крылганѣ джигиты нашли всего одинъ колодезь, между тѣмъ какъ, по имѣвшимся ранѣе свѣдѣніямъ, было извѣстно, что два мѣсяца тому назадъ ихъ существовало тамъ шесть. Очевидно, что другіе были засыпаны двигающимися песками. Существующій колодезь, какъ видно, былъ вырытъ весьма недавно и вода въ немъ была всего около 2-хъ аршинъ подъ поверхностью земли. Вообще, судя по этому колодцу и по характеру мѣстности, джигиты, оба коренные степняка, полагали, что грунтовая вода на Адамъ-крылганѣ очень близка и что тамъ безъ затрудненія можно будетъ вырыть сколько угодно колодцевъ. Послѣднее условіе было весьма важно и въ значительной степени облегчало задачу предстоявшаго туркестанскимъ войскамъ перехода.

24-го апрѣля, въ 10 часовъ утра, прибылъ на Халъ-ата 3-й эшелонъ и такимъ образомъ въ этотъ день произошло соединеніе джизакской и казалинской колоннъ и сосредоточеніе всего туркестанскаго отряда. Въ составѣ 3-го эшелона былъ 4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ, расположенный до похода въ Оренбургѣ, а также скорострѣльныя пушки (1). 4-й стрѣлковый баталіонъ въ первый разъ на Халъ-ата присоединился къ своимъ товарищамъ—стрѣлкамъ туркестанской стрѣлковой бригады. Г. г. офицеры 4-го стрѣлковаго баталіона были приглашены на обѣдъ, данный имъ офицерами первыхъ трехъ баталіоновъ стрѣлковой бригады. Въ то же время нижніе чины первыхъ трехъ баталіоновъ стрѣлковъ угощали своихъ товарищей 4-го баталіона.

Въ день сосредоточенія туркестанскаго отряда, 24-го апрѣля, въ немъ было больныхъ 51 человѣкъ; изъ этого числа 37 при войскахъ и 14 въ лазаретѣ. Изъ этихъ, хотя и весьма утѣшительныхъ цифръ, видно, что число больныхъ за послѣднее время нѣсколько увеличилось, причину чего надо полагать въ непрерывныхъ халъ-атинскихъ песчаныхъ вѣтрахъ, которые хуже всякихъ длинныхъ переходовъ утомляли и изнуряли людей.

На этомъ мы закончимъ настоящую главу, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующей описать формированіе въ Казалинскѣ и Перовскѣ казалинской колонны и движеніе ея съ Сыръдарьи, чрезъ Кизылъ-кумы, къ Аристанъ-бель-кудуку, откуда, какъ сказано выше, она вышла на путь слѣдованія главныхъ силъ и составила третій эшелонъ туркестанскаго отряда.

---

(1) Послѣднія слѣдовали до Халъ-ата на верблюдахъ. Здѣсь-же для нихъ куплены были двѣ лошади, собственно для запряжки въ орудія; для перевозки же патроновъ въ вьючныхъ ящикахъ, переданы изъ конной батареи двѣ лошади—изъ взвода 1-й батареи и дивизіона 2-й батареи по одной, такъ-что на каждое скорострѣльное орудіе было по двѣ вьючныя лошади, на которыхъ и перевозились патроны, по 800 штукъ на каждой. Вьюкъ этотъ былъ не обременителенъ для лошадей, равно какъ и скорострѣлки, въ запряжку въ одну лошадь, перевозились весьма легко, даже въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ.

IV.

Сборъ въ Казалинскѣ. — Походъ 4-го стрѣлковаго баталіона изъ Оренбурга въ Казалинскъ. — Прибытіе и движеніе туда транспортовъ и общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ съ скорострѣльными пушками, Нортоновыми колодцами и консервами. — Прибытіе въ Казалинскъ Великаго Князя Николая Константиновича.—Формированіе и снаряженіе казалинской колонны. — Выступленіе и движеніе казалинскихъ войскъ къ Иркибаю. — Движеніе къ Иркибаю войскъ изъ форта Перовскаго. — Пребываніе колонны на Иркибаѣ; постройка Благовѣщенскаго укрѣпленія; условія, которымъ оно должно было удовлетворять, и назначеніе для него гарнизона; оставленіе здѣсь интендантскаго транспорта.— Слухи о непріятелѣ и высылка джигитовъ впередъ на Кизылъ-какъ. — Движеніе колонны изъ Иркибая черезъ Кизылъ-кумы къ Буканскимъ горамъ. — Полученіе приказанія объ измѣненіи направленія колонны черезъ Тамды на Аристанъ-бель-кудукъ. — Сосредоточеніе къ Юзъ-кудуку. — Движеніе къ Тамдамъ и далѣе до Аристанъ-бель-кудука.

Въ составъ казалинской колонны вошли части войскъ, квартировавшія до похода въ Оренбургѣ и въ Туркестанскомъ округѣ; въ этомъ послѣднемъ они находились въ двухъ пунктахъ: Казалинскѣ и фортѣ Перовскомъ, отдаленныхъ одинъ отъ другаго на 400 верстъ. Кромѣ того, въ составъ колонны вошли высланные изъ С.-Петербурга: взводъ скорострѣльныхъ орудій, транспортъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, транспортъ съ консервами для туркестанскихъ войскъ и транспортъ съ Нортоновыми колодцами. Всѣ эти части и транспорты сосредоточивались въ двухъ названныхъ пунктахъ и колонна сформировалась окончательно лишь на урочищѣ Иркибаѣ, на старомъ руслѣ Яны-дарьи. Поэтому, при изложеніи похода казалинской колонны, слѣдуетъ предварительно сказать о сосредоточеніи войскъ и транспортовъ въ Казалинскѣ, потомъ о движеніи къ Иркибаю со стороны Казалинска и форта Перовскаго, а затѣмъ уже приступить къ дальнѣйшему изложенію слѣдованія всей колонны къ Буканскимъ горамъ и далѣе, черезъ урочище Тамды, къ Аристанъ-бель-кудуку. Отъ этихъ колодцевъ казалинская колонна вышла на путь слѣдованія джизакской колонны и составила 3-й эшелонъ туркестанскаго отряда.

На основаніи предположенія о походѣ, составленнаго въ С.-Петербургѣ, 4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ долженъ былъ направиться изъ Оренбурга въ предѣлы Туркестанскаго округа, для присоединенія къ войскамъ казалинской колонны. Баталіону, слѣдовательно, предстояло, еще до начала хивинскаго похода, совершить степное передвиженіе на разстояніи около тысячи верстъ. Трудная, при благопріятныхъ условіяхъ, задача эта сдѣлалась подвигомъ при той обстановкѣ, среди которой она была выполнена. Баталіону пришлось выступить изъ Оренбурга въ январѣ мѣсяцѣ и совершить переходъ по степи до Казалинска въ самую суровую въ тѣхъ мѣстахъ часть зимы. Изъ Оренбурга баталіонъ можно было направить или прямо въ степь черезъ укрѣпленіе Акъ-тюбе къ форту Карабутакъ, или туда же—черезъ Орскъ. Послѣдній путь нѣсколько длиннѣе, но рѣшено было воспользоваться имъ, во-первыхъ, потому, что до Орска, на разстояніи 265 верстъ, онъ пролегаетъ по станицамъ и населеннымъ мѣстамъ; во-вторыхъ, на Акъ-тюбе предполагалось позднѣе двинуть бо́льшую часть силъ оренбургскаго экспедиціоннаго отряда, причемъ обязательная для киргизъ поставка на ночлегахъ топлива, скота, кибитокъ и т. д., ложилась тяжелымъ для нихъ бременемъ, тогда какъ другіе киргизскіе роды, кочующіе на Ори, вовсе не несли бы этой повинности.

Разстояніе, которое приходилось пройти 4-му туркестанскому стрѣлковому баталіону отъ Оренбурга до Казалинска, равнялось 965 верстамъ; изъ нихъ первыя 265 верстъ, до Орска, дорога идетъ, какъ было уже замѣчено, среди поселеній оренбургскаго казачьяго войска; затѣмъ остальная часть пути, слишкомъ 700 верстъ, пролегаетъ по голой степи, на которой, кромѣ киргизскихъ зимовокъ, встрѣчаются только два населенныхъ пункта: фортъ Карабутакъ и городъ Иргизъ.

Времени оставалось весьма мало; надо было дать баталіону, по прибытіи въ Казалинскъ, по крайней мѣрѣ недѣли

двѣ на отдыхъ и на приготовленія къ предстоявшему, новому, трудному походу, на этотъ разъ уже по раскаленнымъ солнцемъ песчанымъ пустынямъ. Съ другой стороны, въ степи между Орскомъ и Казалинскомъ, можно было ожидать 25—30 градусныхъ морозовъ, сопровождаемыхъ продолжительными буранами, во время которыхъ переходы по степи не только опасны, но часто рѣшительно невозможны.

Для большей быстроты движенія, рѣшено было перевезти весь баталіонъ, въ составѣ около 900 человѣкъ, на саняхъ. До Орска перевозка должна была совершиться на обывательскихъ лошадяхъ, а далѣе по степи—на лошадяхъ, выставленныхъ киргизами (1).

Найти по пути необходимое количество саней и конской упряжи было невозможно; поэтому оренбургскій арсеналъ принялъ на себя заготовленіе 235 саней, а также и сбруи.

Сани имѣли видъ деревянныхъ розвальней, на которыхъ были укрѣплены деревянныя дуги, съ натянутыми на нихъ рогожами, что̀ составляло нѣчто въ родѣ кибитки. Сани запрягались парою лошадей и въ каждой кибиткѣ помѣщались четыре человѣка съ ихъ вещами и провіантомъ на всю дорогу.

Баталіонный обозъ былъ направленъ отдѣльнымъ эшелономъ на подъемныхъ лошадяхъ, и такъ какъ, по случаю глубокихъ снѣговъ, предвидѣлись большія затрудненія въ пути, то рѣшено было сократить число обозныхъ повозокъ; въ походъ взяли только денежный, аптечный и патронные ящики, которые всѣ были поставлены на полозья.

Въ степи, не только на всѣхъ назначенныхъ по маршруту ночлегахъ, но и на пунктахъ перепряжки лошадей, киргизы выставили въ достаточномъ числѣ кибитки (2). Мѣста, на которыхъ ставились кибитки, расчищались киргизами отъ снѣга и полъ въ юртахъ покрывался слоемъ сѣна и соломы. Снаружи кибитки окапывались снѣгомъ. Кромѣ того, на всѣхъ мѣстахъ остановокъ эшелоновъ приготовлено было топливо для варки пищи и для согрѣванія людей.

Баталіонъ слѣдовалъ четырьмя эшелонами, по большому туркестанскому тракту, дѣлая по двѣ станціи въ день. Дневокъ не было назначено.

По части снаряженія баталіона были приняты слѣдующія мѣры: всѣ люди получили полушубки, третью пару сапоговъ и валенки и киргизскіе малахаи (просторная мѣховая баранья шапка, снабженная широкимъ мѣховымъ фартукомъ, закрывающимъ не только уши и шею, но даже затылокъ и плечи). На каждаго солдата отпущено по $1^1/_2$ аршина кошмы или войлока, который замѣнялъ въ дорогѣ коверъ, а на ночлегѣ постель. Всѣ упомянутыя вещи были заготовлены интендантствомъ; кромѣ того, на хозяйственныя суммы баталіона заведены были вареги (3) и суконныя портянки.

Вмѣсто ранцевъ, люди баталіона были снабжены, по образцу войскъ Туркестанскаго округа, холщевыми мѣшками. Кромѣ того, баталіону выданы разныя экспедиціонныя вещи.

Со дня выступленія въ походъ, 4-му стрѣлковому баталіону все довольствіе отпускалось по степному положенію: 1 фунтъ мяса на человѣка въ день, чай и сахаръ (на 100 человѣкъ—$^1/_3$ ф. чаю и фунтъ сахару въ сутки), и проч. Для предупрежденія развитія цынготной болѣзни, баталіономъ была заготовлена, на приварочныя деньги, сушеная капуста. Съ цѣлью облегченія обоза, вмѣсто фуража натурою, для подъемныхъ лошадей были отпущены деньги, и въ то же время военный губернаторъ Тургайской области распорядился о выставкѣ на каждомъ ночлегѣ жителями, для продажи войскамъ, сѣна (по приблизительному разсчету на подъ-

(1) За особое вознагражденіе изъ суммъ, ассигнованныхъ на хивинскую экспедицію.

(2) Киргизскій войлочный шатеръ; такихъ шатровъ выставлялось по одному на 20 человѣкъ и, кромѣ того, нѣсколько кибитокъ для гг. офицеровъ.

(3) Шерстяныя перчатки или рукавицы, поверхъ которыхъ люди надѣвали форменныя суконныя рукавицы.

емныхъ и офицерскихъ лошадей). Кромѣ того, было сдѣлано распоряженіе о пригонѣ киргизами, для продажи на мясныя порціи, скота въ Карабутакъ, Иргизъ и на нѣкоторые другіе попутные пункты

Баталіонъ былъ снаряженъ тройнымъ комплектомъ патроновъ. Относительно перевозки баталіона по участку орско-казалинскаго тракта, отъ станціи Терекли до Казалинска (вѣдѣнія Туркестанскаго генералъ губернаторства), были приняты тѣ же мѣры, какъ и въ оренбургскихъ предѣлахъ, съ тою разницею, что, согласно мѣстнымъ условіямъ, вмѣсто лошадей на станціяхъ выставлялись верблюды.

Баталіонъ выступилъ изъ Оренбурга, какъ сказано выше, 4-мя эшелонами, поротно: 20 января выѣхалъ головной эшелонъ, а остальные, послѣдовательно, 22, 24 и 26-го По маршруту, эшелоны въ томъ же порядкѣ должны были прибыть въ Казалинскъ 15, 17, 19 и 21-го февраля. До Орска баталіонъ не встрѣтилъ особыхъ затрудненій, благодаря попутнымъ станицамъ и деревнямъ; далѣе же предстояла голая степь съ страшными буранами и жестокими морозами. Но тутъ, на помощь баталіону, явились мѣстная администрація и туземное населеніе. Съ чувствомъ глубокой признательности здѣсь слѣдуетъ высказать, что и та и другое сдѣлали все, отъ нихъ зависѣвшее, къ облегченію этого труднаго похода.

Начальники уѣздовъ: маіоръ Рѣдькинъ—Иргизскаго, капитанъ Шлиттеръ—Илецкаго и Казалинскаго—полковникъ Головъ, съ подвѣдомственными имъ киргизами, встрѣчали и сопровождали эшелоны.

На 19-ти ночлегахъ киргизы выставили все, что отъ нихъ потребовалось; при этомъ кибитокъ всюду поставлено болѣе, чѣмъ было назначено; всѣ онѣ окопаны снѣгомъ, полы устланы сѣномъ и для нижнихъ чиновъ покрыты кошмами, а для офицеровъ коврами, подушками и одѣялами; рядомъ съ кибитками были заготовлены: топливо, сѣно, лошади или верблюды и пригнанъ для продажи скотъ. За кибитки киргизы отказались отъ всякаго вознагражденія; за перевозку саней потребовали плату меньше установленной прогонной, поверстной платы; мясо и сѣно продавали весьма дешево,—за послѣднее требовали 30 копѣекъ за пудъ, тогда какъ въ то время цѣна на него стояла по 1 руб. за пудъ.

Кромѣ того, многіе изъ киргизъ верхами сопровождали войска, и когда сани останавливались въ снѣжныхъ сугробахъ или запряженныя въ нихъ лошади отказывались везти отъ изнуренія, киргизы впрягали своихъ лошадей безвозмездно, и нѣсколько разъ, въ особенно холодныя ночи, располагали весь отрядъ въ своихъ аулахъ и землянкахъ

Благодаря такимъ условіямъ, трудный походъ былъ совершенъ удачно и быстро.

Переѣзды совершались, большею частью, мелкой рысью; на серединѣ дороги перепрягали лошадей; люди въ это время согрѣвались чаемъ въ кибиткахъ, посреди которыхъ горѣли костры, а затѣмъ совершался такимъ-же порядкомъ второй перегонъ до ночлега, гдѣ уже готовили варку.

Изъ Иргиза командиръ баталіона, подполковникъ Омельяновичъ, донесъ, что къ 7 числу февраля первые 3 эшелона прослѣдовали этотъ городъ безъ задержекъ, за исключеніемъ дня 4-го февраля, когда, по случаю жестокаго бурана, 1-й 2 и 4-й эшелоны прошли, вмѣсто двухъ станцій почтоваго тракта, только одну; но и эта задержка была на слѣдующій день вознаграждена тѣмъ, что эшелоны сдѣлали, вмѣсто двухъ, три переѣзда. Съ 7-го по 10-е число были страшные бураны, при 30°-мъ морозѣ; не смотря на это, движеніе производилось на столько успѣшно, что командиръ баталіона, получивъ на походѣ, во время проѣзда генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана, личное его приказаніе идти не стѣсняясь маршрутомъ, надѣялся прибыть съ послѣднимъ эшелономъ въ Казалинскъ не 21, а 19 февраля. Начиная отъ станціи Терекли, движеніе нѣсколько замедлилось тѣмъ, что, по мѣстнымъ условіямъ, туземное населеніе выставило здѣсь, вмѣсто

лошадей, верблюдовъ; но и на этомъ участкѣ все было устроено такъ, что задержки не встрѣтилось и предположеніе командира баталіона—о возможности прибыть въ Казалинскъ 19-го февраля—осуществилось.

Дѣйствительно, въ этотъ день окончилъ походъ послѣдній эшелонъ; 1-й эшелонъ вступилъ въ Казалинскъ 13 февраля, 2-й—15-го, 3-й—17-го и 4-й—19-го.

Баталіонный же обозъ прибылъ только 21-го числа.

На всемъ пути слѣдованія баталіона, не смотря на неблагопріятныя условія, на безостановочное движеніе безъ дневокъ и на бураны, сопровождаемые морозами, доходившими до 30° по Реомюру, число больныхъ было ничтожное; поморозившихся вовсе не оказалось даже въ 4-мъ эшелонѣ, часть людей котораго, за усталостью верблюдовъ, провела одну ночь въ степи при 30°-мъ морозѣ.

Больные были. одинъ въ 3-мъ эшелонѣ—золотухою, но, проведя одну ночь на мѣстѣ, онъ могъ пристроиться къ 4-му эшелону, который въ свою очередь оставилъ двухъ больныхъ катарромъ легкихъ въ Карабутакѣ и Иргизѣ.

Благополучное окончаніе этого похода слѣдуетъ, конечно, прежде всего приписать замѣчательнымъ качествамъ нашего солдата, мѣрамъ, принятымъ какъ для снабженія баталіона, такъ и по организаціи его движенія, и затѣмъ самоотверженной помощи, оказанной войску мѣстною администраціею и туземнымъ населеніемъ.

Благодаря быстрому маршу, 4-му стрѣлковому баталіону осталось еще около $2^1/_2$ недѣль въ Казалинскѣ на приготовленія къ дальнѣйшему походу.

Въ этотъ промежутокъ времени въ Казалинскъ постепенно прибывали изъ Петербурга лица и транспорты, назначенные въ хивинскій походъ.

Раньше другихъ прибыли доктора Гриммъ и Преображенскій, завѣдывавшіе транспортомъ, посланнымъ отъ главнаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ; при транспортѣ слѣдовали 4 фельдшера и одинъ унтеръ-офицеръ отъ войскъ гвардіи. Выѣхавъ изъ Петербурга 28-го января, транспортъ доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Саратова, здѣсь былъ нагруженъ на 12 саней и отправленъ въ 3-хъ партіяхъ черезъ Уральскъ въ Оренбургъ. Переѣздъ этотъ былъ сопряженъ съ большими трудностями, вслѣдствіе ухабовъ и морозовъ отъ 30° до 35° Реомюра. Далѣе движеніе къ Орску продолжалось въ четырехъ партіяхъ, причемъ послѣдняя выѣхала изъ Оренбурга 17-го февраля. Особенно много бѣдствій транспорту пришлось перенести на пути отъ Орска до Терекли, гдѣ въ то время еще не былъ устроенъ нынѣшній, болѣе исправный, почтовый трактъ. Наконецъ, 24-го февраля прибыла въ Казалинскъ первая партія; вторая и третья послѣдовали за нею 25-го и 26-го. Всѣ партіи пріѣхали на саняхъ; но четвертая была значительно задержана въ пути буранами, отъ чего она прибыла въ Иргизъ лишь 23-го февраля. Здѣсь застала ее временно теплая погода; снѣгъ сталъ, и такъ какъ колесныхъ экипажей достать было трудно, а впереди еще, быть можетъ, предстоялъ санный путь, то тяжести отсюда отправлены на протяжныхъ верблюдахъ и прибыли въ Казалинскъ только 2-го марта.

Надо замѣтить, что въ это время изъ Петербурга въ Туркестанскій округъ проѣзжало много лицъ; усиленный разгонъ по станціямъ разстроилъ и безъ того неудовлетворительно организованный тогда почтовый трактъ въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ его содержали киргизы. Въ предѣлахъ Туркестанскаго края въ это время содержаніе тракта приняла на себя купеческая фирма Кузнецова, и здѣсь движеніе, не смотря на несравненно менѣе выгодныя мѣстныя условія (1), происходило почти безпрепятственно.

3-го марта, вечеромъ, прибылъ въ Казалинскъ Его Импе-

(1) Условія эти заключаются въ томъ, что здѣсь почтовая дорога пересѣкаетъ песчаную степь Кара-кумы, въ которой, за недостаткомъ подножнаго корма, весьма трудно содержать лошадей, почему онѣ здѣсь и замѣнены верблюдами.

раторское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ. Выѣхавъ изъ Петербурга 15-го февраля, Его Высочество направился черезъ Москву, Саратовъ, Николаевъ, Уральскъ, Оренбургъ, Орскъ и, по степному тракту, въ Казалинскъ. Вмѣстѣ съ нимъ прибыла свита и полковникъ Романовъ, который, согласно его просьбѣ, былъ зачисленъ въ распоряженіе командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, съ назначеніемъ участвовать въ хивинской экспедиціи, для ученыхъ изслѣдованій рѣки Аму-дарьи и ея дельты.

4-го марта прибылъ въ Казалинскъ транспортъ скорострѣльныхъ пушекъ.

На основаніи представленія генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана, познакомившагося въ Петербургѣ съ системою скорострѣльныхъ пушекъ г. Нобеля, взводъ этихъ орудій, подъ начальствомъ капитана Литвинова, былъ командированъ въ хивинскую экспедицію для испытанія. Кромѣ начальника взвода, при немъ состояли два гвардейскіе артиллериста, знакомые съ скорострѣльными пушками, и вольнонаемный оружейный мастеръ. Остальную прислугу должны были доставить туркестанскія войска.

Капитанъ Литвиновъ получилъ окончательное приказаніе выѣхать изъ Петербурга 24-го января, и ему оставалось немного болѣе мѣсяца до выступленія въ походъ туркестанскихъ войскъ; поэтому скорострѣльный взводъ пришлось отправить на почтовыхъ лошадяхъ.

29-го января пушки и принадлежность были готовы и упакованы, а 30-го числа транспортъ выѣхалъ изъ Петербурга, по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ Москву и далѣе. 10-го февраля, въ Саратовѣ, всѣ тюки переложены на сани и отправлены, чрезъ Николаевъ и Уральскъ, въ Оренбургъ. Отсюда продолжали путь черезъ Орскъ въ степь. 27-го февраля транспортъ прибылъ въ Иргизъ. Далѣе движеніе на саняхъ было невозможно. Капитанъ Литвиновъ пріобрѣлъ 4 телѣги и, снарядивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, перегрузилъ вещи и выѣхалъ въ тотъ-же день въ Казалинскъ. Прибывъ въ Казалинскъ 4-го марта, пушки были растюкованы, собраны, а отъ 8-го линейнаго баталіона къ нимъ были назначены 8 человѣкъ нижнихъ чиновъ, которыхъ капитанъ Литвиновъ тотчасъ-же и обучилъ новымъ ихъ обязанностямъ.

Пять дней спустя, прибылъ въ Казалинскъ транспортъ съ Нортоновыми колодцами. По приказанію Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора инженеровъ, войска, участвовавшія со стороны Туркестана въ хивинскомъ походѣ, были снабжены 12-ю новыми Нортоновыми колодцами, отличавшимися, отъ имѣвшихся уже въ Ташкентѣ, составными трубами и другими менѣе важными приспособленіями. Колодцы эти были заказаны въ Ригѣ, на заводѣ Граммона, по соглашенію съ нимъ начальника 2-й саперной бригады генерала Рейтлингера. Заказано было 12 колодцевъ и къ нимъ 12 ящиковъ съ принадлежностью. Для успѣшнаго примѣненія колодцевъ, вмѣстѣ съ транспортомъ были назначены отъ 2-й саперной бригады унтеръ-офицеръ, завѣдывавшій транспортомъ, и, въ помощь ему, рядовой и вольнонаемный мастеръ (1).

Транспортъ былъ совершенно готовъ и выѣхалъ изъ Риги по желѣзной дорогѣ не ранѣе 28 января и, послѣ весьма продолжительнаго путешествія между Саратовомъ и Орен-

(1) Расходы на заказъ колодцевъ и доставку ихъ въ Туркестанъ выражаются слѣдующими цифрами:

За 12 колодцевъ съ принадлежностью, считая по 188 руб. за каждый	2256 р. Вѣс. 150 п.
за укупорку	244 —
на доставку транспорта отъ Риги до Саратова на пассажирскомъ поѣздѣ, а отъ Саратова до Казалинска на троечныхъ саняхъ, считая по два колодца на каждыя сани, всего на 6 тройкахъ	1260 —
прогоны вольнонаемному мастеру	140 —
теплая одежда саперамъ	75 —
на покупку 6 саней или телѣгъ	600 —
жалованье мастеру за полгода, изъ оклада 1500 руб. въ годъ.	750 —
Всего расхода	5325 руб.

бургомъ, гдѣ всюду встрѣчался недостатокъ почтовыхъ лошадей, прибылъ въ этотъ послѣдній городъ 18-го февраля (1). Далѣе путешествіе встрѣ[ча]ло не менѣе препятствій; въ Казалинскъ транспортъ прибылъ только 9-го марта (2) и на слѣдующій же день, 10-го, выступилъ въ походъ въ составѣ 4-го эшелона казалинской колонны.

Позднѣе всѣхъ прибылъ въ Казалинскъ транспортъ съ консервами. Отзывомъ отъ 28-го января 1873 г. за № 95, главное интендантское управленіе увѣдомило генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана о высылкѣ изъ Петербурга въ Казалинскъ консервовъ. Цѣль посылки консервовъ была двоякая: 1) войска въ походѣ по безводнымъ степямъ могли быть въ крайне невыгодномъ, относительно продовольствія (особенно мясомъ), положеніи, а 2) предполагалось сдѣлать опытъ въ большихъ размѣрахъ относительно удобопримѣнимости консервовъ.

Въ транспортѣ везлись слѣдующіе консервы:

	Число порцій.	Вѣсъ съ укупоркою.
1) Сухарнаго порошка для щей съ кашею, князя Долгорукова . .	14.899	202 пуда.
2) Сухихъ щей Данилевскаго .	3.245	22 —
3) Картофельной крупы профессора Киттары	23.040	126 —
4) Мяснаго экстракта Либиха, для изготовленія похлебки съ картофельной мукой	12.000	6 —
Всего . .	53.184	356 —

Консервы были укупорены въ 61 ящикѣ. 26-го января транспортъ выѣхалъ изъ Петербурга и прибылъ 2-го февраля въ Саратовъ. Далѣе движеніе продолжалось на саняхъ. Въ Оренбургъ консервы прибыли 20-го февраля и 22-го отправились далѣе, къ Казалинску, раздѣлившись на четыре партіи, по случаю недостатка лошадей на станціяхъ почтоваго тракта. 10-го и 11-го марта пришли въ Казалинскъ первыя три партіи транспорта (43 ящика) и тотчасъ были перевезены на лѣвый берегъ Сыръ-дарьи (3).

Остальные 18 ящиковъ съ консервами прибыли въ Казалинскъ, когда уже послѣдній, 5-й эшелонъ двинулся въ степь; но такъ какъ начальникъ казалинскаго отряда оставилъ, для доставки ихъ въ отрядъ, верблюдовъ, то 14-го марта они присоединились къ заднему эшелону на колодцахъ Иркибай.

Въ то время, когда изъ Петербурга въ Туркестанъ спѣшили всѣ вышеназванныя лица и транспорты, въ Казалинскѣ дѣятельно шли разныя приготовленія для предстоявшаго похода.

Въ проѣздъ свой черезъ Казалинскъ, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ, совмѣстно съ начальникомъ штаба генералъ-маіоромъ Троцкимъ, лично приняли участіе въ организаціи казалинскаго отряда. Собственно изъ города Казалинска выступали въ походъ: 3-я и 4-я и стрѣлковая роты 8-го туркестанскаго линейнаго баталіона, 4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ (4 роты), оренбургскаго казачьяго войска сотня № 3 и $^1/_2$ сотни № 1, дивизіонъ горныхъ орудій (4 стальныя, заряжающіяся съ казны пушки) и ракетный взводъ. Итого—7 ротъ пѣхоты, $1^1/_2$ сотни казаковъ, 4 горныхъ орудія и взводъ ракетъ (два станка). Кромѣ того, при отрядѣ должны были слѣдовать два $^1/_4$-пудов. крѣпостные единорога, назначенные для вооруженія будущаго укрѣпленія на урочищѣ Иркибаѣ. Колонна изъ Казалинска была подчинена начальнику Казалинскаго уѣзда полковнику Голову, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначенъ начальникомъ всего казалинскаго отряда, до соединенія его съ джизакскою колонною. При полковникѣ Головѣ былъ сформированъ отрядный штабъ.

(1) Рапортъ начальника 2-й саперной бригады.

(2) Тоже, отъ 19-го апрѣля за № 949.

(3) Войска казалинской колонны въ это время уже выступили въ походъ и переправились на лѣвый берегъ Сыръ-дарьи.

На соединеніе съ войсками, выступавшими изъ Казалинска, слѣдовали отъ форта Перовскаго 1-я и 2-я роты 8-го туркестанскаго линейнаго баталіона и ракетный взводъ. Колонна эта была подчинена командиру 2-й роты капитану Ячменеву, впредь до прибытія на урочище Иркибай.

На этомъ урочищѣ сходятся важнѣйшія дороги окружающей мѣстности: большая караванная дорога изъ Казалинска въ Бухару и дорога изъ форта Перовскаго къ урочищу Дау-кара, на восточномъ развѣтвленіи дельты Аму-дарьи. Урочище Иркибай расположено на средней части стараго русла Яны-дарьи. По руслу этому еще весьма недавно текла вода, отчего берега его покрыты широкою полосою густыхъ саксаульниковъ, представляющихъ превосходное топливо; тутъ-же, въ окрестностяхъ, встрѣчаются луга съ хорошими травами, а по дну русла, мѣстами, растетъ камышъ, особенно выше Иркибая, по берегамъ небольшихъ, но довольно глубокихъ плесовъ, представляющихъ остатки прежняго теченія.

На Иркибаѣ не можетъ быть недостатка въ водѣ, такъ какъ на днѣ русла, на глубинѣ 3 или 4-хъ арш., она встрѣчается въ изобиліи. Иркибай почти въ одинаковомъ разстояніи отъ Казалинска и отъ форта Перовскаго, сообщаясь съ ними удобными путями, особенно съ послѣднимъ; далѣе же къ хивинскимъ предѣламъ, какъ къ сторонѣ Дау-кары, такъ и къ Буканскимъ горамъ, движеніе войскъ требуетъ особенныхъ приготовленій, потому что, въ первомъ случаѣ, не доходя Дау-кары, приходится перейти 100 верстъ (какъ тогда предполагали) (1) безводнаго пространства, а на югъ, къ сторонѣ Буканскихъ горъ, тотчасъ-же за Иркибаемъ, начинались пески на протяженіи 125 верстъ, при чемъ до горъ два безводныхъ перехода: одинъ въ 95 или 100 верстъ, а другой въ 45 или 50 верстъ.

Незанятое войсками урочище Иркибай или его окрестности могли бы послужить исходнымъ пунктомъ дѣйствій конныхъ шаекъ непріятеля въ тылу нашихъ отрядовъ.

Это предположеніе было тѣмъ болѣе основательно, что отъ западныхъ частей стараго русла Яны-дарьи къ Казалинску пути сообщенія не представляютъ удобствъ для сколько-нибудь значительныхъ конныхъ партій, и, на-оборотъ, устройство опорнаго пункта на Иркибаѣ, преграждая возможность шайкамъ собираться на Яны-дарьѣ, по сю сторону безводнаго пространства, въ то же время обезпечивало отъ нихъ сыръ-дарьинскую линію, гарнизоны которой были на столько ослаблены, что не могли дѣйствовать наступательно. Съ выступленіемъ въ походъ 8-го линейнаго баталіона и казаковъ, въ низовыхъ сыръ-дарьинскихъ фортахъ осталось такъ мало войскъ (2), что, для правильнаго отбыванія гарнизонной службы, пришлось прибѣгнуть къ особымъ мѣрамъ, о которыхъ сказано въ своемъ мѣстѣ, въ первой главѣ.

Начало выступленія колонны изъ Казалинска было назначено приблизительно между 8-мъ и 10-мъ марта; но въ этомъ отношеніи предоставлялся полковнику Голову свободный выборъ. Ему было поставлено лишь одно условіе: прибыть съ колонной къ Буканскимъ горамъ около 3-го апрѣля и расположиться въ окрестностяхъ колодцевъ Бакали, выдвинувъ авангардъ и занявъ колодцы Ирлиръ.

Движеніе колонны, выступавшей изъ форта Перовскаго, должно было сообразоваться съ условіемъ одновременнаго прибытія на Иркибай съ казалинскими частями.

Основанія, принятыя для снаряженія въ походъ казалинской колонны, по частямъ: интендантской, артиллерійской, медицинской, инженерной, были тѣ же, какъ и для джизакской колонны. Объ этихъ послѣднихъ указано въ своемъ мѣстѣ, въ I главѣ настоящаго сочиненія. Поэтому здѣсь не будутъ перечислены всѣ подробности снабженія казалинской колонны, тѣмъ болѣе, что ихъ можно найти въ приложеніи

(1) Теперь извѣстно, что безводнаго перехода, по совершенно ровной, глинистой степи, безъ песковъ, всего около 80 верстъ.

(2) Смотр. приложенія.

При казалинской колоннѣ слѣдовали: интендантскій транспортъ, снаряженный командированнымъ изъ Ташкента въ Казалинскъ чиновникомъ особыхъ порученій туркестанскаго окружнаго интендантства Касьяновымъ; артиллерійскій паркъ, сформированный артиллеріи шт. кап. Янушевымъ, присланнымъ изъ Ташкента отъ окружнаго артиллерійскаго управленія; походный лазаретъ на 135 кроватей и инженерный паркъ. Въ составѣ сего послѣдняго находились желѣзные понтоны, изготовленные Аральскою флотиліею.

Вѣсъ понтоновъ и потребное для перевозки число верблюдовъ были слѣдующіе:

	Вѣсъ въ пуд.	Верблюдовъ.
1) Для трехъ паромовъ шесть складныхъ желѣзныхъ лодокъ	144 — —	12
2) 96 палубныхъ досокъ.	192 — —	16
3) Канатъ 8-дюймов. 200 саж. . .	80 — —	6
4) Якоря и другая принадлежность .	72 — —	6
5) Складная желѣзная лодка съ принадлежностью . . . . . до	24 — —	2
6) 27 веселъ	12 — —	1
Всего . . .	524 — —	43
Запасныхъ верблюдовъ, необходимыхъ вслѣдствіе того, что части складныхъ лодокъ вѣсили болѣе уменьшенныхъ для предстоявшаго похода вьюковъ—		3
Всего . . .		46

Въ составъ казалинскаго инженернаго парка входили также инструменты, закупленные въ Казалинскѣ, для постройки укрѣпленія на Иркибаѣ и для рытья колодцевъ.

Кромѣ того, въ составъ инженернаго парка казалинской колонны вошли Нортоновы колодцы, въ числѣ 14 штукъ, изъ которыхъ два, привезенные изъ Ташкента, старой конструкціи, а остальные, съ короткими составными трубами, доставлены, какъ сказано выше, передъ самымъ началомъ похода, изъ Петербурга. Колодцы старой конструкціи имѣли на столько длинныя трубы, что перевозка ихъ на верблюжьемъ вьюкѣ оказалась невозможною и для нихъ приготовлены были длинныя дроги, на 4 колесахъ, весьма неуклюжія и довольно тяжелыя на ходу. Въ эти дроги запрягалось отъ 2-хъ до 3-хъ верблюдовъ.

Вѣсъ Нортоновыхъ колодцевъ и ихъ принадлежности выражался въ слѣдующей таблицѣ:

	Вѣсъ.	Верблюд.
Подъ 26 трубъ 14-ти колодцевъ	108 —	9.
— принадлежность колодцевъ	144 —	12.
— 1 кибитку для механика и саперовъ .	12 —	1.
Всего	264 —	22.

При желѣзныхъ понтонахъ слѣдовала команда изъ 8 моряковъ Аральской флотиліи, хорошо знакомыхъ съ сборкою и разборкою понтоновъ, а также и съ рѣчнымъ плаваніемъ. Команда эта была подъ начальствомъ унтеръ-офицера (нынѣ капитана) Зубова.

Для производства въ казалинской колоннѣ саперныхъ работъ былъ командированъ изъ Ташкента саперной роты подпоручикъ Нидермиллеръ; онъ же назначенъ завѣдывать и Нортоновыми колодцами.

На случай исправленія поврежденій понтоновъ, въ составъ отряда были командированы вольнонаемный механикъ и одинъ мастеровой.

Передъ самымъ выступленіемъ отряда изъ Казалинска было сдѣлано исчисленіе тяжестей и количества верблюдовъ, выразившееся въ таблицѣ *Л. А.* и *Л. Б.* (см. приложенія).

На основаніи этого исчисленія, всѣ войсковыя тяжести отряда, выступившаго собственно изъ Казалинска, заключали въ себѣ 32.938 пуд. 17 ф., для поднятія которыхъ потребовалось 2744 верблюда, считая по 12 пудовъ груза на одного верблюда. Если къ этой цифрѣ прибавить 69 верблюдовъ подъ тяжести штаба и прикомандированныхъ офицеровъ, то получится цифра въ 2856 верблюдовъ. Къ этому числу слѣдуетъ прибавить 380 верблюдовъ, выступившихъ изъ

форта Перовскаго при отрядѣ капитана Ячменева, и тогда получимъ общую цифру верблюдовъ казалинскаго отряда—3236.

Распредѣлялись они между кочевымъ населеніемъ двухъ уѣздовъ слѣдующимъ образомъ:

Верблюдовъ, выставленныхъ населеніемъ Казалинскаго уѣзда . . . . . 2135.

Перовскаго уѣзда . . . . . 1101.

Для ближайшаго завѣдыванія верблюдами были назначены отъ каждаго изъ двухъ уѣздовъ по одному караванъ-башу, которые и были главными отвѣтчиками за верблюдовъ своихъ уѣздовъ. Въ помощь имъ назначено было отъ каждаго уѣзда по четыре юзъ-баши, которые распредѣлялись по эшелонамъ отряда. Обязанности ихъ были довольно трудныя; имъ подчинялись верблюдовожатые или лаучи; они же отвѣчали за сохранность верблюдовъ и слѣдили за тѣмъ, чтобы отсталыя животныя доставлялись по возможности до ночлега, чтобы ночью верблюды не уводились киргизами, чтобы, при выступленіи отряда съ ночлега, каждая часть получала опредѣленное ей число вьючныхъ животныхъ, и т. д.

При штабѣ отряда состояло нѣсколько вожаковъ и нѣсколько десятковъ джигитовъ изъ туземцевъ; послѣдніе — для разсылки письменныхъ приказаній.

Всего при верблюдахъ состояло: 2 караванъ-баша, 8 юзъ-башей и 462 лаучa.

Число джигитовъ нельзя точно опредѣлить, такъ какъ на эту должность киргизы шли охотно на собственномъ содержаніи. Перовскій уѣздъ выставилъ 30 вооруженныхъ джигитовъ на отличныхъ лошадяхъ.

Движеніе отъ Казалинска къ урочищу Иркибай. Послѣднія приготовленія къ походу въ Казалинскѣ и Перовскѣ еще оканчивались, а между тѣмъ уже началось движеніе войскъ въ степь. Надо было торопиться: во-первыхъ, чтобы успѣть во время дойти до Буканскихъ горъ (1), устроивъ на пути опорный и складочный пунктъ на Иркибаѣ, а во-вторыхъ, опасались за прочность льда на Сыръ-дарьѣ. Въ началѣ марта въ Казалинскѣ стояли ясные, довольно теплые дни; снѣгъ въ окрестностяхъ города быстро исчезалъ, ледяной покровъ рѣки видимо разрыхлялся и по берегамъ уже образовались узкія полосы открытой воды. Переправа, которая еще была вполнѣ возможна, отчасти вслѣдствіе ночныхъ морозовъ, боровшихся съ дѣйствіемъ лучей весенняго солнца, становилась со дня на день опаснѣе; можно было предвидѣть, что скоро она будетъ совершенно невозможна, и тогда пришлось бы рѣшиться на одно изъ двухъ: или долго ждать очистки рѣки отъ льда, чтобы начать медленную переправу на паромахъ, или же приступить къ ней тотчасъ, прорубивъ во льду каналъ поперегъ рѣки. Впрочемъ, переправлять черезъ рѣку пришлось-бы только людей, лошадей и тяжести отряда, такъ какъ верблюды Казалинскаго уѣзда, по мѣрѣ прибытія въ Казалинскъ, переводились тотчасъ-же на лѣвую сторону рѣки, гдѣ, въ окрестностяхъ бугра Кара-тюбе, они могли найти кое-какой сухой, вымерзшій подножный кормъ, тогда какъ на правомъ берегу рѣки его вовсе не было.

Изнуренные, какъ это бываетъ всегда у киргизъ, зимнею безкормицею, верблюды сгонялись издалека (2) огромными табунами въ Казалинскъ, гдѣ иногда они по нѣскольку дней почти ничего не ѣли, такъ какъ даже и скудный кормъ на лѣвомъ берегу не всѣмъ доставлялся ежедневно.

Верблюды Перовскаго уѣзда, которые были направлены на Казалинскъ, шли лѣвымъ берегомъ рѣки. Эти послѣдніе были несравненно лучше содержаны, чѣмъ верблюды Казалинскаго уѣзда. Обстоятельство это конечно объясняется тѣмъ, что число верблюдовъ, выставленныхъ казалинскими киргизами, было вдвое больше взятаго въ Перовскомъ уѣздѣ; нельзя однако не отнести этого и къ лучшему выбору са-

(1) 5-го марта въ Казалинскѣ получено приказаніе изъ Ташкента — казалинской колоннѣ прибыть непремѣнно къ 4-му апрѣля въ Буканскія горы, выставивъ авангардъ на колодцы Ирлиръ.

(2) Иногда за нѣсколько сотъ верстъ.

мимъ населеніемъ верблюдовъ въ Перовскомъ уѣздѣ, сравнительно съ Казалинскимъ (¹).

Мѣстность, которую предстояло пройти казалинской колоннѣ, имѣла вполнѣ степной и пустынный характеръ. До самыхъ границъ Хивы не было ни одного осѣдлаго пункта; рѣдкое кочевое населеніе большею частью удалилось въ это время, по обыкновенію, въ сѣверную часть Киргизской степи, къ Орску и Троицку; оставшіеся аулы избѣгали сосѣдства большихъ дорогъ, по которымъ слѣдовали войска, и ушли въ глубь степи. Поэтому, впродолженіе всего похода до урочища Тамды, казалинской колоннѣ не довелось увидѣть ни одного аула.

Большихъ сыпучихъ песковъ до Иркибая вообще не предстояло переходить отряду; самые затруднительные въ этомъ отношеніи участки расположены на 2-й половинѣ этой дороги, въ окрестностяхъ колодцевъ Джара и Акъ-кудукъ, гдѣ встрѣчаются сыпучіе, крутые, песчаные холмы или барханы; но за то плоскіе, неглубокіе пески лежатъ на большей части дороги. Всюду, гдѣ на этомъ пути встрѣчаются пески, они покрыты растительностью, за исключеніемъ ничтожныхъ пространствъ по берегамъ стараго русла Куванъ-дарьи. Если прибавить къ этому, что, благодаря раннему времени года, почва еще была проникнута влажностью отъ таявшаго снѣга, отчего песокъ былъ плотный, и что низкая температура воздуха вообще и ночные морозы въ особенности не давали ему разрыхляться, то станетъ понятнымъ, почему до Иркибая и даже къ югу отъ него войска, сравнительно, меньше страдали отъ песковъ во время движенія. Дорога до Иркибая пролегаетъ по ровной мѣстности; какъ исключеніе, можно упомянуть о переходахъ черезъ небольшой и не особенно крутой оврагъ Куванъ-дарьи и невысокіе песчаные барханы; вообще путь этотъ, не только весною, но и во всякое время года, удобопроходимъ даже для колесныхъ экипажей.

Что касается воды, то дорогу до Иркибая, въ этомъ отношеніи, можно признать одною изъ самыхъ удовлетворительныхъ въ той странѣ, по которой предстояло движеніе войскъ. Къ хивинскимъ предѣламъ, со стороны Туркестана, отъ Казалинска до Иркибая считается до 230 верстъ, и это пространство довольно удобно раздѣляется на 11 переходовъ. Путь къ Иркибаю пересѣкаетъ поперегъ бывшую обширную дельту Сыръ-дарьи, которая въ недавнее еще время орошалась двумя значительными протоками: Яны и Куванъ-дарьею, и если нынѣ теченіе въ этихъ рукавахъ прекратилось и русла ихъ высохли, оставляя только мѣстами, въ углубленіяхъ дна, небольшіе плесы горько-соленой или прѣсной воды, то все-таки слои земли, прилегающіе къ бывшимъ протокамъ, сохранили въ себѣ еще изобиліе воды и влаги, на что указываютъ многочисленные, неглубокіе, довольно многоводные колодцы на днѣ старыхъ руселъ, а также растительность, покрывающая берега бывшихъ верхнихъ теченій. Кромѣ того, въ весеннее время многіе изъ горько-соленыхъ плесовъ, благодаря притоку снѣговыхъ водъ, имѣютъ годную для пойла верблюдовъ и даже лошадей воду. Русло Куванъ-дарьи сопровождаетъ дорогу между колодцами Ирбай и Джаманъ-чеганакъ. На этомъ промежуткѣ, около 100 верстъ, всѣ ночлеги для отряда назначались близъ колодцевъ, расположенныхъ на сухомъ днѣ Куванъ-дарьи, за исключеніемъ одного, на урочищѣ Сарыбулакѣ, которое лежитъ въ сторонѣ отъ стараго русла. Урочище Сары-булакъ богаче водою всѣхъ остальныхъ ночлеговъ до самаго Иркибая, благодаря присутствію здѣсь трехъ родниковъ, изъ которыхъ одинъ дѣйствуетъ и весьма многоводенъ, а другіе два нынѣ засорены. По словамъ ту-

(¹) Вообще, здѣсь будетъ кстати замѣтить, что перовскіе киргизы отличаются давно преданностью правительству и готовностью оказывать всякаго рода услуги и жертвы; они въ особенности доказали это во время хивинскаго похода. Они просили, между прочимъ, главнаго начальника Туркестанскаго края, въ проѣздъ его черезъ Перовскъ, разрѣшить имъ сформировать особыя команды вооруженныхъ людей, для борьбы съ Хивою. Просьба эта была отклонена.

земцевъ, эти послѣдніе весьма легко разчистить въ случаѣ надобности, которая, впрочемъ, не представилась даже во время движенія большаго числа верблюдовъ, сопровождавшихъ эшелоны казалинской колонны.

Первый ночлегъ отъ Казалинска назначенъ былъ на берегу большаго прѣснаго озера Аламбай, второй ночлегъ на долинѣ Уте-басъ, гдѣ, на небольшомъ пространствѣ, имѣются 7 обильныхъ и весьма мелкихъ колодцевъ, и наконецъ послѣдній ночлегъ до Иркибая, Карабасъ-бугутъ, близъ обильныхъ колодцевъ на днѣ стараго русла Яны-дарьи.

Только на двухъ ночлегахъ, Джара-кудукъ и Акъ-кудукъ, хотя и имѣется хорошая вода, но въ количествѣ недостаточномъ для значительной массы людей и животныхъ. Это обстоятельство особенно чувствительно, потому что оба названные колодца составляютъ начальный и конечный пункты самыхъ тяжелыхъ переходовъ, по числу верстъ и по количеству и размѣрамъ находящихся тутъ песчаныхъ бархановъ.

Подножныхъ кормовъ для лошадей, собственно говоря, нѣтъ по всей дорогѣ отъ Казалинска до Иркибая, если не считать нѣкоторыхъ степныхъ травъ и небольшихъ участковъ камыша по берегамъ сохранившихся въ старыхъ руслахъ плесовъ, который лошади ѣдятъ съ голоду. Но и на этотъ кормъ, въ то раннее время года, когда совершался походъ, нельзя было разсчитывать. Для верблюдовъ, которыхъ любимая пища состоитъ изъ различныхъ колючихъ и твердыхъ кустарныхъ растеній пустыни, корма по разсматриваемому пути вообще на столько удовлетворительны, что проходящіе здѣсь торговые караваны не имѣютъ причинъ жаловаться въ этомъ отношеніи; но въ раннее время года, когда снѣгъ только-что началъ сходить и свѣжая растительность еще не показалась, многочисленные верблюды колонны не могли найти себѣ достаточно прокормленія, потому что ближайшія окрестности ночлеговъ были выправлены, а посылать верблюдовъ, послѣ труднаго перехода, на удаленныя пастбища было рискованно и неудобно. На самомъ урочищѣ Иркибаѣ отрядъ нашелъ изобиліе и воды и верблюжьихъ кормовъ.

Топливо встрѣчалось по дорогѣ, вообще, въ видѣ степныхъ кустарниковъ, преимущественно саксаула; но, вслѣдствіе оживленнаго торговаго движенія отъ Бухары на Казалинскъ и обратно, а также ежегоднаго движенія нашихъ обходныхъ отрядовъ, топлива уже нельзя было найти въ достаточномъ для отряда количествѣ въ ближайшихъ окрестностяхъ большинства ночлеговъ, а приходилось добывать за версту, за двѣ и даже за три; въ послѣднемъ случаѣ топливо обыкновенно собиралось попутно во время перехода и складывалось на освободившихся отъ провіанта или почему-либо легче навьюченныхъ верблюдовъ. Кизякъ въ это время года не могъ служить топливомъ, такъ какъ онъ не успѣлъ еще просохнуть. Словомъ сказать, добываніе топлива представляло одно изъ важнѣйшихъ неудобствъ на нѣкоторыхъ изъ ночлеговъ, вслѣдствіе чего рѣшено было, при эшелонахъ, на всякій случай, везти небольшой запасъ дровъ. Въ числѣ такихъ ночлеговъ были, между прочими, первые три отъ Казалинска, и воинскія части, воспользовавшись отпускомъ денегъ (1) на топливо, закупили саксаулъ въ Казалинскѣ и доставили его на озеро Аламбай и колодцы Уте-басъ и Ирбай Далѣе къ этому способу прибѣгнуть не удавалось, такъ какъ не у кого было нанять верблюдовъ для перевозки топлива.

На Иркибаѣ топливо было въ изобиліи. Вышеизложенныя свойства дороги указывали на необходимость движенія отряда по-эшелонно, такъ какъ колодцы, разбросанные по дорогѣ, не могли дать необходимаго, для огромной массы верблюдовъ, количества воды. Основываясь на этомъ и соображаясь съ необходимостью быстрой постройки укрѣпле-

(1) Въ казалинскую колонну на этотъ предметъ было отпущено 2000 рублей

нія на Иркибаѣ, полковникъ Головъ рѣшился раздѣлить войска, выступавшія изъ Казалинска, на 4 эшелона.

Подробный составъ отряда, собраннаго въ Казалинскѣ для выступленія въ походъ, видѣнъ изъ помѣщенной въ приложеніи таблицы. Число людей, выступившихъ изъ Казалинска въ степь, доходило до 2040, изъ которыхъ 1561 русскихъ и 458 туземцевъ, въ томъ числѣ болѣе 400 верблюдовожатыхъ; при отрядѣ слѣдовало около 382 лошадей и 2856 верблюдовъ.

Оказывается, что въ отрядѣ приходился 1 туземецъ на 3,4 русскихъ и на каждаго русскаго около $^1/_4$ лошади и 1,83 верблюда.

Составъ 4-хъ эшелоновъ былъ слѣдующій: *1-й эшелонъ*, подъ начальствомъ маіора Дрешерна: 3-я и стрѣлковая роты 8-го туркестанскаго линейнаго баталіона, дивизіонъ горныхъ орудій и команда изъ 34 человѣкъ казаковъ № 3 оренбургской сотни. При этомъ эшелонѣ слѣдовалъ транспортъ съ вещами общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и небольшая часть интендантскаго транспорта. *2-й эшелонъ*, подъ начальствомъ капитана Гейцига: 4-я рота 8-го туркестанскаго линейнаго баталіона и команда изъ 25 казаковъ № 3 оренбургской сотни. При этомъ эшелонѣ слѣдовали, назначенные на вооруженіе Иркибайскаго укрѣпленія, два $^1/_4$-пудовые единорога и при нихъ команда отъ крѣпостной артиллеріи форта № 1. *3-й эшелонъ*, подъ начальствомъ полковника Омельяновича: изъ 1 и 2 ротъ 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, ракетнаго взвода и команды изъ 53 казаковъ № 3 оренбургской сотни, при офицерѣ. Кромѣ того, при эшелонѣ слѣдовали: артиллерійскій паркъ и штабъ 4-го стрѣлковаго баталіона. *4-й эшелонъ*, подъ начальствомъ маіора Комарова: 3-я рота 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, взводъ скорострѣльныхъ пушекъ, команда изъ 56 казаковъ № 1 оренбургской сотни. При этомъ эшелонѣ слѣдовалъ транспортъ съ 3-мя желѣзными понтонами, команда моряковъ Аральской флотиліи, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Зубова, главная часть интендантскаго транспорта, подъ личнымъ наблюденіемъ полеваго интенданта, и Нортоновы колодцы, въ сопровожденіи двухъ саперъ и одного вольнаго мастера.

При этомъ же эшелонѣ слѣдовалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ со свитой.

Первоначально предполагалось, что 4-й эшелонъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ, но позднее прибытіе изъ Петербурга транспорта съ консервами вынудило начальника отряда сформировать еще 5-й эшелонъ, въ который изъ 4-го эшелона была выдѣлена 4-я рота стрѣлковаго баталіона.

Всѣ главныя тяжести походнаго лазарета шли въ 4-мъ эшелонѣ; но для того, чтобы заболѣвающіе въ эшелонахъ на походѣ имѣли тотчасъ всѣ необходимыя пособія, приняты слѣдующія мѣры: а) 48 переносныхъ кроватей раздѣлены поровну между 4-мя эшелонами, причемъ на каждый пришлось по 12 штукъ; б) при каждомъ эшелонѣ слѣдовалъ врачъ. Въ 1-мъ эшелонѣ врачи: 3-го линейнаго баталіона Величковскій и уполномоченный общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ докторъ Гриммъ; во 2-мъ эшелонѣ отъ того же общества врачъ Преображенскій и при немъ два фельдшера; въ 3-мъ эшелонѣ врачъ 4-го стрѣлковаго баталіона Заркевичъ; въ 4-мъ—старшій врачъ отряда и лазарета Солуха. Изъ Перовска съ тамошнимъ эшелономъ шелъ ординаторъ перовскаго полугоспиталя Барсовъ и 2 фельдшера; в) при каждомъ эшелонѣ находились необходимѣйшія медицинскія пособія.

Верблюды распредѣлялись по эшелонамъ такимъ образомъ: въ 1-мъ—364, во 2-мъ—139, въ 3-мъ—около 600, въ 4-мъ—около 1000, въ 5-мъ—около 750; неравномѣрное распредѣленіе вьючнаго обоза зависѣло отъ присутствія въ послѣднихъ двухъ эшелонахъ 1131 верблюдовъ интендантскаго транспорта.

Выступленіе головнаго эшелона отряда въ степь было назначено 6-го марта; остальные эшелоны должны были выступить, поочередно, съ промежутками въ 24 часа.

Для большаго удобства сбора и счета верблюдовъ, находившихся, какъ сказано было выше, за р. Сыромъ, въ окрестностяхъ бугра Кара-тюбе, войска, составлявшія эшелоны, переходили, наканунѣ выступленія, на лѣвый берегъ рѣки и располагались лагеремъ около названнаго бугра. Здѣсь, на просторѣ, все приводилось въ окончательный порядокъ, провѣрялись люди, лошади, осматривались верблюды и, на слѣдующій день утромъ, эшелоны выступали въ походъ. При такомъ порядкѣ, часть, выступавшая въ дальній походъ, имѣла первый бивакъ у бугра Кара-тюбе, и ей оставалось полсутокъ и болѣе времени, чтобы провѣрить все, пополнить недостающее или забытое, отправить назадъ излишнее.

4-го марта всѣ войска, назначенныя къ выступленію, собрались на эспланадѣ казалинскаго форта, для молебствія по случаю похода. По окончаніи службы, священникъ сказалъ войскамъ теплое напутственное слово и прошелъ по рядамъ съ крестомъ и святою водою. Послѣ отбоя раздалась команда: „слушай на караулъ“; полковникъ Головь вызвалъ нѣсколькихъ людей, заслужившихъ въ прежніе походы знаки отличія военнаго ордена, но не получившихъ ихъ доселѣ по разнымъ причинамъ. Вызванныхъ изъ рядовъ сопровождали ротный командиръ и одинъ изъ офицеровъ, держа сабли „подъ-высь“. Полковникъ Головъ, именемъ командующаго войсками, возлагалъ кресты, а затѣмъ, такимъ же порядкомъ, офицеры вели новаго кавалера назадъ къ своей части.

Церемонія эта была какъ нельзя болѣе кстати и произвела глубокое впечатлѣніе на войска, готовившіяся совершить тотъ подвигъ, которому, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, справедливо удивлялся весь міръ.

6-го марта начался для казалинскихъ войскъ походъ. Позднее выступленіе не могло не повліять на удобства движенія войскъ. Надо было спѣшить, чтобы не опоздать на соединеніе съ джизакскою колонною.

Каждому эшелонному начальнику поручалось идти на столько поспѣшно, насколько будетъ возможно, безъ чрезмѣрнаго изнуренія людей и верблюдовъ. Это особенно касалось головныхъ эшелоновъ, состоявшихъ изъ ротъ 8-го линейнаго баталіона. О людяхъ этого баталіона не приходилось безпокоиться: они всегда отличались замѣчательною способностью дѣлать длинные переходы и легко переносить трудные походы. Надо вообще замѣтить, что 8-й баталіонъ славился отличнымъ военнымъ духомъ, чему не мало способствовалъ хорошій составъ офицеровъ его.

5-го марта головной эшелонъ, подъ начальствомъ командующаго 8-мъ линейнымъ баталіономъ, маіора Дрешерна, перешелъ по льду на лѣвый берегъ Сыра и бивакировалъ у бугра Кара-тюбе, а на слѣдующій день, 6-го марта, двинулся въ путь.

2-й эшелонъ началъ движеніе день спустя, 7-го числа, и далѣе, до самаго Иркибая, двигался въ одномъ переходѣ отъ 1-го эшелона. Ночь съ 5-го на 6-е была холодная, морозъ доходилъ до 12-ти градусовъ (¹). Погода въ день выступленія стояла ясная, но температура не повышалась болѣе 2-хъ градусовъ мороза. Къ тому же рѣзкій вѣтеръ охлаждалъ воздухъ. Долго продолжались послѣднія приготовленія и выступленіе эшелона состоялось только послѣ полудня.

На всемъ переходѣ, предстоявшемъ 1-му эшелону, еще лежалъ снѣгъ, но не сплошными массами; мѣстами почва и песокъ были уже обнажены отъ зимняго покрова весенними лучами солнца, а у подошвы песчаныхъ бугровъ и на низменныхъ мѣстахъ образовались болѣе или менѣе значительныя лужи снѣговой воды. Дорога, по которой прихо-

(¹) По наблюденіямъ доктора Величковскаго, который обязательно разрѣшилъ пользоваться ими, а также его интереснымъ дневникомъ похода.

дилось двигаться въ этотъ день 1-му эшелону, вообще хороша; отъ Кара-тюбе она версты двѣ идетъ вдоль рѣки, а потомъ поворачиваетъ на югъ и пролегаетъ по глинисто-солончаковой и, мѣстами, песчаной почвѣ, изрѣзанной канавами изъ Сыръ-дарьи. На 8-й верстѣ, чрезъ наибольшую изъ этихъ канавъ, устроенъ былъ весьма зыбкій деревянный мостъ. Чѣмъ далѣе отъ моста, тѣмъ больше по дорогѣ песковъ; появляются даже невысокіе песчаные бугры, покрытые растительностью; но сырость и низкая температура воздуха сплотили ихъ рыхлую поверхность и переходъ чрезъ нихъ не представлялъ затрудненій.

Въ 15-ти верстахъ отъ Сыра, дорога подходитъ къ прѣсному озеру Аламбай, питаемому водою изъ Сыръ-дарьи. Берега его окружены песчаными буграми, на которыхъ можно найти удобное и сухое мѣсто для ночлега. Озеро было покрыто льдомъ и, для добыванія воды, пробили въ немъ отверстія, при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя предназначались для снабженія водою людей, пробивались дальше отъ береговъ и противъ такихъ мѣстъ, гдѣ не ночуютъ торговые караваны, потому что, питаемые тающимъ снѣгомъ ручьи, стекающіе изъ окрестностей въ озеро, смываютъ всѣ нечистоты съ ночлежныхъ мѣстъ, окрашивая его воду въ желтый цвѣтъ. Въ окрестностяхъ озера имѣлась сухая трава и рѣдкіе кусты; эти послѣдніе одновременно служили топливомъ и кормомъ для верблюдовъ, что повторялось впослѣдствіи часто; лошадей же пришлось кормить преимущественно ячменемъ, прибавляя къ нему ничтожное количество сѣна, которое было предварительно спрессовано для удобства перевозки на вьюкахъ.

Благодаря заготовленному здѣсь заблаговременно саксаулу, войска не нуждались въ топливѣ. Эшелонъ прошелъ скоро и безъ привала до Аламбая и люди расположились на ночлегъ въ юртахъ, взятыхъ съ собой изъ Казалинска; юрты были какъ нельзя болѣе кстати; ночь была холодная, термометръ понизился до 5 градусовъ мороза. Очень пригодилась также подстилочная кошма, выданная людямъ, по 2 аршина на каждаго (1).

7-го марта движеніе продолжалось къ колодцамъ Утебасъ. Переходъ былъ 18 верстъ; дорога пролегала почти все время по песчанымъ буграмъ, но въ то время они не представляли затрудненій. Не доходя 2-хъ верстъ до колодцевъ, дорога вступаетъ на длинную и довольно широкую долину съ глинисто-солончаковымъ дномъ, весьма напоминающимъ дно высохшаго озера. На сколько движеніе по пескамъ въ сырую погоду легко, на столько оно было затруднительно по солонцовой почвѣ. Весеннія воды растворяютъ солончаки, образуя липкую грязь, на которой верблюды безпрерывно скользятъ и падаютъ, а ноги людей и особенно лошадей глубоко увязаютъ. Головной эшелонъ прошелъ здѣсь сравнительно легко, благодаря предшествовавшимъ холоднымъ ночамъ, а также и тому, что 7-го марта термометръ не повышался за —1° мороза; но для остальныхъ эшелоновъ, проходившихъ это пространство въ оттепель, переходъ по солончаку былъ, мѣстами, совершенно невозможенъ. Прежде, чѣмъ рѣшиться вступить на него, приходилось тщательно выбирать направленіе; при этомъ одной тропы было мало; почва подъ ногами верблюдовъ быстро разминалась и животныя безпрестанно падали вмѣстѣ съ вьюками; надо было отыскивать новыя тропы, гдѣ вскорѣ повторялось то же самое. Только послѣ долгихъ усилій, отрядъ, наконецъ, выбирался на противоположную сторону солончака. Головной эшелонъ бивакировалъ на 6-ти колодцахъ Уте-басъ. Это была первая колодезная вода, съ которою впослѣдствіи отрядъ не разставался въ теченіи почти $2^1/_2$ мѣсяцевъ. Воды въ колодцахъ было много и хорошаго качества. За то верблюдамъ пришлось поститься; корму, а слѣдовательно и топлива, въ ближайшихъ окрест-

(1) Люди 8-го баталіона имѣли на себѣ въ походѣ мундиры и шинели, а люди 4-го стрѣлковаго баталіона, кромѣ того, полушубки.

ностяхъ почти вовсе не было, но, какъ сказано выше, послѣднее было здѣсь заготовлено.

Въ ночь съ 7-го на 8-е стоялъ морозъ 3°, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ; около полудня 8-го числа вѣтеръ измѣнился въ юго-западный и стало теплѣе; вечеромъ термометръ показывалъ +3° (1). Предстоялъ довольно тяжелый переходъ въ 29 верстъ до колодцевъ Ирбай или Акъ-чеганакъ, въ старомъ руслѣ Куванъ-дарьи. Дорога идетъ почти все время по неглубокимъ пескамъ, которые образуютъ мелкіе бугры; но, не смотря на это, благодаря сырости почвы и низкой температурѣ, переходъ совершился легко. Только верблюды начали уже проявлять слабость; на каждомъ переходѣ, и особенно на послѣднемъ, было уже нѣсколько павшихъ и отсталыхъ верблюдовъ.

На Ирбаѣ былъ первый ночлегъ на старомъ руслѣ Куванъ-дарьи, которая, на слѣдующихъ 100 верстахъ, почти безотлучно сопровождаетъ дорогу. На Ирбаѣ отрядъ нашелъ одинъ весьма неглубокій и маловодный колодезь съ хорошею водою; но такъ какъ рядомъ съ нимъ, на днѣ русла, было два небольшихъ плеса, изъ которыхъ поили верблюдовъ и лошадей, то воды было достаточно. Оба плеса были покрыты льдомъ, и вода, стоявшая мѣстами надъ ними, имѣла пріятный вкусъ. Топлива и сухихъ верблюжьихъ кормовъ около Ирбая было много, но довольно далеко отъ колодцевъ, такъ какъ кругомъ ихъ все было вытравлено.

9-го марта предстоялъ легкій переходъ въ 18 верстъ на колодцы Джебага. День стоялъ пасмурный, но теплый; въ 5 часовъ пополудни было отъ 6 до 7 градусовъ тепла Дорога легкая, песковъ почти нѣтъ. Куванъ-дарья извивается не вдалекѣ отъ пути слѣдованія отряда. Въ руслѣ видны небольшіе плесы; по сторонамъ ихъ растетъ кустарникъ, а по степи кругомъ мелкій саксаульникъ. Мѣстность оживилась; отряду попалось нѣсколько стай куропатокъ, степные зайцы перебѣгали черезъ дорогу, и собаки отряда ловили ихъ, при дружныхъ крикахъ одобренія солдатъ. На ночлегѣ, въ старомъ руслѣ Куванъ-дарьи, два колодца съ хорошею водою. Верблюжьихъ кормовъ на Джебага оказалось довольно много; но за топливомъ нужно было посылать далеко въ стороны.

10-го марта эшелонъ перешелъ на ключи Сары-булакъ, удаленные на 18 верстъ отъ Джебага. Погода стояла теплая; послѣ полудня термометръ показывалъ +9°. Дорога, пролегая по лѣвому берегу Куванъ-дарьи (2), довольно песчаная, мѣстами даже встрѣчаются небольшіе бугры; не доходя нѣсколькихъ верстъ до ночлега, она переходитъ на правый берегъ Куванъ-дарьи, при чемъ спускъ и подъемъ по береговымъ склонамъ оврага довольно круты и для колесныхъ экипажей затруднительны. Далѣе до ночлега дорога ровная и песковъ почти вовсе нѣтъ. Ключи Сары-булакъ расположены на окруженной песчаными холмами, глинисто-солончаковой площади. Они состоятъ изъ трехъ бассейновъ. Два изъ нихъ оказались засореннными, а третій давалъ изобильную струю воды, вытекавшую въ видѣ ручья въ сосѣднюю низменность, на днѣ которой образовался довольно большой прудъ. Вода Сары-булака имѣетъ сѣрнисто-водородный запахъ, но онъ на столько слабъ, что употребленіе ея въ пищу и для чая возможно.

Верблюжій кормъ въ окрестностяхъ Сары-булака оказался въ довольно значительномъ количествѣ, но все это были перезимовавшія травы и вѣтки; молодая зелень еще не показывалась и потому кормъ не имѣлъ должной питательности. Предупрежденный, что на Сары-булакѣ нѣтъ вблизи топлива, отрядъ собиралъ его по дорогѣ, гдѣ онъ встрѣчался въ изобиліи. Погода 11-го марта стояла по прежнему теплая; около полудня было +14 градусовъ. Въ теченіе дня и ночи нѣсколько разъ перепадалъ дождь.

---

(1) Температура показана въ градусахъ Реомюра.

(2) Куванъ-дарья здѣсь имѣла теченіе на сѣверъ.

Первая половина дороги отъ Сары-булака, пролегая вблизи Куванъ-дарьи, довольно песчаная и мѣстами даже появлялись бугры песку, но затѣмъ старое русло удаляется и дорога идетъ по ровной глинисто-солончаковой, смѣшанной съ пескомъ, почвѣ и только въ концѣ перехода опять подходитъ къ Куванъ-дарьѣ; на днѣ ея три довольно многоводныхъ колодца, вода которыхъ имѣетъ легкій чернильный вкусъ. Переходъ отъ Сары-булака до Кувата—21 верста.

Въ окрестностяхъ колодцевъ Кувата въ топливѣ недостатка не ощущалось, благодаря кустамъ, растущимъ по берегамъ стараго русла; но кормовъ для верблюдовъ почти вовсе нѣтъ.

Отрядъ продолжалъ двигаться благополучно, но верблюды видимо слабѣли; въ этомъ смыслѣ отъ начальниковъ эшелоновъ стали поступать довольно согласныя представленія. Головной эшелонъ двигался до Кувата безъ дневокъ и въ 6 переходовъ прошелъ 118 верстъ. Необходимо было дать отдыхъ и людямъ и животнымъ. Въ виду этого, маіоръ Дрешернъ рѣшился сдѣлать еще одинъ переходъ и затѣмъ остановиться для дневки, о чемъ онъ тотчасъ-же сообщилъ заднимъ эшелонамъ и начальнику отряда.

11-го марта Казалинскъ оставила послѣдняя рота, выступавшая въ походъ, и весь отрядъ съ этого числа былъ на маршѣ.

Температура въ теченіе 12-го марта колебалась отъ + 3 до +4°. Утромъ казачій разъѣздъ нашелъ въ окрестностяхъ Кувата свѣжій слѣдъ костра и около него двѣ киргизскія нагайки и пачку патроновъ. Предполагали поэтому въ эшелонѣ, что разъѣзды хивинской конницы уже наблюдали за отрядомъ.

Головному эшелону предстоялъ 12-го марта не трудный переходъ на колодцы Джаманъ-чеганакъ, послѣдній ночлегъ въ руслѣ Куванъ-дарьи

Длина перехода 17 верстъ. Первыя 10 верстъ дорога пролегала къ западу отъ Куванъ-дарьи, по глинисто-солончаковой мѣстности; затѣмъ она приближалась къ старому руслу близъ колодца и могилы Манасъ. Отсюда дорога окаймляетъ широкую полосу кустарника, сопровождающаго русло Куванъ-дарьи, при чемъ грунтъ ея песчаный и мѣстами довольно затруднительный. Отъ колодца Манасъ до колодцевъ Джаманъ-чеганакъ 7 верстъ. Здѣсь три неглубокихъ колодца; всѣ они очень полноводны и одинъ изъ нихъ разливалъ черезъ край избытокъ воды, образуя лужу на днѣ стараго русла. Края крутыхъ обрывовъ оврага Куванъ-дарьи густо поросли кустарникомъ, который покрываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно обширныя пространства степи между извилинами оврага. Такія площади заняты, большею частію, саксаульникомъ, который представляетъ обильный кормъ для верблюдовъ. Словомъ, мѣстность около Джаманъ-чеганака вполнѣ соотвѣтствовала для дневки и головной эшелонъ оставался здѣсь 12-го и 13-го марта.

Довольно теплая погода днемъ, къ вечеру измѣнилась; температура понизилась, ночью пошелъ снѣгъ и 13-го числа термометръ колебался отъ—3 до—5°. 13-го марта пришелъ на Джаманъ-чеганакъ 2-й эшелонъ. Такъ какъ онъ, по своему составу, былъ несравненно слабѣе головнаго, то соединеніе ихъ на однихъ колодцахъ не представило затрудненія для людей; верблюдовъ же своихъ 2-й эшелонъ напоилъ на слѣдующій день, 14-го, который для него былъ дневкою, въ то время какъ 1-й эшелонъ продолжалъ движеніе.

Остановка головныхъ эшелоновъ на Джаманъ-чеганакѣ не могла имѣть вліянія на 3-й и остальные эшелоны, такъ какъ они съ самаго начала слѣдовали медленнѣе и потому отстали.

Ночью съ 13-го на 14-ое марта былъ морозъ, а днемъ + 3°. Дневка для головнаго эшелона на Джаманъ-чеганакѣ была какъ нельзя болѣе кстати; отсюда дорога оставляла Куванъ-дарью и начиналась труднѣйшая часть пути до Иркибая: пески, длинные переходы и недостатокъ воды на ночлегахъ; впрочемъ, до перваго перехода на колодцы Джа-

ра-кудукъ это относилось только отчасти. Разстояніе до Джара-кудукъ 23 версты, дорога ровная и грунтъ довольно твердый; мѣстность, по которой она пролегаетъ, поросла густымъ высокоствольнымъ саксаульникомъ, производящимъ на путешественника впечатлѣніе парка. Глазъ, привыкшій къ безконечнымъ буграмъ, покрытымъ скудною растительностью, отдыхаетъ на болѣе оживленной картинѣ дороги, окаймленной густыми кустами. Но уже за нѣсколько верстъ до ночлега растительность рѣдѣетъ, кусты становятся мельче, появляются пески, которые вскорѣ переходятъ въ высокіе, почти совершенно сыпучіе бугры, между которыми дорога вьется какъ по холмистой странѣ. Бугры покрыты весьма скудною растительностью. Недалеко отъ начала песковъ встрѣчается первый колодезь, Джара-кудукъ, а чтобы дойти до втораго и главнаго, нужно перевалить крутой песчаный увалъ и спуститься въ тѣсную котловину, на днѣ которой онъ и расположенъ.

Движеніе отряда съ утра 14-го марта затруднялось порывистымъ юго-восточнымъ вѣтромъ, сопровождавшимся сильнымъ, мокрымъ снѣгомъ; послѣ полудня погода разъяснилась и къ вечеру температура понизилась до—6°.

На Джара-кудукѣ было два колодца, глубиною болѣе 2-хъ саженей, съ довольно быстрымъ притокомъ грунтовой воды; не смотря на это, водою не могли скоро снабдить весь отрядъ и только къ утру успѣли нѣсколько напоить верблюдовъ.

Верблюжьяго корма было довольно много на окрестныхъ песчаныхъ барханахъ, а позднею весною, по сказанію туземцевъ, здѣсь даже лошади находятъ себѣ кормъ.

Въ топливѣ также не было недостатка. 15-го марта предстоялъ трудный переходъ на колодезь Акъ-кудукъ, или, какъ другіе называютъ это мѣсто, Айдаръ-тау. Разстояніе до Акъ-кудука около 30 верстъ. Первая половина дороги идетъ по довольно сыпучимъ песчанымъ барханамъ, которые однако постепенно уменьшаются и, наконецъ, переходятъ въ глинисто-солончаковую степь, прерываемую лишь мѣстами песчаными перешейками; при этомъ, растительность усиливается по мѣрѣ уменьшенія песковъ. Подъ конецъ перехода, песчаные бугры раздаются въ стороны, образуя обширную глинисто-солончаковую долину, окаймленную ими и поросшую густымъ толстоствольнымъ саксаульникомъ. Перейдя эту долину, дорога опять вступаетъ въ сыпучіе бугристые пески и, съ версту далѣе, спускается, какъ и на предыдущемъ ночлегѣ, въ тѣсную котловину, на днѣ которой расположенъ одинъ колодезь Акъ-кудукъ, 4 сажени глубиною, съ хорошею водою. Одного колодца было недостаточно для пойла большаго количества верблюдовъ. Туземцы указывали на другой колодезь—Тузъ-кудукъ, но онъ находился въ 4-хъ верстахъ къ западу отъ дороги. Длинный и тяжелый переходъ 15-го марта до того разстроилъ ослабѣвшія силы верблюдовъ, что оказалось необходимымъ сдѣлать здѣсь снова дневку, хотя и въ невыгодныхъ условіяхъ относительно воды; за то корму для верблюдовъ здѣсь было достаточно; топлива также имѣлось въ изобиліи.

При выступленіи отряда съ Джара-кудука, утромъ, было 6° мороза и снѣгъ покрывалъ всю мѣстность; но къ вечеру стало теплѣе и около 4-хъ часовъ пополудни было уже+4°.

Отъ Акъ-кудука оставалось для головнаго эшелона всего два перехода до Иркибая; казалось бы, ему слѣдовало торопиться, чтобы тамъ дать возможно продолжительный отдыхъ верблюдамъ, но туземцы, завѣдывавшіе верблюдами, караванъ и юзъ-баши, объявили, что продолженіе усиленнаго движенія поведетъ къ падежу чрезмѣрно большаго числа животныхъ. Тѣ же представленія туземцевъ побудили и полковника Голова съ самаго начала вести медленно задніе три эшелона, изъ которыхъ 3-й, 16-го марта, стоялъ на Джаманъ-чеганакѣ.

Дневка на Акъ-кудукѣ была необходима еще и потому, что 17 марта предстоялъ не менѣе предыдущаго трудный маршъ до Карабасъ-бугута. Разстояніе также около 30 верстъ

и тотъ же характеръ мѣстности. Сначала сыпучіе бугристые пески, постепенно переходившіе потомъ въ глинисто-солончаковую равнину, мѣстами покрытую песками. Колодцы Карабасъ-бугутъ находятся на днѣ стараго русла Яны-дарьи. Уже въ пескахъ, возлѣ Акъ-кудука, попадались птицы, зайцы, а затѣмъ глинисто-солончаковая площадь обнаруживала, по мѣрѣ приближенія къ Яны-дарьѣ, все бо́льшую и бо́льшую растительность, которая, за нѣсколько верстъ до Карабасъ-бугута, перешла въ густой, высокій и толстоствольный саксаульный лѣсъ, окаймляющій все старое русло Яны-дарьи отъ Ф. Перовскаго до глинисто-солончаковой пустыни, отдѣляющей урочище Дау-кара отъ песковъ Кизылъ-кумъ. Мѣстность здѣсь уже представляла низменность рѣки, о чемъ можно было судить по нѣсколькимъ лужамъ снѣговой воды, разбросаннымъ, мѣстами, по всей обнаженной отъ песковъ площади.

Погода 17 марта была пасмурная и сопровождалась оттепелью. Утромъ былъ 1° мороза, а днемъ дошло до + 4°. Снѣгъ таялъ и глинисто-солончаковая почва быстро растворялась, образуя сначала скользкую поверхность, а потомъ грязь, очень затруднявшую людей и въ особенности верблюдовъ.

Послѣ долгихъ усилій, отрядъ, наконецъ, дошелъ до Карабасъ-бугута, чтобы встрѣтить тамъ новыя затрудненія. Колодцы были всѣ засыпаны и, конечно, не случайно. Это было дѣло хивинскихъ разъѣздовъ или преданныхъ имъ киргизъ. Къ счастію, водяной слой, въ этихъ мѣстахъ, на днѣ стараго русла, находится не далѣе 1 или 2 аршинъ подъ поверхностью земли; люди, не смотря на усталость, принявшіеся тотчасъ за работу, скоро расчистили нѣсколько колодцевъ; но тутъ оказалось, что вода, смѣшанная въ послѣднее время съ глинисто-солончаковою почвою, не имѣя доступа къ свѣжему воздуху, застоялась и растворила въ себѣ всевозможныя соли и вонючіе газы. Притокъ грунтовой воды былъ силенъ; можно было надѣяться, что черезъ нѣкоторое время испорченная вода выльется черезъ край и замѣнится нѣсколько лучшею; но головному эшелону нельзя было дождаться этого; ему пришлось пользоваться сохранившимся еще, мѣстами, снѣгомъ; только верблюды и лошади пили воду изъ колодцевъ.

На Карабасъ-бугутѣ не могло быть недостатка въ топливѣ, но и корма для верблюдовъ здѣсь были хороши; кое-гдѣ, на днѣ русла, даже лошади находили себѣ скудный подножный кормъ.

Изнуреніе верблюдовъ было весьма значительно; многіе были брошены по дорогѣ, но за то въ эшелонѣ знали, что Иркибай достигнутъ. Всѣ серьезныя трудности остались сзади, а впереди оставалось сдѣлать небольшой переходъ въ 12 верстъ, безъ песковъ.

18-го марта головной эшелонъ окончилъ походъ къ Иркибаю. Послѣдній переходъ идетъ параллельно общему направленію стараго русла Яны-дарьи, окаймленному широкою полосою саксаульниковъ. Когда изгибы русла удаляли его отъ дороги, эта послѣдняя пролегала по глинисто-солончаковымъ площадямъ, покрытымъ скудною растительностью, на которыхъ, мѣстами, образовались большія лужи снѣговой воды, вполнѣ напоминающія озера. Затѣмъ русло приближалось къ дорогѣ и она пролегала по густому саксаульнику. Видъ мѣстности безпрерывно измѣнялся. Здѣсь можно было забыть о монотонной, только-что пройденной степи; зайцы, антилопы, куропатки и разныя другія животныя часто попадались по пути. Единственное неудобство послѣдняго перехода къ Иркибаю была скользкая, растворившаяся подъ вліяніемъ оттепели (+ 2°), солончаковая почва.

Чтобы дать верблюдамъ отдыхъ, отрядъ выступилъ поздно съ Карабасъ-бугута и прибылъ на Иркибай около 5 часовъ по-полудни.

Въ тотъ-же день, но нѣсколько позже, туда прибыла колонна, выступившая изъ Ф. Перовскаго, о движеніи которой будетъ сказано ниже.

Такимъ образомъ отряды, выступившіе изъ пунктовъ, удаленныхъ на 400 верстъ одинъ отъ другаго, прибыли къ Иркибаю одновременно.

На слѣдующій день, 19-го марта, присоединился и 2-й эшелонъ къ отряду, собранному на Иркибаѣ; остальные эшелоны, вслѣдствіе изнуренія верблюдовъ, значительно отстали. 3-й эшелонъ 19-го числа пришелъ на Акъ-кудукъ, а 4-й на Джара-кудукъ.

На Иркибаѣ войска расположились на широкомъ днѣ стараго русла Яны-дарьи, которое, вслѣдствіе своего положенія на перепутьи двухъ значительнѣйшихъ дорогъ этой мѣстности и благодаря удачнымъ почвеннымъ условіямъ, всегда служило мѣстомъ болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянокъ здѣсь торговыхъ каравановъ и нашихъ обходныхъ колоннъ. Здѣсь всегда было много колодцевъ съ хорошею водою, но, ко времени прибытія головнаго эшелона казалинской колонны, они всѣ были засыпаны руками тѣхъ же хивинскихъ разъѣздовъ или ихъ доброжелателей.

Такъ какъ на Иркибаѣ предполагалось сосредоточить весь отрядъ, то тотчасъ-же приступлено было къ рытью 12-ти колодцевъ, которые, какъ оказалось впослѣдствіи, вполнѣ обезпечили водою людей и лошадей всего отряда; верблюды поились изъ лужъ снѣговой воды, занимавшихъ обширныя площади по обоимъ берегамъ стараго русла рѣки, до предѣловъ песчаной степи. О недостаткѣ въ топливѣ не могло быть и рѣчи среди густыхъ саксаульниковъ. Верблюды находили себѣ порядочный кормъ на глинисто солончаковыхъ площадяхъ, а по дну русла и кое-гдѣ по сторонамъ его былъ даже нѣкоторый кормъ для лошадей.

Въ окрестностяхъ Иркибая, по словамъ киргизъ, весною, молодые побѣги саксаула и другихъ степныхъ растеній, которыми верблюды питаются, на столько вредны для этихъ животныхъ, что кочевники въ это время года не держатъ здѣсь верблюдовъ. Показанія киргизъ подтвердились: на Иркибаѣ всѣ верблюды болѣли сильнымъ разстройствомъ желудка и большинство околѣвшихъ между ними, во время стоянки здѣсь, было жертвами этой болѣзни. Кромѣ того, туземцы не совѣтовали также давать верблюдамъ мучную пищу, лепешки и взболтку; они увѣряли, что этотъ кормъ, весьма пригодный въ сухое время года, въ сырую погоду можетъ имѣть послѣдствіемъ гибель этихъ животныхъ. Въ виду такого заявленія, муку верблюдамъ не давали. Такимъ образомъ ожидаемое возстановленіе силъ этихъ животныхъ, во время продолжительнаго отдыха на Иркибаѣ, почти, или вовсе, не осуществилось, и предстоявшая, труднѣйшая часть похода должна была совершиться ими съ тѣми же израсходованными силами.

Къ этому важному неудобству стоянки на Иркибаѣ присоединялось еще то обстоятельство, что здѣсь непріятель былъ уже недалеко и потому приходилось принимать мѣры для обезпеченія отъ нечаяннаго нападенія ночью на отрядъ, а днемъ на пастьбища верблюдовъ, удалявшихся отъ лагеря иногда на нѣсколько верстъ. При крайнемъ недостаткѣ кавалеріи въ отрядѣ, послѣднее было сопряжено съ большими трудностями, особенно, когда, послѣ прибытія на Иркибай всѣхъ эшелоновъ, число верблюдовъ возросло слишкомъ до 3000.

Казачьи лошади требовали отдыха не менѣе верблюдовъ; невольно оставалось прибѣгнуть къ единственному, но, конечно, весьма не вѣрному средству для охраны отряда— возможно хорошо организованными, дальними развѣдываніями посредствомъ преданныхъ намъ туземцевъ, а также подробными опросами всѣхъ проѣзжавшихъ и проходившихъ мимо лагеря людей, которые, въ сомнительныхъ случаяхъ, задерживались въ отрядѣ.

Днемъ, кромѣ лаучей, юзъ-башей и караванъ-башей, за верблюдами наблюдало нѣсколько казаковъ; вечеромъ же верблюды приводились на позицію и укладывались внутри обширнаго бивачнаго расположенія войскъ, охраняемаго сторожевыми постами.

20-го марта прибылъ на Иркибай Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ, получившій отъ полковника Голова порученіе избрать мѣсто и построить здѣсь укрѣпленіе. Съ Великимъ Княземъ, составляя его конвой, прибыла команда казаковъ и взводъ скорострѣльныхъ пушекъ.

Его Императорское Высочество выступилъ изъ Казалинска 10-го марта съ 4-мъ эшелономъ, при которомъ онъ слѣдовалъ до колодцевъ Джебага. Здѣсь Его Высочество отдѣлился отъ эшелона и поѣхалъ впередъ, подъ прикрытіемъ небольшаго казачьяго конвоя, чтобы скорѣе достигнуть Иркибая и приступить тамъ къ постройкѣ укрѣпленія. Съ 14-го на 15-е, Великій Князь ночевалъ на Сары-булакѣ, на слѣдующій день—на Куватѣ и 16-го числа онъ догналъ 3-й эшелонъ на Джаманъ-чеганакѣ. 17-го марта этотъ послѣдній дневалъ, а Великій Князь продолжалъ безостановочно путь до Иркибая. При этомъ, до Джара-кудука, Его Высочество сопровождала рота стрѣлковаго баталіона, высланная впередъ для рытья колодца для 3-го эшелона (1).

Отъ Джара-кудука Великій Князь имѣлъ въ своемъ конвоѣ 10 стрѣлковъ, команду казаковъ и скорострѣльныя пушки.

Уже съ первыхъ ночлеговъ двухъ головныхъ эшелоновъ отряда, полковникъ Головъ получалъ одно донесеніе за другимъ о слабости верблюдовъ, что́ и побудило его отказаться отъ безостановочнаго, сколь возможно, движенія. Вслѣдствіе этого и 3-му и 4-му эшелонамъ приказано было дневать на 2-мъ переходѣ, на колодцахъ Уте-басъ, и затѣмъ дѣлать дневку всякій разъ, когда усталость верблюдовъ этого потребуетъ.

Число верблюдовъ послѣднихъ двухъ эшелоновъ было значительно больше, чѣмъ въ первыхъ, такъ какъ при нихъ слѣдовалъ интендантскій транспортъ. Отъ продовольствія и воды зависѣла судьба отряда; поэтому подъ интендантскій транспортъ даны были лучшіе верблюды и въ томъ числѣ всѣ пришедшіе изъ Перовскаго уѣзда (2).

Къ 24-му марта сосредоточились на урочищѣ Иркибаѣ всѣ эшелоны казалинскаго отряда.

Перейдемъ за симъ къ описанію движенія перовской колонны.

Дорога, по которой предстояло двигаться этой колоннѣ, начинается на лѣвомъ берегу Сыръ-дарьи, нѣсколько выше форта Перовскаго, расположеннаго на правомъ берегу рѣки. Переправа совершается на казенныхъ паромахъ. Затѣмъ дорога вступаетъ въ бассейнъ озеръ, изъ которыхъ еще недавно вытекала рѣка Яны-дарья; перейдя потомъ въ долину нынѣ сухаго русла этой рѣки, дорога удаляется отъ него только временно, когда русло, вслѣдствіе значительныхъ извилинъ, отклоняется въ ту или другую сторону; но при этомъ всѣ пункты, удобные для ночлеговъ, до самаго Иркибая, расположены на днѣ стараго русла. Въ старомъ руслѣ Яны-дарьи встрѣчаются весьма многочисленные,

(1) Рытье колодца было дѣло довольно сложное; рыхлый песчаный грунтъ требовалъ сильнаго скрѣпленія боковъ его, для чего они обкладывались плотно уложенными и переплетенными между собою саксаульными сучьями.

(2) Интендантскій транспортъ, благодаря распоряженіямъ полеваго интенданта, всегда двигался въ полномъ порядкѣ и, вслѣдствіе этого, потерялъ сравнительно менѣе верблюдовъ, чему, конечно, не мало содѣйствовало и то, что ему были даны лучшіе верблюды казалинскіе и всѣ перовскіе, которые по своимъ качествамъ рѣзко отличались отъ казалинскихъ: во-первыхъ, вьючка была правильнѣе, потому что въ Казалинскѣ весь провіантъ былъ тщательно развѣшанъ на вьюки и привязанъ къ лѣсенкамъ. Каждый верблюдъ несъ всегда одинъ и тотъ же грузъ по вѣсу и по объему, а тяжесть на обѣихъ сторонахъ была одинаковая. По мнѣнію опытныхъ туземцевъ, лучше дать верблюду тяжелый вьюкъ, но постоянно одинъ и тотъ же, чѣмъ часто мѣнять легкіе вьюки, ибо животное привыкаетъ и принаравливается къ грузу и его наружному виду. Между тѣмъ, въ войскахъ и въ офицерскомъ обозѣ было много мелкихъ вещей, которыя были нужны на каждомъ ночлегѣ, при вьючкѣ, ихъ иногда не привязывали къ лѣсенкамъ, значительно облегчающимъ движеніе верблюда, потому что тогда не требуется сильнаго затягиванія вьючныхъ веревокъ кругомъ тѣла животнаго, причемъ на полости живота и на груди легко образуются раны; во-вторыхъ, вьюки по вѣсу и объему мѣнялись ежедневно, и, наконецъ, вьюки, составленные изъ многихъ мелкихъ вещей, часто на дорогѣ развьючивались, свѣшивались на бока верблюда, потому что грузъ на обѣихъ сторонахъ былъ не одинаковъ, и этимъ заставляли животное двигаться въ ненормальномъ положеніи, отчего натирались спина и бока.

полноводные и неглубокіе колодцы, представляющіе почти одинаковыя, во всѣхъ отношеніяхъ, удобства, которыя однако уменьшаются постепенно, по мѣрѣ удаленія отъ Сыръ-дарьи.

Всѣ колодцы имѣютъ прѣсную воду, хотя, съ приближеніемъ къ Иркибаю, въ колодцахъ, гдѣ ихъ долго не откачивали, вода имѣетъ затхлый вкусъ; близъ многихъ колодцевъ, особенно въ верхнемъ теченіи, имѣются на старомъ руслѣ глубокіе прѣсноводные плесы, весьма обильные рыбой. Дно рѣки, на верхней половинѣ теченія почти сплошь, а въ нижней довольно часто, покрыто камышемъ, который, за неимѣніемъ лучшаго корма, весьма охотно ѣдятъ лошади и верблюды. По обѣимъ сторонамъ русла тянутся широкія полосы густыхъ саксаульниковъ, которыхъ, мѣстами, не касался еще топоръ. По Яны-дарьѣ, на большей части пути до Иркибая, встрѣчается многочисленное кочевое населеніе. Наконецъ, по дорогѣ нѣтъ песковъ, если не считать нѣкоторыхъ небольшихъ участковъ. Всѣ свойства пути, постепенно, однако ухудшаются по мѣрѣ удаленія на западъ, такъ-что Иркибай, возбудившій своими саксаульниками и 12 колодцами столь радостныя чувства въ эшелонахъ, пришедшихъ изъ Казалинска, былъ во всѣхъ отношеніяхъ менѣе благопріятенъ ночлеговъ по дорогѣ въ фортъ Перовскій. И если длина этого послѣдняго пути (около 250 верстъ) нѣсколько превышала разстояніе отъ Казалинска до Иркибая, то это сторицею вознаграждалось остальными его качествами. При малочисленности состава перовской колонны и небольшаго числа сопровождавшихъ ее верблюдовъ, она двигалась, можно сказать, съ бо́льшими удобствами Увеличивать или уменьшать длину переходовъ было всегда возможно, благодаря множеству колодцевъ и однообразнымъ, во всемъ остальномъ, свойствамъ окружающей ихъ мѣстности.

Самые длинные переходы были въ 30 верстъ, и такъ какъ дорога всегда пролегала по хордамъ изгибовъ стараго русла, въ которомъ почти вездѣ находятся колодцы, то сокращеніе переходовъ, въ случаѣ надобности, было всегда возможно. Колонна состояла изъ двухъ ротъ (¹) 8-го линейнаго баталіона, ракетнаго взвода и 30 вооруженныхъ джигитовъ изъ киргизъ Перовскаго уѣзда.

При пособіи гребныхъ судовъ Аральской флотиліи, переправа въ фортѣ Перовскомъ на лѣвый берегъ Сыръ-дарьи не представляла особыхъ затрудненій, и 8-го марта, утромъ, перовская колонна двинулась въ путь. Пройдя чрезъ полосу густыхъ саксаульниковъ и кустовъ гребеньщика (джангыль), дорога вступаетъ въ бугристые пески, среди которыхъ разбросаны болота и небольшія озера, заросшія густыми камышами. Эти послѣднія попадаются чаще по мѣрѣ приближенія къ берегамъ озернаго бассейна, заросшаго на десятки верстъ сплошь камышами, въ которыхъ водятся безчисленные кабаны и грозные тигры; послѣднихъ здѣсь такъ много, что караваны туземцевъ, ночуя въ этихъ мѣстахъ, всю ночь поддерживаютъ огонь, кричатъ, стрѣляютъ и не распускаютъ табуна. Аулы боятся здѣсь селиться, и даже въ тѣхъ кочевьяхъ, которыя находятся далѣе отъ камышей, на слѣдующей за песками глинисто-солончаковой степи, жители находятся въ безпрестанной тревогѣ; не проходитъ почти ночи безъ того, чтобы тигръ не ворвался въ тотъ или другой табунъ или стадо. Пастухи даютъ сигналъ, окрестное населеніе вмигъ поднимается и съ громкими криками бросается къ тому мѣсту, гдѣ звѣрь пожираетъ свою жертву Въ большинствѣ случаевъ, тигръ, напуганный такою шумною демонстраціею, уходитъ въ камыши, а киргизы, на другой день, если звѣрь не унесъ съ собою жертвы, собираютъ друзей и съѣдаютъ остатки. Почти на всемъ первомъ переходѣ, около 25 верстъ, лежатъ пески; но ночлегъ находится уже вблизи большихъ озеръ, у плотины Томаръ - уткуль. Вообще первый переходъ отъ Перовска

(¹) 1-й и 2-й.

наиболѣе трудный. Далѣе путь вступаетъ на широкую долину стараго теченія Яны-дарьи. Грунтъ глинисто-солончаковый и въ сырое время года здѣсь липкая грязь, а въ жаркое—мельчайшая пыль въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ частое движеніе разрыхлило почву; но подъ густыми саксаульниками, окаймляющими Яны-дарью, гдѣ движенія нѣтъ и гдѣ оно слабо, грунтъ совершенно твердый. На днѣ стараго русла почва твердая, но здѣсь она часто покрыта пескомъ. Небольшія площадки песковъ встрѣчаются и на полянахъ среди саксаульниковъ, и тѣмъ чаще и больше, чѣмъ ближе къ Иркибаю. 9-го марта отрядъ сдѣлалъ около 25 верстъ и ночевалъ у группы песчаныхъ бугровъ Мынгъ-чокы (Мынгъ-чокуръ), недалеко отъ окраины камышей и отъ озера Дала-куль, изъ котораго прежде вытекала Яны-дарья. 10-го марта колонна перешла къ песчаному бугру Бисъ-чанъ (Бишъ-ишанъ); переходъ въ 17 верстъ. Здѣсь былъ первый ночлегъ на берегу собственно стараго русла Яны-дарьи. Верстахъ въ 5 ниже находится прѣсноводный плесъ на старомъ руслѣ, извѣстный подъ названіемъ Иръ-куль, близъ котораго для ночлега представляется болѣе удобствъ 11-го числа отрядъ перешелъ къ урочищу Косъ-ташъ на Яны-дарьѣ, 17 верстъ; 12-го—къ урочищу и плотинѣ Косъ бугута (Косъ-бугутъ); переходъ около 17 верстъ. Плотина нынѣ разваливается. Нѣсколько ниже Косъ-бугута, въ окрестностяхъ плотины Аманъ-джулъ, кончаются сплошные камыши, покрывающіе старое русло и озера, начиная отъ самаго форта Перовскаго. Далѣе камыши встрѣчаются на руслѣ отдѣльными участками, преимущественно вблизи плесовъ и колодцевъ; при чемъ размѣры площадей, покрытыхъ ими, уменьшаются по мѣрѣ удаленія на западъ. 13-го отрядъ перешелъ на Джугеры-арыкъ (Джерары-арыкъ), сдѣлавъ переходъ въ 25 верстъ. 14-го марта—на урочище Тазъ-нура, 25 верстъ. 15-го числа колонна сдѣлала переходъ къ плесу Кара-куль, на старомъ руслѣ. До сихъ поръ, начиная съ перваго ночлега, дорога пролегаетъ все время по самому старому руслу Яны-дарьи и по такъ-называемымъ чеганакамъ, т. е. по хордамъ небольшихъ лукъ, описываемыхъ старымъ русломъ. Условія для движенія войскъ на всѣхъ упомянутыхъ переходахъ были почти одинаковыя. Дорога шла по глинисто-солончаковому грунту, нѣсколько размокшему отъ таянія снѣговъ; почти вездѣ ее окаймляли густые саксаульники, а когда она пролегала по самому дну русла, то камыши. На нѣкоторыхъ переходахъ дорога тянулась вдоль береговъ русла, и въ такихъ мѣстахъ она неудобна для колесной ѣзды, вслѣдствіе встрѣчающихся косогоровъ. Песчаныхъ пространствъ въ этой части мѣстности не встрѣчалось, если не считать ничтожныхъ полосъ песку на площадкахъ среди саксаульниковъ и, мѣстами, на днѣ стараго русла. Но къ западу отъ плеса Кара-куль изгибы русла уже весьма значительны, дорога далеко отклоняется отъ него и иногда выходитъ даже за предѣлы полосы сплошныхъ саксауловъ; на такихъ промежуткахъ начинаютъ встрѣчаться песчаныя пространства, размѣры которыхъ увеличиваются по мѣрѣ удаленія на западъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются число и величина плесовъ; колодцы появляются рѣже и глубина ихъ постепенно увеличивается; камыши мельчаютъ и окружаютъ только плесы и группы колодцевъ. Лишь въ саксаульникахъ, окаймляющихъ русло, нѣтъ замѣтнаго измѣненія, не только до Иркибая, но и далеко за этимъ урочищемъ. 16-го марта колонна перешла къ колодцамъ Учъ-мулла (20 верстъ) и нашла здѣсь не вполнѣ удовлетворительную воду. 17-го марта отрядъ дошелъ до колодцевъ Ку-чеганакъ (20 верстъ) и наконецъ 18-го марта, сдѣлавъ 20 верстъ, послѣ полудня соединился на Иркибаѣ съ головнымъ эшелономъ войскъ, двигавшихся со стороны Казалинска. На послѣднемъ переходѣ встрѣтились на нѣсколькихъ верстахъ довольно трудные пески.

Такимъ образомъ перовская колонна прошла 250 верстъ въ 11 переходовъ, не сдѣлавъ ни одной дневки. При этомъ санитарное состояніе людей было превосходное

и верблюды мало изнурились. Колонна потеряла ихъ только 9.

24-го марта на Иркибаѣ собралась вся казалинская колонна въ полномъ ея составѣ. Пользуясь отдыхомъ, принялись приводить въ извѣстность тяжести, подъемныя средства отряда и стали вообще готовиться къ новому походу. Устройство же опорнаго и складочнаго пункта къ этому времени уже было окончено.

Походъ до Иркибая, не смотря на трудности и лишенія, перенесенныя войсками въ холодную и сырую погоду, нисколько не отозвался на здоровьи людей. За все время, послѣ выступленія съ береговъ Сыра, въ отрядѣ не было ни умершихъ, ни трудно больныхъ. Болѣзни ограничивались легкими простудами, разстройствомъ желудка, потертыми на походѣ ногами, и т. п. Такихъ больныхъ въ колоннѣ, за все время, было среднимъ числомъ по 4 человѣка въ день (1).

Лошади въ отрядѣ, благодаря сухому фуражу, также мало изнурились; къ сожалѣнію, нельзя было сказать того же о порціонномъ скотѣ и особенно о верблюдахъ.

Вполнѣ сильныхъ, сохранившихся верблюдовъ въ отрядѣ было мало; огромное большинство ихъ было слабо и изнурено; о павшихъ же и брошенныхъ въ степи верблюдахъ, во время похода и на иркибайской стоянкѣ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

	Изъ Казалинска.	Изъ ф. Перовскаго
Выступило верблюдовъ .	2856.	380.
	Въ казалинской кол.	Въ перовской.
Изъ нихъ пало . . .	43.	4.
Брошено на дорогѣ за изнуреніемъ	55.	5.
Итого убыло . .	98.	9.
т. е. одинъ убылой верблюдъ на.	29,2.	42,3.

Приведенныя цифры служатъ подтвержденіемъ высказаннаго выше мнѣнія о лучшемъ состояніи верблюдовъ, доставленныхъ населеніемъ Перовскаго уѣзда, сравнительно съ Казалинскимъ. При этомъ, конечно, надо имѣть въ виду: 1) что дорога изъ Перовска въ Иркибай легче казалинской, 2) что при казалинскомъ отрядѣ везлись большія и неудобныя тяжести: понтоны, Портоновы колодцы, тарантасъ для больныхъ, и т. п., чего не было въ перовскомъ эшелонѣ, и 3) что, при менѣе благопріятныхъ качествахъ казалинскаго пути, по немъ двигались несравненно бо́льшія массы верблюдовъ, чѣмъ по дорогѣ изъ Перовска.

Добыть на Иркибаѣ свѣжихъ верблюдовъ на смѣну изнуренныхъ было невозможно, потому что кочевое населеніе страны удалилось на сѣверъ. Поэтому оставалось одно: дать отдыхъ верблюдамъ и затѣмъ выбрать наилучшихъ изъ нихъ для дальнѣйшаго похода, такъ какъ всѣхъ освободившихся изъ-подъ тяжестей верблюдовъ слѣдовало съ Иркибая отпустить домой. Цифра этихъ послѣднихъ была весьма значительная, потому что отрядъ оставлялъ многія изъ своихъ тяжестей въ возведенномъ на Иркибаѣ укрѣпленіи. Здѣсь долженъ былъ остаться провіантъ на мѣсяцъ для всего отряда и къ нему присоединился еще $3^1/_2$-мѣсячный запасъ для гарнизона укрѣпленія изъ двухъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ. Этотъ провіантъ, конечно, составлялъ самое большое сокращеніе тяжестей. Въ Иркибаѣ же оставлялся фуражъ для лошадей сотни, хозяйство и собственныя вещи чиновъ гарнизона, часть Портоновыхъ колодцевъ (2), кибитки и припасы вновь учрежденнаго иркибайскаго лазарета, кибитки, взятыя въ части для укрытія людей отъ стужи, два $^1/_4$-пуд. единорога съ снарядами и другія еще мелкія сокращенія.

25-го марта, въ день Благовѣщенія, происходило освященіе новаго укрѣпленія, получившаго, вслѣдствіе этого, названіе Благовѣщенскаго. На переднемъ барбетѣ поставленъ

(1) Свѣдѣнія полковника Голова.
(2) Ниже будетъ объяснена причина этого.

былъ флангштокъ и на немъ поднятъ русскій флагъ, изъ матеріаловъ, пожертвованныхъ нѣкоторыми офицерами. Здѣсь же поставлены два 1/4-пуд. единорога.

Внизу, на днѣ стараго русла, выстроились всѣ войска казалинской колонны, фронтомъ къ редуту, имѣя на лѣвомъ флангѣ роты 8-го линейнаго баталіона и № 3 оренбургскую сотню, назначенныя въ гарнизонъ укрѣпленія. На правомъ флангѣ стоялъ на позиціи горный дивизіонъ, для салюта флагу редута. Объѣхавъ войска, полковникъ Головъ направился въ редутъ, гдѣ его встрѣтилъ Его Императорское Высочество. Затѣмъ, по командѣ Великаго Князя Николая Константиновича, былъ поднятъ флагъ, войска внизу взяли на караулъ, грянуло единодушное „ура“, а горный дивизіонъ и единороги на барбетѣ открыли салютаціонную пальбу. По окончаніи ея, части, назначенныя въ гарнизонъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, прошли по фронту отряда. Грустно было настроеніе офицеровъ, солдатъ и казаковъ гарнизона; трудно было имъ оставаться здѣсь на скучномъ, безлюдномъ мѣстѣ, въ то время, когда товарищи ихъ готовились къ дальнѣйшему, хотя и трудному походу, но во время котораго имъ предстояло пожать лавры, совершить великій подвигъ. Гарнизонъ началъ устраиваться и располагаться, и вскорѣ большая часть пустаго пространства между интендантскимъ складомъ и брустверами покрылась рядами киргизскихъ кибитокъ—будущихъ лѣтнихъ жилищъ офицеровъ и солдатъ иркибайскаго гарнизона.

По окончаніи церемоніи, Его Императорское Высочество совершилъ, въ сопровожденіи большей части офицеровъ отряда, поѣздку въ окрестностяхъ Иркибая, а нижніе чины отряда сложили въ это время два огромные костра изъ саксаула, выломаннаго для очищенія эспланады передъ фасами укрѣпленія. Когда стемнѣло, взвилось огромное пламя отъ костровъ и раздались звучные голоса пѣсенниковъ. На переднемъ барбетѣ зажженъ былъ вензель Государя Императора, а внизу раздались звуки „Боже, Царя храни“; всѣ присутствующіе обнажили головы и громкое, неумолкаемое „ура“ заглушило окончаніе гимна (1).

Въ это время прибылъ въ отрядъ магистръ зоологіи М. Н. Богдановъ, пріѣхавшій въ Туркестанъ по порученію петербургскаго общества естествоиспытателей, для производства изслѣдованій во время хивинскаго похода. Онъ не засталъ уже отряда въ Казалинскѣ и рѣшился одинъ, въ сопровожденіи киргиза, пройти степь до Иркибая. Предпріятіе это приходило уже къ концу, какъ на послѣднемъ переходѣ киргизъ-вожакъ сбился съ дороги. Послѣ нѣкотораго блужданія, М. Н. Богдановъ замѣтилъ впереди зарево огромныхъ костровъ и, догадавшись, что они горятъ въ отрядѣ, направился къ нимъ. Встрѣченный съ свойственнымъ русскимъ войскамъ радушіемъ, онъ оставался при колоннѣ до ея соединенія съ главными силами на урочищѣ Халъата. Изслѣдованія М. Н. Богданова о хивинскомъ оазисѣ и о Кизылъ-кумахъ помѣщены въ настоящемъ изданіи.

Одновременно съ постройкою укрѣпленія, въ отрядѣ заботились о возможно лучшей организаціи дальнѣйшаго похода черезъ песчаную пустыню, отдѣляющую Иркибай отъ Буканскихъ горъ. На этомъ пространствѣ, какъ извѣстно было, въ 95 верстахъ отъ Иркибая, находились два колодца Кизылъ-какъ. На Карабасъ-бугутѣ и Иркибаѣ отрядъ нашелъ колодцы засыпанными; тѣмъ болѣе можно было этого ожидать на Кизылъ-какѣ; но разница между этими послѣдними и первыми была та, что на Иркибаѣ и Карабасъ-бугутѣ вырыть новый колодезь было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ, такъ какъ грунтовая вода тамъ не глубже двухъ саженъ; глубина же колодцевъ Кизылъ-какъ не менѣе 17-ти саженъ и, въ случаѣ засыпки ихъ, невозможно было и думать о вырытіи новыхъ колодцевъ.

(1) При 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ былъ хоръ вурмовскихъ инструментовъ, который и исполнялъ гимнъ.

Необходимо было поэтому предварительно удостовѣриться въ цѣлости колодцевъ Кизылъ-какъ, но сдѣлать это было нелегко. Не подлежало сомнѣнію, что разъѣзды непріятельскіе слѣдятъ за дѣйствіями отряда, а впереди, за колодцемъ Кизылъ-какъ и на ключахъ въ ущельяхъ Буканскихъ горъ, можно было ожидать присутствія значительныхъ силъ непріятеля. При малочисленности кавалеріи отряда и невозможности направить сколько-нибудь значительное число коней, совсѣмъ налегкѣ, за 95 верстъ, черезъ пески, оказывалось невозможнымъ послать для развѣдыванія сильный казачій разъѣздъ; слабый же подвергался слишкомъ явной опасности. Поэтому пришлось рѣшиться на посылку нѣсколькихъ расторопныхъ, смѣлыхъ, доброконныхъ и заслуживающихъ довѣрія туземцевъ. Изъ числа джигитовъ, сопровождавшихъ отрядъ, болѣе другихъ внушалъ къ себѣ довѣріе главный вожакъ колонны, киргизъ Джалды-бай. Еще молодымъ, Джалды-бай бѣжалъ изъ нашихъ предѣловъ въ Хиву; сдѣлавшись тамъ смѣлымъ разбойникомъ (барантачемъ), онъ долго наводилъ страхъ на караваны и аулы, покуда, наконецъ, не былъ захваченъ однимъ изъ нашихъ обходныхъ по степи отрядовъ. Сужденный киргизскимъ судомъ біевъ, онъ, вмѣсто ожидаемой казни, лишился только своего состоянія и съ тѣхъ поръ постоянно отличался искреннею преданностью русскому правительству. Джалды-бай имѣлъ далеко уже за 60 лѣтъ отъ роду и, въ награду неоднократно оказанныхъ правительству услугъ, онъ носилъ почетный халатъ и медали.

Джалды-бай взялся исполнить рискованное дѣло; онъ выѣхалъ тайкомъ изъ лагеря съ товарищемъ, имъ самимъ избраннымъ; оба всадника были на лучшихъ киргизскихъ лошадяхъ и взяли съ собою по запасной лошади. Имъ поручено было доѣхать до Кизылъ-кака, убѣдиться во-очію, не засыпаны-ли тамъ колодцы, а если не засыпаны, то не отравлена-ли въ нихъ вода. Кромѣ того, имъ поручалось привезти свѣдѣнія о дорогѣ и преимущественно обратить вниманіе на мѣстныя въ пескахъ скопленія снѣговой воды, а также постараться узнать что-либо о непріятелѣ.

Чрезъ три дня джигиты вернулись; старый Джалды-бай соскочилъ съ лошади, съ радостнымъ лицомъ поднесъ начальнику отряда турсукъ съ водою изъ Кизылъ-кака и, въ доказательство, что она не отравлена, выпилъ ея нѣсколько глотковъ. Онъ сообщилъ, что на долинѣ стараго русла Яны-дарьи вездѣ стоитъ снѣговая вода; въ пескахъ онъ также видѣлъ лужи, изъ которыхъ наибольшая расположена на серединѣ дороги до Кизылъ-кака. Кромѣ того, въ пескахъ и у колодцевъ Джалды-бай видѣлъ слѣды коней, которые убѣдили его въ присутствіи хивинскихъ разъѣздовъ, такъ какъ лошади были кованныя; затѣмъ онъ встрѣтилъ двухъ хивинскихъ торговцевъ, которые разсказали ему, что хивинскій ханъ выслалъ, для встрѣчи русскихъ, три отряда, отъ 6000 до 7000 человѣкъ каждый: одинъ къ Устюрту, противъ оренбургскаго отряда, другой на урочище Дау-кара и третій въ Буканскія горы. Торговцевъ этихъ Джалды-бай задержалъ и привезъ въ отрядъ. Извѣстіе о пребываніи непріятельскихъ полчищъ на Дау-кара подтвердилось и другимъ путемъ. Изъ хивинскаго города Гурлена прибылъ на Иркибай киргизъ, занимающійся торговлею; въ Гурленѣ онъ слышалъ, что хивинскіе муллы поклялись на могилѣ святаго Полванъ ата, покровителя хивинскаго народа, защищаться противъ русскихъ до послѣдней капли крови.

Свѣдѣнія объ отрядахъ, посланныхъ ханомъ противъ русскихъ колоннъ, Джалды-бай дополнилъ слѣдующимъ образомъ:

1) 6000, подъ начальствомъ Якубъ-бая, отправились въ дельту Аму-дарьи, къ крѣпости Акъ-кала; 2) 4000, подъ начальствомъ диванъ-беги Матъ-Мурада, пришли на Дау-кара, гдѣ и возводятъ новое укрѣпленіе и собираются возобновить укрѣпленіе Клычъ. Эти послѣднія войска торговецъ видѣлъ будто-бы лично, при проѣздѣ чрезъ Дау-кара, и 3) къ Минъ-булаку направилось семи-тысячное полчище, подъ началь-

ствомъ Матъ-Ніаза, при которомъ находится извѣстный разбойникъ Садыкъ. Торговецъ сообщилъ, что войска хивинскія состоятъ изъ узбековъ, туркменъ и каракалпаковъ, киргизъ между ними мало, и что ханъ хивинскій, посредствомъ лазутчиковъ, имѣетъ самыя точныя свѣдѣнія о движеніи нашихъ отрядовъ.

За нѣсколько дней до выступленія предписано было всѣмъ частямъ и транспортамъ представить подробныя исчисленія тяжестей, а также необходимое для поднятія ихъ число верблюдовъ. При этомъ, по прежнему, на каждаго животнаго полагалось по 12 пудовъ грузу; сверхъ того, въ исчисленіяхъ прибавлялось въ запасъ около 10 % общаго числа вьючныхъ животныхъ. Кромѣ того, каждая часть снабжалась верблюдами для подъема воды и для перевозки людей.

Всѣ, оставшіеся за удовлетвореніемъ отряда, свободные верблюды должны были быть отправлены домой; предстоялъ, слѣдовательно, выборъ лучшихъ верблюдовъ. Выборъ этотъ начальникъ отряда предоставилъ караванъ-башамъ, подъ наблюденіемъ чиновъ отряднаго штаба. Затѣмъ предстояло рѣшеніе вопроса о джигитахъ. Кромѣ бывшихъ при отрядѣ казалинскихъ джигитовъ, Перовскій уѣздъ вооружилъ и оконилъ 30 человѣкъ, которые всѣ были на очень хорошихъ лошадяхъ. Братъ всѣхъ джигитовъ съ собою было обременительно для отряда и потому выбрано только нѣсколько человѣкъ перовскихъ, а остальные, и въ томъ числѣ часть казалинскихъ джигитовъ, отправились домой.

Части войскъ и транспорты, готовясь въ дальнѣйшій путь, сдавали вещи, оставляемыя на храненіи въ укрѣпленіи, справляли вьюки, наливали водой бочата, баклаги и турсуки, для испытанія ихъ годности, а также и для того, чтобы они, до похода, успѣли размокнуть.

Люди исправляли одежду и обувь. Хлопоты эти продолжались до самаго выступленія и усилились послѣ ухода перваго эшелона, вслѣдствіе того, что 28-го марта отъ генерала Головачова получено было предписаніе (1), въ которомъ подтверждалось начальнику казалинской колонны спѣшить постройкою Иркибайскаго укрѣпленія и, по окончаніи его, не медля, двигаться къ Буканскимъ горамъ, на соединеніе съ главными силами; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось оставить въ гарнизонѣ Иркибая не одну, а двѣ роты (2).

Выборъ роты полковникъ Головъ предоставилъ командиру баталіона. Маіоръ Дрешернъ бросилъ жребій между линейными ротами, вслѣдствіе котораго 4-я рота была включена въ составъ гарнизона, а командиръ ея, капитанъ Гейцигъ, какъ старшій, былъ назначенъ комендантомъ Благовѣщенскаго форта.

Роты 8-го линейнаго баталіона, прибывшія на Иркибай ранѣе другихъ, напекли свѣжаго хлѣба и устроили временную баню. То и другое сдѣлалось живо, ибо печники имѣются въ каждой ротѣ, а кирпичъ добывали изъ развалинъ будто бы калмыцкаго храма Сырлы-ташъ, на правомъ берегу русла Яны-дарьи, верстъ 6 отъ позиціи отряда. Печеный хлѣбъ и баня составляли большое благодѣяніе для отряда.

Баня состояла изъ 2-хъ кибиточныхъ отдѣленій; въ одномъ раздѣвались, а въ другомъ мылись; по срединѣ второй кибитки устроено было каменное крутое возвышеніе наподобіе лежанки, а въ сторонѣ, противоположной входу, печь съ горячими камнями. Полъ и лежанку покрыли кошмами. Баня оказалась на столько удовлетворительною и была такъ необходима, что, начиная отъ Великаго Князя и до послѣдняго солдата отряда, всѣ въ ней перемылись. Не менѣе наслажденія доставила отряду временная замѣна сухарей свѣжимъ хлѣбомъ.

Командиры артиллерійскихъ частей: горнаго дивизіона и скорострѣльнаго взвода воспользовались стоянкою на Иркибаѣ, для пристрѣлки орудій и пріученія прислуги къ дѣйствію при нихъ; это было тѣмъ болѣе необходимо, что гор-

(1) Отъ 23 марта за № 80, съ колодцевъ Кошъ-байги.

(2) Смотр. въ приложеніи (о составѣ гарнизона Благовѣщенскаго укрѣпленія).

ный дивизіонъ, не задолго до выступленія, былъ снабженъ новыми стальными, заряжающимися съ казенной части, пушками, а скорострѣльный взводъ имѣлъ и новыя не испытанныя орудія и новыхъ людей.

Движеніе отъ Иркибая, черезъ Кизылъ-кумы, къ Буканскимъ горамъ. Отъ Иркибая начиналась для казалинской колонны труднѣйшая часть пути. По предстоявшей дорогѣ, на протяженіи до 150 верстъ, знали только о двухъ колодцахъ большой глубины, которые легко было засыпать или отравить, и хотя развѣдка киргизовъ указывала на то, что хивинцы покуда не сдѣлали этого, но промежутокъ времени между посѣщеніемъ джигитовъ и приходомъ отряда былъ великъ. Опасенія оправдывались еще и тѣмъ, что въ Иркибаѣ и даже сѣвернѣе, какъ извѣстно, колодцы найдены были отрядомъ засыпанными. Кромѣ того являлись неосновательныя сомнѣнія въ томъ, что джигиты, осматривавшіе дорогу, доѣзжали ли дѣйствительно до колодцевъ Кизылъ-какъ.

Изъ числа предстоявшихъ 150 верстъ, дорога, на протяженіи 130 верстъ, пролегала по бугристымъ пескамъ. Неудобства движенія по нимъ уменьшались, однако, подъ вліяніемъ дождей и холода; кромѣ того, у окраины песковъ и въ котловинахъ между песчаными барханами, по разсказамъ киргизъ, образовались отъ растаявшаго снѣга огромныя лужи воды, извѣстныя у туземцевъ подъ названіемъ *какъ*. Понятно, какое значеніе имѣли эти лужи для движенія войскъ.

Изъ Иркибая отрядъ долженъ былъ двигаться сравнительно налегкѣ. Огромный провіантскій транспортъ въ 1120 верблюдовъ оставался въ Благовѣщенскомъ укрѣпленіи; часть, какъ оказалось, непригодныхъ Нортоновыхъ колодцевъ оставлена тамъ-же. Войлочныя кибитки, въ которыхъ люди укрывались отъ холода и въ которыхъ на дальнѣйшее движеніе не настояло уже особой надобности, оставлены всѣ; взято съ собой только по одной на роту, для больныхъ. Вмѣстѣ съ сотнею казаковъ, назначенною въ Благовѣщенскій гарнизонъ, уменьшалось число лошадей, а слѣдовательно въ обозѣ количество потребнаго для нихъ фуража.

Наступили послѣднія числа марта мѣсяца; было уже нѣсколько теплыхъ дней и поэтому одежда людей могла быть облегчена; въ Благовѣщенскомъ укрѣпленіи оставлены всѣ вещи, безъ которыхъ можно было обойтись (1).

Освобожденіе такимъ образомъ изъ-подъ вьюковъ значительнаго числа верблюдовъ облегчало дальнѣйшее движеніе отряда, который въ предстоявшемъ переходѣ безводной пустыни нуждался въ большомъ количествѣ подъемныхъ средствъ, для запасовъ воды и для ускоренія перехода посредствомъ перевозки людей на верблюдахъ. Для облегченія движенія рѣшено перевезти пѣхоту, назначивъ по одному верблюду на 4-хъ человѣкъ.

При каждомъ эшелонѣ долженъ былъ слѣдовать запасъ воды, по слѣдующему разсчету: на три дня для людей, при чемъ въ день полагалось по одному ведру на пять человѣкъ, и на два дня для лошадей и порціоннаго скота, считая по $1^1/_2$ ведра въ сутки на лошадь и быка (2) Для верблюдовъ вода, конечно, не могла быть взята съ собою.

Когда гарнизонъ Благовѣщенскаго укрѣпленія выдѣлился изъ отряда, въ этомъ послѣднемъ осталось, въ круглыхъ цифрахъ:

войскъ		1480.
туземцевъ		370.
		1850.
лошадей	военныхъ . . .	220.
	туземныхъ . . .	50.
		270.

(1) Къ сожалѣнію, нѣкоторыя части слишкомъ увѣровали въ предстоящую теплую погоду; такъ, напр., въ 4-мъ туркестанскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ люди выступили въ дальнѣйшій походъ въ однѣхъ только шинеляхъ, и даже, когда, наканунѣ и въ день выступленія головной части баталіона, погода стояла холодная, распоряженіе это не было отмѣнено, что и отозвалось на здоровьи людей на первомъ же ночлегѣ, какъ видно будетъ дальше.

(2) Приказъ по отряду за № 63.

Поэтому потребно было воды	ведеръ.
для людей около	1110.
— лошадей	610
— порціоннаго скота . . .	100.
	а всего около 1720

Для поднятія и перевозки этого количества воды требовалось около 200 бочатъ, поднимаемыхъ 100 верблюдами. Вода хранилась въ боченкахъ, вмѣстимостью отъ 9 до 10 ведеръ. На одного верблюда навьючивалось по два боченка.

При каждомъ эшелонѣ шелъ общій резервъ верблюдовъ, изъ котораго, во время перехода, замѣнялись павшіе и слишкомъ слабые верблюды. Мѣра эта была вполнѣ цѣлесообразна во всѣхъ отношеніяхъ.

Такъ какъ, начиная отъ Иркибая, было основаніе ожидать встрѣчи съ непріятелемъ, то каждому изъ трехъ эшеловъ придана, по возможности, самостоятельность—назначеніемъ въ составъ его артиллеріи или ракетъ. Головной же эшелонъ, которому приходилось очищать дорогу для другихъ, сформированъ сильнѣе прочихъ и обозъ его, по возможности, былъ облегченъ.

Кавалеріи при отрядѣ почти вовсе не было; одна сотня № 3-й осталась на благовѣщенскомъ гарнизонѣ, а казаки $^1/_2$-сотни № 1-й были распредѣлены по эшелонамъ и могли быть употребляемы только для ближайшаго развѣдыванія и въ качествѣ ординарцевъ. Если, съ одной стороны, вслѣдствіе этого, увеличивалась возможность нечаянныхъ нападеній непріятеля на длинные, растянутые по тропинкамъ въ пескахъ, верблюжьи обозы, то, съ другой, недостатокъ воды не допускалъ присутствія при отрядѣ многочисленной конницы, а это, кромѣ того, значительно сокращало и обозъ.

Составъ эшеловъ былъ слѣдующій:

Головной, подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича: изъ 1-й роты 8-го туркестанскаго линейнаго баталіона, 3 и 4 ротъ 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, взвода горныхъ орудій, 2-хъ скорострѣльныхъ пушекъ и 26 казаковъ 1-й оренбургской $^1/_2$-сотни; всего три роты и 4 орудія. При эшелонѣ слѣдовали, кромѣ того: часть интендантскаго, инженернаго, артиллерійскаго транспортовъ и караванъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. При эшелонѣ состояло 755 верблюдовъ.

2-й эшелонъ, подъ начальствомъ полковника Омельяновича, изъ 1 и 2 ротъ 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, двухъ горныхъ орудій и 15 казаковъ.

3-й эшелонъ, подъ начальствомъ маіора Дрешерна, изъ 3-й и стрѣлковой ротъ 8-го туркестанскаго линейнаго баталіона, ракетнаго дивизіона и 15 казаковъ.

Въ общихъ чертахъ, качества предстоявшей дороги были слѣдующія: начиная отъ Иркибая дорога пересѣкала въ южномъ направленіи, на протяженіи около 10 верстъ, глинисто-солончаковую поверхность широкой долины Яны-дарьи; затѣмъ она вступала въ безводные пески Кизылъ-кумъ, ширина которыхъ, выключая небольшіе перерывы по направленію дороги, болѣе 100 верстъ. Среди этихъ песковъ, въ разстояніи около 95 верстъ отъ Иркибая, извѣстны были два весьма глубокихъ колодца Кизылъ-какъ, которые въ тотъ день, когда развѣдочные киргизы посѣтили ихъ, еще не были завалены или отравлены. Не доходя верстъ 10 до этихъ колодцевъ, чрезъ пески пролегаетъ полоса глинисто-солончаковой, обнаженной отъ песковъ, почвы, имѣющей общій склонъ къ западу и образующей, мѣстами, плоскія котловины. Затѣмъ, верстъ 25 не доходя сѣверныхъ отроговъ Буканскихъ горъ, кончались песчаные бугры, и далѣе почва была еще на нѣсколько верстъ, мѣстами, занесена неглубокимъ, ровнымъ слоемъ песка, за которымъ уже разстилалась, окружая подошву горъ, хрящеватая почва, изрѣзанная глубокими оврагами, служащими продолженіемъ горныхъ ущелій.

Къ счастью, кромѣ колодцевъ Кизылъ-какъ, тающіе снѣга и дожди образовали значительныя лужи (каки) съ водою, вполнѣ годною для пойла лошадей, верблюдовъ и даже для людей. Передъ выступленіемъ съ Иркибая, въ отрядѣ знали о существованіи цѣлаго ряда лужъ на долинѣ Яны-дарьи, до начала бугристыхъ песковъ; въ самыхъ пескахъ были двѣ лужи: первая, на сѣверной окраинѣ песковъ, у бугра Джаманъ-зангыръ, другая въ 40 верстахъ отъ Иркибая, у высокаго песчанаго бугра Зангыръ, и, наконецъ, третья на помянутой выше глинисто-солончаковой полосѣ, не далеко отъ колодцевъ Кизылъ-какъ. Не зная количества и качества воды въ лужахъ, въ отрядѣ разсчитывали на нихъ главнымъ образомъ для пойла верблюдовъ и поэтому рѣшено было во всякомъ случаѣ взять съ собою запасъ воды для людей и лошадей. Количество воды опредѣлялось на основаніи вышеприведеннаго разсчета.

Со времени начала сосредоточенія отряда на Иркибаѣ, до выступленія головнаго эшелона къ Буканскимъ горамъ, прошло 10 дней, а послѣднія прибывшія части стояли на мѣстѣ уже 5 дней. Погода на Иркибаѣ сначала стояла холодная, съ сильными вѣтрами, при чемъ, однако, днемъ морозовъ уже не было; такая погода продолжалась до 25-го марта, а затѣмъ наступили теплые дни съ maximum температуры + 12°, + 14°; но 27-го насталъ опять крутой поворотъ: температура понизилась и сѣверный вѣтеръ достигъ небывалой до сихъ поръ въ походѣ силы. Сильные дожди въ послѣдніе дни стоянки на Иркибаѣ до того растворили почву, что движеніе по лагерю было весьма затруднительно. Не смотря на это, въ войскахъ труды и лишенія предстоявшаго похода были забыты, всюду проявлялось отличное настроеніе духа, и мрачныя лица встрѣчались лишь въ тѣхъ частяхъ, на долю которыхъ выпала незавидная участь оставаться въ гарнизонѣ Благовѣщенскаго укрѣпленія.

27-го марта назначено было выступленіе головнаго эшелона; остальные должны были слѣдовать на разстояніи одного перехода одинъ отъ другаго. Первый ночлегъ назначенъ былъ на помянутой выше лужѣ, у входа въ пески близъ холма Джаманъ-зангыръ.

Вечеромъ 26-го числа надъ Иркибаемъ разразилась гроза съ сильными ударами грома и молніею и пошелъ дождь, продолжавшійся всю ночь и почти весь слѣдующій день.

Утромъ 27-го числа дождь сопровождался вѣтромъ и холодомъ; глинисто-солончаковый грунтъ до того растворился, что на каждомъ шагу цѣлыя глыбы глины приставали къ ногамъ, лошади вязли, а верблюды, скользя при малѣйшей неровности, часто падали.

Имѣя въ виду трудность, особенно для верблюдовъ, перехода по топкой и скользкой солончаковой долинѣ лѣваго берега Яны-дарьи, до начала песковъ, рѣшили отложить выступленіе до слѣдующаго дня, съ тѣмъ, чтобы головной эшелонъ, сдѣлавъ два перехода, прямо прошелъ, буде возможно, до кака у бугра Зангыръ.

Все 27-е число было пасмурно; но къ ночи задулъ холодный вѣтеръ, небо очистилось и температура еще болѣе понизилась.

Въ среду, 28-го марта, въ $7^1/_2$ часовъ утра, началось движеніе головнаго эшелона по направленію къ непріютной пустынѣ; погода стояла ясная, но дулъ сильный холодный вѣтеръ. Всѣ, молча, задавали себѣ вопросъ: „какъ-то перейдемъ на ту сторону песковъ“?

Длинная вереница исхудалыхъ верблюдовъ, вытягивавшаяся съ позиціи, внушала мало довѣрія; послѣ первыхъ шаговъ уже легло два-три изъ нихъ, издавая сначала злобные, а потомъ жалобные крики, подъ ударами солдатъ и лаучей, желавшихъ заставить ихъ встать.

Для сокращенія длины обоза, Великій Князь приказалъ выстраивать верблюдовъ въ колонну, имѣющую видъ прямоугольника, при чемъ болѣе 30 верблюдовъ, поставленные въ линію, образовали фронтъ. Число верблюдовъ по рядамъ

мѣнялось отъ безпрерывнаго перевьючиванія, паденія на скользкой почвѣ, и т. д.

Трудное дѣло управленія обозомъ было поручено командиру № 1 оренбургской полусотни есаулу Смирнову, въ помощь которому дано было нѣсколько казаковъ изъ числа бывшихъ при эшелонѣ. Сокращеніе длины огромнаго обоза, прикрываемаго малочисленнымъ отрядомъ, на пересѣченной бугристой мѣстности, было дѣломъ первостепенной важности. Даже отдѣльные непріятельскіе всадники легко могли его тревожить. Но широкая по фронту колонна обоза могла двигаться только по открытой и голой долинѣ; какъ только же эшелонъ сталъ втягиваться въ песчаные бугры, ширина обозной колонны значительно сократилась и, въ большинствѣ случаевъ, нельзя было вести болѣе 4-хъ верблюдовъ въ рядъ.

Порядокъ самаго движенія эшелона былъ слѣдующій: впереди, въ верстѣ отъ отряда, ѣхало по дорогѣ нѣсколько казаковъ; они наблюдали мѣстность по сторонамъ, на сколько позволяли песчаные бугры. За ними слѣдовалъ пѣхотный патруль изъ нѣсколькихъ человѣкъ, высланный отъ небольшой пѣхотной части, въ родѣ авангарда; далѣе—рота и за ней скорострѣльныя пушки, опять рота и горный взводъ; затѣмъ обозъ, имѣя по сторонамъ на дорогѣ рѣдкія пѣхотныя цѣпи, которыя, съ помощью вооруженныхъ людей, постоянно находящихся при обозѣ, могли оказать сопротивленіе небольшимъ партіямъ непріятеля.

Впереди обоза и непосредственно за нимъ шли, раздѣленные на двѣ равныя части, запасные верблюды и, наконецъ, въ хвостѣ колонны шла рота пѣхоты. За каждой частью пѣхоты и артиллеріи непосредственно слѣдовали верблюды, назначенные для перевозки половины ея людей. Но впослѣдствіи, когда число ослабѣвшихъ верблюдовъ быстро возрасло, запасныхъ верблюдовъ начали завьючивать, а въ заднихъ эшелонахъ людямъ, на большей половинѣ песчанаго пути, не довелось вовсе садиться на нихъ. Здѣсь надо замѣтить, что верблюды подъ людьми быстро изнурялись, потому что сѣдоки мѣнялись, сидѣли неспокойно, погоняли и нерѣдко били несчастныхъ животныхъ до тѣхъ поръ, покуда противъ этого не были приняты энергичныя мѣры, состоявшія въ томъ, что безпокойныхъ сѣдоковъ заставляли идти пѣшкомъ.

На роту, слѣдовавшую въ хвостѣ колонны, кромѣ прикрытія обоза, была возложена обязанность подбирать отсталыхъ верблюдовъ, если, была возможность двинуть ихъ впередъ, хотя бы безъ вьюка; помогать завьючкѣ запасныхъ верблюдовъ, и, наконецъ, если, за невозможностью тотчасъ увезти брошенные тюки, приходилось выжидать высылки болѣе сильныхъ верблюдовъ съ мѣста ночлега, то арріергардная рота оставалась при нихъ, ожидая на мѣстѣ иногда нѣсколько часовъ.

Вслѣдствіе всего этого, арріергарду приходилось безпрерывно останавливаться, и не разъ случалось, что арріергардная рота, изнуренная и измученная, подтягивалась къ биваку, когда головныя части уже давно отдыхали. Такія обязанности арріергарда, конечно, вызывали необходимость назначать въ него роты поочередно.

Относительно перевозки пѣхоты принято было за правило слѣдующее: такъ какъ одинъ верблюдъ приходился на четырехъ людей, а ѣхать на немъ могутъ только двое, то половина людей шла пѣшкомъ.

Головной эшелонъ, тотчасъ по выходѣ изъ прибрежныхъ саксаульниковъ Яны-дарьи, вступилъ на обширную, обнаженную глинисто-солончаковую долину, окаймленную на югѣ песчаною степью. Повсюду на ней стояли огромныя лужи снѣговой и дождевой воды, которая, кромѣ того, пропитывала всю почву.

Ноги лошадей глубоко увязали въ грязь на каждомъ шагу; колеса артиллеріи, которая теперь уже вся постоянно шла на лафетахъ, въ полной боевой готовности, вырѣзали глубокія колеи, а широкія, гладкія ступни верблюдовъ, не находя упора, скользили во всѣ стороны, при чемъ живот-

ныя съ вьюками безпрестанно падали въ грязь. Во время перевьючки верблюды отставали и съ трудомъ нагоняли медленно двигавшуюся обозную колонну.

Движеніе было такъ утомительно, что, не доходя входа въ пески, пришлось сдѣлать часовой привалъ. Люди отдыхали, а между тѣмъ подтянулся и верблюжій обозъ, растянувшійся, во время обхода лужъ, заливавшихъ мѣстами дорогу, на большое пространство. Мѣсто для привала было избрано на сухомъ, сравнительно возвышенномъ, берегу одной изъ такихъ лужъ. Пользуясь ея водою, люди согрѣвались на привалѣ чаемъ.

Далѣе, къ сторонѣ песковъ, мѣстность постепенно возвышалась; почва, покрытая скудною травою, становилась тверже и двигаться было легче. Вскорѣ отрядъ, дойдя до окраины песковъ, втянулся въ долину, образуемую песчаными буграми, на подобіе стараго, частью засыпаннаго русла рѣки.

Пересѣкая пустыню по направленію нашего движенія, эта долина облегчала слѣдованіе, представляя на своемъ днѣ сравнительно ровную поверхность. У выхода долины на степь, въ ней стояла обширная лужа съ прѣсною водою, на западномъ берегу которой возвышался бугоръ Джаманъ-зангыръ, съ черной саксаульной могилкой (муллушкой) на вершинѣ.

Далѣе долина развѣтвлялась; въ ней встрѣчались еще небольшія лужи, а иногда она какъ будто вовсе исчезала. Дно ея было покрыто толстымъ слоемъ песку, который въ данное время былъ хорошо смоченъ водою; мѣстами отрядъ встрѣчалъ небольшіе участки совершенно твердой хрящеватой почвы, покрытой красноватымъ гравіемъ. Песчаные бугры, поросшіе саксауломъ и другими кустами и травами, представляютъ довольно оживленную, но весьма однообразную картину. Спуганныя необычайнымъ зрѣлищемъ военнаго отряда стада антилопъ (джайранъ) исчезали сначала какъ вихрь, потомъ снова появлялись на какомъ-нибудь отдаленномъ песчаномъ бугрѣ, останавливались и съ любопытствомъ разсматривали невидальщину. Кромѣ ихъ, степные зайчики, суслики и разныя мелкія птички оживляли мѣстность своимъ появленіемъ и временно отвлекали вниманіе людей отъ труднаго марша. Но чѣмъ дальше отрядъ углублялся въ пески, тѣмъ они становились пустыннѣе.

Вслѣдствіе задержки наканунѣ, первому эшелону приказано было въ этотъ день пройти какъ можно дальше. Конечнымъ пунктомъ перехода была лужа у бугра Зангыръ, но до нея было далеко.

Большихъ приваловъ собственно въ пескахъ отрядъ въ этотъ день уже не дѣлалъ, но такъ какъ люди шли несравненно быстрѣе верблюдовъ, то имъ часто представлялся случай, въ ожиданіи подхода обоза, отдыхать полчаса и болѣе (1).

При движеніи въ пескахъ особенно затруднительны были безпрерывные подъемы и спуски въ буграхъ, съ которыми отрядъ встрѣтился на второй половинѣ перехода, хотя дорога и обходитъ по возможности тѣ изъ нихъ, которые достигали значительныхъ размѣровъ. Насталъ вечеръ, скрылось солнце, а бугоръ Зангыръ все еще не показывался. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, поговаривали объ остановкѣ, но желаніе хорошо напоить, быть-можетъ въ послѣдній разъ до Буканскихъ горъ, верблюдовъ и лошадей взяло верхъ. Рекогносцировка, высланная впередъ, нашла Зангыръ, до котораго оставалось не болѣе пяти верстъ. Зангыръ— высокій бугоръ, засыпанный пескомъ. У сѣверо-западной его подошвы разстилается довольно обширная долина, которая вся была залита снѣговою и дождевою водою. На западѣ эта долина отдѣляется песчаною высотою отъ другой сухой долины, дно и края которой покрыты скудными

(1) Здѣсь надо замѣтить, что одно изъ лучшихъ средствъ сохраненія силъ верблюдовъ заключается въ возможно медленномъ, но непрерывномъ движеніи. Въ военномъ походѣ это, конечно, трудно соблюсти всегда, но въ предѣлахъ возможнаго надо стремиться, хотя въ этомъ отношеніи, приравнять движеніе верблюдовъ войсковаго обоза къ движенію азіятскаго торговаго каравана.

кустами саксаула, составляющими единственное здѣсь топливо.

Бл зь южной окраины лужи, киргизы, аборигены этой пустыни, вырыли цилиндрическую яму, радіусомъ до 2-хъ саженъ и глубиною въ 6 саженъ. Въ нее вода заливается изъ озера и сохраняется, вслѣдствіе небольшой площади испаренія, до середины лѣта.

Въ теченіе дня погода благопріятствовала, но къ ночи задулъ холодный, порывистый вѣтеръ и температура понизилась до—3°. Чтобы сколько-нибудь скрыть войска отъ вѣтра, которымъ 28-го марта впервые приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, рѣшились выбрать бивачное мѣсто на небольшой сѣдловинѣ кряжа, отдѣляющаго двѣ впадины; здѣсь невысокій уступъ останавливалъ напоръ вѣтра.

Къ 9-ти часамъ вечера началъ подтягиваться отрядъ, постепенно располагаясь по указаніямъ офицера генеральнаго штаба. Обозъ въ темнотѣ чрезвычайно растянулся; люди, назначенные ему въ прикрытіе, сопровождая верблюдовъ, прибывали на бивакъ мелкими группами, а иногда по одиночкѣ, и наконецъ, уже въ началѣ 11-го часа, пришла изнеможенная, но добросовѣстно исполнившая свое дѣло, арріергардная рота. При этомъ вполнѣ выразились послѣдствія отсутствія теплой одежды въ ротахъ 4-го стрѣлковаго баталіона. Истомленные огромнымъ переходомъ, люди дрожали отъ холода. Къ счастію, взяты были съ собой дрова съ Иркибая, да немного топлива было собрано на мѣстѣ. Затрещали на холодѣ костры, закипѣли котлы и на бивакѣ стало весело и шумно. Опасеніе оставалось только за холодную ночь, потому что стрѣлкамъ безъ суконныхъ мундировъ нечѣмъ было укрыться отъ холода. Его Императорское Высочество, обойдя бивакъ, убѣдился лично въ этомъ и обратился къ завѣдывающему транспортомъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ съ просьбою, буде возможно, помочь отряду. Докторъ Гриммъ тотчасъ-же принялся за трудную работу растюкованія и добылъ 60 одѣялъ, которыя, къ восторгу людей, и были имъ розданы. Одѣяла и кошмы, взятыя изъ Казалинска, были распредѣлены, и скоро на бивакѣ, озаренномъ огнемъ костровъ, воцарились глубокое молчаніе и тишина, нарушаемая время отъ времени крикомъ перелетныхъ дикихъ гусей и журавлей на сосѣдней лужѣ. Всякій въ отрядѣ сознавалъ, что труднѣйшая половина пути до колодцевъ Кизылъ-какъ преодолѣна.

Длина пройденнаго пространства была отъ 40 до 45 верстъ. Понятно, что при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, т. е. при высокой температурѣ воздуха и рыхломъ, несмоченномъ пескѣ, переходъ этотъ былъ-бы гораздо труднѣе; можно было предполагать, что переходъ этотъ былъ-бы невозможенъ, если бы, нѣсколько позже, уже среди палящаго зноя, переходъ песчанаго пространства близъ Учъ-учака не убѣдилъ въ томъ, что для русскаго солдата не существуетъ непреоборимыхъ преградъ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что названіе переносныхъ, т. е. самыхъ страшныхъ песковъ, не можетъ быть примѣнимо къ пройденной казалинскою колонною части Кизылъ-кумовъ, ибо они всюду покрыты растительностью, при чемъ только тонкій, поверхностный слой песку можетъ подниматься отъ дѣйствія вѣтра. Съ настоящими сыпучими песками туркестанскимъ войскамъ пришлось познакомиться, но это было дальше, въ окрестностяхъ Адамъ-крылгана, на томъ же переходѣ къ Учъ-учаку отъ Халъ-ата.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о бивачномъ расположеніи отрядовъ, представляющемъ нѣкоторыя, обусловленныя мѣстными обстоятельствами, особенности.

Прежде всего понятно, что малочисленные отряды, брошенные въ пустыню, не разсчитывающіе на обезпеченные пути сообщенія съ тыломъ и потому имѣющіе въ своемъ обозѣ все необходимое для своего существованія на продолжительное время, должны заботиться прежде всего о сохраненіи этого обоза и верблюдовъ, какъ перевозочнаго средства, отъ нападенія легко-коннаго, быстраго и привыч-

наго къ степямъ непріятеля. Изъ этого являлась необходимость, становясь на бивакѣ, принимать расположеніе, подобное сомкнутому укрѣпленію, примѣненному къ мѣстности. При малочисленности отрядовъ, сравнительно съ сопровождаемыми ими транспортами, эта задача значительно усложняется необходимостью имѣть внутри укрѣпленія достаточное мѣсто для тяжестей, для офицерскихъ палатокъ, для солдатскихъ кухонь, для джигитовъ (туземцевъ), для лошадей, порціоннаго скота и для верблюдовъ; наконецъ, необходимо свободное пространство на бивакѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было бы двигаться внутри расположенія войскъ.

Казалинскій отрядъ, собранный въ полномъ составѣ, имѣлъ возможность, выстраивая всѣ части въ одну линію по фасамъ каре, удовлетворить этимъ условіямъ; но небольшіе эшелоны, которые двинулись отъ Иркибая, не могли обнять достаточнаго пространства для помѣщенія всего вышеименованнаго. Поэтому они вынуждены были располагаться слѣдующимъ образомъ: для бивака выбиралась, по возможности, небольшая котловина, закрытая отъ вѣтра, горное ущелье, или вообще площадка, доступъ къ которой для конницы болѣе или менѣе затруднялся мѣстными предметами. Затѣмъ весь отрядъ устанавливался въ одну линію по окраинамъ бивачнаго мѣста, фронтомъ наружу; артилерія, становясь на позицію съ заряженными орудіями, выбирала возможно болѣе открытыя мѣста, представляющія впереди хорошіе обстрѣлы; пѣхота становилась развернутымъ фронтомъ лицомъ въ поле, стараясь, по возможности, примкнуть флангами къ артиллеріи и занимая въ то же время наиболѣе доступныя мѣста. Казаки, которые, по малочисленности своей, должны были дѣйствовать какъ пѣхота, становились также по фасамъ каре, развернутымъ фронтомъ, имѣя коновязи внутри каре. За тѣснотою мѣста внутри расположенія, было принято за правило, чтобы каждая часть, исключая конечно артиллеріи, развьючивала свои мѣшки съ сухарями, мукою и т. п. передъ своимъ фронтомъ, образуя если не брустверъ, то по крайней мѣрѣ значительное затрудненіе для скачущей конницы; тюки или вьюки располагались такъ искусно, что не только ночью, когда болѣе всего можно было ожидать нападенія, но даже и днемъ трудно было проскакать чрезъ нихъ.

Но затѣмъ, по угламъ и между флангами частей оставались промежутки, которые днемъ на столько сильно обстрѣливались сосѣдними частями, что не представляли опасности прорыва. За то ночью необходимо было ихъ чѣмъ нибудь закрыть. Не находя другаго средства, воспользовались обычаемъ туземцевъ и на ночь въ эти промежутки укладывали верблюдовъ въ нѣсколько дугообразныхъ рядовъ, близко одинъ къ другому, головами въ одну сторону; при чемъ погоньщики или лаучи располагались непосредственно возлѣ своихъ верблюдовъ. При этомъ оборонительная линія смыкалась и дѣлалась трудно доступною, по крайней мѣрѣ для нечаяннаго нападенія.

Кругомъ бивачнаго расположенія выставлялась сторожевая цѣпь. Малочисленность отрядовъ была главною причиною невозможности содержанія правильныхъ аванпостныхъ цѣпей, съ ихъ поддержками и резервами. Кромѣ того, выставленіе отдѣльныхъ, удаленныхъ другъ отъ друга постовъ, представляло опасность, въ виду быстраго, ловкаго и до извѣстной степени опытнаго въ нечаянныхъ нападеніяхъ непріятеля.

О выставленіи конныхъ цѣпей нельзя было и думать, за неимѣніемъ кавалеріи; все, что можно было дѣлать— посылать разъѣзды и днемъ занимать отдѣльными казачьими постами отдаленные и выгодные для наблюденія пункты; на ночь конные посты снимались. Опытъ показалъ, что самый удобный во всѣхъ отношеніяхъ способъ отправленія пѣхотной сторожевой службы заключался въ томъ, что каждая часть выставляла впереди своего фронта, необходимое для его охраны, число постовъ, при чемъ фланги цѣпи сосѣднихъ частей смыкались; каждый постъ состоялъ изъ

4-хъ человѣкъ, примѣняясь, по возможности, къ уставу сторожевой службы по способу, принятому у казаковъ. Посты располагались днемъ по окрестнымъ холмамъ и вообще на пунктахъ, способствующихъ наблюденію; ночью они обыкновенно усиливались, и часовые, стоявшіе на гребняхъ и вершинахъ, переставлялись на болѣе низкія мѣста. Въ видѣ небольшаго резерва цѣпи, въ каждой части человѣкъ пять вполнѣ вооруженныхъ располагались непосредственно впереди тюковъ или вьюковъ, прикрывавшихъ фронтъ, и отъ этой части выставлялся часовой у фронта ружей. Кромѣ того, было обращено строжайшее вниманіе на исправность дежурныхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и дневальныхъ, а также на часовыхъ у артиллерійскихъ парковъ и у казачьей коновязи. Въ каждой группѣ верблюдовъ лаучи у костра должны были имѣть постоянно караульщика. Описанное выше бивачное расположеніе въ теченіе всего похода ни разу не подвергалось серьезному нападенію непріятеля, но надо предполагать, что, при данныхъ условіяхъ, оно вполнѣ удовлетворительно исполнило бы свое назначеніе.

Головной эшелонъ выполнилъ 28-го марта свою задачу, дойдя до бугра Зангыръ, потому что далѣе до колодцевъ Кизылъ-какъ онъ, безъ особенныхъ усилій, могъ дойти въ два перехода; такимъ образомъ задержка въ 24 часа, происшедшая вслѣдствіе слишкомъ дурной погоды 27-го числа, не имѣла вліянія на движеніе всего отряда.

29-го марта погода стояла прохладная, но тихая и ясная; вѣтру не было. Головному отряду дали отдыхъ до 11 часовъ дня; затѣмъ онъ двинулся впередъ. Запасъ воды, взятый съ Иркибая, лишь незначительно уменьшился, и хотя при эшелонѣ воды было болѣе чѣмъ на два дня, а до колодцевъ Кизылъ-какъ оставался всего одинъ ночлегъ, тѣмъ не менѣе рѣшено было взять съ собою весь запасъ, потому что не было увѣренности въ сохранности колодцевъ. Освободившихся изъ-подъ израсходованной воды и провіанта верблюдовъ оставили у Зангыра въ помощь заднимъ эшелонамъ, такъ какъ, въ ожиданіи встрѣчи головнаго эшелона съ непріятелемъ, ему были отданы лучшіе верблюды; во второмъ же и третьемъ эшелонахъ, съ самаго выступленія съ Иркибая, верблюды были слабѣе.

Характеръ мѣстности, по которой пришлось двигаться головному эшелону 29-го числа, ничѣмъ не отличался отъ предыдущаго перехода, но отъ дѣйствія лучей солнца песокъ быстро высыхалъ, становился болѣе рыхлымъ, что и затрудняло движеніе. Въ одномъ мѣстѣ, на протяженіи версты, почва была твердая и покрыта красноватымъ гравіемъ. Пройдя легко около 20 верстъ, эшелонъ остановился на ночлегъ версты три къ востоку отъ значительнаго бугра, командующаго надъ всею окрестною мѣстностью. Песчаные холмы, довольно густо поросшіе мелкимъ саксауломъ и джузаномъ (хорошій верблюжій кормъ) (1), окружали небольшую площадку, на которой отрядъ разбилъ бивакъ. Воды нигдѣ кругомъ не было, но запасъ ея въ обозѣ вполнѣ обезпечивалъ людей и лошадей; верблюды же легко обходятся безъ воды въ теченіе нѣсколькихъ дней (однако не болѣе трехъ).

Небольшой переходъ, ясная погода и удовлетворительный кормъ для верблюдовъ хорошо настроили всѣхъ на бивакѣ, и среди безводной пустыни слышались громкія пѣсни, хохотъ и шумъ.

29-го числа 2-й эшелонъ выступилъ съ Иркибая и дошелъ до лужи у Джаманъ-зангыра, гдѣ ночевалъ, имѣя воду въ изобиліи. Въ этотъ же день въ отрядѣ получено радостное извѣстіе о прибытіи въ Казалинскъ хивинскаго посла съ 21-мъ русскими плѣнными; исчезли опасенія за ихъ судьбу, и одна изъ цѣлей похода — освобожденіе томившихся въ тяжкой неволѣ братьевъ — была достигнута; оставалось наказать Хиву за ея продолжительную самонадѣянную вражду

(1) Джузанъ—полынь.

къ намъ и лишить ее возможности впредь нарушать спокойствіе на нашихъ границахъ и дорогахъ.

30-го марта головной эшелонъ двинулся съ бивака въ $7^1/_2$ часовъ утра; первыя 20 верстъ дорога имѣла характеръ предыдущихъ переходовъ, но, вслѣдствіе сухой и теплой погоды, пески значительно разрыхлились и движеніе стало несравненно труднѣе; особенно это замѣчалось на песчаныхъ пересыпяхъ поперегъ дороги, которыя представлялись настоящими сыпучими переносными песками.

Орудія горной артиллеріи на желѣзныхъ лафетахъ, запряженныя двумя верблюдами, мѣстами съ трудомъ тащились; но скорострѣльныя пушки (и это огромное ихъ достоинство) до того легки, что одинъ верблюдъ, на которомъ, кромѣ того, былъ вьюкъ или ѣхала по очереди прислуга, тащилъ пушку почти безъ усилій по всякой мѣстности. Орудіе это, поставленное на сравнительно высокія колеса, очень легко на ходу. Человѣкъ одною рукой свободно приводитъ его въ движеніе. Наоборотъ, низкія колеса горныхъ орудій глубоко врѣзывались въ песокъ, особенно на песчаныхъ пересыпяхъ, при чемъ верблюды едва ихъ вытягивали.

Пройдя 20 верстъ песками, отрядъ вышелъ на твердую глинисто-солончаковую и отчасти хрящеватую почву, покрытую красными зернами разрушенной горной породы, что̀ придавало всей мѣстности оригинальный видъ (1).

Площадь эта или долина имѣетъ различную ширину, доходящую, мѣстами, до нѣсколькихъ верстъ; она какъ-бы раздѣляетъ Кизылъ-кумы на двѣ части: большую — сѣверную и меньшую—южную. Въ западной части площади, близъ того мѣста, гдѣ ее пересѣкаетъ дорога, имѣется плоская впадина, которая тогда была залита снѣговою и дождевою водою. И здѣсь, по краямъ лужи, киргизы вырыли нѣсколько ямъ, въ которыхъ вода долго сохраняется. Въ ближайшихъ окрестностяхъ лужи кое-гдѣ растетъ небольшой тальникъ, кругомъ котораго летали стаи куропатокъ. Здѣсь головной эшелонъ сталъ на привалъ, чтобы напоить верблюдовъ и чтобы дать подтянуться обозу, который въ пескахъ значительно растянулся.

Отрядъ расположился по берегамъ, а верблюдовъ, не развьючивая, остановили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лужи, собравъ ихъ въ большую четыреугольную колонну. Затѣмъ, передъ началомъ движенія послѣ привала, ихъ подвели къ водѣ. Верблюды уже два дня ничего не пили, а между тѣмъ погода стояла довольно теплая; они съ жадностью бросились къ водѣ, и когда чрезъ 10—15 минутъ обозъ потянулся въ путь, на мѣстѣ бывшей лужи оставалось сухое пространство и только ямы, вырытыя киргизами, были еще на половину наполнены водою. Отъ привала дорога снова вошла въ пески; бугры постепенно возвышались, покрывающая ихъ растительность слабѣла и песокъ становился болѣе и болѣе рыхлымъ. Пѣхота съ усиліями тащилась. Это былъ труднѣйшій участокъ пройденнаго до сихъ поръ пути; но, къ счастію, цѣль трехдневныхъ трудовъ и стремленій — колодцы Кизылъ-какъ — были уже не далѣе 10 верстъ. Задолго до заката солнца, отрядъ расположился бивакомъ на ровной площади, окруженной песчаными буграми, среди которой находился одинъ колодезь. Другой колодезь Кизылъ-какъ находится верстахъ въ двухъ западнѣе. Глубина обоихъ около 52 аршинъ, при діаметрѣ отъ 1 до $1^1/_2$ аршинъ. Толщина слоя воды около аршина; вода хорошая, прѣсная, довольно высокой температуры ($+14^1/_2{}^0$ по Реомюру).

Въ первомъ колодцѣ притокъ грунтовой воды на столько быстръ, что тѣми средствами, которыя были въ распоряженіи отряда, въ теченіе около 36 часовъ, она не вычерпывалась и притокъ всегда пополнялъ расходъ. Во второмъ колодцѣ притокъ былъ слабѣе. Добывая изъ него воду, при-

(1) Кизылъ-кумъ значитъ въ переводѣ красный песокъ, и туземцы говорятъ, что эти красноватыя площади среди этихъ песковъ дали поводъ къ названію Кизылъ-кумъ.

ходилось временно пріостанавливать работу, чтобы дать колодцу наполниться.

Подземная часть этихъ колодцевъ приблизительно цилиндрической формы, при чемъ стѣны выложены переплетенными между собою саксаульными стволами; на верху же отверстіе окружено глинянымъ ящикомъ, около котораго, съ двухъ сторонъ, вбиты въ землю деревянныя стойки или, вѣрнѣе, сучки съ вилообразнымъ развѣтвленіемъ на верху. На эти вилы накладывается прямая круглая жердь, съ надѣтыми на нее однимъ или двумя деревянными вальками (или катушки); по валькамъ скользитъ веревка съ водоподъемнымъ сосудомъ, состоящимъ изъ кожанаго мѣшка; къ отверстію мѣшка прикрѣплены два, на-крестъ лежащіе, деревянные или желѣзные бруска, распирающіе ободъ, къ которому пришитъ мѣшокъ.

Возлѣ колодца устроенъ овальный глиняный бассейнъ, который наполняется водою для пойла лошадей и верблюдовъ; для барановъ же устроено тутъ-же глиняное корыто.

Такъ какъ вытаскиваніе тяжелаго ведра съ водою затруднительно, то къ концу веревки припрягаютъ верблюда; одинъ человѣкъ стоитъ у самаго колодца, направляя водоподъемный сосудъ по узкому его каналу и выливая затѣмъ воду въ бассейнъ, а другой водитъ взадъ и впередъ верблюда. Кожаное ведро легко рвется, задѣвая за саксаульную обшивку колодца; поэтому, особенно при поспѣшной работѣ, лучше имѣть желѣзныя ведра. Въ случаѣ надобности очистить или исправить колодезь, киргизъ привязывается къ веревкѣ и спускается внизъ.

Когда эшелонъ приближался къ колодцамъ, на встрѣчу Его Императорскаго Высочества выѣхали старшины кизылъ-кумскихъ киргизовъ, для заявленія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ Августѣйшему представителю Императорскаго Дома.

Къ приходу войскъ они привели въ полный порядокъ колодцы, пригнали барановъ для продажи на мясо и заготовили для отряда топливо. Все это кизылъ-кумскіе киргизы исполнили по приказанію подполковника Иванова, который, какъ сказано выше, высланъ былъ впередъ изъ Ташкента въ степь, для соотвѣтствующихъ распоряженій, передъ походомъ туркестанскихъ войскъ. Они же разсказали, что на колодцахъ Минъ-булакъ, по дорогѣ изъ Буканскихъ горъ къ Шурахану, стоитъ Садыкъ съ значительною конною партіею изъ хивинскихъ киргизъ и туркменовъ.

Тотчасъ послѣ прибытія эшелона на колодцы было сдѣлано распоряженіе о пополненіи, въ теченіе ночи, запаса воды при отрядѣ, такъ какъ, не смотря на утомленіе верблюдовъ, необходимость освободить колодцы для втораго эшелона вынуждала на слѣдующій же день продолжать движеніе къ Буканскимъ горамъ; до нихъ оставалось только два перехода. Но къ вечеру получено было отъ начальника отряда, слѣдовавшаго при 2-мъ эшелонѣ, предписаніе дневать на колодцахъ Кизылъ-какъ, такъ какъ 2-й и 3-й эшелоны, по слабости верблюдовъ, не могли прибыть къ Кизылъ-каку ранѣе 1-го и 2-го апрѣля.

Въ предписаніи объяснялось, что если головной эшелонъ прибылъ 30-го на Кизылъ-какъ, то дневка необходима также для того, чтобы не было между нимъ и задними эшелонами большаго промежутка. Въ этотъ день (30-го) 2-й эшелонъ дошелъ до лужи у бугра Зангыръ и здѣсь ночевалъ, а 3-й эшелонъ началъ движеніе съ Иркибая. Выступивъ съ Иркибая въ 8 часовъ утра, онъ, около полудня, сдѣлалъ привалъ у Джаманъ-зангыра и затѣмъ, двинувшись дальше, къ 6-ти часамъ вечера дошелъ до одной изъ упомянутыхъ выше мелкихъ лужъ Саурамъ-бай, между этимъ пунктомъ и Зангыромъ.

31-го марта головной эшелонъ отдыхалъ и имѣлъ время налиться водою и напоить верблюдовъ; впрочемъ послѣднее удалось не вполнѣ, по причинѣ глубины обоихъ колодцевъ и медленнаго притока воды въ дальнемъ изъ нихъ. Не смотря на безпрерывную работу въ теченіе всего 31-го числа

и въ ночь съ 31-го марта на 1-е апрѣля, едва успѣли налить боченки и напоить лошадей; верблюдамъ же досталось весьма мало.

За исключеніемъ этого обстоятельства, бивакъ на Кизылъ-какѣ былъ вполнѣ удобенъ. Топливо (1) и кормъ для верблюдовъ находились въ изобиліи, хотя и не вблизи самаго колодца, гдѣ постоянно проходящіе караваны и аулы вытравили его. Корма для лошадей не было. Погода стояла ясная, теплая; въ два часа по-полудни было +10°.

1-го апрѣля предстоялъ головному эшелону послѣдній, весьма трудный переходъ по Кизылъ-кумамъ. Начиная отъ Кизылъ-кака, дорога входитъ въ пески, которые сначала довольно ровны, а потомъ нагромождаются, образуя цѣлыя гряды холмовъ; дорога, пролегая по этой мѣстности, безпрестанно переходитъ длинные и иногда крутые овраги; при этомъ песокъ очень рыхлъ; вся мѣстность постепенно возвышается на югъ и, только не доходя 3-хъ верстъ до южной окраины бугристыхъ песковъ, она достигаетъ высшей точки, отъ которой уже далѣе идетъ спускъ. Отсюда открывается прекрасная панорама. Внизу видна окраина Кизылъ-кумовъ; за нею разстилается, постепенно поднимаясь на югъ, темная, хрящеватая, обнаженная степь и вдали на ней, какъ на пьедесталѣ, возвышаются крутыми подъемами Буканскія горы; эти послѣднія застилаютъ горизонтъ отъ востока къ западу сначала сплошною массою, а далѣе на крайнемъ западѣ отдѣльными разорванными крутыми скалами.

Покатость степи, разстилающейся у подножія горъ, встрѣчается съ противоположнымъ спускомъ Кизылъ-кумовъ на самой окраинѣ песковъ, и здѣсь, къ востоку отъ дороги, снѣговая вода образовала лужу длиною болѣе ½ версты и шириною до 400 шаговъ.

Выйдя съ Кизылъ-кака около 7 часовъ утра, отрядъ медленно подвигался по рыхлымъ пескамъ, подъемамъ и спускамъ; верблюды падали часто, люди уставали и обозъ значительно растянулся. День стоялъ ясный, температура въ теченіе дня немного поднялась, отъ +3 до +6°.

Послѣ нѣсколькихъ приваловъ во время тяжелаго 9-часоваго марша, головныя части достигли наконецъ послѣдняго песчанаго перевала, съ котораго уже внизу видна была окраина песковъ. Страшная степь была преодолѣна цѣною пятидневныхъ усилій и лишеній. Еще сдѣлали одинъ привалъ, съ цѣлью подтянуть обозъ, и затѣмъ свернули влѣво съ дороги къ лужѣ, куда и прибыли къ 5 часамъ вечера. Но обозъ тянулся еще долго и только къ ночи, послѣ того какъ съ бивака были высланы на встрѣчу болѣе сильные верблюды, весь обозъ собрался и въ хвостѣ его явилась, наконецъ, арріергардная рота стрѣлковъ; какъ люди арріергарда ни были утомлены отъ перехода и почти непрерывныхъ работъ и возни съ падающими верблюдами, тѣмъ не менѣе рота, приближаясь къ ночлегу, вызвала впередъ пѣсенниковъ и вступила на бивакъ съ громкими пѣснями и даже плясунами.

Урочище, на которомъ расположился бивакъ, называется Куланъ-какъ. Воды въ бассейнѣ было вполнѣ достаточно для верблюдовъ головнаго эшелона. Затѣмъ на долю 2-го эшелона остались вырытыя здѣсь, какъ и въ предыдущихъ лужахъ, по краямъ, ямы, наполненныя водою; но уже для третьяго эшелона нельзя было разсчитывать сохранить здѣсь воду; въ виду этого Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ распорядился оставить на Куланъ-какѣ весь запасъ воды головнаго эшелона, при всѣхъ освободившихся отъ воды и слабыхъ верблюдахъ,

(1) Въ одной изъ ближайшихъ къ колодцу котловинъ, между песчаными буграми, солдаты нашли большую кучу толстаго саксаула; предполагая, что это топливо заготовлено для отряда, они начали растаскивать его, но вслѣдъ за тѣмъ къ Великому Князю явился киргизъ, жалуясь, что русскіе уничтожаютъ временный памятникъ надъ могилой его жены. Оказалось, что то была именно помянутая саксаульная куча. Немедленно всѣ саксаульные стебли были принесены обратно и люди разошлись по степи собирать топливо гораздо худшаго достоинства, такъ какъ здѣшніе саксаульники весьма мелки.

всего около 40. Распоряженіе это оправдывалось вполнѣ тѣмъ, что въ Буканскихъ горахъ, куда авангардъ долженъ былъ прибыть на слѣдующій день, на урочищѣ Бакали находились обильные источники, которыхъ нельзя было ни отравить, ни засыпать. Кромѣ того, въ окрестностяхъ Куланъ-кака находился хорошій верблюжій кормъ, на которомъ ослабѣвшіе верблюды могли, въ теченіе двухъ или даже трехъ дней, до прибытія 3-го эшелона, нѣсколько поправиться. Вода и верблюды были оставлены подъ присмотромъ киргизъ.

О непріятелѣ новыхъ свѣдѣній не получалось; мѣстное же киргизское населеніе откочевало частію въ глубь степи, частію къ сторонѣ Аму-дарьи. Въ этотъ день 2-й эшелонъ и съ нимъ начальникъ отряда дошли да колодцевъ Кизылъ-какъ, а 3-й эшелонъ, выступивъ съ ночлега около 10 часовъ утра и сдѣлавъ по дорогѣ довольно продолжительный привалъ, дошелъ къ $6^1/_2$ часамъ вечера до глинисто-солончаковой площади, въ 10 верстахъ отъ Кизылъ-кака, и здѣсь ночевалъ. Но воды въ лужѣ уже не было вовсе. Верблюды 3-го эшелона чрезвычайно ослабѣли; маіоръ Дрешернъ 1-го апрѣля донесъ (1) начальнику отряда, что, безъ высылки ему на встрѣчу изъ авангарда въ помощь болѣе сильныхъ верблюдовъ, онъ не разсчитываетъ придти 4-го числа на Бакали. Послѣ выступленія съ Иркибая, у него было 39 павшихъ и отсталыхъ верблюдовъ. При самомъ выступленіи съ этого пункта верблюды оказались до того слабыми, что интендантскій транспортъ потребовалъ, вмѣсто 96, 122 верблюда, потому что изнуренныя животныя не въ состояніи были поднимать 12 пудовъ груза. Такимъ образомъ пришлось завьючить почти всѣхъ запасныхъ верблюдовъ и менѣе половины людей могли ѣхать; на слѣдующемъ же переходѣ уже всѣ люди шли пѣшкомъ.

На Кизылъ-какѣ полковникъ Головъ получилъ отъ начальника туркестанскаго отряда предписаніе, по которому казалинская колонна должна была остановиться на колодцѣ Бакали, въ Буканскихъ горахъ. Предписаніе это прошло черезъ Буканскія горы, изъ чего можно было заключить, что непріятеля въ ближайшихъ окрестностяхъ не было. Начальникъ казалинской колонны немедленно сообщилъ объ этомъ эшелонамъ, подтверждая головному эшелону считать предѣломъ движенія источники и колодцы Бакали.

2-го апрѣля головной эшелонъ выступилъ около 8 часовъ утра, направляясь въ юго-западномъ направленіи къ Буканскимъ горамъ. Дорога была ровная, твердая, покрытая степною травою джузанъ. Послѣ нескончаемо-однообразной песчаной пустыни, глазъ отдыхалъ на обширномъ горизонтѣ и темномъ силуэтѣ горъ; мертвые пески замѣнились зеленѣющею степью, оживляемою по временамъ антилопами, дрофами, многочисленными стаями куропатокъ, а подъ ногами ползали черепахи, ящерицы, змѣи, жуки и пауки. По мѣрѣ приближенія къ горамъ растительность слабѣла и почва становилась болѣе и болѣе хрящеватою. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстность здѣсь прорѣзывали овраги, имѣющіе начало въ ущельяхъ Буканскихъ горъ. Одинъ изъ такихъ овраговъ имѣетъ на столько значительные размѣры, что его можно принять за сухое ложе огромной рѣки. Не доходя 2-хъ верстъ до подошвы горъ, дорога переходитъ вѣтвь этого оврага, по довольно крутому спуску и подъему. Затѣмъ при входѣ въ горы начинается крутой каменистый подъемъ на перевалъ черезъ одинъ изъ отроговъ хребта, а на противоположной сторонѣ—крутой, скалистый, извилистый и узкій спускъ, по которому верблюды шли гуськомъ. На днѣ, куда спускается дорога, встрѣчаются колодцы, а выше—родники. Сдѣлавъ на серединѣ перехода привалъ, отрядъ къ 3-мъ часамъ перешелъ отрогъ и расположился на бивакѣ въ верхнихъ частяхъ ущелья, гдѣ изъ скалы сочился родникъ. Осмотръ отлогостей ущелья убѣдилъ въ существованіи еще другихъ засоренныхъ родниковъ; при-

(1) Донесеніе отъ 1-го апрѣля, за № 948.

нялись за работу, и вскорѣ вода показалась въ шести мѣстахъ; устроили также два искуственныхъ бассейна для пойла вьючнаго скота и лошадей. Воды оказалось столько, что вся казалинская колонна не встрѣтила бы въ ней недостатка. Окрестные холмы изобиловали кормомъ; къ сожалѣнію, отсутствіе при отрядѣ достаточнаго числа кавалеріи не давало возможности освѣщать мѣстность на дальнее разстояніе, а такъ какъ, по разсказамъ киргизъ, шайка Садыка была будто близко, то не рѣшались отпускать табунъ далеко отъ лагеря и онъ долженъ былъ пастись на скудныхъ кормахъ въ ближайшихъ окрестностяхъ бивака.

2-го числа былъ ясный, теплый день; температура измѣнялась отъ + 7 до + 12°.

На слѣдующій день, т. е. 3-го апрѣля, ожидали на Бакали 2-й эшелонъ, а за нимъ и 3-й. Ожиданія эти не сбылись. 2-й эшелонъ 2-го апрѣля оставилъ колодцы Кизылъ-какъ и съ трудомъ двигался къ выходу изъ песковъ на урочище Куланъ-какъ.

На пути полковникъ Головъ получилъ почту, присланную съ киргизомъ изъ джизакской колонны, и въ ней разъясненіе слуховъ объ измѣненіи направленія главныхъ силъ.

Предписаніемъ съ колодцевъ Аякъ, отъ 29-го марта за № 126, начальникъ туркестанскаго отряда увѣдомлялъ объ измѣненіи направленія движенія къ хивинскимъ предѣламъ, не черезъ Буканскія горы, Минъ-булакъ и крѣпость Шураханъ, а на колодцы Аристанъ-бель-кудукъ и далѣе черезъ источники Каракъ и Халъ-ата къ урочищу Учъ-учакъ на Аму-дарьѣ.

На основаніи этого, движеніе казалинской колонны было направлено на колодцы Уй-буканъ и далѣе на Аристанъ-бель-кудукъ, по слѣдующему маршруту:

Отъ Уй-букана до Юзъ-кудука . . .	35	верстъ.
Кокъ-потасъ	23	—
Бишъ-булакъ	40	—
Дневка.		
Адымъ-бай	22	—
Тамды	13	—
Мурунъ	21	—
Аристанъ-бель-кудукъ	31½	

Въ заключеніе предписанія извѣщалось, что на Юзъ-кудукѣ отрядъ будетъ встрѣченъ завѣдующимъ кизылъ-кумскими киргизами подполковникомъ Ивановымъ, который поступитъ въ распоряженіе начальника казалинской колонны, въ качествѣ колонновожатаго, на время движенія колонны до Халъ-ата.

Начальникъ казалинской колонны, сообразно полученному предписанію, разослалъ въ эшелоны приказанія, опредѣляя для каждаго новое направленіе слѣдованія и назначая всѣмъ идти къ колодцамъ Юзъ-кудукъ, расположеннымъ на восточной окраинѣ горъ, отъ которыхъ собственно должно было начаться движеніе въ новомъ направленіи.

Имѣя отъ киргизъ свѣдѣнія о присутствіи непріятеля у Минъ-булака, полковникъ Головъ предположилъ—головному эшелону, у Бакали, составлять боковой авангардъ, подъ прикрытіемъ котораго 2-й и 3-й эшелоны должны были перейти къ Юзъ-кудуку.

Отъ Бакали къ Юзъ-кудуку ведутъ двѣ дороги: одна, ближайшая, прямо черезъ горы, весьма каменистая, безводная на всемъ ея протяженіи въ 40 верстъ; другая немного длиннѣе первой, но идетъ по луговымъ, горнымъ плато Букана и изобилуетъ водою. Для сбереженія вьючнаго скота и для исполненія обязанности боковаго авангарда, колонна Его Высочества направилась по второй дорогѣ.

Кромѣ порученія провести отрядъ, подполковнику Иванову вмѣнялось въ обязанность собрать возможно большее число верблюдовъ у кизылъ-кумскихъ киргизъ и передать ихъ въ эшелоны казалинской колонны.

Помощь эта была дѣйствительно необходима, ибо верб-

люды 2-го и особенно 3-го эшелона были крайне изнурены; не малое число ихъ пало и брошено въ степи.

Подполковникъ Ивановъ доставилъ отряду 322 верблюда, которые были направлены частью на встрѣчу 2-му и 3-му эшелонамъ на колодцы Буканъ, частью же были приняты передъ выступленіемъ съ Юзъ-кудука.

Во время дневки головнаго эшелона на Бакали 3-го апрѣля, остальные эшелоны продолжали двигаться. 2-й съ Куланъ-кака пошелъ по большой бухарской караванной дорогѣ, направляясь на юго-востокъ. Мѣстность, по которой онъ двигался, во всемъ сходственна съ участками степи, пройденной 2-го числа головнымъ эшелономъ по дорогѣ на Бакали. Подходя къ горамъ, пришлось перейти черезъ нѣсколько овраговъ. Колодцы и родники Уй-буканъ обильны водою и расположены у выхода ущелья изъ горъ. Здѣсь, какъ и у Бакали, верблюжьяго корма много; весенняя зелень уже появлялась и свѣжій джузанъ охотно ѣли даже лошади.

Вообще, чѣмъ далѣе отрядъ подвигался, тѣмъ лучше становились корма. Молодыя травы появлялись во всей свѣжести и силѣ; табуны кочевниковъ и каравановъ не успѣли еще истребить ихъ, а солнце еще не выжгло своими знойными лучами все зеленое и живое. Въ предстоявшемъ походѣ до Тамды и Аристанъ-бель-кудука это обстоятельство чрезвычайно благопріятствовало движенію, поддерживая силы верблюдовъ.

Наоборотъ, отъ Аристанъ-бель-кудука отрядъ пошелъ широкимъ слѣдомъ главныхъ силъ, гдѣ весь кормъ, массою животныхъ на продолжительныхъ стоянкахъ эшелоновъ, былъ почти весь уничтоженъ въ ближайшихъ окрестностяхъ. Тутъ казалинскій отрядъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи почти въ тѣхъ-же условіяхъ, какъ при началѣ движенія отъ Казалинска, когда только-что очистившаяся отъ снѣга почва была покрыта лишь слѣдами прошлогодней растительности. Различіе между маршами до Буканскихъ горъ и отъ Аристанъ-бель-кудука заключалось, къ невыгодѣ послѣдняго, въ томъ, что верблюды, при вступленіи на него, были уже изнурены, и что вмѣсто предшествовавшей прохлады здѣсь наступили знойные дни.

3-й эшелонъ 3-го апрѣля выступилъ съ Кизылъ-кака въ $5^1/_4$ часовъ утра и, послѣ труднаго перехода, выбрался въ 8 часовъ вечера изъ песковъ на Куланъ-какъ; воды у него было мало, а лужи почти пересохли. Предвидя это, начальникъ отряда приказалъ 2-му эшелону не трогать оставленнаго здѣсь головнымъ эшелономъ запаса воды, которая на слѣдующій день была большимъ подспорьемъ для ротъ 8-го баталіона. Труднѣе другихъ достался имъ переходъ черезъ Кизылъ-кумы; сухія, израсходованныя передними эшелонами лужи и все болѣе и болѣе разрыхляющійся подъ вліяніемъ солнца песокъ оказали губительныя дѣйствія на слабыхъ верблюдовъ. Уже во 2-мъ эшелонѣ, подъ конецъ, пришлось отмѣнить посадку въ пескахъ людей на верблюдовъ, а въ 3-мъ эшелонѣ люди шли пѣшкомъ съ половины дороги къ Кизылъ-каку, завьючивая возможно легче всѣхъ наличныхъ верблюдовъ. Чтобы перенести все это безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, надо было имѣть привычку людей 8-го линейнаго баталіона къ степнымъ походамъ и тотъ прекрасный составъ офицеровъ, начиная съ командира баталіона, которые, забывая себя, самоотверженно и постоянно пеклись о солдатахъ.

Сказанное здѣсь, конечно, нисколько не умаляетъ заслугъ 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, успѣвшаго въ оренбургскихъ степяхъ привыкнуть къ походамъ по пустынямъ, а также до артиллеріи казалинской колонны, которой также не легко дались песчаные переходы. Легче другихъ прошли скорострѣльныя пушки, катившіяся безъ малѣйшаго затрудненія по самымъ рыхлымъ пескамъ, и казаки, по привычкѣ къ труднымъ походамъ и людей и лошадей.

4-го апрѣля день былъ ясный; температура измѣнялась отъ $+4$ до $+10^0$. Головной эшелонъ началъ свое движеніе

къ Юзъ-кудуку. Направляясь внутрь Буканскихъ горъ, онъ долженъ былъ слѣдовать по нагорнымъ плоскостямъ, окруженнымъ относительно невысокими грядами холмовъ и, мѣстами, прорѣзаннымъ довольно глубокими оврагами.

Въ числѣ овраговъ, прорѣзывающихъ эту мѣстность, самый значительный и крутой имѣетъ на своемъ днѣ родники и нѣсколько колодцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Ахраръ. Спускъ и подъемъ изъ этого оврага круты.

До колодцевъ Ахраръ отъ Бакали всего 15-ть верстъ, и около полудня эшелонъ уже прибылъ къ нимъ. Его Императорское Высочество, имѣя въ виду назначеніе отряда прикрывать движеніе остальныхъ двухъ эшелоновъ, а также для сбереженія верблюдовъ, рѣшился ночевать на этихъ колодцахъ.

При выборѣ мѣста для бивака, бывшіе въ отрядѣ медики заявили, что не ручаются за здоровье людей, если части будутъ расположены по берегамъ ручья, образуемаго родникомъ. Родникъ этотъ почти не дѣйствовалъ и на днѣ ущелья образовался рядъ маленькихъ лужъ съ заплеснѣвшею водою зеленаго цвѣта и съ сильнымъ запахомъ гнили. Колодцы, расположенные недалеко отъ родника, содержатъ, весьма близко отъ поверхности, прозрачную, какъ слеза, воду, но съ сильнымъ сѣрнисто-водороднымъ запахомъ и съ большимъ содержаніемъ соли.

Чѣмъ далѣе внизъ по ущелью, тѣмъ лучше становилась вода колодцевъ и, саженъ 300 отъ дороги, люди отряда нашли близъ скалы нѣчто въ родѣ бассейна, съ отличною водою и въ изобиліи.

Войска были размѣщены выше родниковъ, по склонамъ ущелья. Въ верстѣ отъ Ахрара и далѣе имѣлся хорошій джузанъ.

4-го апрѣля 2-й эшелонъ отъ Уй-букана продолжалъ движеніе къ Юзъ-кудуку, вдоль сѣверо-восточной подошвы Буканскихъ горъ. Дорога была твердая, ровная; только мѣстами ее пересѣкали небольшіе овраги. Всего отъ Уй-букана до Юзъ-кудука нѣсколько менѣе 40 верстъ; на всемъ пути вода встрѣчается, въ первый разъ, въ одной верстѣ не доходя Юзъ-кудука; не смотря на это, вслѣдствіе слабости верблюдовъ, полковникъ Головъ рѣшилъ раздѣлить этотъ переходъ на два, переночевавъ приблизительно на полпути, у подножія горъ. Вода для людей и лошадей была взята съ собою съ Уй-букана.

Такимъ образомъ 4-го апрѣля 2-й эшелонъ ночевалъ верстахъ въ 20 отъ Юзъ-кудука, а 3-й перешелъ отъ Куланъ-кака къ Уй-букану. Изнуренные верблюды его получили здѣсь подмогу. По распоряженію подполковника Иванова, на Уй-буканъ доставлены кизылъ-кумскими киргизами 99 верблюдовъ, за которыми должны были слѣдовать еще 67 (1).

Не смотря на всѣ невзгоды, постигшія на переходахъ отъ Иркибая людей 3-го эшелона, здоровье ихъ оставалось совершенно удовлетворительнымъ. Къ 5-му апрѣля въ эшелонѣ было больныхъ: 3—лихорадкою, 1—поносомъ и 1—ушибомъ (2).

Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени съ 28-го марта по 4-ое апрѣля, т. е. въ 8 дней, казалинскій отрядъ прошелъ безводную и песчаную пустыню, шириною въ 140 верстъ.

Во время похода первый эшелонъ имѣлъ дневку на серединѣ дороги въ Кизылъ-какѣ, а остальные два эшелона шли безъ дневокъ.

5-го апрѣля погода стояла ясная; температура измѣнялась отъ + 6 до + 15°.

Дорога къ Юзъ-кудуку пролегаетъ по неровной, холмистой мѣстности, прорѣзанной, мѣстами, оврагами, на днѣ которыхъ попадается вода. Подъемы и спуски по боковымъ отлогостямъ овраговъ иногда довольно круты. Встрѣчаются по пути, мѣстами, и весьма рыхлые пески.

---

(1) Предписаніе полковника Голова маіору Дрешерну отъ 4-го апрѣля за № 209.

(2) Донесеніе маіора Дрешерна отъ 5-го апрѣля, съ Уй-букана.

Приближаясь къ Юзъ-кудуку, дорога переходитъ черезъ пониженіе невысокой гряды холмовъ, окаймляющей повидимому все Буканское плато; въ обрывахъ его видно было много гипса.

Отъ Ахрара до колодцевъ Юзъ-кудукъ около 25 верстъ. Колодцы Юзъ-кудукъ лежатъ въ довольно широкой долинѣ, по которой, кромѣ того, течетъ небольшой ручеекъ изъ имѣющихся здѣсь ключей.

Берега долины составляютъ съ одной стороны песчаные бугры, а съ другой (западной) крутой и скалистый холмъ. Колодцевъ много, но число ихъ далеко не оправдываетъ наименованіе этого урочища. Юзъ-кудукъ значитъ сто колодцевъ.

Выступивъ около 6-ти часовъ утра, отрядъ въ 3-мъ часу подошелъ къ Юзъ-кудуку и расположился бивакомъ вмѣстѣ съ 2-мъ эшелономъ, который прибылъ двумя часами ранѣе, въ сопровожденіи начальника отряда и штаба, а полтора часа спустя прибылъ на бивакъ и подполковникъ Ивановъ съ своимъ конвоемъ, ѣздившій черезъ степь къ Уй-букану, для доставленія туда верблюдовъ.

Характеръ мѣстности на переходѣ, совершонномъ 5-го числа 2-мъ эшелономъ, ничѣмъ не отличается отъ первой половины безводнаго пространства между Уй-буканомъ и Юзъ-кудукомъ. Разстояніе также было около 20-ти верстъ и переходъ былъ совершенно безводный, за исключеніемъ послѣдней версты, на которой встрѣчались колодцы.

3-й эшелонъ 5-го апрѣля выступилъ поздно послѣ полудня отъ Уй-булака и около 8 часовъ вечера остановился на безводномъ бивакѣ у подножія горъ, а на Юзъ-кудукъ долженъ былъ придти на слѣдующій день, 6-го апрѣля.

5-го апрѣля полковникъ Головъ послалъ донесеніе (1) главному начальнику хивинской экспедиціи, изъ котораго видно, что, послѣ перехода Кизылъ-кумовъ, санитарное состояніе отряда оставалось вполнѣ благопріятнымъ. Къ этому дню въ походномъ лазаретѣ, на Юзъ-кудукѣ, было 2 больныхъ и, кромѣ того, околодочныхъ больныхъ и слабыхъ было: въ головномъ эшелонѣ — 11, во 2-мъ — 5 и въ 3-мъ — 5.

Къ 5 апрѣля въ эшелонахъ отряда убыло 145 верблюдовъ. Отъ кизылъ-кумскихъ киргизъ принято 322 верблюда. Вода въ родникахъ Юзъ-кудука солоновата и имѣетъ легкій запахъ сѣрнистаго водорода. Корма въ ближайшихъ окрестностяхъ вытравлены, но за двѣ версты отъ лагеря росло много джузана. Въ такомъ-же разстояніи можно было найти и топливо.

Для движенія отъ Юзъ-кудука къ Тамдамъ и далѣе отрядъ былъ раздѣленъ на три эшелона: *головной*, подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя, изъ 3-й и 4-й ротъ 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, взвода горныхъ орудій, двухъ картечницъ и команды казаковъ. При эшелонѣ слѣдовали понтоны, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Зубова, и транспортъ доктора Гримма. *2-й эшелонъ*, подъ начальствомъ подполковника Омельяновича, изъ 1-й и 2-й ротъ 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и ракетнаго дивизіона, и *3-й эшелонъ*, маіора Дрешерна, изъ 1-й, 3-й и стрѣлковой ротъ 8-го линейнаго баталіона и взвода горныхъ орудій.

6-го апрѣля, въ страстную пятницу, головной эшелонъ началъ движеніе къ Тамдамъ. Погода стояла утромъ ясная, температура была +5°, при полномъ затишьи. Слѣдующій ночлегъ былъ назначенъ у родниковъ Кокъ-потасъ, въ 26 верстахъ отъ Юзъ-кудука. Дорога туда пролегала, на большей части протяженія (верстъ 19), по твердой хрящеватой поверхности, имѣвшей отлогіе, волнообразные склоны. По сторонамъ ея возвышались песчаные бугры, а мѣстами степь и дорогу пересѣкали довольно значительные овраги.

Не доходя верстъ 7 до Кокъ-потаса, дорога входитъ въ высоты, покрытыя мелкимъ пескомъ, и становится гораздо

(1) За № 222, съ Юзъ-кудука.

затруднительнѣе, особенно для артиллеріи. Самый Кокъ-потасъ представляетъ глинисто-солончаковую площадку, орошаемую небольшимъ ручьемъ, образующимся изъ родника. На площадкѣ разбросаны колодцы, изъ которыхъ только въ двухъ порядочная вода; въ ручейкѣ же и въ остальныхъ колодцахъ она соленая и непріятнаго запаха. Корма для верблюдовъ находятся по окрестнымъ холмамъ; топлива мало.

Выступивъ въ 6 часовъ утра, головной эшелонъ къ 5-ти часамъ вечера подошелъ къ Кокъ-потасу. Погода, которая до 5-ти часовъ по-полудни была ясная, при чемъ термометръ показывалъ + 16°, къ вечеру измѣнилась; задулъ сильный вѣтеръ, который вскорѣ перешелъ въ песчаный ураганъ. Еще солнце не садилось, а мгла стояла такая, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разобрать; воздухъ былъ наполненъ пескомъ, который засыпалъ глаза и проникалъ всюду; нигдѣ отъ него не было спасенія, за исключеніемъ одной сакли, построенной около родника, дверь которой, къ счастью, была на сторонѣ, противоположной направленію вѣтра. Кибитки и палатки срывало вѣтромъ и ихъ приходилось привязывать къ камнямъ и къ тюкамъ, чтобы удержать на мѣстѣ. Ураганъ значительно понизилъ температуру и прекратился лишь послѣ полуночи. Киргизы, по распоряженію подполковника Иванова, выставили для офицеровъ отряда кибитки, подвезли довольно много топлива и пригнали для продажи барановъ. До слѣдующихъ колодцевъ съ прѣсною водою, Бишъ-булакъ, было около 40 верстъ. Верблюды въ отрядѣ были на столько слабы, что нельзя было разсчитывать пройти это пространство въ одинъ переходъ. Поэтому на Кокъ-потасѣ сдѣлано было распоряженіе о наполненіи боченковъ водою на одинъ ночлегъ.

Погода 7-го апрѣля (страстная суббота) стояла холодная; термометръ показывалъ + 5°, что, при рѣзкомъ вѣтрѣ и нѣкоторой уже привычкѣ къ теплу, пріобрѣтенной въ предшествовавшіе дни, было довольно чувствительно для людей.

Эшелонъ выступилъ около 8-ми часовъ утра и двигался медленно; дорога была ровная, твердая; мѣстами пересѣкали ее овраги. Степь, по которой шелъ отрядъ, представляла отрадное зрѣлище въ томъ отношеніи, что большія пространства на ней были покрыты густымъ, свѣжимъ джузаномъ, который въ это время служитъ обыкновенно кормомъ какъ верблюдамъ, такъ и лошадямъ.

Къ вечеру верблюды въ обозѣ до того утомились, что стали падать по нѣсколько штукъ разомъ. Убѣдившись въ невозможности дойти въ этотъ день до Бишъ-булака, эшелонъ остановили на ночлегъ среди густыхъ джузановъ, но безъ воды; это не составляло, однако, особеннаго неудобства, такъ какъ вода была съ собою, а также и потому, что на слѣдующемъ переходѣ, по дорогѣ, не далеко, встрѣчаются колодцы съ водою, годною для лошадей и верблюдовъ. Къ вечеру пошелъ дождь.

2-й эшелонъ выступилъ 7-го апрѣля съ Юзъ-кудука и дошелъ до Бишъ-булака. 8-го апрѣля головному эшелону, среди безводной пустыни, вдали отъ роднаго очага, пришлось встрѣтить дорогой для каждаго христіанина праздникъ св. Пасхи.

Когда отрядъ поднялся и выстроился, Его Императорское Высочество поздравилъ войска съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ и, пройдя по рядамъ, вызвалъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ и христосовался съ ними. Разговѣться было нечѣмъ. Высланныя генералъ-адъютантомъ Фонъ-Кауфманомъ съ Аристанъ-бель-кудука крашеныя яйца на каждаго офицера и солдата опоздали къ этому дню въ отрядъ. Великій Князь Николай Константиновичъ пожертвовалъ чарку водки нижнимъ чинамъ эшелона, а г.г. офицеровъ пригласилъ къ своему завтраку. Такъ отпразднованъ былъ на этотъ разъ праздникъ св. Пасхи. Въ 12 часовъ сыграли подъемъ и вскорѣ отрядъ двинулся въ путь.

Дорога была твердая и ровная. Пройдя нѣсколько верстъ, отрядъ дошелъ до весьма широкаго оврага съ крутыми склонами, на днѣ котораго находится многочисленная группа колодцевъ Яны - казганъ, съ водою отвратительнаго вкуса: она горькая, соленая и съ сѣрнисто - водороднымъ газомъ; однако лошади и верблюды пили ее.

Перейдя этотъ оврагъ, отрядъ чрезъ 5-ть верстъ дошелъ до другаго оврага, шире предыдущаго, но въ остальномъ похожаго на него. На восточной части дна втораго оврага расположены весьма многоводные колодцы Бишъ - булакъ, которые, если ихъ не выкачиваютъ, текутъ черезъ край. Здѣсь эшелонъ остановился на ночлегъ. Верблюжьяго корма здѣсь мало; топлива еще меньше; но киргизы подвезли топливо и, кромѣ того, выставили кибитки и пригнали на продажу барановъ.

Въ этотъ день 2-й эшелонъ выступилъ изъ Кокъ - потаса и ночевалъ на колодцѣ Яны-казганъ, а 3-й двинулся съ Юзъ-кудука и дошелъ до Бишъ-булака.

9-го апрѣля погода стояла ясная и теплая. Головному эшелону предстоялъ предпослѣдній переходъ до Тамдовъ, къ колодцамъ Адымъ-бай, около 20 верстъ. Голова 2-го эшелона уже показалась вдали, когда около 6 часовъ утра началъ движеніе 1-й эшелонъ. Дорога лежала чрезъ пески Джаманъ-кизылъ-кумъ, что́ значитъ въ переводѣ: дурные красные пески. Названіе это оправдывалось сыпучестью песчаныхъ бархановъ, которые здѣсь широкою полосою перерѣзываютъ степь и дорогу, соединяя песчаную площадь къ сѣверу отъ Тамды и Буканскихъ горъ съ песками къ югу отъ этихъ послѣднихъ и по берегамъ Аму-дарьи. Поднявшись на восточный берегъ бишъ-булакскаго оврага, войска вступили въ пески, которые, по мѣрѣ удаленія, становились все глубже, образуя бугры; при этомъ вся мѣстность на протяженіи 14—15 верстъ повышается, а затѣмъ начинается медленный спускъ къ Тамдамъ.

Верстъ 10—12 песчаные бугры почти совершенно сыпучи и, по словамъ киргизъ, мѣняютъ свои очертанія; замѣчательно, однако, что въ данное время они были покрыты мелкою травою яркаго зеленаго цвѣта, на которую лошади, послѣ продолжительнаго поста, бросались съ жадностью. Мѣстами пески покрыты здѣсь довольно густою растительностью.

Не смотря на трудную дорогу, отрядъ скоро и легко дошелъ къ полудню до колодцевъ Адымъ - бай, расположенныхъ на восточной окраинѣ песчаной степи. Колодцевъ было два; глубина ихъ оказалась значительною, а вода была весьма солона и издавала сильный сѣрнисто-водородный запахъ. До Тамды оставалось не болѣе 15 верстъ; лучше было лишній день отдохнуть тамъ, на прекрасной водѣ и съ удобствами, которыя представляетъ хотя нѣсколько населенный пунктъ. Его Высочество рѣшился, послѣ довольно продолжительнаго привала, двинуться далѣе къ Тамдамъ. Во время привала обозъ не останавливался и продолжалъ движеніе; но верблюды были на столько утомлены, что, двинувшись съ привала, отрядъ скоро опередилъ ихъ. Не ранѣе 7 часовъ вечера начали подходить части къ Тамдамъ. Люди очень устали, а хвостъ обоза и арріергардная рота подошли, когда уже совсѣмъ стемнѣло.

На урочищѣ Тамды, изъ подножія горъ вытекаетъ обильный источникъ съ отличною водою, довольно высокой температуры. У перваго попутнаго источника устроенъ глубокій бассейнъ, снабжающій водою цѣлый рядъ другихъ бассейновъ, осѣненныхъ большими таловыми деревьями; все это производитъ весьма пріятное впечатлѣніе на путешественника, утомленнаго видомъ однообразной пустыни.

По мѣрѣ удаленія отъ перваго бассейна, вода постепенно принимаетъ соленый вкусъ, а нѣсколько ниже Тамды она уже не годится для питья. Кругомъ бассейновъ виднѣются пашни, глиняные заборы, сакли, изъ которыхъ одна была обращена въ русскую баню. Ее устроили казаки сотни, конвоировавшей подполковника Иванова.

Надъ Тамдами возвышается старая крѣпость, расположенная на скалѣ у подножія горъ Акъ-тау, окаймляющихъ послѣднюю часть дороги отъ Адымъ-бая съ юга. Стѣны ея выстроены изъ булыжника; съ вершины ихъ открывается обширный кругозоръ во всѣ стороны.

Казачья сотня (1), ожидавшая на Тамды прибытія отряда, нѣсколько поправила, частью разрушенныя, стѣны крѣпости, воздвигла на башнѣ мачту съ флагомъ и держала здѣсь днемъ наблюдательный постъ.

2-й эшелонъ 9-го числа прошелъ 5 верстъ къ Бишъ-булаку, а 3-й ночевалъ въ степи, безъ воды, между Кокъ - потасомъ и Яны-казганомъ.

Въ Тамды 2-й эшелонъ прибылъ 10-го, а 3-й, переночевавъ съ 10-го на 11-е число у Бишъ - булака, пришелъ сюда 11-го апрѣля, въ 11 часовъ вечера

Къ утру 12-го апрѣля на Тамды собрался весь казалинскій отрядъ и тотчасъ-же приступлено было къ приготовленіямъ въ походъ къ Аристанъ-бель-кудуку, на путь слѣдованія главныхъ силъ Санитарное состояніе войскъ было удовлетворительно, не смотря на труды и лишенія, хотя число больныхъ медленно, но прогрессивно возрастало. Въ Тамды, въ походномъ лазаретѣ, по сосредоточеніи отряда, оказалось уже 6 человѣкъ больныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ эшелонахъ возросло и число околодочныхъ. Такъ, въ первомъ эшелонѣ, не смотря на сокращеніе его состава, къ 10-му апрѣля было 11 околодочныхъ (2). По исчисленіямъ, сдѣланнымъ полковникомъ Головымъ, среднее число больныхъ въ отрядѣ было во время похода: отъ Казалинска до Иркибая — 4, отъ Иркибая до Тамды — 6, отъ Тамды до Халъ-ата—10. Такое возрастаніе числа больныхъ объясняется трудностями двукратнаго перехода песчаныхъ степей, частымъ употребленіемъ солоноватой или горько - соленой воды, наступленіемъ жаровъ, рѣзкими переходами отъ дневнаго жара къ ночной прохладѣ и, наконецъ, утомленіемъ, вслѣдствіе безостановочнаго движенія. Но если мало пострадали люди отряда, то верблюды значительно изнурились; многіе изъ нихъ пали и брошены на послѣднихъ переходахъ, а другіе хотя и дошли до Тамды, но были такъ изнурены, что нельзя было идти съ ними въ дальнѣйшій походъ; такихъ верблюдовъ оказалось въ отрядѣ 357, которые и были отправлены обратно въ аулы при своихъ лаучахъ (3).

Надо было озаботиться облегченіемъ тяжестей отряда; но это было не легко, такъ какъ все излишнее оставили уже на Иркибаѣ. На Тамды казалинскій отрядъ оставилъ непроизводительный грузъ, который до сихъ поръ тащилъ съ собою — Нортоновы колодцы (4). При колоннѣ везлось 14 Нортоновыхъ колодцевъ. Изъ нихъ два были доставлены въ Ташкентъ еще въ 1869 году и отличались длинными, отъ 10 до 12 ф., (не составными) трубами, почему для ихъ перевозки были устроены особыя дроги.

Неудобства этихъ колодцевъ заключались еще въ слишкомъ высокихъ насосахъ (около 6 ф.), а при испытаніи клапаны ихъ оказались слабыми.

Первый разъ Нортоновы колодцы испытывались во время дневки 4-го эшелона 12-го марта на колодцахъ Уте-басъ (5). Здѣсь водоносный пластъ былъ богатый и находился на глубинѣ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ аршинъ отъ поверхности земли; при чемъ въ колодцахъ глубина слоя воды была около 1 аршина Нортонова труба была вставлена въ колодезь, для

(1) № 17-я оренбургская сотня, командированная изъ Ташкента съ подполковникомъ Ивановымъ.

(2) Донесеніе Великаго Князя, отъ 10-го апрѣля, съ Тамды.

(3) На дальнѣйшемъ пути въ Халъ-ата отпущено еще въ аулы 208 верблюдовъ. Итакъ, изъ 3497 верблюдовъ, числившихся въ казалинскомъ отрядѣ, отпущено въ аулы—1471, пало и брошено въ дорогѣ—894, пришло на Халъ-ата—1132, которые и были сданы въ туркестанскій отрядъ, въ составъ коего вступила здѣсь казалинская колонна.

(4) О Нортоновыхъ колодцахъ при казалинской колоннѣ имѣются подробныя свѣдѣнія въ статьѣ капитана Литвинова („Дѣйствія скорострѣльныхъ пушекъ въ хивинской экспедиціи"), помѣщенной въ Артиллерійскомъ журналѣ № 12—1873 и № 1—1874 г.

(5) 2-й переходъ отъ Казалинска.

испытанія быстроты выкачиванія воды, а три другіе колодца были вбиты въ землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ существующихъ колодцевъ Опыты производились надъ однимъ старымъ и двумя новыми колодцами. Послѣ каждыхъ 25 ударовъ бабою вѣсомъ въ три пуда, измѣряли, на сколько углубляется труба; углубленіе происходило неравномѣрно: иногда труба отъ 25 ударовъ углублялась на 2 и на 3 вершка, а иногда на 5 и на 6. Но когда трубы углубились на 5 аршинъ 9 вершковъ, движеніе остановилось, а между тѣмъ вода сначала вовсе не показывалась, не смотря на то, что уровень ея въ ближайшемъ вырытомъ колодцѣ былъ на глубинѣ 4 арш. 7 вершковъ, а потомъ выкачали только немного сырой грязи. Когда вынули трубы, оказалось, что одна изъ нихъ сломалась. Труба, вставленная въ одинъ изъ колодцевъ, дѣйствовала также неуспѣшно. Въ часъ, посредствомъ ея, выкачали около 100 ведеръ воды, при чемъ самый процессъ выкачиванія представлялъ весьма утомительную работу. Второй разъ испытаніе производилось 13-го марта, на днѣ стараго русла Куванъ-дарьи, у колодца Ирбай; глубина колодца—8 ф., а толщина слоя воды—1 ф. Когда приступили къ испытанію, термометръ показывалъ—4°, что чрезвычайно мѣшало работѣ, ибо клапаны насосовъ замерзали; прежде, чѣмъ начинать работу, приходилось отогрѣвать ихъ горячей водой. Труба легко углубилась въ дно на 4 аршина 2 вершка; сначала показалось немного воды, но тотчасъ-же теченіе ея прекратилось. Тогда отвинтили насосъ и вставили въ трубу другую трубу, малаго калибра, съ особымъ насосомъ. Оказалось, что черезъ отверстіе нижняго конца большой трубы, вмѣстѣ съ водою, втянулся песокъ, который и заполнилъ всю ея внутреннюю пустоту до уровня верхнихъ отверстій. Когда песокъ удалили, колодезь выкачалъ воды гораздо больше; но скоро онъ снова засорился; послѣ второй очистки отъ песку, колодезь далъ еще больше воды, а послѣ третьей выкачано было уже довольно значительное количество ея, но потомъ колодезь снова засорился. Очевидно было, что колодцы до тѣхъ поръ не будутъ давать воды непрерывно, покуда кругомъ нижняго конца трубы, посредствомъ постояннаго очищенія ея внутренности, не образуется значительная пустота, изъ которой вода могла бы, уже безъ примѣси частицъ почвы, приливать въ трубу; понятно, что чѣмъ рыхлѣе почва, тѣмъ болѣе должны быть размѣры этой пустоты.

Во время стоянки на Иркибаѣ произведены были новыя испытанія колодцевъ и обнаружены новые ихъ недостатки. Здѣсь, на днѣ стараго русла Яны-дарьи, водоносный слой довольно богатъ; глубина до дна вырытыхъ здѣсь многочисленныхъ колодцевъ была около 6 аршинъ, изъ которыхъ 5 аршинъ заливались водою. На Иркибаѣ вбили трубу и вода скоро показалась. Воду качали съ перерывами, выкачивали $^1/_4$ часа, потомъ оставляли въ покоѣ колодезь втеченіе полутора часа. Вода всегда содержала большое количество песку. Въ стаканѣ этой воды, послѣ нѣкотораго времени, осаждался слой песку въ палецъ толщиною. Отъ большаго количества песку стирались въ насосѣ клапаны. Ведро воды накачивалось около 25 секундъ. При этомъ уровень воды въ колодцѣ былъ подъ поверхностью земли около 5 ф.

Кромѣ колодцевъ, вырытыхъ для отряда въ Иркибаѣ, на днѣ стараго русла, рѣшили устроить другой колодезь внутри самаго укрѣпленія, что, вслѣдствіе высокаго положенія укрѣпленія, требовало большихъ выемокъ.

Предполагая, что удачное дѣйствіе Нортонова колодца зависитъ, главнымъ образомъ, отъ продолжительности его употребленія, рѣшились испытать устройство въ укрѣпленіи такого колодца.

Съ этою цѣлью вырыли яму глубиною 6 аршинъ; на днѣ ея стали вбивать трубу Нортонова колодца, которая, углубившись на $2^1/_2$ аршина, перестала подаваться въ землю и отъ слѣдующихъ ударовъ бабою погнулась, образовавъ стрѣлку болѣе двухъ дюймовъ. Труба была вынута, яму продол-

жали углублять лопатою; дойдя до глубины, на которой остановилась труба, увидѣли, что тамъ пролегалъ очень твердый слой глины въ нѣсколько дюймовъ толщиною, который и остановилъ трубу. Снявъ этотъ слой, снова начали вбивать трубу, которая, углубясь въ грунтъ на 3 аршина, снова погнулась. Такъ какъ яма рылась съ цѣлью устроить колодезь для гарнизона, то необходимо было торопиться окончаніемъ работъ и по неволѣ прекратить опытъ съ Нортоновымъ колодцемъ. Когда затѣмъ снова продолжали рытье ямы, то оказалось, что на глубинѣ $1^1/_2$ аршина встрѣтился пластъ песку толщиною въ три вершка, а подъ нимъ опять пластъ глины. Вода показалась на глубинѣ $19^1/_2$ аршинъ.

На Иркибаѣ оставлены были два старыхъ и два новыхъ Нортоновыхъ колодцевъ; съ собой же взято только 10 колодцевъ.

На Тамдахъ опыты повторились, но такъ какъ они и здѣсь привели къ прежнимъ результатамъ, т. е. еще разъ доказали непригодность Портоновыхъ колодцевъ въ данной обстановкѣ, то полковникъ Головъ, имѣя въ виду крайній недостатокъ верблюдовъ, приказалъ сдать всѣ колодцы на сохраненіе одному киргизскому бію, кочевавшему въ окрестностяхъ Тамды.

12-го апрѣля началось дальнѣйшее движеніе казалинской колонны къ Аристанъ-бель кудуку, для чего она была раздѣлена на два эшелона (1).

Въ *первомъ эшелонѣ* слѣдовали:

4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ, горный дивизіонъ, взводъ скорострѣльныхъ пушекъ, $^1/_2$-сотня № 1 оренбургской сотни, артиллерійскій и понтонный парки.

Во *второмъ эшелонѣ:*

Три роты 8-го туркестанскаго линейнаго баталіона, ракетный дивизіонъ и № 17 сотня оренбургскаго войска.

Эта послѣдняя стояла на Тамды и находилась, какъ выше сказано, въ вѣдѣніи подполковника Иванова; теперь она поступила въ казалинскій отрядъ, въ составѣ: оберъ-офицеровъ—2, урядниковъ—5 и казаковъ—93.

Отъ Тамды до Аристанъ-бель-кудука разстояніе около 55-ти верстъ; дорога идетъ на югъ. Тамды и Аристанъ-бель-кудукъ лежатъ на противоположныхъ склонахъ довольно значительной гряды холмовъ, которая близъ Тамды носитъ названіе Акъ-тау, а у Аристанъ-бель-кудука называется именемъ этого колодца.

Высоты Акъ-тау состоятъ изъ двухъ вѣтвей, изъ которыхъ одна отъ Тамды идетъ на западъ, а другая описываетъ въ южномъ направленіи дугу, по хордѣ которой проходитъ дорога.

Въ окрестностяхъ колодца Акъ-кудука гряда эта соединяется съ Аристанъ-бель кудукскими высотами. И тѣ и другія имѣютъ видъ плоскихъ поднятій, изрѣзанныхъ скалистыми кряжами и крутыми промоинами или оврагами. Кряжи Акъ-тау почти совершенно лишены растительности, но, по мѣрѣ удаленія на югъ, скалистый характеръ ихъ постепенно исчезаетъ и склоны здѣсь покрыты густыми травами. Внутри дуги, описываемой горами, мѣстность представляетъ возвышенное, почти совершенно ровное плато, мѣстами только прорѣзанное оврагами, образовавшимися отъ весеннихъ водъ, стекающихъ съ горъ въ восточномъ направленіи. Самый значительный изъ овраговъ имѣетъ до версты шириною и перерѣзываетъ дорогу верстъ 16 къ югу отъ Тамды. Почва плато глинисто-песчаная, къ которой вблизи горъ примѣшивается гравій и рыхлый песокъ. Вся она покрыта джузаномъ, среди котораго пасутся стада антилопъ (джайрановъ) и ползаютъ безчисленныя черепахи, ящерицы, змѣи, жуки и ядовитыя насѣкомыя, какъ напримѣръ: фаланги, скорпіоны и другія.

Движеніе по плато не представляетъ затрудненій, но достигнуть его не легко, потому что нужно перейти кряжи, окаймляющіе плато.

---

(1) Рапортъ полковника Голова, отъ 10-го апрѣля за № 245.

Отъ Тамды дорога подымается въ горы, по узкому оврагу; затѣмъ, достигнувъ верхнихъ площадей, переходитъ съ одной на другую, черезъ рядъ перевaловъ въ поперечныхъ кряжахъ; самыя же площади прорѣзаны часто оврагами съ крутыми, каменистыми склонами, по которымъ тропинка вьется съ безпрерывными извилинами. Дорога здѣсь камениста и потому весьма трудна для верблюдовъ.

Около 6-ти верстъ отъ Тамды, дорога идетъ въ горахъ. Съ послѣдняго кряжа открывается обширный кругозоръ на вышеописанное плато, окаймленное справа горами, а на югѣ изъ-подъ горизонта торчатъ узорчатыя вершины Аристанъ-бель-тау.

Спустившись на плато, дорога идетъ совершенно прямо и, на 16 верстѣ, переходитъ помянутый выше оврагъ, за которымъ слѣдуютъ еще нѣсколько менѣе значительныхъ промоинъ. На плато, мѣстами, возвышаются отдѣльные бугры, пройдя мимо которыхъ дорога, наконецъ, подходитъ къ сѣверной подошвѣ горъ Аристанъ-бель-тау, въ разстояніи около 45 верстъ отъ Тамды. Съ приближеніемъ къ Аристанъ-бель-тау, дорога мѣстами покрыта довольно сыпучими песками, затрудняющими движеніе. У южной подошвы этихъ горъ дорога входитъ въ широкій оврагъ и изъ него подымается на склоны высотъ, по которымъ и идетъ въ юго-западномъ направленіи; перейдя здѣсь нѣсколько крутыхъ промоинъ, дорога слѣдуетъ широкими карнизами и спусками въ довольно обширныя котловины. На послѣдней изъ нихъ расположены два глубокихъ колодца Тузъ-кудукъ, съ довольно сносною водою. Это первые колодцы, встрѣчающіеся по дорогѣ отъ Тамды къ Аристанъ-бель-кудуку. Правда, верстъ 20 съ лишнимъ отъ Тамды, въ 3-хъ верстахъ въ сторонѣ отъ дороги, близъ подножія горъ, находится одинъ колодезь Мурунъ, но онъ весьма маловоденъ.

Отъ Тузъ-кудука дорога подымается въ горы, идетъ черезъ перевалы и переходитъ на южный ихъ склонъ, огибая по карнизамъ разсѣкающія ихъ промоины и овраги; наконецъ, поднявшись на послѣдній перевалъ въ главномъ хребтѣ, имѣющемъ здѣсь южное направленіе, спускается къ колодцамъ Аристанъ-бель-кудукъ, по крутому, но довольно удобному спуску, разработанному саперами джизакской колонны.

Въ виду того, что колодезь Мурунъ не могъ снабдить водою значительнаго числа людей, предписано было эшелонамъ запастись на Тамдахъ водою на одинъ ночлегъ. 12-го апрѣля утромъ двинулся съ Тамды 1-й эшелонъ и, отойдя около 22 верстъ, остановился на ночлегѣ въ окрестностяхъ колодца Мурунъ.

13-го числа 1-й эшелонъ, пройдя, къ $3^1/_2$ часамъ, около 35 верстъ, дошелъ до Аристанъ-бель-кудука, потерявъ на обоихъ переходахъ, особенно же на послѣднемъ, довольно много верблюдовъ.

Въ этотъ день выступилъ изъ Тамды 2-й эшелонъ, передавъ на храненіе киргизамъ оставленныя тяжести. Онъ ночевалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и 1-й эшелонъ, и 14-го апрѣля прибылъ на Аристанъ-бель-кудукъ. Всѣ окрестности Аристанъ-бель-кудука были заражены зловоніемъ тлѣющихъ на солнцѣ верблюжьихъ труповъ, погибшихъ здѣсь во время продолжительной стоянки на Аристанъ-бель-кудукѣ джизакской колонны. Передъ приближающимися колоннами казалинскаго отряда поднимались на воздухъ стада хищныхъ птицъ, привлеченныхъ сюда многочисленными трупами верблюдовъ—этихъ несчастныхъ жертвъ похода въ пустынѣ.

Описаніе дальнѣйшаго движенія казалинскаго отряда помѣщено въ главѣ о движеніи джизакской колонны, такъ какъ, начиная отъ Аристанъ-бель-кудука, казалинскій отрядъ вступилъ на путь слѣдованія главныхъ силъ, называясь отнынѣ 3-мъ эшелономъ туркестанскаго отряда.

V.

Пребываніе отряда на Халъ-ата. — Собираніе и повѣрка свѣдѣній о путяхъ отъ Халъ-ата до Аму-дарьи. — Окончаніе постройки укрѣпленія Св. Георгія. — Освященіе укрѣпленія и вооруженіе его. — Планъ движенія къ Аму-дарьѣ и приготовленія къ походу. — Предписаніе генералъ-маіору Бардовскому о выступленіи съ Халъ-ата. — Выступленіе колонны генерала Бардовскаго 27-го апрѣля. — Нападеніе непріятеля на передовой разъѣздъ. — Ночлегъ на мѣстѣ перестрѣлки. — Донесеніе генерала Бардовскаго командующему войсками. — Движеніе съ Халъ-ата кавалеріи. — Движеніе колонны генерала Бардовскаго къ Адамъ-крылгану. — Колодцы Адамъ-крылганъ. — Выступленіе главныхъ силъ съ Халъ-ата. — Распоряженіе о движеніи къ Адамъ-крылгану колонны полковника Веймарна. — Тревога 1-го мая. — Выступленіе съ Адамъ-крылгана. — Разсчетъ предстоящаго движенія до Аму-дарьи. — Затрудненія, встрѣченныя на переходѣ. — Привалъ. — Причины передвиженія на колодцы Алты-кудукъ. — Первый день на колодцахъ. — Намѣреніе двинуться къ Аму-дарьѣ. — Обратная высылка на Адамъ-крылганъ верблюдовъ и лошадей съ водоподъемными средствами. — Положеніе главныхъ силъ, оставшихся на Алты-кудукѣ. — Нападеніе на Адамъ-крылганъ. — Выступленіе генерала Бардовскаго съ этихъ колодцевъ. — Свѣдѣнія о пути до Сардаба-куля. — Оставленіе тяжестей на Алты-кудукѣ и движеніе колонны къ Сардаба-кулю. — Ночлегъ. — Тревога съ 9-го на 10-е мая. — Движеніе колонны 10-го мая. — Появленіе непріятеля. — Боевое движеніе 11-го мая къ Сардаба-кулю. — Выходъ къ рѣкѣ. — Преслѣдованіе отступавшаго непріятеля до переправы. — Остановка войскъ на мѣстѣ бывшаго непріятельскаго лагеря. — Донесеніе о благополучномъ выходѣ на Аму-дарью. — Начало гребной флотиліи.

Въ главѣ III разсказъ о пребываніи туркестанскаго отряда на Халъ-ата доведенъ до 24 го апрѣля,—до дня, въ который обѣ колонны — джизакская и казалинская, слѣдовавшія доселѣ отдѣльно, соединились въ одинъ общій отрядъ.

Бивакъ войскъ на Халъ-ата расположенъ былъ кругомъ холма, въ восточной сторонѣ котораго вытекалъ ключъ, дававшій, въ данное время, возможность существованія, среди глухой пустыни, около 6 тыс. людямъ и почти такому же количеству животныхъ.

Съ вершины халъ-атинскаго холма, общій видъ на раскинувшійся у подножья его лагерь, на равнину, далеко разстилавшуюся отъ холма къ западной, сѣверной и восточной сторонамъ, представлялъ оригинальную картину, характерные оттѣнки которой заключались главнымъ образомъ въ высшей степени непривѣтливомъ желтовато-песочномъ ея фонѣ. Все, и въ лагерѣ, и кругомъ его, было желто, выжжено; надо всѣмъ тяготѣла душная, тяжелая мгла.

Рано утромъ, 24-го апрѣля, солнце какъ-то особенно нещадно палило; духота въ жаркомъ, раскаленномъ воздухѣ, насыщенномъ пескомъ, была невыносимая. Животный организмъ истомлялся; всѣми чувствовалась невыразимая тягость; жажда томила, аппетита никакого. И люди, и лошади, и верблюды двигались въ лагерѣ какъ тѣни. Съ полудня задулъ снова тебатъ и массы мелкихъ, горячихъ песчинокъ понеслись по воздуху. Производившаяся въ это время, на возводимомъ халъ-атинскомъ укрѣпленіи, насыпка бруствера крайне затруднялась. Песокъ, наваливаемый на брустверъ, разносило порывами вѣтра; не смотря на такія неблагопріятныя условія, туркестанскимъ саперамъ удалось, 24 апрѣля, окончить насыпку валовъ.

Только съ одной стороны, южной, куда предстоялъ дальнѣйшій маршъ туркестанскимъ войскамъ, плоская равнина, окаймляющая халъ-атинскій холмъ, въ недалекомъ разстояніи отъ него, замыкается грядою песчаныхъ возвышенностей, на которыя всѣ въ отрядѣ посматривали съ какимъ-то особымъ чувствомъ. Всѣми сознавалось, что за этими песчаными поднятіями предстояло туркестанцамъ поставить на карту вопросъ объ успѣхѣ или неудачѣ для нихъ хивинской экспедиціи. Всѣми чувствовалось, что за этими возвышенностями каждому въ отрядѣ придется напрячь наличныя нравственныя и физическія силы, для преодолѣнія борьбы съ суровою, неумолимою природою, прежде чѣмъ достигнуть давно всѣми желанной цѣли — выхода на свободную, *вольную*, аму-дарьинскую воду. Чувство это естественно; оно можетъ быть понятно лишь для тѣхъ, которые уже два мѣсяца, изо-дня въ день, томились въ степи, по колодцамъ. На сколько всѣ были истомлены и недостаткомъ воды въ степныхъ колодцахъ и отвратительнымъ ея качествомъ, можно судить изъ того, что мѣстное названіе колодца, слово *кудукъ*, было впослѣдствіи для всѣхъ участниковъ похода какимъ-то пугаломъ и чуть-ли не браннымъ словомъ.

Тяжелое чувство, испытываемое всѣми въ отрядѣ, при взглядѣ изъ халъ-атинскаго лагеря въ южномъ направленіи, на гряду песчаныхъ возвышенностей, усугублялось, главнымъ образомъ, неизвѣстностью и противорѣчивыми свѣдѣніями о томъ, что насъ ожидало на протяженіи отъ Халъ-ата къ Аму-дарьѣ, а пространство это всѣмъ рисовалось страшнымъ и грознымъ и на основаніи показаній туземцевъ, и на основаніи извѣстнаго описанія объ этомъ пути Вамбери. Главное данное, на которомъ долженъ былъ быть соображенъ планъ дальнѣйшаго движенія отъ Халъ-ата—разстояніе между этимъ пунктомъ и Аму-дарью, не было точно извѣстно.

Въ III главѣ было сказано, что съ Халъ-ата посылались джигиты впередъ, для развѣдки о пути предстоявшаго движенія. Джигиты проѣхали до Адамъ-крылгана и далѣе за него верстъ 20. Отъ Халъ-ата до Адамъ-крылгана оказалось болѣе 40 верстъ; вода на этомъ урочищѣ, судя по показаніямъ джигитовъ, была не глубоко отъ поверхности земли. Такимъ образомъ, по этимъ свѣдѣніямъ, освѣтилась для насъ только часть протяженія пути между Халъ-ата и Аму-дарьею; что̀ оставалось впереди на 20 верстъ за Адамъ-крылганомъ, было неизвѣстно. Имѣвшіяся разспросныя свѣдѣнія были до крайности разнорѣчивы. Первыя свѣдѣнія объ учъ-учакскомъ пути собраны были барономъ Аминовымъ въ 1872 году въ Самаркандѣ; по даннымъ Аминова, разстояніе отъ Халъ-ата до Аму-дарьи предполагалось отъ 84 до 90 верстъ, т. е. отъ 19 до 13 верстъ менѣе, чѣмъ оно оказалось въ дѣйствительности (1). Слѣдующія извѣстія объ этомъ пути были получены, во время похода, отъ одного изъ вожаковъ туркестанскаго отряда, киргиза Мирзеке. По разсказу объ его переѣздѣ отъ Учъ-учака къ Халъ-ата, принимая при этомъ за часовой верблюжій ходъ 4 версты, разстояніе между названными пунктами выходило значительно короче, всего до 76-ти верстъ. Главная ошибка въ показаніяхъ Мирзеке заключалась въ разстояніи отъ Халъ-ата до Адамъ-крылгана. Надо полагать, что Мирзеке прошелъ это пространство такъ скоро потому, что отъ проѣзжалъ его весною, когда песокъ обыкновенно бываетъ сырой, твердый, а слѣдовательно легче по немъ идти, и потомъ, что въ караванѣ, съ которымъ онъ слѣдовалъ, были хорошіе верблюды. Пространство отъ Халъ-ата до Адамъ-крылгана онъ прошелъ въ 7 часовъ времени, отъ Адамъ-крылгана до Сардаба-куля въ 12 часовъ, что̀ возможно, дѣлая по 5-ти верстъ въ часъ. Во время слѣдованія отряда до Халъ-ата не было случая собрать новыя свѣдѣнія о разстояніи отъ этого урочища до Учъ-учака; не встрѣчалось людей, знакомыхъ съ этой дорогой; однако-же джигитами, во время обычныхъ посылокъ ихъ впередъ отъ отряда (2), собраны были нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ пути. По извѣстіямъ, доставленнымъ однимъ джигитомъ въ Манамъ-джанѣ, разстояніе, о которомъ идетъ рѣчь, равнялось 11-ти ташамъ, т. е. 88 верстамъ; по свѣдѣніямъ же, собраннымъ другимъ джигитомъ, во время его поѣздки изъ Султанъ-биби въ Халъ-ата, разстояніе отъ послѣдняго пункта до Сардаба-куля предполагалось 12 ташей, т. е. 96 верстъ. Тотчасъ по прибытіи въ Халъ-ата представился случай снова пополнить и провѣрить собранныя свѣдѣнія. Въ лагерь были приведены два новыхъ проводника, которые ежегодно, по нѣсколько разъ, совершали путь отъ Халъ ата до Учъ-учака. Люди эти, какъ видно было, хорошо знали дорогу, но, къ несчастію, на столько были неразвиты, что не могли

(1) Въ дѣйствительности, отъ Халъ-ата до Аму-дарьи оказалось 107 верстъ, а до озера Сардаба-куль, на которое выводитъ учъ-учакскій путь, 103 версты.

(2) На маршѣ туркестанскаго отряда по Кизылъ-кумамъ, колонновожатый подполковникъ баронъ Аминовъ обыкновенно высылалъ джигитовъ впередъ за нѣсколько переходовъ, для сбора свѣдѣній о пути, о кормахъ, о топливѣ и, главное, о колодцахъ и о водѣ въ нихъ. Чтобы быть убѣжденнымъ, что джигиты дѣйствительно доѣзжали и сами видѣли тѣ мѣста, о которыхъ они привозили свѣдѣнія, баронъ Аминовъ обязывалъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ по пути оставлять клочки бумаги, зарывая ихъ или въ песокъ, или пряча подъ кустами, и проч. Когда отрядъ доходилъ до этихъ мѣстъ, джигиты доставали спрятанныя бумажки и показывали ихъ барону Аминову.

дать ни себѣ, ни другимъ, ни малѣйшаго понятія о разстояніяхъ. Однако, судя по разсказамъ объ ихъ переѣздахъ на этомъ пространствѣ, можно было вывести заключеніе, что разстояніе это около 90 верстъ. Во время стоянки на Халъ-ата прибылъ изъ Бухары нѣкій Султанъ-Мурадъ, нарочный съ письмомъ къ Иссамедину-Мирахуру, посланнику бухарскому; оказалось, что онъ зналъ учъ учакскій путь. По его показаніямъ, разстояніе отъ Халъ-ата до Учъ-учака было 12 ташей, т. е. 96 верстъ (1) Изъ его разсказа можно было сдѣлать слѣдующій выводъ относительно разстоянія: отъ Халъ-ата до Адамъ-крылгана онъ ѣхалъ 6 часовъ, что, считая по 6 верстъ въ часъ, составитъ 36 верстъ. Отъ этого же мѣста до Сардаба-куля онъ ѣхалъ съ 8 часовъ вечера до 4 часовъ утра, что, полагая по 6 верстъ въ часъ, составило бы 48 верстъ; но такъ какъ Султанъ-Мурадъ говоритъ, что на этомъ протяженіи онъ прибавилъ ходу, то, считая по 7 верстъ въ часъ, выходитъ 56 верстъ. Такимъ образомъ, по показаніямъ Султанъ-Мурада, разстояніе отъ Халъ-ата до Сардаба-куля вышло отъ 92 до 96 верстъ, т. е. всего 7 верстъ меньше дѣйствительнаго разстоянія. Если же вмѣсто 36 верстъ до Адамъ-крылгана прибавимъ 40 верстъ,—разстояніе, уже опредѣленное нашими джигитами,—то выходило около 100 верстъ, что почти совершенно вѣрно. Далѣе слѣдовали показанія Султанъ-Мурада относительно качества пути, корма, топлива, и т. д.

Состоящій при отрядѣ бухарскій посланникъ Иссамединъ-Мирахуръ увѣрялъ, будто до Учъ-учака всего 56 верстъ; очевидно, что онъ смѣшивалъ общее разстояніе отъ Халъ-ата съ разстояніемъ лишь отъ Адамъ-крылгана до Аму-дарьи. Разсмотрѣвъ и сообразивъ всѣ эти показанія, въ отрядѣ остановились на предположеніи, что разстояніе отъ Халъ-ата до Учъ-учака должно быть отъ 90 до 100 верстъ. Но 24-го апрѣля съ казалинскою колонною прибыли къ отряду шесть новыхъ джигитовъ изъ казалинскихъ киргизъ, увѣрявшихъ, что они знаютъ дорогу до Учъ-учака. Показанія этихъ киргизъ совершенно расходились со всѣми свѣдѣніями, собранными до этого дня у разныхъ лицъ, незнакомыхъ между собою. За то показанія шестерыхъ казалинскихъ киргизъ совершенно сходились между собою. Всѣ они увѣряли, что учъ-учакская дорога вовсе непроходима для отряда, что разстояніе до Сардаба-куля около *160-ти верстъ*. А одинъ изъ нихъ, подъ именемъ Джаны-бай, увѣрялъ, что на его глазахъ мѣряли дорогу отъ Адамъ-крылгана до Сар-

---

(1) Для того, чтобы дать понятіе о томъ, какъ собирались всѣ приведенныя выше свѣдѣнія о дорогахъ, считаемъ не безъинтереснымъ привести показанія Султанъ-Мурада въ томъ самомъ видѣ, какъ они были представлены своевременно колонновожатымъ начальнику полеваго штаба. Бухарскій подданный Султанъ-Мурадъ ѣздилъ въ послѣдній разъ изъ Халъ-ата въ Учъ-учакъ, во время голода въ Бухарѣ, въ 1870 году, для покупки хлѣба въ Хивѣ. Путешествіе было сдѣлано въ маѣ мѣсяцѣ; съ нимъ шелъ караванъ съ табакомъ. Изъ Халъ-ата Султанъ-Мурадъ выѣхалъ въ 4 часа по-полудни и прибылъ на колодцы Адамъ-крылганъ около 10-ти часовъ вечера. Ѣхалъ онъ не по прямой дорогѣ, а чрезъ колодцы Магометъ-казганъ, расположенные въ сторонѣ отъ прямаго пути, среди большихъ песковъ, не доѣзжая 12-ти верстъ до Адамъ-крылгана. На Адамъ-крылганѣ онъ ночевалъ и оставался тамъ весь слѣдующій день, въ ожиданіи каравана и для пастьбы утомленной лошади. При закатѣ солнца, онъ, вмѣстѣ съ людьми каравана, сварилъ палау и обѣдалъ, а послѣ заката солнца, когда уже стало темнѣть, отправился дальше, одинъ, безъ каравана. Ѣхалъ всю ночь безъ остановки и прибылъ на Сардаба-куль при самомъ восходѣ солнца. Ѣхалъ онъ при этомъ на худой лошади, за которую заплатилъ всего 100 коканов (20 руб.); до Адамъ-крылгана онъ ѣхалъ обыкновеннымъ шагомъ; отъ Адамъ-крылгана же до Учъ-учака нѣсколько прибавилъ ходу и мѣстами шелъ переступью (ходою). Относительно слѣдованія каравана, который Султанъ-Мурадъ оставилъ на Адамъ-крылганѣ, онъ зналъ только, что караванъ поднялся съ Адамъ-крылгана на другой день на разсвѣтѣ и прибылъ въ Учъ-учакъ на слѣдующій день около 8 часовъ утра, сдѣлавъ по пути два привала; продолжительность этихъ приваловъ онъ не могъ объяснить. На обратномъ пути Султанъ-Мурадъ шелъ уже вмѣстѣ съ караваномъ. На каждомъ верблюдѣ было по 14-ти пудовъ пшеницы. Вышли они съ Учъ-учака, когда солнце уже поднялось высоко, надо полагать около 8 или 9 часовъ утра, и прибыли нѣсколько ранѣе намазъ-дигера (вечерній намазъ), т. е., надо полагать, около 5-ти часовъ по-полудни, къ пескамъ *Джатты-асу* (семь перекатовъ), гдѣ отдыхали и откуда поднялись около полуночи. Послѣ разсвѣта (надо полагать, около 5-ти часовъ утра), они снова сдѣлали привалъ до полудня, а затѣмъ прибыли на Адамъ-крылганъ ко времени намазъ-дигера. Все это составляетъ около 20-ти часовъ ходу, что, считая съ тяжело-нагруженными верблюдами по три версты въ часъ, составитъ около 60 верстъ. Отъ Адамъ-крылгана Султанъ-Мурадъ проѣхалъ обратно прямо въ Бухару, минуя Халъ-ата.

даба-куля и что одно это разстояніе было 107 верстъ. Джаны-бай говорилъ, будто, лѣтъ тому 15 назадъ, онъ служилъ проводникомъ бухарскимъ войскамъ, двигавшимся противъ Хивы. Эта послѣдняя выдумка Джаны-бая была тотчасъ-же опровергнута бухарскимъ посломъ Иссамединомъ, такъ какъ впродолженіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ не было никакихъ столкновеній между Бухарою и Хивою (1).

Хотя съ самаго начала было видно, что казалинскіе джигиты условились между собою и что показанія ихъ значительно преувеличены, однако въ данномъ положеніи отряда и эти показанія не могли не производить извѣстнаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что одновременно съ ними получено было еще одно данное относительно разстоянія до Амударьи, именно, 24-го апрѣля было опредѣлено астрономическое положеніе Халъ-ата; положеніе же Учъ-учака имѣлось на картѣ, по съемкѣ, произведенной при посольствѣ Игнатьева, въ 1858 году.

По этимъ опредѣленіямъ вышло отъ Халъ-ата до Учъ-учака, т. е. до берега рѣки, до 130 верстъ (2). Вотъ почему, послѣ долгихъ колебаній и рѣшеній, опредѣлено было, въ разсчетахъ о дальнѣйшемъ движеніи, принять разстояніе отъ Халъ-ата до Сардаба-куля за 120 верстъ, т. е. 40 верстъ до Адамъ-крылгана и отсюда до Сардаба-куля, по прямому пути, 80 верстъ.

Въ отрядѣ ходили даже слухи, что указываемое разстояніе было въ 200 и даже 240 верстъ. Слухи эти, конечно, не имѣли никакого вѣроятія, но они въ данномъ положеніи производили на всѣхъ извѣстнаго рода крайне тяжелое впечатлѣніе (3).

Итакъ, одно данное — разстояніе отъ Халъ-ата до Сардаба-куля въ 120 верстъ—имѣлось. Его предположено было пройти въ *три* перехода, и такъ какъ точно не извѣстно было, много-ли и сколько именно можно было имѣть воды на Адамъ-крылганѣ, то рѣшено было взять съ Халъ-ата воду на три дня.

Предстояло еще затѣмъ рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) сколько въ отрядѣ было наличнаго продовольствія; 2) въ какомъ количествѣ онъ располагалъ водоподъемными сосудами; 3) сколько при отрядѣ было всѣхъ тяжестей, и, наконецъ, 4) какими располагалъ онъ перевозочными средствами.

Для опредѣленія всѣхъ этихъ данныхъ, еще на ночлегѣ Учъ-кудукъ, 19-го апрѣля, особымъ приказомъ образована была коммисія, подъ предсѣдательствомъ полеваго интенданта. Къ 25-му апрѣля коммисія окончила возложенное на нее порученіе и выяснила слѣдующія данныя: провіанта въ отрядѣ имѣлось по 16-е мая; водоподъемныхъ средствъ въ войскахъ было 4043 ведра и годныхъ верблюдовъ—2412.

---

(1) Надо замѣтить, что впослѣдствіи, по мѣрѣ движенія впередъ, Джаны-бай началъ уменьшать показанныя имъ разстоянія, а когда вышли къ Аму-дарьѣ, то онъ сознался, что его научили нарочно показывать преувеличенныя разстоянія, будто-бы для того, чтобы этимъ заставить насъ брать съ собою больше воды. Что побудило находившихся при казалинской колоннѣ джигитовъ заключить этотъ, такъ-сказать, заговоръ противъ принятаго направленія, трудно объяснить; слѣдуетъ замѣтить только, что ими руководилъ киргизъ Казалинскаго уѣзда Умбетъ, бывшій два года передъ этимъ подъ слѣдствіемъ за сношенія съ хивинскимъ ханомъ, но оправданный и прощенный.

(2) Въ настоящее время извѣстно, что въ упомянутой съемкѣ была большая ошибка и что Аму-дарья въ этомъ мѣстѣ, около урочища Учъ-учакъ, была на прежнихъ картахъ показана болѣе 20 верстъ западнѣе настоящаго ея положенія.

(3) 25-го апрѣля переводчикъ главнаго начальника, И. И. Ибрагимовъ, сообщилъ, что онъ отъ одного верблюдовожатаго узналъ, будто изъ Халъ-ата на Аму-дарью существуетъ еще другая дорога, ведущая на урочище Кукерткли, расположенномъ на Аму, въ трехъ переходахъ выше Учъ-учака. Лаучъ этотъ былъ тотчасъ-же опрошенъ, при чемъ оказалось, что собственно дороги въ этомъ направленіи нѣтъ, но что можно, по густорасположеннымъ колодцамъ, добраться до ключей *Кукъ-ичме*, которые находятся на большой бухаро-кукерткликской караванной дорогѣ. До Кукъ-ичме большихъ песковъ нѣтъ; но отсюда до Амударьи дорога проходитъ чрезъ сыпучіе при-аму-дарьинскіе пески, и разстояніе это, по словамъ лауча, одинъ обыкновенный переходъ. На Кукъ-ичме грунтовая вода такъ близка, что каждый проходящій караванъ роетъ себѣ колодцы. Хотя, конечно, заявленіе этого туземца не могло повліять на принятое уже рѣшеніе, но имъ нельзя было совершенно пренебрегать, а потому тотчасъ-же были посланы четыре джигита для изслѣдованія указаннаго пути. Двумъ изъ нихъ было приказано возвратиться съ Кукъ-ичме, а двумъ слѣдовать далѣе, на сколько будетъ можно. Какъ увидимъ ниже, по показаніямъ джигитовъ, путь этотъ оказался невозможнымъ.

Очевидно было, что, съ имѣющимися на лицо водоподъемными и перевозочными средствами, всему отряду, въ одинъ разъ, нельзя было подняться съ Халъ-ата, для движенія къ Аму-дарьѣ. Часть отряда, а также всѣ тяжести, безъ которыхъ можно было обойтись на первыхъ порахъ, приходилось оставить на Халъ-ата, въ укрѣпленіи, постройка котораго окончилась къ 26-му апрѣля. Такъ какъ закладка укрѣпленія на урочищѣ Халъ-ата произведена была 23-го апрѣля, то оно и было наименовано укрѣпленіемъ Св. Георгія (1). 26-го числа, въ 7 часовъ утра, совершено было, послѣ молебствія съ водосвятіемъ, освященіе и поднятіе флага на укрѣпленіи. При поднятіи флага произведенъ былъ салютъ изъ двухъ орудій, постановленныхъ на барбетахъ, а затѣмъ командующій войсками пропустилъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ команды отъ всѣхъ частей отряда, участвовавшихъ въ походѣ, и всю 3-ю роту 2-го туркестанскаго линейнаго баталіона, которая назначена была въ составъ гарнизона вновь возведеннаго укрѣпленія. На вооруженіе укрѣпленія Св. Георгія поступили двѣ облегченныя 12-ти фунтовыя пушки, слѣдовавшія до Халъ-ата на верблюдахъ, при походномъ артиллерійскомъ паркѣ. На каждое орудіе имѣлось по 200 зарядовъ; артиллерійской прислуги при орудіяхъ оставлено было 13 человѣкъ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, выработанныхъ вышеупомянутою коммисіею, составленъ былъ планъ движенія части туркестанскаго отряда къ Аму-дарьѣ. Рѣшено было: изъ всего состава отряда направить къ Аму-дарьѣ 12 ротъ, 5 сотень, ракетную батарею, конную батарею, горный дивизіонъ и скорострѣльный взводъ.

Отрядъ этотъ долженъ былъ двигаться налегкѣ, оставивъ въ Халъ-ата залишнія тяжести и имѣя съ собою воду на три дня. При отрядѣ назначено было слѣдовать части артиллерійскаго парка (2), понтонамъ и половинѣ походнаго лазарета. Для облегченія марша по глубокимъ пескамъ, для людей взяли по одному верблюду на четыре человѣка. Остальныя затѣмъ 6 ротъ пѣхоты (за исключеніемъ роты, оставленной въ гарнизонѣ укрѣпленія Св. Георгія), 4-хъ фунтовой остальной дивизіонъ, взводъ 9-ти-фунтовыхъ пушекъ, сотня казаковъ, части артиллерійскаго парка и части отряднаго лазарета должны были временно остаться на урочищѣ Халъ-ата. По выходѣ боевой колонны на Аму-дарью и по очисткѣ мѣстности между Халъ-ата и Учъ-учакомъ отъ непріятельскихъ шаекъ, предполагалось выслать обратно въ Халъ ата верблюдовъ и водоподъемные сосуды и передвинуть на театръ дѣйствій оставленныя на Халъ-ата части съ тяжестями и съ запасами провіанта (3).

Въ числѣ 12-ти ротъ боевой колонны были назначены: саперная рота, роты 1-го и 3-го и двѣ роты 4-го туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ; двѣ роты 2-го, двѣ

---

(1) По длинѣ линіи огня, укрѣпленіе соотвѣтствовало гарнизону въ 200 человѣкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно вмѣщало въ себѣ: артиллерійскій, провіантскій, небольшой инженерный склады и лазаретъ на 30 мѣстъ. Внутри укрѣпленія находились ключи, выходящіе изъ пещеры, и бассейны, въ которыхъ собиралась вода изъ ключей. По гребню холма протянута была, на западной его сторонѣ, траншея для стрѣлковъ; она спускалась на сѣверо-востокъ и на югъ, образовывая два фаса укрѣпленія. Къ траншеѣ примкнутъ былъ полевой профили брустверъ, которымъ, въ направленіи къ развалинамъ мулушки, обнята трапеціальная площадь въ 650 кв. саж. Бока трапеціи составляли 4 фаса. Такимъ образомъ, укрѣпленіе имѣло форму сомкнутаго шестиугольника—редута. Въ южномъ и сѣверо-восточномъ углахъ его устроены были барбеты, для одного орудія на каждомъ. Въ восточной отлогости холма вырыли для артиллерійскаго склада ровъ, изъ котораго вывели необходимыхъ размѣровъ галлереи—погребки; крѣпко сложившійся, суглинистый грунтъ позволялъ исполнить эту работу. На самой вершинѣ холма устроена была сторожевая башня, на которой развѣвался русскій флагъ.

(2) Походный артиллерійскій паркъ былъ раздѣленъ въ укрѣпленіи св. Георгія на двѣ части. Одна часть отправилась съ передовымъ эшелономъ, только съ однимъ количествомъ зарядовъ и патроновъ для войскъ, назначенныхъ въ передовую боевую колонну; остальное же имущество артиллерійскаго парка было оставлено въ складахъ укрѣпленія св. Георгія и должно было слѣдовать далѣе впослѣдствіи при войскахъ, временно оставленныхъ въ названномъ укрѣпленіи.

(3) Вторая половина большаго интендантскаго транспорта должна была подойти на урочище Халъ-ата 1-го мая, а слѣдующій затѣмъ транспортъ, съ довольствіемъ на 30 дней, ожидался въ Халъ-ата къ 10-му мая. Такимъ образомъ, остающіяся на Халъ-ата части были обезпечены провіантомъ на значительное время.

роты 4-го и одна (стрѣлковая рота) 8-го туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ. Начальникомъ передовой колонны былъ назначенъ генералъ-маіоръ Головачовъ.

Въ Халъ-ата были оставлены: двѣ роты 2-го, столько-же ротъ 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ и двѣ роты 8-го линейнаго баталіона. Начальство надъ оставленными въ Халъ-ата войсками было поручено командиру 2-го стрѣлковаго баталіона, полковнику Веймарну.

Въ передовой колоннѣ, назначенной для выступленія къ Аму-дарьѣ, по опредѣленію коммисіи, имѣлось: тяжестей—4515 пуд., провіанта по 16-е мая—2759 пуд., число людей—2553, лошадей—480 (1). Имѣвшихся въ отрядѣ водоподъемныхъ средствъ—4043 ведра должно было достать на эту колонну, а именно: на 2553 человѣка пѣхоты и артиллеріи, считая по $^1/_3$ ведра въ сутки, требовалось на три дня 2553 ведра; затѣмъ на лошадей оставалось 1490 ведеръ, т. е. на каждую по одному ведру въ день и еще 50 ведеръ на утечку и усушку. Какъ оказалось, однако, на опытѣ, на утечку взято было въ разсчетъ слишкомъ малое количество ведеръ. Сильный жаръ, неудовлетворительность турсуковъ, ссыханіе ведеръ и баклагъ — все это значительно усилило утечку и усушку воды противъ предположенія и, вслѣдствіе этого, вышеприведенный разсчетъ воды оказался недостаточнымъ на трехдневную пропорцію.

Всѣхъ тяжестей, включая и воду, оказалось 11.317 пудовъ. Для передвиженія передовой колонны на Аму-дарью требовалось: на подъемъ всѣхъ войсковыхъ тяжестей, провіанта и воды—1415 верблюдовъ, на артиллерійскій паркъ (2075 пудовъ)—260 верблюдовъ, на подъемъ понтоновъ—50 верблюдовъ, на 2170 человѣкъ пѣхоты, на четырехъ человѣкъ одинъ верблюдъ—543 верблюда; для походнаго лазарета—150 верблюдовъ, итого—2418 верблюдовъ. Кромѣ того, въ запасъ, полагая 10%, требовалось еще 242; всего 2660 верблюдовъ, при 380 лаучахъ, считая по одному на 7 верблюдовъ.

Но такъ какъ при отрядѣ имѣлось всего 2412 годныхъ верблюдовъ, то пришлось уменьшить число верблюдовъ, назначенныхъ для поднятія пѣхоты. На самомъ-же дѣлѣ, какъ дальше увидимъ, падежъ верблюдовъ во время движенія съ Халъ-ата былъ такъ великъ, что ихъ не достало не только для перевозки пѣхоты, но пришлось даже оставить по пути части войскъ и бо́льшую половину тяжестей.

Весьма важное условіе для благополучнаго и успѣшнаго перехода отъ Халъ-ата къ Учъ-учаку было то, что, по всѣмъ имѣвшимся свѣдѣніямъ, ожидали найти воду въ достаточномъ количествѣ на Адамъ-крылганѣ. Если это оказалось бы вѣрнымъ, то собственно безводный путь къ Амударьѣ сокращался для отряда на 40 верстъ разстоянія между Халъ-ата и Адамъ-крылганомъ. Если бы при этомъ верблюды были сильные, здоровые и не падали бы въ томъ ужасающемъ размѣрѣ, какъ они повалились на переходѣ къ Адамъ-крылгану, то отрядъ могъ, съ имѣвшимися водоподъемными средствами, выполнить планъ передвиженія на Аму, по сдѣланному разсчету, въ трое сутокъ, т. е. день до Адамъ-крылгана и два дня отъ него до Сардаба-куля. На дѣлѣ, какъ увидимъ, вышло иначе. Крайне неудовлетворительное состояніе вьючнаго обоза и неожиданно-усиленный (2) падежъ верблюдовъ измѣнили всѣ разсчеты, привели отрядъ въ критическое положеніе и едва не были причиной гибели его и всего дѣла.

Такъ какъ сокращеніе безводнаго перехода къ Аму-дарьѣ

(1) За исключеніемъ кавалеріи.

(2) Употребляемъ выраженіе *неожиданно-усиленный* потому, что дѣйствительно никакъ нельзя было ожидать такого падежа верблюдовъ. На урочищѣ Халъ-ата отрядъ простоялъ цѣлую недѣлю. Во все это время верблюды не имѣли никакой работы и отдыхали; кормъ для нихъ, хотя и неизобильный, все-таки же былъ въ то время; воды они пили сколько хотѣли. Казалось-бы, что всѣ эти условія поправятъ нашихъ верблюдовъ и они сдѣлаютъ переходъ къ Аму-дарьѣ болѣе или менѣе удовлетворительно. Ожиданія эти, къ несчастію, не сбылись. Съ первыхъ же шаговъ движенія отъ Халъ-ата верблюды начали валиться, и чѣмъ дальше отрядъ углублялся въ песчаную пустыню, тѣмъ все болѣе и болѣе таялъ нашъ вьючный обозъ

на 40 слишкомъ верстъ составляло дѣло первостепенной важности, то рѣшено было, предварительно движенія всей боевой колонны, выдвинуть съ Халъ-ата на Адамъ-крылганъ передовой эшелонъ ея. На него возложена была обязанность: если дѣйствительно грунтовая вода на Адамъ-крылганѣ не глубока, то, немедленно же отрывъ на этомъ урочищѣ возможно-большее число колодцевъ, выждать тамъ прибытія съ Халъ-ата остальныхъ частей боевой колонны.

Жара въ это время, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе усиливалась; надо было ожидать наступленія еще бо́льшихъ жаровъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ переходъ чрезъ песчаную пустыню, отдѣлявшую въ данное время туркестанскія войска отъ Аму-дарьи, съ каждымъ днемъ дѣлался болѣе труднымъ. Приходилось, слѣдовательно, торопиться выступленіемъ боевой колонны съ Халъ-ата. Какъ только утвержденъ былъ командующимъ войсками планъ дальнѣйшаго движенія и назначены войска въ боевую колонну, бивакъ на Халъ-ата замѣтно оживился. Начались приготовленія къ походу; въ лагерѣ, по разговорамъ и настроенію духа между солдатами, можно было тотчасъ-же опредѣлить, какая часть войскъ идетъ въ походъ и которая остается на мѣстѣ. Радостныя, озабоченныя лица, веселый смѣхъ, разныя прибаутки слышались въ тѣхъ мѣстахъ лагеря, гдѣ войска собирались въ походъ, и, наоборотъ, тишина и безмолвіе царили среди частей войскъ, оставляемыхъ на Халъ-ата. Самая дѣятельная и оживленная работа шла около ключей, резервуаровъ съ водою и около колодцевъ; тамъ наливались водою для похода турсуки, бочки, баклаги и прочіе водоподъемные сосуды; въ это же время переносились изъ лагеря въ укрѣпленіе остававшіяся на Халъ-ата тяжести, принимались провіантъ, верблюды и прочее. Работа кипѣла, особенно въ частяхъ войскъ, назначенныхъ въ передовой эшелонъ боевой колонны, выступленіе котораго назначено было съ разсвѣтомъ 27-го апрѣля.

Въ составъ этого эшелона назначены были: 2 роты 1-го стрѣлковаго баталіона, рота саперъ, 4 горныя и 2 скорострѣльныя орудія; начальство надъ эшелономъ ввѣрено было генералъ-маіору Бардовскому. При колоннѣ слѣдовалъ начальникъ инженеровъ полковникъ Шлейферъ и въ распоряженіе генерала Бардовскаго были назначены: генеральнаго штаба подполковникъ Тихменевъ, баронъ Каульбарсъ и артиллеріи подполковникъ Ивановъ. Ему поручено было развѣдываніе о непріятелѣ и сборъ свѣдѣній о дорогѣ. Для выполненія этой задачи подполковнику Иванову подчинены были всѣ, бывшіе при колоннѣ генерала Бардовскаго, джигиты. Подполковникъ Тихменевъ командированъ былъ для исполненія обязанностей офицера генеральнаго штаба при войскахъ, а для завѣдыванія топографическими работами— генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Каульбарсъ. Генералъ-маіору Бардовскому предписывалось, по прибытіи къ Адамъ-крылгану, тотчасъ-же донести на Халъ-ата о пройденномъ пути и о состояніи отряда; то же самое сдѣлать и раньше, съ большаго привала. Затѣмъ приступить къ отысканію колодцевъ, отрытію и очисткѣ имѣвшихся и къ отысканію мѣстъ, гдѣ можно найти воду и вырыть новые колодцы. Для этого дѣла рекомендовалось употребить всю энергію и всѣ наличныя средства. О результатѣ изслѣдованія о колодцахъ и о работахъ ихъ, генералу Бардовскому предложено было немедленно послать джигита съ донесеніемъ на Халъ-ата. Донесеніе это должно было быть возможно обстоятельнѣе, такъ какъ на основаніи его предполагалось сдѣлать всѣ распоряженія о движеніи послѣдующихъ частей войскъ. Въ предписаніи генералъ-маіору Бардовскому обращалось его вниманіе: 1) чтобы колонна воспользовалась бывшими тогда свѣтлыми лунными ночами, дабы пройти бо́льшую часть перехода до Адамъ-крылгана до наступленія жары; во время самаго сильнаго зноя, съ 10 час. утра до 4-хъ дня, предложено было сдѣлать отряду большой привалъ, а затѣмъ снова продолжать движеніе до ночлега, и 2) чтобы колонна двигалась и располагалась при

остановкахъ со всѣми военными предосторожностями, такъ какъ, по всѣмъ даннымъ и имѣвшимся свѣдѣніямъ, непріятель былъ близко и значительныя силы его въ это время расположились уже на Учъ-учакѣ, съ цѣлью преградить туркестанскому отряду выходъ на Аму-дарью. Отрядъ генерала Бардовскаго былъ снабженъ водою на 5 дней, для того, что, въ случаѣ, если бы рытье колодцевъ не имѣло успѣха, то войскамъ достало воды для дальнѣйшаго слѣдованія. Порученіе, данное авангардной колоннѣ, было весьма важно, и удачное его исполненіе, очевидно, должно было имѣть серьезное вліяніе на успѣхъ всего дѣла, а потому передовую колонну снабдили всѣмъ необходимымъ и полнымъ числомъ верблюдовъ, полагая 10% запасныхъ.

Остальныя части боевой колонны, въ составѣ 4-хъ ротъ стрѣлковъ, 5-ти линейныхъ ротъ, 8 конныхъ орудій и полусотни казаковъ, должны были выступить на Адамъ-крылганъ 30-го апрѣля. По соединеніи съ отрядомъ генерала Бардовскаго, боевая колонна, пополнивъ на Адамъ-крылганѣ запасы воды, должна была произвести движеніе отъ Адамъ-крылгана къ Аму-дарьѣ въ одинъ переходъ, съ тремя большими привалами, отъ 6 до 7 часовъ каждый, и съ нѣсколькими малыми. Кавалерію отряда и ракетную батарею предполагалось перевести отъ Халъ-ата до Аму-дарьи отдѣльно отъ боевой колонны; выступленіе кавалеріи съ Халъ-ата назначено было съ такимъ разсчетомъ, чтобы она нагнала боевую колонну на половинѣ перехода между Адамъ-крылганомъ и Сардаба-кулемъ (1).

Такимъ образомъ приходила къ концу наша стоянка на Халъ-ата, которая, конечно, запечатлѣлась въ памяти каждаго. Самая непріятная ея сторона заключалась въ томъ, что урочище Халъ-ата открыто со стороны большихъ песковъ, наносящихся сюда дѣйствіемъ вѣтра. Здѣсь постоянно господствуютъ бури и песчаные ураганы. По временамъ, какъ это въ особенности было въ ночь съ 24-го на 25-е апрѣля, порывы песчаныхъ бурановъ на столько сильны, что, не говоря уже о солдатскихъ переносныхъ палаткахъ, которыя шквалами вѣтра совершенно истрепывались, даже и болѣе прочно установленныя офицерскія палатки, юламейки и кибитки подвергались опасности быть снесенными ураганомъ.

Испытавшіе на опытѣ большія непріятности крушенія отъ бури еще на Нурекѣ (первый ночлегъ отъ р. Клы, въ предгорьяхъ Нуратынскихъ горъ) Его Императорское Высочество Князь Евгеній Максиміліановичъ и состоявшій при немъ полковникъ фонъ-Мейеръ обезопасили себя, во время стоянки на Халъ-ата, отъ непривѣтливаго и опаснаго дѣйствія тебата, расположивъ юламейки въ значительномъ углубленіи, нарочно для этого вырытомъ. Туземцы говорили, будто на Халъ-ата обыкновенно семь дней подъ-рядъ дуетъ вѣтеръ, а затѣмъ слѣдующіе семь дней бываетъ затишье. На сколько это справедливо, неизвѣстно; но если только это вѣрно, то туркестанцамъ, слѣдовательно, очень не посчастливилось: они попали на Халъ-ата какъ разъ на седьмой день затишья; все же время пребыванія отряда на этомъ урочищѣ, съ 22-го по 30-е апрѣля, здѣсь господствовали постоянные песчаные бураны, отъ которыхъ всѣ очень страдали; особенно болѣзненно тебатъ дѣйствовалъ на глаза.

Такимъ образомъ, не смотря на остальныя удобства, представляемыя урочищемъ Халъ-ата, стоянка на этомъ мѣстѣ оставила во всѣхъ весьма непріятное впечатлѣніе. Части боевой колонны, уходя съ Халъ-ата, искренно сожалѣли товарищей, которымъ достался тяжелый жребій временно еще оставаться на этомъ непривѣтливомъ мѣстѣ. Особенно тяжело было за тѣ войска, которымъ судьба предопредѣлила быть въ составѣ гарнизона укрѣпленія Св. Геор-

(1) Кавалерія не была взята съ отрядомъ, потому что переходы по пескамъ она могла сдѣлать гораздо легче одна, отдѣльно отъ пѣхоты съ артиллеріею и съ вьючнымъ обозомъ, а также и потому, что, по наличному количеству водоподъемныхъ средствъ, ее нельзя было обезпечить водою на трехдневный переходъ отъ Халъ-ата къ Сардаба-кулю.

гія. На ихъ долю выпалъ дѣйствительно тяжелый жребій: они жили на Халъ-ата впродолженіе всего хивинскаго похода. Но не было, нѣтъ и не будетъ такого удѣла, такого труда и тяжкаго жребія, котораго бы, съ честью, твердостью и достоинствомъ, не перенесли офицеръ и солдатъ русской арміи.

Всѣ распоряженія, сдѣланныя до выступленія головной колонны съ Халъ-ата къ Адамъ-крылгану, клонились къ тому, чтобы, сколько возможно, приготовиться ко всѣмъ случайностямъ предстоявшаго труднаго перехода. Въ этомъ смыслѣ были приняты всѣ мѣры, какія оказались возможными въ данной обстановкѣ и при данныхъ средствахъ.

27-го апрѣля, въ 4 часа по-полудни, выступила съ Халъ-ата головная колонна генералъ-маіора Бардовскаго въ слѣдующемъ порядкѣ: разъѣздъ изъ восьми джигитовъ, вооруженныхъ туземными саблями; при разъѣздѣ слѣдовали подполковники: артиллеріи—Ивановъ и генеральнаго штаба—Тихменевъ (1) съ четырьмя казаками; въ полуверстѣ назади—патруль изъ восьми казаковъ сборной сотни (конвойная командующаго войсками) съ хорунжимъ Черенжаловымъ; въ верстѣ за патрулемъ—взводъ 1-й роты 1-го стрѣлковаго баталіона, составлявшій авангардъ; за авангардомъ—остальныя части, прикрывавшія вьючный обозъ.

Командующій войсками провожалъ отрядъ около восьми верстъ и, пропустивъ его, вернулся въ Халъ-ата.

Непріятель нигдѣ не показывался; ровная, гладкая площадь впереди, высоты по сторонамъ и за горизонтомъ были совершенно пусты. Солнце зашло; отрядъ вступилъ на мѣстность, пересѣченную невысокими барханами, покрытыми саксауломъ. Дорога, извиваясь по волнистой мѣстности, сдѣлалась труднѣе и болѣе песчаною. Впереди видно было только на самое близкое разстояніе. Было уже темно, когда подполковники Ивановъ и Тихменевъ увидѣли, шагахъ въ полутораста впереди, конныхъ людей, неожиданно показавшихся изъ-за бархана. Не было сомнѣнія, что это былъ непріятель. Тихменевъ и Ивановъ остановились, слѣзли съ лошадей и приказали казакамъ спѣшиться и сбатовать коней. Но едва они успѣли слѣзть и снять съ плечъ ружья, какъ толпа, скрывавшаяся до того времени за барханомъ, бросилась на нихъ и, на самомъ близкомъ разстояніи, сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ. Казакамъ былъ отданъ приказъ стрѣлять только въ упоръ. Раненые при первомъ же натискѣ, они не потеряли присутствія духа и били, дѣйствительно, только тѣхъ, которые подскакивали къ нимъ подъ самое дуло. Тихменевъ и Ивановъ, стрѣлявшіе изъ револьверовъ, были ранены: Тихменевъ—въ голову (рубленнымъ свинцомъ, тремя кусками), Ивановъ—пулями въ руку и ногу. Джигита, державшаго лошадей, прострѣлили пулями и сильно порубили; другой также опасно раненъ пулей. Положеніе этой небольшой горсти людей было критическое. Непріятель видѣлъ это и насѣдалъ дружно, но въ шашки броситься не рѣшался. Въ эту минуту къ отбивавшимся подоспѣла подмога: хорунжій Черенжаловъ, ѣхавшій съ восьмью казаками въ авангардѣ, услышавъ впереди выстрѣлы, поскакалъ на перестрѣлку. Завидѣвъ непріятеля, онъ крикнулъ „ура“ и, озадачивъ противника, безпрепятственно присоединился къ Тихменеву и Иванову. Только тогда непріятель замѣтилъ, какъ слаба прибывшая помощь; онъ снова сомкнулъ кругъ и продолжалъ перестрѣливаться, но на этотъ разъ уже не такъ близко. Первые выстрѣлы едва были слышны въ колоннѣ; тѣмъ не менѣе она тотчасъ была остановлена, чтобы дать возможность стянуться верблюдамъ, а взводъ стрѣлковъ, усиленный еще другимъ взводомъ, отправлены были бѣгомъ на выручку казакамъ. По приближеніи стрѣлковъ, сдѣлавшихъ по непріятелю нѣсколько выстрѣловъ, послѣдній удалился. При первыхъ выстрѣлахъ нападавшей партіи, у насъ убѣжало шесть лошадей,

(1) Подполковникъ Ивановъ завѣдывалъ собственно проводниками въ туркестанскомъ отрядѣ. Подполковникъ Тихменевъ исполнялъ обязанность офицера генеральнаго штаба въ колоннѣ генерала Бардовскаго.

попавшихъ въ руки непріятеля (1). Послѣдній понесъ также убыль въ лошадяхъ: три убито, шесть ранено. Потеря непріятеля въ людяхъ неизвѣстна. Нужно отдать хивинцамъ полную справедливость: они отлично подхватываютъ раненыхъ и увозятъ убитыхъ.

Нападеніе было произведено на 18 верстѣ отъ Халъ-ата. Нападавшихъ было около полутораста человѣкъ. Такъ какъ раненымъ необходима была медицинская помощь, а главное, въ потемкахъ, въ присутствіи непріятеля, рискованно было двигаться, то генералъ-маіоръ Бардовскій рѣшился ночевать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была перестрѣлка.

Ночь была тихая и прохладная; свѣтила луна. Тотчасъ построили каре: наружныя линіи—изъ верблюжьихъ вьюковъ, за ними—составленныя ружья и мѣсто для ночлега людей, далѣе—улегшіеся верблюды,—и ночлегъ отряда готовъ. Солдаты набрали саксаула, разложили костры и группами расположились у огня надъ своими чайниками; другіе толпились у взятыхъ непріятельскихъ лошадей. Тутъ-же лежали раненые казаки и джигиты, которымъ дѣлали перевязку.

Всѣ четыре казака, находившіеся при Тихменевѣ и Ивановѣ, были ранены; одинъ изъ нихъ тяжело, съ раздробленіемъ берцовой кости. Между ранеными джигитами былъ отрядный проводникъ, который жестоко изуродованъ (2).

Раненые по временамъ стонали. Подалъ отъ нихъ, на большомъ разостланномъ коврѣ, лежали человѣкъ восемь офицеровъ, пившихъ чай. Правѣе, тоже на раскинутомъ коврѣ, передъ зажженной свѣчкой, сидѣлъ Ивановъ. Докторъ, стоявшій возлѣ, на колѣняхъ, осматривалъ его окровавленную руку. Вокругъ этой группы толпились любопытные; каждому хотѣлось узнать отъ Иванова подробности дѣла и посмотрѣть рану. Кромѣ раны въ рукѣ, у него было задѣто пулей колѣно, но счастливо (3). Бивакъ долго освѣщался огнями; люди не спали за-полночь. То тамъ, то здѣсь, слышались распоряженія на счетъ воды: —„Смотри, Иванъ, дай лошади полведра: еще Богъ знаетъ, найдемъ-ли воду на Адамъ-крылганѣ“.—„Положить турсуки вотъ здѣсь, зарыть и смотрѣть въ оба. Ляжемъ спать, чтобы турсуки были въ серединѣ“.—„Что, осталось въ турсукѣ воды? Это завтра на чайникъ“.

Каждая капля воды усчитывалась. Пили сколько можно, а не сколько хотѣлось. Большинство, еще съ Халъ-ата, приготовило себѣ бутылку - двѣ съ чаемъ.

Около двухъ часовъ ночи, съ 27-го на 28-е апрѣля, на Халъ-ата было получено донесеніе генералъ-маіора Бардовскаго о случившемся; при чемъ послѣдній просилъ выслать врача для принятія раненыхъ, а также новаго проводника взамѣнъ убитаго.

Командующій войсками, тотчасъ-же по полученіи извѣстія, выслалъ три сотни и ракетную батарею, подъ начальствомъ подполковника Главацкаго, которому и приказалъ дойти до отряда генералъ-маіора Бардовскаго, принять раненыхъ и отправить ихъ, подъ конвоемъ одной сотни, въ Халъ-ата; съ остальными двумя сотнями ему предписано было пройти до Адамъ-крылгана и оттуда произвести нѣсколько развѣ-

---

(1) У подполковника Тихменева убита лошадь, а при быстромъ спѣшиваніи разъѣзда вырвались двѣ заводныя лошади Иванова и Тихменева и три джигитскія. Съ заводными лошадьми достались непріятелю сѣдла, а также вьюкъ подполковника Иванова, въ которомъ, между прочимъ, было и форменное пальто. Любопытно, что послѣднее, безъ пуговицъ и погоновъ, найдено было впослѣдствіи въ занятой нами Хивѣ, во дворцѣ хана, въ комнатѣ, гдѣ сохранялись самыя дорогія его вещи, а пуговицы и погоны отъ этого пальто оказались впослѣдствіи на одной туркменской фурѣ, въ день пораженія туркменовъ 17-го іюля.

(2) Проводникъ Молда-бай получилъ пять ранъ пулями и двѣ шашкою; послѣднія были особенно тяжелыя. Молда-бай не издавалъ ни малѣйшаго стона, не показывалъ вида, что онъ страдаетъ, и только по временамъ тяжело вздыхалъ Онъ скоро впалъ въ безпамятство и умеръ. Отецъ Молда-бая, присутствовавшій при кончинѣ сына, далъ клятву отомстить туркменамъ, и впослѣдствіи, въ схваткѣ съ ними, онъ собственноручно изрубилъ пятерыхъ враговъ.

(3) 28-го числа, передъ вечеромъ, раненые были привезены въ лагерь на Халъ-ата, за исключеніемъ подполковника Тихменева, который, по легкости и незначительности раны, остался въ строю. Подполковникъ Ивановъ долженъ былъ остаться въ Халъ-ата, для излеченія раны.

докъ въ стороны отъ колодцевъ, для очищенія мѣстности отъ непріятельскихъ шаекъ.

Съ кавалеріею подполковника Главацкаго отправленъ былъ, для перевозки въ Халъ-ата раненыхъ, единственный въ отрядѣ тарантасъ командующаго войсками, а также докторъ Величковскій и фельдшеръ. Съ Главацкимъ же посланы были въ отрядъ генерала Бардовскаго знаки отличія военнаго ордена всѣмъ раненымъ казакамъ и джигитамъ.

На другой день, часовъ въ десять утра, отрядъ генералъ-маіора Бардовскаго выступилъ изъ бивака.

Верстахъ въ шести отъ ночлега, колонну догнали сотни подполковника Главацкаго, который, отправивъ раненыхъ, подъ прикрытіемъ сотни, въ Халъ-ата, продолжалъ движеніе на Адамъ-крылганъ.

На двадцатой верстѣ находится колодезь Ащи-кудукъ (горькій колодезь), на урочищѣ Акъ-ташъ (бѣлый камень)([1]). Отъ него характеръ мѣстности измѣняется. Дорога вступаетъ въ раіонъ большихъ, сыпучихъ, такъ-называемыхъ переносныхъ песковъ. Рѣдкій саксаулъ и джида покрываютъ песчаные бугры, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ десяти саженъ высоты. Мѣстность, съ удаленіемъ отъ Акъ-таша, значительно подымается. Поэтому отрядъ двигался весьма медленно. Артиллерія на подъемахъ вывозилась съ помощью людей.

На время самой жары сдѣлали привалъ и людямъ роздали воды, въ которой они сильно нуждались. День былъ очень жаркій: Реомюръ показывалъ въ тѣни 33 градуса. Въ такой жаръ можно только лежать въ тѣни; идти же, и притомъ съ какою-нибудь ношей, почти невозможно.

Съ привала, тѣмъ же порядкомъ, двинулись впередъ. Однообразно-томительно тянулась для отряда верста за верстою. Все тѣ же печальныя картины кругомъ; все тяжелѣе и тяжелѣе путь, серьезнѣе затрудненія.

Медленно, но ровнымъ, твердымъ шагомъ двигаются люди; крупный потъ каплетъ съ ихъ блѣдныхъ, усталыхъ лицъ; ноги тонутъ въ пескѣ; солнце жжетъ головы; мѣшечки за плечами, манерки и у нѣкоторыхъ бутылки съ боку, ружье — ко всему этому привыкъ солдатъ: онъ бодро шагаетъ впередъ. На желтомъ фонѣ песковъ двигаются бѣлыя шапки, рубашки, сверкаютъ штыки. За людьми также медленно тянутся орудія, издавая глухой гулъ. Лошади въ мылѣ; имъ помогаютъ лямками. Но прошли люди, проѣхали орудія и за ними показалась вереница верблюдовъ; на переднемъ сидитъ лаучъ, держащій арканъ, привязанный къ носу животнаго; къ хвосту этого послѣдняго прикрѣпленъ арканъ, который тянетъ за носъ сзади идущаго, и т. д. Верблюды эти навьючены бочками; слышно, какъ въ нихъ плещется вода.

„Вотъ жизнь наша“,—разсуждаетъ ближайшій изъ спутниковъ верблюдовъ, философъ-резонеръ:—„отъ какой случайности она зависитъ? Упадетъ неловко верблюдъ, разсыплется бочка, другая—и пол-роты лишится чаю именно въ ту минуту, когда безъ него обойтись невозможно“. Но верблюды съ бочками, переваливаясь съ боку на бокъ, благополучно проходятъ далѣе. За ними тянется инженерный паркъ: желѣзныя, выкрашенныя красной краской, кауфманки ([2]), мостовая настилка, штурмовыя лѣстницы, кетмени, брусковое желѣзо — все это разсортировано, верблюды подобраны сообразно тяжестямъ. За паркомъ—запасные верблюды, на которыхъ по два и по одному сидятъ солдаты. Оригинально видѣть качающуюся фигуру, съ ружьемъ въ рукахъ, взгромоздившуюся на самое неуклюжее, неповоротливое животное.

Остальной обозъ не представляетъ такого однообразія. Вотъ тянется вьюкъ за вьюкомъ: два сартовскихъ сундука, завернутыхъ въ кошму, узлы, коржумы ([3]), чемоданъ,

([1]) Акъ-ташъ находится на границѣ бухарскихъ и хивинскихъ владѣній. Вода въ колодцѣ негодна даже для верблюдовъ.

([2]) Желѣзныя лодки, сдѣланныя къ походу въ мастерскихъ Аральской флотиліи, по мысли и чертежамъ генерала Кауфмана.

([3]) Переметныя сумки.

ящикъ, вѣроятно съ ячменемъ, сверху всего кресло изъ чернаго бука, какіе-то мѣшки, мѣшечки, старая солдатская шинель, палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, чайникъ, ведра, два бока палатки, опять два сартовскихъ сундука, наверху турсукъ, привязанный недоуздкомъ, два разныхъ котла, тренога, кетмень, и т. д. По дорогѣ небольшой пригорокъ; при спускѣ съ него, передній верблюдъ ускоряетъ шагъ; задній, не успѣвшій пойти такъ же скоро, сильно потянулся и закричалъ: арканъ, привязанный къ носу, лопнулъ. „Тохта!“ (стой) кричатъ лаучу, идущему далеко впереди. Вся вереница (10—15 верблюдовъ) останавливается; оторвавшагося снова привязываютъ и снова трогаются впередъ. Далѣе тоже произошла остановка: уставшій верблюдъ остановился и легъ. Стали тянуть за носъ, кричать, бить нагайкой—ничего не помогаетъ; бѣдное, истощенное животное испускаетъ жалобный ревъ и не двигается съ мѣста. Привели другаго верблюда, положили, навьючили вьюкомъ съ упавшаго, привязали въ линію и тронулись. Приставшій не могъ встать даже безъ вьюка. Онъ такъ и остался лежать на дорогѣ, въ ожиданіи скораго конца. Многіе верблюды пали; только имѣвшійся запасъ далъ колоннѣ возможность двигаться безостановочно. То и дѣло приходилось перевьючивать; работы было много; и безъ нея солдаты сильно устали и страдали отъ жажды. Одинъ солдатъ, ѣхавшій на верблюдѣ, до такой степени ослабѣлъ, что упалъ на землю и лежалъ почти безъ движенія.—„Пить дайте, пить! внутри горитъ все....“ говорилъ онъ едва шевелившимся языкомъ. Пять-шесть глотковъ воды и глотокъ краснаго вина совершенно его освѣжили; онъ всталъ и снова взобрался на верблюда.

Не доходя верстъ шесть до Адамъ-крылгана, въ отрядѣ узнали отъ посланнаго подполковникомъ Главацкимъ джигита, что на занятомъ казаками урочищѣ есть колодезь съ прѣсною, очень сносною водою. Всѣ пріободрились, люди ускорили шагъ.

Адамъ-крылганъ представляетъ поразительно оригинальную мѣстность. „Пусть читатель, говоритъ Вамбери, вообразитъ себѣ необозримое море песку: съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя на эту высоту страшными бурями; съ другой—тѣ же волны, разбѣжавшіяся мелкой зыбью, точно тихое озеро рябитъ западный вѣтеръ. Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ ни растенія, ни насѣкомаго; только мѣстами слѣды разрушенной, уничтоженной жизни, въ видѣ бѣлѣющихъ костей людей и животныхъ“ ... И надъ этимъ страшнымъ песчанымъ моремъ—южное, жгучее солнце, сильно накаляющее песокъ.

Пусть читатель, для довершенія картины, вообразитъ себя въ этой пустынѣ, съ отяжелѣлой головой, томимаго жаждой, двигающагося шагъ за шагомъ около вьюковъ. Таковъ походъ въ этой „странѣ смерти“.... Въ іюнѣ и іюлѣ мѣстность эта еще ужаснѣе. Она не даромъ носитъ названіе „Адамъ-крылганъ“, что̀ значитъ: „погибель человѣка“. Въ эти мѣсяцы, днемъ, движеніе здѣсь даже на лошади, по словамъ Вамбери, невозможно. Только крайняя необходимость можетъ заставить человѣка проходить во время этихъ, по восточному выраженію, „собачьихъ дней“. Къ нашему счастью, мы шли въ концѣ апрѣля.

Садилось солнце, когда отрядъ генералъ-маіора Бардовскаго подходилъ къ колодцу; здѣсь были уже казаки, которые въ тотъ же вечеръ должны были идти обратно въ Халъ-ата.

Отрядъ расположился между песчаными холмами, представлявшими отличную, въ оборонительномъ смыслѣ, крѣпкую позицію.

На другой день, 29-го апрѣля, саперная рота принялась за рытье новыхъ колодцевъ, которыхъ необходимо было отрыть столько, чтобы напоить весь отрядъ, направлявшійся сюда изъ укрѣпленія Св. Георгія (Халъ-ата). Работа была неособенно трудна, такъ какъ вода находилась отъ поверхности всего на $4^1/_2$, 4 и даже на три аршина. Единственное

затрудненіе, встрѣченное при рытьѣ, заключалось въ томъ, что трудно было, на уровнѣ воды, удержать плывущій въ отрываемую яму песокъ. Но и это было устранено: внутренность обкладывалась подвозимымъ саксауломъ, находившимся отъ мѣста работъ въ трехъ-четырехъ верстахъ. Къ обѣду, 30-го апрѣля, было готово 18 колодцевъ.

Въ большинствѣ ихъ оказалась слегка солоноватая вода, годная, впрочемъ, даже на чай. Мы говоримъ „годная на чай", хотя петербургскій житель пришелъ бы въ ужасъ отъ нашего чая. Но мы привыкли уже къ разнымъ кудукамъ (колодцамъ), спасающимъ человѣка отъ жажды. Главное достоинство адамъ-крылганскихъ колодцевъ заключалось въ томъ, что они были неистощимы. Постоянный расходъ воды тотчасъ-же пополнялся. Можно было, слѣдовательно, вполнѣ надѣяться, что всѣ войска, которыя предполагалось сюда стянуть, найдутъ въ колодцахъ воды столько, сколько имъ было необходимо.

Между тѣмъ, на Халъ-ата получились новыя данныя о путяхъ до Аму-дарьи, доказавшія цѣлесообразность принятаго направленія на Адамъ-крылганъ.

29-го числа генералъ-маіоръ Бардовскій препроводилъ въ лагерь одного киргиза, ѣхавшаго со стороны Учъ-учака. Киргизъ этотъ былъ нашъ подданный, посланный, по распоряженію генералъ-маіора Головачова, еще въ началѣ похода, въ Шураханъ, для сбора свѣдѣній о непріятелѣ. Онъ сообщилъ, что отъ Адамъ-крылгана до Аму-дарьи вдвое больше разстоянія, чѣмъ отъ Халъ-ата до Адамъ-крылгана.

За достовѣрность показанія киргизъ, впрочемъ, не ручался, говоря, что знаетъ дорогу плохо, такъ какъ ѣхалъ стороною, песками, боясь быть пойманнымъ туркменами. Киргизъ увѣрялъ, что на Учъ-учакѣ собрано до 6.000 хивинскаго войска, съ шестью большими и многими малыми орудіями, и что Садыкъ, съ шайкою изъ 500 человѣкъ, находится въ недалекомъ разстояніи отъ Адамъ-крылгана. Всѣ сообщенныя имъ свѣдѣнія были очень неясны и впослѣдствіи оказались неточными.

28-го числа, вечеромъ, возвратились на Халъ-ата двое, а 29-го, утромъ, остальные два изъ посланныхъ для развѣдокъ джигитовъ. Сообщенныя ими свѣдѣнія подтвердили, что дорога изъ Халъ ата чрезъ урочище Кукъ-ичме на Кукерткли вовсе неудобна для движенія отряда: она значительно длиннѣе дороги на Учъ-учакъ и, главное, встрѣчающіеся на ней колодцы (большею частью по одному, съ водою дурнаго качества) маловодны и, по мнѣнію джигитовъ, не могли бы снабдить водою эшелоны даже тѣхъ размѣровъ, какіе были въ туркестанскомъ отрядѣ при первоначальномъ движеніи по степи отъ Нуратынскихъ горъ (1).

Но вблизи непріятеля нельзя уже было двигаться малыми эшелонами. Джигиты доѣхали только до половины этого разстоянія, потому что торопились вернуться въ Халъ-ата къ назначенному сроку (29-го апрѣля); о второй половинѣ они разузнали отъ встрѣчнаго каравана. Имъ, между прочимъ, сообщили, что на Кукерткли стоитъ шайка теке-туркменовъ, пришедшихъ изъ окрестностей Мерва и желавшихъ, вѣроятно, воспользоваться смутнымъ временемъ для грабежа и поживы. Свѣдѣнія о непріятелѣ отчасти подтверждались.

29-го числа, утромъ, подполковникъ Главацкій съ кавалеріею возвратился въ лагерь. На пройденномъ имъ пути, отъ Халъ-ата до Адамъ-крылгана и отъ сего послѣдняго на нѣсколько верстъ впередъ и въ стороны, шаекъ онъ нигдѣ не встрѣтилъ, но слѣды ихъ были замѣтны по разнымъ направленіямъ (2).

---

(1) Кукъ-ичме должно было быть нѣчто похожее на Адамъ-крылганъ. Джигиты нашли тамъ всего двѣ копани съ водою; но, судя по близости къ поверхности земли грунтовой воды, можно было рытьемъ новыхъ колодцевъ добыть воды сколько понадобится.

Отъ Кукъ-ичме начинаются большіе пески, которые въ высшей степени сыпучи и безъ всякой растительности, т. е. принадлежатъ къ категоріи, такъ-называемыхъ, бѣлыхъ переносныхъ песковъ.

(2) Главацкій привезъ донесеніе отъ генералъ-маіора Бардовскаго, сообщавшаго, что къ приходу главныхъ силъ отряда онъ разсчитываетъ вырыть 20 колодцевъ.

29-го числа послѣдовалъ приказъ о выступленіи войскъ къ Адамъ-крылгану. Нельзя не замѣтить, что приказъ этотъ подѣйствовалъ на всѣхъ чрезвычайно пріятно. Всѣ просіяли отъ радости при мысли оставить, наконецъ, Халъ-ата. Съ самаго перваго дня прихода сюда войскъ не переставалъ дуть сильный вѣтеръ, а вѣтеръ по поверхности песковъ способенъ надоѣсть. Только съ 27-го апрѣля вѣтеръ стихъ; за то наступили душные, жаркіе дни. Но хуже песчаныхъ бурановъ и наступившихъ жаровъ было вынужденное, необходимое бездѣйствіе.

Самое вредное, не только для солдатъ, но и для офицеровъ, во время трудныхъ походовъ, есть, безспорно, долговременныя остановки. Никакія трудности и лишенія не могутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на бодрость духа русскаго человѣка, когда у него есть дѣло; въ свою очередь, его энергическая натура трудно переноситъ бездѣйствіе. Къ этому нужно прибавить неясные, тревожные слухи объ ужасахъ предстоявшаго пути. Войска стойко переносили невзгоды, и при первой мысли о движеніи впередъ все зашевелилось, все приняло бодрый и веселый видъ.

Для войскъ передовой колонны наступилъ, наконецъ, давно желанный часъ выступленія впередъ. Сердце щемило у каждаго, плохо чувствовалось всѣмъ при представленіи трудностей марша въ „странѣ смерти“; но чувство достиженія ближе цѣли, движенія впередъ и, наконецъ, оставленія ненавистнаго, одолѣвшаго всѣхъ и каждаго, бивака на Халъ-ата, господствовало, ободряло духъ и возвышало нравственныя силы войскъ.

Въ такомъ настроеніи, въ часъ ночи на 30 апрѣля, выступили съ Халъ-ата главныя силы передовой колонны, въ составѣ 9 ротъ, 8 конныхъ орудій и $^1/_2$-сотни казаковъ. Первую половину перехода до урочища Акъ-ташъ войска совершили бодро, безъ малѣйшихъ затрудненій. Погода благопріятствовала маршу; было прохладно и вѣтеръ дулъ на столько свѣжій, что ѣхавшимъ верхомъ пришлось надѣть плащи. Необходимое зло отряда—верблюды, изъ которыхъ часть несла на себѣ драгоцѣннѣйшій продуктъ—воду, шли до Акъ-таша удовлетворительно; конечно, не обошлось безъ отсталыхъ, безъ перевьючекъ, но въ общемъ, движеніе вьючнаго обоза не особенно затрудняло и не замедляло отряда. На Акъ-ташѣ, на голыхъ песчаныхъ увалахъ, войска заняли позицію и около 10 часовъ утра расположились на ней для большаго привала. Вода въ находящемся на урочищѣ Акъ-ташъ колодцѣ Ащи-кудукъ на столько отвратительна и представляетъ собою какую-то густую, грязную, вонючую жидкость, что даже неприхотливые, неразборчивые верблюды, не смотря на томившую ихъ жажду, подходили къ колодцу, наклоняли въ него свои морды, но тотчасъ-же, съ гримасами, жеманно отворачивали головы и, медленно качаясь изъ стороны въ сторону, отходили прочь отъ колодца. Такимъ образомъ отряду пришлось на привалѣ довольствоваться и расходовать воду, взятую съ Халъ-ата. Но это можно было позволить войскамъ, въ виду оффиціальнаго донесенія генерала Бардовскаго съ Адамъ-крылгана, что тамъ воды въ изобиліи и, слѣдовательно, потраченные на привалѣ запасы можно было пополнить изъ адамъ-крылганскихъ колодцевъ.

По плану перехода боевой колонны отъ Халъ-ата къ Амударьѣ предполагалось: 30-го апрѣля дойти до Адамъ-крылгана, а 1-го и 2-го мая сдѣлать два перехода къ озеру Сардаба-кулю или, что одно и тоже, къ Аму-дарьѣ. Такъ какъ, по наличному количеству верблюдовъ и водоподъемныхъ средствъ въ отрядѣ, нельзя было взять съ собою воды на три дня марша для казаковъ и ихъ лошадей, то вся кавалерія оставлена была 30-го апрѣля на Халъ-ата. Для разъѣздовъ и вообще для кавалерійской службы при пѣхотной колоннѣ, взято было, какъ выше сказано, всего $^1/_2$ сотни (1) казаковъ, составлявшихъ конвой командующаго

(1) Другая полусотня ушла раньше съ Халъ-ата съ колонною генерала Бардовскаго.

войсками. Всѣ остальныя казачьи сотни должны были перейти 1-го мая къ Адамъ-крылгану и вечеромъ того же дня направиться далѣе, съ такимъ разсчетомъ, чтобы 2-го мая нагнать пѣхотную колонну на второй половинѣ ея перехода отъ Адамъ-крылгана къ озеру Сардаба-кулю, гдѣ собственно ожидалась встрѣча съ непріятелемъ. Такимъ образомъ, кавалерія все разстояніе отъ Халъ-ата къ Аму-дарьѣ должна была, по предположенію, сдѣлать въ два перехода: одинъ, 42 версты, къ Адамъ-крылгану и другой, 80 верстъ по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ, а въ дѣйствительности 60 верстъ, къ Сардаба-кулю.

Но возвратимся къ прерванному разсказу о маршѣ пѣхотной колонны, находившейся на привалѣ на урочищѣ Акъташъ. Къ 12-ти часамъ дня свѣжій вѣтеръ стихъ; тучки, застилавшія солнце, скрылись и полуденный зной началъ давать себя сильно чувствовать. А между тѣмъ, впереди, оставалась еще бо́льшая половина перехода; начинался раіонъ настоящихъ, глубокихъ песковъ и, въ довершеніе всего, вся мѣстность отъ Акъ-таша къ Адамъ-крылгану замѣтно подымалась. Привалъ разсчитанъ былъ на четыре часа; остановились на позиціи около 10-ти часовъ утра; выступленіе назначено было въ 2 часа по-полудни.

Войска вышли съ Халъ-ата въ 1 часъ ночи; слѣдовательно, поднялись гораздо ранѣе, и къ приходу на Акъ-ташъ утомленіе чувствовалось всѣми очень сильно; крѣпкій, сильный сонъ на привалѣ, затѣмъ чай и пища подкрѣпили и возстановили силы отряда. Онъ бодро и ходко снова зашагалъ послѣ привала, хотя путь, чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ все болѣе и болѣе дѣлался труднымъ, а жара и духота были невыносимы. Это, однако, нисколько не мѣшало частямъ войскъ, въ то время, когда обгонялъ ихъ, съ своею свитою, командующій войсками, немедленно приходить въ порядокъ и собираться въ строй. Потъ градомъ льетъ съ утомленнаго, раскраснѣвшагося лица, нога тонетъ по щиколку въ рыхломъ песку, а бравый туркестанецъ, съ мѣшкомъ за спиною, съ манерочкой, кисетомъ и бутылкой, обшитой кошмой для воды, на боку,—по первому же звуку горна или по первой палкѣ на барабанѣ, подающихъ сигналъ о приближеніи начальника, стремительно занимаетъ свое мѣсто въ шеренгѣ, живо оправляется, выравнивается и ждетъ привѣтствія командующаго войсками. Лихой, по-истинѣ молодецкій духъ и бравый видъ нашихъ солдатъ въ данной обстановкѣ, изумляли среднеазіятцевъ, бывшихъ во множествѣ при отрядѣ. Представители ихъ, посланники Кокана и Бухары, постоянно находившіеся въ свитѣ генерала Кауфмана, глядя на стройные ряды туркестанцевъ, шагающихъ по пескамъ и громко и весело отвѣчающихъ на привѣтствіе командующаго войсками, выражали изумленіе и говорили, что люди сами-по-себѣ, въ подобной обстановкѣ, не могутъ такъ ходить пѣшкомъ, какъ идутъ русскіе солдаты; „ихъ несутъ святые“—вотъ на какомъ заключеніи останавливался пораженный видимымъ, фанатично настроенный, азіятскій умъ. И дѣйствительно, только *святое* отношеніе къ долгу, присягѣ, беззавѣтная стойкость, твердость русскаго характера, вдохновляли человѣческій организмъ къ перенесенію непомѣрныхъ, страшныхъ усилій, которыя довелось здѣсь одолѣвать русскому воину.

Отъ привала оставалось до Адамъ-крылгана 22 версты; сыпучій песокъ, раскаленный солнечными лучами, былъ на всемъ пути; твердаго грунта на дорогѣ уже не встрѣчалось. Мѣстами путь пересѣкался песчаными холмами или, какъ называютъ ихъ здѣсь, барханами, и вотъ тутъ-то отрядъ сильно замедлялся въ движеніи. И просто, налегкѣ, безъ всякой ноши, человѣку и животному трудно перевалить чрезъ такую песчаную гору, а когда такіе барханы встрѣчаются часто, когда ихъ приходится одолѣвать нагруженными, да при этомъ еще помогать верблюдамъ и тащить на лямкахъ и на рукахъ артиллерійскія орудія и ящики, понятнымъ станетъ, на сколько сильно было утом-

леніе отряда, когда голова его, уже совершенно въ темнотѣ, едва начала подходить къ Адамъ - крылгану. Верблюды — это несчастье отряда — дали себя знать на этомъ переходѣ особенно сильно. Множество ихъ пало; вьючный обозъ, а слѣдовательно и весь отрядъ страшно растянулся; много вьюковъ такъ и остались, при сопровождавшихъ ихъ конвойныхъ, на дорогѣ, не дотащившись нѣсколько верстъ до мѣста ночлега. Арріергардъ подтянулся на адамъ-крылганскую позицію лишь во 2-мъ часу ночи. Переходъ былъ въ высшей степени тяжелый и утомительный; жажда страшно томила и людей и животныхъ. По счастью, Адамъ-крылганъ изобилуетъ водою. Саперы и стрѣлки, бывшіе въ головной колоннѣ генерала Бардовскаго, отрыли къ приходу главныхъ силъ до 20 колодцевъ, къ которымъ, по занятіи мѣстъ на позиціи, все, не взирая на страшное утомленіе, тотчасъ-же и припало. Около колодцевъ закипѣла самая живая работа.

Поразительную, невиданную нами доселѣ картину представляло урочище Адамъ-крылганъ. Впервые здѣсь туркестанцы узнали, что́ такое настоящіе акъ-кумы или бѣлые, переносные пески. Вообразите себѣ, читатель, огромную площадь земли, на которую въ хаотическомъ безпорядкѣ навалены одна на другую кучи песку изъ опрокинутыхъ громадныхъ размѣровъ песочницъ. Понятно, что, на всемъ видимомъ глазомъ пространствѣ, здѣсь нѣтъ ни былинки растенія, ни одного признака животнаго міра. Формы песчаныхъ бархановъ, размѣры ихъ и высота, причудливо разнообразны; до извѣстной степени, въ общемъ, характеръ всего вида адамъ-крылганской позиціи можно приравнять сильно взволнованному штормомъ морю. Между песчаными буграми находятся небольшія твердыя площадки или ложбинки, гдѣ отрыты были колодцы, около которыхъ и расположились войска. Долго подтягивался на адамъ-крылганскую позицію отрядъ и особенно его вьючный обозъ. Общее утомленіе, послѣ 42-хъ верстнаго, тяжелаго, подъ жгучимъ солнцемъ, перехода, требовало отдыха. Наступила ясная лунная ночь, и въ лагерѣ, и кругомъ его, скоро воцарилась мертвая тишина.

На разсвѣтѣ 1-го мая, едва лишь погасли послѣдніе бивачные костры, шайка туркменъ неожиданно подкралась къ нашимъ аванпостамъ. Наступившая передъ разсвѣтомъ темнота, волнистая мѣстность и рыхлый песокъ, по которому не слышно топота лошадей, дали возможность туркменамъ приблизиться къ нашимъ секретамъ на самое близкое разстояніе. Только когда нѣсколько всадниковъ вскочили на барханъ, шагахъ въ 150 отъ секрета, раздался съ него выстрѣлъ и въ лагерѣ тотчасъ-же затрубили тревогу. Бивакъ мгновенно поднялся. Въ темнотѣ нельзя было опредѣлить ни направленія атаки, ни количества нападавшихъ. Къ сторонѣ, гдѣ раздался выстрѣлъ, высланы были на передніе барханы взводы стрѣлковъ, общее командованіе которыми поручено было Его Императорскому Высочеству Князю Евгенію Максиміліановичу. Вскорѣ разсвѣло, и тогда открылось, что значительная непріятельская партія окружала лагерь съ южной и западной сторонъ. Туркмены открыли по биваку, совершенно впрочемъ безвредный, ружейный огонь, на который стрѣлкамъ приказано было отвѣчать только навѣрняка, съ самыхъ близкихъ дистанцій. Непріятель то гарцовалъ или, какъ казаки говорятъ, кружилъ, въ почтительномъ разстояніи отъ нашихъ стрѣлковъ, посылая въ лагерь, повидимому для собственнаго ободренія, одиночные выстрѣлы; то, собираясь въ болѣе или менѣе густыя кучки, съ гикомъ, очень рѣшительно устремлялся въ направленіи бивака; но, встрѣчаемый здѣсь выстрѣлами стрѣлковыхъ взводовъ, быстро разсыпался и ускакивалъ назадъ. Туркменъ не преслѣдовали; это уподоблялось бы гоньбѣ въ полѣ за вѣтромъ; да кромѣ того, какъ извѣстно, въ лагерѣ была всего одна конвойная сотня командующаго войсками, которой предстояло болѣе серьезное дѣло—пройти

съ отрядомъ безводный переходъ отъ Адамъ-крылгана къ Сардаба-кулю въ 60 верстъ.

Покружась и погарцовавъ передъ лагеремъ, туркмены, видя, что всѣ попытки ихъ ни къ чему, кромѣ потерь, не ведутъ, повернули назадъ и начали постепенно уходить и скрываться. Часть ихъ, однако, потянулась въ направленіи къ пути, пройденному отрядомъ наканунѣ; какъ упомянуто выше, тамъ оставалось нѣсколько вьюковъ изъ обоза, подъ небольшимъ прикрытіемъ. Туркмены могли напасть на это прикрытіе и овладѣть вьюками. Въ виду подобной случайности, тотчасъ-же выслана была изъ лагеря рота 1-го стрѣлковаго баталіона и съ нею генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Каульбарсъ. Едва рота вышла изъ лагеря и начала вытягиваться по дорогѣ, туркмены съ гикомъ бросились на стрѣлковъ; рота остановилась, дала залпъ; ошеломленный непріятель быстро повернулъ кругомъ, скрылся въ разсыпную и болѣе за симъ уже не показывался Подполковникъ Каульбарсъ дошелъ съ стрѣлками до вьюковъ и, забравъ ихъ на верблюдовъ, возвратился въ лагерь.

Тревога 1-го мая обошлась намъ безъ потерь; у непріятеля убито и ранено нѣсколько людей и лошадей. По свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи отъ плѣнныхъ, оказалось, что партія, потревожившая лагерь туркестанскаго отряда на Халъ-ата, атаковавшая потомъ, 27-го апрѣля, передовой разъѣздъ колонны генералъ-маіора Бардовскаго и нападавшая 1-го мая на адамъ-крылганскую позицію, состояла изъ 300-400 туркменъ, высланныхъ, подъ предводительствомъ туркмена Супака, изъ хивинскаго лагеря подъ Учъ-учакомъ.

Какъ сказано выше, воды на Адамъ-крылганѣ было въ изобиліи; слѣдовательно, въ этомъ, первостепенной важности, отношеніи скопленіе тамъ значительнаго числа людей и животныхъ не представляло особаго неудобства; кормъ для верблюдовъ, отчасти и для лошадей, былъ вблизи бивака. Между тѣмъ главныя силы, какъ извѣстно, прибыли на адамъ-крылганскую позицію 30-го апрѣля очень поздно; люди, лошади и верблюды были страшно утомлены труднымъ 42-хъ верстнымъ переходомъ съ Халъ-ата. Къ тому же запасъ воды, взятый съ Халъ-ата, былъ весь растраченъ на привалѣ у Акъ-таша и вообще на переходѣ къ Адамъ-крылгану; необходимо было, на дальнѣйшій безводный переходъ въ 60 верстъ или, какъ тогда предполагалось, въ 80 верстъ, пополнить запасъ воды и налить ею всѣ имѣвшіеся водоподъемные сосуды, а на это требовалось много времени. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ рѣшено было сдѣлать 1-го мая дневку на Адамъ крылганѣ и передвиженіе по безводному пространству до озера Сардаба-куля произвести 2-го и 3-го мая. Въ этомъ смыслѣ послано было тотчасъ-же назадъ, на Халъ-ата, соотвѣтствующее приказаніе кавалеріи о выступленіи къ Адамъ-крылгану не 1-го, а 2-го мая.

Чтобы сдѣлать 2-го мая, послѣ дневки, бо́льшее число верстъ, предположено было выступить съ Адамъ-крылгана возможно раньше, до разсвѣта. Но такъ какъ выходъ съ адамъ-крылганской позиціи, изъ песчаныхъ бархановъ, на учъ-учакскій путь, особенно ночью, въ темнотѣ, могъ представить затрудненія для отряда, то утромъ 1-го мая всѣ наличные офицеры генеральнаго штаба командированы были на рекогносцировку, для выбора удобнѣйшаго направленія, по которому могли бы выйти съ бивака артиллерія и вьючный обозъ.

Тревога на разсвѣтѣ 1-го мая, прервавшая сладкій сонъ отряда, утомленнаго тяжелымъ переходомъ 30-го апрѣля, доставила вмѣстѣ съ тѣмъ войскамъ нѣкоторое развлеченіе. Безсильная попытка туркменъ атаковать насъ въ адамъ-крылганской позиціи имѣла видъ спектакля, посмотрѣть на который высыпало даже все мусульманское населеніе, которое было у насъ при отрядѣ въ весьма значительномъ числѣ. Гребни всѣхъ барханов на позиціи, при первыхъ же вы-

стрѣлахъ, покрылись полнымъ наличнымъ составомъ нашихъ отрядныхъ халатниковъ—лаучей, джигитовъ, проводниковъ. Даже и имъ, за небольшимъ исключеніемъ, обыкновенно очень трусливымъ, попытка туркменъ нанести намъ какой-либо вредъ въ адамъ-крылганской позиціи казалась на столько дерзкою и неосмысленною, что они смѣло усѣлись, поджавши ноги, на вершины бархановъ и праздно глазѣли оттуда на данное ихъ единовѣрцами даровое зрѣлище.

По возвращеніи въ лагерь подполковника Каульбарса съ ротою стрѣлковъ, бивакъ скоро принялъ свой обычный, мирный характеръ; каждый занялся своимъ дѣломъ, состоявшимъ главнымъ образомъ въ приготовленіяхъ къ выступленію на слѣдующій день. Около колодцевъ цѣлый день 1-го мая шла оживленная работа: наполнялись турсуки, наливались водою бочки, баклаги, бутылки, горлянки и проч. Вода въ адамъ-крылганскихъ колодцахъ вообще была довольно сносная, нѣсколько солоноватая, съ затхлымъ запахомъ; но часть колодцевъ была и съ совершенно прѣсною, безъ запаха, водою. Верблюжій нашъ вопросъ былъ еще въ менѣе удовлетворительномъ положеніи на Адамъ-крылганѣ, чѣмъ на Халъ-ата. Много животныхъ пало, часть ихъ были оставлены на переходѣ къ Адамъ-крылгану; изъ числа дотащившихся сюда были такіе, которые не могли слѣдовать далѣе. А между тѣмъ подъ воду, которой на два дня безводнаго перехода нужно было взять столько, сколько могли вмѣстить ее всѣ наличныя водоподъемныя средства, требовалось значительное число вьючныхъ животныхъ. Словомъ, волею-неволею, и на Адамъ-крылганѣ пришлось озаботиться уменьшеніемъ количества тяжестей, бывшихъ при отрядѣ. Но такъ какъ здѣсь не было никакихъ нашихъ складовъ и на Адамъ-крылганѣ не оставлялось войскъ, подъ охрану коихъ вещи могли бы быть сданы, то здѣсь впервые пришлось туркестанцамъ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—къ уничтоженію всего залишняго огнемъ. Какъ увидимъ ниже, сила тяжелыхъ обстоятельствъ вынудила отрядъ еще разъ прибѣгнуть къ этой печальной, крайней необходимости.

На сколько всѣхъ тревожила и озабочивала мысль—какъ-то намъ удастся пройти безводное, песчаное пространство, отдѣлявшее насъ на 80 верстъ (по тогдашнему предположенію) отъ Аму-дарьи—можно заключить изъ того, что еще на дневкѣ въ Адамъ-крылганѣ возбуждался вопросъ: идти ли отряду прямо къ Сардаба-кулю или не направиться ли туда черезъ колодцы Алты-кудукъ? По имѣвшимся въ то время свѣдѣніямъ, въ 25 верстахъ отъ Адамъ-крылгана, въ направленіи къ Учъ-учаку и въ 9 верстахъ въ сторону отъ большаго караваннаго пути, находятся колодцы Алты-кудукъ или Туркменъ-казганъ. Соотвѣтственно названію Алты-кудукъ (алты—значитъ шесть) предполагалось, что тамъ имѣется шесть колодцевъ; извѣстно было также, что всѣ эти колодцы очень глубоки и вода въ нихъ порядочная. Съ Адамъ-крылгана къ Алты-кудуку ведетъ тропинка, отдѣляющаяся отъ караваннаго учъ-учакскаго пути на десятой верстѣ.

Направленіе отряда чрезъ Алты-кудукъ увеличивало путь до Аму-дарьи почти на 20 верстъ; на Алты-кудукѣ могло не оказаться воды въ томъ количествѣ, какое нужно было для всего отряда. Предлагалось повторить операцію, сдѣланную предъ выступленіемъ съ Халъ-ата, т. е. выслать съ Адамъ-крылгана на Алты-кудукъ авангардную колонну, которая, также какъ и на Адамъ-крылганѣ, приготовила бы на Алты-кудукѣ для главныхъ силъ вновь отрытые колодцы. Но, во-первыхъ, это было неисполнимо, такъ какъ на Алты-кудукѣ грунтовая вода очень глубока отъ поверхности земли; во-вторыхъ, эта мѣра надолго задержала бы отрядъ въ пустынѣ; между тѣмъ приближалось время такъ называемыхъ „собачьихъ дней“; жары съ каждымъ днемъ усиливались и нужно было во что бы то ни стало торопиться выходомъ въ долину Аму-дарьи, такъ какъ оста-

новка войскъ въ этой „странѣ смерти“ могла вредно отозваться на ихъ здоровьи. Рѣшено было поэтому не измѣнять первоначальнаго предположенія и идти съ Адамъ-крылгана прямою дорогою къ Сардаба-кулю. Но, какъ увидимъ сейчасъ изъ послѣдующаго разсказа, разсчеты человѣка въ этомъ, своего рода, адѣ не поддаются никакимъ даннымъ и вѣрнымъ соображеніямъ. Обстоятельства, близкія къ совершенному кризису, отбросили туркестанцевъ съ прямаго пути въ сторону, къ вышеупомянутымъ колодцамъ Алтыкудукъ, и имъ пришлось задержаться въ этомъ безотрадномъ пространствѣ не три-четыре дня, какъ предполагалось, а *двѣнадцать* дней.

На первыхъ же шагахъ выступленія 2-го мая съ Адамъ-крылгана встрѣтилось обстоятельство, задержавшее отрядъ и потому сразу не обѣщавшее ничего хорошаго. Выходъ въ темнотѣ, до разсвѣта, изъ горъ песку съ адамъ-крылганской позиціи на караванный учъ-учакскій путь представилъ такія затрудненія для артиллеріи и вьючнаго обоза, что только къ 4-мъ часамъ утра съ 2-хъ ночи отрядъ вышелъ на дорогу и началъ вытягиваться по ней для движенія. Такимъ образомъ потеряны были совершенно напрасно два часа времени, которые могли бы подвинуть отрядъ впередъ, по крайней мѣрѣ, на 6—7 верстъ; въ данной же обстановкѣ не только часы, минуты были драгоцѣнны для достиженія цѣли.

Общее мрачное настроеніе всѣхъ и каждаго въ отрядѣ предъ тѣмъ рѣшительнымъ, послѣднимъ шагомъ, который доводилось дѣлать туркестанцамъ, входя въ глубь „страны смерти“, усугублялось предъ выступленіемъ 2-го мая картиною пожарища, изображаемою оставляемымъ нами бивакомъ на Адамъ-крылганѣ. Тотчасъ-же вслѣдъ за сигналомъ генералъ-марша, еще въ темнотѣ, лагерь освѣтился множествомъ костровъ. Пылали кибитки, юламейки, сложенные въ груду сундуки, кошмы, мѣшки, вещи. Нужно было, по возможности, облегчиться на дальнѣйшій путь, чтобы освободить болѣе вьючныхъ животныхъ подъ воду, заряды, снаряды, словомъ подъ такіе предметы, безъ которыхъ уже нельзя было обойтись.

Наконецъ, въ 5-мъ часу, когда уже совершенно было свѣтло, отрядъ тронулся въ путь. Дорога, по которой предстояло идти, безусловно, на всемъ протяженіи, покрыта глубокимъ, рыхлымъ пескомъ, въ которомъ человѣческая нога вязнетъ выше щиколки. Собственно путь представлялся торнымъ, хорошо и явственно пробитымъ верблюжьими караванами; дорога достаточно широкая; три-четыре человѣка врядъ могутъ свободно по ней идти. Мѣстность по сторонамъ пути, сколько видитъ глазъ, вся всхолмлена песчаными буграми разнообразнаго вида и различной величины и высоты. Песчаныя горы эти покрыты рѣдкими, невысокими кустами саксаула, тамариска и прочей степной флоры; въ самомъ пескѣ, въ то время года, когда мы проходили это пространство, росла рѣдкая, невысокая, зеленая травка, называющаяся рангъ, которую весьма охотно щипали лошади. Главнѣйшее затрудненіе для свободнаго движенія по предстоящему пути представляли, кромѣ рыхлаго, глубокаго песка на самой дорогѣ, часто встрѣчавшіеся на ней песчаные перекаты, доходившіе иногда до весьма значительныхъ размѣровъ; перевалы чрезъ эти перекаты очень замедляли и растягивали маршъ колонны. Большое неудобство представляло также то обстоятельство, что по сторонамъ отъ дороги невозможно было двигаться ни людямъ, ни вьючнымъ животнымъ. Огромные песчаные барханы, поросшіе саксаульникомъ, глубокія ложбины, овраги между холмами и песчаными горами—все это препятствовало идти по сторонамъ дороги и заставляло весь отрядъ съ его вьючнымъ обозомъ вытягиваться длинною, узкою кишкою, занимавшею по длинѣ, отъ головы до хвоста колонны, протяженіе въ нѣсколько верстъ.

Въ виду возможной встрѣчи съ непріятелемъ, части войскъ распредѣлены были въ колоннѣ такимъ образомъ, что въ го-

ловѣ ея шла боевая часть, могшая, въ случаѣ надобности, дѣйствовать совершенно самостоятельно; остальныя войска прикрывали вьючный обозъ, а въ хвостѣ колонны слѣдовалъ арріергардъ (1).

По плану движенія предположено было разстояніе отъ Адамъ-крылгана до Сардаба-куля пройти въ два дня, 2-го и 3-го мая, безъ ночлега, а лишь сдѣлавъ по пути три большіе привала: *первый*—на 20-й верстѣ, куда отрядъ долженъ былъ дойти 2-го мая, къ *девяти часамъ утра*, и откуда ему слѣдовало выступить въ *четыре часа по-полудни* того же дня; *второй* — на 40-й верстѣ, гдѣ отрядъ долженъ былъ стоять отъ 9—10 часовъ вечера 2 мая до 2—3 часовъ утра 3-го числа, и *третій*—на 60-й верстѣ, куда, по разсчету, колонна должна была подойти около 9—10 часовъ утра 3-го мая. Здѣсь, а можетъ быть и ранѣе, ожидалась уже встрѣча съ непріятелемъ; поэтому нельзя было и разсчитать, сколько потребуется времени для марша послѣднихъ 20 верстъ или собственно для достиженія берега Амударьи. Въ виду этого условія, необходимо было сберечь къ послѣднему или третьему привалу сколь можно болѣе воды.

Очевидно также изъ изложеннаго, что весь успѣхъ движенія зависѣлъ отъ точнаго исполненія вышеприведеннаго разсчета. Малѣйшая задержка отъ какихъ бы то ни было причинъ—и весь планъ опрокидывался. Тогда, *по недостатку воды*, отрядъ могъ бы быть поставленъ въ критическое положеніе. Поэтому, при выступленіи съ Адамъ-крылгана, войскамъ приказано было не задерживаться перевьючкою съ отсталыхъ верблюдовъ, бросать вьюки и сжигать ихъ. Приказаніе это, конечно, не относилось до *вьюковъ съ водою*. Артиллерійскія тяжести приказано было также сберегать и къ уничтоженію ихъ прибѣгать лишь въ крайнемъ случаѣ.

Уже изъ одного характера и направленія вышеуказанныхъ разсчетовъ и отданныхъ на Адамъ-крылганѣ приказаній можно судить, на сколько грозно и серьезно было предпріятіе, которое предстояло одолѣть туркестанскому отряду.

Съ 5 до 8 часовъ утра 2-го мая движеніе отряда отъ Адамъ-крылгана производилось вообще довольно успѣшно. Хотя трудно и тяжело было идти по рыхлому, глубокому песку, но и люди, и животныя, напрягая ихъ усилія, шли весьма удовлетворительно. Командующій войсками, пропустившій въ началѣ перехода мимо себя всю колонну, а затѣмъ обогнавшій ее до авангарда, съ удовольствіемъ могъ замѣтить, что какъ ни тяжелъ былъ путь, войска, артиллерія и обозъ слѣдовали благополучно и успѣшно. Но вотъ взошло солнце и, подымаясь по безоблачному небу, начало сильно, нещадно печь сверху. Накалявшійся песокъ жегъ, въ свою очередь, ноги; душный, горячій воздухъ раздражалъ легкія. Чѣмъ дальше подвигались, тѣмъ замѣтнѣе упадали силы людей и животныхъ. Въ колоннѣ воцарилось зловѣщее молчаніе, прерываемое лишь ревомъ и пискомъ несчастныхъ, обезсиливавшихъ верблюдовъ, да похлестываніями казачьихъ нагаекъ, погонявшихъ измученныхъ лошадей коннаго дивизіона. По всему протяженію огромной кишки, которою тянулся отрядъ верстъ на 5 или на 6, въ воздухѣ стоялъ надъ колонною неподвижный слой густой пыли, еще болѣе усугублявшій физическія страданія и утомленіе организма. Кругомъ въ пустынѣ была совершенная мертвенность, въ горячемъ, раскаленномъ воздухѣ полная тишина, и надъ всѣмъ этимъ нещадное, жгучее солнце.

Не смотря на такія тяжелыя условія, къ $9^1/_2$ часамъ утра, всего, слѣдовательно, получасомъ позже разсчета, авангардъ достигъ 21-й версты отъ Адамъ-крылгана и расположился для привала на позиціи. Вслѣдъ за нимъ, медленно, шагъ за шагомъ, начали подтягиваться къ мѣсту привала остальныя части войскъ и съ ними часть верблюдовъ съ водою.

(1) Въ авангардѣ было 2 роты стрѣлковъ, дивизіонъ конной батареи и саперы. Главныя силы составляли 5 ротъ и дивизіонъ батареи; обозъ конвоировали 2 роты; въ арріергардѣ шли 2 роты и горный дивизіонъ.

Объ обозѣ, о сопровождавшихъ его частяхъ и объ арріергардѣ не было еще и помину. Вода отъ утечки, усушки, порчи турсуковъ, значительно убавилась за время марша. Людямъ роздали лишь по чаркѣ ея для питья, немного для чаю и начали варить пищу (1). Наступилъ 2-й часъ; духота сдѣлалась нестерпимою. При полномъ затишьи въ воздухѣ, термометръ поднялся за 40 градусовъ. Жажда одолѣвала и томила и людей и животныхъ, а воду нужно беречь и малѣйшія дозы ея усчитывались.

Отрядъ бивуакировалъ на голыхъ барханахъ изъ горячаго, раскаленнаго песка, образовавъ каре, внутрь котораго стягивались верблюды съ вьюками. Обозъ подходилъ томительно медленно. Изъ арріергарда стали приходить зловѣщія донесенія: „верблюды не идутъ, множество ихъ падаетъ. Для спасенія артиллерійскихъ запасовъ и воды, люди освобождаютъ верблюдовъ, сбрасывая прочіе вьюки и предавая ихъ огню; нѣсколько артиллерійскихъ и инженерныхъ тяжестей оставлены съ прикрытіемъ на дорогѣ". За ними послали съ бивака лучшихъ верблюдовъ и стали ждать.

Съ каждой минутой положеніе отряда становилось серьезнымъ.

О выступленіи въ *четыре часа* по-полудни и о сохраненіи разсчета движенія нечего уже было и думать. Все зависѣло отъ прибытія арріергарда, а онъ, очевидно, не могъ подойти во-время, чтобы до 4-хъ час. успѣть отдохнуть. Приходилось, слѣдовательно, увеличить срокъ привала еще часовъ на 6 или на 7 и выступить далѣе въ полночь или въ часъ ночи. Задержка эта растрачивала имѣвшійся въ отрядѣ запасъ воды для людей и лошадей. Повѣрили наличность воды, и оказалось, что ея оставалось едва лишь на $1^1/_2$ дня, а въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ напримѣръ въ конной батареѣ, и того меньше.

Въ 4 часа дня послѣдовало поэтому приказаніе по отряду: растянуть имѣвшійся запасъ воды еще *на три дня*.

Только около пяти часовъ вечера подошелъ, наконецъ, къ позиціи совершенно измученный арріергардъ, часть нижнихъ чиновъ котораго несла на рукахъ мѣшки съ порохомъ и артиллерійскими снарядами, снятыми съ павшихъ верблюдовъ.

Тотчасъ-же по приходѣ арріергарда на привалъ, приняты были самыя энергическія мѣры для освобожденія верблюдовъ и для ихъ облегченія. Рѣшено было уничтожить и сжечь всѣ тяжести, въ которыхъ не встрѣчалось насущной потребности.

Снова, какъ и на Адамъ-крылганѣ, только при другой обстановкѣ, при иномъ освѣщеніи, запылали костры, клубясь темнымъ дымомъ и распространяя надъ позиціею невыносимый смрадъ, заражавшій и безъ того удушливый, знойный воздухъ. Жгли все, что только могли: палатку командующаго войсками, офицерскія палатки, походныя кровати, шинели, мундиры, бѣлье, лишнія пары сапоговъ, солдатскія лишнія рубашки, мундиры, аммуницію, крупу. Изъ инженерныхъ вещей уменьшили число лопатъ, мотыгъ, уничтожили понтонныя доски, штурмовыя лѣстницы и проч.; часть желѣзныхъ понтоновъ также приказано было зарыть(2)

Бивакъ представлялъ весьма мрачную картину: истомленные тяжелымъ переходомъ, мучимые жаждой, съ запекшимися губами, люди, изъ которыхъ немногимъ удалось забыться тяжелымъ сномъ; измученныя, исхудалыя, съ мутными глазами, лошади, еле державшіяся на ногахъ; верблюды, эти умныя животныя, смотрѣвшія по сторонамъ и какъ-бы взывавшія о помощи; сложенные около нихъ вьюки, дымящіеся костры... И надъ всѣмъ этимъ то же палящее солнце, а подъ ногами раскаленный песокъ.

Будущее начинало представляться весьма серьезно и мрачно. Тѣмъ не менѣе никому, ни на одну секунду, не

---

(1) Нельзя не признать, что это была ошибка; варка при такихъ обстоятельствахъ уничтожаетъ большое количество воды и усиливаетъ жажду.

(2) Мѣру эту не успѣли привести въ исполненіе; понтоны перевезли на Алты-кудукъ и, какъ увидимъ ниже, они тамъ очень пригодились.

приходило мысли объ *отступленіи*, объ отходѣ назадъ на Адамъ-крылганъ, гдѣ, въ данной обстановкѣ, была такая страшная приманка—*изобиліе воды*.

Попробовали: нельзя-ли добыть воды на мѣстѣ привала. Начали рыть. По всѣмъ признакамъ, вода должна была быть на очень большой глубинѣ; но солдаты не падали духомъ и работали дружно. Всѣ усилія, однако, оказались тщетны: до воды не дошли. Въ отрядѣ нашелся киргизъ, не разъ бывавшій въ этой мѣстности и хорошо ее знавшій. Киргизъ этотъ, обратившій на себя вниманіе саперъ еще на Адамъ-крылганѣ, во время рытья тамъ колодцевъ, необыкновенною силою и ловкостью при этой работѣ, состоялъ при саперной ротѣ, солдаты которой дали ему прозвище „сапера Василія“. Разговаривая съ саперами на привалѣ, онъ высказалъ, между прочимъ, что недалеко отъ позиціи, верстахъ въ 9—10, находятся колодцы, которыхъ названіе онъ не помнитъ. Свѣдѣніе это дошло до саперныхъ офицеровъ, которые доложили о немъ командующему войсками. При разспросѣ Тюстю-бая (таково было настоящее имя этого киргиза) выяснилось, что колодцы, на которые онъ указывалъ, были, извѣстные уже изъ имѣвшихся прежде свѣдѣній, колодцы Алты-кудукъ. Генералъ Кауфманъ приказалъ Тюстю баю проскакать въ указываемомъ имъ направленіи, доѣхать до колодцевъ, самолично убѣдиться: есть-ли въ нихъ вода и привезти съ собою бутылку ея или какое-нибудь другое осязаемое доказательство присутствія тамъ воды. Тюстю-бай помчался и часа черезъ два возвратился, отыскавъ колодцы. Воды съ собою онъ не привезъ, потому что колодцы оказались болѣе глубокими, чѣмъ длина взятой имъ съ собою веревки. Въ доказательство же, что онъ дѣйствительно былъ на Алты-кудукѣ, Тюстю-бай притащилъ веретень, посредствомъ котораго каргизы достаютъ воду изъ глубокихъ колодцевъ.

Достигнуть до какихъ бы то ни было водныхъ источниковъ, гдѣ отрядъ могъ бы свободно вздохнуть и оправиться предъ дальнѣйшимъ движеніемъ, считалось, въ той обстановкѣ, въ которой колонна находилась на первомъ привалѣ 2-го мая, дѣломъ крайней необходимости. Рѣшено было воспользоваться алты-кудукскими колодцами и, прежде чѣмъ слѣдовать далѣе къ Аму, зайти на нихъ. Движеніе съ привала прямо къ Сардаба-кулю было физически невозможно. Еще одно непредвидѣнное замедленіе, подобное случившемуся 2-го мая — и отрядъ поставленъ былъ бы въ критическое положеніе. А что это случилось бы неизбѣжно, достаточно взять въ соображеніе слѣдующія данныя: 1) верблюды, падавшіе въ такомъ большомъ числѣ на первыхъ 20 верстахъ отъ Адамъ-крылгана, откуда они вышли сравнительно съ болѣе свѣжими силами, не могли вдругъ, безъ всякой благопріятной причины, при полномъ недостаткѣ воды, оправиться и бодро продолжать движеніе къ Аму; 2) артилерійскія лошади, хорошо напоенныя и накормленныя на Адамъ-крылганѣ, едва дотащили орудія до привала Почему же онѣ могли, не получая воды, сдѣлаться сильнѣе послѣ тяжелаго марша до перваго привала, а отсюда оставалось до Аму, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ, еще 60 верстъ, и, наконецъ, 3) сами люди были страшно утомлены; всѣ страдали отъ жажды и нуждались въ такомъ количествѣ воды, какое необходимо для возстановленія человѣческихъ силъ. А между тѣмъ, какъ извѣстно, наличный запасъ воды приходилось *растянуть на три дня*.

Но прежде перехода отряда на Алты-кудукъ, посланы были туда на рекогносцировку генеральнаго штаба подполковники Аминовъ и Каульбарсъ, съ казачьею сотнею и стрѣлковою ротою 8-го баталіона. Колодцы оказались очень глубокими, отъ 16 до 18 саженъ; вода въ нихъ была порядочная, а въ одномъ даже очень хорошая Баронъ Аминовъ съ сотнею возвратился на позицію, привезя бутылку пробной воды, а подполковникъ Каульбарсъ съ ротою остался на Алты-кудукѣ. Разстояніе до колодцевъ оказалось 9 верстъ.

Въ 1 часъ ночи на 3 мая, при свѣтѣ луны, отрядъ под-

нялся съ бивака и потянулся къ Алты-кудуку, прямо на полярную звѣзду, т. е. въ направленіи на сѣверъ и совершенно перпендикулярно къ первоначальному пути.

Ни дороги, ни тропинки не было никакой; шли просто цѣлиною. Кочки, густые кусты, рытвины, овраги, песчаныя горы, вездѣ и повсюду рыхлый, глубокій песокъ, — вотъ съ чѣмъ пришлось бороться, что одолѣвать измученному, томимому жаждою отряду. Начали движеніе въ 1 часъ ночи, а арріергардъ подтянулся на алты-кудукскую позицію лишь въ 9 часовъ утра; слѣдовательно, *девять* верстъ отряду пришлось одолѣвать *восемь* часовъ времени. Обезсиленныя артиллерійскія лошади не могли тащить орудій, и они почти на всемъ пути, а въ особенности при перевалахъ чрезъ барханы, везлись на рукахъ солдатъ. Къ общему удивленію и радости, верблюды, наоборотъ, отлично зашагали на этомъ 9-ти-верстномъ переходѣ и прошли его неожиданно благополучно; палыхъ и отсталыхъ было очень немного. Это объясняется значительнымъ уменьшеніемъ, облегченіемъ вьюковъ и небольшимъ запасомъ остававшейся въ наличности воды. Но какъ ни тяжелъ былъ переходъ къ Алты-кудуку, всѣ въ отрядѣ бодро шагали и напрягали свои силы, утѣшаясь надеждою найти тамъ воду и въ достаточномъ количествѣ. Но каково же было разочарованіе, когда на первыхъ же порахъ оказалось, что хотя вода въ алты-кудукскихъ колодцахъ и есть, но ея такъ мало и, главное, добываніе ея изъ глубокихъ, кривыхъ и узкихъ колодцевъ на столько трудно, что сразу удовлетворить общей потребности утоленія страшной жажды людей и животныхъ всего отряда было положительно невозможно. Понятно, какъ все кинулось къ колодцамъ, тотчасъ-же по расположеніи войскъ на алты-кудукской позиціи; какой хаосъ, какой гамъ, давка и толкотня происходили около этихъ дыръ въ землѣ, изъ которыхъ черпалась драгоцѣнная влага, источникъ жизни животнаго организма. Немедленно были приняты самыя энергическія мѣры, чтобы возстановить порядокъ около колодцевъ и установить очередь добыванія воды для частей войскъ. Съ огромными усиліями, но это было достигнуто. Хотя очень медленно и въ небольшомъ количествѣ, но воду начали вычерпывать изъ колодцевъ болѣе правильно, по-очереди, подъ наблюденіемъ дежурныхъ офицеровъ, и розданная войскамъ чарка воды утолила до извѣстной степени первый пылъ томившей ихъ жажды. Но несчастныхъ лаучей, джигитовъ, проводниковъ, вообще многочисленный мусульманскій элементъ не было возможности весь удовлетворить водою; между ними появились страдающіе болѣзненными припадками отъ жажды; цѣлыя шеренги ихъ вытягивались предъ ставками командующаго войсками и начальника отряда и колѣнопреклоненно молили: „су, су“ (воды, воды). Сцены были раздирающія душу. Генералы Кауфманъ, Головачовъ и другіе офицеры удѣляли изъ своихъ скудныхъ запасовъ наиболѣе страдавшимъ отъ жажды; нѣсколькихъ глотковъ воды, особенно съ виномъ, было достаточно для приведенія въ чувство впадавшихъ въ безпамятство больныхъ. Къ несчастью, не обошлось-таки въ средѣ киргизъ безъ нѣсколькихъ смертныхъ случаевъ отъ жажды. Невыносимо было также положеніе лошадей, верблюдовъ, порціоннаго скота, ишаковъ, собакъ, слѣдовавшихъ при отрядѣ. О томъ, чтобы утолить ихъ жажду и всѣхъ напоить, не могло быть и рѣчи: воды не доставало людямъ. Лошади срывались съ приколовъ и мчались къ колодцамъ; отгоняемыя отсюда, онѣ бросались на бочки, турсуки, проносимые мимо нихъ съ водою, а когда и это не удавалось, онѣ припадали мордами къ сырой, намоченной около колодцевъ, землѣ, лизали ее и глотали мокрый песокъ. То же дѣлали верблюды, рогатый скотъ, несчастные ишаки и собаки. Большія кучи животныхъ постоянно толпились, вмѣстѣ съ людьми, около колодцевъ и не было никакихъ средствъ отогнать ихъ прочь. Все, что не доставало себѣ хоть капли воды, немного сыраго песку, жалобно выло, стонало, какъ бы взывая о помощи. Бѣдные псы выводили такіе заунив-

ные концерты, что въ концѣ-концовъ ихъ начали убивать, чтобы тѣмъ избавить отъ страшныхъ мукъ гибели отъ жажды.

И гдѣ же, въ какомъ мѣстѣ, человѣку и животному пришлось такъ отчаянно бороться съ роковымъ вопросомъ о жизни и смерти? Трудно, невозможно себѣ представить что-либо угрюмѣе, безотраднѣе, печальнѣе мѣстности, на которой мы заняли позицію вокругъ алты-кудукскихъ колодцевъ. Это цѣлый лабиринтъ песчаныхъ холмовъ, съ полнымъ отсутствіемъ какой бы то ни было жизни, малѣйшаго признака движенія. Глухая, страшная мертвенность царитъ кругомъ и около этого обездоленнаго пространства. Надъ нимъ воздухъ густой, удушливый; какая-то постоянная, непроницаемая мгла застилаетъ небо. По ночамъ страшная духота, а когда съ ранняго утра выкатится на небо огненный шаръ великаго царя природы, тогда начинается невыносимое, совершеннѣйшее пекло. Человѣческое тѣло, даже безъ движенія, постоянно все въ испаринѣ; организмъ ослабѣваетъ и страшно истомляется. Вечеромъ слегка отдаетъ, по крайней мѣрѣ не жжетъ сверху, за то духота еще сильнѣе ощущается; легкимъ не достаетъ воздуха. Таковы были ощущенія, испытанныя нами съ 3-го по 9-е мая. Невозможно и вообразить себѣ, что̀ бываетъ въ этихъ мѣстахъ среди самой жаркой поры—въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ. Не даромъ туземцы называютъ это время „собачьими днями“.

Колодцы Алты-кудукъ расположены въ двухъ группахъ: въ первой имѣются три колодца; въ другой, удаленной на разстояніе версты, было два колодца. Одинъ изъ колодцевъ второй группы былъ засыпанъ туркменами. Саперы тотчасъ-же приступили къ расчисткѣ его. Оказалось, что непріятель употребилъ хитрость. Такъ какъ для рытья глубокихъ колодцевъ требуются огромныя усилія и работы, то туркмены не завалили весь колодезь; они перебрали лишь середину его сучьями, а поверхъ ихъ насыпали саженя двѣ земли, не доходившей до верху саженъ на пять. Саперы, не смотря на огромныя затрудненія, очистили колодезь и въ немъ оказалась отличная, пріятная вода. Колодезь этотъ такъ и былъ извѣстенъ въ отрядѣ подъ названіемъ *саперная*.

Такимъ образомъ на Алты-кудукѣ нашлось всего пять колодцевъ; шестой былъ совершенно обвалившійся и воды въ немъ не было вовсе. Пробовали его раскопать, но всѣ усилія оказались тщетными.

Около первой группы колодцевъ собственно и расположился весь отрядъ. Здѣсь же, вблизи одного изъ колодцевъ, находилась и ставка командующаго войсками. Колодезь этотъ былъ одинъ изъ обильныхъ водою и онъ находился въ постоянной, усиленной работѣ. Изъ него непрерывно черпалась вода, которою всѣ, не разбирая вкуса и запаха ея, упивались съ наслажденіемъ. Наконецъ, колодезь этотъ пересталъ давать воду; потребовалось его вычистить; саперы принялись за работу, и первое, что вытащили изъ колодца, къ ужасу всѣхъ только-что пившихъ воду изъ него, разложившійся трупъ собаки, которую туркмены, прежде чѣмъ бросить для русскихъ въ колодезь, совершенно ободрали. Понятно ощущеніе, которое испытывали при этомъ всѣ пившіе воду изъ этого колодца передъ его очисткою.

Второй колодезь, у расположенія конной батареи, былъ менѣе обиленъ. Еще меньше воды было въ третьемъ колодцѣ первой группы, изъ котораго могъ удовлетворяться водою лишь одинъ отрядный штабъ. Около одного изъ колодцевъ второй группы расположилась конвойная сотня командующаго войсками; здѣсь едва доставало воды для казаковъ и лошадей сотни. Наконецъ, такъ-называемый саперный колодезь былъ самый обильный и, по окончательной его расчисткѣ, онъ давалъ около 800 ведеръ въ сутки.

Когда около колодцевъ возстановился извѣстный порядокъ и первая потребность жажды была утолена, послѣдовало приказаніе пополнить прежде всего запасы воды, потраченные на переходѣ въ день 2-го мая, затѣмъ уже отпустить воду на варку пищи, а послѣ того для пойла лошадей.

Но воды во всѣхъ пяти колодцахъ было недостаточно на всѣ потребности отряда; при томъ же добываніе и этого малаго количества воды шло чрезвычайно медленно, вслѣдствіе большой глубины, малой широты и кривизны колодцевъ. Къ усугубленію труднаго положенія, съ Халъ-ата вдругъ налетѣла вся кавалерія, которой, какъ выше сказано, приказано было выступить къ Адамъ-крылгану 1-го мая и нагнать отрядъ на второй половинѣ перехода его къ озеру Сардаба-кулю. Кавалерія не получила во́-время извѣстія о томъ, что отрядъ свернулъ на Алты-кудукъ и что все движеніе задержано, а потому, исполняя приказаніе, она нагнала войска 3-го мая. Послѣ небольшаго привала, ей приказано было снова возвратиться на Адамъ-крылганъ.

Выступленіе далѣе съ Алты-кудука назначено было въ 1 часъ ночи съ 3-го на 4-е мая. Предположено было идти впередъ совершенно налегкѣ, оставивъ на алты-кудукской позиціи всѣ тяжести, подъ прикрытіемъ 4-хъ ротъ и 4-хъ орудій.

Наступилъ вечеръ; въ полночь, т. е. за часъ до выступленія, должны были трубить подъемъ. Къ этому времени нужно было успѣть напоить всѣхъ лошадей и наполнить водою всѣ водоподъемные сосуды. Безъ этого условія отрядъ не могъ тронуться съ мѣста; ему предстояло пройти еще отъ Алты-кудука, какъ тогда считалось, около 70 верстъ безводнаго пространства и, прежде чѣмъ выйти къ Сардаба-кулю, т. е. достигнуть до воды, прогнать непріятельское скопище, приготовившееся, какъ извѣстно было, заградить намъ выходъ изъ безводныхъ песковъ къ Аму-дарьѣ.

Между тѣмъ, положеніе дѣла около колодцевъ и вечеромъ 3-го мая представляло мало утѣшительнаго. Оказывалось, что запасъ, потраченный наканунѣ, не только не пополненъ, но еще болѣе израсходованъ. Во многихъ частяхъ войскъ люди получили впродолженіе дня всего по одной чаркѣ воды; въ конной батареѣ только 16 лошадей были напоены и то по одному ведру. Оставалась слабая надежда, что ночью, до 12 часовъ, т. е. до часа подъема, сдѣлаютъ то, что не успѣли сдѣлать днемъ. Большинство въ отрядѣ ложилось спать съ очень тяжелыми мыслями, сознавая, что наступаетъ минута серьезнаго испытанія.

Въ 10-мъ часу вечера колонновожатый отряда, подполковникъ Аминовъ, доложилъ начальнику полеваго штаба, что выходъ войскъ въ темнотѣ на караванную дорогу, по неровной мѣстности, будетъ очень труденъ; можно даже заблудиться между песчаными барханами; что всѣ проводники находятся въ отчаянномъ положеніи, страдая отъ жажды, и, не смотря на испытанную ихъ преданность намъ, просятъ уволить ихъ отъ исполненія обязанностей и отпустить домой. Проводники совѣтовали не выступать ночью и обождать разсвѣта. Баронъ Аминовъ присовокупилъ, что положеніе дѣла съ водою въ войскахъ весьма неудовлетворительно и что поэтому выступать далѣе, даже съ небольшимъ отрядомъ, невозможно. Генералъ-маіоръ Троцкій поручилъ нѣсколькимъ чинамъ полеваго штаба обойти колодцы и доставить немедленно точныя данныя о водѣ въ частяхъ. Около 11 часовъ посланные возвратились и представили свѣдѣнія, по которымъ невозможно было отважиться на дальнѣйшее выступленіе, даже налегкѣ, какъ было рѣшено. Тогда начальникъ штаба направился къ командующему войсками, чтобы доложить полученныя свѣдѣнія, но, подходя къ ставкѣ генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана 1-го, генералъ Троцкій встрѣтился съ Его Императорскимъ Высочествомъ Княземъ Евгеніемъ Максиміліановичемъ, изволившимъ бесѣдовать съ подполковникомъ Полтарацкимъ. Въ положеніи, въ которомъ находились войска въ ночь съ 3-го на 4-е мая, естественно и понятно, что всѣ въ отрядѣ, частью изъ самосохраненія, главнымъ же образомъ по чувству долга, считали нравственною обязанностью интересоваться положеніемъ дѣла. Оказалось, что Его Высочество изволилъ говорить съ Полтарацкимъ именно о предметѣ, всѣхъ одинаково занимавшемъ. Генералъ Троцкій сообщилъ имѣвшіяся у него

свѣдѣнія, и на эту тему завязался между ними разговоръ. Обсуждая положеніе дѣла, упомянутыя лица пришли къ выводу, который, формулированный въ окончательномъ видѣ начальникомъ штаба, заключался въ слѣдующемъ: на Алты-кудукѣ оставить всѣ тяжести отряда, орудія безъ лошадей и бо́льшую часть войскъ; всѣхъ лошадей, верблюдовъ, навьюченныхъ лишь опорожнившеюся отъ воды посудою, отправить, подъ небольшимъ прикрытіемъ, назадъ—на Адамъ-крылганъ; тамъ напоить, подкормить животныхъ, налить водою всѣ водоподъемныя средства отряда и возвратиться на Алты-кудукъ. Къ этому времени войска, остававшіяся здѣсь, должны быть совершенно готовы къ выступленію и, принявши лошадей, верблюдовъ и наполненные адамъ-крылганскою водою сосуды, тотчасъ-же двинуться съ Алты-кудука къ Аму-дарьѣ.

По докладѣ начальникомъ штаба всего дѣла, какъ оно изложено выше, генералъ Кауфманъ, прежде утвержденія проектируемаго плана, собралъ къ себѣ начальниковъ отдѣльныхъ частей, разспросилъ каждаго о положеніи дѣла съ водою и, обсудивъ вопросъ, на какое число войскъ достанетъ воды въ алты-кудукскихъ колодцахъ, судя по ходу добыванія ея впродолженіе дня 3-го мая, утвердилъ предположеніе своего начальника штаба и тутъ-же отдалъ соотвѣтствующія приказанія.

Послѣдствія оправдали практичность принятой мѣры. Раздѣленіемъ отряда уменьшилось количество воды, которое нужно было для обезпеченія ею оставшихся на Алты-кудукѣ войскъ. Отправленныя на Адамъ-крылганъ лошади и верблюды напоились тамъ вдоволь, а втеченіе нѣсколькихъ дней отдыха, употребленныхъ на рытье на Адамъ-крылганѣ новыхъ колодцевъ и на пополненіе водою всѣхъ отрядныхъ бочекъ, турсуковъ, баклагъ и проч., животныя успѣли возстановить свои силы. Войска, коимъ предстояло движеніе къ Аму-дарьѣ, тотчасъ-же по возвращеніи лошадей и верблюдовъ съ водоподъемными сосудами съ Адамъ-крылгана, имѣли съ собою полный запасъ воды. Наконецъ, отправленіемъ назадъ на Адамъ-крылганъ лишь небольшаго отряда, когда большая часть войскъ оставалась въ алты-кудукской позиціи, мы, въ глазахъ непріятеля, не смотря на трудное положеніе, не отступали ни на одинъ шагъ, а это обстоятельство всегда имѣетъ значеніе въ войнѣ съ среднеазіятцами.

Ночь съ 3-го на 4-е мая для всѣхъ въ отрядѣ останется памятною навсегда. Колодцы уподоблялись муравьинымъ кучамъ, около которыхъ кипѣла самая живая, дѣятельная работа; до самаго утра здѣсь раздавались возгласы, приказанія, стукъ ведеръ, плескъ наливаемой въ бочки воды. Все это, среди ночной тишины, производило особое впечатлѣніе, еще болѣе тягостное, чѣмъ днемъ.

На разсвѣтѣ 4-го мая, колонна, отправляемая назадъ на Адамъ-крылганъ, начала вытягиваться длинною вереницею съ алты-кудукскаго бивака. Артиллерійскія, казачьи, офицерскія, вьючныя лошади (1), всѣ до одного верблюды, ишаки, часть порціоннаго скота — все это потянулось въ направленіи къ Адамъ-крылгану, чтобы въ изобильныхъ водныхъ источникахъ этого урочища произвести, какъ изволилъ выражаться Его Высочество Князь Евгеній Максиміліановичъ, *водопой monstre*. Въ прикрытіе транспортной колоннѣ назначены были 2 роты 4-го туркестанскаго стрѣлковаго, рота 8-го линейнаго баталіоновъ и часть саперной роты. Начальство надъ колонною ввѣрено было генералъ-маіору Бардовскому; завѣдываніе же огромнымъ вьючнымъ обозомъ поручено было полковнику Голову.

Съ уходомъ колонны генерала Бардовскаго, на Алты-кудукѣ сразу сдѣлалось просторнѣе и какъ-то легче. Возлѣ колодцевъ продолжалась та же дѣятельная работа, но тутъ

(1) Изъ лошадей въ лагерѣ осталось только по одной: у командующаго войсками, начальника отряда, начальника штаба, командировъ батарей и офицеровъ генеральнаго штаба, на случай рекогносцировокъ, и половина конвойной сотни командующаго войсками, для разъѣздовъ.

не было уже того шума, давки и сусты, какъ наканунѣ; вмѣстѣ съ людьми здѣсь не толпились, не стонали и не кричали несчастныя животныя, томимыя жаждой. Почти $^2/_3$, если не болѣе, мусульманскаго элемента, всѣ злосчастные лаучи— все это отправилось въ колоннѣ генерала Бардовскаго и, слѣдовательно, огромная масса жаждущихъ организмовъ сразу освободила отрядъ, оставшійся на Алты-кудукѣ. Постепенно здѣсь начали водворяться спокойствіе, порядокъ; лихорадочная, грозившая опасными симптомами, дѣятельность прекратилась; не видно было уже раздирающихъ душу сценъ, и алты-кудукскій бивакъ мало-по-малу принялъ обычный, спокойный видъ.

На колодцахъ водворенъ былъ образцовый порядокъ. Водные источники распредѣлили по частямъ; указано было время, когда и какая часть могла пользоваться колодцами; назначили къ нимъ дежурныхъ, съ утра до ночи стоявшихъ у колодцевъ и слѣдившихъ по спискамъ за правильнымъ распредѣленіемъ воды. Время отъ времени колодцы чистились,—иначе добываніе воды изъ нихъ шло очень медленно. Чтобы скорѣе вытаскивать воду изъ глубокихъ (1), узкихъ, кривыхъ колодцевъ, употреблены были различные практическіе пріемы. Находчивая русская натура скоро примѣнилась къ извѣстной обстановкѣ. Такъ, напримѣръ, саперный колодезь имѣлъ $17^1/_2$ саженъ глубины, и наверху ничего не было слышно, что говорилъ человѣкъ, сидящій внизу у самой воды и наливающій ее въ опускаемые сверху сосуды. Тогда на половинѣ глубины колодца, въ уширеніи, гдѣ была нишь, посадили рабочаго, который и передавалъ распоряженія отъ нижнихъ къ верхнимъ рабочимъ и обратно. На днѣ колодца помѣщалось обыкновенно двое; къ нимъ спускали два-три турсука, которые, по наполненіи, подымались рабочими, стоявшими на поверхности земли. Внизу скоплялось большое количество газовъ, вредныхъ для дыханія; отъ нихъ кружилась голова у людей. Одинъ саперный офицеръ придумалъ способъ освѣженія воздуха на днѣ колодцевъ; съ помощью кузнечнаго мѣха, онъ надувалъ опускаемые за водою турсуки и чрезъ это внизъ спускался сразу значительный запасъ чистаго воздуха. Потомъ придумали образованіе около колодцевъ резервуаровъ; ими служили желѣзные понтоны, въ которые, впродолженіе ночи, наливали воду въ запасъ, а затѣмъ уже изъ резервуаровъ раздавали ее. Кромѣ ускоренія раздачи воды, этимъ достигалось и болѣе правильное ея распредѣленіе, такъ какъ до образованія резервуаровъ вода раздавалась изъ тѣхъ же турсуковъ и прочихъ разнокалиберныхъ сосудовъ, коими она вычерпывалась изъ колодцевъ.

Работа у колодцевъ продолжалась и днемъ и ночью; она прерывалась лишь необходимостью смѣны людей, работавшихъ внутри колодцевъ и особенно на днѣ, у самой воды, а также потребностью чистки колодцевъ и временемъ скопленія въ нихъ воды.

Не смотря на огромный трудъ добыванія вышеуказанными способами воды изъ алты-кудукскихъ колодцевъ, положеніе отряда въ этомъ отношеніи замѣтно улучшилось 4-го, 5-го мая и въ послѣдующіе дни до возвращенія колонны генерала Бардовскаго. Въ лагерѣ не встрѣчались уже измученныя, блѣдныя лица, шатающіяся съ пустыми ведрами и манерками.

Г.г. офицерамъ вода раздавалась по спискамъ, въ которыхъ было показано: кому, сколько ведеръ получать ежедневно. Первоначальный разсчетъ былъ сдѣланъ слишкомъ въ обрѣзъ: полведра на человѣка и ведро на лошадь. Впослѣдствіи оказалось возможнымъ увеличить эту дачу до ведра на человѣка и $1^1/_2$ в. на лошадь. Вопіющая нужда значительно уменьшилась; но о томъ, чтобы помыть лицо, нечего было и мечтать. Въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ подспорьемъ служила испарина, изобильно изгоняемая изъ организма страшною жарою и духотою, одолѣвавшими насъ

(1) Глубина колодцевъ была отъ 16—18 саженъ.

во все время стоянки на Алты-кудукѣ. Болѣе одного раза въ недѣлю рѣдко кто въ отрядѣ умывался; за то съ какою радостью всѣ воспользовались въ этомъ отношеніи *вольною* (1) аму-дарьинскою водою, когда, наконецъ, 11-го мая, мы вышли къ Учъ-учаку.

Такая борьба изъ-за насущной потребности, понятно, была крайне тяжела; она требовала огромнаго напряженія нравственныхъ и физическихъ силъ всѣхъ чиновъ отряда, отъ старшаго до младшаго. Остаться при такой обстановкѣ твердыми въ исполненіи обязанностей и бодрыми—это задача, исполнимая лишь для людей, свято преданныхъ долгу и вѣрныхъ присягѣ Государю и отечеству. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы дисциплина въ войскахъ, въ эти минуты тяжкихъ испытаній, сколько-нибудь ослабла; наоборотъ, въ неравной борьбѣ съ суровою природой духъ войскъ какъ-бы еще болѣе окрѣпъ и закалился. Русскому солдату ни почемъ было скоро освоиться даже и съ тою обстановкою, въ какой мы находились на Алты-кудукѣ. Едва успѣли улечься первая горячка, безпокойства за недостатокъ воды, какъ въ частяхъ войскъ послышались пѣсенки, начались обыденныя занятія. Солдаты 4-го линейнаго баталіона, этого старѣйшаго представителя туркестанскихъ войскъ, принялись тотчасъ-же за исправленіе сѣтей. Смекнулъ русскій умъ, среди всѣхъ тягостей, что выйдемъ же мы, наконецъ, когда-нибудь на Аму-дарью, а тамъ можно половить рыбу, — вотъ онъ чуть не все свое хозяйство побросалъ по пути, сжегъ даже залишнюю рубашку, сапоги, а сѣти все-таки приберегъ и, какъ только слегка все поуспокоилось, онъ вытащилъ ихъ и чинитъ. За этою работой засталъ солдатъ командующій войсками.—„Что, братцы, вы это дѣлаете?“—„Сѣти правимъ, ваше превосходительство“. —„Зачѣмъ?“—Вотъ ужо какъ выйдемъ на Аму-дарью, такъ рыбку будемъ ловить, ваше превосходительство“ (2).

Но оставимъ на время Алты-кудукъ и посмотримъ: какъ исполняла порученное ей, серьезное въ данной обстановкѣ, дѣло колонна генерала Бардовскаго.

Она прибыла на Адамъ-крылганъ 4-го же мая, въ $6^1/_2$ часовъ вечера, сдѣлавъ переходъ въ 25 верстъ и отдохнувъ на полпути 3 часа. Верблюды, не смотря на то, что шли безъ вьюковъ, и на этомъ переходѣ составляли страшное бремя для отряда. Они растягивались, отставали; много изъ нихъ пало; на дорогѣ погибло также нѣсколько заводныхъ лошадей. 17 колодцевъ, оставленныхъ нами на Адамъ-крылганѣ 2-го мая, были всѣ цѣлы, не засыпаны и не завалены. Ихъ сторожила наша кавалерія, которая, какъ припомнимъ, 3-го мая была возвращена съ Алты-кудука на Адамъ-крылганъ. Сохранившіеся 17 колодцевъ были очень кстати для колонны генерала Бардовскаго, въ которой большая часть лошадей, а верблюды, рогатый скотъ и ишаки—всѣ безъ исключенія, не пили уже третьи сутки: 2-го, 3-го и 4-го мая. И между людьми, особенно лаучи, джигиты не много имѣли у себя воды для удовлетворенія одолѣвавшей ихъ въ эти трое сутокъ жажды. Не слѣдуетъ при всемъ этомъ забывать, что при существовавшей въ эти дни жарѣ, духотѣ, сухости воздуха, при огромномъ расходѣ силъ на преодолѣніе трудностей пути, пройденнаго 2-го, 3-го и 4-го мая, потребность въ водѣ и человѣческому организму и животнымъ была очень значительная. Понятнымъ станетъ, какъ обрадовались всѣ въ колоннѣ Бардовскаго 17-ти адамъ-крылганскимъ колодцамъ, какая работа закипѣла около нихъ тотчасъ-же по расположеніи бивака. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно было приступлено и къ рытью новыхъ колодцевъ; существовавшихъ было достаточно лишь для первыхъ потребностей. Къ вечеру 5-го мая вырыли еще 33 колодца (19 прѣсныхъ и 14 солоноватыхъ), а 6-го числа еще 10;

(1) $2^1/_2$-мѣсячное странствованіе по степнымъ колодцамъ, при чемъ вода выдавалась не иначе какъ мѣрою, вызвала у туркестанцевъ названіе Аму-дарьи *вольною водою*.

(2) И дѣйствительно, къ вечеру перваго же дня выхода на Аму-дарью солдаты 4-го баталіона употребили въ дѣло заготовленные ими на Алты-кудукѣ неводъ и наловили порядочное количество аму-дарьинской рыбы.

такимъ образомъ всего на Адамъ-крылганѣ было уже 60 колодцевъ. Такое количество вполнѣ обезпечивало и пойло животныхъ и наполненіе водою всѣхъ водоподъемныхъ сосудовъ для отряда.

Исполненіе колонною генерала Бардовскаго возложеннаго на нее порученія было обезпокоено, на разсвѣтѣ 6-го мая, нападеніемъ на бивакъ шайки туркменъ, часть которой еще наканунѣ, въ полдень 5-го числа, пыталась отбить нѣсколько нашихъ верблюдовъ, ходившихъ на пастбище. Но когда прикрытіе, окарауливавшее стадо, заняло близлежащій барханъ, туркмены отказались отъ своего намѣренія, поспѣшно удалились и соединились съ главною партіею, державшеюся все время внѣ выстрѣла. Потомъ и эта партія исчезла, оставивъ на дальнемъ барханѣ небольшой пикетъ. Ночь на 6 число прошла спокойно; но въ 4 часа утра непріятель снова показался около лагеря. Раздѣлившись на двѣ кучи, въ каждой примѣрно по 200 человѣкъ, непріятель началъ наступать на нашу позицію съ двухъ сторонъ. Но войска въ лагерѣ уже были готовы къ отраженію атаки. Генералъ Бардовскій поставилъ ихъ въ ружье безъ тревоги и выслалъ впередъ на барханы, въ стороны, гдѣ собрался непріятель, стрѣлковые взводы. Туркмены два раза бросались на барханы, но, встрѣчаемые изъ-за нихъ огнемъ стрѣлковъ, поворачивали назадъ, отступали и съ дальняго разстоянія открывали по стрѣлковымъ взводамъ и по лагерю, безвредный для насъ, ружейный огонь. Попытка непріятеля атаковать нашъ бивакъ и безцѣльная перестрѣлка его заняли часа два времени и мѣшали намъ выпустить на пастьбу верблюдовъ и лошадей. Тогда генералъ Бардовскій приказалъ начальнику кавалеріи, съ частью казачьихъ сотень и съ ракетною батареею, прогнать шайку. Нѣсколько удачно пущенныхъ ракетъ заставили непріятеля повернуть тылъ и разсѣяться. Потомъ онъ снова собрался и готовился къ сопротивленію. Кавалерія двинулась на рысяхъ впередъ; непріятель не выждалъ атаки и опять разсѣялся. Тогда началось преслѣдованіе хивинцевъ; вмѣстѣ съ казаками, непріятеля гнала и часть нашей пѣхоты. Преслѣдованіе было остановлено въ 4-хъ верстахъ отъ лагеря. По всему пути отступленія хивинцевъ попадались окровавленныя тряпки халатовъ, вата, виднѣлись слѣды крови. Непріятель понесъ значительную потерю отъ огня нашихъ стрѣлковъ и отъ боевыхъ ракетъ. У насъ потери вовсе не было.

Какъ показалъ перебѣжчикъ, нападавшая на Адамъ-крылганъ, 6-го мая, партія хивинцевъ состояла изъ 400 туркменъ и киргизъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго степнаго разбойника Садыка. Онъ былъ высланъ изъ лагеря хивинцевъ у Учъ-учака, для обезпокоенія туркестанскаго отряда во время перехода имъ стоверстнаго песчанаго пространства, отдѣляющаго уроч. Халъ-ата отъ Аму-дарьи. За партіею Садыка слѣдовалъ караванъ изъ 200 верблюдовъ съ водою. Въ ночь съ 4-го на 5-е мая шайка Садыка ночевала въ 8 верстахъ отъ Адамъ-крылгана. Здѣсь, отъ захваченнаго въ плѣнъ одного нашего лауча, Садыкъ узналъ, что на Адамъ-крылганѣ расположенъ русскій отрядъ, всего будто бы въ 150 человѣкъ, прикрывающій огромное число верблюдовъ. Случай показался Садыку соблазнительнымъ и онъ рискнулъ произвести нападеніе. Попытка эта, однако, была весьма неудачна. Плѣнные, взятые нами впослѣдствіи въ дѣлѣ 11-го мая, показали, что изъ партіи Садыка едва лишь половина возвратились въ учъ-учакскій лагерь и то почти всѣ пѣшкомъ, еле живые отъ жажды и утомленія, вслѣдствіе поспѣшнаго и быстраго отступленія. Остальная половина или разбѣжалась, или погибла отъ ранъ, а еще болѣе отъ недостатка воды. Всѣ верблюды и много лошадей брошены на дорогѣ. Безпорядочное прибытіе остатковъ партіи Садыка въ учъ-учакскій лагерь, разсказы вернувшихся, произвели панику между хивинскими войсками. По словамъ ихъ „если бы русскіе продолжали преслѣдованіе, то ни одинъ изъ насъ не вернулся бы“.

Но „русскимъ“ было не до того, чтобы преслѣдовать

ничтожную шайку Садыка, которая и сама-по-себѣ, почти вся, и безъ преслѣдованія едва ли не погибла; туркестанцы въ это время были заняты болѣе серьезнымъ дѣломъ—подготовленіемъ къ передвиженію на берега Аму-дарьи.

6-го и 7-го чиселъ колонна генерала Бардовскаго оставалась въ позиціи на Адамъ-крылганѣ; верблюды и лошади подкармливались, отдыхали, а люди наполняли водою бочки, турсуки и прочіе водоподъемные сосуды. 8-го мая, въ 3 часа дня, колонна выступила обратно къ Алты-кудуку. Кавалерія осталась на Адамъ-крылганѣ и ей приказано было выступить оттуда 10-го числа, т. е. днемъ позже выступленія пѣхотной колонны, съ артиллеріею и обозомъ, съ Алты-кудука. Кавалеріи приказано было нагнать главный отрядъ передъ выходомъ его къ озеру Сардаба-кулю.

Между тѣмъ положеніе войскъ на Алты-кудукѣ было то же, какое установилось къ вечеру 4-го мая: воду добывали, расходовали ее экономно и ждали извѣстій съ Адамъ-крылгана и возвращенія посланной туда колонны. Донесеніе генерала Бардовскаго о нападеніи непріятеля 6-го мая было совершеннымъ сюрпризомъ; удивлялись дерзости хивинцевъ, рискнувшихъ, имѣя позади себя нашъ отрядъ на Алты-кудукѣ, пройти мимо его и напасть на адамъ-крылганскую позицію. Какъ выше сказано, непріятель жестоко поплатился за эту попытку.

Медленно тянулись на Алты-кудукѣ часы за часами; томительно проходили въ ожиданіи день за днемъ. Жары стояли невыносимые и только по вечерамъ всѣ нѣсколько оживали. Чтобы сколько-нибудь развлечься, у ставки командующаго войсками собирался по вечерамъ „клубъ", въ который каждый долженъ былъ являться съ своею бутылкой воды. Чаю, конечно, гостямъ не подавалось—это была бы невозможная роскошь: на столько мы были бѣдны водою. Всѣ собирались въ клубъ, бесѣдовали, дѣлились скуднымъ запасомъ впечатлѣній и новостей дня, возбуждались разные, приличные данной обстановкѣ, вопросы и, между прочимъ, ставился даже столъ, за который усаживались любители ералаша. По вечерамъ, на бивакѣ играла музыка 3-го стрѣлковаго баталіона; но ея мелодіи какъ-то беззвучно разсѣявались въ душной, сухой алты-кудукской атмосферѣ.

Поверхность, на которой былъ расположенъ бивакъ, представляла сплошную массу глубокаго песку. Только небольшія площадки, въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, около колодцевъ, имѣли твердый грунтъ; на всемъ остальномъ пространствѣ вездѣ былъ песокъ. Чтобы пройти нѣсколько шаговъ отъ своей палатки, требовались большія усилія, такъ какъ нога вязла глубоко въ пескѣ. Къ полдню и послѣ него часа три песокъ страшно раскалялся и ходить тогда по немъ было еще непріятнѣе и труднѣе.

Нашъ почтенный сподвижникъ, отрядный священникъ, отецъ Андрей Маловъ, раскинулъ на одномъ изъ песчаныхъ бархановъ наметъ походной церкви, гдѣ и отправлялъ богослуженіе вечеромъ въ субботу и утромъ въ воскресенье.

Пользуясь свободнымъ временемъ, котораго у насъ на Алты-кудукѣ было болѣе чѣмъ воды, артиллерія занялась, между прочимъ, опытною стрѣльбою. 5-го мая произведена была стрѣльба изъ картечницъ. Результаты оказались неудовлетворительны. Стрѣльба была неудачна вслѣдствіе задержекъ, происходившихъ отъ неправильнаго паденія пуль изъ жестянокъ въ пріемникъ; кромѣ того, въ одной картечницѣ на практикѣ ломался экстракторъ. Другіе опыты произведены были надъ разрывомъ гранатъ. Въ отрядѣ существовало мнѣніе, что гранаты съ ударною трубкой, попадая въ песокъ, не разрываются. Произведенные 6-го мая опыты опровергли это мнѣніе: всѣ выпущенныя гранаты, при ударѣ въ песокъ, разрывались.

6-го мая генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Аминовъ произвелъ рекогносцировку, съ частью конвойной командующаго войсками сотни, чтобы отыскать, между песчаными барханами, удобный и кратчайшій выходъ на большую караванную дорогу, для предстоявшаго движенія отряда. Рекогно-

сцировка встрѣтилась вблизи отъ бивака съ небольшою непріятельскою партіею, завязавшею перестрѣлку съ казаками. Но лишь только эти послѣдніе понеслись на непріятеля въ атаку, партія разсыпалась и, пользуясь неровностями мѣстности, скрылась. До караванной дороги оказалось 8 верстъ, и путь съ Алты-кудука выходилъ на учъ-учакскую дорогу 5 верстами далѣе позиціи, на которой былъ, всѣмъ памятный, привалъ 2-го мая.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, три отрядные джигита наткнулись, недалеко отъ лагеря, на десять туркменъ и отбили у нихъ одну лошадь.

Оба эти случая показывали, что вблизи лагеря бродятъ напріятельскія партіи. Чтобы обезпечить отъ всякихъ случайностей безостановочное и безопасное движеніе колонны генерала Бардовскаго, при возвращеніи ея на Алты-кудукъ, вечеромъ 7-го мая высланы были изъ лагеря къ караванной дорогѣ, на встрѣчу адамъ-крылганской колонны, 2 роты 2-го линейнаго баталіона. Но колонна генерала Бардовскаго не возвратилась 8-го мая и потому роты были возвращены на бивакъ.

7-го мая бивакъ на Алты-кудукѣ временно очень оживился; у многихъ лица сіяли радостью; воодушевленіе было полное. Теперь забавно даже вспомнить, какая ничтожная причина была предметомъ оживленія и общей радости въ отрядѣ. Но тогда это имѣло огромное для насъ значеніе. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день возвратился въ лагерь лазутчикъ-джигитъ, посланный къ Сардаба-кулю высмотрѣть силы и расположеніе тамъ хивинскаго скопища. Лазутчикъ, въ доказательство, что онъ дѣйствительно былъ на мѣстѣ, привезъ съ собою *пучекъ камыша* съ Сардаба-куля. Вотъ этотъ-то камышъ, свидѣтельствовавшій намъ во-очію близость Аму-дарьи, и былъ предметомъ общаго оживленія. Всѣ распрашивали, волновались. Каждому хотѣлось, если не получить хоть вѣточки этого камыша, то по крайней мѣрѣ посмотрѣть на него и собственными глазами видѣть это неоспоримое доказательство близости живой, вольной воды. Вопросъ о томъ, какая масса хивинцевъ собралась на Учъ-учакѣ, чтобы заградить намъ выходъ къ Аму-дарьѣ, былъ совершенно на второмъ планѣ; въ отрядѣ не допускалось мысли, что разъ, какъ ему удастся одолѣть грозную природу и благополучно выйти изъ песковъ, чтобы хивинцы воспрепятствовали ему достигнуть Аму-дарьи—этой цѣли, къ которой стремились помыслы всѣхъ и каждаго уже впродолженіе почти 3-хъ мѣсяцевъ.

9-го мая, въ 7 часовъ утра, прибыла, наконецъ, на Алты-кудукъ давно жданная, желанная колонна генерала Бардовскаго, съ наполненными водою сосудами и съ напоенными лошадьми и верблюдами. Но, къ общему ужасу, этихъ послѣднихъ осталось всего 1240 головъ. Нашъ вьючный обозъ, такимъ образомъ, постепенно *таялъ:* нельзя и подобрать другое выраженіе факту, который такъ затруднялъ и озабочивалъ туркестанскій отрядъ въ хивинскомъ походѣ. Нечего было, слѣдовательно, и думать о томъ, чтобы поднять съ Алты-кудука всѣ тяжести и всю колонну въ полномъ ея составѣ. Приходилось оставить на Алты-кудукѣ отрядныя тяжести, въ коихъ не встрѣчалось насущной потребности, и, для прикрытія ихъ, 2 роты 3-го стрѣлковаго баталіона и дивизіонъ конной батареи. Трудно представить себѣ, что ощущали тѣ войска, коимъ выпадалъ тяжелый жребій оставаться на неопредѣленное время въ алты-кудукской позиціи. Но тягость испытаній возбуждаетъ въ русскомъ воинствѣ пропорціонально еще большую энергію и стойкость, и отрядъ полковника Новомлинскаго, оставленный на Алты-кудукѣ, исполнилъ возложенную на него задачу по-истинѣ съ мужествомъ и съ геройствомъ.

Для остальныхъ, сравнительно счастливыхъ, частей войскъ насталъ, наконецъ, давно ожидаемый часъ выступленія ихъ съ, черной памяти, алты-кудукскихъ колодцевъ.

Въ 3 часа послѣ обѣда 9-го мая, колонна, въ составѣ 10 ротъ, 8 орудій, 2 картечницъ и казачьей сотни, поднялась съ бивака

и медленно потянулась въ юго-западномъ направленіи. Опять та же угрюмая мѣстность кругомъ, тѣ же песчаныя горы, тѣ же картины походнаго движенія по рыхлому, глубокому песку, чрезмѣрное напряженіе силъ людей и животныхъ. По счастью, погода была благопріятная; небо заволокло легкими тучками; маленькій вѣтерокъ освѣжалъ воздухъ. Первыя 8 верстъ, до выхода на караванную дорогу, были очень тяжелы; снова пришлось идти безъ дороги, цѣликомъ. Верблюды, на которыхъ вьюки были не болѣе 8 пудовъ, сильно отставали на этихъ 8 верстахъ, и снова большое число ихъ пало здѣсь. Когда отрядъ выбрался, наконецъ, на караванную дорогу, верблюды пошли лучше, войска бодро зашагали и, около 8 часовъ вечера, когда уже начало темнѣть, колонна отошла отъ Алты-кудука 20 верстъ и остановилась на ночлегъ. Начало, слѣдовательно, было вполнѣ удачно. Съ 3-хъ часовъ дня до 8 вечера, т. е. впродолженіе 5 часовъ, отрядъ прошелъ 20 верстъ, или *4 версты въ часъ*, очень тяжелаго, утомительнаго марша по пескамъ. Пищу на ночлегѣ не варили; воду роздали людямъ только для питья и на чай; по одному ведру дали артиллерійскимъ и казачьимъ лошадямъ. На питье солдаты мало истратили воды; всю полученную порцію они употребили на чай, который составляетъ лучшее средство отъ жажды; сырая вода лишь временно уменьшаетъ жажду, не утоляя ее. Спокойно, крѣпко заснулъ отрядъ на ночлегѣ съ 9-го на 10-е мая; укладываясь, кто какъ могъ, на бивакѣ, всякій мечталъ о томъ, что завтра, быть можетъ, доведется увидѣть, наконецъ, три холма (Учъ-учакъ), у подножія которыхъ вьется, широкою лентою, рѣка, съ прѣсною, вкусною водой, достающею милліонамъ людей. . . .

Ночью бивакъ былъ слегка потревоженъ. Небольшая непріятельская партія, подкрадываясь къ позиціи, наткнулась на одинъ изъ секретовъ, расположенныхъ впереди передняго фаса каре. Изъ секрета выстрѣлили, непріятель бросился назадъ, въ лагерѣ пробудились, но тревоги не трубили; въ ружье сталъ лишь одинъ передній фасъ, и то не надолго. Когда съ аванпостовъ дали знать, что непріятель скрылся, въ лагерѣ снова все успокоилось и захрапѣло.

За полчаса до разсвѣта 10-го мая, у ставки начальника отряда протрубили подъемъ. Отрядъ скоро собрался и черезъ полчаса тронулся въ путь. Прохладный вѣтерокъ съ Амударьи, такъ благодѣтельно освѣжавшій насъ наканунѣ, за ночь совершенно стихъ. Стало душно и солнце съ утра начало нещадно печь, обжигая сверху и раскаляя внизу песчаную почву. Къ полудню жаръ достигъ 45 градусовъ Реомюра.... А путь былъ необычайно труденъ. Во-1-хъ, вся мѣстность къ Аму-дарьѣ дѣлала замѣтный подъемъ; во 2-хъ, дорога къ Учъ-учаку, песчаная на всемъ своемъ протяженіи, пересѣкалась поперегъ семью широкими и высокими песчаными кряжами (джиты-аши) и множествомъ менѣе значительныхъ песчаныхъ увaловъ. Длинная вереница нашей колонны непрерывно изгибалась; войскамъ съ артиллеріею и вьючнымъ обозомъ приходилось безпрестанно, то подыматься, то спускаться, снова подыматься, опять спускаться, и т. д. Логà между песчаными нагроможденіями были незначительны по ширинѣ; въ нихъ тоже былъ песокъ, движеніе по которому было трудно; но здѣсь колонна отдыхала и движеніе въ логу было ничто въ сравненіи съ подъемомъ, переваломъ и спускомъ на джиты-аши и на остальныхъ менѣе значительныхъ песчаныхъ увалахъ, а между тѣмъ и увалы эти, и песчаные кряжи или джиты-аши, чѣмъ ближе къ Аму-дарьѣ, тѣмъ дѣлались все выше и круче. Люди, лошади, верблюды—все это надрывалось, сгибалось, пыхтѣло, одолѣвая непомѣрную работу ногами въ рыхломъ, сыпучемъ пескѣ; организмъ напрягался, дѣлалъ послѣднія усилія, а жгучее солнце, сверху, не давало пощады. Медленно, шагъ за шагомъ, протянулись 8 верстъ отъ ночлега, перевалили два джиты-аши, взобрались на третій. Утомленіе, жажда, невыносимо одолѣвали всѣхъ. Но вотъ по отряду пронеслась восторженная вѣсть: съ

вершины третьяго кряжа увидѣли вдали на горизонтѣ три холма.—„Учъ-учакъ! Учъ-учакъ!“ раздалось по всѣмъ направленіямъ. Всѣ устремили взоры впередъ, напрягали зрѣніе, чтобы хорошенько всмотрѣться: не миражъ ли это, дѣйствительно ли то три холма, достигнувъ которыхъ, мы покончимъ съ нашими мученіями и испытаніями. Командующій войсками разослалъ въ колонны своихъ адъютантовъ сообщить всѣмъ радостную вѣсть. Восторженное, хотя и глухое „ура!“ вырвалось изъ тысячи надорванныхъ грудей и огласило мертвенную пустыню. Все оживилось, пріободрилось въ отрядѣ. Нашлись сейчасъ-же остряки, серьезно увѣрявшіе, что даже верблюды почуяли близость рѣки и бодрѣе зашагали. Всѣмъ сдѣлалось легче, веселѣе; какъ будто и солнце не такъ жгло и песокъ казался менѣе глубокимъ и песчаные перекаты легче предыдущихъ.

Отрядъ прошелъ еще версты три-четыре и остановился для привала. Версты $1^1/_2$ впереди позиціи, на которой расположилась колонна для бивака, возвышался четвертый высокій кряжъ. Для обзора съ него впереди-лежащей мѣстности, тотчасъ-же по расположеніи войскъ на позиціи, командированъ былъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ съ офицерами генеральнаго штаба. Съ вершины этого кряжа, далеко влѣво за песчаными барханами, уже виднѣлась синеватая, искрившаяся на солнцѣ, лента.—„Рѣка! рѣка!“ шевельнулась у каждаго радостная мысль.

Отдыхъ на привалѣ для всѣхъ былъ крайне необходимъ. Бивакъ расположенъ былъ на тѣхъ же неизмѣнныхъ, однообразныхъ, песчаныхъ, голыхъ барханахъ; низенькіе, стелющіеся по землѣ, чахлые кусты песчаной флоры, немного зеленой, невысокой, рѣденькой травы „рангъ“, да множество ящерицъ—вотъ все, что до извѣстной степени оживляло, изъ растительнаго и животнаго міра, мѣстность, на которой приваливалъ отрядъ. Впереди, назади, по сторонамъ, сколько могъ видѣть глазъ, вездѣ безбрежно разстилалась та же грустная, унылая картина массъ, глыбъ, горъ песку....

Во время привала топографы опредѣляли разстояніе до Учъ-учака; измѣренъ былъ 5-ти-верстный базисъ и засѣченъ одинъ изъ трехъ холмовъ; разстояніе оказалось въ 15 верстъ.

Наблюдая съ бивака, въ бинокли и трубы, учъ-учакскія высоты, увидѣли огромную пыль на ихъ отлогостяхъ и большую темную массу, спускавшуюся съ высоты правѣе крайняго холма. Это хивинское полчище, замѣтивъ наше приближеніе, переходило изъ лагеря на берегу Аму-дарьи къ озеру Сардаба-кулю, на встрѣчу отряда.

Отдохнувши и подкрѣпившись чаемъ съ сухарями, колонна поднялась съ привала въ два часа дня и потянулась впередъ. Путь чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлался все утомительнѣе и тяжелѣе; песокъ былъ глубже, рыхлѣе; джиты-аши—выше, круче; песчаные перекаты черезъ дорогу—чаще. По пути стали больше попадаться павшія и уже ободранныя лошади, верблюды. Встрѣчались и живые еще, эти несчастныя животныя, брошенныя на произволъ судьбы; изнуренные недостаткомъ корма и воды, надорванные трудною работою, лишенные силъ тронуться съ мѣста, верблюды неподвижно лежали въ пескѣ, ожидая смерти... То были слѣды быстраго, поспѣшнаго отступленія съ Адамъ-крылгана къ Учъ-учаку несчастной партіи Садыка.

Выбиваясь въ пескѣ изъ силъ, молча, медленно подвигалась впередъ длинная нитка нашей колонны. Вдругъ впереди произошло какое-то оживленіе; изъ авангарда по всей колоннѣ моментально пронесся слухъ о появленіи непріятеля. До Учъ-учака оставалось еще 8 верстъ. Начальникъ отряда генералъ Головачовъ, слѣдовавшій впереди войскъ, первый замѣтилъ непріятельскіе разъѣзды и остановилъ головныя части, чтобы дать подтянуться колоннѣ. Командующій войсками, слѣдовавшій, обыкновенно, съ своею свитою, съ боку колонны, былъ въ это время на высотѣ ея середины. Онъ тотчасъ-же, рысью, поѣхалъ къ авангарду.

Съ высокаго бархана, находившагося на мѣстѣ остановки головныхъ частей, открылась чрезвычайно оживленная, новая картина. Впереди-лежащіе барханы были всѣ усыпаны непріятельскою конницею, растянувшеюся полукружіемъ, приблизительно версты на двѣ разстоянія. Непріятель очевидно готовился задержать здѣсь дальнѣйшее движеніе отряда къ водѣ. Онъ разсчитывалъ на крайнее истощеніе войскъ при выходѣ ихъ изъ безводныхъ песковъ и мечталъ, что отряду не устоять при первомъ дружномъ его натискѣ.

Было уже около 6-ти часовъ вечера; солнце близилось къ закату. Рѣшено было остановиться здѣсь на ночлегъ, стянуться, отдохнуть и съ разсвѣтомъ 11-го мая двинуться далѣе. Лишь только авангардъ началъ располагаться на позиціи, въ непріятельскомъ станѣ, бывшемъ до тѣхъ поръ совершенно спокойнымъ, замѣчено было движеніе. Изъ разныхъ пунктовъ его расположенія выскакали на рысяхъ впередъ кучки всадниковъ, изъ которыхъ наиболѣе смѣлые и отважные приблизились къ нашей позиціи на ружейный выстрѣлъ и начали стрѣлять. Понятно, что стрѣльба эта была совершенно для насъ безвредна; войска спокойно подходили къ мѣсту бивака и занимали на немъ свои мѣста. Для того же, чтобы отогнать дальше отъ позиціи болѣе рьяныхъ непріятельскихъ всадниковъ и отбить у нихъ охоту наскочить на растянувшійся по дорогѣ нашъ вьючный обозъ, высланы были впередъ отъ позиціи и къ правому ея флангу стрѣлковые взводы. Стрѣлкамъ, по принятому въ отрядѣ правилу, строго подтверждено было не тратить патроновъ, стрѣлять лишь навѣрняка, съ близкихъ дистанцій. Позиція для ночлега занята была такимъ образомъ: на самой дорогѣ и по сторонамъ ея поставили конныя орудія, прикрываемыя на флангахъ двумя ротами пѣхоты. Орудія съ ротами составили передній фасъ каре, въ которое, по мѣрѣ стягиванія, устраивались остальныя войска для ночлега; внутри каре помѣстился обозъ. Фасы каре заняли гребни барханов, а обозъ сталъ въ котловинѣ, скрывавшей его со всѣхъ четырехъ сторонъ отъ выстрѣловъ непріятеля.

Наступили сумерки; чѣмъ болѣе темнѣло и непріятель убѣждался, что мы остановились здѣсь не для того, чтобы подтянуться и идти далѣе, а располагаемся на ночлегъ, тѣмъ онъ дѣлался смѣлѣе и настойчивѣе. Фланги его растянутаго расположенія болѣе и болѣе сближались къ нашей позиціи и она оказалась, наконецъ, какъ-бы опоясанною, со стороны передняго и боковыхъ фасовъ, живою дугою массы непріятельскаго коннаго полчища. Но никакого дружнаго натиска, ни одной смѣлой, лихой атаки мы не дождались въ этотъ вечеръ. Надо полагать, грозна была для хивинцевъ нравственная сила, сравнительно съ ихъ числомъ, горсти русскихъ храбрецовъ, надорванныхъ непомѣрными трудами пройденнаго пути, томимыхъ и обезсиленныхъ сильной жаждой. Лишь небольшое число смѣльчаковъ изъ непріятельскаго стана, пользуясь наступавшею темнотою и неровностями мѣстности, рискнуло, подкрадываясь, приближаться къ нашему лагерю; они вездѣ натыкались при этомъ на наши стрѣлковые взводы, выставленные впередъ секреты, которые не клали охулку на руку и живо снимали всадниковъ съ сѣдла или ранили и убивали ихъ лошадей удачными выстрѣлами съ самыхъ близкихъ дистанцій. Рѣдко кому изъ приближавшихся къ биваку смѣльчаковъ посчастливилось вернуться назадъ благополучно. Картина на самой позиціи была весьма оживленная; въ мракѣ сумерекъ безпрестанно сверкали огоньки ружейныхъ выстрѣловъ и далеко разносилось ихъ эхо по песчаной, мертвенной пустынѣ. Не смотря на общее утомленіе, отрядъ бодрствовалъ, почти всѣ были на ногахъ, и, занявъ вершины барханов, войска и наши отрядные мусульмане безпечно забавлялись состязаніемъ двухъ враждебныхъ лагерей. Подошло время вечерней зари. Очередное орудіе зарядили гранатою; направленіе выстрѣлу дали въ болѣе густую массу непріятельскаго расположенія. Любопытныхъ собралось около орудія множество. Раздалось

„или“; орудіе рявкнуло, сверкнулъ въ темнотѣ огонь, и граната, оставляя за собою свѣтящійся слѣдъ, полетѣла въ непріятельскій станъ. Все смолкло, насторожило слухъ; вдали раздался гулъ разрыва гранаты и въ хивинскомъ лагерѣ послышался глухой шумъ и какое-то движеніе. Затѣмъ снова настало затишье, изрѣдка прерываемое ружейною трескотнею, продолжавшеюся всю ночь. Съ наступленіемъ темноты бивачные огни зажглись и въ нашемъ и въ непріятельскомъ лагерѣ. Хивинцы не поскупились кострами и зажгли нѣчто въ родѣ иллюминаціи. Должно быть хоть этимъ они намѣрены были припугнуть насъ, чтобы, завидя такую массу огней, мы по нимъ представили бы себѣ, что за несмѣтное полчище накинется на насъ на слѣдующій день и опрокинетъ, или, какъ есть у туркменъ выраженіе, *растопчетъ* весь русскій отрядъ. Что думали и на что разсчитывали, въ ночь съ 10-го на 11-е мая, хивинскіе ратники—это оставалось для насъ въ области догадокъ; но представлявшаяся картина двухъ вражьихъ лагерей, въ общемъ, въ ночной темнотѣ, была весьма интересна и занимательна. Одинъ лагерь—маленькій, крошечный, почти темный: рѣдко-рѣдко гдѣ догоралъ небольшой костеръ; утомленное въ немъ дневною работою воинство спало крѣпкимъ, сильнымъ сномъ, подъ охраною правильно, симметрично разставленныхъ сторожевыхъ постовъ. Другой бивакъ—огромный, растянутый, съ массою ярко пылающихъ костровъ, какъ-бы сдавливалъ первый своимъ огненнымъ поясомъ. Надъ всѣмъ этимъ тихая, душная ночь, южное, звѣздное небо, и изрѣдка, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ сверкнетъ огонекъ и раздастся раскатъ ружейнаго выстрѣла.

Начало, наконецъ, свѣтать; у насъ протрубили подъемъ. Живо поднялись войска, быстрѣе обычнаго шла навьючка верблюдовъ; все двигалось на позиціи какъ-то живѣе, торопливѣе. Черезъ полчаса отрядъ былъ готовъ къ выступленію и войска заняли мѣста, назначенныя имъ по диспозиціи, объявленной наканунѣ. Командующій войсками объѣхалъ каждую часть войскъ, поздравлялъ ихъ съ первою встрѣчею съ непріятелемъ, предупреждалъ не тратить попусту зарядовъ и патроновъ, не увлекаться преслѣдованіемъ и отраженіемъ атакъ непріятеля, а, соблюдая стройность и порядокъ марша, имѣть въ виду главную цѣль—выходъ изъ песковъ и достиженіе живой, вольной воды.

Вьючный обозъ нашъ стянулся въ плотную, сомкнутую массу; верблюды были уставлены въ нѣсколько рядовъ, при чемъ, сколько могло ихъ, слѣдовало по дорогѣ, остальные по сторонамъ ея; общая фигура вагенбурга представляла квадратъ. Войска замкнули этотъ квадратъ со всѣхъ сторонъ и расположились въ порядкѣ, который детально можно видѣть на прилагаемомъ планѣ. Командованіе передовою цѣпью стрѣлковъ поручено было Его Императорскому Высочеству Князю Евгенію Максимиліановичу; Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ изволилъ слѣдовать при ротахъ 4-го туркестанскаго линейнаго баталіона. Кавалерія, подоспѣвшая съ Адамъ-крылгана къ отряду за часъ до его выступленія, замыкала весь маршъ и слѣдовала позади арріергарда.

Солнце взошло уже довольно высоко и, по обыкновенію, начало сильно припекать, когда данъ былъ сигналъ наступленія колоннѣ. Войска перекрестились, взяли ружье вольно и бодро зашагали снова по тому же песку, но уже на этотъ разъ каждый чувствовалъ и сознавалъ, что это послѣдніе трудные шаги, послѣднія усилія. Напряженіе, бодрость были всеобщія; замѣчательное явленіе—даже верблюды, этотъ тяжелый кошмаръ отряда, и тѣ на сей разъ шли лучше; они, дѣйствительно, какъ-бы чуяли близость воды, шагали къ ней неожиданно ходко; палыхъ и отсталыхъ не было ни одного.

Пока не трогалась съ мѣста наша колонна, въ непріятельскомъ расположеніи замѣтны были движеніе, суета; конныя его массы оставались, однако, на мѣстѣ и лишь одиночные всадники выскакивали впередъ, приближались къ

позиціи и стрѣляли съ коня. Но едва отрядъ тронулся съ мѣста, непріятельская линія заколыхалась, раздались трубные звуки, ободрительные крики „уръ-уръ“, и вся масса коннаго полчища ринулась на колонну, огибая ее съ фланговъ. Однако первый пылъ этого натиска скоро прошелъ. Не прибавляя и не убавляя ходу, наша колонна медленно, шагъ за шагомъ, словно стальная броня, зарываясь въ глубокомъ пескѣ, стройно и грозно подвигалась впередъ. Выскочившія первыми части коннаго непріятельскаго полчища, попавъ въ сферу дѣйствительнаго ружейнаго огня нашихъ передовой и боковыхъ цѣпей, сразу осадили своихъ коней, остановились и, выпустивъ съ сѣдла нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, повернули назадъ и спустились въ лощины, прикрываясь песчаными холмами. Наши цѣпи стрѣляли сдержанно; онѣ прибѣгали къ пулѣ только тогда, когда непріятель былъ шагахъ въ 400—500, не болѣе. Это было наступленіе съ пальбою по подвижнымъ мишенямъ. Нѣсколько всадниковъ повалились съ сѣделъ отъ пуль нашихъ стрѣлковъ; часть ихъ были раненые, другіе убитые; и тѣхъ и другихъ хивинцы ловко и быстро подхватывали на крупы лошадей и ускакивали; наши стрѣлки подбили и поранили также нѣсколько лошадей въ непріятельскихъ рядахъ. Убѣдясь, что съ фронта нельзя задержать нашей колонны, непріятель попытался атаковать ея фланги. Здѣсь повторилось то же самое. Огонь боковыхъ цѣпей живо разметалъ конныя партіи непріятеля, которыя, повернувъ тылъ, поспѣшно скрылись за ближайшіе барханы Наконецъ, попытка хивинцевъ опрокинуться и на хвостъ колонны была для нихъ столь-же неудачна, какъ и первыя двѣ атаки. Тогда, окруживъ нашъ отрядъ, ни на минуту не останавливавшій своего постепеннаго, медленнаго движенія впередъ, сильно растянувшеюся, порѣдѣвшею массою конныхъ, и не дерзая уже болѣе приближаться къ колоннѣ, непріятель сопровождалъ ея маршъ, на почтительномъ разстояніи, дикими, оглушительными криками „уръ-уръ“, звуками огромныхъ своихъ, въ родѣ іерихонскихъ, трубъ и совершенно безцѣльною, безвредною ружейною трескотнею. Одолѣвая собственно трудности марша, колонна спокойно подвигалась впередъ, изрѣдка отвѣчая изъ четырехъ сторонъ квадрата, въ который она была заключена, на непріятельскіе ружейные и фальконетные выстрѣлы. Хивинцы видимо ослабѣвали и падали духомъ; съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ, они убѣждались, что имъ не остановить этого марша, не одолѣть силы, неуклонно, спокойно стремившейся къ данной цѣли. Шумъ, крики, трубные звуки въ непріятельскихъ рядахъ начали постепенно ослабѣвать, затихать; конныя его массы замѣтно порѣдѣли; большая часть ихъ собралась къ правой сторонѣ нашего движенія и оттуда, повернувъ назадъ, потянулась въ безпорядкѣ, правѣе Учъ-учака, къ берегу Аму-дарьи. Въ этомъ направленіи пролегалъ ближайшій путь отступленія непріятеля къ переправѣ у Ичке-яра и на дорогу, по правому берегу Аму, въ Шураханъ. Очевидно было, что хивинцы, потерявъ надежду заградить намъ путь къ рѣкѣ, начинали уже думать о собственномъ спасеніи и объ обезпеченіи пути отступленія.

Отрядъ протянулся уже пять верстъ отъ мѣста бывшаго ночлега. Съ высокихъ бархановъ, на которые взобралась колонна, виднѣлась уже темно-голубая полоса.—„Вода!рѣка!“ невольно и радостно вырвалось у каждаго. То было озеро Сардаба - куль, всего верстахъ въ трехъ впереди отряда. Его окаймляла, такъ давно невиданная нами, пріятная зелень камыша и осоки. Озеро занимало огромную площадь, сѣверо - западная сторона которой примыкала къ отлогостямъ учъ-учакскимъ холмовъ. Учъ - учакскія высоты, далѣе вправо, въ сѣверномъ направленіи, тянулись въ видѣ каменной гряды, окаймляющей берегъ Аму и носящей мѣстное названіе „чинка“. Къ сѣверной сторонѣ чинкъ постепенно понижался и терялся въ пескахъ; южною же своею оконечностью онъ упирается въ Аму-дарью.

Съ песчаныхъ возвышенностей, до которыхъ достигъ въ то время отрядъ, мѣстность постепенно понижалась и переходила въ низменность, противоположный скатъ которой составляли отлогости чинка и подошва трехъ учъ-учакскихъ холмовъ. Прямо по направленію дороги, шагахъ въ 300 отъ сѣвернаго берега озера, виднѣлось обширное, массивное кирпичное зданіе, оказавшееся потомъ старою полуразвалившеюся постройкою Сардаба-рабатъ. На этой-то низменности, влѣво отъ дороги, разстилалась обширная площадь озера Сардаба-куля, питаемаго водою изъ разливовъ Аму-дарьи.

Къ 8-ми часамъ утра колонна вышла, наконецъ, изъ песковъ къ краю низменности. Ноги и людей, и животныхъ, сразу почувствовали облегченіе; онѣ не тонули, не вязли уже въ раскаленномъ пескѣ, а ступали по твердой, глинисто-солонцоватой почвѣ. Непріятель ускорилъ свое отступленіе; онъ поспѣшно уходилъ, скрываясь отъ насъ за чинкъ и за учъ-учакскіе холмы. Часть его, какъ-бы пытаясь еще оказать намъ послѣднее сопротивленіе, остановилась у подошвы и по отлогостямъ чинка. Тогда съ нашей стороны выдвинули впередъ на позицію взводъ орудій; два удачные выстрѣла гранатами, разорвавшимися какъ - разъ въ серединѣ конной непріятельской толпы, моментально ее разсѣяли; всадники быстро повернули назадъ и скрылись за чинкомъ къ сторонѣ Аму-дарьи.

Этимъ закончилось трудное дѣло выхода туркестанскихъ войскъ изъ безводной, песчаной пустыни. Отрядъ стоялъ на берегу озера; вольная, прѣсная вода, о которой такъ давно и сладко мечтали, была у всѣхъ на виду, подъ глазами. Съ особеннымъ восторгомъ и жадностью взоры всѣхъ устремились на озеро. Требовалось усиліе, чтобы сдерживать коней и верблюдовъ, которые рвались къ водѣ. Жажда томила всѣхъ; каждый готовъ былъ броситься къ озеру и прильнуть запекшимися губами къ водѣ.

Но непріятель былъ еще въ виду; войска находились въ строю, въ боевомъ порядкѣ, хотя голова колонны была уже остановлена; не дали еще сигнала отбоя; не было команды составить ружья, вольно, оправиться, и потому ни одинъ человѣкъ изъ отряда не позволилъ себѣ нагнуться и зачерпнуть воды, чтобы утолить жажду. Пониманіе долга удерживало всѣхъ и каждаго отъ великаго соблазна!

Войска и обозъ постепенно подтягивались къ остановившимся уже головнымъ частямъ. Командующій войсками, объѣзжая всѣ части, благодарилъ войска за стойкость, стройность, порядокъ во время марша и поздравлялъ всѣхъ съ достиженіемъ важной цѣли. Подъѣзжая къ ротамъ 4-го туркестанскаго линейнаго баталіона, командующій войсками замѣтилъ на флангахъ ротъ ряды манерокъ и бутылокъ, наполненныхъ водою. Командиръ баталіона, генеральнаго штаба подполковникъ Чайковскій доложилъ генералу Кауфману, что это запасъ воды, который, согласно его приказанія, остался у людей по выходѣ отряда изъ песковъ. Надо замѣтить, что передъ выступленіемъ въ безводные переходы, сперва съ Халъ-ата, потомъ съ Адамъ-крылгана и, наконецъ, съ Алты-кудука, по войскамъ отдавалось приказаніе: возможно бережнѣе обращаться съ водою и расходовать ее на столько экономно, чтобы къ выходу изъ безводныхъ пространствъ, у людей всегда оставался бы небольшой ея запасъ. Мѣра эта признавалась необходимою для крайняго случая, когда отряду, противъ всякаго разсчета и ожиданія, пришлось бы задержаться въ безводныхъ пескахъ долѣе предполагавшагося времени. Такъ и передъ послѣднимъ переходомъ къ Сардаба - кулю, войскамъ подтверждалось беречь воду и сохранить небольшой запасъ ея, который и вылить въ озеро. Командующій войсками горячо благодарилъ войска за примѣрное, самоотверженное исполненіе ими приказаній начальства.—„Передъ такими войсками шапку надо снимать и кланяться“, не разъ говорилъ, въ хивинскій походъ 1873 года, генералъ Кауфманъ.

У берега озера данъ былъ небольшой привалъ. Отрядъ

былъ веселъ; всѣ вздохнули свободнѣе. Каждымъ сознавалось, что нескончаемые, тяжелые пески остались уже сзади, что труднѣйшая часть похода одолѣна, окончена. Воды для всѣхъ было вдоволь; каждый свободно подходилъ къ озеру и бралъ ее сколько угодно; лошади и верблюды, давно уже въ мѣру не напивавшіеся, удовлетворяли себя здѣсь вполнѣ; они находили тутъ же и кормъ въ молодомъ камышѣ и осокѣ, росшихъ по берегу озера. Общая картина бивака была чрезвычайно оживленная; войска весело разговаривали, пѣсенники пѣли. Стаи разныхъ птицъ, носившіяся надъ озеромъ, оглашая воздухъ крикомъ и щебетаньемъ, еще болѣе оживляли общій праздничный видъ позиціи. Но надо было докончить еще съ непріятелемъ. Задержать выходъ нашъ къ водѣ ему не удалось; поэтому предполагали, что, быть можетъ, онъ окажетъ намъ сопротивленіе въ своемъ лагерѣ, который, какъ извѣстно было отъ лазутчиковъ, расположенъ былъ за чинкомъ, на самомъ берегу Аму-дарьи. Собственно рѣки мы еще не видали; ее закрывали отъ насъ учъ учакскіе холмы и каменная гряда такъ-называемаго чинка. Чтобы дойти до хивинскаго лагеря, нужно было перевалить чинкъ и спуститься въ долину Аму.

Когда кавалерія отряда нѣсколько отдохнула (надо помнить, что она въ этотъ день, безъ отдыха, шла прямо съ Адамъ-крылгана, сдѣлавъ уже болѣе 60 верстъ), командующій войсками лично повелъ ее къ непріятельскому лагерю. Начальнику отряда приказано было, съ частью пѣхоты и горными орудіями, идти слѣдомъ за кавалеріею, а весь вьючный обозъ, подъ прикрытіемъ остальной пѣхоты и коннаго дивизіона (лошади котораго были особенно утомлены), оставленъ былъ на берегу Сардаба-куля и построенъ тамъ въ вагенбургъ.

Непріятеля давно уже не было и слѣдовъ на сардаба-кульской низменности. Только когда кавалерія поднялась на гребень чинка, замѣчено было вдали нѣсколько одиночныхъ всадниковъ, поспѣшно догонявшихъ хвостъ непріятельской партіи, растянувшейся по дорогѣ, которая шла по берегу Аму-дарьи. Командующій войсками направилъ кавалерію на рысяхъ для преслѣдованія быстро уходившаго непріятеля, до котораго съ гребня чинка было около 3—4 верстъ. Когда казачьи сотни быстро спустились внизъ съ чинка, они увидѣли на самомъ берегу Аму брошенный непріятелемъ лагерь и въ немъ небольшую партію хивинцевъ. Кавалерія понеслась на лагерь; но хивинцы успѣли ускакать изъ него ранѣе, чѣмъ подоспѣли туда казачьи сотни. Тогда казаки погнались за непріятелемъ берегомъ внизъ по теченію рѣки.

Какъ выше замѣчено, чинкъ южною своею оконечностью упирается въ Аму-дарью. Въ этомъ мѣстѣ образовалась глубокая котловина, открытая къ рѣкѣ. Котловина напоминаетъ потухшій кратеръ съ высокими отвѣсными боками. У южнаго края котловины возвышаются три сопки, которыя собственно и называются Учъ-учакъ. Дорога или караванный путь раздѣляется у развалинъ Сардаба-рабата на двѣ вѣтви: одна переваливаетъ черезъ чинкъ прямо отъ Сардаба-рабата, оставляя влѣво упомянутую котловину и три сопки; она спускается въ долину Аму къ небольшой низменности Сары-тугай, лежащей у самаго берега рѣки, и отъ этой низменности идетъ по правому берегу Аму, внизъ по ея теченію; на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи дорога значительно удалена отъ берега рѣки и, лишь въ 8 верстахъ отъ Сары-тугая, она подходитъ къ Аму на урочищѣ Ичке-яръ. Другая вѣтвь караваннаго пути отдѣляется тотчасъ-же отъ Сардаба-рабата вправо и, переваливъ чрезъ чинкъ, верстахъ въ 3—4 отъ Учъ-учака, тамъ, гдѣ каменная гряда значительно уже понижается, минуетъ Сары-тугай и, оставляя эту низменность и долину Аму верстахъ въ двухъ влѣво, также выходитъ къ берегу рѣки на урочищѣ Ичке-яръ.

Хивинское полчище, противопоставленное туркестанскому отряду, расположено было сперва лагеремъ на Сары-тугаѣ;

10-го мая оно перешло къ Сардаба-кулю, а въ ночь на 11-е число вышло на встрѣчу отряду къ одному изъ джиты-аши или возвышенному песчаному кряжу, пересѣкавшему путь движенія войскъ. Потерявъ надежду заградить намъ 11-го мая выходъ къ Аму-дарьѣ, хивинскія войска не рѣшились остановиться въ лагерѣ на Сары-тугаѣ, чтобы тамъ дать намъ отпоръ. Уже выходя изъ этого лагеря 10-го числа къ Сардаба-кулю, они совсѣмъ его очистили, а стоявшіе на рѣкѣ возлѣ лагеря каюки (1) спустили внизъ къ урочищу Ичке-яру, чтобы тамъ переправиться на лѣвый берегъ Аму и тѣмъ спастись отъ преслѣдованія русскаго отряда и совершеннаго пораженія. Поэтому, отходя назадъ отъ наступавшей къ Сардаба-кулю нашей колонны, главная масса хивинскихъ войскъ потянулась не по дорогѣ, выводившей къ сары-тугайскому лагерю, а вправо, по пути, направлявшемуся прямо къ переправѣ у Ичке-яра. Только небольшая партія, задержавшаяся, какъ припомнимъ, у подошвы чинка и разметанная нашими двумя гранатами, бросилась на ближайшую дорогу черезъ чинкъ къ Сары-тугаю и только хвостъ этой партіи удалось нашей кавалеріи застигнуть на урочищѣ Ичке-ярѣ. Остальная масса непріятеля частью уже переправилась здѣсь на лѣвый берегъ, частью была въ каюкахъ и приближалась къ противоположной сторонѣ рѣки; значительная же непріятельская партія спасалась поспѣшнымъ отступленіемъ правымъ берегомъ, по большой шураханской дорогѣ.

Начальникъ кавалеріи остановилъ на Ичке-ярѣ дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля. Наши казачьи сотни были уже сильно утомлены непрерывнымъ, почти 80-верстнымъ переходомъ, изъ которыхъ 60 верстъ по пескамъ, а послѣднія верстъ 15, почти всѣ, на полныхъ рысяхъ. На берегу рѣки выставлена была ракетная батарея, которая и открыла огонь какъ по непріятелю, уходившему по правому берегу, такъ и по каюкамъ съ переправлявшимися на лѣвый берегъ хивинскими войсками. Одинъ изъ этихъ каюковъ попалъ на мель; кромѣ ракетъ, по немъ открыли огонь и спѣшенные казаки, поставленные по берегу. Тогда большая часть хивинцевъ, находившихся на каюкѣ, бросилась въ воду, стараясь достигнуть лѣваго берега вплавь и въ бродъ; остальные залегли на днѣ лодки и тамъ укрывались отъ нашихъ выстрѣловъ. Къ этому времени подскакалъ на рысяхъ къ Ичке-яру командующій войсками со свитою и съ конвойною своею сотнею. Когда по въѣздѣ, во главѣ кавалеріи, на гребень чинка, усмотрѣно было, что хивинцевъ въ лагерѣ на Сары-тугаѣ нѣтъ и что все полчище ихъ находится въ полномъ отступленіи, генералъ Кауфманъ отправилъ начальника кавалеріи, подполковника Главацкаго, со всѣми казачьими сотнями и ракетною батареею, для преслѣдованія отступающаго непріятеля; самъ же со свитою и конвойною сотнею спустился съ чинка на Сары-тугай, съ цѣлью выбора мѣста подъ лагерь отряда. Части пѣхоты, слѣдовавшей за кавалеріею, приказано было вернуться назадъ къ Сардаба-кулю и расположиться тамъ на отдыхъ возлѣ вагенбурга. Едва командующій войсками успѣлъ объѣхать и осмотрѣть бывшій хивинскій лагерь, какъ отъ подполковника Главацкаго прискакалъ командированный имъ офицеръ, съ донесеніемъ, что на Ичке-ярѣ кавалерія настигла хвостъ непріятельской конной массы. Генералъ Кауфманъ тотчасъ-же поѣхалъ къ Ичке-яру.

Чтобы снять съ мели хивинскій каюкъ и привести его къ нашему берегу, вызваны были охотники изъ казаковъ. Каюкъ сидѣлъ на мели саженяхъ въ 200 отъ берега; сильный, порывистый вѣтеръ разводилъ большія волны на Аму-дарьѣ. Приходилось добраться до каюка вплавь, выбить засѣвшихъ въ немъ хивинцевъ, стащить каюкъ съ мели и причалить его къ нашему берегу. Охотниками вызвалось нѣсколько уральскихъ казаковъ и съ ними прапорщикъ Каменецкій (2). Живо раздѣлись до рубашекъ молодцы-казаки,

(1) Большія хивинскія лодки, подымающія отъ 500—700 пудовъ грузу.
(2) Впослѣдствіи убитый въ дѣлѣ 13-го іюля съ туркменами.

взяли за спины винтовки, на шеи патронныя сумки, бросились верхомъ на лошадяхъ въ рѣку, соскочили въ водѣ съ лошадей и, придерживаясь и ловко цѣпляясь за гривы коней, начали дружно погонять ихъ, чтобы онѣ плыли въ направленіи къ мели. Замѣтивъ грозившую имъ опасность, хивинцы, бывшіе въ лодкѣ, открыли пальбу по приближавшейся къ нимъ пловучей атакѣ, но, по счастью, совершенно безвредную для казаковъ. Уральцы и во главѣ ихъ Каменецкій, одолѣвая быстрое теченіе и сильныя волны, не обращали вниманія на эту стрѣльбу и постепенно приближались къ каюку. Наконецъ, видно было съ нашего берега, что они начинаютъ достигать мели и становиться на ноги. Когда всѣ пловцы выбрались на мель, лошади съ однимъ казакомъ были направлены обратно къ берегу, а остальные казаки бросились къ каюку и заняли его. Еще когда казаки не достигли до мели, хивинцы, сидѣвшіе въ лодкѣ, въ виду грозившей имъ опасности, выскочили изъ каюка въ воду и пустились вплавь къ лѣвому берегу; нѣсколько ихъ добрались до него благополучно, большая же часть потонула.

Снявъ каюкъ съ мели, уральцы направили его къ нашему берегу. Каменецкій, стоя у руля съ накинутымъ на плечи хивинскимъ халатомъ и противопоставляя вѣтру его полы, изображалъ изъ себя и мачту и парусъ; уральцы, коимъ опредѣлено было 100 руб. награды въ случаѣ успѣха, съ сіяющими, довольными лицами, лихо гребли и направляли каюкъ. Въ немъ оказалось 2 коровы, нѣсколько барановъ, немного лепешекъ, рису, шашки, халаты и проч. Все это разрѣшено было оставить молодцамъ-уральцамъ, какъ военную добычу, и тутъ-же имъ были отданы призовые 100 руб.

Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ, намъ удалось раздобыть на Аму-дарьѣ одинъ хивинскій каюкъ, составившій вмѣстѣ съ тремя кауфманками (желѣзными, сборными лодками, привезенными изъ Казалинска до берега Аму на спинахъ верблюдовъ) ядро нашей гребной флотиліи, которая черезъ недѣлю на столько увеличилась новыми отбитыми у непріятеля лодками, что могла переправить въ 4 дня, чрезъ широкую, быструю, многоводную Аму-дарью, весь отрядъ съ его тяжестями.

Раздобыли веревокъ, и казаки бережно закрѣпили дорогую добычу къ кустамъ, росшимъ по берегу. Непріятеля нигдѣ уже не было видно. Позиція, занятая кавалеріею на Ичке-ярѣ, представляла мирную картину: выкачивали изъ каюка воду; казачьи лошади, связанныя по нѣсколько головъ вмѣстѣ, щипали сочную траву, которой онѣ давно уже не видѣли; многіе казаки, утомленные большимъ переходомъ и безсонною ночью, растянулись на землѣ и спали здоровымъ сномъ. Казачьи сотни остались на ночлегъ на Ичке-ярѣ; командующій же войсками, съ конвойною сотнею, возвратился къ главной колоннѣ, которая, тѣмъ временемъ, перешла отъ Сардаба-куля на берегъ Аму-дарьи и расположилась тамъ на бивакъ, возлѣ бывшаго непріятельскаго лагеря.

Тотчасъ-же по занятіи войсками и обозомъ мѣстъ на бивакѣ, все, что только было свободно отъ службы и занятій, бросилось купаться. Весь берегъ рѣки, по протяженію бивака, усыпанъ былъ купающимися и моющимися. Солдаты 4-го баталіона тотчасъ-же закинули въ рѣку невода и начали ловить рыбу. Нашъ лихой морякъ Зубовъ усиленно хлопоталъ и работалъ съ своими матросами надъ сборкою и спускомъ на воду кауфманки. Къ вечеру работа съ одной лодкой была окончена; ее спустили на воду; нѣсколько офицеровъ, съ Зубовымъ и матросами, сѣли въ лодку и съ пѣснями отправились кататься. То было первое русское судно въ аму-дарьинскихъ водахъ; стройные звуки пѣвцовъ на немъ разносились по волнамъ древняго Оксуса, впервые услыхавшаго русскую пѣсню.

Общая радость и веселье въ отрядѣ были искреннія, неподдѣльныя. Все прошлое осталось сзади, какъ тяжелый сонъ, какъ страшный кошмаръ.... Хорошо, спокойно отдыхалъ отрядъ на берегу Аму-дарьи въ ночь съ 11-го на 12-е

мая. Слѣдующій день назначенъ былъ для дневки; войска начали его молитвою; отрядный священникъ, протоіерей Маловъ отслужилъ предъ всѣмъ собраннымъ отрядомъ молебенъ, и русскіе люди, по обычаю, горячо благодарили Господа силъ за благополучный исходъ труднаго, опаснаго дѣла борьбы съ неумолимою природой. Послѣ молебствія, генералъ Кауфманъ торжественно возложилъ на достойнѣйшихъ нижнихъ чиновъ знаки отличія военнаго ордена за боевой маршъ 11-го мая.

Вечеромъ 11-го мая изъ отряда отправленъ былъ нарочный въ Ташкентъ съ телеграммой Государю Императору слѣдующаго содержанія: „Войска Вашего Императорскаго Величества, составляющія головную колонну туркестанскаго отряда, въ числѣ 10 ротъ и 6 сотень, при 10 орудіяхъ и 8 ракетныхъ станкахъ, одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природой, въ особенности на послѣдней, 100-верстной, жаркой, безводной, съ сыпучими песками, полосѣ, разбили хивинское скопище, въ числѣ до 3500 человѣкъ, собравшихся у урочища Учъ-учака для прегражденія намъ пути къ Аму-дарьѣ, и безъ всякихъ жертвъ и потерь благополучно вышли и стали твердою ногою 11-го мая на рѣкѣ Аму-дарьѣ Непріятель въ паникѣ бѣжалъ. Состояніе здоровья войскъ блистательное (¹), духъ ихъ молодецкій. Всѣ, отъ старшаго до послѣдняго, исполнили свое дѣло честно и вѣрно долгу и присягѣ Вашему Императорскому Величеству. Ихъ Императорскія Высочества принимали во всемъ дѣятельное и полезное участіе. Продолжаю движеніе по Аму на Шураханъ. Подробности въ рапортѣ военному министру“.

12-го мая генералъ Кауфманъ отдалъ по войскамъ Туркестанскаго военнаго округа слѣдующій приказъ:

„Спѣшу поздравить Высочайше ввѣренныя мнѣ войска Туркестанскаго военнаго округа съ благополучнымъ и успѣшнымъ результатомъ, достигнутымъ храбрыми, молодецкими, боевыми товарищами вашими—войсками туркестанскаго отряда, дѣйствующими противъ Хивы. Одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природой, особенно на послѣдней отъ Халъ-ата, стоверстной, маловодной, жаркой, съ глубокими сыпучими песками полосѣ, прогнавъ непріятеля, собравшагося въ числѣ до 3500 человѣкъ, чтобы заградить намъ дорогу къ водѣ,—10 ротъ, 6 сотень, при 10 орудіяхъ и ракетной батареѣ, благополучно вышли и безъ всякихъ жертвъ и потерь стали твердою ногою, 11-го сего мая, на правомъ берегу Аму-дарьи, близъ урочища Учъ-учака. Объявляя объ этомъ по войскамъ ввѣреннаго мнѣ округа, я считаю себя обязаннымъ сдѣлать извѣстнымъ, что достиженіе такого результата только и могло быть при единодушномъ, честномъ стремленіи всѣхъ и каждаго, отъ старшаго до младшаго, исполнить свое дѣло свято и вѣрно долгу и присягѣ Государю Императору. Пройдя 800-верстное разстояніе, при самыхъ разнообразныхъ, тяжелыхъ условіяхъ, войска дѣйствующаго отряда съумѣли сберечь и свои силы; здоровье ихъ находится въ самомъ блистательномъ положеніи, больныхъ почти нѣтъ въ отрядѣ. Одолѣвъ затѣмъ на послѣднемъ переходѣ отъ Халъ-ата къ Учъ-учаку трудности и лишенія отъ маловодія, тяжести пути по глубокимъ пескамъ съ крутыми подъемами и спусками, войска отряда весело стали, вечеромъ 10-го мая, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Боевой маршъ ихъ 11-го мая, съ послѣдняго ночлега къ озеру Сардаба-кулю, въ виду окружавшаго насъ со всѣхъ сторонъ непріятеля, произведенъ былъ въ примѣрномъ порядкѣ и въ грозной для непріятеля стройности. Части войскъ шли какъ на ученьи; нельзя было достаточно налюбоваться этимъ внушительнымъ маршемъ. Непріятель, лишась всякой надежды на успѣхъ и теряя на каждомъ

(¹) 10-го мая, наканунѣ встрѣчи съ непріятелемъ, въ походномъ лазаретѣ было 11 больныхъ; болѣзни были на столько легкія, что всѣ 11 человѣкъ, утромъ 11-го мая, ушли въ свои части и участвовали съ ними въ строю, въ боевомъ маршѣ этого дня къ озеру Сардаба-кулю.

шагу болѣе отважныхъ своихъ всадниковъ, бѣжалъ, преслѣдуемый сотнями съ ракетной батареей, на разстояніи 20-ти верстъ. Добыча, однако, большаго каюка была наградою подвига нашей кавалеріи, сдѣлавшей въ одну ночь болѣе 60 верстъ тяжелаго перехода и вслѣдъ затѣмъ гнавшейся упорно за бѣгущимъ непріятелемъ. Не могу не вспомнить съ благодарностью и о тѣхъ частяхъ войскъ, которыя, по необходимости, пришлось мнѣ оставить на Халъ-ата и Алты-кудукѣ. На ихъ долю выпало продолженіе еще той мужественной борьбы съ разнаго рода лишеніями, сопряженными со стоянкою на колодцахъ, и съ препятствіями степнаго похода, которыя столь славно одолѣла уже головная часть отряда; только съ переходомъ ихъ на рѣку Аму-дарью, къ чему ожидаются средства въ самомъ непродолжительномъ времени, я позабочусь доставить и имъ случай сразиться съ непріятелемъ. За видѣнный мною порядокъ въ отрядѣ, въ особенности на послѣднихъ колодцахъ Алты-кудукъ и въ движеніи отряда къ озеру Сардаба кулю, благодаря всѣхъ, отъ старшаго до младшаго, я изъявляю искреннюю мою признательность: начальнику отряда, генералъ-маіору Головачову, и ближайшему пособнику моему, начальнику полеваго штаба, генералъ-маіору Троцкому, а также начальникамъ: артиллеріи — генералъ-маіору Жаринову, пѣхоты— генералъ-маіору Бардовскому, инженеровъ — полковнику Шлейферу, главному отрядному врачу статскому совѣтнику Суворову и полевому интенданту статскому совѣтнику Касьянову. Съ искренною благодарностію вспоминаю также о заслугахъ ротмистровъ, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Николая Константиновича и Князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго; перенося съ твердостію, наравнѣ съ другими чинами отряда, лишенія и труды, они служили для всѣхъ отличнымъ примѣромъ подражанія и въ боевомъ маршѣ къ Сардаба-кулю состояли при передовыхъ пѣхотныхъ частяхъ".

По показаніямъ плѣнныхъ, взятыхъ въ дѣлѣ 11-го мая, для встрѣчи русскихъ войскъ, наступавшихъ со стороны Туркестана, хивинскій ханъ собралъ войска въ окрестностяхъ Учъ-учака, съ цѣлью не допустить отрядъ до р. Аму. Хивинскія полчища состояли изъ киргизовъ, подъ начальствомъ Садыка, и хивинцевъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, по одному человѣку съ каждаго нукерскаго дома, т. е. обязаннаго хану военною службой. Хивинскія войска прибыли на Учъ-учакъ двумя партіями: первая, подъ начальствомъ диванъ-беги (совѣтникъ, министръ хана) Матъ-Ніяза, около 1500 человѣкъ (въ числѣ ихъ 500 киргизъ Садыка и 500 туркменъ), и вторая, подъ командою главнаго визиря хана, диванъ-беги Матъ-Мурада, въ числѣ до 2000 человѣкъ. Плѣнные показывали, что всѣхъ войскъ вышло намъ на встрѣчу 11-го мая до 3500 человѣкъ. Въ этомъ числѣ: 1000 туркменъ, 500 киргизъ и 2000 нукеровъ изъ осѣдлаго хивинскаго населенія; между послѣдними были стрѣлки. Хивинцы имѣли два небольшія орудія на лафетахъ.

Дней за 20 до выхода туркестанцевъ къ Аму-дарьѣ, въ хивинскомъ лагерѣ на Сары-тугаѣ получено было извѣстіе, что русскіе подходятъ къ хивинскимъ предѣламъ и съ другой стороны, отъ Аральскаго моря (оренбургскій и мангишлакскій отряды). Тогда съ Учъ-учака 1000 человѣкъ отправлены были въ аму-дарьинскую дельту; взамѣнъ ихъ собрали новыхъ 1000 нукеровъ, которые и прибыли въ учъ-учакскій лагерь лишь за нѣсколько дней до 11-го мая.

По словамъ плѣнныхъ, когда хивинское полчище собралось близъ Учъ-учака, изъ него высланы были къ сторонѣ Халъ-ата развѣдочныя партіи туркменъ. Одна изъ этихъ партій, подъ начальствомъ Супака, произвела тревогу въ лагерѣ на Халъ-ата нападеніемъ на наши аванпосты; она же имѣла дѣло 27-го апрѣля съ передовымъ разъѣздомъ колонны генерала Бардовскаго (при чемъ былъ раненъ подполковникъ Ивановъ); эта же партія потревожила отрядъ на Адамъ-крылганѣ на разсвѣтѣ 1-го мая. Во всѣхъ этихъ

случаяхъ, по показанію плѣнныхъ, партія туркмена Супака потеряла нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; но сколько именно, они не знали. Плѣнные говорили, что потеря въ лошадяхъ у туркменъ была весьма значительна. Другая развѣдочная партія, высылавшаяся изъ Учъ-учака, была—Садыка. Выше уже разсказано о нападеніи ея на Адамъ-крылганѣ на колонну генерала Бардовскаго 6-го мая и о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытала партія Садыка послѣ отбитія этого нападенія, при обратномъ слѣдованіи ея къ Учъ-учаку. Едва половина этой партіи вернулась назадъ, и та еле-живая отъ жажды и утомленія.

Какую потерю понесъ непріятель въ дѣлѣ 11-го мая и въ перестрѣлкахъ наканунѣ, плѣнные не могли въ точности опредѣлить; но, по согласному ихъ заявленію, потеря эта, и въ людяхъ, и въ лошадяхъ, была весьма значительная. Въ нашемъ отрядѣ во время боеваго марша 11-го мая потери не было никакой. 10-го и 11-го мая туркестанскими войсками выпущено противъ непріятеля 1471 патронъ, 3 гранаты и 25 ракетъ.

Въ заключеніе настоящей главы остановимся на нѣкоторыхъ особенностяхъ, которыя представляетъ боевой маршъ 11-го мая. На сколько извѣстно, изъ всѣхъ среднеазіятскихъ дѣлъ, русскимъ войскамъ въ первый разъ довелось здѣсь наступать въ виду непріятеля со всѣми обозными тяжестями. Обыкновенно обозы оставлялись позади, подъ особымъ прикрытіемъ; главныя же силы производили наступленіе на непріятеля, разбивали его, преслѣдовали, и затѣмъ уже—или обозъ присоединялся къ войскамъ или эти послѣднія возвращались къ обозу, прогнавши непріятеля. Въ дѣлѣ 11-го мая, оставить обозъ въ пустынѣ, безъ воды, не представлялось возможнымъ. Онъ долженъ былъ слѣдовать съ отрядомъ; необходимость двигаться именно такимъ образомъ заставила принять и форму построенія, соотвѣтствующую обстоятельствамъ. Обозъ замкнутъ былъ въ каре, фасы котораго составили части пѣхоты съ артиллеріею, а вся кавалерія шла сзади отряда, за его арріергардомъ. Такое построеніе вполнѣ отвѣчало требовавшимся условіямъ: удобства движенія и возможности активной обороны. Изъ формы построенія вытекалъ и способъ дѣйствій: отстрѣливаться, не вдаваясь въ преслѣдованіе; противопоставлять непріятелю кавалерію, не бросая ее въ атаку.

Цѣль боеваго марша—*дойти возможно скорѣе до воды*—была поставлена ясно и опредѣленно. Поэтому артиллерія, собственно на маршѣ, сдѣлала только одинъ выстрѣлъ, хотя для ея поражаемости представлялось много случаевъ.

Только дойдя до воды или до Сардаба-куля и устроивъ здѣсь вагенбургъ, отрядъ выдѣляетъ изъ себя кавалерію и часть пѣхоты, конми и ведется атака; до этого же времени онъ только активно оборонялся. Главная цѣль атаки заключалась въ отбитіи лодокъ, которыя въ данный моментъ представляли вопросъ первостепенной важности. Отряду съ тяжестями предстояло переправиться черезъ Аму-дарью на лѣвый ея берегъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчикомъ, у непріятеля, расположеннаго на Сары-тугаѣ, собрано было на рѣкѣ, у самаго лагеря, большое число каюковъ. Какъ сказано выше, съ сардаба-кульскаго плато, за чинкомъ и учъ-учакскими холмами, не было видно ни лагеря непріятельскаго, ни рѣки. Въ предположеніи, что непріятель, отступивъ за чинкъ, задержится въ сары-тугайскомъ лагерѣ, атака кавалеріи и за нею части пѣхоты была направлена въ обходъ лагеря, главнымъ образомъ, съ цѣлью отхватить каюки. Но оказалось, что хивинцы не сопротивлялись намъ въ лагерѣ; они бросили его еще наканунѣ, 10-го мая, и тогда же спустили внизъ по рѣкѣ до урочища Ичке-яра всѣ свои каюки. Какъ извѣстно изъ вышеприведеннаго разсказа, нашей кавалеріи удалось настигнуть на Ичке-ярѣ лишь хвостъ быстро отступавшаго непріятеля, при чемъ ею захваченъ сѣвшій на мель

одинъ хивинскій каюкъ. Тѣмъ не менѣе, въ день 11-го мая, туркестанскими войсками достигнутъ важный результатъ: они вышли на Аму - дарью. Рушилась, такимъ образомъ, надежда хивинцевъ, что русскіе не одолѣютъ безводныхъ песковъ, погибнутъ въ нихъ, и что и на этотъ разъ, какъ въ 1839 году, трудно проходимыя степи и ихъ грозная природа защитятъ Хиву отъ иноземнаго нашествія.

Разъ, какъ русскія войска вышли изъ песковъ на вольную, живую воду, ихъ ничто уже не могло остановить для достиженія цѣли экспедиціи 1873 года. Это хорошо понимали въ Хивѣ всѣ, начиная отъ хана; хивинцы уже тогда порѣшили, что все для нихъ кончено и что имъ не устоять въ борьбѣ съ русскими.

Туркестанскій отрядъ вышелъ на Аму - дарью далеко не въ благопріятныхъ условіяхъ. Въ его распоряженіи, для переправы на лѣвый берегъ рѣки, было всего лишь три маленькія желѣзныя лодки или кауфманки и одинъ отбитый у непріятеля каюкъ; не прошло нѣсколькихъ дней, и въ отрядѣ сформировалась гребная флотилія изъ такого количества судовъ, что въ четыре дня всѣ войска и тяжести переправились, у Шейхъ-арыка, на лѣвый берегъ Аму. Продовольствіе отряда, по достиженіи имъ рѣки, было весьма скудное; во всѣхъ запасахъ ощущался недостатокъ. Но растянули сколь возможно наличное продовольствіе; на мясныя порціи употребили конину, и дѣло обошлось безъ жертвъ, безъ особыхъ приключеній. Словомъ, это была уже борьба возможная; недостатки, лишенія знакомы русскому солдату и никто легче его не переноситъ ихъ, а разъ, какъ войскамъ только-что удалось одолѣть страшную борьбу съ природою, все остальное они перенесли легко, съ свойственною имъ стойкостью и бодростью.

Пользуясь успѣхомъ 11-го мая подъ Учъ-учакомъ, слѣдовало немедленно идти далѣе по слѣдамъ непріятеля и не дать ему опомниться Вслѣдствіе сего рѣшено было не задерживаться въ лагерѣ на Сары - тугаѣ выжиданіемъ прибытія туда частей войскъ, оставленныхъ на Алты - кудукѣ и Халъ-ата, и, послѣ дневки 12-го числа, 13-го мая слѣдовать далѣе. Движеніе предположено было произвести внизъ по правому берегу Аму-дарьи, до г. Шурахана, гдѣ остановиться, приготовить средства для перехода на лѣвый берегъ и переправиться чрезъ Аму у Ханки. Во время остановки у г. Шурахана предполагалось, что войска, оставленныя сзади, успѣютъ присоединиться къ передовой колоннѣ. Съ этою цѣлью, 13-го мая, посланы были, между прочимъ, изъ сары-тугайскаго лагеря назадъ на Адамъ-крылганъ 90 верблюдовъ съ водоподъемными сосудами, въ которыхъ передовая колонна въ данное время уже не нуждалась. Транспортъ этотъ назначался собственно для колонны полковника Веймарна, которому послано было предписаніе выступить съ Халъ-ата и, принявъ на Адамъ-крылганѣ упомянутыхъ верблюдовъ и водоподъемныя средства, слѣдовать съ ними къ Аму-дарьѣ и далѣе по пути движенія передовой колонны. Такимъ образомъ представилась возможность притянуть къ главнымъ силамъ, на первыхъ порахъ, только часть войскъ, временно оставленныхъ сзади. Остальныя— отрядъ полковника Новомлинскаго на Алты-кудукѣ и колонна маіора Дрешерна на Халъ-ата—должны были временно еще задержаться въ этихъ позиціяхъ.

13-го числа, въ три часа послѣ обѣда, отрядъ тронулся внизъ по теченію Аму, на урочище Ичке-яръ, гдѣ стояла кавалерія; здѣсь войска расположились на ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день двигаться на Шураханъ. Военныя соображенія требовали, чтобы, пользуясь учъ-учакскимъ успѣхомъ, не дать непріятелю опомниться и немедленно идти по его слѣдамъ. Вотъ почему, не выждавъ прибытія къ Аму-дарьѣ остальныхъ частей отряда, рѣшено было выступить далѣе съ одною передовою колонною. Дойдя до Шурахана, предполагалось одновременно заняться приготовленіемъ къ переправѣ, устройствомъ матеріальной части, а въ то же время, быть можетъ, успѣли бы подойти

къ передовой колоннѣ и другія части отряда, оставленныя сзади.

Немедленное движеніе на Шураханъ имѣло и другую важную выгоду: вступая въ населенный раіонъ, войска получали возможность пополнить продовольственные запасы, которые всѣ были на исходѣ.

Въ заботахъ и стремленіи какъ можно легче и безпрепятственнѣе пройти пространство отъ Халъ-ата къ Учъ-учаку, передовая колонна туркестанскаго отряда вышла на Аму-дарью, имѣя съ собою весьма ограниченные, скудные запасы провіанта, мяса и фуража. Хотя, собственно говоря, продовольственная часть туркестанскихъ войскъ къ этому времени и была лучше чѣмъ когда-либо, такъ какъ 3-го мая на Халъ-ата прибылъ транспортъ съ мѣсячнымъ довольствіемъ, а 21-го долженъ былъ прибыть туда же и другой, но для войскъ, вышедшихъ 11-го мая къ Аму-дарьѣ, запасы эти, по недостатку перевозочныхъ средствъ—верблюдовъ, были мертвымъ капиталомъ; воспользоваться имъ въ данное время не предстояло возможности. Не надѣясь, затѣмъ, ни на какіе подвозы сзади, приходилось подумать объ устройствѣ довольственной части передовой колонны собственными своими средствами.

При выступленіи съ Халъ-ата, въ отрядѣ, по обыкновенному разсчету, было сухарей по 16-е мая. Во время невзгодъ, перенесенныхъ отрядомъ на пути между Халъ-ата и Аму-дарьею, продовольственная часть пришла въ разстройство и много провіанта погибло. Прибытіемъ части транспорта Гринвальда на Адамъ-крылганъ, во время стоянки тамъ отряда генерала Бардовскаго, потерянный провіантъ до нѣкоторой степени былъ пополненъ. При выходѣ же на Аму-дарью оказалось, что, растягивая провіантъ до возможности, т. е. выдавая солдату не болѣе фунта сухарей въ день, въ войскахъ имѣлось довольствія только по 19-е мая; ячменя же въ отрядѣ совсѣмъ уже не было. Итакъ, къ 19-му мая надлежало, во что бы то ни стало, добыть продовольствіе; а добыть его можно было только у непріятеля. Мясное довольствіе отряда производилось, какъ извѣстно, подрядчикомъ купцомъ Громовымъ; изъ его стада, сопровождавшаго отрядъ, войска покупали, по мѣрѣ надобности, нѣсколько головъ сразу. Еще до Халъ-ата у Громова погибло много порціоннаго скота отъ изнуренія, безводицы и безкормицы. Отсюда, по недостатку воды, не было возможности гнать скотъ за отрядомъ далѣе; поэтому остатки стада Громова оставлены были на Халъ-ата. Часть войскъ взяла съ собой лишь по стольку головъ, чтобы мясной порціи достало до выхода на Аму-дарью и на первые дни дальнѣйшаго движенія. На дѣлѣ же, послѣ адамъ-крылганскихъ и алты-кудукскихъ остановокъ, оказалось, что къ выходу на Аму-дарью мясные запасы всѣ кончились. Хотя и куплено было, 13-го мая, 126 барановъ на лѣвомъ берегу Аму-дарьи, куда для этой цѣли отправился купецъ Громовъ съ нѣсколькими джигитами, но, очевидно, это была капля въ морѣ. Необходимо было озаботиться серьезнымъ обезпеченіемъ отряда этого рода довольствіемъ.

Изъ только-что сказаннаго о положеніи, въ какомъ находился отрядъ при выходѣ на Аму-дарью, ясно, что, прежде всего, необходимо было передвинуться къ Шурахану, какъ пункту населенному, гдѣ можно было найти предметы довольствія для войскъ, а затѣмъ уже выждать сзади шедшія части туркестанскаго отряда.

13-го числа, въ часъ дня, послано было назадъ, на Адамъ-крылганъ, 90 верблюдовъ съ водоподъемными сосудами, подъ конвоемъ полусотни казаковъ. Сосуды эти назначались для колонны полковника Веймарна, которая должна была выйти имъ на встрѣчу къ Адамъ-крылгану. Для поднятія тяжестей, Веймарнъ имѣлъ верблюдовъ, пришедшихъ съ транспортомъ Гринвальда. По выходѣ отряда полковника Веймарна на Аму-дарью и по достиженіи передовымъ отрядомъ пункта переправы, гдѣ уже не предстояло болѣе надобности въ верблюдахъ, предполагалось послать турсуки

и боченки, а также вьючныхъ животныхъ на Алты-кудукъ, для поднятія отряда полковника Новомлинскаго и оставленныхъ тамъ тяжестей. Только по выходѣ послѣдняго къ Амударьѣ можно было подумать о передвиженіи и остальныхъ войскъ, оставленныхъ на Халъ-ата.

VI.

Движеніе туркестанскаго отряда по правому берегу Аму на Ичке-яръ.—Устройство гребной флотиліи.—Мешекли.—Предписанія начальникамъ оренбургскаго, кавказскаго отрядовъ и Аральской флотиліи.—Базиргенъ-тугай.—Прокламаціи къ жителямъ.—Акъ-камышъ.—Рекогносцировка 16-го мая.—Дѣйствія гребной флотиліи до этого дня.—Артиллерійское дѣло 17-го мая и окончательное сформированіе средствъ переправы.—Предположеніе о переправѣ на лѣвый берегъ у Шейхъ-арыка.—Начало переправы.—Прокламаціи къ жителямъ лѣваго берега Аму.—Продовольственная часть отряда.—Извѣстіе объ оренбургскомъ отрядѣ.—Посольство Сеидъ-Магометъ-эмира.—Базаръ возлѣ лагеря.—Рекогносцировка садовъ.—Прекращеніе жителями добровольной продажи продовольственныхъ предметовъ.—Фуражировка 22 мая.—Занятіе Хазараспа и распоряженія о перевозочныхъ средствахъ.—Сношенія съ генераломъ Веревкинымъ.—Письмо хана.—Ханскій посланникъ Инакъ-Иртазали.

Рѣка Аму-дарья течетъ на днѣ низменности, окаймленной, какъ съ лѣвой, такъ и съ правой стороны, возвышенностями, понижающимися по мѣрѣ приближенія къ устью рѣки. Мѣстами онѣ образуютъ обрывы, сходящіеся на близкое разстояніе и стѣсняющіе упомянутую низменность; мѣстами же эта послѣдняя достигаетъ значительныхъ размѣровъ въ ширину. По низменности, имѣющей, большею частью, суглинистую почву, вьется Аму-дарья, подходя то къ правой, то къ лѣвой грядѣ высотъ и постоянно мѣняя свое русло. Между русломъ рѣки и подошвами высотъ, его окаймляющихъ, по рѣкѣ тянутся покрытыя растительностью поляны, возвышаясь надъ уровнемъ воды всего на нѣсколько футовъ. Поляны эти носятъ туземное названіе тугаевъ; весной онѣ сплошь заливаются водою, вслѣдствіе чего тугаи покрываются густою растительностью: высокою травою, осокою, камышемъ (1). Тугаи съ прилегающими къ нимъ песчаными возвышенностями, на которыхъ все голо и мертво, составляютъ рѣзкую противоположность.

До урочища Акъ-камыша правый, нагорный берегъ Амударьи имѣетъ значительную высоту, достигающую мѣстами до 15 саж.; отъ названнаго же пункта онъ значительно понижается и, удаляясь отъ русла рѣки на большое разстояніе, окаймляетъ съ сѣверной стороны тугаи хивинскаго оазиса.

Съ выходомъ на р. Аму температура воздуха совершенно измѣнилась; близкое присутствіе воды, а также густой травы и кустарника, которымъ почти сплошь поросли берега рѣки, значительно умѣряли жаръ дня и смягчали холодъ ночи; вмѣсто рѣзкихъ переходовъ отъ одного къ другому, вечеръ и утро были прохладны и пріятны; сухой, горячій воздухъ замѣнился влажнымъ и умѣренно теплымъ; даже при движеніи по песчанымъ пространствамъ около берега не было той жгучести, которая была особенно ощутительна въ песчаной пустынѣ.

Ночь съ 13-го на 14-е мая отрядъ и флотилія провели на урочищѣ Ичке-яръ. Путь до Ичке-яра, вдоль праваго берега Аму-дарьи, шелъ то низомъ, по указаннымъ выше тугаямъ, приближаясь въ такихъ случаяхъ къ самой рѣкѣ, то по верху обрыва, нагорнымъ берегомъ, въ нѣкоторомъ удаленіи отъ рѣки.

Пролегая по тугаямъ, дорога пересѣкала поляны, поросшія сочною травою, камышемъ, гребенщикомъ (джангилъ), осокою, солодковымъ корнемъ и другими растеніями; поляны эти представляли удобныя мѣста для биваковъ; по нагорному же берегу путь проходитъ черезъ мѣста, напоминавшія собою старую и хорошо знакомую кизылъ-кумскую степь. Грунтъ дороги по большей части твердый, и только на одномъ переходѣ, именно отъ Базиргенъ-тугая

(1) На тугаяхъ, кромѣ травъ и камыша (преимущественно Imperata), встрѣчаются деревья и кустарники: Populus diversifolia, P. pruinosa, Eleagnus angustifolia, E. hortensia и въ изобиліи Tamarix.

до Акъ-камыша, цѣлый переходъ былъ по пескамъ, мѣстами весьма тяжелымъ.

На Ичке-ярѣ была окончательно сформирована гребная флотилія.

Изъ трехъ складныхъ лодокъ (кауфманокъ) и изъ отбитаго у Ичке-яра хивинскаго каюка, какъ сказано выше, составилась наша небольшая гребная флотилія, экипажъ которой составляли 10 матросовъ, 6 стрѣлковъ и 6 саперъ; большой каюкъ былъ нагруженъ 400-ми пудами артиллерійскаго имущества и частью инженернаго парка; черезъ это освободились 55 верблюдовъ, что составило большую подмогу для отряда, въ виду незначительнаго наличнаго количества вьючныхъ животныхъ. Непосредственное начальствованіе надъ флотиліею было поручено унтеръ-офицеру Зубову (1), который во время похода успѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе начальства и расположеніе всѣхъ, кто имѣлъ случай съ нимъ познакомиться. Довѣріе это, какъ увидимъ ниже, г. Зубовъ оправдалъ въ полной мѣрѣ. На флотиліи слѣдовали также: топографъ прапорщикъ Козловскій, для съемки Аму-дарьи и производства въ ней промѣровъ, магистръ зоологіи М. Н. Богдановъ и г. Краузе, для изслѣдованія и собиранія коллекцій по фаунѣ и флорѣ аму-дарьинской, и полевой интендантъ статскій совѣтникъ Касьяновъ, которому разрѣшено было слѣдовать на флотиліи, такъ какъ, по нездоровью, онъ не могъ ѣхать верхомъ при отрядѣ. Гребной флотиліи приказано было слѣдовать по рѣкѣ, на одной высотѣ съ отрядомъ, тянувшимся по берегу, и, по мѣрѣ возможности, всегда въ виду войскъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога удалялась отъ рѣки, высылались изъ отряда особые казачьи патрули, которые, слѣдуя непосредственно по берегу, въ виду флотиліи, слѣдили за ея движеніемъ. Для ночлеговъ флотилія должна была причаливать къ берегу, у биваковъ отряда.

Движеніе гребной флотиліи до урочища Базиргенъ-тугая не представляло никакихъ затрудненій и безпокойствъ; дорога, по которой слѣдовалъ отрядъ, шла вблизи рѣки. Аму-дарья все время видна съ дороги, даже когда послѣдняя, поднимаясь на нагорный берегъ, удалялась отъ рѣки.

14-го числа, послѣ 15-ти верстнаго перехода, отрядъ расположился на ночлегъ, на тугаѣ, у развалинъ кр. *Мешекли*, на берегу Аму-дарьи, раздѣляющейся здѣсь на два рукава (2). Путь до Мешекли, проходя, на всемъ своемъ протяженіи, нагорнымъ берегомъ, былъ твердый и удобный для движенія. Въ началѣ перехода, внизу, между обрывомъ, по краю котораго шла дорога, и рѣкою, разстилался обширный тугай, богатое урочище *Нукусъ*, покрытый растительностью и посѣвами люцерны; за тугаемъ, синеватою широкою лентою, извивалась рѣка, а за нею виднѣлся лѣвый берегъ, съ тянущимися вдоль него тугаями и съ находившимися на немъ развалинами древнихъ крѣпостей: Даганъ-и-ширъ (львиная пасть) и Сады-варъ.

Съ 30-го августа, т. е. съ выступленія головной колонны туркестанскихъ войскъ съ урочища Халъ-ата, и до выхода 11-го мая на Аму-дарью, въ отрядѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній объ экспедиціонныхъ войскахъ оренбургскаго и кавказскаго военныхъ округовъ, равно какъ и объ эскадрѣ Аральской флотиліи. Послѣднія свѣдѣнія, имѣвшіяся въ туркестанскомъ отрядѣ объ этихъ частяхъ экспедиціонныхъ войскъ, направленныхъ противъ Хивы, были слѣдующія:

---

(1) Разжалованный изъ лейтенантовъ, Зубовъ былъ назначенъ въ Аральскую флотилію и принялъ участіе въ походѣ, въ который и отправился при казалинской колоннѣ. На Халъ-ата командующій войсками получилъ телеграмму генералъ-адъютанта Краббе, что 17-го апрѣля 1873 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе Государя Императора на возвращеніе Зубову дворянскаго достоинства и на производство его въ унтеръ-офицеры. Послѣ похода, Зубову, за оказанныя имъ отличія, возвращено все, что было имъ утрачено по суду.

(2) Урочище Мешекли, на основаніи мирнаго договора, заключеннаго въ 1873 г. съ хивинскимъ ханомъ, составляетъ новый пограничный пунктъ между нашимъ Аму-дарьинскимъ отдѣломъ и владѣніями бухарскаго эмира. До этого же трактата, т. е. до минувшаго похода въ Хиву, урочище Мешекли, равно какъ и весь правый берегъ Аму, отъ устья вверхъ до урочища Кукерткли, входили въ составъ земель Хивинскаго ханства.

о сборѣ оренбургскаго отряда на Эмбѣ и о предполагавшемся дальнѣйшемъ движеніи его къ мысу *Урга*; о кавказскихъ отрядахъ извѣстно было, что они выступили съ мѣста ихъ сформированія: *Красноводскій*—изъ Чикишляра и *Мангишлакскій*—изъ Киндерли; наконецъ, объ эскадрѣ Аральской флотиліи имѣлось свѣдѣніе, что она вышла 18-го апрѣля въ Аральское море. Затѣмъ послѣдующихъ извѣстій, гдѣ въ данное время, т. е. въ десятыхъ числахъ мая, находились всѣ поименованныя части, какъ онѣ совершали свои марши и далеко-ли онѣ были отъ цѣли движенія—Хивы, въ туркестанскомъ отрядѣ, по выходѣ его на Аму-дарью и во все время движенія внизъ по рѣкѣ правымъ берегомъ до переправы на лѣвый берегъ, свѣдѣній никакихъ не имѣлось. Вслѣдствіе сего, съ бивака на урочищѣ Мешекли, 14-го мая, посланы были четыре предписанія: начальникамъ трехъ отрядовъ—оренбургскаго, мангишлакскаго и красноводскаго и начальнику эскадры Аральской флотиліи. Въ предписаніяхъ сообщалось о выходѣ туркестанскаго отряда на Аму-дарью и о направленіи его къ Шурахану; сюда предполагалось, сказано было въ предписаніяхъ, прибыть 17-го мая, занять переправу у Ханки и тамъ остановиться, какъ для устройства переправы, такъ и для того, чтобы войти въ связь съ прочими экспедиціонными отрядами и затѣмъ предпринять соединенными силами дальнѣйшій маршъ къ столицѣ ханства, къ г. Хивѣ. Генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ просилъ начальниковъ отрядовъ увѣдомить его съ посланными джигитами: гдѣ ввѣренные имъ отряды въ данное время находились, какія у начальниковъ отрядовъ были предположенія о дальнѣйшемъ движеніи и дѣйствіяхъ, какъ произведено ими до тѣхъ поръ движеніе войскъ, сколько больныхъ въ отрядахъ и какіе имѣлись запасы продовольствія и фуража. Каждаго начальника отряда просили сообщить: какія у него имѣются свѣдѣнія о прочихъ отрядахъ и объ эскадрѣ Аральской флотиліи (1).

15-го мая отрядъ выступилъ съ бивака въ 5 часовъ утра. Дорога шла первыя десять верстъ низомъ, затѣмъ поднялась на нагорный берегъ, а на 16-ой верстѣ снова спустилась на урочище *Сенги-куйганъ*. Здѣсь отрядъ остановился для большаго привала.

До мѣста, назначеннаго для ночлега, оставалось всего 6 верстъ, но остановка была нужна въ виду необходимости осмотрѣть впереди-лежащій путь, во-первыхъ потому, что отъ Сенги-куйгана предстоялъ въ высшей степени трудный, узкій и каменистый подъемъ на нагорный берегъ, и во-вторыхъ потому, что во время перехода вдали были видны непріятельскіе пикеты. По возвращеніи посланнаго на рекогносцировку офицера генеральнаго штаба, отрядъ поднялся съ привала, дошелъ до урочища *Базиргенъ-тугай*, гдѣ и остановился на ночлегъ. Подъемъ на обрывъ у Сенги-куйгана оказался дѣйствительно весьма труднымъ, особенно для артиллеріи. Дорога, пролегая по низменному берегу рѣки, около самой воды, круто поворачиваетъ здѣсь вправо и поднимается, по покатости градусовъ въ 30, на возвышенность, далеко вдающуюся угломъ въ рѣку; подъемъ этотъ особенно затруднителенъ вслѣдствіе того, что грунтъ чрезвычайно рыхлый и состоитъ изъ песку, перемѣшаннаго съ мелкимъ камнемъ.

На Базиргенъ-тугаѣ отрядъ расположился, какъ и наканунѣ, у самаго берега рѣки. Урочище это уже не представляло, для бивуакировавшихъ войскъ, тѣхъ удобствъ, какъ предыдущіе; корма здѣсь оказались совершенно вытравленными, хотя, уже по одной близости прекрасной рѣчной воды, бивакъ этотъ не могъ равняться ни съ однимъ изъ расположеній около колодцевъ въ Кизылъ-кумахъ; тамъ, при томъ

(1) Изъ этихъ 4-хъ предписаній два дошли по назначенію, а два пропали. Непосредственно по своему адресу получилъ предписаніе только начальникъ эскадры Аральской флотиліи; генералъ-лейтенантъ Веревкинъ предписанія не получилъ, но къ нему, какъ онъ доносилъ, случайно попало предписаніе полковнику Маркозову, что было все равно, такъ какъ всѣ 4 предписанія были тождественны. Начальникъ мангишлакскаго отряда также не получилъ своего предписанія.

же отсутствіи кормовъ, отрядъ бѣдствовалъ отъ недостатка и дурнаго качества воды и отъ необыкновенной сухости степнаго воздуха; на Аму-дарьѣ же, на-оборотъ, всѣмъ дышалось гораздо легче. Съ Базиргенъ-тугая были разосланы въ Шураханъ и въ другія ближайшія хивинскія поселенія прокламаціи къ народу, въ которыхъ главный начальникъ русскихъ войскъ объявлялъ жителямъ, что онъ, по волѣ Государя Императора, идетъ войною не противъ хивинскаго народа, мирныхъ тружениковъ края, а лишь для наказанія хана и его правительства, искони вѣковъ враждебно дѣйствовавшихъ противъ Россіи и угнетавшихъ народъ. Въ прокламаціяхъ совѣтовалось жителямъ оставаться совершенно спокойно на своихъ мѣстахъ, не бояться русскихъ, продолжать заниматься своимъ дѣломъ; въ семъ случаѣ имъ обѣщалось полное обезпеченіе отъ всякихъ обидъ и притѣсненій. Тѣмъ же, которые будутъ уходить отъ русскаго отряда и оставлять свои жилища, объявлялось, что они будутъ считаться врагами, что они будутъ наказаны и что съ ихъ имуществомъ будетъ поступлено какъ съ непріятельскимъ.

Прокламаціи были разосланы черезъ сопровождавшихъ отрядъ джигитовъ изъ киргизъ, у многихъ изъ которыхъ въ Шураханѣ и въ его окрестностяхъ были родственники и знакомые люди. Нѣкоторые экземпляры прокламаціи были переданы, для раздачи въ народѣ, плѣннымъ, которые всѣ были отпущены на волю и сами могли удостовѣрить жителей въ добромъ, человѣческомъ обращеніи съ ними русскихъ (1). Впослѣдствіи плѣнные эти часто возвращались въ отрядъ и нѣкоторые изъ нихъ охотно оставались при войскахъ. Многіе изъ нихъ были намъ полезны, исполняя разныя обязанности въ качествѣ проводниковъ, посыльныхъ для доставленія записокъ въ другіе отряды, при добываніи провіанта, и проч.

16-го мая отрядъ, въ 4 часа утра, двинулся далѣе. Дорога до Акъ-камыша была очень тяжела, пролегая на всемъ протяженіи черезъ глубокіе пески (2). Весь путь на этомъ переходѣ и на предыдущемъ былъ усѣянъ трупами брошенныхъ непріятелемъ верблюдовъ и лошадей, что свидѣтельствовало о быстромъ и поспѣшномъ его движеніи отъ русскаго отряда послѣ пораженія 11-го мая. Многіе верблюды были еще живы, но у всѣхъ жилы задней ноги были перерѣзаны: варварское средство, употребляемое туземцами, чтобы сдѣлать верблюдовъ негодными для нашего употребленія. Какъ на пути къ Акъ-камышу, такъ еще болѣе во время слѣдованія отряда по безводному переходу отъ Адамъ-крылгана до Учъ-учака, на дорогѣ часто попадались трупы лошадей. У всѣхъ ихъ были отрѣзаны хвосты. Обыкновенно всѣ азіятцы выѣзжаютъ на войну на своихъ лошадяхъ, и если она при этомъ пропадетъ или будетъ убита, то всадники отрѣзаютъ у нихъ хвосты, которые и представляютъ куда слѣдуетъ, для полученія платы за пропавшую лошадь.

На протяженіи между урочищами Базиргенъ-тугай и Акъ-камышемъ Аму-дарья дѣлаетъ значительный изгибъ къ югу, при чемъ дорога, по которой шелъ отрядъ, удаляется отъ берега верстъ на пять. На половинѣ перехода, поднявшись на высокій песчаный холмъ, можно было видѣть сады города Питняка, расположеннаго на лѣвомъ берегу рѣки, приблизительно у середины вышеупомянутаго изгиба рѣки. Городъ Питнякъ съ его садами составляетъ на лѣвомъ берегу Аму-дарьи крайній осѣдлый пунктъ хивинскаго оазиса. Урочище Акъ-камышъ имѣетъ значительную длину вдоль

(1) Одинъ изъ этихъ плѣнныхъ писалъ съ урочища Мешекли записку въ Шураханъ своему семейству, въ которой успокоивалъ семью на счетъ своей участи, разсказывая, что онъ въ плѣну у русскихъ и что такого рода положеніе онъ находитъ „весьма недурнымъ". — „Всѣ со мною, даже начальники, писалъ онъ, обходятся хорошо; я за все время не слыхалъ еще ни одного дурнаго слова, а главное—ѣмъ мясо каждый день". Далѣе онъ сообщалъ, что рѣшился служить русскимъ и совѣтуетъ своимъ роднымъ сдѣлать тоже.

(2) Эти 16 верстъ глубокихъ песковъ и 5 верстъ ихъ на переходѣ отъ урочища Ичке-яра къ Мешекли составляютъ косы песчанаго моря Кизылъ-кумовъ, перенесенныя вѣтрами до самой Аму-дарьи.

рѣки, около 12-ти верстъ; ширина же его отъ 3-хъ до 5-ти верстъ.

Весь обширный акъ-камышскій тугай покрытъ высокими и густыми кустарниками и лиственными деревьями, кромѣ полосы, прилегающей непосредственно къ рѣкѣ и восточной оконечности урочища, которая открыта и лишена кустарной растительности. Эти части Акъ-камыша пересѣкаются мелкими протоками и рукавами рѣки и во время половодія Аму-дарьи покрываются водою. Кромѣ того, урочище Акъ-камышъ пересѣчено по всѣмъ направленіямъ канавами, орошающими посѣвы люцерны и другія поля. На Акъ-камышѣ живутъ туркмены, рода Ата, которые здѣсь занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ. Здѣсь-же находилось постоянное мѣстопребываніе хивинскаго зякетчи, собиравшаго зякетъ съ каравановъ, слѣдовавшихъ правымъ берегомъ Аму изъ Бухары въ Хиву и обратно.

Жилища туркменъ на Акъ-камышѣ состоятъ по большей части изъ глиняныхъ и камышевыхъ сакель, построенныхъ въ видѣ киргизскихъ кибитокъ.

Во время прихода отряда 16-го мая на Акъ-камышъ, невысокій лѣсъ покрывающихъ это урочище кустарныхъ деревьевъ оглашался пѣніемъ, криками и чириканьемъ массы разнаго рода птицъ, изъ которыхъ особенно замѣтно и пріятно выдѣлялись заливанія и трели голосистыхъ соловьевъ. Послѣ трехмѣсячнаго странствованія по голой, безлѣсной, угрюмо-молчаливой пустынѣ, лѣсокъ невысокихъ кустарныхъ деревьевъ на Акъ-камышѣ, съ массой птичекъ, ихъ пѣньемъ и чириканьемъ, показался всѣмъ въ отрядѣ какимъ-то раемъ. Такое же отрадное впечатлѣніе производили даже и тѣ убогія нѣсколько жилыхъ строеній, которыя мы увидѣли на Акъ-камышѣ. Особенно замѣтно выдѣлялись, какъ-бы красотою и живописностью своею, постройки хивинскаго зякетчи, съ двумя небольшими прудами, обставленными вербами.

Съ сѣверной стороны урочище Акъ-камышъ окаймляется песками. Почти на серединѣ Акъ-камыша имѣется удобнѣйшая переправа черезъ Аму-дарью, подъ названіемъ переправы *Тюнюклю*; здѣсь въ мирное время содержалось для переправы 6 большихъ казенныхъ каюковъ. Отъ Тюнюклю идетъ прямая дорога черезъ Хазараспъ въ Хиву.

Еще отъ плѣнныхъ въ Учъ-учакѣ, въ отрядѣ было извѣстно, что у восточной оконечности Акъ-камыша, на правомъ берегу рѣки, находится вновь выстроенное укрѣпленіе, занятое 500 сарбазами и снабженное двумя орудіями. Впослѣдствіи, во время марша, распространился слухъ, что непріятель очистилъ это укрѣпленіе. Слухъ этотъ подтвердился, и мы нашли обширное, за-ново отдѣланное укрѣпленіе пустымъ и, по признакамъ, только-что брошеннымъ.

Шураханская дорога, на всемъ протяженіи урочища Акъ-камышъ, вовсе не приближается къ Аму-дарьѣ, и отряду для ночлега пришлось остановиться въ трехъ верстахъ отъ рѣки, у широкой ирригаціонной канавы.

Мы нашли урочище Акъ-камышъ оставленнымъ жителями, увезшими съ собою все имущество и всѣ запасы. А между тѣмъ въ это время въ отрядѣ ощущался недостатокъ и въ хлѣбѣ и въ мясѣ. Въ этихъ видахъ, тотчасъ-же по расположеніи войскъ на позиціи, посланы были, въ разныхъ направленіяхъ по Акъ-камышу, джигиты, для отысканія: не зарыты ли гдѣ-либо запасы хлѣба. Джигитъ Карагай съ товарищами отправленъ былъ на лѣвый берегъ рѣки, для отысканія барановъ. Хлѣба нигдѣ не было отыскано, а Карагай вскорѣ вернулся и сообщилъ, что, недалеко отъ бивака, къ правому берегу причалилъ большой каюкъ съ вооруженными хивинцами, которые заняты набираніемъ дровъ. Начальникъ отряда послалъ къ мѣсту, указанному Карагаемъ, команду изъ казаковъ 12-й оренбургской сотни, подъ начальствомъ сотника Рубцова, которому удалось не только отбить у непріятеля каюкъ, но и захватить нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Для окарауливанія отбитаго каюка была послана изъ лагеря команда изъ саперъ и стрѣлковъ.

Отрядъ уже весь подтянулся и расположился бивакомъ на Акъ-камышѣ, а между тѣмъ гребная флотилія наша не показывалась и объ ней ничего не было слышно. Командующій войсками, озабоченный неимѣніемъ свѣдѣній о гребной флотиліи, приказалъ состоящему при главной квартирѣ инженеръ-штабсъ-капитану Воронцу съ двумя казаками, осмотрѣвъ вновь захваченный каюкъ, отправиться затѣмъ по берегу Аму-дарьи и розыскать мѣсто, гдѣ остановилась гребная флотилія. Исполнивъ первую часть порученія и слѣдуя вверхъ по Аму-дарьѣ, штабсъ-капитанъ Воронецъ замѣтилъ на нашемъ, правомъ берегу рѣки, верстахъ въ $1^1/_2$ впереди, около 30 человѣкъ неизвѣстныхъ людей, толпившихся у берега. Полагая, что это люди нашей гребной флотиліи, Воронецъ подвигался впередъ, пока не увидѣлъ, что отъ замѣченной имъ у берега толпы отдѣлилось 15 всадниковъ, поскакавшихъ частью прямо на него, частью въ объѣздъ. Штабсъ-капитанъ Воронецъ началъ отъѣзжать къ лагерю, а когда преслѣдовавшіе его хивинцы остановились, онъ поскакалъ въ лагерь, гдѣ и былъ встрѣченъ командующимъ войсками. Разспросивъ штабсъ-капитана Воронца, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ приказалъ ему, съ сотней и ракетной батареей, отправиться вновь по тому же направленію, дойти до флотиліи и узнать о ея состояніи. Но озабочиваясь положеніемъ флотиліи, въ виду извѣстій о близости непріятеля, командующій войсками взялъ конвойную свою сотню и направился къ Аму-дарьѣ. Было около 2-хъ часовъ пополудни. Командующій войсками со свитою проѣхалъ изъ лагеря прямо къ вновь отбитому каюку, а оттуда берегомъ вверхъ по рѣкѣ. Проѣхавъ на рысяхъ версты три и выйдя изъ кустовъ на открытое мѣсто берега, генералъ Кауфманъ и его свита увидѣли на противоположной сторонѣ Аму-дарьи большой непріятельскій укрѣпленный лагерь, расположенный у самаго берега рѣки. Позиція непріятеля занимала, вдоль берега, по протяженію отъ 400 — 500 саженъ; со всѣхъ сторонъ она была окружена высокими валами, которые составляли бока водопроводовъ, выходившихъ у этого мѣста изъ Аму и приведенныхъ непріятелемъ въ оборонительное положеніе. На правомъ флангѣ позиціи, на крутомъ холмѣ, у начала водопровода *Шейхъ-арыка* (отъ котораго и мѣсто это получило свое названіе) (1), видно было укрѣпленіе съ амбразурами. Со стороны рѣки лагерь былъ открытъ; въ немъ виднѣлось множество разноцвѣтныхъ палатокъ и масса народа (2). Оказалось, что рекогносцировка, коею руководилъ главный начальникъ войскъ, открыла на лѣвомъ берегу Аму, всего въ 7-ми верстахъ отъ нашего бивака, большой непріятельскій лагерь, подъ начальствомъ хивинскаго диванъ-беги Матъ-Мурада. Въ непріятельскомъ станѣ было отъ 4—5 тыс. вооруженнаго хивинскаго воинства, при 4 орудіяхъ. Надо полагать, что Матъ-Муратъ расположился здѣсь для противодѣйствія туркестанскому отряду въ случаѣ переправы его на этомъ мѣстѣ; если-же бы выяснилось, что отрядъ намѣренъ переправиться черезъ Аму-дарью гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ (3), то хивинскимъ войскамъ изъ Тюнюкю легко было передвинуться къ другому пункту.

Осматривая непріятельскій лагерь, въ которомъ, по мѣрѣ приближенія рекогносцировочнаго отряда, замѣтно усиливалось движеніе и густыя массы начали постепенно покрывать возвышенности и валы, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ остановился у самаго берега рѣки, противъ середины непріятельскаго расположенія. Непріятель, подпустившій рекогносцировку безъ выстрѣла на это разстояніе (около 450 саженъ), тотчасъ-же открылъ огонь изъ 4-хъ орудій (размѣрами и калибромъ соотвѣтствовавшихъ бывшимъ нашимъ 6-ти и 12-ти фунтовымъ пушкамъ) и изъ фальконетовъ. Большая часть непріятельскихъ ядеръ направлена была навѣсно, но было нѣсколько и рикошетныхъ выстрѣловъ. Направ-

(1) У туземцевъ мѣсто это, какъ сказано выше, носитъ названіе Тюнюкю.
(2) Ширина рѣки противъ этого мѣста около 450 саженъ.
(3) И дѣйствительно, первоначально предполагалось переправиться у Ханки.

леніе непріятельскаго огня было вообще весьма вѣрно: ядра, то не долетая, то перелетая, ложились близко отъ расположенія конвоя и свиты. Но, по счастію, изъ двадцати слишкомъ брошенныхъ ядеръ ни одно никого не задѣло. Выдержавъ этотъ огонь и осмотрѣвъ непріятельскую позицію, командующій войсками, преслѣдуя ту же цѣль—добиться во что бы то ни стало свѣдѣній о флотиліи, направился далѣе берегомъ вверхъ по рѣкѣ, на встрѣчу нашимъ судамъ. Непріятель провожалъ рекогносцировочный отрядъ ядрами еще около версты и, по счастью, по прежнему совершенно безвредно для насъ.

Рекогносцировка 16-го мая произвела на всѣхъ участвовавшихъ въ ней освѣжающее дѣйствіе. Въ первый разъ за весь длинный, трудный походъ небольшой части туркестанцевъ, съ главнымъ ихъ начальникомъ во-главѣ, пришлось здѣсь стать лицомъ къ лицу, до нѣкоторой степени, съ серьезною опасностью. Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Николай Константиновичъ и Князь Евгеній Максиміліановичъ Романовскій, а также многія другія лица изъ свиты генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана, впервые, такъ сказать, были окрещены во время этой рекогносцировки довольно сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Одно изъ первыхъ ядеръ, направленныхъ въ рекогносцировочный отрядъ, упало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главнаго начальника войскъ и такъ близко около мѣста, гдѣ стояли Ихъ Императорскія Высочества, что Ихъ обоихъ осыпало пескомъ и землею, вырвавшимися изъ-подъ ядра при его паденіи, а состоявшаго при Великомъ Князѣ Николаѣ Константиновичѣ доктора Морева это ядро легко контузило (1).

Проѣхавъ верстъ пять вверхъ по рѣкѣ, рекогносцировочный отрядъ миновалъ брошенное непріятелемъ укрѣпленіе, о которомъ сказано было выше, устроенное въ видѣ четыреугольнаго редута. Укрѣпленіе было свѣжей, недавней постройки, и по всему замѣтно, что оно было оставлено хивинскими войсками не задолго предъ прибытіемъ отряда на Акъ-камышъ.

У брошеннаго укрѣпленія рекогносцировочный отрядъ нѣсколько пріостановился; офицеры подымались на крѣпостныя стѣны, откуда открывался обширный видъ на рѣку, для того, чтобы высмотрѣть—не видна-ли гребная флотилія; но ничего не было замѣтно. Тогда командующій войсками продолжалъ слѣдованіе вверхъ по рѣкѣ и, проѣхавъ отъ Акъ-камыша всего около 20-ти верстъ, наконецъ встрѣтилъ гребную флотилію, остановившуюся у праваго берега рѣки, почти на высотѣ садовъ, окружающихъ г. Питнякъ.

Къ общему удивленію и радости, во флотиліи оказалось уже не три кауфманки и одинъ каюкъ, а еще девять лодокъ среднихъ размѣровъ. Вотъ какъ это случилось и вотъ что происходило съ нашей флотиліей 16-го мая:

Утромъ этого числа гребная флотилія, по обыкновенію, отчалила, одновременно съ выступленіемъ отряда, съ берега урочища Базиргенъ-тугая и направилась внизъ по рѣкѣ. Выше было замѣчено, что съ флотиліею слѣдовали: г.г. Касьяновъ, Краузе, Богдановъ и топографъ прапорщикъ Козловскій; всѣ эти чины и съ ними пять человѣкъ стрѣлковъ помѣстились на одной изъ кауфманокъ, которая, въ виду производства съемки и ученыхъ экскурсій на берегу, то отставала, то опереживала остальную часть флотиліи.

Отойдя отъ ночлега около восьми верстъ и приблизясь къ лѣвому берегу, пассажиры, находившіеся въ кауфманкѣ, замѣтили конныхъ людей, скакавшихъ вверхъ по рѣкѣ и звавшихъ о помощи. Оказалось, что это были наши джигиты, посланные съ Базиргенъ-тугая на лѣвый берегъ рѣки

(1) Впослѣдствіи, по занятіи, 23-го мая, г. Хазараспа, въ цитадели города нами были взяты, въ числѣ прочаго имущества, и четыре непріятельскія пушки, дѣйствовавшія 16-го мая на шейхъ-арыкской переправѣ. Двѣ изъ нихъ, болѣе изящной отливки, по ходатайству и представленію генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана, Государь Императоръ соизволилъ разрѣшить подарить, по одной, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великому Князю Николаю Константиновичу и Князю Евгенію Максиміліановичу, въ память перваго артиллерійскаго огня, коему подверглись Ихъ Высочества во время упомянутой рекогносцировки.

для покупки скота и въ эту минуту преслѣдуемые человѣками 15 туркменъ. Когда пассажиры лодки причалили къ берегу и высадились, то туркмены повернули назадъ и ускакали. Приказавъ переправить джигитовъ на правый берегъ, всѣ вышеназванныя лица остались на лѣвомъ берегу, гдѣ они, въ ожиданіи возвращенія лодки, занялись разными учеными изслѣдованіями и съемкою и даже успѣли, на оставленныхъ джигитами лошадяхъ, произвести рекогносцировку одного арыка, въ значительномъ удаленіи отъ берега. Около двухъ часовъ они пробыли на указанномъ мѣстѣ, занимаясь своимъ дѣломъ, какъ вдругъ, нѣсколько ниже по теченію, куда въ это время направилась остальная часть флотиліи, послышались пушечные выстрѣлы. Соображая, что Зубовъ съ остальными лодками находится въ опасности, изслѣдователи тотчасъ-же бросились въ лодку и поспѣшили внизъ по рѣкѣ на выручку товарищей. Минутъ черезъ 20 они увидѣли главную часть флотиліи, по которой съ берега стрѣляла непріятельская артиллерія, а сами они въ это же время попали подъ сильный непріятельскій огонь изъ фальконетовъ и ружей.

Въ то время, когда вышеназванныя лица занимались выручкою джигитовъ и изысканіями на лѣвомъ берегу, унтеръ-офицеръ Зубовъ продолжалъ плыть внизъ по рѣкѣ и при этомъ, въ разныхъ мѣстахъ, успѣлъ захватить у непріятеля девять малыхъ лодокъ. Доплывъ съ этою добычею до высоты Пятняка, онъ замѣтилъ на лѣвомъ берегу непріятельскую партію, которая, подъѣхавъ къ берегу, сняла съ передковъ два орудія и открыла пальбу по нашей флотиліи. Въ это самое время большой каюкъ, на которомъ, какъ сказано выше, была часть артиллерійскаго парка, сѣлъ на мель. Пришлось подъ огнемъ непріятеля, который, кромѣ орудійнаго огня, дѣйствовалъ еще ружейными и фальконетными выстрѣлами, снимать каюкъ съ мели, что́ и было исполнено вполнѣ удачно и благополучно. Выпустивъ 23 ядра, хивинцы увезли свои орудія (вѣроятно въ виду появленія рекогносцировочнаго отряда противъ тюнюклынскаго лагеря), но продолжали стрѣлять по лодкамъ изъ ружей и фальконетовъ. Одновременно съ прекращеніемъ артиллерійскаго огня и съ освобожденіемъ съ мели каюка, подоспѣла къ флотиліи и кауфманка съ ея пассажирами. Флотилія причалила къ правому берегу, оставивъ на мели четыре изъ отбитыхъ малыхъ лодокъ, по невозможности тащить съ собою разомъ всѣ девять.

Оставивъ у праваго берега большой каюкъ, лодки и одну кауфманку, подъ прикрытіемъ конвоировавшихъ флотилію по берегу казаковъ, Зубовъ и Козловскій, съ небольшою командою, отправились въ двухъ шлюпкахъ къ мели, гдѣ были оставлены лодки. Подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, работая по поясъ въ водѣ и одновременно отстрѣливаясь, имъ удалось снять лодки съ мели и прибуксировать ихъ къ правому берегу, къ мѣсту стоянки остальной части флотиліи. Не смотря на сильный огонь непріятеля, онъ не нанесъ флотиліи никакого вреда. Ядра, направляемыя, какъ и у Тюнюклю, вѣрно, то не долетали, то перелетали черезъ лодки, то, рикошетируя по водѣ, они близко проносились черезъ головы нашихъ удальцовъ. Во время всего дѣла экипажъ флотиліи дѣйствовалъ изъ ружей, надо полагать, не безъ вреда для непріятеля. Между тѣмъ послѣдній, видя, что съ гребною флотиліею онъ ничего не можетъ сдѣлать, удалился, направляясь къ Тюнюклю, оставивъ у берега и на барханахъ сторожевые пикеты. Усмотрѣвъ у лѣваго непріятельскаго берега еще нѣсколько лодокъ, Козловскій, Касьяновъ, Богдановъ и Краузе, съ разрѣшенія Зубова, снова отправились на поискъ за каюками. И это предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ: была взята еще одна большая лодка, изъ которой предварительно пришлось выкачивать воду. Сторожившіе лодку непріятельскіе всадники были прогнаны выстрѣлами. Въ то самое время, когда наши пловцы съ новою добычею начали отчаливать отъ лѣваго берега, прискакала непріятельская партія, человѣкъ

въ 150; но замѣтивъ намѣреніе нашихъ встрѣтить ее берданками, партія поспѣшно удалилась за ближайшіе барханы. Послѣдняя лодка, захваченная флотиліею въ этотъ день, была взята въ ту минуту, когда командующій войсками съ свитою и рекогносцировочнымъ отрядомъ приближался къ мѣсту остановки гребной флотиліи. Выслушавъ докладъ Зубова о всемъ происшедшемъ и поблагодаривъ всѣхъ участниковъ дѣла за лихіе и молодецкіе подвиги, генералъ Кауфманъ приказалъ флотиліи остаться на мѣстѣ остановки на ночлегъ, подъ прикрытіемъ сотни уральскихъ казаковъ, и только на слѣдующій день продолжать движеніе далѣе. Для облегченія движенія флотиліи подъ непріятельскими выстрѣлами съ позиціи его на лѣвомъ берегу у Шейхъ-арыка (или у Тюнюклю), артиллерійскій и инженерные грузы были сняты съ лодокъ и на верблюдахъ отосланы въ лагерь на Акъ-камышѣ. Покончивъ со всѣми этими распоряженіями, генералъ Кауфманъ со свитою и рекогносцировочнымъ отрядомъ направился обратно въ лагерь на Акъ-камышъ. Было уже совсѣмъ темно, когда рекогносцировочный отрядъ возвратился въ лагерь, сдѣлавъ весь объѣздъ верстъ въ 40, а всего въ этотъ день главному начальнику и частямъ, участвовавшимъ въ рекогносцировкѣ, пришлось сдѣлать болѣе 60 верстъ. Около 3-хъ часовъ пополудни, частью на выстрѣлы, частью по приказанію командующаго войсками, переданному адъютантомъ его подполковникомъ Адеркасомъ, вышла изъ лагеря у Акъ-камыша часть войскъ и подошла къ мѣсту, откуда произведена была рекогносцировка непріятельскаго расположенія. Такъ какъ эти части были вызваны изъ лагеря не для дѣйствія противъ непріятельскаго лагеря, а собственно чтобы быть наготовѣ, въ случаѣ если бы хивинцы переправились на правый берегъ и попытались что-либо предпринять противъ рекогносцировки, то дивизіону артиллеріи, бывшему при этихъ войскахъ, не приказано было открывать огня по непріятельскому лагерю. Исполняя въ точности это приказаніе, дивизіонъ все время молчалъ и не послалъ ни одного отвѣтнаго выстрѣла на усиленную и частую пальбу изъ непріятельскихъ орудій. Когда за вечернею темнотою прислано было приказаніе всѣмъ войскамъ сняться съ позиціи и идти обратно въ лагерь, тогда артиллерія наша взяла въ передки и потянулась съ остальными частями къ Акъ-камышу. Такой образъ дѣйствій хивинцы и туркмены приняли за полное наше пораженіе, въ увѣренности, что будто ихъ орудійная пальба уничтожила нашу артиллерію на столько, что она не могла сдѣлать ни одного выстрѣла. Радостямъ и восторженнымъ крикамъ въ непріятельскомъ лагерѣ, въ виду отходившихъ съ позиціи нашихъ войскъ, не было конца. Непріятель ликовалъ полную побѣду и выражалъ, между прочимъ, свое торжество по этому случаю дикими трубными звуками, далеко оглашавшими своимъ эхомъ окрестную мѣстность.

На ночь были возвращены въ лагерь и остальныя части, выдвинутыя къ берегу, за исключеніемъ команды изъ стрѣлковъ и саперъ и роты 8-го баталіона, оставленныхъ у отбитаго Рубцовымъ каюка.

Чтобы дать возможность нашей гребной флотиліи пройти, въ виду непріятельскаго лагеря, далѣе внизъ по рѣкѣ, а если представится возможность, то и выбить хивинское скопище изъ укрѣпленной позиціи его на Тюнюклю, приказано было генералъ-маіору Головачову выйти на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, 17-го мая, къ берегу рѣки, съ наличною въ отрядѣ артиллеріею—четырьмя конными и четырьмя горными орудіями, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ и взвода отъ 2-й роты 1-го стрѣлковаго баталіона, и, расположивъ орудія на позиціи противъ непріятельскаго лагеря, обстрѣлять его и тѣмъ способствовать безпрепятственному спуску внизъ нашихъ гребныхъ судовъ.

Согласно этого приказанія, назначенныя войска съ артиллеріею вышли изъ лагеря на разсвѣтѣ 17-го мая и направились къ берегу Аму-дарьи, на мѣсто рекогносцировки

16-го числа. Едва эти части начали развертываться въ боевой порядокъ, непріятель открылъ по войскамъ пальбу ядрами и фальконетными пулями. Хивинскія орудія, какъ и наканунѣ, стрѣляли вѣрно; большая часть снарядовъ ложилась въ расположеніе нашей артиллеріи и ея прикрытія, которое, во избѣжаніе напрасныхъ потерь, было развернуто и положено. Мѣстность, на которой была занята нами позиція, была совершенно открытая. Орудія наши, снявшись съ передковъ, тотчасъ-же начали отвѣчать непріятелю, а когда, послѣ первыхъ выстрѣловъ, опредѣлилась точно высота прицѣловъ, огонь изъ нихъ былъ учащенъ. Вскорѣ же за открытіемъ канонады нѣсколько удачныхъ, мѣткихъ выстрѣловъ изъ коннаго дивизіона подбили одно изъ непріятельскихъ орудій; прислуга у остальныхъ, понеся большія потери, бросила свои пушки и разбѣжалась. Тогда артиллерійская перестрѣлка, продолжавшаяся уже полтора часа, затихла съ обѣихъ сторонъ; непріятель нѣсколько разъ покушался собрать прислугу къ орудіямъ, но во́-время и мѣтко направленныя съ нашей стороны гранаты каждый разъ мѣшали исполненію этого намѣренія. Тогда непріятель напрегъ всѣ усилія, чтобы увезти свои орудія; послѣ многихъ жертвъ, ему наконецъ удалось это; орудія были вывезены изъ лагеря за валы, при чемъ хивинцы понесли большія потери. Фальконетная и ружейная пальба со стороны непріятеля, не нанося намъ ни малѣйшаго вреда, долго еще продолжалась, хотя съ нашей стороны на эту трескотню уже не отвѣчали. Между тѣмъ, временное молчаніе нашихъ орудій придало смѣлость непріятелю, который снова на алъ собираться на возвышенностяхъ и валахъ; особенное скопленіе массъ замѣчено было въ ложбинѣ между двумя высокими валами, на лѣвомъ флангѣ непріятельскаго расположенія; оттуда же усилилась противъ отряда и фальконетная пальба. Тогда направлено было по ложбинѣ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, которыя произвели такое опустошеніе и смятеніе между хивинцами, что они бросили позицію и убѣжали, скрываясь за неровностями мѣстности.

Артиллерія наша въ дѣлѣ 17-го мая дѣйствовала по личнымъ указаніямъ и подъ руководствомъ начальника артиллеріи генералъ-маіора Жаринова. Вся артиллерійская перестрѣлка, въ которой съ нашей стороны выпущено 54 гранаты (¹) (45 обыкновенныхъ и 9 картечныхъ), продолжалась до 1-го часа пополудни и происходила на разстояніи около 500 саженъ. О потерѣ непріятеля можно судить потому, что на мѣстѣ бывшаго его лагеря найдено шесть брошенныхъ тѣлъ, наскоро зарытыхъ; кромѣ того, по разсказамъ жителей и плѣнныхъ, у непріятеля было до 100 человѣкъ раненыхъ и 20 убитыхъ лошадей. Наша потеря ограничилась двумя лошадьми, изъ которыхъ одна (лошадь командира стрѣлковой роты 8-го баталіона) была убита, а у другой, артиллерійской, ядромъ сорвало копыто. Кромѣ того, непріятельскимъ ядромъ подбито у одного орудія боевое колесо, которое тотчасъ-же и было замѣнено запаснымъ. Такимъ образомъ позиція непріятеля на лѣвомъ берегу, у Шейхъ-арыка (или Тюнюклю), была очищена и дальнѣйшій ходъ нашей гребной флотиліи внизъ по рѣкѣ сдѣлался свободнымъ.

Какъ разъ въ это время, т. е. около 1-го часа пополудни, показались наши лодки. Вотъ что происходило въ это утро на гребной флотиліи. Около 5-ти часовъ утра на флотиліи слышали со стороны Тюнюклю пушечные выстрѣлы, а въ 6 часовъ получено было приказаніе слѣдовать внизъ по рѣкѣ и, не доходя Тюнюклю, остановиться и выждать дальнѣйшаго распоряженія. Въ четырехъ верстахъ отъ мѣста стоянки и ночлега флотиліи топографъ Козловскій замѣтилъ въ кипрегель, у лѣваго берега, непріятельскую лодку, охраняемую 27-ю хивинскими всадниками, расположивши-

(¹) Всѣ 54 гранаты выпущены изъ коннаго дивизіона. Горный дивизіонъ сдѣлалъ всего одинъ выстрѣлъ. Разстояніе до непріятеля для 3-хъ-фунтоваго орудія оказалось слишкомъ велико.

мися возлѣ и подъ террасою какого-то зданія, по виду стараго укрѣпленія. Лица, игравшія наканунѣ столь дѣятельную роль при захватѣ непріятельскихъ лодокъ, снова обратились къ унтеръ-офицеру Зубову съ просьбою дозволить имъ отбить и эту лодку. Къ числу названныхъ выше лицъ прибавился еще докторъ Гриммъ, который, ввиду движенія нашей флотиліи внизъ по рѣкѣ подъ выстрѣлами изъ укрѣпленной непріятельской позиціи, предполагая, что при этомъ въ экипажѣ флотиліи могутъ быть раненые, самъ вызвался и испросилъ разрѣшеніе плыть на лодкѣ вмѣстѣ съ прочими чинами, слѣдовавшими съ флотиліею.

Признавая предстоявшее предпріятіе довольно рискованнымъ, Зубовъ нашелъ нужнымъ подкрѣпить охотниковъ еще 6-ю человѣками стрѣлковъ, помѣщенныхъ на отдѣльной кауфманкѣ, и самъ принялъ личное начальствованіе надъ этою экскурсіею. Непріятель встрѣтилъ нападающихъ ружейнымъ и фальконетнымъ огнемъ, но, минутъ черезъ 15, онъ былъ выбитъ изъ зданія и вообще съ позиціи, и каюкъ достался въ наши руки. При этомъ пассажирамъ кауфманки пришлось выйти изъ лодокъ въ воду и достигнуть берега въ бродъ, такъ какъ шлюпка, по мелководію, не могла пристать къ послѣднему. Въ это время со стороны Тюнюклю все еще слышались выстрѣлы, и такъ какъ Зубовъ, буксируя 12-ть отбитыхъ лодокъ, не могъ скоро идти, то названные выше волонтеры флотиліи просили у Зубова дозволенія плыть отдѣльно на выстрѣлы съ возможною поспѣшностью. Съ ними отправились экипажи двухъ лодокъ, т. е. всего около 12-ти стрѣлковъ. Къ 1-му часу дня канонада у Тюнюклю, какъ мы уже знаемъ, прекратилась и въ это самое время передовыя лодки подошли къ мѣсту расположенія отряда генерала Головачова.

У лѣваго берега, брошеннаго непріятелемъ, стоялъ большой каюкъ, а въ нѣкоторомъ удаленіи, въ канавѣ, другой. Не смотря на поспѣшность отступленія съ позиціи у Тюнюклю, нѣсколько хивинцевъ начали сносить къ каюкамъ камышъ и хворостъ, чтобы зажечь ихъ и не оставить ихъ въ нашихъ рукахъ. Тотчасъ-же приказано было стрѣлкамъ 4-го линейнаго и 1-го стрѣлковаго баталіоновъ разогнать выстрѣлами этихъ людей. Стрѣлки бросились впередъ на отмели и небольшіе острова, переходя, по грудь въ водѣ, раздѣлявшіе ихъ протоки, и, приблизясь на вѣрный выстрѣлъ, открыли по хивинцамъ мѣткій и частый огонь.

Успѣвъ зажечь камышъ только на одномъ изъ каюковъ, непріятель бросилъ другой, оказавшійся затопленнымъ, и бѣжалъ. Замѣтивъ горѣвшій каюкъ, обѣ передовыя шлюпки флотиліи поспѣшили къ нему и прибыли такъ своевременно, что у каюка успѣла обгорѣть только часть носа; огонь былъ тотчасъ-же потушенъ и лодка оказалась вполнѣ годною для употребленія. Въ это же время съ шлюпокъ замѣтили, въ одной изъ канавъ, другой затопленный и сидящій на мели каюкъ; немедленно всѣ отправились къ этому каюку, отдѣливъ въ сторожевые одного стрѣлка. Послѣдній вскорѣ далъ знать, что въ ближайшихъ садахъ замѣтно большое движеніе непріятеля. Удостовѣрившись въ справедливости извѣстія часоваго, всѣ, однако, единогласно рѣшили остаться на лѣвомъ берегу, и если непріятель отважится напасть, то, пользуясь крѣпкою позиціею, защищаться до послѣдней крайности, главнымъ образомъ не давая непріятелю увести или уничтожить каюкъ, а между тѣмъ одну изъ нашихъ шлюпокъ послать на правый берегъ и просить у начальника отряда подкрѣпленія. Такъ и было сдѣлано: лодка ушла къ правому берегу съ прапорщикомъ Козловскимъ; Касьяновъ и два стрѣлка, размѣстившись на трехъ холмахъ, составили сторожевую и боевую цѣпь, а прочіе, сложивъ у этой немногочисленной цѣпи свое оружіе, раздѣлись и кинулись въ канаву откачивать изъ каюка воду и снимать его съ мели. Непріятель хотя и приблизился къ нашей цѣпи, но не отважился подойти къ ней на близкій ружейный выстрѣлъ. Между тѣмъ отливъ воды изъ лодки производился съ возможною поспѣшностью; каюкъ, наконецъ,

былъ снятъ съ мели и выведенъ изъ канавы въ рѣку. Въ это время прибыли съ праваго берега двѣ лодки съ посланными оттуда 20-ю стрѣлками и съ Зубовымъ, который съ остальною частью флотиліи успѣлъ уже къ тому времени доплыть до мѣста, гдѣ стоялъ отрядъ генерала Головачова.

Затѣмъ Зубовъ со всею флотиліею и съ вновь захваченными лодками получилъ приказаніе отправиться внизъ по рѣкѣ, къ мѣсту, гдѣ находился отбитый наканунѣ Рубцовымъ каюкъ, въ одномъ изъ рукавовъ Аму, и тамъ остановиться для ночлега. Такимъ образомъ наша гребная флотилія, образовавшаяся первоначально изъ трехъ складныхъ лодокъ—кауфманокъ и отбитаго у Ичке-яра каюка, къ вечеру 17-го числа уже состояла изъ 4-хъ большихъ каюковъ, изъ которыхъ каждый подымалъ до 80-ти человѣкъ, 11-ти малыхъ, изъ которыхъ въ каждомъ помѣщалось до 10-ти человѣкъ, и изъ трехъ кауфманокъ, всего изъ 18 судовъ (1).

Около 2-хъ часовъ командующій войсками выѣхалъ къ дѣйствовавшимъ на берегу войскамъ и, поблагодаривъ ихъ, отправился сначала осмотрѣть флотилію, а затѣмъ возвратился въ лагерь на Акъ-камышъ. Какъ только командующій войсками отъѣхалъ нѣсколько отъ мѣста, гдѣ дѣйствовала батарея, непріятель совершенно неожиданно вывезъ два орудія къ лѣвому берегу рѣки, западнѣе бывшаго хивинскаго лагеря, и снова открылъ огонь. Нѣсколькими удачными выстрѣлами съ нашей стороны орудія эти были прогнаны и съ тѣхъ поръ непріятель уже не показывался у берега.

16-го и 17-го мая съ нашей стороны было выпущено всего 292 патрона и 55 гранатъ.

Во время артиллерійской перестрѣлки 17-го мая, въ нашъ лагерь прибыло одно интересное лицо, оставшееся затѣмъ при нашемъ отрядѣ до конца кампаніи и сдѣлавшееся общимъ другомъ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. То былъ американецъ Артуръ Януаріусъ Макъ-Геганъ, корреспондентъ газеты „New-Yorks-Herold“, участвовавшій также въ качествѣ корреспондента названной газеты во время франко-прусской войны и бывшій тогда въ плѣну у гарибальдійцевъ. Макъ-Геганъ отправился въ Русскій Туркестанъ вмѣстѣ съ секретаремъ американскаго посольства г. Скайлеромъ; но, доѣхавши до форта Перовскаго, онъ оставилъ здѣсь своего товарища по путешествію и одинъ, въ сопровожденіи переводчика и проводниковъ-киргизъ, отправился въ Кизылъ-кумскую степь—отыскивать и нагонять нашъ отрядъ. По пути онъ заѣхалъ въ Халъ-ата и Алты-кудукъ, гдѣ въ это время стоялъ отрядъ полковника Новомлинскаго. Тотчасъ-же послѣ выѣзда его изъ Перовска, мѣстныя власти, имѣвшія приказаніе не пропускать въ отрядъ иностранцевъ безъ разрѣшенія, послали за Макъ-Геганомъ, чтобы вернуть его, но лихой американецъ всюду поспѣвалъ раньше отыскивавшихъ его лицъ. Доѣхавъ до Базиргенъ-тугая, Макъ-Геганъ услыхалъ пушечную пальбу и, приближаясь къ Акъ-камышу, увидѣлъ вдали какихъ-то конныхъ людей. Не имѣя при себѣ ни топографическаго плана мѣстности, не зная положенія дѣлъ, Макъ-Гегану, конечно, не могло быть извѣстно: гдѣ непріятель и гдѣ наши, и кто эти конные, которыхъ онъ видѣлъ впереди. Положеніе трудное—было о чемъ призадуматься..... но дѣлать было нечего, и Макъ-Геганъ, на-удалую, рѣшилъ ѣхать на выстрѣлы и благополучно присоединился къ нашему отряду, какъ сказано выше, во время артиллерійской перестрѣлки 17-го мая.

Въ этотъ день, по прокламаціи, посланной въ Шураханъ, явились оттуда въ нашъ лагерь представители и старшіе люди отъ ата-туркменъ, каракалпаковъ, киргизъ и узбековъ. Старшины привезли отъ жителей письмо, въ кото-

(1) За дѣла гребной флотиліи 16-го и 17-го числа опредѣлено было наградить знаками отличія военнаго ордена: унтеръ-офицера Зубова, двухъ матросовъ и по одному на команды стрѣлковъ и саперъ, бывшихъ на флотиліи, а также джигита Карагая, за участіе въ захватѣ перваго каюка, и урядника, носившаго значекъ главнаго начальника во время рекогносцировки 16-го мая. Кромѣ того, вся команда гребной флотиліи была награждена деньгами, отъ 2-хъ до 10 руб. каждому, по назначенію Зубова.

ромъ они заявляли о готовности ихъ покориться; но, между прочимъ, въ выраженіяхъ о покорности была слѣдующая характерная фраза: „мы будемъ курицами того, чье просо скорѣе созрѣетъ". Старшинамъ было предложено пригнать въ отрядъ барановъ, коровъ и привезти провіанту, что ими и было исполнено къ вечеру того же дня, хотя и въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ. За все доставленное въ отрядъ шураханцамъ было щедро заплачено и, кромѣ того, старшихъ и почетныхъ людей генералъ Кауфманъ подарилъ халатами.

Раньше было упомянуто, что съ урочища Акъ-камышъ было предположено слѣдовать далѣе, на Шураханъ, и отсюда на переправу черезъ Аму-дарью противъ Ханки. Послѣ же дѣла 17-го мая, когда непріятель былъ выбитъ съ позиціи на Шейхъ-арыкѣ и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря удачнымъ дѣйствіямъ гребной флотиліи, въ нашихъ рукахъ сосредоточились достаточныя средства для переправы, начальникъ полеваго штаба генералъ-маіоръ Троцкій предположилъ возможнымъ переправить войска черезъ Аму не у Шурахана, а тутъ-же, у Акъ-камыша. Обсудивъ это предположеніе, его выгодныя и невыгодныя стороны, начальникъ штаба, вечеромъ 17-го мая, доложилъ главному начальнику войскъ проектъ измѣненія принятаго операціоннаго направленія. Вмѣсто движенія на Шураханъ, переправы черезъ Аму-дарью противъ Ханки и движенія оттуда къ Хивѣ, генералъ Троцкій предлагалъ переправиться черезъ рѣку у Шейхъ-арыка (Тюнюклю) и двинуться къ столицѣ Хивинскаго ханства черезъ Хазараспъ. Такое направленіе представляло, по мнѣнію генерала Троцкаго, слѣдующія выгоды:

1) На переправѣ у Шейхъ-арыка непріятеля уже не было; онъ былъ сбитъ 17-го мая изъ его крѣпкой позиціи, прогнанъ и лѣвый берегъ у переправы отъ него очищенъ. Слѣдовательно, трудную, сложную операцію переправы значительнаго числа войскъ съ ихъ тяжестями черезъ широкую, съ быстрымъ теченіемъ, рѣку, какова Аму-дарья, мы могли, у Акъ-камыша, произвести безъ выстрѣла, не обезпокоиваемые непріятелемъ, и, слѣдовательно, безъ жертвъ и потерь. А между тѣмъ, пока мы дошли бы до Шурахана, очень можетъ быть, непріятель снова успѣлъ бы тамъ собраться на переправѣ у Ханки, затруднить и усложнить дѣло переправы войскъ на лѣвый берегъ Аму.

2) Рекогносцировка 16-го мая показала, что переправа у Тюнюклю (или Шейхъ-арыка) легка и удобна. Аму-дарья течетъ здѣсь однимъ неширокимъ рукавомъ, всего до 450 саженъ (1).

3) Продовольственная часть въ отрядѣ, въ то время, какъ онъ находился на Акъ-камышѣ, была въ крайне неудовлетворительномъ положеніи; войска терпѣли недостатокъ во всемъ: въ хлѣбѣ, мясѣ, фуражѣ. Слѣдовательно, чѣмъ скорѣе отрядъ достигалъ культурнаго оазиса, гдѣ бы можно было добыть продовольствія, тѣмъ, само-собою разумѣется, было лучше. У переправы Шейхъ-арыкъ, почти тотчасъ-же, всего верстахъ въ $1^1/_2$—2-хъ, на лѣвомъ берегу начинались сады, поселенія, пашни, поля, которыя отсюда и тянутся уже непрерывною полосою до самой Хивы. Между тѣмъ до населенныхъ пунктовъ, по направленію на Шураханъ, оставался отъ Акъ-камыша еще цѣлый переходъ—въ 25 верстъ.

4) Переправа у Шейхъ-арыка на два перехода сближала головную часть туркестанскаго отряда съ частями войскъ и съ транспортами, по необходимости временно оставленными сзади.

Выслушавъ докладъ своего начальника штаба, генералъ-

(1) Въ то время, конечно, нельзя было сравнивать: которая изъ переправъ удобнѣе и легче—у *Шейхъ-арыка* или у *Ханки*. Хотя и имѣлись довольно подробныя свѣдѣнія о переправѣ въ Ханки, но, не видѣвъ ее, трудно было въ то время точно сравнивать ее съ шейхъ-арыкскою переправою. Между тѣмъ, впослѣдствіи, при обратномъ походѣ изъ Хивинскаго ханства, туркестанскій отрядъ на опытѣ убѣдился, на сколько переправа у Ханки затруднительнѣе и сложнѣе шейхъ-арыкской.

адъютантъ Фонъ-Кауфманъ добавилъ, что проектируемое направленіе имѣетъ за собою еще и слѣдующее важное значеніе:

Дорога отъ Акъ-камыша на Шураханъ, по которой слѣдовалъ бы отрядъ, далеко отходитъ отъ берега рѣки; черезъ это гребной нашей флотиліи приходилось дальнѣйшее ея движеніе внизъ по рѣкѣ, отъ Акъ-камыша до мѣста предполагавшейся переправы противъ Ханки, совершать въ значительномъ удаленіи отъ войскъ, при чемъ она могла снова подвергнуться опаснымъ случайностямъ, въ родѣ того, какъ 16-го мая, которыя могли окончиться не такъ благополучно, какъ въ тотъ день. Избѣжать подобной случайности было, въ особенности, для насъ важно потому, что потеря каюковъ и лодокъ лишила бы туркестанскія войска средствъ къ переправѣ, или по крайней мѣрѣ надолго задержала бы ее; снова пришлось бы отбивать лодки у непріятеля, или какъ-нибудь иначе устраивать и добывать средства для переправы чрезъ Аму.

На основаніи приведенныхъ доводовъ рѣшено было переправить отрядъ со всѣми тяжестями, черезъ Аму-дарью, противъ оставленнаго непріятелемъ лагеря у Шейхъ-арыка. Но такъ какъ было уже поздно, то приказанія о перемѣнѣ направленія движенія не были переданы начальнику отряда въ этотъ вечеръ. На слѣдующее же утро, когда въ 5 часовъ верблюды уже были навьючены и войска поднялись для продолженія марша на Шураханъ, послѣдовало приказаніе отряду повернуть правое плечо кругомъ и идти къ берегу рѣки, на мѣсто, гдѣ наканунѣ дѣйствовала артиллерія. Около семи часовъ утра вся передовая колонна туркестанскаго отряда, готовая къ переправѣ, была расположена бивакомъ у самаго берега Аму-дарьи. Выше было замѣчено, что флотилія, послѣ артиллерійскаго дѣла 17-го мая, была отведена къ мѣсту, гдѣ стоялъ отбитый Рубцовымъ каюкъ, т. е. версты двѣ ниже по теченію отъ мѣста, выбраннаго для переправы. Такъ какъ приказаніе о перемѣнѣ направленія было отдано только утромъ 18-го мая, то лодки наши, ко времени выхода войскъ къ берегу, не успѣли быть доставлены къ мѣсту переправы и подошли только къ 10-ти часамъ утра, а въ $10^1/_2$ часовъ началась переправа. Къ тремъ часамъ пополудни на лѣвый берегъ были переправлены: 2 роты 1-го стрѣлковаго баталіона, стрѣлковыя роты 4-го и 8-го линейныхъ блталіоновъ, 4-е горныя орудія (1) и всѣ тяжести этихъ частей. Затѣмъ началась перевозка парковъ инженернаго, артиллерійскаго и прочихъ войсковыхъ тяжестей.

Первыми переправились на лѣвый берегъ Аму роты 1-го стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ капитана Плотникова, и съ ними подполковникъ генеральнаго штаба Тихменевъ.

Войска нашли берегъ не занятымъ непріятелемъ, но видѣли у опушки ближайшихъ садовъ множество конныхъ, немедленно удалившихся при появленіи стрѣлковъ на лѣвомъ берегу. Часть всадниковъ попробовали-было приблизиться къ лагерю, но были немедленно отогнаны выстрѣлами изъ берданокъ.

Быстрота теченія Аму весьма затрудняла переправу, которою завѣдывалъ начальникъ инженеровъ полковникъ Шлейферъ; но главнымъ и неутомимымъ дѣятелемъ въ этомъ дѣлѣ былъ все тотъ-же унтеръ-офицеръ Зубовъ съ командою матросовъ и саперъ. Нельзя не упомянуть съ особою похвалою о непрерывныхъ, усиленныхъ ихъ трудахъ во время пятисуточной переправы отряда. Искуствомъ управлять большимъ каюкомъ при быстромъ теченіи, ловкостью, силою и постоянно довольнымъ, веселымъ видомъ отличался

(1) При переправѣ артиллеріи, на каюки помѣщались по два орудія съ передками; орудія становились снятыми съ передковъ, дулами къ носу и кормѣ, а передки шворнями туда же; причемъ дышла клались на боевую ось, между колесомъ и станиной. Лошадей становилось на каждый каюкъ не болѣе 17, при одномъ человѣкѣ на двухъ лошадей. Лошади помѣщались крупами къ бортамъ, головами въ середину. Лошади ракетной батареи, за исключеніемъ немногихъ, были переправлены чрезъ Аму-дарью вплавь. Вплавь переправлялись чрезъ Аму-дарью и всѣ казачьи сотни.

въ особенности одинъ матросъ Бардашевъ, бывшій рулевымъ на самомъ большомъ каюкѣ.

Лодки и каюки часто сносились теченіемъ далеко внизъ по рѣкѣ. Когда они попадали въ главную струю, то трудно было оттуда выбраться. Причалить къ лѣвому берегу, далеко отъ Шейхъ-арыка, гдѣ сады непосредственно прилегаютъ къ самому берегу рѣки, было не безопасно, такъ какъ оттуда могли наскочить вооруженные хивинцы. Но лишь только какой-нибудь каюкъ начинало сносить, немедленно же являлась къ нему на помощь кауфманка съ Зубовымъ, который съ неимовѣрными усиліями пробуксировывалъ каюкъ черезъ главный потокъ (1) и этимъ давалъ ему возможность пристать ближе къ берегу у Шейхъ-арыка. До трехъ часовъ 18-го числа переправа шла довольно удачно, но съ этого времени вода начала замѣтно прибывать, теченіе усилилось и каюки сильно сносило внизъ. Кромѣ того, отъ прибыли воды тотчасъ-же затопились острова у берега, благодаря которымъ, въ началѣ переправы, можно было тянуть лодки на нѣкоторое разстояніе бичевою, чѣмъ облегчался дальнѣйшій ихъ ходъ по рѣкѣ къ лѣвому берегу. Какъ только началась переправа, посланы были въ Питнякъ, Хазараспъ и другія поселенія лѣваго берега объявленія слѣдующаго содержанія: „Именемъ Бѣлаго Царя (2), объявляю Вамъ всѣмъ аманъ, милость и прощеніе. Возвратитесь въ свои жилища и спокойно занимайтесь вашими работами и полями. Жизнь, вѣра ваша будутъ неприкосновенны. Имущество ваше, если вы будете на своихъ мѣстахъ, не тронется и останется цѣло и сохранно. Войска Государя Императора наказываютъ и сражаются только съ тѣми, которые идутъ противъ нихъ съ оружіемъ; мирныхъ жителей войска Его Императорскаго Величества не трогаютъ и не обижаютъ. Таковъ нашъ законъ".

Было рѣшено, въ случаѣ, если къ вечеру 18-го мая не явятся въ отрядъ жители, 19-го на разсвѣтѣ произвести усиленную фуражировку. Но такъ какъ къ вечеру же 18-го мая начали къ войскамъ, переправленнымъ на лѣвый берегъ, являться жители и привозить на продажу скотъ, муку, крупу, лепешки, клеверъ и т. п. (хотя все это въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ), то предположенная фуражировка, въ виду закрѣпленія довѣрія къ объявленному, была отмѣнена. Между тѣмъ, 18-го числа положеніе продовольственной части отряда имѣло уже совершенно тревожный характеръ: сухари были на исходѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ они уже кончились; крупы давно уже не было; мяса также. Люди питались исключительно кониною, которая, какъ въ обыкновенное время мясо, правильно доставлялась въ части подрядчикомъ Громовымъ. Даже при отпускѣ конины приходилось соблюдать строгій разсчетъ и порядокъ, и офицерамъ ее давали лишь извѣстными порціями. Командующій войсками и Ихъ Императорскія Высочества, наравнѣ со всѣми, питались лошадинымъ мясомъ.

Ячмень въ кавалеріи и артиллеріи также давно уже кончился, а если и имѣлись въ нѣкоторыхъ частяхъ небольшіе его запасы, то они употреблялись людьми, которые изъ толченаго ячменя пекли себѣ лепешки. Къ счастію, на Акъ-камышѣ нашелся хорошій подножный кормъ и брошенныя жителями поля съ недозрѣлымъ хлѣбомъ; ихъ отдали на пастьбу лошадямъ. Для добыванія провіанта и фуража купецъ Громовъ вызвался поѣхать въ Шураханъ; онъ отправился туда вечеромъ 18-го числа, въ сопровожденіи нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей. Для той же потребности, рѣшено было 19-го числа послать въ Шураханъ всю кавалерію.

---

(1) Въ главномъ потокѣ быстрота теченія была очень сильная, до 8 фут. въ секунду или до 8-ми верстъ въ часъ. Средняя же быстрота теченія воды въ Аму-дарьѣ отъ 4—5 фут. въ секунду; попадаются впрочемъ мѣста, гдѣ вода течетъ значительно тише, до 3 фут. въ секунду.

(2) *Акъ-падишахъ*. Слово „*Акъ*" значитъ собственно „Бѣлый", но употребляется туземцами и въ смыслѣ „Свѣтлый", какъ напр. *Акъ-сарай*—зданіе въ *Шахрисябзѣ*, гдѣ родился *Тамерланъ*; *Акъ-мечеть* (свѣтлый храмъ) — нынѣ фортъ Перовскій. Въ нашихъ же переводахъ мы, еще съ давнихъ временъ, придерживаемся выраженія—*Бѣлый Царь*.

Посылка кавалеріи въ Шураханъ имѣла также цѣлью успокоить жителей и убѣдить ихъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ.

Положеніе туземнаго населенія было дѣйствительно самое безотрадное. Депутація изъ Шурахана сообщила намъ, что туркмены и прочія хивинскія войска, которыя, послѣ учъ-учакскаго пораженія, не успѣли переправиться черезъ Аму у Ичке-яра и отступили правымъ берегомъ, проходя черезъ Шураханъ, ограбили жителей и раззорили базаръ. Въ паникѣ и страхѣ, съ одной стороны отъ движенія русскихъ, а съ другой отъ грабежа и раззоренія своими же хивинскими войсками, несчастные жители Шурахана, забравъ семьи и уцѣлѣвшее имущество, бѣжали изъ жилищъ и укрылись на островахъ Аму-дарьи и въ кустарникахъ по ея берегамъ. Вообще, во время похода, положеніе населенія Хивинскаго ханства—этой богатой, плодородной и великолѣпно обработанной страны—вызывало чувства сожалѣнія. Оно было разграблено передъ самой войною, на сборъ войскъ, ханомъ и его чиновниками; потомъ, когда туркмены и другія хивинскія скопища шли, сначала къ минъ-булакской дорогѣ, а затѣмъ къ Учъ-учаку, преграждать туркестанскимъ войскамъ путь къ Аму-дарьѣ, они тоже грабили жителей; затѣмъ, разбитые туркестанскимъ отрядомъ на Сардаба-кулѣ и Шейхъ-арыкѣ, тѣ же туркмены и войска хана, отступая въ глубь страны, снова обирали населеніе. Послѣ переправы на лѣвый берегъ у Шейхъ-арыка, ханъ разсылалъ изъ Хивы вооруженныя партіи, съ приказаніемъ, силою заставлять жителей, со всѣмъ ихъ движимымъ имуществомъ, переселяться въ столицу ханства, для защиты ея. Вслѣдствіе всего изложеннаго, засѣянныя поля и богатые всходы были брошены безъ присмотра и орошенія, чрезъ что конечно многое погибло.

Вечеромъ 18-го мая прибыла въ лагерь депутація отъ ата-туркменъ, живущихъ за Шураханомъ, на Айбулакѣ; они явились, по прокламаціи, съ изъявленіемъ покорности и привезли въ даръ 9 быковъ; презентъ этотъ былъ весьма кстати въ тогдашнемъ нашемъ положеніи. Туркмены были награждены халатами и деньгами. Получившіе деньги остались недовольны и убѣдительно просили дать имъ, вмѣсто денегъ, халаты, безъ которыхъ, по ихъ выраженію, имъ неловко и совѣстно возвратиться домой. Имъ всѣмъ тотчасъ-же надѣли халаты. Отъ этихъ туркменъ въ первый разъ въ туркестанскомъ отрядѣ, по выходѣ его на Аму-дарью, получено было свѣдѣніе объ оренбургскомъ отрядѣ; они разсказывали, что отрядъ этотъ занялъ Кунградъ и что наши пароходы (или, какъ они называли ихъ, огненныя лодки) пришли съ моря въ Улькунъ-дарью. 18-го мая были посланы съ однимъ туземцемъ записки генералу Веревкину и начальнику Аральской флотиліи, въ которыхъ они извѣщались о выходѣ туркестанскихъ войскъ на Аму-дарью и о началѣ переправы на лѣвый берегъ у Шейхъ-арыка.

Къ вечеру того же дня явилась въ отрядъ депутація отъ города Питняка.

Къ вечеру 18-го мая вода въ Аму-дарьѣ начала прибывать съ такою быстротою, что можно было опасаться затопленія всего мѣста, гдѣ былъ расположенъ отрядъ. Вслѣдствіе этого признано было необходимымъ въ 9 часовъ вечера поднять отрядъ и перевести войска на болѣе возвышенное мѣсто, нѣсколько дальше отъ рѣки. Хотя переходъ на новую позицію былъ не болѣе версты, но онъ оказался весьма затруднительнымъ; только ко второму часу ночи всѣ войска заняли мѣста на новомъ бивакѣ. Было очень темно и въ этомъ мракѣ пришлось вьючить, переходить въ бродъ и перетаскивать нагруженныхъ верблюдовъ черезъ нѣсколько глубокихъ протоковъ и канавъ, въ которыхъ вода была людямъ выше груди, и, наконецъ, на неровной, покрытой кустарниками, песчаной мѣстности, размѣстить войска для отдыха. Для обозначенія фасовъ бивачнаго расположенія, при разбивкѣ лагеря, зажигались большіе ко-

стры, а для указанія фланговъ отдѣльныхъ частей—небольшіе огоньки. На эти огни двигались части и обозы безъ дороги, попадая то въ глубокія ямы, то въ наполненныя водою канавы, или натыкаясь на кустарники. Невольно всѣмъ пришло на мысль, что еще такъ недавно, въ Кизылъ-кумахъ, туркестанцы страдали отъ безводія и маловодія, а тутъ пришлось бѣдствовать отъ избытка воды; то „су іокъ", то „су копъ", говорили въ отрядѣ; то воды нѣтъ, то ея много такъ, что чуть не подтопило весь отрядъ.

19-го мая, утромъ, вся кавалерія отряда, за исключеніемъ конвойной командующаго войсками сотни, выступила въ Шураханъ. Переправа началась съ разсвѣта; но такъ какъ, вслѣдствіе большой прибыли воды и усиленія теченія, каюки сильно сносило, то переправу перемѣстили выше по рѣкѣ, версты на четыре по берегу и версты на двѣ по прямому направленію отъ первоначальнаго мѣста переправы Новое мѣсто для посадки войскъ и тяжестей на каюки имѣло ту выгоду, что лодки могли приставать къ самому лагерю на лѣвомъ берегу, не смотря на силу теченія, безъ помощи буксирныхъ шлюпокъ. За то самая переправа этимъ перемѣщеніемъ очень замедлилась: лодки приходилось, при обратномъ ихъ слѣдованіи съ лѣваго берега, тащить вверхъ по рѣкѣ бичевою; операція эта была весьма затруднительна, такъ какъ правый берегъ у мѣста переправы дѣлаетъ большой изгибъ, чрезъ что бичевной путь значительно удлинялся. Переправа 19-го числа шла очень медленно: за весь день были перевезены два конныхъ орудія, рота 4-го баталіона, саперная рота и часть тяжестей главной квартиры. Такъ какъ утромъ 19-го числа жители не явились съ хлѣбомъ для продажи, то изъ лагеря на лѣвомъ берегу была произведена небольшая фуражировка въ ближайшія селенія; но фуражиры добыли весьма немного. Вечеромъ того же числа прибыло въ отрядъ посольство отъ дяди и тестя хивинскаго хана *Сеидъ-Магометъ-эмира-уль-Омара*. Личность эта, весьма уже почтенныхъ лѣтъ, извѣстна была въ средѣ хивинскаго народа подъ названіемъ эмира; онъ нѣкоторымъ образомъ раздѣлялъ власть съ ханомъ и былъ отчасти его совѣтникомъ. Эмиръ имѣлъ свой дворъ и своего диванъ-беги (великаго визиря) (1); онъ управлялъ, или, правильнѣе, ему, въ видѣ вотчины, принадлежали Питнякъ, Шураханъ съ правымъ берегомъ и Хазараспъ съ окрестностями, извѣстными подъ названіемъ *Бишъ-арыкъ* (пять арыковъ). Эмиръ прислалъ съ посланнымъ командующему войсками слѣдующее письмо:

„Губернатору Бѣлаго Царя и главному начальнику войскъ. Да будетъ вамъ извѣстно: теперь здѣсь нѣтъ людей, которые будутъ драться. Если дадите немного времени для того, чтобы выйти жителямъ въ наружу (вѣроятно изъ крѣпости или города), то мы примемъ всѣ ваши слова, писанныя на бумагѣ (въ прокламаціи). Рабатъ-сани 6-го дня написано это письмо". Подъ письмомъ находилась печать Сеидъ-Магометъ-эмира-уль-Омара. На словахъ эмиръ, черезъ посланца, предложилъ главному начальнику войскъ свиданіе, т. е. просилъ позволенія лично явиться для переговоровъ.

Посланецъ сообщилъ, между прочимъ, еще слѣдующія свѣдѣнія:

Оренбургскій отрядъ занялъ Кунградъ и Ходжейли; пароходы наши сопровождаютъ этотъ отрядъ; у насъ убито отъ 10-ти до 18-ти человѣкъ, высадившихся съ пароходовъ на берегъ для заготовленія дровъ; головы убитыхъ, по словамъ посланца, были увезены въ Хиву (объ этомъ несчастномъ случаѣ подробно сказано въ своемъ мѣстѣ).

Посланецъ говорилъ также о недостаточности оборонительныхъ средствъ Хивинскаго ханства. Для защиты столицы, кромѣ плохо вооруженныхъ жителей, имѣлось всего 100 человѣкъ настоящихъ стрѣлковъ и 30 пушекъ разной величины.

(1) У эмира диванъ-беги былъ Матъ-Ніязъ; у хана заклятый врагъ русскихъ Матъ-Мурадъ.

О ханѣ посланецъ въ то время не имѣлъ точныхъ свѣдѣній; онъ слышалъ, что ханъ тогда находился въ Хивѣ; другіе же говорили ему, что онъ куда-то ушелъ изъ столицы съ войскомъ и 2-мя орудіями.

Хазараспъ, по увѣреніямъ посланца, не долженъ былъ защищаться, и жители его предполагали выйти нашимъ войскамъ на встрѣчу съ покорностью.

Матъ-Мурадъ диванъ-беги, дѣйствовавшій противъ туркестанскихъ войскъ у Сардаба-куля и Тюнюклю, ушелъ съ войскомъ внизъ по рѣкѣ. Туркмены же, участвовавшіе въ военныхъ дѣлахъ, разсѣялись и ушли по домамъ, ограбивъ по пути жителей.

Посланецъ былъ отправленъ обратно къ эмиру съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Достопочтенному Сеидъ-Магомету.

„Письмо ваше я получилъ; очень радъ мирнымъ заявленіямъ вашимъ. — Мнѣ нужно дѣло, а не слова.—Пришлите немедленно хлѣба, ячменя и скота; я приму это какъ доказательство вашего мирнаго расположенія. За все, что народъ добровольно привезетъ въ отрядъ, будетъ уплачено по справедливости.

„Для установленія дальнѣйшаго образа дѣйствій, я предпочитаю лично переговорить съ вами. Нѣкоторыя подробности переданы посланному вашему, для доклада вамъ“.

Къ вечеру 20-го мая были переправлены: 6 ротъ, 4 горныхъ и 2 конныхъ орудія, 2 скорострѣлки, главная квартира и отрядный штабъ. Въ этотъ же день переѣхалъ на лѣвый берегъ командующій войсками со свитою.

20-го числа было получено донесеніе о благополучномъ выходѣ колонны полковника Веймарна къ Аму-дарьѣ; въ донесеніи своемъ полковникъ Веймарнъ сообщалъ, что онъ надѣется быть на переправѣ 21-го мая.

Къ мѣсту переправы у Шейхъ-арыка прибыли при отрядѣ 1200 верблюдовъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые ожидались съ полковникомъ Веймарномъ.

Для поднятія съ Алты-кудука отряда полковника Новомлинскаго, 20-го мая было отправлено туда 700 верблюдовъ, а 200, по негодности, были отпущены вмѣстѣ съ лаучами домой. При отрядѣ осталось такимъ образомъ всего около 300 верблюдовъ, которые впослѣдствіи были переправлены на лѣвый берегъ, частью вплавь, частью на каюкахъ.

На лѣвомъ берегу, близъ лагеря, 20-го мая, жители ближайшихъ кишлаковъ устроили базаръ, куда вывезли на продажу разные съѣстные припасы и фуражъ, но все это, къ сожалѣнію, въ очень маломъ количествѣ. Продовольствіе въ отрядѣ въ это время было весьма скудно; недостатокъ ощущался во всемъ.

Кромѣ продовольствія войскъ, другой вопросъ, которымъ въ это время сильно озабочивались въ отрядѣ, было снабженіе войскъ перевозочными средствами для дальнѣйшаго движенія. Тотчасъ-же по переправѣ на лѣвый берегъ, было сдѣлано распоряженіе о доставленіи жителями въ отрядъ арбъ для поднятія тяжестей; но сборъ арбъ шелъ медленно, и 21-го мая жители Питняка доставили всего 30 арбъ; дѣло это, какъ ниже увидимъ, было окончательно устроено только послѣ занятія Хазараспа. На слѣдующій же день по переправѣ на лѣвый берегъ, отданъ былъ слѣдующій приказъ по войскамъ (отъ 21-го мая 1873 года за № 35):

„Вступивъ въ настоящее время въ населенную мѣстность Хивинскаго ханства, я предписываю г.г. начальникамъ частей и учрежденій не посылать отъ себя отдѣльныхъ командъ на фуражировки. Если въ такихъ фуражировкахъ будетъ встрѣчаться надобность, то распоряженія о производствѣ ихъ и назначеніи для сего командъ должны дѣлаться общія по отряду и не иначе, какъ начальникомъ отряда. При этомъ я считаю необходимымъ подтвердить, какъ всѣмъ начальникамъ частей и учрежденій, такъ и прочимъ лицамъ, у коихъ въ распоряженіи или въ услуженіи состоятъ джигиты, строго слѣдить за этими послѣдними, чтобы они от-

людь не позволяли бы себѣ грабить и самовольничать между жителями. Вступая въ культурный оазисъ Хивинскаго ханства, я объявилъ жителямъ, что мы идемъ войною не противъ нихъ, а противъ правительства и тѣхъ изъ подданныхъ хана, которые насъ встрѣтятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Жизнь, вѣра и имущество мирнаго населенія должны быть неприкосновенны. Изъ Шурахана, Питняка и Хазараспа ко мнѣ явились уже депутаціи отъ жителей, съ заявленіями покорности и готовности ихъ служить намъ. На требованія мои выслать въ отрядъ на продажу скотъ, хлѣбъ и фуражъ, нѣкоторая часть изъ ближайшаго къ намъ населенія уже исполнила это требованіе и войска имѣли возможность пріобрѣсти отъ жителей необходимые имъ предметы довольствія. Я строго воспрещаю обижать мирное населеніе и брать у него что-либо изъ имущества безплатно и произвольно. Я вполнѣ увѣренъ и разсчитываю, что собственно войска мнѣ никогда не придется укорить въ нарушеніи принятаго мною по отношенію къ мирному населенію правила, которое я объявилъ жителямъ Хивинскаго ханства въ моей прокламаціи къ нимъ. Но при частяхъ войскъ, различныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ есть много джигитовъ, за которыми строго слѣдить въ этомъ отношеніи я предлагаю всѣмъ, отъ кого только это будетъ зависѣть, и предупредить ихъ, что виновные, пойманные на мѣстѣ преступленія, или жалобы отъ жителей на которыхъ будутъ доходить до начальства, будутъ тотчасъ-же предаваемы полевому суду".

Мѣсто лагеря отряда на лѣвомъ берегу Аму, гдѣ до 17-го мая стояли непріятельскія войска, находится у самаго берега, между началами или истоками изъ Аму двухъ канавъ: Шейхъ-арыка и Джуаркаса. Мѣстность эта, изрѣзанная высокими валами, представляла весьма сильную позицію, окаймленную сзади ея открытою поляной, въ родѣ эспланады, шириною отъ одной до полуторы версты. За поляной начинались сплошные сады и селенія, наполняющія весь хивинскій оазисъ. Сады отъ Шейхъ-арыка тянутся непрерывно до самой Хивы, образуя только мѣстами нешірокія, открытыя поляны. Самое мѣсто бивака было совершенно открытое: ни одного деревца, ни одного кустика. Грунтъ земли на позиціи былъ глинистый, солончаковый; отъ большаго скопленія людей и животныхъ, безпрестанно двигавшихся по лагерю, поверхностный слой земли превратился въ тонкую, мельчайшую пыль, которая, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка, вздымалась къ верху, и надъ лагеремъ отряда постоянно стоялъ густой столбъ этой пыли.

Тяжело было стоять, съ скуднымъ и неопредѣленнымъ довольствіемъ, на солнцепекѣ, въ столь близкомъ разстояніи отъ роскошнѣйшихъ садовъ. Но двинуться впередъ отрядъ еще не могъ; не всѣ войска и тяжести были переправлены и не устроена еще была перевозочная часть. Оставить берега Аму-дарьи и расположиться въ ближайшихъ садахъ нельзя было ранѣе переправы такого количества войскъ, чтобы можно было часть ихъ оставить на берегу для охраны переправы и остающихся у нея, до устройства подъемныхъ средствъ, тяжестей. Но такъ какъ, по ходу переправы, можно было надѣяться 22-го или 23-го перевести хоть часть отряда въ сады, то, 21-го мая, приказано было начальнику полеваго штаба, генералу Троцкому, съ офицерами генеральнаго штаба, подъ прикрытіемъ стрѣлковыхъ ротъ 4-го и 8-го баталіоновъ и двухъ картечницъ, произвести рекогносцировку ближайшихъ садовъ и выбрать тамъ мѣсто для расположенія отряда. Рекогносцировка должна была также опредѣлить: которая изъ двухъ, ведущихъ къ Хазараспу, дорогъ болѣе удобна для движенія отряда. Пройдя отъ бивака версты $1^1/_2$ открытою поляною, рекогносцировочный отрядъ вступилъ въ раіонъ садовъ, въ лабиринтъ богатѣйшихъ полей, огородовъ, густыхъ рощъ изъ роскошнѣйшихъ тѣнистыхъ деревьевъ, виноградниковъ, арыковъ, прудовъ съ свѣжею, прозрачною водою, и т. п.

Хивинскій оазисъ орошается множествомъ большихъ ка-

наловъ, которые отдѣляютъ отъ себя второстепенныя канавы или арыки. Каждый изъ этихъ арыковъ въ свою очередь выдѣляетъ цѣлую сѣть мелкихъ водопроводныхъ канавъ, которыя собственно и орошаютъ поля и сады, составляющіе бассейнъ извѣстнаго арыка. Главные каналы, у своего выхода изъ Аму, имѣютъ видъ рѣкъ, шириною до 50 и болѣе саженъ, и съуживаются по мѣрѣ удаленія отъ Аму, т. е. по мѣрѣ расхода воды въ побочные арыки. Селенія въ Хивинскомъ ханствѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ домовъ, окруженныхъ каждый высокими стѣнами и расположенныхъ въ значительномъ удаленіи другъ отъ друга. Каждый изъ такихъ домовъ, обнесенный высокою, значительной толщины стѣною, имѣетъ видъ небольшой крѣпости. Такимъ образомъ селенія въ ханствѣ раскинуты на большія пространства и занимаютъ цѣлый бассейнъ какого-нибудь арыка, который имѣетъ общее названіе съ селеніемъ.

Кромѣ главныхъ каналовъ, прямо изъ Аму выходитъ еще много второстепенныхъ арыковъ, орошающихъ селенія съ ихъ полями, лежащія близь самой рѣки. Таковы именно были арыки, у которыхъ располагался лагерь туркестанскихъ войскъ по переправѣ ихъ на лѣвый берегъ. Нѣсколько ниже этихъ арыковъ находится начало канала *Полванъ-ата*, одного изъ главныхъ водопроводовъ ханства, орошающаго городъ Хиву съ окрестностями и все пространство между мѣстомъ нашего бивака и столицею ханства.

Отъ лагеря у Шейхъ-арыка идутъ двѣ дороги, сходящіяся верстахъ въ 6-ти отъ Шейхъ-арыка, у селенія и арыка Каравакъ. Отсюда идетъ уже одна большая дорога прямо къ Хивѣ, черезъ крѣпость Хазараспъ. Разстояніе отъ переправы до Хазараспа—16 верстъ; отъ этой крѣпости до Хивы—62 версты; всего отъ переправы до Хивы туркестанскимъ войскамъ оставалось пройти еще 78 верстъ. Почти на серединѣ разстоянія отъ переправы до Хазараспа находится небольшой базаръ подъ названіемъ Янги-базаръ. Дорога отъ переправы до Хазараспа пересѣкается семью арыками значительныхъ размѣровъ, черезъ которые можно переправляться только по мостамъ; всѣ арыки сопровождаются высокими земляными валами, образовавшимися при ихъ прорытіи и ежегодной очисткѣ. Арыки съ валами, засаженными густыми группами деревьевъ и кустовъ, представляютъ для обороняющагося рядъ весьма крѣпкихъ позицій. Противъ непріятеля, наступающаго со стороны Амударьи къ Хивѣ, позиціи эти тѣмъ болѣе удобны, что почти передъ каждымъ большимъ арыкомъ, со стороны рѣки, имѣется небольшая открытая поляна, по которой наступающему приходится двигаться подъ выстрѣлами непріятеля, скрывающагося за валами, деревьями и кустами. Самая дорога—не широкая и стѣснена боковыми канавами и стѣнками. Грунтъ дороги глинистый, солончаковый, чрезъ что во время движенія, въ сухое время года, поднимается густая, мельчайшая пыль, которая, вслѣдствіе отсутствія тяги и движенія воздуха среди густыхъ садовъ, не скоро расходится и держится въ воздухѣ густымъ, неподвижнымъ облакомъ. Мѣстами, гдѣ дорога пересѣкаетъ небольшія поляны, образовались, отъ излишка воды въ арыкахъ, болота и озера, черезъ которыя путь проходитъ по узкимъ гатямъ. Вправо отъ дороги черезъ Хазараспъ на Хиву, почти параллельно ей, въ разстояніи отъ 3-хъ до 6-ти верстъ, течетъ Полванъ-ата, а влѣво, то удаляясь, то приближаясь къ дорогѣ, тянется край песковъ, окаймляющихъ хивинскій оазисъ съ этой стороны. Мосты на дорогѣ деревянные, весьма плохаго устройства. Если бы ко времени нашего движенія непріятель уничтожилъ эти мосты, то наступленіе отряда къ Хивѣ было бы весьма затруднено и замедлено. Но хивинцы не сдѣлали этого, и мосты вездѣ были цѣлы. Дорога изъ Питняка въ Хазараспъ соединяется съ вышеописаннымъ путемъ у селенія Каравакъ. Большая же прямая дорога изъ Питняка прямо въ Хиву идетъ вдоль самаго края песковъ и соединяется съ хазараспскимъ путемъ верстахъ въ шести отъ Хивы, у селенія Пшеникъ.

Въ хивинскихъ садахъ разводятся фруктовыя деревья: абрикосы, персики, яблоки, виноградъ, вишни, винныя ягоды, гранаты, сливы, тутъ съ красными и черными плодами, айва, груши и грецкій орѣхъ. Миндаль и фисташки почти не встрѣчаются. Персики хивинскіе не хуже ташкентскихъ; яблоки въ Хивинскомъ ханствѣ славятся ихъ доброкачественностью; самые вкусные сорта — большіе, желтые съ краснымъ, по туземному *чархъ-альма*, и рябое яблоко — бѣлое съ краснотою *(котуръ-альма)*. Груши въ Хивѣ, какъ и въ Ташкентѣ, недоброкачественны. Сорта винограда менѣе разнообразны, чѣмъ въ Ташкентѣ, и виноградъ въ Хивинскомъ ханствѣ вообще разводится низко и только въ нѣкоторыхъ садахъ подымается на подпорки (1). Садоводство у хивинцевъ вообще находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Средней Азіи, вѣроятно вслѣдствіе прилива въ ханствѣ значительнаго числа персіянъ — садовниковъ. Изъ нефруктовыхъ деревьевъ въ хивинскихъ садахъ разводятся: вѣтвистый *карагачъ* (Ulmus—илимъ, вязъ, берестъ), *тополь* и *талъ*. Кромѣ того попадаются: *боярышникъ* (crataegus) и *розы*. Смородины, крыжовника, малины и прочихъ ягодныхъ кустовъ вовсе не разводится. Виды хивинскихъ лѣтнихъ цвѣтовъ разнообразнѣе разводимыхъ въ Ташкентѣ и самые экземпляры лучшихъ качествъ. Цвѣтники у хивинцевъ располагаются около самыхъ домовъ, при чемъ распредѣляются по небольшимъ углубленнымъ квадратнымъ грядкамъ; каждая грядка засаживается по большей части сплошь однимъ сортомъ. Георгинъ, левкоевъ, резеды, душистаго горошка, столь распространенныхъ въ русскихъ садахъ, въ Хивѣ, какъ и вообще въ Средней Азіи, не встрѣчается вовсе. Въ Хивинскомъ ханствѣ, благодаря искуственному орошенію и системѣ обработки полей, урожаи постоянны и обильны. Къ числу воздѣлываемыхъ въ ханствѣ полевыхъ растеній принадлежатъ: пшеница, джугара (Sorghum), рисъ, ячмень (засѣвается чрезвычайно мало; онъ замѣняется въ ханствѣ джугарою), просо, люцерна, хлопчатникъ, машъ (мелкій, зеленовато - сѣрый горошекъ, сладковатый на вкусъ) (2), горохъ, чечевица, кунжутъ (Sesamum) и индау (оба масляничныя растенія), кендырь (конопля), ленъ, табакъ, бобы, лукъ, красный перецъ, морковь, рѣпа, рѣдька, чернушка (мелкія черныя сѣмячки; ее употребляютъ для присыпки лепешекъ), укропъ, тминъ, дыни, арбузы, тыква, огурцы, кукуруза, марена (въ незначительномъ количествѣ), свекла, макъ, сафлоръ, нахотъ (3) (Cicer Arietinum — овечій горохъ). Большинство землевладѣльцевъ въ ханствѣ не имѣетъ настоящихъ огороженныхъ садовъ, и, напротивъ, у всѣхъ почти найдется по нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, преимущественно абрикосовыхъ и персиковыхъ, растущихъ около дома. Кромѣ того, всѣ поля землевладѣльцевъ усажены тутовникомъ, ряды котораго служатъ разграниченіемъ полей. Ягоды послѣдняго служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пищею, а листья идутъ на выкормку шелковичныхъ червей (4).

Всѣ участвовавшіе въ вышеупомянутой рекогносцировкѣ были поражены, войдя въ раіонъ садовъ, видимыми богатыми результатами трудовъ человѣческихъ рукъ, и, послѣ продолжительнаго скитанія по степямъ, всѣмъ казалось, что они переступили границы рая. Поля были обдѣланы съ та-

---

(1) Виноградъ въ хивинскомъ оазисѣ закрывается на зиму толстымъ слоемъ земли.

(2) Даже родъ маша, этого бобоваго растенія, не опредѣленъ до настоящаго времени. Леманъ и Федченко полагаютъ, что это Phaseolus. Декэнъ (членъ парижской академіи) высказалъ мнѣніе, что это Dolichos, но вѣроятнѣе всего— это Soja.

(3) Нахотъ—также не опредѣленный еще родъ бобоваго растенія.

(4) Приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ статьи Военнаго Сборника: „Хивинское ханство въ сельско-хозяйственномъ отношеніи". Статья эта составлена генеральнаго штаба подполковникомъ Костенко на основаніи разспросовъ, сдѣланныхъ генеральнаго штаба полковникомъ Корольковымъ, подъ руководствомъ котораго, во время хивинскаго похода 1873 года, г. Краузе собиралъ ботаническія коллекціи на всемъ пути слѣдованія туркестанскаго отряда. Очеркъ интересныхъ изслѣдованій по флорѣ Кизылъ-кумской степи и аму-дарьинскаго бассейна, составленный Н. И. Корольковымъ, помѣщенъ въ настоящемъ изданіи.

кою тщательностью и чистотою, которыя не случалось видѣть въ другихъ частяхъ Средней Азіи. Все здѣсь показывало трудолюбіе и порядокъ. Существуетъ мнѣніе, что все сдѣланное въ ханствѣ составляетъ исключительно результатъ тяжелыхъ, трудовыхъ дней 40 тыс. персидскихъ рабовъ, освобожденныхъ отъ ига рабства съ приходомъ нашимъ въ Хиву. Это мнѣніе не вполнѣ вѣрно. Конечно, 40 тыс. человѣкъ рабочей силы было большимъ подспорьемъ въ экономическомъ бытѣ хивинскаго населенія; тѣмъ не менѣе, хивинцы и сами - по - себѣ, а особенно узбеки, осѣдлое населеніе, чрезвычайно трудолюбивы и съ замѣчательною тщательностью и стараніемъ занимаются обработкою своихъ земель. Видѣнныя нами, прекрасно воздѣланныя поля и пашни узбековъ, напоминающія поля Сѣверной Италіи, составляютъ плодъ и результатъ усиленныхъ трудовъ и работы непосредственно самихъ узбековъ.

Начальникъ штаба съ рекогносцировочнымъ отрядомъ прошелъ сперва версты четыре по лѣвой дорогѣ; затѣмъ прямо, садами, безъ дороги, вышелъ на правый путь и, осмотрѣвъ всѣ ближайшіе къ лагерю сады, возвратился къ биваку у Шейхъ-арыка. Рекогносцировка показала, что для дальнѣйшаго движенія отряда удобнѣйшій путь представляла правая дорога, т. е. ведущая прямо въ Хазараспъ черезъ Янги-базаръ. Около этого пути, верстахъ въ двухъ отъ переправы, въ роскошныхъ садахъ, было выбрано мѣсто подъ лагерь, куда на слѣдующій день и предполагалось передвинуть часть отряда. Передвиженіе это не состоялось по причинамъ, которыя увидимъ ниже.

21-го мая, въ тезоименитство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича и въ день рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны, въ 11-ть часовъ утра, главный начальникъ войскъ и всѣ старшіе чины отряда собрались къ ставкѣ Великаго Князя Николая Константиновича, для принесенія поздравленій Его Высочеству. Въ этотъ же день были имянины генералъ-адъютанта Константина Петровича Фонъ-Кауфмана. Утромъ всѣ наличные г.г. офицеры отряда поздравили главнаго своего начальника, у котораго въ 5-ть часовъ пополудни былъ обѣдъ, удостоенный присутствіемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Къ полудню 21-го мая получено было радостное извѣстіе (1), что отрядъ полковника Веймарна (2 роты 2-го стрѣлковаго баталіона и взводъ 9-ти-фунтовыхъ орудій) благополучно и въ полномъ порядкѣ прибылъ къ мѣсту переправы на правомъ берегу, а спустя нѣсколько времени въ лагерь явились полковникъ Веймарнъ и съ нимъ подполковникъ Ивановъ, совершенно выздоровѣвшій отъ полученныхъ имъ 27-го апрѣля ранъ и, какъ припомнимъ, оставшійся для излеченія ихъ на Халъ-ата.

Къ вечеру этого дня прибылъ къ главному начальнику одинъ почетный хивинецъ, выдававшій себя за коменданта города Хазараспа. Хивинецъ привезъ, по мусульманскому обычаю, подарки, которые, въ виду мирныхъ заявленій его, были приняты и отдарены командующимъ войсками. Посланецъ заявлялъ полную покорность жителей Хазараспа и молилъ о пощадѣ за прошлое. Онъ обѣщалъ на слѣдующій же день привезти въ отрядъ изъ крѣпости Хазараспа четыре пушки, ружья, порохъ и свинецъ. Онъ сообщилъ, что его властелинъ, эмиръ-уль-Омаръ, не выждавъ отвѣта командующаго войсками, долженъ былъ уѣхать въ Хиву, для переговоровъ и совѣщаній съ ханомъ.

Какъ впослѣдствіи выяснилось, ни пушекъ, ни ружей выслано не было; цѣль пріѣзда хитраго старика, на видъ весьма почтеннаго, заключалась въ томъ лишь, чтобы вы-

(1) Мы употребляемъ здѣсь выраженіе *радостное* извѣстіе, потому, что всѣ въ передовомъ отрядѣ, отъ старшихъ начальниковъ до послѣдняго солдата, сочувствовали тяжелому положенію частей войскъ, которымъ, силою обстоятельствъ, временно пришлось остаться сзади на Халъ-ата и Алты-кудукѣ—въ этихъ двухъ безотрадныйшихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого прибытіе и присоединеніе этихъ частей къ передовой колоннѣ всегда встрѣчались радостно и привѣтливо.

смотрѣть наши силы и, по результатамъ этихъ наблюденій, рѣшить: слѣдуетъ ли продолжать борьбу или нѣтъ?

Уѣзжая, старикъ вынесъ впечатлѣніе, что насъ очень мало и что хивинцамъ легко будетъ уничтожить русскій отрядъ.

Выѣзжая изъ лагеря, онъ, какъ впослѣдствіи объяснилось, говорилъ своимъ спутникамъ: „я думалъ, что русскихъ много, а ихъ оказывается всего нѣсколько сотъ человѣкъ, которыхъ мы очень легко задавимъ“. Послѣдствія такого взгляда не замедлили выказаться. Хазараспъ на дѣлѣ не только не имѣлъ намѣренія сдаться, но въ то время, когда у насъ былъ старый его комендантъ, къ городу подходили изъ Хивы войска на подкрѣпленіе, съ которыми на слѣдующій же день намъ суждено было случайно встрѣтиться.

Незнакомые съ средне-азіятскою войною невольно быть можетъ зададутъ вопросъ: какимъ образомъ допускались въ лагерь войскъ туземцы, а тѣмъ болѣе вліятельные, безъ обыкновенныхъ осторожностей, принятыхъ вообще при пріемѣ парламентеровъ. Но дѣло въ томъ, что въ Средней Азіи намъ нечего бояться лазутчиковъ, и избѣгнуть ихъ во всякомъ случаѣ очень трудно и даже невозможно.

Дѣйствуя малочисленными отрядами, среди непріятельскаго населенія, въ которомъ войска постоянно нуждаются для добыванія продовольствія и перевозочныхъ средствъ, весьма часто приходится радоваться пріѣзду въ лагерь туземца, отъ котораго, какъ бы хитеръ онъ ни былъ, всегда можно, при извѣстномъ навыкѣ, добыть свѣдѣнія о мѣстности, о путяхъ, о непріятелѣ, и проч. Обыкновенно, при этомъ туземцы, а тѣмъ болѣе важныя особы, пріѣзжаютъ не одни, а со свитою, и тогда, если одинъ молчитъ, то другой навѣрно, при хорошемъ угощеніи, проговорится. Свѣдѣнія, которыя эти люди сообщаютъ о нашихъ войскахъ своимъ, во всякомъ случаѣ для насъ не опасны.

Съ однимъ изъ вѣрныхъ намъ туземцевъ была послана въ этотъ день записка генералу Веревкину. Записка была написана, для осторожности, на нѣмецкомъ языкѣ.

Утромъ 21-го мая, на лагерномъ базарѣ было много туземцевъ съ разными продовольственными припасами; но послѣ полудня базаръ вдругъ опустѣлъ и до вечера никто изъ туземцевъ въ лагерь не являлся.

Въ этотъ день были переправлены: 2 роты 2-го линейнаго баталіона, 2 конныхъ орудія и сборная сотня.

22-го мая утромъ, ждали, по обыкновенію, пріѣзда на базаръ туземцевъ съ баранами и фуражемъ; но никто снова не явился и базаръ оставался пустымъ. Въ виду необходимости добыть для отряда фуражъ, мясо и другіе запасы, разрѣшено было снарядить небольшой отрядъ на фуражировку и направить его для этой цѣли по дорогѣ въ Хазараспъ. На фуражировку посланы были команды отъ всѣхъ частей, находившихся въ лагерѣ, подъ прикрытіемъ 1-ой роты 1-го стрѣлковаго баталіона, 3-й роты 4-го линейнаго, двухъ горныхъ орудій и сборной сотни. Начальство надъ этимъ отрядомъ было поручено подполковнику Чайковскому; фуражирами завѣдывалъ капитанъ Рѣзвый.

Подойдя къ кишлаку Шейхъ-арыкъ, подполковникъ Чайковскій остановилъ отрядъ и потребовалъ отъ найденныхъ въ сакляхъ жителей, чтобы они вывезли для войскъ необходимый фуражъ. Жители объявили, что они боялись въ этотъ день явиться на базаръ, такъ какъ, 21-го числа, вечеромъ, въ Хазараспъ прибыло въ большомъ числѣ хивинское войско и имъ строго запрещено везти что-либо въ нашъ лагерь; имъ всѣмъ было приказано собираться въ Хазараспъ и свозить туда всѣ свои запасы и имущество.

Чтобы провѣрить эти заявленія, а также чтобы прикрыть фуражировъ, подполковникъ Чайковскій, съ двумя ротами, двумя орудіями и полсотнею казаковъ, двинулся впередъ по дорогѣ къ Хазараспу. Пройдя нѣсколько верстъ, замѣчено было дѣйствительно вдали много арбъ, нагруженныхъ семействами жителей и ихъ имуществомъ, сопровождаемыхъ вооруженными всадниками, которые поспѣшно уходили въ

направленіи къ Хазараспу. Чтобы остановить этотъ караванъ и возвратить жителей къ своимъ мѣстамъ, подполковникъ Чайковскій выслалъ впередъ на рысяхъ полсотню казаковъ, которые тотчасъ-же и были встрѣчены выстрѣлами. Казаки были пріостановлены, а отрядъ, разсыпавъ въ цѣпь стрѣлковъ, началъ поспѣшно подвигаться впередъ. По мѣрѣ приближенія его къ казакамъ, на дорогѣ и по сторонамъ ея начали показываться, постоянно усиливаясь въ числѣ, конные и пѣшіе люди, которые выстрѣлами пытались остановить движеніе отряда. Наступленіе войскъ задерживалось весьма пересѣченною мѣстностью. Пройдя съ перестрѣлкою версты четыре, отрядъ вышелъ на небольшую открытую поляну, противоположная опушка которой была сильно занята непріятелемъ. На самой дорогѣ стояли густыя толпы конныхъ всадниковъ, съ двумя значками; по сторонамъ— четыре фальконета и отъ нихъ, вправо и влѣво, пѣшіе люди, а на флангахъ—массы конныхъ. Всего—непріятеля собралось болѣе 1000 человѣкъ.

Усиливъ цѣпь стрѣлковъ, подполковникъ Чайковскій подвинулъ отрядъ на вѣрный выстрѣлъ и, приказавъ снять съ передковъ два горныя орудія, открылъ изъ нихъ огонь. Непріятель не выдержалъ артиллерійскаго и ружейнаго огня и бросился назадъ. Въ виду наступавшаго вечера, и имѣя задачею фуражировку, а не движеніе къ Хазараспу, тѣмъ болѣе по незнакомой и сильно-пересѣченной мѣстности, подполковникъ Чайковскій не преслѣдовалъ непріятеля, а остался временно на занятой имъ позиціи. Выждавъ здѣсь до 5-ти часовъ вечера и разсчитывая за-свѣтло возвратиться въ лагерь, онъ снялся съ позиціи и пошелъ назадъ.

Какъ только началось обратное движеніе, непріятель началъ насѣдать на отрядъ и обскакивать его; нѣкоторые смѣльчаки близко подъѣзжали къ нашимъ цѣпямъ, но выстрѣлами стрѣлковъ были отгоняемы. Подполковникъ Чайковскій нѣсколько разъ останавливалъ отрядъ, поворачивалъ его назадъ и, переходя въ наступленіе, разгонялъ насѣдавшія на войска конныя толпы. Вскорѣ къ отряду присоединились высланныя изъ лагеря, по первому донесенію о появленіи непріятеля, рота 4-го линейнаго и рота 1-го стрѣлковаго баталіоновъ, при которыхъ находились Ихъ Императорскія Высочества. Съ этими ротами командированъ былъ къ мѣсту дѣла начальникъ отряда генералъ-маіоръ Головачовъ. Непріятель, замѣтивъ приближеніе свѣжихъ войскъ, началъ постепенно отходить назадъ, а затѣмъ и совсѣмъ скрылся изъ виду.

Въ $8^1/_2$ часовъ вечера, весь отрядъ возвратился въ лагерь. При этой встрѣчѣ съ непріятелемъ, у насъ тяжело раненъ пулею въ нижнюю часть живота командиръ 3-й роты 4-го линейнаго баталіона, подпоручикъ Скворцовъ, и легко раненъ унтеръ-офицеръ 1-й роты 1-го стрѣлковаго баталіона.

Непріятельская партія, встрѣченная отрядомъ подполковника Чайковскаго, оказалась воинствомъ, высланнымъ изъ Хивы подъ начальствомъ Матъ-Ніяза, которое, разгромивъ и наказавъ жителей Хазараспа и его окрестностей за сношенія съ русскими, подвигалось впередъ для наказанія ближайшихъ къ нашему лагерю селеній. Кромѣ того, Матъ-Ніязу было поручено силою заставить всѣхъ сельскихъ жителей съ имуществомъ перебираться въ крѣпость Хазараспъ. Изъ дѣла 22-го мая стало очевиднымъ, что всѣ, до сихъ поръ являвшіяся къ намъ посланія отъ эмира-уль-Омара и изъ Хазараспа, были ничто иное, какъ обыкновенныя мусульманскія уловки, для выиграніе времени, напомнившія посольства передъ чупанъ-атинскимъ боемъ въ 1868 году. Несомнѣнно было, что Хазараспъ не предполагалъ сдаваться и, наоборотъ, собирался оказать намъ вооруженное сопротивленіе. Кромѣ того, выбѣжавшіе изъ Хазараспа въ отрядъ персіяне-рабы показали, что диванъ-беги Матъ-Ніязъ расположился съ войскомъ въ Хазараспѣ, собираетъ туда жителей, заставляетъ ихъ вооружаться и готовится защищать городъ. Въ виду всего этого рѣшено

было на другой же день двинуться съ отрядомъ къ Хазараспу, прогнать оттуда непріятеля и занять городъ. Движеніе это, не смотря на то, что отрядъ далеко еще не былъ готовъ къ выступленію и что еще не всѣ войска были переправлены, было необходимо и потому, что дальнѣйшее выжиданіе могло лишь усложнить дѣло. Въ данномъ положеніи, трудно было разсчитывать скоро устроить продовольственную и перевозочную части въ отрядѣ, не занявъ г. Хазараспа. Съ занятіемъ же его мы дѣлались хозяевами окрестнаго городу края, и успокоенные жители Бишъ-арыка получили бы возможность исполнить наши требованія по доставкѣ въ отрядъ продовольственныхъ запасовъ и арбъ для сформированія войсковаго обоза.

22-го мая были переправлены двѣ роты 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и два девяти-фунтовыхъ орудія.

Для занятія, 23-го числа, Хазараспа, былъ сформированъ отрядъ изъ двухъ ротъ 1-го стрѣлковаго баталіона, двухъ ротъ 4-го стрѣлковаго, 2-й роты 2-го стрѣлковаго (1), двухъ ротъ 4-го линейнаго баталіона, стрѣлковой роты 8-го баталіона, туркестанской саперной роты, дивизіона конной батареи, дивизіона горныхъ орудій, взвода скорострѣльныхъ пушекъ и конвойной сотни командующаго войсками. Всего— 9 ротъ, 8 орудій, 2 картечницы и 1 сотня.

На позиціи у Шейхъ-арыка остались двѣ роты 2-го линейнаго баталіона, для охраны переправы и для окарауливанія тяжестей отряда. Къ этимъ войскамъ прибавилась еще одна рота 2-го стрѣлковаго баталіона, переправившагося съ праваго берега въ теченіе 23-го мая. На правомъ берегу Аму осталась кавалерія отряда, возвратившаяся въ этотъ день изъ Шурахана, доставивъ лишь самые незначительные запасы.

Отрядъ, назначенный къ выступленію въ Хазараспъ, поднялся съ бивака въ 5 часовъ утра, налегкѣ, т. е. вовсе безъ тяжестей. Всѣ мосты черезъ арыки оказались цѣлыми и неразрушенными непріятелемъ, черезъ что войска, противъ ожиданія, шли легко и безъ затрудненій. По свойству дороги и мѣстности, отряду пришлось двигаться узкою глубокою колонною. Въ головѣ ея шли 2 роты 1-го стрѣлковаго баталіона, выславъ одинъ взводъ впередъ, на нѣкоторое разстояніе, а за ними въ послѣдовательномъ порядкѣ: два горныхъ орудія и взводъ скорострѣльныхъ пушекъ, туркестанская саперная рота, двѣ роты 4-го стрѣлковаго баталіона, дивизіонъ конной батареи, между взводами послѣдней—стрѣлковая рота 8-го баталіона и, въ хвостѣ колонны, двѣ роты 4-го линейнаго баталіона съ двумя горными орудіями.

На пятой верстѣ показалась впереди, по дорогѣ, небольшая группа людей, безъ оружія, которые слѣзли съ лошадей и стояли у края дороги съ непокрытыми головами. Это оказалось новое посольство отъ хивинскаго хана съ письмомъ къ генералъ-адъютанту Фонъ-Кауфману (2).

---

(1) Рота эта успѣла переправиться черезъ Аму-дарью какъ разъ къ выступленію войскъ.

(2) Содержаніе письма было слѣдующее: „Достопочтенному, могущественному туркестанскому генералъ-губернатору Кауфману. По засвидѣтельствованіи дружескаго и сосѣдскаго привѣтствія, слова наши слѣдующія: здѣшніе 5—10 человѣкъ русскихъ, изъ которыхъ за деньги были куплены нѣкоторые у киргизъ, а нѣкоторые у адаевцевъ, были, по дружбѣ, сбережены; но ихъ наши войска не привозили. Объ освобожденіи этихъ лицъ, отъ Васъ было письмо, гдѣ Вы просите прислать Вамъ обѣщаніе о высылкѣ этихъ людей и прислать къ Вамъ вѣрнаго человѣка посланникомъ, съ которымъ Вы переговорите и снова заключите договоръ, и затѣмъ пріятельскія отношенія наши больше прежняго укрѣпятся. По полученіи этого письма, Муртаза-ходжа-бій, который и въ настоящее время находится въ Вашихъ странахъ, былъ посланъ къ Вамъ черезъ Бухару въ Ташкентъ, для того, чтобы онъ переговорилъ съ Вами, передалъ людей, возстановилъ и укрѣпилъ договоромъ издавна существующія дружескія и пріятельскія отношенія. Вышеупомянутый нашъ посланникъ чрезъ Бухару въ Ташкентъ пріѣхать не могъ. По полученіи объ этомъ извѣстія, прибылъ изъ Оренбурга отъ лейтенанта губернатора (?) киргизъ Загиръ-бій, который привезъ письмо, съ просьбою объ освобожденіи Вашихъ людей. Точно также прибылъ изъ Чикишляра, отъ командующаго войсками, Чаудуръ Сары-ишанъ и онъ просилъ объ освобожденіи людей. Тотчасъ по полученіи, я извѣстилъ, что нашъ посланникъ не могъ проѣхать чрезъ Бухару къ Вамъ. Съ людьми, прибывшими изъ Оренбурга и Чикишляра, мы послали двухъ посланниковъ съ двумя людьми

Изъ объясненій посланца и его людей начальникъ отряда узналъ, что въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ войска въ то время находились, за арыкомъ и селеніемъ Каравакъ, находится съ войскомъ Матъ-Ніязъ, готовый дать намъ отпоръ. И дѣйствительно, едва голова колонны миновала это селеніе, какъ раздались выстрѣлы и начали показываться конные и пѣшіе вооруженные люди, которые, скрываясь за деревьями и за валами канавъ, открыли по войскамъ ружейный огонь. Особенно большое скопленіе непріятеля было замѣтно противъ праваго фланга колонны, а потому, усиливъ стрѣлковую цѣпь, генералъ Головачовъ послалъ и сомкнутыя части на подкрѣпленіе праваго ея крыла.

Усиленный огонь цѣпи и нѣсколько залповъ сомкнутыхъ частей заставили непріятеля обратиться въ бѣгство.

Преслѣдуя бѣгущихъ, головная часть отряда подошла внезапно почти подъ самыя стѣны Хазараспа и здѣсь остановилась, чтобы приготовиться къ штурму крѣпости. Но вскорѣ получено было свѣдѣніе, что непріятель бросилъ крѣпость и уходитъ изъ Хазараспа къ Хивѣ. Отрядъ тронулся дальше; стрѣлки 1-го баталіона перебѣжали плотину съ базаромъ, отдѣлявшую ихъ отъ крѣпостныхъ воротъ, выломали ихъ и ворвались въ городъ на плечахъ слабо защищавшагося непріятеля. Тотчасъ-же была занята и цитадель. При этомъ нѣсколько фанатиковъ, оставшихся въ минаретахъ и на крышахъ домовъ, стрѣляли по войскамъ изъ ружей и бросали въ нихъ камнями.

Крѣпость Хазараспъ представляетъ весьма крѣпкій пунктъ. Окруженная высокими (саж. семь), отвѣсными и недоступными стѣнами, она расположена на островѣ среди небольшаго искуственнаго озера. Выходовъ изъ крѣпости только два: одинъ, выводящій на дорогу къ Аму-дарьѣ, а другой, черезъ который идетъ путь въ Хиву. Изъ этихъ воротъ къ противоположному берегу озера ведутъ широкія плотины, застроенныя базарными зданіями. Дорога по этимъ плотинамъ идетъ до самыхъ воротъ, черезъ такъ-называемый крытый базаръ, т. е. по обѣимъ сторонамъ дороги выстроены ряды лавокъ, соединенныхъ одною общею крышею, перекинутою черезъ дорогу. Такимъ образомъ, дойдя до этого базара, можно совершенно закрыто перебѣжать плотины и достигнуть воротъ. Туземцы увѣряли, будто-бы въ военное время, или когда ожидались нападенія туркменъ, базары эти уничтожались и плотины прорывались канавами. Но къ нашему приходу этого не было сдѣлано и вѣроятно потому, что хивинцы не ожидали столь поспѣшнаго движенія отряда къ Хазараспу. Въ сѣверо-восточномъ углу крѣпости расположена цитадель, стѣны которой нѣсколько выше городскихъ. Цитадель отдѣлена отъ крѣпости высокою поперечною стѣною.

Въ цитадели были взяты нами 4 мѣдныя орудія, весьма

(русскими плѣнными) и обѣщали и остальныхъ Вашихъ людей выслать. Въ Оренбургѣ и Чикишлярѣ писемъ отъ посланниковъ не приняли и переговоровъ не вели, объявивъ, что всѣ слова и всѣ дѣла поручено вести Вамъ. По возвращеніи вашихъ посланниковъ, мы, вручивъ отъ чистаго сердца оставшихся Вашихъ людей Муртаза-ходжа-бію, отправили его чрезъ Казалу и сами остались пребывать въ мирѣ и спокойствіи. Мы слышали, что нашъ посланникъ и Ваши люди, прибывъ въ Казалинскъ и выѣхавъ оттуда, имѣли съ Вами свиданіе; но отъ посланника своего по настоящее время никакихъ извѣстій не получали. Войска Ваши со всѣхъ сторонъ начали появляться въ нашихъ владѣніяхъ. Тогда жители, защищая свои семейства и дѣтей, выѣхавъ къ Вамъ на встрѣчу, по мѣрѣ возможности задерживали Васъ. Если Ваше желаніе состоитъ въ людяхъ (т. е. нашихъ плѣнныхъ), то они прибыли и къ Вамъ доставлены, а если у Васъ есть другое желаніе, скажите, — мы, по мѣрѣ вашихъ желаній, исполнимъ, но если же Вы желаете заключить мирный договоръ, то остановитесь на томъ мѣстѣ, куда Вы дошли, и черезъ населеніе не проходите".

Печать Сеидъ-Магомета Рахимъ-хана.

На это письмо послѣдовалъ отъ генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана слѣдующій отвѣтъ:

„Высокопочтенному хану. Война вызвана вашимъ поведеніемъ съ нами. Всѣ предложенія мои о мирѣ и дружбѣ оставлены были Вами, въ теченіе *шести* лѣтъ, безъ вниманія. Въ настоящее время я готовъ заключить съ Вами условія мира и дружбы, но буду двигаться впередъ, какъ Богъ мнѣ укажетъ. Если желаете спасти народъ свой и ханство отъ разворенія вашими войсками, распустите ихъ и объявите жителямъ всѣхъ мѣстъ заниматься своимъ хозяйствомъ. Русскія войска бьютъ врагова, но не разоряютъ мирныхъ жителей".

удовлетворительной отдѣлки, приблизительно нашего 12-ти и 4-хъ-фунтоваго калибра, съ передками и постромками, множество ружей и 43 фалькопета; кромѣ того, въ ней найдены были большіе запасы пороху, свинцу и ядеръ, а въ казенныхъ складахъ болѣе 1000 пудовъ пшеницы, 800 пудовъ джугары и 680 пудовъ рису. Упомянутыя орудія были, какъ оказалось, тѣ самыя, которыя дѣйствовали на шейхъ-арыкской переправѣ во время рекогносцировки 16-го мая и въ артиллерійскомъ дѣлѣ 17-го числа (1).

Изъ хивинскихъ орудій, взятыхъ въ Хазараспѣ, составили особый дивизіонъ. Прислуга къ орудіямъ назначена была отъ артиллерійскихъ частей; лошади, по двѣ подъ каждое орудіе, были хивинскія, изъ бывшихъ въ запряжкѣ подъ артиллеріею хивинцевъ; ѣздовые назначены изъ туземцевъ. Такимъ образомъ артиллерія отряда усилилась импровизованнымъ дивизіономъ хивинскихъ орудій, которыя предполагалось употребить для пробиванія бреши въ стѣнѣ, окружающей Хиву.

По показаніямъ туземцевъ, непріятель собрался въ Хазараспъ въ числѣ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ людей. Потерю непріятеля 23-го мая трудно опредѣлить, но, судя потому, что въ садахъ найдено было много брошенныхъ труповъ, а также по безпорядку и поспѣшности, съ которою непріятель бросилъ Хазараспъ, можно заключить, что потеря его была значительна. Съ нашей стороны въ дѣлахъ 22-го и 23-го мая выпущено 2447 патроновъ и 7 гранатъ.

Наша потеря при занятіи Хазараспа ограничилась однимъ раненымъ стрѣлкомъ 1-го баталіона. Но тотчасъ-же по занятіи города отрядъ понесъ невознаградимую утрату: войска Туркестанскаго военнаго округа лишились одного изъ лучшихъ своихъ офицеровъ, командира 2-го стрѣлковаго баталіона, полковника *Веймарна*. Послѣ занятія Хазараспа, какъ сказано будетъ ниже, войска были отведены назадъ и расположены на позиціи у кишлака Каравакъ. Когда рота 2-го стрѣлковаго баталіона, участвовавшая въ описанномъ движеніи къ Хазараспу, стала на бивакъ, полковникъ Веймарнъ, озабочиваясь переправою черезъ Аму другой роты его баталіона, которую онъ оставилъ утромъ этого дня еще на правомъ берегу рѣки, поѣхалъ съ позиціи у Каравака къ шейхъ-арыкской переправѣ. На этомъ-то переѣздѣ лошадь, которую Веймарнъ сильно гналъ, чтобы поскорѣе доѣхать до переправы, такъ какъ уже было поздно, вдругъ чего-то испугалась и внезапно бросилась въ сторону. Веймарнъ упалъ и бокомъ ударился объ уголъ сакли; при паденіи онъ сломалъ три ребра, которыя вдавились въ легкія. Никакая медицинская помощь не могла спасти отличнаго стараго служаку, лихаго офицера: Веймарнъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ, въ ночь на 24-е мая, въ селеніи Каравакѣ, гдѣ и похороненъ. Тяжелое впечатлѣніе произвела на всѣхъ въ отрядѣ погибель этого достойнаго человѣка и отличнаго служиваго. Еще недавно, утромъ 23-го мая, Веймарнъ былъ такъ счастливъ, что достигъ съ своею колонною передоваго отряда, что ему удалось упросить начальство взять одну изъ его ротъ въ наступательное движеніе къ Хазараспу, самъ въ немъ участвовалъ, благополучно вернулся изъ бывшей 23-го мая небольшой перестрѣлки съ непріятелемъ, а вечеромъ того же дня онъ лежалъ въ своей палаткѣ, въ безпамятствѣ и въ предсмертной агоніи. Невольно всѣмъ приходило на мысль, что такой бравый военный человѣкъ, какъ Веймарнъ, конечно предпочелъ бы славную смерть въ бою той печальной, злосчастной участи, которая постигла его на переѣздѣ отъ Каравака къ переправѣ Грустны, угрюмы были лица офицеровъ и солдатъ 2-го стрѣлковаго баталіона, большинство которыхъ плакали, отдавая послѣдній долгъ и провожая въ иную жизнь своего

(1) Въ числѣ имущества, найденнаго во дворѣ хазараспскаго бека или коменданта, оказалась европейскаго издѣлія карета, старой конструкціи, на круглыхъ рессорахъ. Экипажъ, не смотря на свою древность, былъ исправенъ, изъ чего можно заключить, что онъ бывалъ въ употребленіи.

лихаго отца-командира ... Ни памятника, ни креста нельзя было поставить надъ прахомъ Всймарна; могила его въ селеніи Каравакъ сравнена съ землею и засыпана такъ, чтобы и слѣда ея не было, изъ опасенія, чтобы изувѣрные фанатики-мусульмане не вырыли бы трупъ и не предали его на поруганіе.

Послѣ занятія Хазараспа, войска были выведены изъ города и расположены лагеремъ въ садахъ селенія Каравакъ, на половинѣ разстоянія между Хазараспомъ и переправою. Въ крѣпости остались три роты (двѣ 4-го стрѣлковаго и одна 8-го линейнаго баталіоновъ) и горный дивизіонъ. Временнымъ комендантомъ Хазараспа былъ назначенъ подполковникъ Принцъ. Результаты занятія Хазараспа не замедлили выказаться: жители, бывшіе до этого времени, такъ сказать, между двухъ огней, начали возвращаться къ своимъ домамъ, что̀ дало, наконецъ, возможность устроить продовольствіе отряда и перевозочныя его средства, а безъ этихъ послѣднихъ мы не могли двигаться далѣе. Но, въ свою очередь, пріобрѣтеніе провіанта и доставка арбъ требовали времени; отрядъ не могъ поэтому, тотчасъ-же по занятіи Хазараспа, двинуться далѣе къ Хивѣ и вынужденъ былъ простоять на бивакѣ у села Каравака три дня.

Временнымъ начальникомъ населенія хазараспскаго раіона былъ назначенъ подполковникъ Ивановъ, которому и поручено было собрать у жителей потребное число арбъ, а также озаботиться покупкою провіанта и перемоломъ пшеницы, взятой въ цитадели Хазараспа. Послѣднее дѣло было особенно затруднительно, такъ какъ въ городѣ и его окрестностяхъ имѣлись только ручныя мельницы, и тѣ въ незначительномъ количествѣ, а ежедневная потребность въ мукѣ на весь отрядъ была огромная.

Назначивъ подполковника Иванова начальникомъ населенія, командующій войсками обратился къ народу съ слѣдующимъ объявленіемъ: „Занявъ Хазараспъ русскими войсками и прогнавъ непріятеля, объявляю вамъ всѣмъ „аманъ“, милость и прощеніе. Возвращайтесь въ свои мѣста, дома, въ свои сады, на свои поля, занимайтесь своимъ дѣломъ, хозяйствомъ. Отъ войскъ вреда вамъ не будетъ, если вы будете вести себя хорошо и смирно. Къ вамъ назначенъ мною начальникъ, который будетъ жить въ Хазараспѣ. Прошу всѣхъ начальниковъ, аксакаловъ, муллъ, казіевъ и раисовъ явиться къ подполковнику Иванову, за полученіемъ отъ него приказаній“. Приказаніе это было немедленно исполнено, и всѣ туземныя власти на другой же день явились къ подполковнику Иванову. Чрезъ посредство ихъ онъ тотчасъ-же распорядился поставкою въ отрядъ арбъ и покупкою провіанта.

Отрядъ былъ расположенъ у Каравака, а не у самой крѣпости Хазараспа, для того, чтобы быть ближе къ переправѣ и тѣмъ облегчить перевозку тяжестей съ переправы въ лагерь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечить сообщеніе съ войсками, какъ оставшимися на берегу, такъ и съ подходившими къ Аму-дарьѣ. Выборомъ позиціи у Каравака достигалось занятіе всей дороги между переправою и Хазараспомъ; не только мелкія команды, но и одиночные люди могли по этому пути слѣдовать совершенно безопасно. Кромѣ того, отъ лагеря у Каравака было прямое и кратчайшее сообщеніе съ Питнякомъ. Другая цѣль остановки отряда заключалась въ томъ, чтобы дать возможность сблизиться съ туркестанскими войсками оренбургско-мангишлакскому отряду, который, какъ тогда предполагалось, двигался на Новый-Ургенчъ и Ханки.

Отъ урочища Халъ-ата до переправы черезъ Аму-дарью въ туркестанскомъ отрядѣ не имѣлось никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ отрядѣ генерала Веревкина; все, что было извѣстно о немъ, а также о нашихъ пароходахъ, сообщалось въ видѣ слуховъ туземцами Командующій войсками, для открытія сношеній съ генералъ-лейтенантомъ Веревкинымъ, въ разное время, какъ выше изложено, послалъ три записки, которыя, какъ впослѣдствіи оказалось,

были получены имъ поздно и изъ которыхъ одна (отъ 18-го мая) вовсе не дошла по назначенію. Наконецъ, 22-го мая, въ лагерѣ у Шейхъ-арыка были получены разомъ два донесенія отъ генералъ-лейтенанта Веревкина: одно отъ 11-го и другое отъ 19-го мая. Въ первомъ сообщалось о достиженіи оренбургскимъ отрядомъ Урги, о взятіи Кунграда и о соединеніи съ мангишлакскимъ отрядомъ, а также о несчастномъ случаѣ съ командою, высланною съ эскадры Аральской флотиліи. Во второмъ рапортѣ начальникъ оренбургскаго отряда доносилъ о занятіи Ходжейли, при чемъ въ рапортѣ было сказано, между прочимъ, слѣдующее: *„18-го мая я выступилъ далѣе, вдоль берега Аму, на Мангытъ, откуда, если не получу другихъ приказаній отъ вашего превосходительства, буду двигаться на Новый-Ургенчъ, гдѣ разсчитываю быть 23-го мая, дабы войти въ ближайшую связь съ войсками туркестанскими“*.

Вслѣдствіе этого донесенія, командующій войсками полагалъ, что, одновременно съ занятіемъ нами, *23 мая, Хазараспа*, оренбургскій отрядъ находился въ *Новомъ-Ургенчѣ*, т. е. всего около 40 верстъ отъ туркестанскаго отряда. Такъ какъ между дорогами, ведущими въ Хиву изъ Новаго-Ургенча и изъ Хазараспа, существуетъ промежуточный большой путь къ Хивѣ отъ Ханки (1), то, желая дѣйствительно достигнуть ближайшей связи съ оренбургско-мангишлакскимъ отрядомъ, что, какъ можно было заключить изъ вышеприведенныхъ словъ рапорта генерала Веревкина, входило и въ его соображенія, командующій войсками послалъ къ начальнику оренбургскаго отряда приказаніе перейти изъ Новаго-Ургенча въ Ханки. Въ письмѣ генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана генералу Веревкину, посланномъ 23-го мая, тотчасъ по занятіи Хазараспа, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

„Прошу ваше превосходительство, если не встрѣтится особыхъ препятствій, выйти изъ Новаго-Ургенча къ Ханки, гдѣ ожидать дальнѣйшаго движенія моего впередъ, которое послѣдуетъ по сформированіи перевозочныхъ средствъ, такъ какъ верблюды еще не переправлены. Благодарю васъ за извѣстія. Получены два рапорта—отъ 11-го мая изъ Кунграда и 19-го мая изъ Джаманъ-чаганака. Поздравляю съ успѣхомъ. Благодарите храбрыя и честныя войска оренбургскія и кавказскія. Въ Ханкахъ ожидайте извѣстія отъ меня“—и проч. Приказаніе это однако не имѣло послѣдствій, потому что, какъ ниже увидимъ, въ то время, какъ оно писалось, т. е. 23-го мая, генералъ-лейтенантъ Веревкинъ не былъ въ Новомъ-Ургенчѣ, а двигался съ отрядомъ къ столицѣ ханства по совершенно другому направленію, изъ Мангыта въ Хиву, и въ то время уже подходилъ къ городу Кяту. Свѣдѣнія о новомъ направленіи движенія отряда генерала Веревкина получены были въ туркестанскомъ отрядѣ только 26-го мая, изъ донесенія его, отъ 23-го мая, изъ лагеря у арыка Клычъ-Ніязъ-бай.

Въ лагерѣ у Каравака войскамъ туркестанскаго отряда, въ первый разъ за весь походъ, пришлось наслаждаться стоянкой въ осѣдлой мѣстности. Дѣйствительно, расположеніе лагеря было вполнѣ удобное. Всѣ части были размѣщены въ садахъ, подъ тѣнью густолиственныхъ деревьевъ, и воды отличнаго качества было въ изобиліи (2). Состояніе здоровья войскъ было удовлетворительное. Но отъ дѣйствія ли перемѣны воды или вообще отъ перемѣны условій жизни (хотя и къ лучшему), но, во время стоянки въ

(1) Городъ Ханки расположенъ на прямомъ сообщеніи отъ Новаго-Ургенча съ Хазараспомъ.

(2) По приходѣ войскъ, 23-го числа, къ каравакскому лагерю, случился слѣдующій эпизодъ: нѣсколько казаковъ сборной сотни отправились набирать дрова къ зданію, находившемуся шагахъ въ 50-ти отъ лагеря, около котораго была сложена куча хвороста. Деревьевъ строго приказано было не трогать. Едва успѣли казаки подойти къ зданію и заняться собираніемъ хвороста, какъ изъ сакли выскочилъ вооруженный туземецъ и бросился съ саблею на-голо на урядника, находившагося при командѣ казаковъ. Шашка урядника была въ ножнахъ (онъ былъ лѣвша); отпарировавъ ударъ правою рукою, при чемъ хивинецъ успѣлъ, однако, серьезно ранить эту руку, урядникъ выхватилъ шашку изъ ноженъ лѣвою рукою и снесъ голову фанатику.

Каравакѣ, появились въ отрядѣ поносы, которые не имѣли, однако, остраго характера и скоро прекращались.

24-го мая присоединились къ отряду у Каравака рота 2-го стрѣлковаго баталіона и взводъ 9-ти-фунтовыхъ орудій.

На переправѣ занимались перевозкою верблюдовъ и, по мѣрѣ прибытія послѣднихъ на лѣвый берегъ, на нихъ перевозились тяжести съ позиціи у Шейхъ-арыка въ Каравакъ. Перевозка отрядныхъ тяжестей производилась также и на арбахъ, имѣвшихся уже въ незначительномъ числѣ въ отрядѣ, для чего арбамъ приходилось дѣлать по нѣсколько рейсовъ взадъ и впередъ. Въ это же время шли работы по сбору арбъ, по пріобрѣтенію провіанта, перемолу муки и печенію лепешекъ.

25-го числа окончена была перевозка всѣхъ тяжестей съ переправы, а потому на позицію у Каравака передвинуты были остававшіяся на Шейхъ-арыкѣ двѣ роты 2-го линейнаго баталіона. Кромѣ того, къ отряду были присоединены и переправлены съ праваго берега еще двѣ сотни—№ 5 семирѣченская, № 17 оренбургская и ракетный дивизіонъ. Остальныя части кавалеріи: №№ 1 и 3 уральскія и № 12 оренбургская сотни съ вторымъ ракетнымъ дивизіономъ были оставлены на переправѣ у Шейхъ-арыка, для охраны гребной флотиліи и для прикрытія переправы, впредь до прослѣдованія чрезъ Шейхъ-арыкъ сзади оставшихся частей. Изъ сихъ послѣднихъ, колонна полковника Новомлинскаго вышла къ Аму-дарьѣ 26-го, а колонна маіора Дрешерна (войска, оставленныя въ Халъ-ата) должна была выйти изъ укрѣпленія Св. Георгія 30-го мая.

25-го мая посланъ былъ нарочный въ Ташкентъ, съ телеграммою Государю Императору о благополучномъ совершеніи переправы черезъ Аму-дарью и о занятіи города Хазараспа.

26-го мая, на позиціи у Каравака, явился посланецъ отъ хана съ новымъ письмомъ. Сеидъ-Магометъ Рахимъ-ханъ, повторяя прежнія заявленія о его дружбѣ и расположеніи, о томъ, что онъ уже исполнилъ всѣ требованія о высылкѣ бывшихъ въ плѣну въ Хивѣ русскихъ, наивно и простодушно заявлялъ, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ русскіе вступили въ его владѣнія съ трехъ сторонъ, и проситъ генерала Кауфмана остановить движеніе войскъ, отойти назадъ и выяснить ему свои требованія и условія мира.

Оставивъ это письмо безъ отвѣта, командующій войсками приказалъ посланцу ѣхать обратно въ Хиву и объявить хану на словахъ, что движенія войскъ онъ не остановитъ, а переговоры будетъ вести съ нимъ въ Хивѣ.

26-го мая были получены: сперва донесеніе генералъ-лейтенанта Веревкина, отъ 23-го мая, о занятіи Мангыта и о новомъ направленіи движенія—черезъ Кятъ къ Хивѣ, а затѣмъ его же письмо отъ 25-го числа, въ которомъ сообщалось, что 26-го мая соединенный отрядъ расположится въ 10-ти или 12-ти верстахъ отъ Хивы и тамъ будетъ ожидать распоряженія главнаго начальника войскъ. Послѣднее письмо было доставлено купцомъ Новаго-Ургенча Ходжи-Иркибаемъ, который явился въ туркестанскій отрядъ съ депутаціею отъ торговыхъ людей этого города (1).

---

(1) Письмо, по увѣренію ургенчскаго купца, было перехвачено хивинскимъ пикетомъ и, посредствомъ хитрости, отобрано имъ у послѣдняго. Купецъ разсказывалъ такую исторію съ этимъ письмомъ. Джигитъ съ запискою генералъ-лейтенанта Веревкина наткнулся на хивинскій пикетъ, былъ имъ задержанъ и представленъ въ Новый-Ургенчъ старшему аксакалу. Этотъ послѣдній тотчасъ же собралъ у себя совѣтъ, чтобы обсудить, какъ распорядиться съ пойманнымъ джигитомъ и съ найденными при немъ бумагами. На совѣтъ былъ приглашенъ и вышеупомянутый купецъ. У джигита, по обыскѣ его, кромѣ письма, найдены были русскія ассигнаціи. Когда совѣтъ собрался въ полномъ составѣ, вошли хивинцы, бывшіе на пикетѣ и поймавшіе джигита, ввели и этого послѣдняго, закованнаго по рукамъ и ногамъ. Передъ членами совѣта разложили наши кредитные билеты и запечатанный пакетъ съ письмомъ, начали все это разсматривать. Смекнувъ, въ чемъ дѣло, перебравъ и пересмотрѣвъ каждую бумажку отдѣльно, я, говоритъ разсказчикъ, объявилъ совѣту, что „запечатанный пакетъ ничего не стоитъ, что это не важная вещь, а вотъ эти бумажки,—показывая на кредитные билеты,—на нихъ что-то много написано и должно быть очень важное". Члены совѣта бросились съ жадностью всматриваться въ каждую ассигнацію:— „а я этимъ воспользовался, прибралъ пакетъ и спряталъ его. Потомъ хватились пакета, да нигдѣ ужъ его не нашли; а какъ только засѣданіе кончилось,

Въ этотъ же день явился въ лагерь посолъ отъ бухарскаго эмира съ поздравленіями по случаю побѣды надъ хивинцами подъ Учъ-учакомъ и благополучнаго выхода на Аму-дарью.

Къ вечеру 26-го мая все было готово въ отрядѣ къ дальнѣйшему выступленію, которое и назначено было на слѣдующій день. Вмѣсто вьючнаго обоза, войска были снабжены арбами, собранными отъ жителей Хазараспа, Питняка и изъ окрестныхъ поселеній. Провіантомъ отрядъ былъ обезпеченъ на восемь дней, кромѣ запасовъ, найденныхъ въ цитадели Хазараспа; мука и пшеница въ зернѣ были пріобрѣтены покупкою у жителей. Сборомъ съ населенія арбъ и пріобрѣтеніемъ покупкою провіанта, какъ сказано выше, распоряжался подполковникъ Ивановъ. Къ вечеру 26-го числа въ отрядѣ было собрано до 500 туземныхъ арбъ.

Отъ Хазараспа къ Хивѣ ведутъ двѣ дороги: одна—большая, прямая, а другая—нѣсколько окольнѣе, черезъ крѣпостцу Багатъ. Обѣ дороги сходятся у арыка Каурукъ, верстъ 25 не доходя Хивы. Между этими путями имѣется поперечная, промежуточная дорога отъ развалинъ Шуръ-кала въ Багатъ; дорога эта за Багатомъ продолжается до Ханки. Другая дорога изъ Хазараспа въ Ханки отдѣляется отъ багатскаго пути у арыка Акъ-арыкъ, верстахъ въ 12-ти отъ Хазараспа. Для движенія отряда къ Хивѣ была выбрана дорога черезъ Ишанчи-базаръ, Шуръ-кала и Янги-арыкъ; изъ всѣхъ путей указанная дорога была кратчайшая (всего 62 версты), удобнѣйшая для движенія и менѣе другихъ подверженная наводненіямъ. Надо замѣтить, что въ отрядѣ, предъ выступленіемъ изъ Хазараспа, распространился слухъ, что дороги, ведущія въ Хиву, могутъ быть затоплены выпускомъ воды изъ Полванъ-ата, чрезъ что доступъ къ столицѣ сдѣлается будто невозможнымъ; разсказывали, будто хивинскія власти намѣрены прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Тщательные разспросы у жителей не подтвердили этихъ слуховъ. По ихъ увѣреніямъ, только нѣкоторыя мѣста по дорогѣ могли быть наводнены, и во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы серьезно задержать движеніе отряда. По объясненіямъ туземцевъ, только мѣстность непосредственно подъ стѣнами Хивы можетъ быть затопляема и тогда ровъ предъ городскою стѣною наполняется водою.

Путь, по которому предстояло отряду двигаться, характеромъ своимъ и окружающею мѣстностью совершенно сходенъ съ дорогою отъ переправы до Хазараспа.

27-го мая, въ 6 часовъ утра, отрядъ выступилъ изъ лагеря у Каравака и, присоединивъ къ себѣ временный гарнизонъ Хазараспа, остановился на привалъ, въ одной верстѣ за городомъ, въ роскошномъ ханскомъ саду. Около 10-ти часовъ отрядъ поднялся съ привала и въ 1-мъ часу достигъ канала и садовъ селенія Ширшале, въ 10-ти верстахъ отъ Хазараспа и въ 2-хъ отъ Ишанчи-базара. Здѣсь войска были остановлены для ночлега. Передъ вечеромъ явился въ лагерь перебѣжчикъ, хивинецъ родомъ изъ Хазараспа. Онъ сообщилъ, что въ Хивѣ большіе безпорядки, что тамъ двѣ партіи: одна хочетъ сдать городъ русскимъ, другая намѣрена продолжать борьбу; къ первой принадлежитъ все сельское населеніе, силою согнанное въ городъ, съ женами и дѣтьми, и страдающее тамъ съ голода. Всѣ площади, дворы и узкія улицы города, по словамъ перебѣжчика, буквально запружены арбами и лошадьми сельскихъ жителей; на арбахъ навалено разнаго рода имущество и на нихъ, подъ открытымъ небомъ, сидятъ семейства несчастныхъ жителей. Хлѣба нѣтъ, въ водѣ также, внутри города, недостатокъ, такъ какъ доставка ея черезъ густыя толпы народа, наполъ

л сѣлъ на коня и поскакалъ къ намъ". На сколько правды въ приведенномъ разсказѣ, не беремся судить; фактъ тотъ, что упомянутый купецъ дѣйствительно привезъ намъ это письмо, а джигитъ, посланный съ нимъ изъ оренбургскаго отряда, такъ и пропалъ, и впослѣдствіи, не смотря на всѣ розыски, найденъ не былъ. Ургенчскій же купецъ, все время пребыванія нашего въ ханствѣ, оказывалъ намъ разныя услуги и большую помощь посредничествомъ своимъ съ торговыми людьми Новаго-Ургенча при закупкѣ разныхъ предметовъ для довольствія войскъ, и самъ былъ поставщикомъ хлѣба, кожъ и чаю.

няющія узкія улицы, весьма трудна. Никого изъ города не выпускаютъ. Прибѣжавшій хивинецъ принадлежалъ къ тѣмъ несчастнымъ, которые съ ихъ семействами изъ Хазараспа были загнаны въ Хиву. Узнавъ, что русскіе заняли Хазараспъ, онъ рѣшился воспользоваться первымъ случаемъ и бѣжалъ къ намъ, съ цѣлью лично убѣдиться—скоро-ли русскіе придутъ освободить жителей отъ ихъ невыносимаго положенія; отъ имени многихъ онъ просилъ насъ поторопиться идти къ Хивѣ; убѣжавъ изъ Хивы, онъ разсчитывалъ добыть гдѣ-нибудь хлѣба для своего семейства, которому нечего было ѣсть. По словамъ хивинца, оренбургскій и кавказскій отряды пришли наканунѣ, слѣдовательно 26-го мая, въ Кошъ-купыръ. Хивинское войско и вооруженные жители вышли изъ Хивы на встрѣчу нашимъ отрядамъ; завязался бой, въ которомъ и перебѣжчикъ участвовалъ; пользуясь суматохою, ему удалось во время дѣла незамѣтно удалиться и прибѣжать оттуда прямо въ нашъ лагерь. Дорогою уже онъ слышалъ, что бой кончился; хивинцы были разбиты; два главныхъ ихъ начальника убиты; одинъ изъ нихъ будто былъ Матъ-Ніязъ. Тѣла убитыхъ начальниковъ, по словамъ хивинца, привезены уже въ Хиву. Послѣднее извѣстіе о смерти диванъ-беги Матъ-Ніяза было ложно; все же остальное, сообщенное перебѣжчикомъ, оказалось впослѣдствіи справедливымъ.

28-го мая отрядъ сдѣлалъ переходъ въ 30 верстъ и остановился на ночлегъ въ садахъ, на берегу небольшаго озера, не доходя двухъ верстъ селенія Янги-арыка. Тотчасъ по приходѣ къ мѣсту ночлега было получено донесеніе отъ генерала Веревкина, отъ 26-го мая, въ которомъ сообщалось, что соединенный отрядъ находится въ 10 верстахъ отъ Хивы и что онъ имѣлъ намѣреніе послать разъѣздъ для связи съ туркестанскимъ отрядомъ; но, узнавъ, что этотъ послѣдній отошелъ къ Питняку (1), отложилъ посылку разъѣзда и предполагалъ ждать на томъ мѣстѣ, откуда было писано донесеніе, приказанія главнаго начальника войскъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе, генералу Веревкину послана была записка слѣдующаго содержанія: „Туркестанскія войска подошли сегодня къ Янги-арыку и будутъ имѣть здѣсь ночлегъ. Отъ Янги-арыка до Хивы 20 верстъ. Завтра, 29-го мая, съ восходомъ солнца, иду далѣе и, не доходя Хивы верстъ семь или восемь, остановлюсь. Чтобы войти въ связь съ ввѣренными вамъ войсками, я, съ мѣста завтрашней остановки, поверну завтра же лѣвое плечо и приближусь къ Полванъ-арыку. Если отрядъ вашего превосходительства расположенъ далеко отъ Полванъ-арыка, то прошу васъ завра также сблизиться къ нему. Если же вы стоите вблизи Полванъ-арыка, то прошу васъ выслать завтра колонну на встрѣчу и соединеніе съ войсками туркестанскими. На мѣстѣ встрѣчи войскъ обоихъ отрядовъ на Полванъ-арыкѣ, я прикажу тотчасъ-же устроить мостъ. Бросивъ Хазараспъ, непріятель болѣе не встрѣчался на пути движенія туркестанскаго отряда“.

Не успѣлъ уѣхать джигитъ съ этой запиской, какъ въ лагерь изъ Хивы пріѣхалъ посланецъ, на великолѣпно убранной лошади, съ большою свитою. Посланецъ этотъ былъ двоюродный братъ хивинскаго хана, *Инакъ-Иртазали-ханъ*, уполномоченный ханомъ вести переговоры о сдачѣ столицы и о заключеніи мира. Инакъ привезъ отъ хана письмо слѣдующаго содержанія:

„Достопочтенному, милостивому, дающему хорошій совѣтъ, туркестанскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Фонъ-Кауфману.

„Желаю вамъ на многія лѣта и безчисленныя времена здоровья и благополучія. По засвидѣтельствованіи дружескаго и пріятельскаго привѣтствія, увѣдомляю васъ, что всѣ мы единогласно Иртазали-Инаку предоставили право и еще посылаемъ его. Все, что скажетъ вышеупомянутый Инакъ,

(1) Извѣстіе это, очевидно, было ложное. Туземцы, передавшіе его, приняли движеніе туркестанскаго отряда отъ Хазараспа на позицію у Каравака за отступленіе къ Питняку.

примите всѣ его слова какъ-бы за слова, нами отъ чистаго сердца высказанныя. Любезное сіе письмо писано 1290 года". Печать Сендъ-Магомета Рахимъ-хана.

Прочитавъ письмо, командующій войсками просилъ Инака объясниться. Тогда Инакъ заявилъ, что столица готова сдаться безъ всякихъ условій, что ханъ объявляетъ себя подданнымъ русскаго Царя и Его нукеромъ (человѣкъ, обязанный служить). Вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ просилъ прекратить военныя дѣйствія и бомбардированіе города со стороны отряда генерала Веревкина, такъ какъ онъ уже отдаетъ себя, Хиву и все ханство на милосердіе Государя Императора и проситъ милости и прощенія. Ханъ, если главный начальникъ этого потребуетъ, готовъ былъ выѣхать изъ столицы на встрѣчу туркестанскому отряду.

Командующій войсками объявилъ Инаку, что свои условія онъ желаетъ лично передать хану, а потому и предложилъ послѣднему выѣхать къ нему на встрѣчу на слѣдующій день утромъ.—„Къ 8-ми часамъ я буду верстахъ въ 6-ти отъ города, и если тогда не встрѣчу хана, то буду считать все заявленное вами недѣйствительнымъ и буду стрѣлять по городу". Генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ разрѣшилъ хану, при предстоявшей встрѣчѣ съ нимъ, имѣть съ собою свиту, не болѣе 100 человѣкъ. Онъ объявилъ Инаку, что дастъ ему письмо къ начальнику соединеннаго отряда, чтобы онъ прекратилъ пальбу по городу, если изъ него не будутъ стрѣлять по нашимъ войскамъ. Инакъ отвѣчалъ, что ханъ непремѣнно прикажетъ своимъ войскамъ прекратить вооруженныя противъ насъ дѣйствія, но, что онъ не ручается и не увѣренъ, чтобы туркмены - іомуды послушались приказанія хана, что очень можетъ быть, что туркмены будутъ продолжать тревожить отрядъ генерала Веревкина. Тогда предложено было Инаку убѣдить хана принять всѣ мѣры, чтобы этого не было и чтобы онъ заставилъ іомудовъ повиноваться. Затѣмъ командующій войсками написалъ генералу Веревкину собственноручное письмо, которое и вручилъ Инаку для передачи по принадлежности. Содержаніе письма было слѣдующее:

„28-го мая 1873 года. Бивакъ на Янги-арыкѣ, $6^1/_2$ часовъ вечера. Сей-часъ ханъ прислалъ ко мнѣ родственника своего для переговоровъ. Я отвѣчалъ, что завтра подойду къ городу, и если ханъ желаетъ мира, то пусть выѣдетъ самъ ко мнѣ на встрѣчу. Въ $4^1/_2$ часа утра, 29-го мая, я выступлю; часовъ въ восемь буду верстахъ въ шести отъ Хивы; тамъ остановлюсь. Прошу ваше превосходительство съ ввѣреннымъ вамъ отрядомъ передвинуться къ Полванъ-арыку, на мостъ Сира-купрюкъ. Посланный отъ хана увѣряетъ, что іомуды не слушаются хана и воюютъ вопреки его ханской воли.

„Я разрѣшилъ хану имѣть свиту до 100 человѣкъ; приму его на своей позиціи. Было бы очень хорошо, если бы ваше превосходительство успѣли къ 8-ми часамъ быть у моста Сира - купрюкъ. Если изъ города противъ васъ не стрѣляютъ, то и вы, до разрѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ, также не стрѣляйте".

Около 7 часовъ вечера Инакъ поѣхалъ обратно въ Хиву.

Бивакъ на Янги-арыкѣ былъ послѣднимъ ночлежнымъ пунктомъ туркестанскихъ войскъ предъ Хивою, которая представляла цѣль трехмѣсячнаго странствованія войскъ по пустынямъ. Всѣ отъ мала до велика въ отрядѣ сознавали, что такъ или иначе, съ боемъ или мирно, но на завтрашній день будетъ достигнута цѣль, къ которой стремились такъ долго, съ такимъ напряженіемъ, съ массою разнородныхъ трудностей и лишеній....

VII.

Послѣдній переходъ туркестанскаго отряда къ Хивѣ.—Встрѣча войскъ депутаціею изъ Хивы.—Удаленіе хана изъ столицы.—Эмиръ-уль-Омаръ сдаетъ Хиву.—Соединеніе туркестанскихъ войскъ съ кавказскими и оренбургскими.—Сеидъ-Магометъ-Рахимъ ханъ хивинскій и главныя лица хивинскаго правительства.—Переговоры о сдачѣ столицы.—Пушечные выстрѣлы со стороны расположенія оренбургскаго отряда.—Письмо генерала Кауфмана генералу Веревкину и отвѣтъ сего послѣдняго.—Торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ столицу ханства.—Пріемъ въ ханскомъ дворцѣ генераломъ Кауфманомъ депутацій отъ населенія Хивы и ея окрестностей.—Заключеніе.

Въ четыре часа утра 29-го мая туркестанскій отрядъ, поднявшись съ ночлега у Янги-яба (1), сдѣлалъ свой послѣдній переходъ къ столицѣ Хивинскаго ханства. До Хивы, по словамъ проводниковъ, оставалось $3^1/_2$ хивинскіе таша (2), т. е. 21 верста. Утро было ясное, теплое; пашни и сады, окаймлявшіе путь движенія войскъ, блистали на солнцѣ яркою зеленью.

Маршъ отряда походилъ болѣе на праздничное шествіе, чѣмъ на наступленіе грозной, вооруженной силы. Войска шли въ этотъ день съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ. По пути, оставшіеся по кишлакамъ (деревнямъ), въ небольшомъ числѣ, жители выходили на встрѣчу отряда съ лепешками, яйцами, фруктами; нѣкоторые тащили корову, барана и предлагали ихъ въ даръ войскамъ. Робко и низко кланяясь главному начальнику войскъ, они выражали ему полную покорность и просили пощады.

Шесть верстъ не доходя до города, отрядъ былъ встрѣченъ толпою конныхъ хивинцевъ, въ переднихъ рядахъ которой многіе всадники были на отличныхъ, богато-убранныхъ лошадяхъ. Во главѣ конной толпы ѣхалъ хилый, слабый старикъ, который, при приближеніи къ генералу Кауфману, снялъ съ головы высокую хивинскую шапку и слабымъ, дрожащимъ голосомъ привѣтствовалъ его, по восточному обычаю, цвѣтистыми вычурными фразами о здоровьи и прочемъ. То былъ дядя хана хивинскаго, Сеидъ-эмиръ-уль-Омаръ. На вопросъ генерала Кауфмана, гдѣ же самъ ханъ и почему онъ не выѣхалъ, какъ было условлено наканунѣ, на встрѣчу туркестанскаго отряда, эмиръ-уль-Омаръ объяснилъ слѣдующее: ханъ, вечеромъ 28-го числа, выѣхалъ изъ Хивы въ сторону, гдѣ дѣйствовалъ соединенный оренбургско-мангишлакскій отрядъ, съ цѣлью остановить дѣйствія его войскъ противъ нашихъ отрядовъ; подъ ханомъ при этомъ ранена была нашими выстрѣлами лошадь, и что затѣмъ, когда ханъ, пересѣвъ на другую, хотѣлъ снова въѣхать въ свою столицу, то нашелъ городскія ворота запертыми.

Жители Хивы, въ то время какъ ханъ выѣхалъ изъ города, опасаясь вторженія чрезъ растворенныя ворота русскихъ войскъ, заперли и заложили ихъ, и ханъ, не имѣя чрезъ это возможности вернуться въ свою столицу, направился, съ немногими бывшими при немъ приближенными и, въ числѣ ихъ, съ диванъ-беги Матъ-Мурадомъ, къ г. Хазавату, въ среду туркменъ-іомудовъ Байрамъ-шалы (3).

Послѣ удаленія хана изъ Хивы,—продолжалъ разсказъ эмиръ-уль-Омаръ,—въ городѣ, въ виду дѣйствій съ одной стороны соединеннаго оренбургско-мангишлакскаго отряда

(1) Ябъ—арыкъ; янги—новый.

(2) Въ Хивѣ ташъ равняется 6-ти верстамъ, тогда какъ въ Бухарѣ и Кокандѣ ташъ составляетъ 8-мь верстъ. Вѣроятно въ Хивѣ размѣръ таша взятъ съ персидскаго фарсъ-сенга (по англо-персидскому словарю Вулерса: фарсъ—персидскій, сенгъ—камень), считающагося также въ 6-ть верстъ. Но хивинцы разсказывали, будто въ ханствѣ мѣра разстояній опредѣлена не въ 8-мь верстъ, какъ во всемъ остальномъ среднеазіятскомъ мірѣ, а въ 6-ть верстъ, по слѣдующей оригинальной причинѣ: одинъ изъ бывшихъ хивинскихъ хановъ, Мадали-ханъ, поручилъ своему диванъ-беги озаботиться измѣреніемъ всѣхъ главныхъ дорогъ въ ханствѣ. Диванъ-беги вызвалъ для этой работы знающихъ людей изъ Бухары, которымъ платилось извѣстное вознагражденіе за каждый ташъ (ташъ, по тюркски, означаетъ камень). Желая выручить больше денегъ, бухарцы уменьшили ташъ съ 8-ми на 6-ть верстъ; каждый ташъ обозначался высокимъ насыпнымъ курганомъ. Только когда уже все измѣреніе было окончено, хивинскій диванъ-беги замѣтилъ обманъ бухарцевъ, но, боясь отвѣтственности предъ ханомъ, скрылъ это обстоятельство, и такимъ образомъ будто-бы хивинскій ташъ вышелъ на двѣ версты короче принятаго въ Средней Азіи размѣра таша въ 8-мь верстъ.

(3) Какъ подробно будетъ изложено ниже, земли этого рода туркменъ начинаются тотчасъ-же за городомъ Хазаватомъ.

и приближенія съ другой туркестанскихъ войскъ, при отсутствіи въ столицѣ главы ханства, произошли большіе безпорядки и волненія. Часть городскихъ жителей освободила изъ-подъ ареста заключеннаго ханомъ брата его, Атаджана-тюря, и выразила желаніе избрать сего послѣдняго ханомъ; тѣмъ не менѣе старшимъ лицомъ въ Хивѣ, послѣ удаленія изъ нея хана, остался онъ, Сеидъ-эмиръ-уль-Омаръ, который, при содѣйствіи вліятельнаго въ народѣ диванъ-беги Матъ-Ніяза и другихъ главныхъ лицъ ханскаго управленія, на сколько могъ, возстановилъ, въ ночь съ 28-го на 29-е мая, спокойствіе въ столицѣ, а утромъ 29-го числа выѣхалъ, какъ предлагалъ хану главный начальникъ русскихъ войскъ, на встрѣчу туркестанскаго отряда.

Въ средѣ депутаціи хивинцевъ было много представителей отъ городскаго купечества, а также и братъ хана Атаджанъ-тюря. Послѣдній, при встрѣчѣ депутаціи съ генераломъ Кауфманомъ, держался въ заднихъ рядахъ и былъ замѣченъ имъ и спрошенъ только подъ самый конецъ объясненій съ депутаціею.

Здѣсь будетъ кстати привести характеристику главныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ ханствѣ въ періодъ описываемыхъ событій.

Какъ извѣстно, владыкою Хивинскаго ханства былъ въ то время Сеидъ-Магометъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ. Молодой еще, всего 30-ти лѣтъ отъ роду, ханъ не лишенъ отъ природы способностей. Это доказывается, между прочимъ, его любознательностью, вѣрнымъ пониманіемъ новаго его положенія по приходѣ въ Хиву русскихъ и вообще всѣмъ его поведеніемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ лично явился съ покорностью и повинною головою къ главному начальнику русскихъ войскъ. Какъ у всѣхъ среднеазіятцевъ, умственный кругозоръ хана не простирается далѣе свойственныхъ имъ, часто весьма дикихъ воззрѣній, особенно если предметъ обсужденія выходитъ сколько-нибудь изъ ряда обыкновенныхъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, ханъ производилъ такое впечатлѣніе, что онъ отъ природы человѣкъ нелишенный способностей. Но среднеазіятское воспитаніе и обстановка Сеидъ-Магомета Рахимъ-хана выработали въ немъ полную апатію ко всему, кромѣ физическихъ, тѣлесныхъ наслажденій и удовольствій. Почти все свое время ханъ проводилъ или у своихъ женъ, или у бачей, и лишь изрѣдка ѣздилъ на охоту. Не смотря на природную доброту хана, управленіе за его время ханствомъ отличалось рядомъ жестокостей; наказанія за проступки были самыя варварскія и казни производились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца хана (1).

Отличительная черта хана была и остается и въ данное время—полная его слабохарактерность. Самъ лѣнивый, не любящій заниматься дѣлами, онъ легко поддается вліянію окружающихъ, между которыми, до нашего прихода, первое мѣсто занималъ диванъ-беги Матъ-Мурадъ. Этотъ человѣкъ, въ высшей степени энергичный, хитрый, но корыстолюбивый и жестокій, собственно и управлялъ всѣмъ ханствомъ.

Народъ презиралъ его, ненавидѣлъ, но въ то же время страшно его боялся. Матъ-Мурадъ былъ золъ, мстителенъ и жестокъ. Онъ бралъ съ народа въ свою пользу тяжелые налоги и поборы, будто бы для хана и на войну. Въ Хивѣ разсказывали, что подъ покровительствомъ Матъ-Мурада было 200 человѣкъ разбойниковъ, которые спеціально за-

(1) Трудно придумать что-нибудь болѣе ужасное и варварское, какъ клоповникъ, который найденъ былъ въ Хивѣ по занятіи города русскими войсками. Клоповникъ въ Хивѣ состоялъ не изъ ямы, какъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ, а изъ узкой, темной комнаты, вдоль середины которой, нѣсколько возвышенно отъ полу, былъ вдѣланъ продольный брусокъ. Къ этому бруску были прикрѣплены желѣзныя кольца, въ которыя заковывались ноги несчастныхъ узниковъ, раздѣтыхъ до-нага. Въ другія кольца, висѣвшія съ потолка, закрѣплялись руки заключеннаго, который такимъ образомъ, оставаясь въ висячемъ положеніи, лишенъ былъ возможности облокотить спину и шевелить руками и ногами. Все, слѣдовательно, было предусмотрѣно, чтобы какъ можно менѣе частей тѣла человѣка дотрогивались до чего-либо и чтобы чрезъ это заключенный не могъ облегчить мученія отъ укушенія клоповъ, которыхъ держали въ этомъ адѣ милліонами. У большей части выпущенныхъ изъ клоповника были объѣдены клопами уши и ноздри.

нимались грабежомъ и дѣлились съ нимъ добычею. Жалобы народа на эти грабежи и разныя притѣсненія Матъ-Мурада никогда не доходили до хана, и если кто осмѣливался громко выражать неудовольствіе, тому грозила неминуемая погибель.

Матъ-Мурадъ былъ непримиримый врагъ русскихъ. Ежегодно имъ высылались въ наши предѣлы партіи барантачей, которыя грабили подвластныхъ намъ киргизъ, нападали на караваны и дѣлали небезопаснымъ даже сообщеніе по орско-казалинскому тракту. Всякій, желавшій отправиться на грабежи въ русскіе предѣлы, получалъ отъ диванъ-беги Матъ-Мурада ярлыкъ за печатью хана. За эти ярлыки, конечно, платились деньги, полностью поступавшія въ собственную кассу Матъ-Мурада. Часть добычи отъ разграбленія русскихъ киргизъ и каравановъ въ нашихъ предѣлахъ представлялась Матъ-Мураду. Киргизы, русскіе подданные, преслѣдуемые нашими властями за проступки и преступленія, всегда находили себѣ у Матъ-Мурада защиту и покровительство. Извѣстный степной разбойникъ Садыкъ не только съ почестями былъ принятъ въ Хивѣ, но ему отведена была на правомъ берегу Аму (около Шабазъ-Вали) земля и обширный садъ (1).

Когда ханъ, какъ сказано выше, удалился вечеромъ 28-го мая изъ Хивы въ среду туркменъ-іомудовъ, его сопровождали при этомъ диванъ-беги Матъ-Мурадъ и ближайшій сподручникъ послѣдняго, есаулъ-баши Рахметъ-улла. Изъ послѣдующаго разсказа будетъ видно, что 2-го іюня ханъ явился въ лагерь русскихъ войскъ; вмѣстѣ съ нимъ прибыли и упомянутыя два лица. Генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ, въ виду вреднаго вліянія, которое они до сихъ поръ оказывали на хана и которое они могли и теперь имѣть на дѣла ханства, если бы ихъ оставить на свободѣ, приказалъ арестовать Матъ-Мурада и есаулъ-баши Рахметъ-уллу. Временно они были помѣщены въ саду Гендимьянъ, въ расположеніи штаба туркестанскаго отряда, а затѣмъ, при первомъ случаѣ, ихъ отправили, 17-го іюня, изъ Хивы водою до Казалинска (2). Тамъ они были помѣщены въ фортѣ, въ особой квартирѣ, подъ карауломъ. На содержаніе ихъ, какъ во время пребыванія въ Хивѣ, такъ и въ пути и въ Казалинскѣ, опредѣлено было по 1 руб. въ день на каждаго.

Деньги и имущество Матъ-Мурада, найденные въ его домѣ въ Хивѣ, были конфискованы.

Согласно представленія генерала Кауфмана, 14-го марта 1874 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отправленіи изъ Казалинска Матъ-Мурада и Рахметъ-уллы на постоянное жительство въ Калужскую губернію.

Второе лицо въ ханствѣ, послѣ хана, былъ дядя его, Сеидъ-эмиръ-уль-Омаръ, 70-ти-лѣтній старикъ, хилый и совершенно отжившій. Объ немъ выше сказано, что, послѣ удаленія хана изъ Хивы, онъ остался старшимъ лицомъ въ столицѣ ханства, которую и сдалъ главному начальнику русскихъ экспедиціонныхъ войскъ. Старикъ эмиръ-уль-Омаръ (3) пользовался любовью и уваженіемъ народа, точно также какъ и приближенный его, диванъ-беги Матъ-Ніязъ.

Обѣ эти личности были представителями въ Хивѣ партіи мира, постоянно настаивавшей на необходимости возстановленія и поддержанія добрыхъ сосѣдскихъ отношеній съ Россіею. Но голосъ ихъ въ этомъ случаѣ былъ

(1) Нынѣ поступившіе въ русскую казну.

(2) До г. Новаго-Ургенча они слѣдовали сухимъ путемъ, подъ конвоемъ № 5 семиръченской казачьей сотни; отсюда—на каюкахъ, на которыхъ слѣдовала рота 8-го линейнаго баталіона, до стоянки пароходовъ Аральской флотиліи въ Улькунъ-дарьѣ, и изъ этой послѣдней, на пароходѣ „Самаркандъ", въ Казалинскъ.

(3) 15-го ноября 1874 г. эмиръ-уль-Омаръ умеръ въ Хивѣ. Въ послѣднее время онъ никакой роли въ ханствѣ не игралъ и, удрученный старческими годами и недугами, усилившимися у него отъ чрезмѣрныхъ пріемовъ опіума и хашиша, тихо доживалъ въ Хивѣ свои дни.

слабъ и не имѣлъ результата. Эмиръ-уль-Омаръ считался всегда заклятымъ врагомъ Матъ-Мурада (1).

Ко времени прихода русскихъ въ Хиву, эмиръ-уль-Омаръ, здоровье котораго было сильно надломлено отъ дѣйствія опіума и хашиша, не имѣлъ вліянія на дѣла управленія ханствомъ; но, благодаря мирному настроенію и всегдашней готовности его диванъ-беги Матъ-Ніяза (2) заступиться за народъ, онъ пользовался любовью населенія. Диванъ-беги Матъ-Ніязъ рѣзко выдѣлялся изъ всей среды лицъ ханскаго управленія своимъ умомъ и тактомъ. Онъ съ перваго же раза обратилъ на себя вниманіе главнаго начальника войскъ. Его вліяніе, его старанія много содѣйствовали успокоенію умовъ населенія тотчасъ по занятіи Хивы русскими войсками. Понявъ и вѣрно оцѣнивъ совершившіяся событія, Матъ-Ніязъ былъ единственный разумный человѣкъ изъ всѣхъ лицъ, близко стоявшихъ къ управленію ханствомъ, который, въ трудное смутное время, когда жители Хивы были въ напряженномъ состояніи, употребилъ всю энергію, чтобы успокоить страсти, выяснить недоразумѣнія и привести дѣло къ лучшему результату. Заслуга Матъ-Ніяза въ этомъ случаѣ его родинѣ весьма значительна; дѣятельность его въ этомъ направленіи была очень полезна и намъ. Въ послѣдующее время, по уходѣ русскихъ войскъ изъ ханства, Матъ-Ніязъ, состоя, по прежнему, въ должности диванъ-беги хана, отлично понимая положеніе дѣла, съ пользою для обѣихъ сторонъ выполнялъ посредствующую роль между ханомъ и нашею мѣстною администраціею Аму-дарьинскаго отдѣла. Матъ-Ніязъ принималъ также большое участіе въ успокоеніи умовъ туркменъ хивинскаго оазиса, но, къ сожалѣнію, попытки его въ данномъ случаѣ не могли привести къ желаемому результату (3).

Третье лицо въ ханствѣ былъ средній братъ хана, Ата-джанъ-тюря. Молодой годами (ему 22 года) и особенно опытностью въ жизни, Ата-джанъ вообще характера легкаго. Постоянно находясь подъ чьимъ нибудь вліяніемъ, всегда недовольный, онъ занимался интригами, на которыя, однако, ни ханъ, ни Матъ-Мурадъ, сперва не обращали особаго вниманія. Вздорный, безпокойный характеръ Ата-джана возбудилъ, наконецъ, нерасположеніе къ нему хана, котораго и Ата-джанъ не любилъ. Много разъ Сеидъ-Магометъ Рахимъ-ханъ прощалъ брату разныя его выходки; но мѣсяцевъ семь передъ приходомъ русскихъ въ Хиву, Ата-джанъ задумалъ отравить брата, съ цѣлью овладѣть его престоломъ. Ханъ, предупрежденный о заговорѣ родною матерью Ата-джана, заключилъ брата въ тюрьму (4), гдѣ онъ и содержался до вечера 28-го мая. Въ это время, какъ выше сказано, Ата-джанъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и, среди господствовавшихъ тогда безпорядка и волненія въ Хивѣ, такъ какъ ханъ удалился изъ столицы, часть городскихъ жителей провозгласили Ата-джана ханомъ. На сколько самъ онъ и всѣ старшіе и почетные жители столицы Хивинскаго ханства сознавали, что онъ не соотвѣтствуетъ званію хана, доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство: въ средѣ депутаціи, выѣхавшей 29 мая, съ эмиромъ-уль-Омаромъ во главѣ, на встрѣ-

---

(1) Во время стоянки въ Хивѣ, поручикъ Кривцовъ снялъ фотографическій портретъ съ Матъ-Мурада. Когда, во время одного изъ обычныхъ визитовъ старика эмира-уль-Омара къ главному начальнику войскъ, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ показалъ ему карточку Матъ-Мурада, старикъ вспыхнулъ и, ударивъ кулакомъ по портрету, съ особою экспрессіею выговорилъ сильное ругательное слово.

(2) Матерь Матъ-Ніяза была плѣнная русская.

(3) Матъ-Ніязъ съ молодыхъ лѣтъ страдалъ болѣзнью, которая, постоянно усиливалась, причинила ему большія мученія. Еще въ бытность генерала Кауфмана въ Хивѣ, Матъ-Ніязъ выражалъ ему намѣреніе ѣхать въ Россію лечиться. Въ началѣ 1875 года Матъ-Ніязъ исполнилъ это желаніе и предпринялъ поѣздку въ Россію. Болѣзнь задержала его на пути въ Оренбургѣ; но затѣмъ ему сдѣлалось легче и онъ прибылъ въ С.-Петербургъ въ мартѣ 1875 года. Къ несчастію, операція извлеченія камня кончилась весьма печально, и Матъ-Ніязъ, спустя нѣсколько часовъ послѣ операціи, умеръ въ С.-Петербургѣ. По желанію его родныхъ, тѣло Матъ-Ніяза тогда же было перевезено изъ Россіи въ Хиву.

(4) По нѣкоторымъ разсказамъ, Ата-джанъ содержался не въ тюрьмѣ, а арестованнымъ у себя на дому, подъ строгимъ карауломъ.

чу генерала Кауфмана, находился, какъ извѣстно, Ата-джанъ. Только къ концу привѣтственныхъ объясненій и предварительныхъ переговоровъ о сдачѣ Хивы генералъ Кауфманъ невольно обратилъ вниманіе, по болѣе нарядному костюму, на стоявшаго въ заднихъ рядахъ толпы Ата-джана-тюря. На вопросъ—кто это?—полученъ былъ отвѣтъ, что это вновь избранный ханъ, братъ Сендъ Магомета Рахимъ-хана. Высокій, худощавый, съ крайне непредставительною и непривлекательною наружностью, Ата-джанъ-тюря видимо смущенъ былъ придаваемымъ ему высокимъ саномъ и недоумѣвалъ, какъ держать себя. Но, въ концѣ-концовъ, это, хотя и временное, и не утвержденное главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ, избраніе усилило вражду и соперничество между братьями, когда Сендъ-Магометъ Рахимъ-ханъ возвратился въ столицу и былъ возстановленъ на хивинскомъ престолѣ. Желая успокоить страсти, генералъ Кауфманъ воспользовался выраженнымъ Ата-джаномъ желаніемъ совершить поѣздку въ Мекку и сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить ему эту поѣздку.

Пребываніе Ата-джана въ самой Хивѣ признавалось неудобнымъ, особенно въ первое время возстановленія власти хана. Вслѣдствіе этого, отправляясь изъ Хивы въ экспедицію противъ туркменъ и оставляя небольшой отрядъ въ лагерѣ подъ Хивою, генералъ Кауфманъ задержалъ Ата-джана въ отрядѣ, во избѣжаніе какого-либо усложненія дѣлъ въ ханствѣ во время отсутствія его изъ Хивы. Затѣмъ, во время стоянки войскъ въ Ильяллахъ, Ата-джанъ-тюря былъ вызванъ изъ Хивы въ этотъ городъ, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Мекку, согласно его желанія, чрезъ Куня-Ургенчъ, Киндерли, Тифлисъ и Константинополь. Средства Ата-джана на путешествіе въ Мекку заключались въ 3000 р. его собственныхъ денегъ и 1000 р., данныхъ ему ханомъ въ пособіе. Сеидъ-Магометъ Рахимъ-ханъ снабдилъ брата на дорогу оружіемъ и небольшимъ конвоемъ, для безопасности слѣдованія по степи между Куня-Ургенчемъ и Киндерли. Но Ата-джанъ не рискнулъ ѣхать подъ такимъ прикрытіемъ и въ Куня-Ургенчѣ выждалъ прибытія туда мангишлакскаго отряда. Когда этотъ послѣдній, уже въ среднихъ числахъ августа, направился въ обратный походъ изъ ханства въ Киндерли, Ата-джанъ присоединился къ нему и съ кавказскими войсками достигъ Киндерли. По пріѣздѣ въ Тифлисъ и по представленіи главнокомандующему кавказскою арміею, Ата-джанъ-тюря выразилъ Его Императорскому Высочеству желаніе его поступить въ нашу службу. Просьба Ата-джана была милостиво принята и онъ зачисленъ прапорщикомъ въ тверской драгунскій полкъ. Затѣмъ Ата-джанъ предпринялъ поѣздку изъ Тифлиса, чрезъ Константинополь, въ Мекку и, для совершенія этого путешествія, ему былъ Высочайше разрѣшенъ 6-ти-мѣсячный отпускъ. Возвратясь изъ Мекки, онъ отпросился на родину въ Хиву, гдѣ нынѣ и проживаетъ.

Охарактеризовавъ такимъ образомъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ управленія Хивинскимъ ханствомъ въ періодъ вступленія въ его предѣлы русскихъ войскъ, вернемся къ прерванному разсказу о дальнѣйшемъ движеніи туркестанскаго отряда къ Хивѣ и о послѣдовавшихъ за симъ событіяхъ.

Послѣ получасовой остановки и переговоровъ генерала Кауфмана съ эмиромъ-уль-Омаромъ и другими лицами депутаціи, туркестанскій отрядъ продолжалъ движеніе къ Хивѣ и, не доходя 2-хъ верстъ до города, былъ встрѣченъ и соединился съ колонною, высланною отъ оренбургско-мангишлакскаго отряда. Въ составъ этой колонны, бывшей подъ начальствомъ полковника Саранчова (1), входили представители отъ войскъ оренбургскаго и кавказскаго военныхъ округовъ (2).

---

(1) Начальникъ штаба оренбургскаго отряда.

(2) Колонну составляли: рота ширванскаго полка, рота 2-го оренбургскаго линейнаго баталіона, два конныя орудія и четыре казачьи сотни (уральская, оренбургская, дагестанская, конно-иррегулярнаго и сунженскаго казачьихъ полковъ).

Извѣстіе о встрѣчѣ съ храбрыми товарищами, пришедшими съ другаго края отечества къ одной желанной цѣли, испытавшими тѣ же труды и лишенія, пронеслось какъ молнія по рядамъ туркестанскихъ войскъ. Одушевленіе было всеобщее, омрачавшееся, однако, тѣмъ обстоятельствомъ, что между войсками колонны Саранчова, вышедшими на соединеніе съ туркестанскимъ отрядомъ, войска не нашли представителей отъ красноводскаго отряда (1).

На мѣстѣ встрѣчи съ колонною Саранчова, вблизи моста Сира-купрюкъ чрезъ Полванъ-ата, войска туркестанскаго отряда остановились и расположились бивакомъ. Начались переговоры между главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ и представителемъ хивинской депутаціи, эмиромъ-уль-Омаромъ, о сдачѣ столицы ханства. Генер. Кауфманъ требовалъ безусловной покорности; онъ приказалъ отворить ворота города, снять съ городскихъ стѣнъ орудія и вывезти ихъ къ хазараспскимъ воротамъ, чрезъ которыя предстояло войти въ столицу ханства русскимъ войскамъ. Жителямъ Хивы приказано было выйти къ этимъ же воротамъ.

Представители Хивы безусловно и съ покорностью приняли всѣ эти требованія. Отъ эмира-уль-Омара и диванъ-беги Матъ-Ніяза поскакали въ городъ люди для приведенія въ исполненіе приказаній русскаго главнаго начальника. Въ это самое время, со стороны расположенія оренбургско-мангишлакскаго отряда, послышались пушечные выстрѣлы, а вслѣдъ затѣмъ изъ города прискакали жители съ извѣстіемъ, что русскіе снова открыли по городу огонь. Генералъ Кауфманъ приказалъ эмиру-уль-Омару ѣхать въ Хиву, узнать въ чемъ дѣло и, если окажется, что населеніе открыло враждебныя дѣйствія противъ отряда генерала Веревкина, то немедленно принять настойчивыя мѣры для прекращенія этихъ дѣйствій. Одновременно съ этимъ, генералъ Кауфманъ послалъ генералъ-лейтенанту Веревкину слѣдующую записку (2): „Прибывъ на позицію, я былъ встрѣченъ полковникомъ Саранчовымъ и славными войсками, подъ вашимъ начальствомъ состоящими. Къ удивленію моему, я слышу въ вашей сторонѣ выстрѣлы. Пріѣхалъ ко мнѣ Матъ-Ніязъ; онъ увѣряетъ, что батареи ваши открыли огонь противъ города. Ханъ изъ города ушелъ вчера съ іомудами. Когда обозъ отряда стянется, я полагаю, съ частью отряда и съ войсками отъ васъ, войти въ городъ и занять цитадель и ворота. Грабежа не должно быть. Надѣюсь около двухъ часовъ выступить. Нужна большая осторожность, теперь даже больше, чѣмъ прежде. Я беру ваши роты, орудія и кавалерію, чтобы они были представителями кавказскаго и оренбургскаго округовъ. Поздравляю васъ съ побѣдою и съ раною; дай Богъ скорѣе выздоровѣть“.

Въ отвѣтъ на эту записку, генералъ-лейтенантъ Веревкинъ написалъ, въ 1 часъ пополудни, слѣдующее письмо, полученное генераломъ Кауфманомъ уже при самомъ вступленіи его во-главѣ войскъ въ городъ:

„Въ Хивѣ двѣ партіи: мирная и враждебная. Послѣдняя ни чьей власти не признаетъ и дѣлала въ городѣ всякія безчинія. Чтобы разогнать ее и имѣть хоть какую-нибудь гарантію противъ вѣроломства жителей, я приказалъ овладѣть съ боя одними изъ городскихъ воротъ, что и исполнено. Войска, взявшія ворота, заняли оборонительную позицію около нихъ, гдѣ и будутъ ожидать приказанія вашего превосходительства. Всякіе грабежи мною строго воспрещены“.

Пушечные выстрѣлы, слышавшіеся со стороны расположенія отряда генералъ-лейтенанта Веревкина, какъ оказалось, происходили при занятіи Шахъ-абатскихъ воротъ,

---

(1) Генералъ-лейтенантъ Веревкинъ, раненый наканунѣ въ дѣлѣ 28-го мая подъ стѣнами Хивы, оставался въ лагерѣ соединеннаго оренбургско-мангишлакскаго отряда. Въ колоннѣ полковника Саранчова выѣхалъ съ кавказскими войсками, на встрѣчу туркестанскимъ, начальникъ мангишлакскаго отряда, полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Ломакинъ; при колоннѣ находился также и прусской службы поручикъ Штуммъ.

(2) Записка была послана въ 11¼ часовъ утра, 29 мая.

о чемъ говоритъ въ вышеприведенномъ письмѣ и генералъ Веревкинъ (1).

Нельзя здѣсь не замѣтить, что, по всѣмъ имѣющимся даннымъ и фактамъ, въ форсированномъ занятіи Шахъ-абатскихъ воротъ не предстояло никакой надобности.

Утромъ 29-го мая, положеніе дѣла въ Хивѣ было совершенно спокойное. Доказательствомъ этого, а также совершеннаго нежеланія населенія города продолжать съ нами борьбу, служитъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Когда, рано утромъ 29-го числа, колонна полковника Саранчова переходила изъ лагеря оренбургско-мангишлакскаго отряда къ каналу Ишакчи, на встрѣчу и соединеніе съ туркестанскими войсками, ей пришлось двигаться при этомъ по дорогѣ, которая, въ большей части своего протяженія, идетъ вдоль самой городской хивинской стѣны. Отрядъ Саранчова прошелъ безъ выстрѣла, и защитники Хивы, высыпавъ во множествѣ на валъ городской стѣны, спокойно и съ понятнымъ любопытствомъ, смотрѣли на проходившія мимо ихъ наши войска. Можно-ли допустить, чтобы колонна Саранчова прошла такъ свободно и спокойно подъ стѣнами города, если бы въ средѣ его населенія была какая бы то ни было враждебная намъ партія, которая, по словамъ генерала Веревкина, „не признавала ни чьей власти и дѣлала въ городѣ всякія безчинія“ и для разогнанія которой онъ призналъ необходимымъ приказать полковнику Скобелеву штурмовать Шахъ-абатскія ворота.

Можно привести еще фактъ въ этомъ же родѣ.

Тотчасъ по расположеніи войскъ туркестанскаго отряда бивакомъ на каналѣ Ишакчи, для обезпеченія лагеря съ западной стороны, высланъ былъ особый отрядъ въ составѣ 2-хъ ротъ 2-го линейнаго баталіона и взвода 9-ти-фунтовыхъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Терейковскаго, которому приказано было перевести войска по мосту Сиракупрюкъ чрезъ Полванъ-ата и расположиться на позиціи на противоположномъ берегу этого канала.

По ошибкѣ проводника, отрядъ Терейковскаго вышелъ почти къ самой подошвѣ городской стѣны и сталъ тамъ на позиціи. Въ то время, какъ въ одной верстѣ правѣе происходилъ, по распоряженію генерала Веревкина, штурмъ Шахъ-абатскихъ воротъ, войска подполковника Терейковскаго, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, спокойно стояли у самой непріятельской стѣны, мирно переговариваясь съ защитниками города, находившимися на валу; при чемъ многіе изъ хивинцевъ спускались съ стѣны и выходили къ нашему отряду съ заявленіями ихъ полной и совершенной покорности.

Диванъ-беги Матъ-Ніязъ, спрошенный послѣ занятія Хивы, далъ слѣдующія показанія о событіяхъ утра 29-го мая. По словамъ его, съ крѣпостныхъ стѣнъ не могли открыть огня по оренбургско-мангишлакскому отряду, потому что въ городѣ въ это время никого не было кромѣ жителей. Эти же послѣдніе свое нежеланіе защищаться доказали, сбросивъ со стѣнъ просимое русскими орудіе. Вотъ подлинныя слова показанія по этому предмету Матъ-Ніяза:

„Послѣ дѣла 28-го мая, когда мы заперлись въ городѣ, русская артиллерія не прекращала сильной стрѣльбы до самаго вечера. Оставшіеся, за отсутствіемъ хана, дядя его эмиръ-уль-Омаръ и братъ Ата-джанъ два раза посылали къ оренбургскому губернатору (къ генералу Веревкину) людей съ просьбою прекратить огонь, завѣряя, что они драться не хотятъ и сдадутъ городъ по приходѣ туркестанскаго генералъ-губернатора; въ доказательство этого завѣренія, они послали съ ханкинскимъ баемъ Матъ-Назаромъ пять ружей. Но стрѣльба не прекращалась. Только поздно вечеромъ, когда привезенное Иртазали-Инакомъ письмо отъ генерала Кауфмана было отослано къ генералу Веревкину (2), артиллерія замолчала и всю ночь перестрѣлки не было.

(1) Описаніе занятія этихъ воротъ приведено въ главѣ о дѣйствіяхъ оренбургско-мангишлакскаго отряда подъ стѣнами Хивы 28-го и 29-го мая.

(2) Письмо это приведено въ предыдущей главѣ.

Рано утромъ 29-го мая, къ городской стѣнѣ подъѣхали нѣсколько человѣкъ конныхъ русскихъ и просили дать имъ 20 или 30 желѣзныхъ лопатъ; подъ рукою у насъ было только 7 китменей, которые мы и перебросили чрезъ стѣну. Китменями этими стали копать какой-то ровъ недалеко отъ стѣны. Потомъ тѣ же русскіе заявили намъ, что желаютъ убрать два мертвыхъ тѣла, которыя лежали около воротъ (1), и предложили и намъ убрать своихъ убитыхъ; мы отвѣтили, что уберемъ тѣла своихъ убитыхъ тогда, когда отворимъ ворота. Русскіе же своихъ убитыхъ двухъ взяли. Послѣ этого русскіе приказали намъ, въ доказательство того, что мы не хотимъ драться, отдать имъ пушки и ружья. На это мы отвѣтили, что всѣ наши старшіе начальники уѣхали на встрѣчу генерала Кауфмана и что безъ спроса ихъ мы не смѣемъ отдать пушки. Тогда русскіе отвѣтили, что такъ какъ мы не исполняемъ ихъ приказаній, то они начнутъ сейчасъ стрѣлять. Испугавшись этого, мы посовѣтовались между собою и рѣшили отдать пушку, для чего и сбросили за стѣну ту, которая стояла на воротахъ (Шахъ-абатскихъ). Послѣ этого, — заканчиваетъ свой разсказъ Матъ-Ніязъ, — я былъ потребованъ къ генералъ-губернатору и уѣхалъ изъ города, оставивъ за старшаго у Шахъ-абатскихъ воротъ Юсуфа-Махрама".

Ни сему послѣднему, ни кому-либо другому Матъ-Ніязъ не приказывалъ и никого не уполномочивалъ открывать стрѣльбу съ крѣпостныхъ стѣнъ по оренбургскому и мангишлакскому отрядамъ.

Въ началѣ втораго часа пополудни пріѣхали въ лагерь туркестанскихъ войскъ люди эмира-уль-Омара и Матъ-Ніяза и доложили, что всѣ приказанія главнаго начальника русскихъ войскъ исполнены: ворота открыты, орудія сняты съ городскихъ стѣнъ, путь по улицамъ города къ ханскому дворцу очищенъ и жители, въ большихъ массахъ, собрались для встрѣчи нашихъ войскъ у Хазараспскихъ воротъ (2).

Тогда было сдѣлано распоряженіе о назначеніи частей войскъ и о порядкѣ слѣдованія ихъ, для торжественнаго вступленія въ столицу Хивинскаго ханства. Начало движенія колонны съ бивака назначено было въ 2 часа дня 29-го мая.

Въ составъ колонны вошли части войскъ всѣхъ трехъ округовъ: кавказскаго, туркестанскаго и оренбургскаго (3). Войска направились къ городу въ одной общей колоннѣ, во главѣ которой слѣдовала рота ширванскаго полка, съ такимъ отличіемъ участвовавшая наканунѣ, 28-го мая, въ дѣлѣ подъ стѣнами Хивы. Колонною, вступившею въ Хиву, командовалъ генералъ-маіоръ Головачовъ. Главный начальникъ экспедиціи, въ сопровожденіи ихъ Императорскихъ Высочествъ и чиновъ своего штаба, ѣхалъ въ срединѣ отряда.

Торжественно, подъ звуки извѣстнаго даргинскаго марша, исполненнаго музыкантами ширванскаго полка, соединенныя русскія войска вошли въ Хазараспскія ворота, у которыхъ, во главѣ огромной толпы народа, стоялъ съ непокрытою головою старикъ эмиръ-уль-Омаръ и вблизи его вывезенныя изъ города и цитадели хивинскія орудія. Всѣ городскія площади и часть боковыхъ улицъ были запружены арбами, на которыхъ сложено было разное имущество и сидѣли женщины и дѣти (4). На лицахъ городскаго населенія выражались страхъ и сомнѣніе. Они опасались, что и русскіе, какъ это обыкновенно дѣлаютъ среднеазіятцы съ покоренными народами, начнутъ ихъ рѣзать, бить, уничтожать имущество и зажигать дома. Тѣмъ бо̀льшая была ихъ радость и восторгъ, когда они увидѣли, что русскія войска, слѣдуя стройными рядами по главной улицѣ, веду-

---

(1) Фактъ совершенно вѣрный: два тѣла нашихъ убитыхъ въ дѣлѣ 28-го мая не были взяты и остались у городской стѣны; они подобраны утромъ 29 мая.

(2) Хазараспскія ворота были на пути движенія туркестанскихъ войскъ въ городъ Хиву; отъ мѣста остановки отряда они были въ 1¹/₂ верстахъ.

(3) Отъ кавказскаго и оренбургскаго отрядовъ было по одной ротѣ и по двѣ сотни изъ колонны полковника Саранчова; отъ туркестанскихъ войскъ—7 ротъ, 8 орудій и 3 сотни.

(4) Это были семьи окрестнаго къ Хивѣ населенія, которое силою согнано было въ городъ, для предполагавшейся защиты его.

щей къ цитадели и ханскому дворцу, не заходятъ въ стороны, ничего и никого не трогаютъ и не обижаютъ. Тогда сомнѣніямъ не было уже мѣста, и народъ бросался къ войскамъ и къ ногамъ лошади главнаго русскаго начальника съ шумными радостными привѣтствіями. Особенно сильное оживленіе замѣтно было въ средѣ рабовъ-пранцевъ. Они предугадывали заранѣе, что лишь только русскіе придутъ въ ханство, они освободятъ ихъ отъ ига рабства. Поэтому, тотчасъ-же по вступленіи войскъ въ столицу ханства, рабы-персіяне самовольно начали освобождать себя, и въ толпѣ виднѣлось много рабовъ, которые проталкивались впередъ и показывали войскамъ окровавленныя, отъ тѣсныхъ кандаловъ и цѣпей, руки и ноги (1).

Отъ Хазараспскихъ воротъ войска шли по узкимъ и кривымъ улицамъ города, черезъ ворота внутренней городской стѣны, прямо въ цитадель. Здѣсь, на небольшой площади, передъ воротами ханскаго дворца, генералъ Головачовъ выстроилъ отрядъ покоемъ. Генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ объѣхалъ фронтъ войскъ, поздравилъ ихъ съ побѣдою, съ славнымъ походомъ, съ достиженіемъ цѣли, и Именемъ Государя Императора благодарилъ г.г. офицеровъ и солдатъ за службу, труды и подвиги.

Могучее русское „ура“, раздавшееся громкимъ эхомъ въ стѣнахъ хивинской цитадели и ханскаго дворца, было единодушнымъ, восторженнымъ отвѣтомъ войскъ на привѣтствія и поздравленія командующаго войсками.

Отрядъ остался на площади; саперная же рота послана была въ хивинскій дворецъ, для занятія тамъ караула и постовъ. Вслѣдъ за нею въѣхалъ, верхомъ, въ ворота ханскаго дворца, командующій войсками и съ нимъ Ихъ Императорскія Высочества и вся свита. На одномъ изъ внутреннихъ дворовъ ханскихъ помѣщеній, генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ слѣзъ съ лошади и вошелъ во дворецъ, въ то именно помѣщеніе его, гдѣ обыкновенно ханъ дѣлалъ свои оффиціальные пріемы. Въ это помѣщеніе вела узенькая, низенькая дверь, за которою находился небольшой, выложенный камнемъ и жженымъ кирпичемъ, четырех-угольный дворикъ, обставленный со всѣхъ сторонъ высокими постройками. На лѣво отъ входной двери, на возвышеніи, къ которому вели нѣсколько ступенекъ, помѣщалась открытая галлерея, поддерживаемая двумя высокими, изящно отдѣланными деревянными колоннами; стѣны и потолокъ галлереи были разукрашены арабесками въ извѣстномъ средне-азіятскомъ вкусѣ, а полъ выложенъ камнемъ и покрытъ коврами. Тутъ-же стоялъ и тронъ хана (2). На этой террасѣ ханъ обыкновенно сидѣлъ во время его оффиціальныхъ пріемовъ.

Въ описываемое же время на террасѣ помѣстились главный начальникъ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Николай Константиновичъ, Князь Евгеній Максимиліановичъ, старшіе чины отрядовъ и многія лица изъ главной квартиры. Старикъ эмиръ-уль-Омаръ, братъ хана Ата-джанъ-тюря, диванъ-беги Матъ-Ніязъ и другіе старѣйшіе и почетнѣйшіе хивинцы были тутъ-же; они распорядились угощеніемъ всѣхъ присутствовавшихъ чаемъ, фруктами и другими видами средне-азіятскихъ лакомствъ. Въ это же время главному русскому начальнику представлялись депутаціи отъ жителей Хивы и во главѣ ихъ торговые люди и купцы. Генералъ Кауфманъ успокоивалъ всѣхъ и каждаго, совѣтовалъ торговцамъ немедленно открыть ихъ лавки и склады и начать торговлю; прочимъ городскимъ жителямъ онъ совѣтовалъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, а сельскимъ поселенцамъ, собраннымъ предъ 29-мъ мая въ Хиву, было объявлено, чтобы они немедленно возвращались въ свои се-

(1) Еще когда войска не заняли Хивы, въ отрядѣ было извѣстно, что хивинцы-владѣльцы рабовъ, изъ боязни, чтобы они не бѣжали къ русскимъ, на ночь сажали ихъ на цѣпь, а днемъ выгоняли на работы подъ строгимъ карауломъ.

(2) Тронъ этотъ вывезенъ изъ Хивы и въ настоящее время находится въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ.

ленія и обратились къ обычнымъ ихъ занятіямъ. Всѣмъ депутаціямъ объявлялось, для передачи народу, чтобы онъ былъ совершенно спокоенъ, что русскія войска не будутъ сами обижать жителей и никому не дадутъ ихъ въ обиду, пока будутъ находиться на территоріи ханства. Отпустивъ депутацію и приказавъ генералъ-маіору Головачову сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы по городу въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ были бы поставлены караулы и посты, для обезпеченія порядка и спокойствія, генералъ - адъютантъ Фонъ-Кауфманъ оставилъ затѣмъ ханскій дворецъ и отправился, съ частью свиты и съ конвойною своею сотнею, по улицамъ г. Хивы къ Шахъ-абатскимъ воротамъ, чрезъ которыя и проѣхалъ въ расположеніе соединеннаго оренбургско - мангишлакскаго отряда Командующій войсками оставался во дворцѣ хана въ Хивѣ часа два; въ числѣ прочихъ, сдѣланныхъ тамъ распоряженій, онъ приказалъ начальнику войскъ, оставленныхъ въ Хивѣ, генералъ-маіору Головачову, распорядиться о выставленіи постовъ ко всѣмъ помѣщеніямъ ханскаго дворца, въ которыхъ, по заявленію Сеидъ-эмира-уль-Омара и Матъ - Ніяза, находилось разнаго рода ханское имущество, а также и ко всѣмъ складамъ ханскаго оружія, пороху, свинца и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было назначить коммисіи для разбора и составленія описей всему имуществу, найденному какъ въ ханскомъ дворцѣ, такъ и въ домѣ диванъ-беги Матъ-Мурада.

Въ оренбургскомъ легерѣ, послѣ объѣзда всѣхъ частей войскъ оренбургскаго и мангишлакскаго отрядовъ, при чемъ генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ здоровался съ войсками, поздравлялъ ихъ съ побѣдою и благодарилъ за службу, онъ отправился къ ставкѣ начальника оренбургскаго отряда, чтобы привѣтствовать раненаго наканунѣ, въ дѣлѣ 28-го мая, генералъ-лейтенанта Веревкина. Послѣ этого посѣщенъ былъ лазаретъ оренбургскаго и мангишлакскаго отрядовъ, при чемъ командующій войсками дольше всего останавливался, разговаривалъ и успокоивалъ раненыхъ гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ этихъ двухъ отрядовъ, коихъ всѣхъ было до 80 человѣкъ.

Такъ какъ было уже довольно поздно, то командующій войсками остался на ночлегъ въ лагерѣ оренбургскаго отряда. Часть туркестанскаго отряда ночевала на мѣстѣ, гдѣ происходили переговоры, недалеко отъ моста Сира-купрюкъ, и гдѣ во время вступленія войскъ въ городъ, подъ прикрытіемъ 4-го стрѣлковаго баталіона, были оставлены всѣ войсковыя тяжести. Другая же часть, подъ начальствомъ генерала Головачова, какъ сказано выше, провела ночь въ городѣ. На слѣдующій день командующій войсками обратился къ войскамъ съ слѣдующимъ приказомъ:

„Доблестныя, храбрыя войска дѣйствующихъ отрядовъ оренбургскаго, кавказскаго и туркестанскаго!

„Мужественно и честно одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природою на тысячеверстныхъ протяженіяхъ, которыя каждому изъ отрядовъ пришлось совершить, вы храбро, молодецки отразили всѣ попытки непріятеля заградить вамъ путь къ цѣли настоящаго движенія— къ г. Хивѣ, и разбивъ на всѣхъ пунктахъ непріятельскія скопища, торжественно вошли и заняли 29-го сего мая павшую предъ вами столицу ханства.

„Таковыя доблести ваши, поспѣшая вмѣстѣ съ симъ представить на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора, я предлагаю начальникамъ частей войскъ и учрежденій представить мнѣ теперь-же наградные листы на гг. офицеровъ и прочихъ чиновъ дѣйствующихъ отрядовъ и списки наиболѣе отличившимся нижнимъ чинамъ, для награжденія мною сихъ послѣднихъ знаками отличія военнаго ордена“.

Телеграмма Государю Императору о занятіи Хивы была слѣдующая: „Войска оренбургскаго, кавказскаго и туркестанскаго отрядовъ, мужественно и честно одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природою на тысячеверстныхъ пространствахъ, которыя каждому изъ нихъ

пришлось совершить, храбро и молодецки отразили всѣ попытки непріятеля заградить имъ путь къ цѣли движенія— къ г. Хивѣ, и разбивъ на всѣхъ пунктахъ туркменскія и хивинскія скопища, торжественно вошли и заняли двадцать девятаго сего мая павшую предъ ними столицу ханства. Тридцатаго мая, въ годовщину рожденія Императора Петра 1-го, въ войскахъ отслужено молебствіе за здравіе Вашего Императорскаго Величества и панихида за упокой Петра 1-го и подвижниковъ убіенныхъ въ войнѣ съ Хивою. Ханъ хивинскій, не выждавъ отвѣта отъ меня на предложеніе его полной покорности и сдачи себя и ханства, увлеченный воинственною партіею, бѣжалъ изъ города и скрывается нынѣ въ средѣ іомудовъ, неизвѣстно въ какой именно мѣстности. Войска Вашего Императорскаго Величества бодры, веселы, здоровы. Подробности съ курьеромъ въ рапортѣ военному министру".

Телеграмма эта была послана съ нарочнымъ джигитомъ въ Ташкентъ. Какъ разъ къ этому времени телеграфъ отъ Вѣрнаго до Ташкента былъ готовъ, и *№ 1-й* телеграмма, посланная изъ Ташкента въ С.-Петербургъ, была вышеприведенная депеша Государю Императору о занятіи Хивы.

Итакъ—мы были въ Хивѣ. Каждый отрядъ—туркестанскій, оренбургскій, мангишлакскій—прежде чѣмъ достигнуть столицы ханства, сдѣлалъ: первый 1060 верстъ, второй 1400, третій 730 верстъ. На долю всѣхъ трехъ отрядовъ досталось не мало трудностей во время похода, которыя они преодолѣли со славою. Собственно отъ преградъ, поставляемыхъ природою, самый тяжелый жребій выпалъ на долю туркестанцевъ (1), затѣмъ кавказцевъ мангишлакскаго отряда и наконецъ уже оренбургцевъ. Послѣднимъ тяжело досталось собственно начало похода, въ зимніе бураны и морозы; вторая половина его была значительно легче. Туркестанцевъ же и кавказцевъ мангишлакскаго отряда суровыя условія природы и путей, по которымъ они шли, преслѣдовали съ начала и до конца похода. Особенно тяжелыя испытанія перенесъ туркестанскій отрядъ на переходѣ отъ Халъ-ата къ Аму-дарьѣ.

Собственно вооруженное сопротивленіе хивинцевъ нашимъ войскамъ до занятія Хивы было вообще слабо. Но въ этомъ отношеніи болѣе серьезныя условія достались на долю соединеннаго оренбургско-мангишлакскаго отряда и болѣе легкія на долю туркестанскихъ войскъ. Въ то время, какъ эти послѣднія имѣли болѣе или менѣе серьезныя встрѣчи съ непріятелемъ до Хивы, всего лишь двѣ: при выходѣ изъ песковъ къ Аму-дарьѣ, подъ Учъ-учакомъ, и затѣмъ на шейхъ-арыкской переправѣ чрезъ Аму, — соединенный оренбургско-мангишлакскій отрядъ, на пути отъ Кунграда до самой Хивы и, наконецъ, 28-го мая, подъ стѣнами этого города, былъ нѣсколько разъ встрѣченъ непріятелемъ въ большихъ массахъ и почти весь маршъ къ столицѣ ханства, съ 14-го по 29-е мая, долженъ былъ слѣдовать съ боемъ.

Для посторонняго наблюдателя, для людей незнакомыхъ со степью и военными движеніями по ней, невольно и весьма естественно представляется вопросъ: какъ объяснить фактъ, что три отряда, коихъ исходные пункты наступательнаго движенія къ Хивѣ отстояли одинъ отъ другаго на тысячи верстъ степнаго пространства, по которому не существуетъ не только правильнаго, но и какого бы то ни было сообщенія, — что эти отряды сошлись, съ трехъ противоположныхъ сторонъ, къ одному намѣченному имъ пункту—городу Хивѣ, почти день въ день, одновременно? Въ сферахъ, интересующихся военными событіями и, въ томъ числѣ, и минувшимъ хивинскимъ походомъ, не разъ приходилось слышать этотъ вопросъ. Прямаго, категоричнаго отвѣта на него невозможно и дать. Конечно, и прежде всего, подобное удачное выполненіе прибытія въ данный срокъ къ главной цѣли предпріятія есть плодъ и послѣдствіе всесторонне

(1) Мы не говоримъ о красноводскомъ отрядѣ, который и не дошелъ до Хивы.

обсужденнаго и раціонально выработаннаго общаго плана хивинской кампаніи. Въ военныхъ операціяхъ, подобныхъ нашимъ среднеазіятскимъ походамъ, не существуетъ еще научно выработанныхъ данныхъ и условій, на основаніи которыхъ въ европейскихъ войнахъ могутъ составляться и составляются соображенія плана и хода кампаній почти съ математическою точностью.

Въ среднеазіятскихъ военныхъ предпріятіяхъ такой пунктуальности, такой точности нѣтъ и не можетъ быть, а между тѣмъ фактъ одновременнаго прибытія къ Хивѣ отрядовъ войскъ трехъ округовъ наводитъ на мысль о существованіи именно математической точности въ соображеніяхъ какъ плана, такъ и хода всей кампаніи. Но мы снова должны повторить, что такой точности не могло быть. Единственно, въ чемъ можно искать источникъ и разгадку такого по-истинѣ изумительнаго явленія — это въ опытности, знакомствѣ съ дѣломъ, съ характеромъ страны, бывшей театромъ войны, и съ свойствами непріятеля, лицъ, участвовавшихъ въ составленіи и соображеніи плана кампаніи. Человѣку, незнакомому съ Среднею Азіею, съ характеромъ нашихъ тамъ дѣйствій, при самыхъ геніальныхъ его военныхъ и другихъ способностяхъ, недоступно, невозможно составить вѣрнаго соображенія о какой бы то ни было военной операціи въ степи. Въ подобномъ дѣлѣ можетъ руководить только опытъ и знаніе характера, условій мѣстности театра войны и свойствъ противника. Въ данномъ, напримѣръ, случаѣ, извѣстно было, что особенно упорнаго вооруженнаго сопротивленія Хивинское ханство не могло представить; но сколько именно у хивинскаго хана войска, какъ оно вооружено, обучено, какъ дѣйствуетъ, сколько орудій, сколько крѣпостей и остальныхъ боевыхъ средствъ—обо всемъ этомъ свѣдѣнія у насъ были самыя темныя и неопредѣленныя. Между тѣмъ, въ европейскихъ войнахъ свѣдѣнія и точныя данныя о силахъ противника составляютъ азбуку, начало всякаго военнаго предпріятія. Понятно, поэтому, что назначеніе въ составъ экспедиціонныхъ отрядовъ всѣхъ трехъ округовъ (кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго) извѣстнаго, опредѣленнаго числа частей войскъ, мотивировалось не точными соображеніями о вооруженныхъ силахъ ханства, а, такъ-сказать, приблизительно, примѣрно, на основаніи опыта многихъ десятковъ лѣтъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи. Далѣе, затѣмъ, свѣдѣнія о путяхъ, по которымъ должны были слѣдовать экспедиціонные отряды, во всѣхъ трехъ округахъ имѣлись опредѣленными только на извѣстное протяженіе отъ начальныхъ пунктовъ движенія отрядовъ. Вторыя половины этихъ путей, особенно же концы ихъ, были извѣстны только по разспросамъ, на столько неточнымъ и неполнымъ, что, напримѣръ, для оренбургскаго отряда былъ совершенный сюрпризъ, спускаясь съ юго-восточнаго чинка Устюрта у мыса Урги, увидать предъ собою, вмѣсто предполагавшагося и всѣми ожидаемаго многоводнаго Айбугирскаго залива, совершенно высохшее ложе этого залива. Красноводскій отрядъ потому и не дошелъ до Хивы, что путь для его слѣдованія былъ избранъ такой, по которому отрядъ этотъ не могъ пройти. Когда уже была пройдена половина взятаго направленія, до кол. Орта-кую, оказалось, что отряду полковника Маркозова предстоялъ впереди, за этими колодцами, безводный переходъ, по страшнымъ пескамъ, въ теченіе 8-ми дней. Понятно, что отрядъ такого состава, какъ красноводскій, не могъ сдѣлать этого 8-ми-дневнаго безводнаго перехода. Нельзя достаточно выразить удивленія и уваженія къ акту высокаго благоразумія — рѣшимости повернуть красноводскій отрядъ назадъ и не вдаваться въ дальнѣйшее слѣдованіе, котораго несомнѣннымъ, конечнымъ результатомъ была бы гибель всего отряда.

Вотъ при такихъ-то условіяхъ и данныхъ составлялись общій планъ и ходъ всей хивинской кампаніи. Именно, въ виду неизвѣстности и неопредѣленности необходимыхъ данныхъ для обезпеченія успѣха экспедиціи, Его Импера-

торскому Величеству, при разсмотрѣніи плана кампаніи, благоугодно было выразить Его непремѣнную волю, чтобы въ хивинской экспедиціи приняли участіе войска трехъ округовъ, чтобы къ хивинскимъ предѣламъ были направлены отряды съ трехъ сторонъ—съ запада, сѣвера и востока и въ такомъ составѣ и количествѣ, чтобы, въ случаѣ неудачи, неожиданныхъ остановокъ и затрудненій одного изъ нихъ, другіе могли бы дѣйствовать совершенно независимо и самостоятельно. Благодаря этой основной мысли плана хивинской экспедиціи, неудача, постигшая красноводскій отрядъ, не имѣла ни малѣйшаго послѣдствія на общій ходъ дѣлъ и на успѣшное выполненіе остальными войсками Высочайше предначертанной имъ программы дѣйствій.

Важнѣйшій элементъ въ дѣлѣ всей хивинской кампаніи представляло снаряженіе экспедиціонныхъ войскъ въ походъ. Это дѣло, по общему плану кампаніи, предоставлено было всецѣло окружнымъ начальствамъ трехъ военныхъ округовъ, войска которыхъ приняли участіе въ экспедиціи.

Въ общемъ, не смотря на всю сложность этого дѣла, снаряженіе отрядовъ въ походъ, по сравненію его съ прочими элементами хивинской кампаніи, представляло менѣе затрудненій, именно потому, что для войскъ всѣхъ трехъ округовъ дѣло это было не особенно ново и имѣло за собою болѣе опыта. Войска и кавказскаго, и оренбургскаго, и туркестанскаго округовъ не разъ совершали уже степные походы и имѣли, слѣдовательно, случай и возможность ознакомиться на практикѣ съ дѣломъ снаряженія степныхъ отрядовъ. Но нельзя не остановиться и здѣсь на разности условій, въ которыхъ въ этомъ отношеніи находились войска упомянутыхъ трехъ округовъ. Кавказскія войска только съ 1870 года, съ занятіемъ Красноводска, поставлены были въ необходимость, время отъ времени, совершать походы въ глубь туркменскихъ степей, на болѣе или менѣе значительныя разстоянія. Такимъ образомъ кавказцевъ можно считать новичками въ дѣлѣ степной войны и, слѣдовательно, имъ труднѣе было соблюсти всѣ необходимыя условія, требуемыя для соображеній при снаряженіи войскъ въ степной походъ. Почти при тѣхъ же данныхъ находилось это дѣло и въ туркестанскихъ войскахъ. До минувшаго хивинскаго похода, войска Туркестанскаго военнаго округа никогда не совершали, въ такомъ огромномъ составѣ, собственно, степныхъ походовъ. Какъ извѣстно, театромъ дѣйствій туркестанскихъ войскъ, съ самаго начала водворенія нашего въ бассейнѣ Сыръ-дарьи, постоянно былъ культурный оазисъ, и до 1873 года всѣ движенія туркестанскихъ отрядовъ совершались въ раіонѣ этого оазиса. Какъ исключенія въ этомъ отношеніи, можно указать на движенія и дѣйствія обходныхъ отрядовъ, высылавшихся изъ низовыхъ сыръ-дарьинскихъ фортовъ, движенія незначительныхъ отрядовъ въ Каракумы и въ пески Малые-Барсуки, а также движенія рекогносцировочныхъ отрядовъ въ 1869 и 1871 годахъ по Кизылъ-кумской степи. Но, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, высылавшіеся въ степь отряды были на столько незначительнаго состава, протяженія проходимыя ими были на столько ограниченны, что особенныхъ заботъ и затрудненій по снаряженію этихъ отрядовъ никакихъ не представлялось.

Изъ изложеннаго очевидно, что въ Туркестанскомъ военномъ округѣ, до похода въ Хиву въ 1873 году, дѣло снаряженія отряда большаго состава, исключительно для степнаго похода, ни разу не практиковалось, а между тѣмъ именно опытъ, практика въ этомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, играютъ самую важную роль. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи былъ оренбургскій отрядъ. Кромѣ ежегодныхъ, впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, постоянныхъ посылокъ въ степь отрядовъ на значительныя разстоянія отъ оренбургской линіи, огромнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ снаряженія оренбургскаго отряда въ хивинскій походъ 1873 года могъ служить и вѣроятно служилъ опытъ большаго предпріятія изъ Оренбурга въ степь — экспедиція графа Перовскаго въ

Хиву. Кромѣ страшно суровой погоды, кромѣ стихійныхъ преградъ, испытанныхъ войсками въ экспедицію 1839—1840 годовъ, они много пострадали еще и отъ несовершенства ихъ снаряженія въ походъ. Въ Оренбургѣ у всѣхъ и каждаго до настоящаго времени, такъ-сказать на виду и въ памяти, неудачный, тягостный исходъ экспедиціи графа Перовскаго, а подобные уроки не проходятъ безслѣдно. Поэтому, понятно, всѣ несовершенства, недостатки снаряженія войскъ упомянутой экспедиціи имѣлись въ виду, были предусмотрѣны и устранены, на основаніи столь осязательнаго опыта, оренбургскимъ окружнымъ начальствомъ при отправленіи въ хивинскій походъ войскъ въ 1873 году.

Рѣзкимъ фактомъ того, на сколько важны въ подобномъ дѣлѣ, какъ продолжительный степной походъ, практика, опытъ, словомъ то, что войска испытываютъ въ этихъ походахъ сами на себѣ, можно привести слѣдующій примѣръ изъ минувшаго хивинскаго похода туркестанскихъ войскъ.

Существеннѣйшая часть всякаго степнаго похода—перевозочныя средства или такъ-называемое верблюжье дѣло, по обстоятельствамъ, подробно указаннымъ въ своемъ мѣстѣ настоящаго изданія, стояло въ туркестанскомъ отрядѣ въ весьма неудовлетворительномъ положеніи и представило ему массу затрудненій для безостановочнаго и успѣшнаго достиженія цѣли. Снабженіе войскъ туркестанскаго отряда, въ передній путь къ Хивѣ, верблюдами произведено было нарядомъ ихъ съ населенія Сыръ-дарьинской области. На практикѣ этотъ способъ оказался весьма неудачнымъ. На обратный походъ изъ Хивы въ Ташкентъ испробованъ былъ, поэтому, другой способъ, заключавшійся въ томъ, что верблюды, для поднятія войсковыхъ и прочихъ отрядныхъ тяжестей, поставлены были въ войска съ подряда ташкентскимъ 1-й гильдіи купцомъ Громовымъ, съ платою 22 рубля съ каждаго верблюда, за весь путь отъ укр. Петро-Александровскаго до Джизака. Результатъ этого способа снабженія степныхъ отрядовъ вьючными животными превзошелъ всякія ожиданія: войска совершили обратный походъ безъ малѣйшихъ задержекъ отъ недоброкачественности верблюдовъ, шли безостановочно, и процентъ отсталыхъ и палыхъ вьючныхъ животныхъ былъ самый ничтожный. Наоборотъ, въ передній путь верблюды у насъ, какъ извѣстно, валились сотнями, тысячами, и все направленіе движенія туркестанскаго отряда рѣзко обозначалось въ степи трупами брошенныхъ по пути слѣдованія вьючныхъ животныхъ.

Срокъ для достиженія хивинскихъ предѣловъ отрядами войскъ всѣхъ трехъ округовъ, въ общемъ планѣ кампаніи, опредѣленъ былъ 1-го мая. Въ дѣйствительности, ни одинъ изъ отрядовъ не выполнилъ этого срока. На пути движенія каждаго изъ нихъ встрѣтились такія затрудненія и остановки, которыя отдалили означенный срокъ для всѣхъ трехъ отрядовъ почти на двѣ недѣли. Войска всѣхъ трехъ отрядовъ подошли собственно къ культурному оазису Хивинскаго ханства только въ десятыхъ числахъ мая, а именно: туркестанскій отрядъ вышелъ на Аму-дарью 11-го мая, оренбургскій—занялъ Кунградъ 8-го мая и мангишлакскій — прибылъ въ Кунградъ 12-го мая (1).

Въ первую половину похода, войска всѣхъ трехъ округовъ, отъ разныхъ причинъ, встрѣтили слѣдующія остановки: войска кавказскаго округа—сначала вслѣдствіе неудачнаго сбора верблюдовъ на Атрекѣ, а потомъ недостаточнаго числа вьючныхъ животныхъ, собранныхъ на Мангишлакѣ; оренбургскій отрядъ задержанъ былъ въ Эмбенскомъ посту несвоевременнымъ прибытіемъ туда обозовъ и всѣхъ тя-

(1) Интересный фактъ: туркестанскія войска и кавказскія мангишлакскаго отряда вышли изъ песчаныхъ, маловодныхъ пустынь совершенно одновременно. *Утромъ 11-го мая* туркестанскій отрядъ вышелъ изъ песковъ къ Аму-дарьѣ и *утромъ же 11-го мая* мангишлакскій отрядъ спустился съ чинка Устюрта на высохшее дно Айбугира. Для обоихъ отрядовъ одновременно насталъ конецъ страданіямъ и лишеніямъ отъ движенія по нескамъ и по колодцамъ съ отвратительною, въ маломъ количествѣ, водою. Утромъ 11-го мая войска обоихъ отрядовъ пили рѣчную аму-дарьинскую воду.

жестей, задержанныхъ въ пути большими снѣгами и степными буранами; наконецъ, туркестанскій отрядъ замедлилъ свой маршъ остановками: 1) на Аристанъ - бель - кудукъ— вслѣдствіе медленнаго слѣдованія интендантскихъ транспортовъ, что въ свою очередь зависѣло отъ крайне неудовлетворительнаго состоянія верблюдовъ, бывшихъ подъ этими транспортами; 2) на безводномъ, по сыпучимъ пескамъ, переходѣ отъ Халъ-ата до Учъ-учака—вслѣдствіе причинъ, подробно изложенныхъ въ своемъ мѣстѣ, и 3) на позиціи у Каравака, тотчасъ по переправѣ на лѣвый берегъ Амударьи—по случаю отправки всѣхъ верблюдовъ, бывшихъ при отрядѣ, съ праваго берега назадъ на Аты - кудукъ, Адамъ - крылганъ и Халъ-ата, и по случаю сформированія, для дальнѣйшаго слѣдованія, новаго обоза изъ туземныхъ арбъ.

Такимъ образомъ, не смотря на разнообразіе условій и разность причинъ, встрѣченныхъ каждымъ отрядомъ на пути задержекъ и остановокъ, мы видимъ, тѣмъ не менѣе, что всѣ они, какъ сказано выше, вступили въ культурный хивинскій оазисъ почти одновременно, т. е. 8-го, 11-го и 12 го мая, а къ пункту, коему долженъ былъ быть, по предначертанію, нанесенъ главный ударъ—къ столицѣ ханства— войска трехъ округовъ подошли: кавказскаго и оренбургскаго—28-го мая и туркестанскаго—29-го мая.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ «Описанію дѣйствій туркестанскаго отряда въ хивинскую экспедицію 1873 года».

I. МАРШРУТЫ.

1) Маршрутъ для слѣдованія войскъ изъ Ташкента на р. Клы.

Разстоянія.	НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Мѣсяцы и числа прихода эшелоновъ на ночлеги и дневки.				
		1-го	2-го.	3-го	4-го	5-го.
		Конная батарея, ракетный дивизіонъ и рота саперъ.	Четыре стрѣлковыя роты.	Главная квартира и сборная сотня.	Двѣ стрѣлковыя и двѣ линейныя роты, сотня и походный лазаретъ.	Два оруд. перв. батар., артиллерійскій и инженерн. парки и 1 сотня.
		М	А	Р	Т	А
19¾	Ніязъ-башъ . .	1.	2.	3.	4.	5.
22	Старый-Ташкентъ .	2.	3.	4.	5.	6.
22	Укр. Чиназъ .	3 и *4*.	4 и *5*.	5 и *6*.	6 и *7*.	7 и *9*
23	Малекъ . .	5.	6.	7.	8.	9.
33¾	Мурза-рабатъ .	6.	7.	8.	9.	10.
29¾	Агачлы . .	7.	8.	9.	10.	11.
20	Учъ-тюбе . .	8.	9.	10.	11.	12.
14	Р. Клы .	9.	10.	11.	12.	13.

Итого: число верстъ 174¼
— переходовъ . 8.
число дневокъ . . 1.
Всего дней марша 9.

Примѣчаніе. Простыя цифры означаютъ дни прибытія на ночлеги, а курсивныя—дневки.

2) Маршрутъ для слѣдованія войскъ изъ Ура-тюбе и Ходжента на р. Клы.

Разстоянія.	НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Мѣсяцъ и числа прихода войскъ на ночлеги и дневки.	
		Изъ Ура-тюбе.	Изъ Ходжента.
		М а р т а.	
25	Укр. Нау	—	5.
25	Сел. Науганды.	—	6.
15	Укр. Ура-тюбе.	—	7.
32	Сел. Саватъ	8.	8.
25	Укр. Заминъ	9 и *10*.	9 и *10*.
34	Сел. Нанъ-сангинъ	11.	11.
35	Р. Клы	12.	12.
	Итого: число верстъ . .	126.	191.
	— переходовъ .	4.	7.
	— дневокъ . .	1.	2.
	Всего дней марша . .	5.	9.

Примѣчаніе. Простыя цифры означаютъ дни прибытія на ночлеги, а курсивныя—дневки.

3) Маршрутъ для слѣдованія джизакскаго отряда отъ р. Клы до Буканскихъ горъ.

Разстоянія.	НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Мѣсяцы и числа прихода эшелоновъ на ночлеги и дневки.			
		1-го.	2-го.	3-го.	4-го.
		М А Р Т А.			
33	Сел. Нурекъ . .	13.	14	15.	16.
35	— Учма . .	14.	15.	16.	17.
16	— Фаришъ . .	15 и *16.*	16 и *17.*	17 и *18.*	18 и *19.*
18	— Синтабъ . .	17.	18.	19.	20.
25½	— Темиръ-кобукъ .	18 и *19.*	19 и *20.*	20 и *21.*	21, *22—23.*
26	Кол. Балта-салдыръ.	20.	21.	22.	24.

	Южная колонна.	Мѣсяцы и числа прихода эшелоновъ на ночлеги и дневки.			
	НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	½ 1 го.	½ 2-го.	½ 3-го.	½ 4-го
		М А Р Т А.			
31	Кол. Кошъ-байги .	21	22	23 и *24*	25
25¾	— Баймапъ-таиты .	22	23 и *24*	25	26 и *27*
19¼	— Масчи . .	23 и *24*	25	26 и *27*	28
15	— Аякъ . .	25	26 и *27*	28	29
28½	— Арпстапъ-бель .	26 и *27*	28	29	30
31½	— Мурунъ . .	28	29	30	31
21	Уроч. Тамды . .	29 и *30*	30 и *31*	31 марта и *1 апрѣля*	апрѣля 1 и *2*

	Сѣверная колонна.	Мѣсяцы и числа прихода эшелоновъ на ночлеги и дневки.			
	НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	½ 1-го.	½ 2-го.	½ 3-го.	½ 4-го.
		М А Р Т А.			
32	Кол. Бишъ-чапанъ .	21	22	23 и *24*	25
30	— Утаръ . .	22	23 и *24*	25	26 и *27*
28	— Джаны-кудукъ	23 и *24*	25	26 и *27*	28
30	— Яны-казганъ .	25	26 и *27*	28	29
23½	— Рру . .	26 и *27*	28	29	30
14	— Кидери . .	28	29	30	31
38	Уроч. Тамды . .	29 и *30*	30 и *31*	31 марта и *1 апрѣля*	апрѣля 1 и *2.*

	НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Мѣсяцы и числа прихода эшелоновъ на ночлеги и дневки			
		1-го.	2-го.	3-го.	4-го.
		Марта.	А П Р Ѣ Л Я		
12	Кол. Адинъ-бай .	31	1	2	3
23	— Бишъ-булакъ .	Апр. 1	2	3	4
40	Кокпотасъ . .	2	3	4	5
23	Въ недалекомъ разстояніи. Кол. Юзъ-кудукъ, — Бокъ-тюканъ, — Сартъ-казганъ, — Назмкъ-казганъ.	3	4	5	6

	Для южной колонны.	Для сѣверной колонны.
Итого: число верстъ. .	124	147
— переходовъ .	17	17
— дневокъ .	5	5
Всего дней марша . .	22	22

Примѣчаніе. Простыя цифры означаютъ дни прибытія на ночлеги, а курсивныя—дневки.

4) Маршруты для слѣдованія интендантскаго транспорта.

а) Для слѣдованія обоза съ 30-дневнымъ провіантомъ отъ Ташкента до р. Клы.

Разстоянія.	НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Мѣсяцы и числа прихода на ночлеги и дневки.
41¾	Старый-Ташкентъ	27 февраля
22	Чиназъ	28 —
		и *1 марта.*
20	Кол. Чани-бай.	марта 2.
35	Мурза-рабатъ	— 3.
29¾	Агачлы	— 4.
20	Учъ-тюбе	— 5.
14	Клы	— 6.

Итого: число верстъ . . . . . 182½.
— переходовъ 7
— дневокъ . . . 1 (для переправ.)
Всего дней марша . . . 8.

б) для слѣдованія остальной части интендантскаго обоза и 1-й сотни отъ Ташкента до р. Клы.

Разстоянія.	НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Мѣсяцы и числа прихода на ночлеги и дневки.	
		1 эшелонъ.	2 эшелонъ.
		Марта	Марта
41¾	Старый-Ташкентъ . . .	11	12
22	Чиназъ	12 и *13*	13 и *14*
20	К Чани-бай	14	15
35	Мурза-рабатъ	15	16
29¾	Агачлы	16	17
20	Учъ-тюбе	—	—
14	Клы	17	18

Итого: число верстъ . . . . 182½.
— переходовъ . . . 7.
— дневокъ . . . . 1.
Всего дней марша . . . . 8.

Примѣчаніе. Простыя цифры означаютъ дни прибытія на ночлеги, а курсивныя—дневки

в) для слѣдованія интендантскаго транспорта отъ р. Клы до укр. Тамды.

Разстоянія.	Названіе ночлеговъ.
	Кол. Актасъ.
	— Балакты.
	— Уракбай.
	— Кумъ-кудукъ.
36	— Кариманъ.
	— Узунъ-кудукъ.
	— Птъ-рабатъ.
25	— Кель-тюбе.
	— Актасъ.
	— Турсунбай.
	— Джалды.
40	Разв. Ата.
	— Такыръ.
30	— Бекбасаръ.
	— Камысты.
	— Джаннакъ.
25	— Кизылъ-аръ.
	— Тай-салганъ.
30	— Кансаръ.
20	— Букбай.
21	— Чагыръ.
23	— Шайлямъ.
20	Кол. Аманчура.
22	— Курбантай.
25	— Тамды.
12	— Адинъ-бай.
23	— Бишъ-булакъ.
40	— Кокпотасъ.
23	— Юзъ-кудукъ.
	Итого верстъ. . . 415.

Примѣчаніе. Транспортъ долженъ прибыть въ Тамды не ранѣе 29-го марта и не позже 2-го апрѣля; распредѣленіе же марша (число переходовъ и дневокъ) предоставляется усмотрѣнію начальника транспорта.

II. Вѣдомость имуществу артиллерійскаго парка, взятому изъ Ташкента и Казалинска.

ИЗЪ КАКИХЪ ПУНКТОВЪ.	Количество.	Число вербюдовъ
Изъ Ходжента.		
2-й и 3-й комплекты зарядовъ для дивизіона 2-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады	1040	52
Изъ Ташкента.		
На 6 ротъ стрѣлковыхъ баталіоновъ 3 комплекта патроновъ	264960	69
На 5 ротъ линейнаго баталіона и на саперную команду: 6-ти-линейныхъ патроновъ	210800	35
На казачьи сотни 7-ми-линейныхъ патроновъ	12000	3
Капсюлей	270000	1
9-ти-фунт. зарядовъ на одинъ взводъ	180	44
4 хъ — — — батарею	2080	101
Боевыхъ ракетъ	160	4
Пороху артиллерійскаго	60 пуд.	5
— ружейнаго.	6 пуд.	
Сигнальныхъ ракетъ	20	по
Ненабитыхъ гильзъ	10	
Хвостовъ	60	одной
Мортиръ $^1/_2$-пудовыхъ гладкостѣнныхъ съ станками и принадлежностью	1	
Снарядовъ къ мортирамъ.	600	
Факеловъ	20	
Фонарей	8	
Вытяжныхъ трубокъ	4000	
Фитиля	200 саж.	
Палительныхъ свѣчей	50	
Лабораторная палатка	1	
Ракетныхъ станковъ	2	
Инструменты:	Серія.	
Лабораторный инструментъ для исправленія 6-ти и 7-ми-линейныхъ патроновъ	1	
Лабораторный инструментъ для 4-хъ и 9-тифунтовыхъ гранатъ	1	
Лабораторный инструментъ для снаряженія $^1/_2$-пудовыхъ сферическихъ гранатъ	1	
Кузнечный инструментъ.	1	
Слесарный	1	
Плотничный.	1	
Инструментъ для исправленія клиньевъ въ орудіяхъ, заряжающихся съ казенной части.	1	
Матеріаловъ и припасовъ:	Стоны.	
Картузной бумаги.	2	
Писчей бумаги	2	
	Аршинъ.	
Тесьмы киперной	100	
Шелковой ткани	100	
Шелковыхъ нитокъ	1 ф.	
Отвертокъ ружейныхъ	40	
Угля древеснаго	5 чет.	
Гвоздей однотесныхъ	20 ф	
— двухтесныхъ	1 пуд	
На стопинъ пряденой хлопчатой бумаги селитряной.	1 ф.	650
Гранатныхъ трубокъ набитыхъ	200	
— — ненабитыхъ	600	
Трубочнаго состава на 400 трубокъ.		одной
Холста подкладочнаго	50 ар.	
Смолы пику.	20 ф.	
Стекляди	20 ф.	
Зарядныхъ мѣшковъ къ мортиркамъ.	600	
Запасныхъ вещей:		
Кошмы	30 саж.	
Веревокъ пеньковыхъ	200 саж.	
Каната 4-дюймов.	1 скат.	
Итого		46
А всего.	—	311

Изъ Казалинска.		
Патроновъ малокалиберныхъ . . .	178560	46½
6-ти-линейныхъ . . .	90000	
Капсюлей	110000	18½
Отвертокъ ружейныхъ	10	
Зарядовъ къ 4-мъ горнымъ орудіямъ и запасныхъ вещей	784	42
Боевыхъ ракетъ на 1 взводъ . . .	80	2
Итого . .	—	109
А всего. .	—	472

III. Вѣдомость инструментамъ, матеріаламъ и припасамъ, числившимся въ походномъ инженерномъ паркѣ, который слѣдовалъ при туркестанской саперной ротѣ къ предѣламъ Хивинскаго ханства въ 1873 году.

НАЗВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Заготовлено при саперной ротѣ	Получено изъ складовъ: Ташкентскаго интендантскаго.	Получено изъ складовъ: Чиназскаго.	Поломано на работѣ
А) Инструменты.				
а) Для кузнечной работы.				
Фартуковъ кожаныхъ. . .	—	2	—	2
Наковальня кузнечная . . .	—	1	—	1
Мѣховъ кузнечныхъ	—	2	—	2
Клещей горновыхъ: большихъ . .	—	1	—	1
малыхъ . .	—	1	—	1
Молотковъ кузнечныхъ . . .	—	9	—	9
Гвоздильня	—	1	—	1
Зубилъ	—	1	—	1
Расчистка для копытъ . . .	1	—	—	1
Конные клещи	1	—	—	1
Гвоздильня для подковныхъ гвоздей .	1	—	—	1
Обушникъ для починки топоровъ . .	1	—	—	1
Подставка и оправка для гаекъ . .	2	—	—	2
Бородковъ большихъ	2	—	—	2
Терпугъ	1	—	—	1
Досокъ винтовальныхъ: большой руки .	—	1	—	2
средней руки .	—	1	—	1
малой руки .	—	1	—	1
Разводный ключь для отпайки гаекъ .	—	1	—	1
Сѣкачей (зубило)	—	2	—	2
б) Для плотничной работы.				
Топоровъ	23	65	—	88
Топорищъ	48	74	75	197
Продольныхъ пилъ маховыхъ . .	1	—	—	—
Пилъ лучковыхъ съ станками . .	—	4	—	4
Буравовъ большой руки . . .	3	—	—	3
Буравчиковъ	—	17	—	17
Долотъ	—	40	—	40
Точилъ печерныхъ съ однимъ веретеномъ.	—	2	—	1
Разводокъ.	—	2	—	2
Чертъ	—	5	—	5
Аршиновъ складныхъ. . . .	—	5	—	5
Коловоротовъ съ 12 перками . .	—	2	—	2
Циркулей желѣзныхъ. . . .	—	2	—	2
Клещей	—	1	—	1
Рашпелей большихъ	—	2	—	2
Напарьевъ: большихъ. . . .	—	6	—	6
среднихъ	—	6	—	6
малыхъ . . .	—	6	—	6
Брусковъ печерныхъ русскихъ . .	—	20	—	20
Пилъ: поперечныхъ	—	—	4	4
малыхъ	—	1	—	1
среднихъ.	—	1	—	1

Шерхебель	—	10	—	10
Рубанковъ ординарныхъ . . .	—	26	—	26
Скобелей полукруглыхъ . . .	—	—	2	2
Ложекъ ступочныхъ	—	1	—	1
в) Для столярной и слесарной работы.				
Коловоротъ нажимной слесарный . .	1	—	—	1
Сверлъ для сверленія желѣза и чугуна .	2	—	—	2
Личной трегранокъ	1	—	—	1
Личныхъ пилъ	1	—	—	1
Пилъ: ножовокъ	1	—	—	1
слесарныхъ	—	2	—	2
Воротковъ	2	—	—	2
Тисковъ стуловыхъ большихъ . .	—	1	—	1
Брусовокъ	—	—	—	—
Подпилковъ: слесарныхъ . . .	—	6	—	6
трехгранныхъ . . .	—	24	—	24
полукруглыхъ . . .	—	24	—	24
круглыхъ . . .	—	24	—	24
Долотъ столярныхъ	—	5	—	5
Стамесокъ: большихъ	—	5	—	5
среднихъ	—	5	—	5
малыхъ	—	5	—	5
Тиски ручные	—	1	—	1
Малыхъ круглыхъ пилъ . . .	—	1	—	1
полукруглыхъ . . .	—	1	—	1
трехгранныхъ . . .	—	1	—	1
Дрель со сверлами	—	1	—	1
г) Для каменной работы.				
Ломовъ	—	20	—	20
Молотковъ	—	100	—	90
Лопатокъ	—	100	—	90
Ложекъ цилиндрическихъ . . .	—	1	—	1
Клиньевъ желѣзныхъ	—	2	4	2
Сверлъ: длиною 2′ толщиною 1″ .				
— — 2′ — $1^1/_2$″ .				
Ложекъ желѣзныхъ въ 2′ и $1^1/_2$′ .				
Пратравниковыхъ мѣдныхъ . . .				
д) Для земляныхъ работъ.				
Кетменей	10	60	—	330
Лопатъ	—	300	—	150
Черенки къ кетменямъ и лопатамъ .	180	530	—	500
Мотыгъ	—	37	—	37
Къ нимъ черенковъ	—	37	—	37
Кирокъ	16	—	—	16
Къ нимъ черенковъ	—	16	—	10
Б) Матеріалы.				
Стали простой пуд.	—	1	—	1
Желѣза: полосоваго	—	10	—	4
рѣзнаго	—	11	—	4
шиннаго	—	4	—	4
Угля пуд.	12	—	—	3
В) Припасы.				
Аркановъ пуд.	20	20	—	40
Кошемъ (войлоки туземные) саж. .	25	—	—	25
Земленосныхъ мѣшковъ шт. . .	—	4000	—	4000
Лента размѣрная въ 15 саж. . .	—	1	—	1
Стульевъ для наковаленъ . . .	3	—	—	3
Лѣстницъ штурмовыхъ съ оковками .	4	—	—	1
Оковокъ на 5 лѣстницъ шт. . .	60	—	—	60
Впалъ для установки штурмовыхъ лѣстницъ шт.	10	—	—	10
Жердей	10	—	—	10
Лѣсенокъ для вьючки верблюдовъ .	—	120	—	—
Коса для рѣзки камыша (горбушъ) .	—	25	—	25
Зрительная труба	—	1	—	—
Портоновъ колодезь	1	—	—	1

III. Смѣта экспедиціонныхъ расходовъ полеваго управленія войскъ Туркестанскаго военнаго округа, дѣйствующихъ противъ Хивы.

Статьи смѣты.	Предметы расходовъ и основанія назначеній.	Сумма. Руб.	К
	§. 1.		
	Экстраординарная сумма въ непосредственное распоряженіе командующаго войсками округа	50000	—
	На основаніи свода воен. постановленій, изд 1869 г., кн. IV, ст. 135.		
	§ 2.		
1	Пособіе въ размѣрѣ подъемныхъ денегъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и классным чинамъ военнаго вѣдомства . . .	68000	—
	Размѣръ пособія опредѣленъ по ст. 2538, кн. III, ч. IV св. воен. пост. изд. 1859 г.		
2	На покупку лошадей, на заведеніе походной одежды, на улучшеніе пищи писарямъ, фельдшерамъ и кондукторамъ	4250	—
	По примѣру бывшей бухарской экспедиціи, въ виду мѣстныхъ особенностей.		
3	На наемъ и содержаніе джигитовъ . .	4380	—
	Вызывается условіями степной войны.		
4	На содержаніе проводниковъ	2000	—
	На основаніи св. воен. пост. изд. 1869 г., кн. IV, ст 117.		
5	На канцелярскіе расходы, на покупку юламеекъ и обзаведеніе полеваго и отряднаго штабовъ	600	—
	Вызывается мѣстными условіями.		
6	На устройство полевой почтовой части .	6660	—
	На основаніи св. воен пост. изд. 1869 г., кн. IV, ст. 415, и по неимѣнію особаго на сей предметъ источника		
7	На устройство двухъ походныхъ лазаретовъ.	5184	—
	На основаніи того же свода, ст. 330.		
8	На покупку турсуковъ для перевозки воды .	2000	—
	Вызывается особыми условіями предстоящаго похода.		
9	На снаряженіе ботанической экспедиціи при отрядѣ	750	—
	Вызывается отсутствіемъ данныхъ о флорѣ страны, по которой предстоитъ движеніе отряда		
10	На покупку лошадей для горнаго дивизіона	200	—
	По неимѣнію на этотъ предметъ особаго источника.		
11	На покупку необходимыхъ въ походѣ вещей для нештатной команды при артиллерійскомъ паркѣ	124	—
	Тоже.		
12	На экстренные расходы по командированію эскадры въ Аральское море и на заготовленіе саксаула	7000	—
	Тоже.		
13	На довольствіе мастеровъ при понтонахъ, на 4 мѣсяца	380	—
	Тоже.		
14	На устройство колодца въ Голодной степи, на пути слѣдованія отряда	30	90
	По причинѣ необходимости разчистить колодезь на станціи Малекъ.		

15	На заготовленіе чаю и сахару для войскъ на время похода	14000	—
	На основаніи Высочайше утвержденнаго 27-го іюня 1872 года положенія военнаго совѣта.		
16	На покупку уксуса для частей войскъ джизакскаго отряда	734	—
	Въ видахъ сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ, на основаніи 2488 ст., III кн., IV ч., св. воен. пост. изд. 1859 г.		
17	На покупку конины нижнимъ чинамъ того же отряда для подстилки	3600	—
	На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія военнаго совѣта 27-го марта 1868 г.		
18	На снаряженіе казалинскаго и перовскаго отрядовъ предметами разныхъ видовъ довольствія, въ дополненіе къ исчисленнымъ по смѣтнымъ суммамъ, приблизительно . . .	45000	—
	Основанія назначеній изъ этой суммы тѣ же, какъ и въ вышеприведенныхъ статьяхъ.		
19	На натуральные раціоны собственно за сѣно.	32000	—
	На основаніи ст. 2495 и 2497, III кн., IV ч., св. воен. пост. изд. 1859 года, расходъ этотъ не можетъ быть отнесенъ на интендантскую смѣту, ибо, на основаніи Высочайше утвержденнаго 23-го января 1871 года положенія военнаго совѣта, Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству, 1865 года, за № 82, и согласно табели, приложенной къ 2499 ст. того же свода по 2-му продолженію, натуральные раціоны офицерамъ и класснымъ чинамъ войскъ округа полагаются въ одномъ ячменѣ, безъ сѣна.		
20	На наемъ 6591 верблюда для поднятія интендантскаго транспорта съ продовольственными припасами для всѣхъ войскъ туркестанскаго отряда, полагая по 10 руб. въ мѣсяцъ за каждаго, а на 2 мѣсяца—131.820 руб. На наемъ 2116 верблюдовъ, подъ сгозъ войсковыхъ тяжестей, по 10 руб. за каждаго, а на 4 мѣсяца—84.640 руб..	216460	—
	На основаніи положенія объ интендантскомъ транспортѣ. Приложеніе къ ст. 191, IV кн., св. воен. пост. изд. 1869 года.		
21	На перевозку предметовъ интендантскаго довольствія изъ Ташкента на сборный складочный пунктъ джизакскаго отряда на урочищѣ Тамды, въ запасъ на довольствіе сего отряда въ размѣрѣ мѣсячной пропорціи и особо для гарнизона на семъ пунктѣ на 4 мѣсяца, по числу 25.000 пуд., считая приблизительно .	20830	50
	По невозможности отнести расходъ этотъ на кредитъ по интендантской смѣтѣ на 1873 годъ, такъ какъ кредитъ этотъ исключительно предназначенъ на перевозку въ Туркестанскомъ округѣ припасовъ, вещей, разныхъ предметовъ интендантскаго довольствія, медикаментовъ и проч. по опредѣленному количеству тяжестей.		
22	На жалованье караванъ-башамъ 82 и лаучамъ 1244, всего 1326 чел., по 15 к. въ сутки, на 4 мѣсяца	23868	—
	На основаніи положенія объ интендантскомъ транспортѣ. Приложеніе къ ст. 191, IV кн., св. воен. пост. изд. 1869 года.		
23	На покупку лѣсенокъ, веревокъ и другихъ матеріаловъ для устройства вьюковъ . .	8000	—
	На основаніи положенія объ интендантскомъ транспортѣ. Приложеніе къ ст. 191, IV кн., св. воен. пост. изд. 1869 г.		
	Всего	516351	10
	Въ то число ассигновано	287300	—
	Затѣмъ недостаетъ	229051	10

IV. Инструкція о порядкѣ пріема и отпуска денежныхъ суммъ по удовлетворенію потребностей войскъ, дѣйствующихъ противъ Хивы.

Организація кассы.

§ 1) При главной квартирѣ дѣйствующихъ противъ Хивы войскъ учреждается касса, которая принимаетъ всѣ денежныя суммы, какія будутъ истребованы изъ казначействъ министерства финансовъ для удовлетворенія частей войскъ разными видами довольствія, а также и случайные доходы, если таковые окажутся по пути слѣдованія отрядовъ; на эту-же кассу возлагается расходованіе денежныхъ суммъ, руководствуясь, какъ въ пріемѣ, такъ и въ отпускѣ ихъ, ниже указанными основаніями.

§ 2) Касса состоитъ въ непосредственномъ завѣдываніи походнаго интенданта войскъ дѣйствующаго противъ Хивы отряда.

§ 3) Для веденія дѣлъ кассы назначаются казначей и бухгалтеръ, приказомъ командующаго войсками Туркестанскаго округа, по представленію окружнаго интенданта.

§ 4) Денежныя суммы кассы хранятся въ ящикахъ, слѣдующихъ при главной квартирѣ подъ охраною конвоя.

§ 5) Вынутіе денегъ изъ сихъ ящиковъ и обратный вкладъ ихъ производится казначеемъ, при непремѣнномъ присутствіи бухгалтера; при чемъ оба эти лица прикладываютъ къ ящикамъ печати свои на восковыхъ слѣпкахъ.

Предметы дѣйствій кассы.

А) По пріему суммъ.

§ 6) Касса принимаетъ подъ росписку казначея:

1) Экспедиціонную сумму, изъ Высочайше разрѣшеннаго на расходы по экспедиціи кредита въ количествѣ 287.300 р., въ размѣрѣ свободнаго остатка, за произведенными уже изъ сего кредита расходами на снаряженіе войскъ въ походъ.

2) Суммы, какія будутъ истребованы по ассигновкамъ распорядительныхъ управленій авансами изъ кассъ министерства финансовъ, для удовлетворенія частей войскъ дѣйствующаго отряда всѣми предметами денежнаго довольствія, опредѣленнаго законами, штатами, положеніями и табелями.

3) Суммы, какія могутъ быть возвращаемы частями войскъ дѣйствующаго отряда на возстановленіе кредитовъ по разнымъ случаямъ, какъ-то: оставшіяся невыданными прямымъ кредиторамъ, неизрасходованными на предметъ назначенія, и т. д.

4) Суммы, какія могутъ поступать въ доходъ казны, какъ-то: подати, если таковыя будутъ собраны съ населенія за предѣлами Туркестанскаго генералъ-губернаторства, реквизиціонныя и контрибуціонныя суммы, и т. д.

§ 7) Суммы, возвращаемыя на возстановленіе кредитовъ и представляемыя въ доходъ казны, должны быть доставляемы въ кассу при оффиціальныхъ отношеніяхъ начальниковъ частей войскъ и учрежденій, отъ которыхъ передаются деньги, при чемъ сдатчики удостовѣряютъ своею подписью надлежащія приходныя статьи въ кассовой книгѣ кассы и получаютъ отъ казначея квитанцію, которая должна быть и за подписью бухгалтера.

§ 8) Суммы, не подходящія къ четыремъ означеннымъ видамъ и составляющія собственность частей войскъ, какъ напримѣръ: экономическія суммы, могутъ быть принимаемы кассою только въ такомъ случаѣ, если ея наличный фондъ требуетъ подкрѣпленія и не можетъ быть подкрѣпленъ своевременно изъ кассъ министерства финансовъ; пріемъ таковыхъ суммъ производится не иначе, какъ по особымъ распоряженіямъ командующаго войсками, дѣйствующими противъ Хивы.

Б) По отпуску суммъ.

§ 9) Касса производитъ расходы: изъ экспедиціонной

суммы по предписаніямъ командующаго войсками, дѣйствующими противъ Хивы, а изъ остальныхъ источниковъ — по предписаніямъ начальника туркестанскаго отряда и начальниковъ отдѣловъ главной квартиры.

Примѣчаніе. Въ предписаніяхъ должно быть обозначено, какую сумму надлежитъ уплатить металлическою монетою, особо золотомъ и серебромъ, а также и туземною монетою.

§ 10) Каждый распорядитель можетъ давать предписанія на производство расходовъ изъ тѣхъ лишь источниковъ, которые будутъ состоять по счетамъ кассы въ его непосредственномъ распоряженіи; при чемъ по предписаніямъ начальника туркестанскаго отряда удовлетворяются содержаніемъ гражданскіе чины отряднаго штаба изъ кредитовъ военно народнаго управленія, а по предписаніямъ начальника полеваго штаба производятся расходы изъ того же кредита по содержанію гражданскихъ чиновъ главной квартиры.

§ 11) Касса производитъ по предписаніямъ расходы какъ прямые, т. е. отпускаетъ суммы по разсчетамъ, означеннымъ въ предписаніяхъ, такъ и авансовые; сіи послѣдніе только въ размѣрахъ, указанныхъ ниже сего, въ § 49.

§ 12) Каждый безусловно отпускъ денежной суммы производится подъ росписку получателя, означеннаго въ предписаніи; росписка получателя отбирается подъ расходною статьею кассовой книги. Получатель, означенный въ предписаніи, можетъ уполномочить другое лицо для полученія денегъ изъ кассы, и касса удовлетворяетъ довѣреннаго по полученіи отъ него засвидѣтельствованной надлежащимъ порядкомъ довѣренности.

§ 13) О каждомъ произведенномъ отпускѣ денежной суммы касса доноситъ лицу, по предписанію котораго произведенъ отпускъ, прописывая въ рапортѣ своемъ сумму произведеннаго отпуска словами, а не цифрами.

Счетоводство кассы.

§ 14) Касса ведетъ, по прилагаемымъ при семъ формамъ, двѣ книги: кассовую и бухгалтерскую; книги эти выдаются за скрѣпою, шнуромъ и печатью туркестанской контрольной палаты.

§ 15) Въ кассовую книгу записываются только дѣйствительный приходъ и расходъ денежныхъ суммъ, а въ бухгалтерскую, независимо отъ дѣйствительнаго прихода и расхода денежныхъ суммъ, включаются и обороты, если въ таковыхъ встрѣтится надобность, по переводу кредитовъ изъ одного смѣтнаго подраздѣленія въ другое одной и той же смѣты, или изъ одной смѣты въ другую

Примѣчаніе. Наша металлическая монета, если курсъ ея будетъ повышенъ сравнительно съ номинальнымъ, записывается въ приходъ по курсовой стоимости.

§ 16) Каждая приходная и расходная статья свидѣтельствуется надписью казначея и бухгалтера.

§ 17) По окончаніи пріема и отпуска денежныхъ суммъ, касса представляетъ—на дневкахъ, а во время продолжительной остановки отряда—ежедневно, начальнику полеваго походнаго штаба и походному интенданту, краткую записку о количествѣ имѣющейся наличной суммы.

Свидѣтельство наличныхъ суммъ кассы.

§ 18) Наличность денежныхъ суммъ кассы свидѣтельствуется по окончаніи каждаго мѣсяца коммиссіею, состоящею изъ предсѣдателя и членовъ, которая назначается командующимъ войсками, дѣйствующими противъ Хивы.

§ 19) По его-же распоряженію производится, особо назначаемыми имъ лицами, внезапное освидѣтельствованіе наличныхъ суммъ кассы во всякое время.

§ 20) Объ освидѣтельствованіи, какъ ежемѣсячномъ, такъ и внезапномъ, составляется актъ и дѣлается въ кассовой книгѣ установленная надпись.

Исчисленіе суммъ, которыми должна быть снабжена касса.

§ 21) Для удовлетворенія войскъ дѣйствующихъ противъ Хивы и ихъ управленій денежнымъ довольствіемъ, на опредѣленныя финансовыми смѣтами потребности, военно-окружныя и военно-народныя управленія должны составить исчисленія о причитающейся къ отпуску изъ казначействъ министерства финансовъ суммѣ, въ размѣрѣ шестимѣсячной пропорціи.

§ 22) Предварительно истребованія изъ казначействъ министерства финансовъ, находящихся въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, денежныхъ суммъ по составленнымъ исчисленіямъ, распорядительныя управленія входятъ въ соглашеніе съ мѣстною казенною палатою какъ объ общемъ размѣрѣ предстоящей къ истребованію денежной суммы, такъ и о размѣрахъ авансовъ по каждому смѣтному подраздѣленію.

§ 23) По окончательномъ соглашеніи о размѣрахъ денежныхъ суммъ, возможныхъ къ отпуску безъ отягощенія наличныхъ фондовъ казначействъ министерства финансовъ, распорядительныя управленія требуютъ по ассигновкамъ отпуска авансовъ, подъ росписку казначея, который будетъ назначенъ управлять кассою при главной квартирѣ.

§ 24) Авансы сіи могутъ быть требуемы только въ предѣлахъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ кредитовъ, числящихся, за произведенными расходами, свободными по счетамъ казначействъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства, и выдаются на потребности, обязательно удовлетворяемыя, въ обыкновенное время, какъ по прямымъ ассигновкамъ, такъ и по авансовымъ.

Распоряженіе истребованными суммами.

§ 25) Уполномоченные, на время движенія войскъ, дѣйствующихъ противъ Хивы, распорядители денежными суммами могутъ давать предписанія кассѣ, учрежденной при главной квартирѣ, на производство расходовъ, не выходя за предѣлы авансовъ по каждому смѣтному подраздѣленію, которые будутъ истребованы изъ казначействъ министерства финансовъ.

§ 26) Касса обязана *отказать* въ удовлетвореніи предписанія, если по счетамъ ея не имѣется свободныхъ суммъ по тому смѣтному подраздѣленію, на которое предписано произвесть расходъ. Таковой отказъ кассы долженъ послѣдовать немедленно по полученіи предписанія.

§ 27) Если по непредвидимымъ обстоятельствамъ окажется необходимымъ усилить рессурсъ одного смѣтнаго подраздѣленія на счетъ другаго, то уполномоченные распорядители могутъ предписывать кассѣ сдѣлать переводъ по ея бухгалтерской книгѣ денежныхъ суммъ изъ одного смѣтнаго подраздѣленія въ другое. Уполномоченные распорядители могутъ дѣлать таковые переводы только изъ литеры въ литеру одной и той-же статьи и изъ статьи въ статью одного и того-же параграфа.

§ 28) По предписаніямъ командующаго войсками, дѣйствующими противъ Хивы, касса дѣлаетъ таковые переводы какъ изъ одного параграфа въ другой одной и той-же смѣты, такъ и изъ смѣты одного управленія въ смѣту другаго.

§ 29) Въ обстоятельствахъ, не терпящихъ отлагательства, по предписанію командующаго войсками можетъ быть расходуемъ наличный фондъ какъ суммы случайныхъ доходовъ, поступившихъ въ кассу при главной квартирѣ, такъ и суммы, принадлежащія собственно частямъ войскъ, могущія быть переданными въ кассу (§ 8).

§ 30) Въ такихъ обстоятельствахъ, по бухгалтерской книгѣ кассы и по предписанію командующаго войсками дѣлается переводъ суммъ: по случайнымъ доходамъ—изъ счета случайныхъ доходовъ и по суммамъ, принадлежащимъ частямъ войскъ, изъ счета партикулярныхъ суммъ въ счеты тѣхъ суммъ, смѣтные источники которыхъ представляется необходимымъ усилить экстреннымъ рессурсомъ.

§ 31) По полученіи подкрѣпленія изъ кассъ министерства финансовъ по тѣмъ смѣтнымъ источникамъ, которые усилены переводами изъ счетовъ случайныхъ доходовъ и партикулярныхъ суммъ, касса входитъ немедленно съ представленіемъ къ командующему войсками дѣйствующаго отряда о необходимости сдѣлать обратный переводъ на пополненіе позаимствованныхъ суммъ въ счеты случайныхъ доходовъ и партикулярныхъ суммъ. Переводы таковые совершаются по предписаніямъ командующаго войсками.

§ 32) Уполномоченные, на время движенія войскъ за предѣлами округа, распорядители денежными суммами обязаны сличать оборотъ денежныхъ суммъ по своимъ свѣдѣніямъ со счетами кассы.

§ 33) Наблюденіе за своевременнымъ подкрѣпленіемъ фонда кассы, состоящей при главной квартирѣ, изъ средствъ, имѣющихся въ казначействахъ министерства финансовъ, лежитъ на обязанности распорядителей, которые представляютъ о семъ командующему войсками. Порядокъ доставленія денежныхъ суммъ изъ казначействъ министерства финансовъ въ кассу при главной квартирѣ зависитъ отъ тѣхъ средствъ сообщенія, которыя будутъ устроены между главною квартирою и городомъ Ташкентомъ.

§ 34) Назначеніе изъ дѣйствующаго отряда офицеровъ и чиновниковъ за полученіемъ денежныхъ суммъ изъ казначействъ министерства финансовъ для доставленія въ кассу при главной квартирѣ зависитъ отъ усмотрѣнія командующаго войсками, а если представится посылка денежныхъ суммъ безъ назначенія нарочнаго изъ главной квартиры, то выборъ офицера или чиновника для этой надобности производится по распоряженію штаба войскъ Туркестанскаго округа.

Порядокъ подкрѣпленія денежными суммами при главной квартирѣ.

§ 35) Если военныя обстоятельства укажутъ, что первоначальное снабженіе кассы при главной квартирѣ авансами (§§ 23—24) будетъ недостаточно для послѣдующаго удовлетворенія военныхъ потребностей, то уполномоченные распорядители входятъ, чрезъ полевой походный штабъ, въ сношеніе съ военно-окружными и военно-народными управленіями объ ассигнованіи новыхъ авансовъ.

§ 36) По ассигновкамъ военно-окружныхъ и военно-народныхъ управленій казначейства министерства финансовъ выдаютъ вторые авансы и ранѣе представленія счетовъ въ израсходованіи первыхъ по одному и тому же смѣтному подраздѣленію, но третьи авансы выдаются по представленіи лишь счетовъ въ первыхъ авансахъ, четвертые—по представленіи во вторыхъ, и т. д.

§ 37) Размѣры вторыхъ и послѣдующихъ авансовъ опредѣляются по взаимному соглашенію военно-окружныхъ и военно-народныхъ управленій съ мѣстною казенною палатою.

Порядокъ отчетности.

А) Кассы при главной квартирѣ.

§ 38) *По пріему суммъ.* Документами по пріему денежныхъ суммъ служатъ отношенія мѣстъ и лицъ, препровождающихъ деньги, при чемъ мѣста сіи и лица обязаны приложить при своихъ отношеніяхъ всѣ разсчеты, свѣдѣнія и документы, изъ которыхъ контроль, при ревизіи отчетности, могъ-бы безъ всякаго затрудненія убѣдиться въ правильности передачи денежныхъ суммъ въ кассу. Къ приходнымъ статьямъ по пріему первыхъ авансовъ не прилагается никакихъ документовъ.

Примѣчаніе. Количество представляемой въ кассу металлической монеты должно быть обозначаемо въ препроводительныхъ бумагахъ особыми цифрами и по родамъ монеты: полуимперіалами, рублями, гиллями, коканами и т. д.

§ 39) По случайнымъ доходамъ, мѣста и лица, препровождающія деньги въ кассу, обязаны подтвердить размѣры

поступленій тѣми предписаніями начальствующихъ лицъ, по которымъ возникли случайные доходы, каковы: подати, реквизиціонныя, контрибуціонныя суммы и вообще поступленія, какія могутъ возникнуть непосредственно изъ источниковъ тѣхъ мѣстностей, которыя будутъ заняты войсками за предѣлами Туркестанскаго округа.

§ 40) *По отпуску суммъ.* Документами по отпуску суммъ служатъ предписанія командующаго войсками дѣйствующаго отряда и прочихъ распорядителей, а удостовѣреніемъ въ дѣйствительномъ отпускѣ суммъ—росписки получателей въ кассовой книгѣ. Получатели, которымъ будетъ выдана металлическая монета, должны обозначить въ росписке своей количество оной особою цифрою, съ обозначеніемъ рода монеты: полуимперіалами, рублями и т. д.

§ 41) По закрытіи кассы, а если касса не будетъ закрыта до истеченія года, то по истеченіи года, касса представляетъ безъ всякаго промедленія, черезъ штабъ командующаго войсками, въ туркестанскую контрольную палату заключенныя кассовую и бухгалтерскую книги, съ подлинными документами по пріему и отпуску денежныхъ суммъ, остатки которыхъ, по закрытіи кассы, передаются немедленно въ казначейства министерства финансовъ.

§ 42) По обревизованіи отчетности, туркестанская контрольная палата выдаетъ кассѣ квитанцію по правиламъ и формамъ, установленнымъ для выдачи квитанцій казначействамъ вообще и кассамъ спеціальныхъ сборщиковъ.

Б) Распорядителей.

§ 43) *По доходамъ.* Всѣ документы по поступленію доходовъ должны быть препровождаемы въ кассу вмѣстѣ съ отношеніями, при которыхъ препровождаются деньги; при чемъ въ порядкѣ оправданія документами надлежитъ руководствоваться существующими на этотъ предметъ табелями по каждому министерству и главному управленію, за исключеніемъ случайныхъ доходовъ, могущихъ возникнуть изъ источниковъ тѣхъ мѣстностей, которыя будутъ заняты войсками. Размѣры сихъ послѣднихъ доходовъ зависятъ, во время періода военныхъ дѣйствій, отъ усмотрѣнія командующаго войсками, и поэтому предписанія его служатъ на данный случай документами

§ 44) *По расходамъ.* Объ удовлетвореніи требованій, поступившихъ къ распорядителямъ, послѣдніе даютъ предписанія кассѣ, оставляя у себя всѣ документы, долженствующіе служить оправданіемъ произведенныхъ расходовъ. По каждому удовлетворенному расходу распорядители получаютъ увѣдомленія отъ кассы. За симъ распорядители ведутъ по каждому смѣтному подраздѣленію, изъ котораго отпущены казначействомъ министерства финансовъ денежныя суммы, авансовые счеты. Расходъ по авансовому счету долженъ быть оправданъ: а) въ кассовомъ отношеніи—приложеніемъ копіи предписанія, даннаго кассѣ, состоящей при главной квартирѣ, и подлиннымъ увѣдомленіемъ кассы о каждомъ произведенномъ расходѣ; б) по существу расходовъ—документами, указанными въ общихъ и частныхъ правилахъ о назначеніи денежныхъ выдачъ, за исключеніемъ справочныхъ цѣнъ, которыя могутъ быть замѣнены цѣнами утвержденными.

Примѣчаніе. Вѣдомости о числѣ людей и лошадей въ дѣйствующихъ войскахъ свидѣтельствуются, для приложенія документами къ отчетности, отряднымъ штабомъ.

§ 45) Командиры частей дѣйствующихъ противъ Хивы войскъ обязаны: всѣ тѣ документы, которые представляются на ревизію послѣ производства уже расходовъ и по удовлетвореніи кредиторовъ казны, какъ-то: отчетные листы по фуражному и приварочному довольствіямъ, требовательныя вѣдомости по выдачѣ жалованья, столовыхъ, раціоновъ и проч., возвращать, по очисткѣ сихъ документовъ росписками кредиторовъ и вообще послѣ производства расходовъ, мѣстамъ и лицамъ, по предписаніямъ которыхъ отпущены деньги. Всякое промедленіе въ возвращеніи сихъ докумен-

товъ остается на отвѣтственности командировъ частей. Документы сіи прилагаются распорядителями къ авансовымъ счетамъ, въ оправданіе по существу произведенныхъ расходовъ.

§ 46) Распорядители принимаютъ всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы документы, слѣдующіе къ оправданію расходовъ по существу, были представлены имъ отчетными лицами безъ малѣйшаго промедленія; контроль будетъ обращаться съ требованіями сихъ документовъ исключительно къ распорядителямъ.

§ 47) По израсходованіи авансовъ, полученныхъ изъ казначействъ министерства финансовъ, распорядители доставляютъ въ сіи казначейства авансовые счеты, оправданные документами въ кассовомъ отношеніи и по существу; порядокъ представленія счетовъ въ казначейства указанъ въ § 36 сей инструкціи.

Объ авансахъ.

§ 48) Изъ средствъ кассы, состоящей при главной квартирѣ дѣйствующихъ противъ Хивы войскъ, независимо прямыхъ расходовъ, могутъ быть производимы авансы на удовлетвореніе такихъ потребностей, которыя въ выполненіи расходовъ не терпятъ отлагательства.

§ 49) Размѣры авансовъ не должны выходить изъ предѣловъ, указанныхъ въ 137—140 ст. правилъ о поступленіи государственныхъ доходовъ и о производствѣ расходовъ, но если военныя обстоятельства потребуютъ увеличенія размѣровъ операціонныхъ авансовъ, то увеличеніе таковое послѣдуетъ на каждый данный случай по особому предписанію командующаго войсками, дѣйствующими противъ Хивы.

§ 50) Мѣста и лица, получившія авансы изъ кассы, состоящей при главной квартирѣ, по израсходованіи авансовъ, обязаны представить счеты немедленно, вмѣстѣ съ остаточными деньгами, если таковыя будутъ, въ эту кассу, которая о времени представленія счета отмѣчаетъ по своей бухгалтерской книгѣ и затѣмъ передаетъ счетъ распорядителю, по предписанію котораго отпущенъ авансъ.

§ 51) Касса *обязана* не удовлетворять предписанія по выдачѣ втораго аванса одному и тому же лицу, изъ средствъ одного и того-же смѣтнаго параграфа, если отчетное лицо не представило счета въ израсходованіи перваго аванса. О причинѣ, препятствующей исполнить предписаніе, касса немедленно увѣдомляетъ распорядителя, давшаго предписаніе.

§ 52) Если военныя обстоятельства вызовутъ существенную необходимость въ выдачѣ вторыхъ операціонныхъ авансовъ ранѣе представленія счетовъ въ израсходованіи первыхъ, то каждый данный случай будетъ разрѣшенъ особымъ предписаніемъ командующаго войсками, дѣйствующими противъ Хивы, но за симъ воспрещается входить съ представленіями къ командующему войсками объ отпускѣ третьихъ авансовъ ранѣе представленія счетовъ въ израсходованіи первыхъ.

Объ удержаніяхъ изъ суммъ, причитающихся къ отпуску.

§ 53) При ассигнованіи денежныхъ суммъ изъ кассы, состоящей при главной квартирѣ дѣйствующихъ противъ Хивы войскъ, могутъ быть двоякаго рода удержанія: а) въ пользу частныхъ лицъ, б) въ доходъ казны и спеціальныхъ капиталовъ.

§ 54) Означенныя въ предписаніяхъ кассѣ удержанія въ пользу частныхъ лицъ выдаются симъ послѣднимъ на общемъ основаніи, съ выпискою въ расходъ по кассовой книгѣ выдаваемой суммы особою статьею.

§ 55) Удержанія, слѣдующія въ доходъ казны и спеціальныхъ капиталовъ, вовсе не выписываются въ расходъ по кассовой книгѣ; но затѣмъ въ предписаніяхъ кассѣ должны быть обозначаемы удержанія, съ указаніемъ—на какой предметъ и съ кого именно они производятся. Всѣ таковыя удержанія касса показываетъ, для видимости, въ бухгалтерской книгѣ своей, какъ указано въ формѣ этой книги.

§ 56) При представленіи авансовыхъ счетовъ въ казначейства министерства финансовъ и непремѣнно до истеченія смѣтнаго періода, распорядители, по предписаніямъ которыхъ произведены удержанія въ доходъ казны или въ пользу спеціальныхъ капиталовъ, обязаны войти, чрезъ посредство военно-окружныхъ и военно-народныхъ управленій, въ соглашеніе съ контрольною и казенною палатами о выпискѣ въ расходъ, по счетамъ казначействъ министерства финансовъ, удержанныхъ суммъ изъ соотвѣтствующихъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ источниковъ, для обращенія тѣхъ суммъ въ доходъ казны или въ спеціальные источники.

О курсѣ на монету.

§ 57) Финансовыя и экономическія условія Хивинскаго ханства могутъ вызвать необходимость установить курсъ на мѣстную монету и, быть можетъ, въ сравненіи съ оною, повысить курсъ на нашу золотую и серебряную монету. Въ таковой необходимости курсъ на монету, какъ по отношенію къ казнѣ, такъ и въ частномъ обращеніи, въ предѣлахъ ханства, будетъ установленъ особымъ распоряженіемъ командующаго войсками, дѣйствующими противъ Хивы.

§ 58) Если обстоятельства, которыхъ предвидѣть невозможно, укажутъ на необходимость повысить курсъ нашей монеты, то командующій войсками даетъ предписаніе кассѣ записать на приходъ разность между номинальною и курсовою цѣнностью со всей той суммы монеты, которая будетъ находиться ко дню предписанія въ кассѣ, и затѣмъ вновь поступающая монета, какъ равно и расходуемая кассою, должна быть записываема въ приходъ и расходъ по курсу, который будетъ объявленъ обязательнымъ для кредиторовъ казны и въ частномъ, въ предѣлахъ ханства, обращеніи.

§ 59) Туземная монета должна быть представляема въ кассу и получаема изъ оной по обязательному курсу.

§ 60) Представляющіе въ кассу металлическія деньги, а также получающіе деньги эти изъ кассы, обязаны свидѣтельствовать въ книгѣ кассы своею подписью количество предсѣавленной или полученной монеты, обозначая дѣленія ея по тѣмъ видамъ, по которымъ будетъ установленъ курсъ; правило это соблюдается относительно нашей монеты и въ томъ случаѣ, когда курсъ ея повышенъ не будетъ.

V. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго военнаго округа, отъ 27-го февраля 1873 года, за № 53.

Въ виду явно враждебныхъ къ намъ отношеній Хивы въ послѣднее время и для наказанія этого ханства, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: предпринять противъ него рѣшительныя дѣйствія съ наступленіемъ весны сего года и произвести для сего движеніе къ Хивѣ съ двухъ сторонъ: съ востока—войсками ввѣреннаго мнѣ округа, съ запада—соединеннымъ отрядомъ изъ войскъ кавказскаго и оренбургскаго округовъ. По соединеніи этихъ двухъ главныхъ частей въ предѣлахъ Хивинскаго ханства, или по открытіи между ними сообщеній, всѣ войска дѣйствующія въ Хивѣ поступаютъ въ мое распоряженіе.

Въ составъ отряда, который произведетъ движеніе къ Хивѣ со стороны Высочайше ввѣреннаго мнѣ Туркестанскаго края, я назначаю:

Пѣхота.

6 ротъ стрѣлковыхъ—по двѣ роты отъ 1-го, 2-го и 3-го туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ.

4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ.
3 роты 2-го туркестанскаго линейнаго баталіона.
2 роты 4-го туркестанскаго линейнаго баталіона.
8-й туркестанскій линейный баталіонъ.
Туркестанская саперная рота.

Артиллерія.

Взводъ 1-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады.
Дивизіонъ 2-й батареи.
Батарея № 1 конно-артиллерійской бригады оренбургскаго казачьяго войска.
Горный дивизіонъ.

Кавалерія.

7 казачьихъ сотенъ, въ этомъ числѣ сборная: 2 уральскія, 1 семирѣченская и 3 оренбургскихъ.

Ракетная батарея.

Поименованныя части составятъ одинъ общій *туркестанскій* отрядъ. Въ началѣ же движенія, до общаго соединенія ихъ въ Буканскихъ горахъ, части туркестанскаго отряда будутъ двигаться, по даннымъ маршрутамъ, двумя колоннами: джизакскою и казалинскою.

Въ составъ первой войдутъ:
6 ротъ—по двѣ отъ 1-го, 2-го и 3-го стрѣлковыхъ баталіоновъ.
3 роты 2-го туркестанскаго линейнаго баталіона.
2 роты 4-го туркестанскаго линейнаго баталіона.
Туркестанская саперная рота.
Взводъ 1-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады.
Дивизіонъ 2-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады.
Батарея конно-артиллерійской бригады оренбургскаго казачьяго войска.
5½ казачьихъ сотенъ, и
Ракетный дивизіонъ.

Въ составъ казалинской колонны войдутъ:
4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ.
8-й туркестанскій линейный баталіонъ.
Горный дивизіонъ.
1½ казачьихъ сотни, и
Ракетный дивизіонъ.

Числительный составъ въ ротахъ пѣхоты, какъ въ стрѣлковыхъ, такъ и въ линейныхъ, кромѣ саперной роты, долженъ быть взятъ въ походъ слѣдующій: 140 рядовыхъ, отъ 12—14 унтеръ-офицеровъ и 10 нестроевыхъ на роту (*). Саперная рота, въ составѣ 200 человѣкъ, съ унтеръ-офицерами.

При туркестанскомъ отрядѣ изволятъ слѣдовать въ походъ Ихъ Императорскія Высочества: Великій Князь Николай Константиновичъ и Князь Евгеній Максиміліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

Начальникомъ туркестанскаго отряда назначается командующій войсками Сыръ-дарьинской области, генералъ-маіоръ *Головачовъ*, которому предлагаю сформировать при себѣ, на время похода, отрядный штабъ.

Начальникомъ казалинской колонны, до соединенія ея въ Буканскихъ горахъ съ колонною джизакскою, я назначилъ

(*) По особымъ условіямъ, въ ротахъ 8-го туркестанскаго линейнаго баталіона мною приказано взять въ походъ по 128 рядовыхъ, при вышеказанномъ числѣ унтеръ-офицеровъ и нестроевыхъ. Всѣ нестроевые должны быть вооружены.

начальника Казалинскаго уѣзда, полковника *Голова*, и помощникомъ къ нему генеральнаго штаба подполковника барона *Каульбарса*.

Для управленія всѣми войсками, дѣйствующими противъ Хивы, мнѣ подчиненными, формируется полевой штабъ войскъ, дѣйствующихъ противъ Хивы.

Начальникомъ полеваго штаба назначается начальникъ окружнаго штаба, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ *Троцкій*, начальникомъ артиллеріи дѣйствующихъ войскъ—начальникъ артиллеріи округа генералъ-маіоръ *Жариновъ*, начальникомъ частей стрѣлковой бригады, участвующихъ въ походѣ—начальникъ туркестанской стрѣлковой бригады генералъ-маіоръ *Бардовскій*, начальникомъ инженеровъ—начальникъ инженеровъ округа полковникъ *Шлейферъ*, полевымъ интендантомъ — статскій совѣтникъ *Касьяновъ* и главнымъ отряднымъ врачемъ—статскій совѣтникъ *Суворовъ*.

Кромѣ сего, въ составъ главной квартиры моей, а также и полеваго походнаго штаба назначаются лица, поименованныя въ прилагаемомъ при семъ спискѣ.

Удаляясь за предѣлы Высочайше ввѣреннаго мнѣ округа, я оставляю временно-командующимъ войсками округа, старшаго по себѣ, командующаго войсками Семирѣченской области, генералъ-лейтенанта *Колпаковскаго*.

Временно-командующими войсками въ областяхъ назначаются: въ Сыръ-дарьинской — генералъ-маіоръ *Карташовъ*, въ Семирѣченской—генералъ-маіоръ *Михаловскій*.

Вмѣсто начальника окружнаго штаба, генералъ-маіора Троцкаго, исправленіе его должности возлагается на помощника его, генеральнаго штаба полковника *Мозеля*. Завѣдываніе дѣлами окружнаго артиллерійскаго управленія поручается командиру 1-й туркестанской артиллерійской бригады полковнику *Сильверствану*, съ правами бывше-предоставленными ему приказомъ моимъ 1872 года за № 174. Вмѣсто и. д. начальника инженеровъ, полковника Шлейфера, вступить въ исправленіе его должности начальнику ташкентской инженерной дистанціи, полковнику *Мальфино*.

Объявляю все изложенное по войскамъ ввѣреннаго мнѣ округа, для свѣдѣнія и, до кого касается, исполненія.

Командующій войсками,
генералъ-адъютантъ *Фонъ-Кауфманъ 1-й*.

Къ приказу за № 53.

Списокъ

лицъ главной квартиры и полеваго штаба.

(27-го февраля 1873 года).

Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Николай Константиновичъ и Князь Евгеній Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

Адъютанты командующаго войсками, дѣйствующими противъ Хивы.

Маіоръ *Адеркасъ*.
Капитанъ *Фанъ-деръ-Флитъ*
Есаулъ *Колокольцовъ*.

Ординарцы.

Подполковникъ *Лишинъ*.
Войсковой старшина *фонъ-Бергъ*.
Флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, штабсъ-ротмистръ графъ *Бергъ*.

Начальники отдѣловъ.

Начальникъ полеваго походнаго штаба, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ *Троцкій.*

Начальникъ артиллеріи дѣйствующаго отряда, генералъ-маіоръ *Жариновъ.*

И. д. начальника инженеровъ дѣйствующаго отряда, полковникъ *Шлейферъ.*

Начальникъ туркестанской стрѣлковой бригады, генералъ-маіоръ *Бардовскій.*

Походный интендантъ, статскій совѣтникъ *Касьяновъ.*

Главный отрядный врачъ, статскій совѣтникъ *Суворовъ.*

Состоящіе въ распоряженіи командующаго войсками округа.

Генералъ-маіоръ *Пистолькорсъ.*

Полковникъ *Колокольцовъ.*

Состоящій при Его Императорскомъ Высочествѣ, Князѣ Евгеніѣ Максиміліановичѣ Романовскомъ, герцогѣ Лейхтенбергскомъ, числящійся для особыхъ порученій при командующемъ войсками округа, полковникъ *фонъ-Мейеръ.*

Состоящій при Его Императорскомъ Высочествѣ, Великомъ Князѣ Николаѣ Константиновичѣ, старшій адъютантъ штаба Туркестанскаго военнаго округа, генеральнаго штаба подполковникъ баронъ *Каульбарсъ.*

Подполковники: *Главацкій*, *Принцъ* и *Полтарацкій.*

Подполковникъ уральскаго казачьяго войска *Хорошхинъ.*

Генеральнаго штаба капитанъ *Костенко.*

Подполковникъ *Маевъ.*

Переводчикъ, коллежскій ассесоръ *Ибрагимовъ.*

Для занятій по дипломатической части.

Камергеръ Двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Струве.*

Для занятій по гражданской части.

Камеръ-юнкеръ Двора Его Императорскаго Величества, коллежскій совѣтникъ князь *Голицынъ.*

Камеръ-юнкеръ Двора Его Императорскаго Величества, титулярный совѣтникъ *Щербинскій.*

Титулярный совѣтникъ князь *Урусовъ.*

Полевой походный штабъ.

Старшій адъютантъ штаба, подполковникъ *Николаевъ*

Исправляющіе должность помощниковъ его, поручики туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ: 2-го — *Реслейнъ* и 3-го—*Эвертъ.*

Оберъ-аудиторъ, надворный совѣтникъ *Котюховъ.*

Переводчикъ, титулярный совѣтникъ *Кунъ.*

Для порученій: генеральнаго штаба полковники: *Разгоновъ* и *Корольковъ* и подполковники: баронъ *Аминовъ* и *Тихменевъ.*

Старшій врачъ 1-й туркестанской артиллерійской бригады, надворный совѣтникъ *Никитниковъ.*

Завѣдывающій транспортами главной квартиры, 1-го туркестанскаго линейнаго баталіона маіоръ *Травло.*

VI. О числѣ верблюдовъ и состояніи вьючныхъ транспортовъ въ частяхъ войскъ и въ различныхъ учрежденіяхъ джизакской колонны.

НАЗВАНІЕ ЭШЕЛОНОВЪ И ЧАСТЕЙ ИХЪ СОСТАВЛЯЮЩИХЪ.	Принято въ г. Ташкентѣ.	Изъ числа 1899 верб. принято на р. Клы отъ г. Андреева.	Выступило съ бивака при р. Клы.	Изъ общаго числа убыло.			Принято на дорогѣ и отъ другихъ частей.	Принято отъ киязыкумскихъ киргизъ.	Въ настоящее время на лицо.	Потребно.			ПРИМѢЧАНІЯ.
				Пало до прихода на Аякъ и Аристанъ-бель-кудукъ.	Отпущено въ уѣздъ за негодностію.	Передано въ другія части.				Для поднятія турсуковъ.	Для поднятія провіанта и прочихъ тяжестей.	Итого потребно.	
1-й эшелонъ.													
Туркестанская саперная рота	109	48	154 [1]	54	19	—	—	52	133	—	25	—	[1]) Въ этомъ числѣ недопоказано 3 верблюдовъ съ носилками, которые переданы въ 1-й дивизіонъ конной батареи.
Роты 1-го стрѣлковаго баталіона	72	62	134	41	20	—	—	21	94	—	40	—	
1-й дивизіонъ конной батареи	33	116	152	29	23	—	—	—	100	—	50	—	
1-я уральская сотня	20	126	146	37	37	—	—	67	139	—	54	—	
Ракетный дивизіонъ	10	47	57	14	5	—	—	29	67	—	—	—	
$^1/_2$-сотни 3-й уральской сотни	10	75	85	11	12	—	—	21	83	—	7	—	
Итого	254	474	728	186	116	—	—	190	616	50	176	226	
2-й эшелонъ.													
2 роты 3-го стрѣлковаго баталіона	74	74	146 [2]	45	20	—	3	54	138	—	23	—	[2]) Въ этой цифрѣ не показано 2 верблюд., павшихъ до выступленія съ Клы.
2-й дивизіонъ конной батареи	44	92	136	21	24	3	—	41	129 [3]	—	24	—	[3]) Въ этомъ числѣ имѣются 4 негодныхъ.
Главная квартира	102	92	194	82	—	—	5	53	170	—	184	—	
Топографическій отдѣлъ	20	6	26	3	—	—	—	—	23	—	48	—	
Сборная сотня	21	149	170	33	27	3	—	49	156	—	49	—	
Итого	261	413	672	184	71	6	8	197	616	38	328	366	

НАЗВАНІЕ ЭШЕЛОНОВЪ И ЧАСТЕЙ ИХЪ СОСТАВЛЯЮЩИХЪ.	Принято въ г. Ташкентѣ.	Изъ числа 1899 верб принято на р. Клы отъ г. Андреева.	Выступило съ бивака при р. Клы.	Изъ общаго числа убыло.			Принято на дорогѣ и отъ другихъ частей.	Принято отъ киргизъ-кыкумскихъ киргизъ.	Въ настоящее время на лицо.	Потребно.			ПРИМѢЧАНІЯ.
				Пало до прихода на Аякъ и Аристанъ-бель-кудукъ.	Отпущено въ уѣздъ за негодностію.	Передано въ другія части.				Для поднятія турсуковъ.	Для поднятія провіанта и прочихъ тяжестей.	Итого потребно.	
3-й эшелонъ.													
1-й туркестанскій линейный баталіонъ (съ довольствіемъ для 17-й оренб. сотни).	73	158	237 [1]	77	23	43	16	55	159	—	29	—	[1]) Въ этомъ числѣ показано 6 съ носилками.
Взводъ 1-й батареи	36	42	78	24	8	—	—	11	57	—	31	—	[2]) Одинъ палъ до Клы.
12-я оренбургская сотня . . .	20	101	120 [2]	31	21	9	—	—	59	—	46	—	[3]) 34 недопоказано потому, что пали до выступленія съ Клы.
Артиллерійскій паркъ . . .	378	130	174 [3]	150	41	27	10	199	465	—	28	—	[4]) Одинъ палъ до выступленія съ Клы.
Итого . .	502	431	909	282	93	79	26	265	746	43	134	177	[5]) Изъ этого числа передано 4 съ носилками въ 4-й эшелонъ.
4-й эшелонъ.													[6]) Въ числѣ ихъ полковникъ Веймарнъ показывалъ 46 негодныхъ.
Роты 2-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона	73	75	147 [4]	41	8	4	5	50	149	—	12	—	[7]) Одинъ палъ до выступленія съ Клы.
3 роты 2-го линейнаго баталіона .	—	176	176	31	3	6	—	24	160	—	96	—	[8]) Изъ этой цифры слѣдуетъ при счетѣ общаго итога исключить 1899, прибывшихъ съ интендантскимъ транспортомъ, такъ какъ изъ этихъ верблюдовъ было выдано въ части 1823, которыя и показаны во 2-й графѣ.
2-й дивизіонъ 2-й батареи . . .	—	99	99	12	6	5	—	14	90	—	10	—	[9]) Между цифрами верблюдовъ принятыми въ Ташкентѣ и на Клы и цифрою выступившихъ съ Клы имѣется разница на 39 верблюдовъ, которые пали до выступленія съ Клы и показаны въ примѣчаніяхъ.
Походный лазаретъ	171	13	173 [5]	48	9	11 съ носил.	—	50	155	—	37	—	
1/2-сотни 3-й уральской сотни . .	10	73	83	19	2	10	—	7	59	—	27	—	
Итого . .	254	436	678	151	28	36	5	145	613 [6]	52	181	233	
Отрядный штабъ	34	60	93 [7]	32	25	6	17	31	78	6	50	56	
У интендантскаго чиновника Андреева .	1899	9	9	—	—	—	—	—	9	—	—	—	
Всего . . .	3204 [8]	1823 [9]	3089 [9]	835	333	127	56	828	2678	189	869	1058	

VII. Списокъ русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы 22-го марта 1873 года.

1) Оренбургскій мѣщанинъ, Иванъ Осиповъ *Бурнашовъ*.

2) Крестьянинъ Пензенской губерніи, Саранскаго уѣзда, Ремезенской волости, села Ишаки, Павелъ Николаевъ *Зотовъ*.

3) Казакъ оренбургскаго войска, 2-го отдѣла, станицы Магнитной, Василій Федоровъ *Штиновъ*.

4) Урядникъ оренбургскаго войска, 1-го отдѣла, Оренбургской станицы, Бердскаго поселка, Романъ Андреевъ *Сухоруковъ*.

5) Казакъ оренбургскаго войска, 2-го отдѣла, Магнитной станицы, Василій Федотовъ *Воротинцевъ*.

6) Казакъ уральскаго войска, Тополинской крѣпости, Касьянъ Самойловъ *Долбленовъ*.

7) Казакъ уральскаго войска, города Гурьева, Данило Петровъ *Гузиковъ*.

8) Рядовой оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона, уроженецъ Казанской губерніи и уѣзда, Аиштбасской деревни, Сигабатулла *Насейбулинъ*.

9) Казакъ уральскаго войска, житель города Уральска, Иванъ Михайловъ *Солодовниковъ*.

10) Казакъ уральскаго войска, Яманхалинскаго форпоста, Алимпій Акинфовъ *Поповъ*.

11) Казакъ уральскаго войска, Бударина форпоста, Фаддей Пахомовъ *Дурмановъ*.

12) Мѣщанинъ Пензенской губерніи, города Минзара, Сергѣй Артемьевъ *Пителинъ*.

13) Казакъ уральскаго войска, Александровскаго форта, Василій Филипповъ *Сухоруковъ*.

14) Мѣщанинъ Симбирской губерніи, Корсунскаго уѣзда, уничтоженнаго города Катякова, Трофимъ Ивановъ *Каширинъ*.

15) Мѣщанинъ города Астрахани, Никита Филимоновъ *Бочкаревъ*.

16) Мѣщанинъ города Астрахани, Ефремъ Ильинъ *Корюкинъ*.

17) Крестьянинъ Саратовской губерніи, Аткарскаго уѣзда, деревни Большой-Князевки, Илья Макаровъ *Володинъ*.

18) Казакъ уральскаго войска, Александровскаго форта, Илья Ивановъ *Яськовъ*.

19) Казакъ оренбургскаго войска, 2-го отдѣла, города Верхнеуральска, Сергѣй Ивановъ *Черныхъ*.

20) Крестьянинъ Тамбовской губерніи, города Елатьмы, волости Полушевой-починки, Клементій Гавриловъ *Агафоновъ*.

21) Крестьянинъ Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, деревни Колесницы, Яковъ Егоровъ *Рѣшетовъ*.

VIII. Числительный составъ войскъ, расположенныхъ по Сыръ-дарьѣ, отъ Казалинска до Джулека.

(Къ 1 марта 1873 года).

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Чиновниковъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.		Деньщиковъ.	Врачей.	Фельдшеровъ.	Артиллерійскихъ чиновниковъ.	Священниковъ.
						Строевыхъ.	Нестроевыхъ.					
Пѣхота.												
8 линейный баталіонъ. .	1	19	—	90	31	787	51	19	1	1	—	—
4 туркестанскій стрѣлковый баталіонъ. . . .	2	15	—	48	96	667	49	19	1	5(*)	—	—
Уѣздныя команды.												
а) казалинская	1	2	—	15	3	254	6	4	—	—	—	—
б) перовская	—	1	—	7	1	136	4	1	—	—	—	—
Крѣпостная артиллерія.												
Перовская (управленіе и р та).	2	1	—	6	1	82	13	4	—	—	1	—
Комендантскія управленія.												
Форта № 1 (Казалинскъ).	1	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Форта Перовскаго . . .	1	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Форта № 2	—	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Укрѣпленіе Джулекъ . .	—	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Джулекскій военный полугоспиталь	—	—	1	1	—	—	58	—	1	1	—	—
Полугоспиталь форта № 2.	—	1	1	—	—	—	10	—	1	—	—	—

(*) Въ томъ числѣ: 1 ротный и 1 ветеринарный.

IX. Квартирное росписаніе войскъ, расположенныхъ по Сыръ-дарьѣ, отъ Казалинска до Джулека.

(Къ 1 марта 1873 года).

Въ Казалинскѣ.

4-й стрѣлковый баталіонъ—4 роты.
8-й линейный баталіонъ—3-я, 4-я и стрѣлковая роты.
Уѣздная команда.
Горный дивизіонъ.
Команда крѣпостной артиллеріи—28 человѣкъ.
3 сотни оренбургскаго войска—№№ 1, 2 и 3.
Провіантскій магазинъ.
Артиллерійскіе и инженерные склады.
Госпиталь.

Въ фортѣ Перовскомъ.

8-й линейный баталіонъ—1-я и 2-я роты.
Уѣздная команда.
Крѣпостной штабъ 3-го класса (артиллерія).
Рота перовской крѣпостной артиллеріи (164 человѣка); отъ нея команды въ фортахъ 1 и 2 и въ укр. Джулекъ.
Одна сотня оренбургскаго войска—№ 5.
Полугоспиталь.
Артиллерійскіе и инженерные склады.

Въ укр. Джулекъ.

Крѣпостная артиллерійская команда—19 челов.
Одна сотня оренбургскаго войска—№ 6.
Одна рота пѣшаго оренбургскаго баталіона.
Лазаретъ.
Провіантскій магазинъ

Въ фортѣ № 2.

Команда крѣпостной артиллеріи—17 человѣкъ.
Одна сотня оренбургскихъ казаковъ—№ 4.
Лазаретъ.
Провіантскій магазинъ.

X. Лит. А. Таблица тяжестей при отрядѣ, выступившемъ изъ города Казалинска.

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Сухарей.		Крупы.		Консервовъ.	Муки.		Ячменя.		Кошмы по 2 арш. на человѣка.		Солдатскихъ вещей.	Экспедиціонныхъ предметовъ, кухонной посуды и проч.		Кибитокъ—по 12 на роту и по 1 для канцеляріи.	Патроновъ и снарядовъ.	Аптека	Тяжестей канцеляріи и денежныхъ ящиковъ.	Пульныхъ формъ и мастероваго инструмента.	Разныхъ тяжестей и бочекъ.		Чаю	Сахару	Спирту.	ИТОГО.		Верблюдовъ (считая по 12 пуд. на одного.
	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Пуд.	Ф.		Пуд.	Пуд.	Пуд.	Пуд.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Пуд.	Пуд.	Пуд	Ф.	
8-й туркестанскій линейный баталіонъ (3 роты)	1814	2	479	2	—	—	—	—	—	127	30	566	417	—	518	68	30	30	49	96	—	—	—	—	4200	34	350
4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ (4 роты)	2895	32	723	38	—	—	—	386	—	170	26	680	320	14	590	117	24	36	15	169	—	—	—	—	6127	30	511
Взводъ скорострѣльныхъ пушекъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	48	—	—	—	72	24	—	—	—	134	24	11
Взводъ крѣпостной артиллеріи	56	32	15	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	14	—	—	—	—	3	16	—	—	—	9	8	8
Горный дивизіонъ	202	14	53	17	—	—	—	—	—	14	10	—	—	—	56	—	—	—	—	11	16	—	—	—	337	17	28
1/2-сотня № 1 сотни оренбургскаго казачьяго войска и ракетный взводъ	284	16	71	4	—	—	—	1581	—	19	20	—	—	—	60	—	—	—	—	20	4	—	—	—	2036	4	170
№ 3 оренбургская казачья сотня	419	28	104	3	—	—	—	2371	—	28	30	—	12	—	96	—	—	—	—	20	3	—	—	—	3054	21	254
Походный лазаретъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	20	40	18	—	42	—	—	—	—	547	24	—	—	—	658	4	55
Интендантскіе запасы	1134	10	1621	—	336	4908	10	4375	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	547	35	160	200	289	13571	35	1131
Понтоны и 14 Нортоновыхъ колодцевъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	780	—	—	—	—	780	—	65
Инженерный инструментъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	144	—	—	—	—	144	—	12
Артиллерійскій паркъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1800	—	—	—	—	1800	—	150
Итого.	6807	14	3067	25	336	4908	10	8713	20	375	16	1286	767	14	1390	233	60	66	64	4214	39	160	200	289	32938	17	2744

Примѣчанія къ таблицѣ подъ лит. А.

Сверхъ 2744 верблюдовъ, указанныхъ въ послѣдней графѣ этой таблицы, выступило изъ Казалинска верблюдовъ:

а) при транспортѣ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ	35.
б) подъ 8-ю кибитками, нанятыми д—ромъ Гриммомъ для больныхъ (по 2 въ каждый изъ 4-хъ эшелоновъ)	8.
в) подъ тяжестями Его Императорскаго Высочества (со свитою)	25.
г) при штабѣ начальника отряда . . .	8.
д) у 6 штабъ-офицеровъ, завѣдывающихъ частями, 2-хъ штабъ-и 44-хъ оберъ-офицеровъ и чиновниковъ.	36.
Итого . .	112.
А всего . .	2856.
Изъ числа 2856 верблюдовъ Перовскому уѣзду принадлежатъ	721.

При верблюдахъ состояло:

Верблюдовожатыхъ (лаучей)	) Казалинскаго уѣзда.	305.
	) Перовскаго — .	103.
Юзъ-башей	) Казалинскаго уѣзда . . .	4.
	) Перовскаго — . . .	4.
Караванъ-башей	) Казалинскаго уѣзда . .	1.
	) Перовскаго — . .	1.

XI. Лит. Б. Таблица тяжестей колонны, выступившей изъ форта Перовскаго.

	Число верблюдовъ.
1) Боевые комплектные патроны—12.000 штукъ (*)	3.
2) Для двухъ ротъ 24 кибитки . .	24.
3) Кошмы по числу 350 челов. (700 арш., по 5 фунт. каждый=87½ пуд.). . .	7¼.
4) Подъ артиллерійскій паркъ (76.800 патроновъ, 96.000 капсюлей и 80 ракетъ) .	18½.
5) Экспедиціонныя вещи на 3½ мѣсяца, по 31 пуд. въ мѣсяцъ на роту (217 пуд.) .	18.
6) Кухонная посуда, по 30 пуд. на роту (60 пуд.).	5.
7) Солдатскія вещи, по числу 350 челов., по 1 пуд. на человѣка (350 пуд.) . .	28¼.
8) Подъ транспортъ продовольственныхъ припасовъ 3309 пуд.	276.
Всего .	380.
При нихъ лаучей . .	54.
при нихъ караванъ-башей .	1.
при нихъ юзъ-башей . .	2.

(*) На людяхъ будетъ 18.000 патроновъ (а всего при колоннѣ 30.000 патроновъ).

XII. Росписаніе войскъ, выступившихъ въ походъ изъ г. Казалинска и форта Перовскаго.

1) *Изъ Казалинска.*

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Рот.	Сотен.	Орудій.	Ракетныхъ станковъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.				Лошадей		Врачей.	Фельдшеровъ.	Чиновниковъ.
							Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ и деньщик.	Строевыхъ.	Подъемныхъ.			
8-й туркестанскій линейный баталіонъ: 3-я, 4-я и стрѣлковая роты	3	—	—	—	1	13	39	27	376	42	—	—	1	1	—
4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ	4	—	—	—	2	15	58	16	560	39	—	—	1	3	1
Оренбургскаго казачьяго войска: сотня № 3	—	1	—	—	—	2	8	2	103	—	115	11	—	—	—
½ сотня № 1	—	½	—	—	—	1	3	2	69	—	75	4	—	—	—
Ракетный взводъ	—	—	—	2	—	1	2	—	20	—	23	2	—	—	—
Горный дивизіонъ	—	—	4	—	—	2	6	—	49	—	19	—	—	—	—
Взводъ скорострѣльныхъ пушекъ	—	—	2	—	—	1	—	—	10	1	8	—	—	—	—
Команда крѣпостной артиллеріи форта № 1.	—	—	2	—	—	1	2	—	14	—	—	—	—	—	—
Команда Аральской флотиліи	—	—	—	—	—	—	1	—	7	2	—	—	—	—	—
Артиллерійскій паркъ	—	—	—	—	—	—	1	—	5	—	—	—	—	—	—
Походный лазаретъ.	—	—	—	—	—	1	3	—	—	32	—	—	1	3	—
При Нортоновыхъ колодцахъ	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—
Итого.	7	1½	8	2	3	37	123	47	1215	117	233	17	3	7	1
Офицерскихъ лошадей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45	—	—	—	—
Штабъ казалинскаго отряда	—	—	—	—	2	3	—	—	—	2	7	—	—	—	2

Всего въ колоннѣ: людей—1562 и лошадей—302; кромѣ того, при колоннѣ состояло туземцевъ — 458 (въ томъ числѣ: джигитовъ около 40 и при верблюдахъ 418) и при нихъ лошадей около 60.

Кромѣ того, при казалинскомъ отрядѣ слѣдовали:

Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Константиновичъ.

Свита Его Высочества: одинъ врачъ и два человѣка вольнонаемной прислуги.

Полевой интендантъ съ двумя чиновниками интендантскаго вѣдомства.

Транспортъ «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ» и при немъ два врача, одинъ унтеръ-офицеръ и четыре фельдшера.

Назначенный въ распоряженіе туркестанскаго генералъ-губернатора, для ученыхъ изслѣдованій, полковникъ Романовъ и при немъ деньщикъ.

Профессоръ М. Н. Богдановъ и нѣсколько другихъ частныхъ лицъ.

При всѣхъ этихъ лицахъ было до 20 верховыхъ лошадей.

Всего изъ Казалинска выступило: людей — около 2040, лошадей — около 382 и верблюдовъ — 2856.

2) *Изъ Форта Перовскаго.*

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Рот.	Станковъ.	Оберъ-офицеровъ.	Врачей.	Фельдшеровъ.	Нижнихъ чиновъ.				Лошадей.	
						Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Строевыхъ.	Подъемныхъ.
8-го туркестанскаго линейнаго баталіона 1-я и 2-я роты. .	2	—	5	1	2	26	10	256	8	—	—
Ракетный взводъ . ..	—	2	1	—	—	2	—	20	—	23	3
Итого. . .	2	2	6	1	2	28	10	276	8	23	3
Офицерскихъ лошадей.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—

Всего въ колоннѣ: людей — 331, лошадей — 33 и верблюдовъ — 380.

Кромѣ того, при колоннѣ состояло туземцевъ (джигитовъ — 30 и при верблюдахъ — 57) около 87; при нихъ лошадей около 40.

Всего въ казалинскомъ отрядѣ, по соединеніи на Иркибаѣ, воинскихъ чиновъ около 1913, лошадей — 355.

Кромѣ того, при отрядѣ состояло туземцевъ (джигитовъ и при верблюдахъ) — 546 и при нихъ лошадей — 100.

А всего: людей — 2456, лошадей — 455 и верблюдовъ — 3236.

Изъ этого видно, что на 5,35 русскихъ людей приходилось въ отрядѣ по одной лошади (1) и на каждаго русскаго по 0,34 туземца и по 1,7 верблюда.

XIII. Составъ гарнизона Благовѣщенскаго укрѣпленія за мартъ мѣсяцъ 1873 года.

8-го туркестанскаго линейнаго баталіона: 2-я и 4-я роты.

Крѣпостной артиллеріи форта № 1 команда и при ней два $\frac{1}{4}$-пуд. единорога.

№ 3 сотня оренбургскаго казачьяго войска.

Джигиты и лаучи изъ туземцевъ.

	Состояло. По списку.	Состояло. На лицо.
Оберъ-офицеровъ . . .	16.	9.
Унтеръ-офицеровъ . . .	46.	31.
Музыкантовъ	16.	11.
Рядовыхъ	568.	323.
Деньщиковъ	5.	1.
Орудій	2.	2.
Лошадей:		
а) строевыхъ . . .	149.	83.
б) вьючныхъ . . .	25.	19.

(1) Не считая лошадей подъ туземцами.